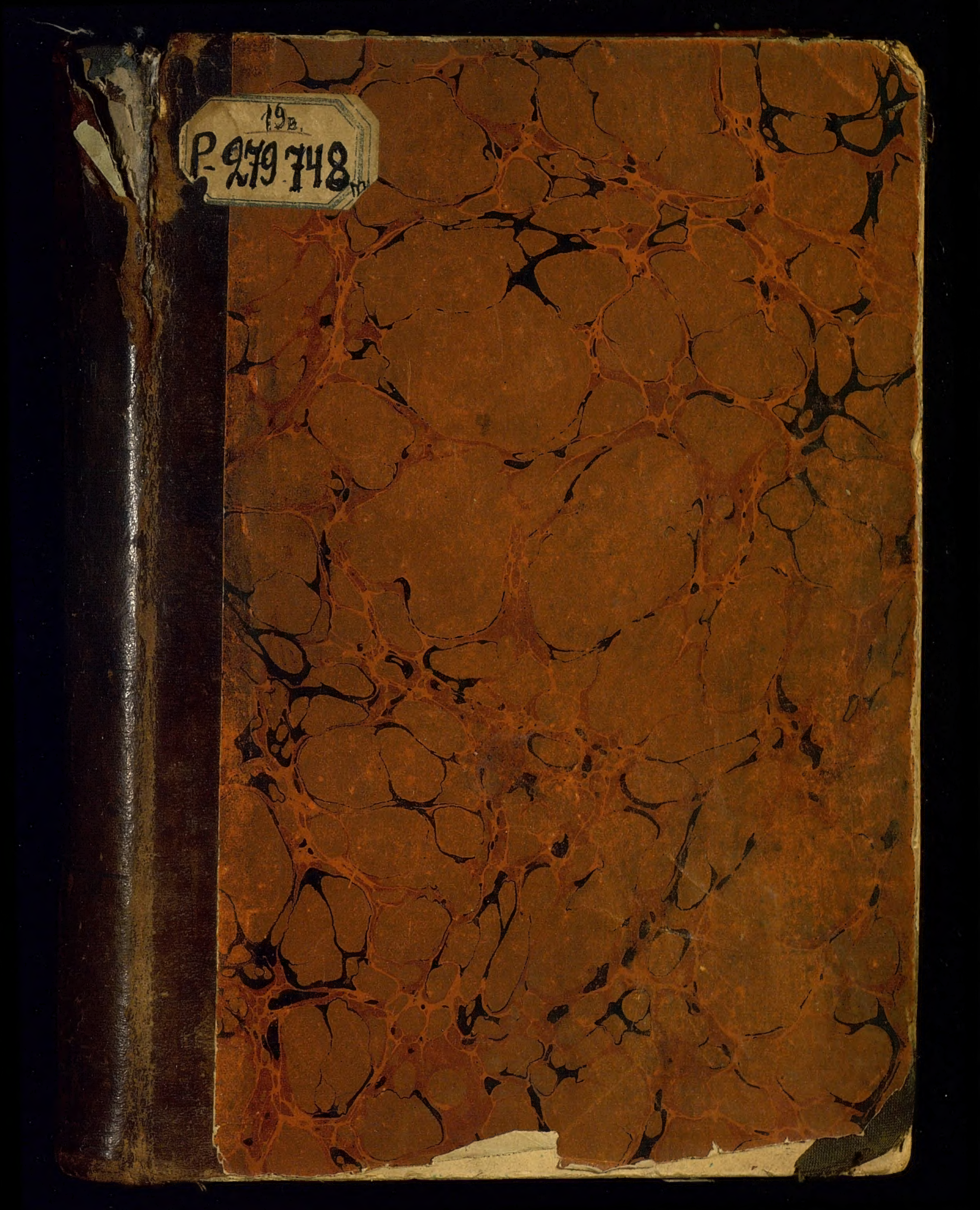
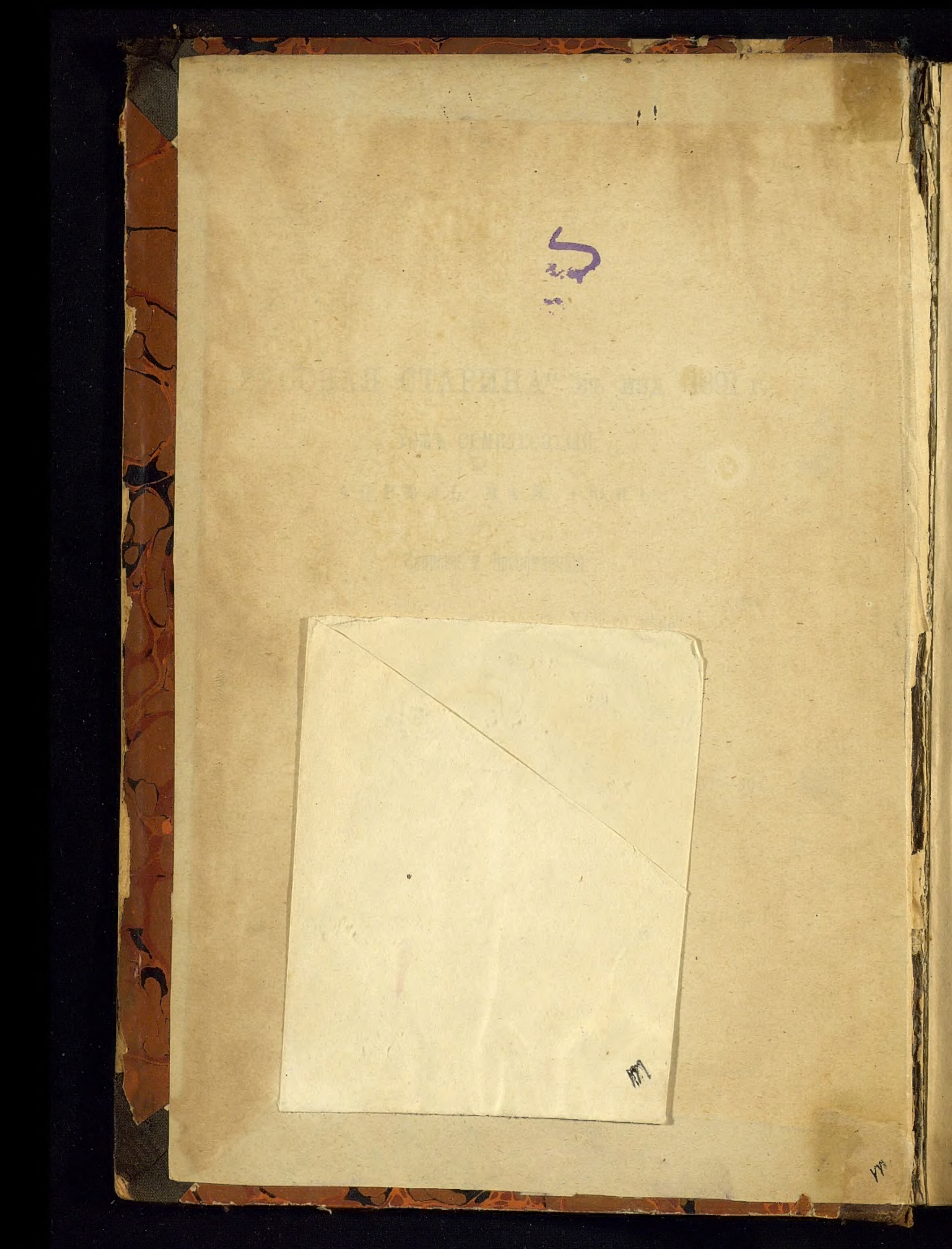

19в.
Р-279748

ПОСВЯЩЕННОЕ

ВСѢМЪ РУССКИМЪ.

ИЗДАТЕЛЕМЪ

Ѳ. ЭЛЬСНЕРОМЪ.

КАРЛЪ XII.

Къ стран. 388.

ИСТОРІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

СОЧИНЕНІЕ

Н. П. ЛАМБИНА,

**СЪ 600 ОРИГИНАЛЬНЫМИ РИСУНКАМИ,
ПОРТРЕТАМИ И УКРАШЕНІЯМИ**

Д. ЯНЦЕНА.

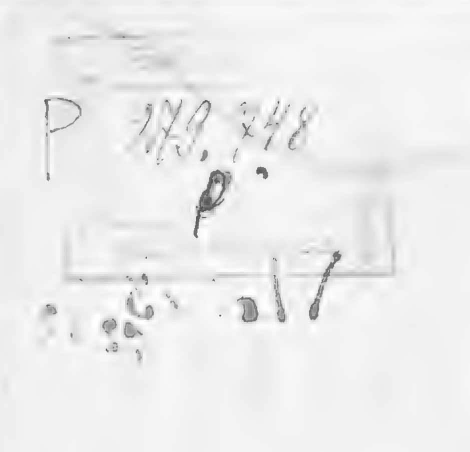
ПОСВЯЩЕННОЕ ВСѢМЪ РУССКИМЪ

ИЗДАТЕЛЕМЪ

Ѳ. Ж. Эльснеромъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ типографіи Карла Крайя.
1843.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 2 Іюля 1843.

Ценсоръ С. Куторга.

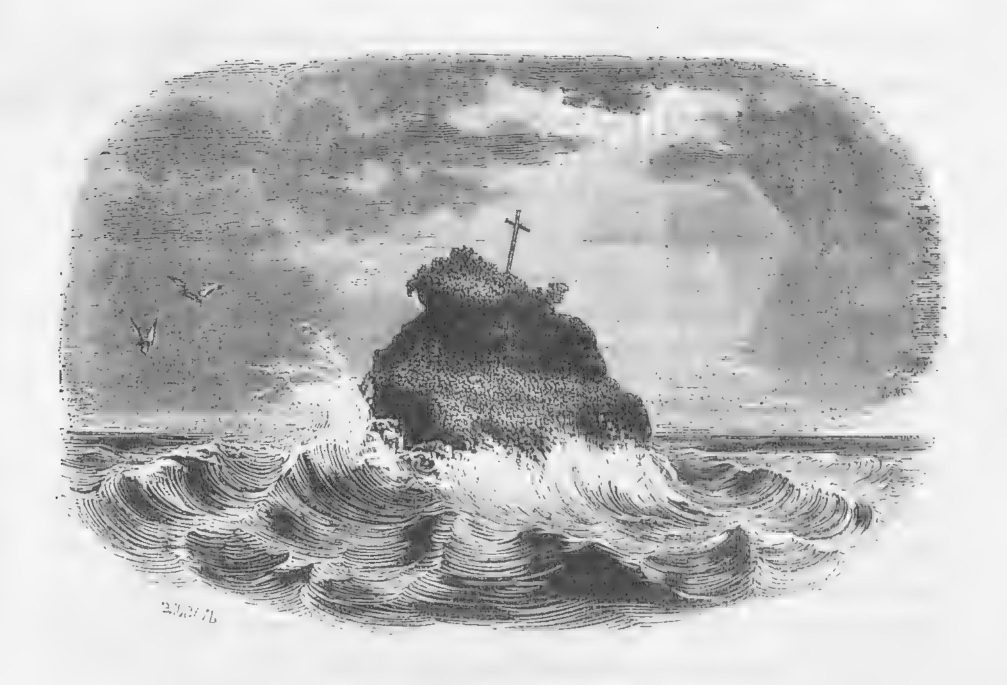
ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Представляя на судъ просвѣщенной Русской публики Исторію Петра Великаго, основателя нынѣшней славы и величія Россіи, украшенную множествомъ старательно рѣзанныхъ политипажей и доступную по цѣнѣ большей части читателей, издатель исполняетъ принятую имъ на себя, пріятную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и трудную, обязанность. Не жалѣя ни трудовъ, ни издержекъ, онъ не только выполнилъ все обѣщанное, но желая сдѣлать эту книгу вполнѣ достойной того участія и одобренія, съ какими встрѣчены были первые ея выпуски, прибавилъ многое, о чемъ даже не было рѣчи ни въ програмѣ, ни въ объявленіяхъ. Цѣлію его былъ не мелкій разсчетъ, но искреннее желаніе принесть пользу; почему онъ и надѣется, что читатели отличатъ эту книгу отъ ничтожныхъ эфемерныхъ плодовъ спекуляціи на довѣрчивость публики. Излишне бы было говорить о потребности для Россіи подобной книги въ настоящее время. Всякій Русскій съ дѣтства любитъ и благоговѣетъ предъ памятью Великаго Петра; но не всякій вполнѣ и въ связи знаетъ его жизнь и исторію его царствованія, знаменитой эпохи великаго преобразованія нашего отечества. До сихъ поръ мы не имѣемъ еще ни одного удовлетворительнаго сочиненія объ этомъ предметѣ: то, что есть — или разбросано мелкими отрывками по разнымъ повременнымъ изданіямъ, изъ которыхъ многія въ настоящее время даже трудно и отыскать, или слишкомъ многотомно, или, наконецъ, изложено такимъ языкомъ и такъ сухо, что не

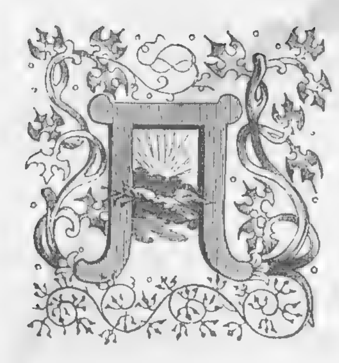
дастъ яснаго и вѣрнаго понятія о предметѣ, столь важномъ и драгоцѣнномъ. Предлагаемая исторія представляетъ сжатый, но вѣрный очеркъ, какъ дѣяній, жизни и личнаго характера Петра, такъ и духа и главнѣйшихъ событій его времени. Авторъ старался быть краткимъ, точнымъ и яснымъ и, кажется, въ этомъ успѣлъ. Представляя главнѣйшіе факты и характеристическія черты вѣрно и отчетисто, онъ предварительно подвергалъ ихъ строгой повѣркѣ со всѣми существующими, какъ Русскими, такъ и иностранными источниками; но для избѣжанія пустаго многословія, — «*въ немъ же нѣтъ спасенія,*» — не вдавался ни въ разсужденія, ни въ мечтанія, оставляя и то и другое на долю читателей. Нѣтъ сомнѣнія, что эта книга подвергнется общей участи всего написаннаго и встрѣтитъ хулителей, или *по обязанности*, или по разнымъ отношеніямъ и побужденіямъ; — но Богъ съ ними! Хулить легче, чѣмъ дѣлать; притомъ же и она, по общему закону природы, не чужда, можетъ быть, нѣкоторыхъ промаховъ и, слѣдовательно, не совершенна, точно такъ же, какъ ни что не совершенно подъ луною. Во всякомъ случаѣ, если и половина Русскихъ, которымъ она посвящена и которые ее прочтутъ, скажетъ издателю радушное спасибо, за его желаніе доставить имъ пріятное и назидательное чтеніе, — онъ вполнѣ будетъ доволенъ и награжденъ за посильный свой трудъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Примѣчаніе. Каждый экземпляръ, правильно нущенный въ продажу самою редакціею, имѣетъ на заглавномъ листѣ печать издателя.

ВВЕДЕНІЕ.

Провидѣніе, руководствующее судьбою царствъ и народовъ, ниспосылаетъ, по временамъ, великихъ и мощныхъ двигателей человѣчества, уполномочивая ихъ дѣйствовать въ извѣстномъ духѣ, для достиженія опредѣленной цѣли. Такимъ образомъ Провидѣніе поручило Кекропсамъ, Ромуламъ и Рюрикамъ соединеніе раздробленныхъ младенчествующихъ племенъ въ гражданское общество, чтобъ сдружить буйную волю первобытнаго человѣка съ идеею власти и порядка; и то же благое Провидѣніе избрало

Кловисовъ, Эбертовъ и Владиміровъ для водворенія въ народахъ истинной Вѣры, а Ликурговъ, Солоновъ, Сервіевъ, Карловъ Великихъ для скрѣпленія законами государственнаго состава. Наконецъ, ведя человѣчество, различными путями, къ великой цѣли, Провидѣніе напутствовало Кировъ и Александровъ въ дальнихъ ихъ завоеваніяхъ, для посѣянія образованности въ странахъ варварскихъ, и вызвало на блистательное поприще восторженнаго пустынника, для привлеченія воинственныхъ народовъ на Востокъ, гдѣ хранился свѣтильникъ наукъ и новаго просвѣщенія.

При всей благости Провидѣнія къ роду человѣческому, великіе перевороты совершаются, вообще, медленно и требуютъ всегда силъ и средствъ чрезвычайныхъ. Нужны цѣлыя столѣтія, чтобъ дать высшее направленіе не только жизни всего человѣчества, но и жизни одного народа. Дѣло неслыханное въ преданіяхъ вѣковъ, чтобъ основный переворотъ въ судьбѣ многочисленнаго народа, въ странѣ необъятной—совершился въ краткій вѣкъ человѣка! Этому находимъ одинъ только примѣръ въ лѣтописяхъ міра.

И для этого единственнаго примѣра и чуднаго переворота Провидѣніе избрало Петра, генія-зиждителя, одареннаго и умомъ всеобъемлющимъ и почти сверхъ-естественною силою воли; а избравъ его для исполинскаго подвига, Провидѣніе укрѣпило его душу и озарило умъ тѣмъ животворящимъ духомъ, который въ началѣ мірозданія носился надъ бездною, когда по слову Творца Вселенныя:

«да бꙋдетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ.»

Петръ и Россія — это творецъ и его твореніе! Бытописаніе указуетъ на Петра, какъ на образецъ Царей, человѣчество гордится имъ, какъ лучшимъ своимъ украшеніемъ, а Россія.... Россія благоговѣетъ предъ Петромъ, какъ предъ святынею народною!

Приступая къ изложенію жизни и дѣлъ этого великаго мужа и Государя, необходимо бросить бѣглый взглядъ *) на время, ему

*) Русская Исторія Н. Устрялова.

предшествовавшее, и на то состояніе Россіи, въ которомъ засталъ ее мощный духъ ея преобразователя.

Въ половинѣ IX столѣтія соединеніе нѣсколькихъ племенъ Славянскихъ и Финскихъ, подъ верховною властію Князей Норманскихъ, положило начало гражданскому обществу, которое, отъ имени господствующаго поколѣнія Варяго-Руссовъ, получило названіе Руси и послужило основаніемъ обширнѣйшаго и сильнѣйшаго въ свѣтѣ государства Россійскаго. Рюрикъ (862—879), съ братьями своими, призванный княжить въ землѣ Славянской, утвердилъ власть своего рода въ Новгородѣ, Ладогѣ, Изборскѣ, на Бѣлоозерѣ, Полоцкѣ, Ростовѣ и Муромѣ. — Преемникъ его, воинственный Олегъ (879 — 912), распространилъ свое господство на югъ, до пороговъ Днѣпровскихъ, и, утвердивъ столицу въ Кіевѣ, смѣлымъ набѣгомъ привелъ въ трепетъ имперію Византійскую. Сынъ Рюриковъ, слабый Игорь (912 — 945), увлекаемый своею дружиною, дѣйствовалъ въ томъ же духѣ воинственныхъ Норманновъ. Супруга его, мудрая Ольга (945—955), учрежденіемъ внутренняго порядка въ новомъ государствѣ и смягченіемъ нравовъ полудикихъ племенъ, старалась упрочить господство, пріобрѣтенное оружіемъ, а принятіемъ Св. крещенія, въ Константинополѣ, указала своему народу путь ко спасенію и счастію. Сынъ Игоревъ, Святославъ (955—972), первообразъ Норманскаго витязя, достойный соперникъ императора Цимисхія, побѣдами своими упрочилъ власть Русскихъ Князей надъ сосѣдственными племенами и даже лишилъ ихъ надежды къ возвращенію прежней независимости. Владиміръ (980 — 1015), озаривъ Русскую землю свѣтомъ Вѣры Христіанской, соединилъ разноплеменныхъ ея обитателей, узами духовными, въ одинъ народъ, въ одно тѣло политическое и положилъ первую основу народности и единства Россіи. Наконецъ Ярославъ Великій (1019—1045), утвердивъ законами главныя отношенія гражданскія новаго общества, довершилъ начатое мечемъ Норманновъ основаніе Русскаго государства.

Такъ оружіе Норманновъ, Христіанская Вѣра и уставы Ярослава утвердили самобытность Россіи и рѣзко обозначили ея предѣлы на будущее время. Отъ озеръ Ладожскаго и Онежскаго до пороговъ

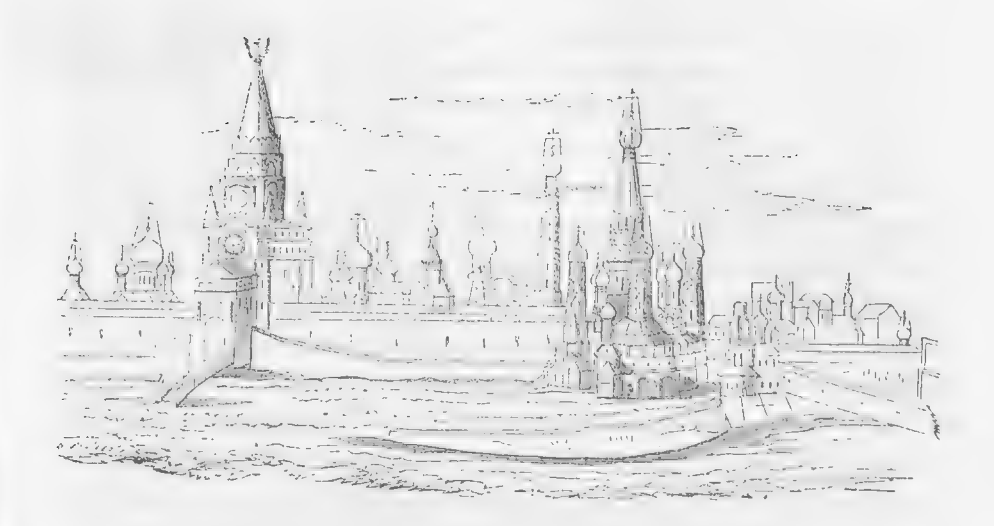
Днѣпровскихъ, отъ истоковъ Вислы, верховьевъ Нѣмана и Финскаго залива до устья Оки и верховьевъ Хопра—все было и осталось навсегда Русскимъ.

Но по смерти Ярослава насталъ новый порядокъ вещей, —началась борьба внутренняя между потомками Рюрика за верховное владычество надъ Русскою землею. Въ этой двухъ-вѣковой брани, среди бурнаго волненія, постоянно напрягавшаго нравственныя силы народа, постепенно сглаживались отличительныя черты разноплеменности предъ общимъ Русскимъ типомъ, зрѣли помыслы, долженствовавшіе служить основаніемъ лучшаго органическаго устройства и возникали стихіи Русской жизни, для бытія прочнаго и долговременнаго.

Все шло къ лучшему. Идея единодержавія ясно отражалась во всѣхъ браняхъ удѣльныхъ; но прежде нежели эта идея успѣла развиться и восторжествовать надъ удѣльнымъ разновластіемъ; прежде чѣмъ кончилась эта семейная распря потомковъ Рюрика, — несмѣтныя толпы варваровъ, изъ глубины Азіи, нахлынули на Русскую землю, покорили раздробленныя ея княжества и надолго остановили успѣхи Русской гражданственности.

Грубая кора Азіатскаго варварства отвсюду облекла свѣтлый бытъ Русскій, въ которомъ такъ ясно отражались уже всѣ стихіи Европейской жизни. Россія дремала, когда Европа быстро подвигалась впередъ на пути гражданской образованности. Даже свергнувъ съ себя Татарское иго, Россія не могла бы догнать Европу, на этомъ поприщѣ, если бъ мощная десница Петра не вдвинула нашего отечества въ рядъ Европейскихъ державъ.

Но и во тмѣ этой двухъ-вѣковой ночи тлѣлась искра надежды на отрадную будущность. Среди бѣдствій внутреннихъ и внѣшнихъ, угнетавшихъ истощенную и растерзанную Россію, мысль о единодержавіи, никогда неугасавшая совершенно, сдѣлалась основою политики Князей Московскихъ и якоремъ спасенія бѣдствующей отчизны.

Москва, будучи незначительнымъ городомъ, по стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, содѣлалась средоточіемъ, къ которому раздробленныя части Россіи начали приставать, скрѣпляясь между собою, и наконецъ образовали одно политическое тѣло. Іоаннъ Калита (1328—1340), Симеонъ Гордый (1340 — 1353) и Димитрій Донской (1362 — 1382) благоразумною политикой до того возвысили могущество Княжества Московскаго, что послѣдній изъ нихъ отважился уже измѣрить силу свою, въ открытой борьбѣ, съ Монголами. Побѣда Куликовская, хотя и не расторгла еще оковъ Россіи, но доказала, по крайней мѣрѣ, возможность сверженія ненавистнаго ига.

Чего Димитрій не могъ достигнуть оружіемъ, то пріобрѣлъ правнукъ его Іоаннъ III (1462—1505) умомъ и мудрою политикою. Уничтоживъ удѣлы, соединивъ подъ самодержавнымъ скипетромъ своимъ раздробленныя части Россіи и возстановивъ ея самобытность и свободу политическую, Іоаннъ явился неограниченнымъ обладателемъ государства сильнаго и обширнаго, обнимавшаго бо́льшую часть Руси Ярославовой.

Съ этого времени постоянною цѣлію политики Іоанна III и всѣхъ его преемниковъ, до конца XVII столѣтія, было: возстановленіе государственнаго устройства, на основаніи древнихъ уставовъ

и обычаевъ прародительскихъ; покореніе или отраженіе Татарскихъ Ордъ, гнѣздившихся на восточныхъ и южныхъ предѣлахъ Россіи; обратное завоеваніе земель западной Руси, отторгнутыхъ во время народныхъ бѣдствій враждебными сосѣдями, и сближеніе съ Европою, посредствомъ связей торговыхъ и политическихъ. Слѣдствіемъ такого стремленія Россія должна была вести безпрерывныя войны съ сосѣдями, въ которыхъ она постепенно раздвигала свои предѣлы. На востокѣ, въ войнахъ съ народами Татарскими, успѣхъ постоянно сопровождалъ ея оружіе. Казань и Астрахань пали предъ оружіемъ Іоанна IV, а Сибирь принесла ему въ даръ свои сокровища. Эта богатая страна, открытая Ермакомъ, была при Ѳеодорѣ и Борисѣ Годуновѣ покорена Русскому скипетру до береговъ Енисея. На западѣ княжества Северскія покорились Іоанну III, Смоленскъ сыну его Василію; и Орденъ Меченосцевъ, потрясенный Іоанномъ IV, кончилъ свое существованіе. Но тѣмъ опаснѣе явились на западѣ два другіе врага: Польша, въ соединеніи съ княжествомъ Литовскимъ, и Швеція. — Борьба съ ними была трудная и многолѣтняя.

Между тѣмъ, въ концѣ XVI столѣтія, со смертію Ѳеодора, Іоанновича, прекратилось владѣтельное поколѣніе Рюрика, болѣе семи вѣковъ господствовавшее въ Россіи. Это обстоятельство сдѣлалось источникомъ новыхъ бѣдствій для нашего отечества и едва не повергло его снова во власть иноплеменниковъ. Любовь народная къ древнему поколѣнію Царей, обманутая ложнымъ призракомъ, возвысила Самозванцевъ, а завистливая политика Польши подкрѣпляла ихъ, для потрясенія Русскаго могущества. Имя младенца, Царевича Димитрія, погибшаго въ Угличѣ, взволновало Россію и дважды сокрушало скипетръ ея вѣнценосцевъ. Ни Годуновъ, ни Шуйскій не могли устоять въ этой борьбѣ съ народнымъ ослѣпленіемъ.

Къ умноженію бѣдствій, Польша рѣшилась воспользоваться смутами и безначаліемъ Россіи для своихъ выгодъ и возстала на нее войною. Все казалось погибшимъ. Но духъ народный пробудился въ грозномъ величіи, и, вѣщая устами Гермогена и Минина, воздвигъ поборниковъ свободы. Врагъ изгнанъ, Россія спасена и народъ единодушно вручилъ судьбу свою Дому Романовыхъ, выборомъ Царя Михаила Ѳеодоровича, въ 1613 году.

Родоначальникомъ этой знаменитой Фамиліи почитается Захарій Ивановичъ. Объ немъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1433 годомъ, по случаю бракосочетанія Великаго Князя Василія Васильевича Темнаго, при Дворѣ котораго онъ занималъ почетную должность. Сынъ Захарія, Юрій, бояринъ при Дворѣ Іоанна III, бывшій воеводою во многихъ походахъ того времени и между прочимъ въ знаменитой битвѣ при Ведроши, въ 1500 году, былъ отецъ Романа Юрьевича Захарьина и дѣдъ Царицы Анастасіи Романовны, первой супруги Царя Іоанна Васильевича Грознаго. Братъ Анастасіи, Никита Романовичъ Юрьевъ, имѣлъ 7 сыновей и 5 дочерей, которые, какъ двоюродные братья и сестры Ѳеодора Іоанновича, послѣдняго Царя изъ Дома Рюрикова, всѣ почти жестоко пострадали отъ гоненій подозрительнаго Бориса Годунова, видѣвшаго въ нихъ опасныхъ соперниковъ своей власти. Они были заточены по отдаленнымъ

городамъ и монастырямъ и многіе кончили жизнь свою насильственнымъ образомъ. Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ, старшій сынъ Никиты Романовича, одинъ изъ знатнѣйшихъ бояръ Царя Ѳеодора Іоанновича, участвовавшій въ походахъ Шведскомъ и Крымскомъ, по воцареніи Бориса Годунова, сосланъ былъ въ Сійскую обитель, близъ Архангельска, и постриженъ въ иноки, подъ именемъ Филарета.

Но, вскорѣ возвращенный изъ ссылки, онъ, при Лже-Димитріи, возведенъ былъ въ санъ Митрополита Ростовскаго; а въ 1610 году былъ, вмѣстѣ съ Княземъ Васильемъ Голицынымъ, главою торжественнаго посольства, отправленнаго къ Сигизмунду съ извѣщеніемъ объ избраніи на Русскій престолъ сына его Владислава. Коварнымъ образомъ задержанный Сигизмундомъ, Филаретъ только послѣ 8-ми лѣтняго плѣна возвращенъ былъ въ отечество, по Деулин-

скому трактату и, возведенный на Московскій Патріаршескій престолъ, былъ первымъ совѣтникомъ юнаго сына своего Михаила.

Михаилъ, котораго не суетное честолюбіе, не желаніе власти и не козни партій, но общій и чистосердечный голосъ народа призвалъ на престолъ Россійскій, положилъ конецъ бѣдствіямъ отечества. Онъ, соединяя строгость съ кротостью, усмирилъ волненія внутреннія, уничтожилъ мятежниковъ и Самозванцевъ и (хотя съ значительнымъ пожертвованіемъ) заключилъ миръ съ корыстолюбивыми сосѣдями, Польшею и Швеціею, заставивъ ихъ отказаться отъ своихъ притязаній на Россію. — Но главною заботою Михаила, въ его 32-хъ лѣтнее благотворное царствованіе, было исцѣленіе кровавыхъ ранъ отечества, и приведеніе его въ то состояніе, въ какомъ находилось оно до Самозванцевъ.

Начатое имъ возстановленіе государственнаго устройства довершилъ мудрый сынъ его Алексѣй Михайловичъ. Усмиривъ волненія, возникшія вначалѣ его царствованія отъ угнетенія народа корыстолюбивыми вельможами, Алексѣй обратилъ все свое вниманіе на утвержденіе благоденствія Россіи. Изданіе новаго уложенія, строгій надзоръ за правосудіемъ, облегченіе хода внутренней торговли, уравненіе поземельныхъ повинностей, лучшее устройство войска и возстановленіе нравственности народа были постоянною заботою мудраго Алексѣя и принесли плоды вожделенные. Внѣшняя политика, между тѣмъ, ограничивалась большею частію дѣлами Малороссіи. Эта страна, жестоко угнетаемая Поляками за свое православіе и доведенная до крайности, поддалась Россіи. Алексѣй

Михайловичъ, для защиты ея, долженъ былъ начать упорную войну съ Польшею, которая, въ свою очередь, вовлекла его въ войну съ Швеціею и наконецъ съ Турціею. Хотя въ этихъ войнахъ Россія нерѣдко испытывала неудачи, при всемъ томъ войны кончились для нея счастливо. Малороссія осталась навсегда за Россіею, а при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и Турція отказалась отъ своихъ притязаній на Украйну. Кіевъ, княжество Северское, Смоленскъ и всѣ земли на востокѣ отъ Днѣпра возвращены Россіи. Дѣла съ Швеціею остались въ прежнемъ положеніи.

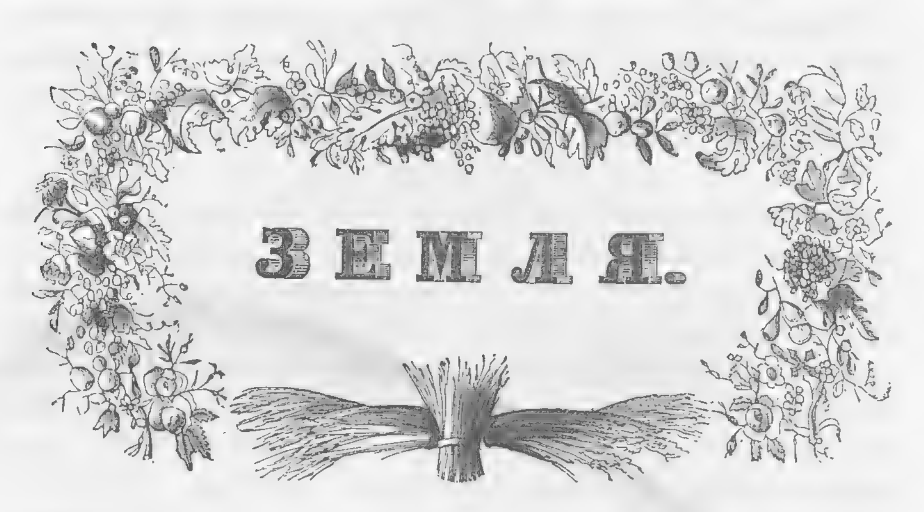
Возвративъ такимъ образомъ бóльшую часть уступленныхъ по необходимости отцемъ его областей и распространивъ предѣлы Россіи новыми пріобрѣтеніями, Алексѣй возвысилъ политическое достоинство своего государства въ отношеніи къ сосѣдямъ и доставилъ ему извѣстность и уваженіе въ западной Европѣ.

Не включая еще Россіи въ свою политическую систему, Европа уже смотрѣла на нее съ уваженіемъ, какъ на государство обширное, богатое и сильное; охотно заключала съ нею торговые и дружественные договоры и сама, казалось, простирала къ ней свои объятія, предлагая сокровища своего просвѣщенія. Образованные иностранцы, привлекаемые богатымъ жалованьемъ, толпами записывались въ нашу службу, учили насъ искусству военному, приносили намъ свои ремесла, художества, познанія. Но Россія, привыкнувъ къ Азіатской бездѣйственности и какъ бы отягченная еще дремотою, — чуждалась Европы, смотрѣла на ея жизнь и дѣятельность съ какимъ-то отвращеніемъ и не понимала выгодъ ея гражданственности.

Крѣпкія узы древнихъ обычаевъ, правовъ и предразсудковъ связывали еще Россію съ Азіею, между тѣмъ какъ усилія Русскаго правительства, понимавшаго назначеніе Россіи, образовали уже первый узелъ соединенія ея съ Европою. Стоя на чертѣ двухъ противоположныхъ гражданственностей, Россія, казалось, была въ нерѣшимости: къ которой изъ нихъ примкнуть. Рѣшеніе подобныхъ вопросовъ въ судьбѣ народа обыкновенно требуетъ усилія многихъ вѣковъ и сопровождается кровавыми переворотами и потрясеніями всего

состава государственнаго. Но Петру довольно было пол-столѣтія, чтобъ совершить этотъ безпримѣрный переломъ государственный и притомъ спокойно, безъ значительныхъ потрясеній.

Взглядъ *) на положеніе Россіи, въ концѣ XVII столѣтія и на состояніе ея обитателей и правительства лучше всего объяснитъ: съ какими средствами, противу какихъ грозныхъ силъ и какую трудную и опасную борьбу началъ Петръ; а жизнь и дѣла этого генія-преобразователя докажутъ, какъ счастливо и славно совершилъ онъ этотъ исполинскій подвигъ.

Пространство Россіи и тогда было обширно. Заключая въ себѣ почти двѣ трети нынѣшней своей поверхности — около 266 тысячь квадратныхъ миль, она ограничивалась на западѣ мѣстами, лежащими подъ 48 и 50° долготы, а именно: чертою, идущею отъ Колы чрезъ Ладожское озеро къ озеру Чудскому и далѣе мимо Смоленска и Кіева по Днѣпру, къ Запорожью; на югѣ: чертою отъ Днѣпровскихъ пороговъ чрезъ Екатеринославскія и Астраханскія степи, къ устью Терека; далѣе сѣверными берегами Каспійскаго моря, рѣкою Ураломъ, Киргизскими кочевьями и землями, подвластными Китаю; на востокѣ — Охотскимъ моремъ и Камчаткою; на сѣверѣ Ледовитымъ моремъ.

*) Очеркъ Русской старины. Русс. Ист. Устрялова II ч.

Такое положеніе границъ Россіи представляло многія неудобства, какъ въ отношеніи торговли, такъ и въ отношеніи обороны ихъ отъ нападенія сосѣдей. Правда, недоступные льды сѣвера и слабость сосѣдей на востокѣ и югѣ Сибири вполнѣ обезпечивали здѣсь Русское господство. Но тѣмъ невыгоднѣе были рубежи западные. Незащищенная ни какими естественными преградами, Россія примыкала здѣсь къ владѣніямъ двухъ сильныхъ державъ: Швеціи и Польши. Первая, владѣя почти всѣми береговыми странами моря Балтійскаго и первенствуя, со временъ Густава Адольфа, между государствами сѣверной Европы, имѣла рѣшительный перевѣсъ надъ Россіею. Присвоивъ, по Столбовскому миру, послѣднюю нашу область при Финскомъ заливѣ, древнее достояніе Новгорода Великаго, Швеція совершенно подавила нашу торговлю. Польша, господствуя надъ лучшими областями древней Руси Ярославовой, вела съ Россіей безпрерывную вражду и была столь же безпокойнымъ, какъ и опаснымъ сосѣдомъ. Политика этихъ сосѣдей, очень хорошо понимавшихъ, что только слабость и необразованность Россіи служатъ ручательствомъ ихъ собственной безопасности, всѣми мѣрами старалась поддерживать наше внутреннее неустройство и отдалять насъ отъ Европы. Столь же неблагопріятны были наши южныя границы. Малороссія, недавно только признавшая надъ собою господство Россіи, и, такъ сказать, не привитая еще къ ней, волнуема была внутренними раздорами и, при малѣйшемъ предлогѣ къ неудовольствію, угрожала возстаніемъ. — Далѣе, за безлюдными степями, сторожилъ насъ, не покидая оружія, старинный нашъ врагъ, потомокъ Монголовъ — Орда Крымская. Состоя подъ покровительствомъ Турціи и подкупаемая Польшею, она безпрерывно тревожила наши южные предѣлы. — Наконецъ, присоединеніе Малороссіи приблизило къ намъ еще новаго страшнаго сосѣда — Порту Оттоманскую. Для защиты этихъ границъ, южныхъ и западныхъ, мы напрягали всѣ свои силы, укрѣпляли города, строили крѣпости, проводили засѣки и, такъ сказать, не покидали оружія.

Окруженная на такомъ огромномъ протяженіи своихъ предѣловъ врагами многочисленными, почти совершенно отрѣзанная отъ морей, безъ торговли, безъ связей, безъ друзей, Россія едва ли бы мо-

гла сохранить свою самостоятельность, если бъ естественное богатство земли не доставляло ей къ тому способовъ.

Находясь важнѣйшею и населеннѣйшею частію своего пространства въ климатѣ умѣренномъ, по теченію Волги, Днѣпра и Дона, съ ихъ побочными рѣками, Россія изобиловала всѣми произведеніями естественными, необходимыми для жизни человѣка. — Плодородная почва нашихъ внутреннихъ губерній благопріятствовала хлѣбопашеству, издревле составлявшему главный промыслъ народный; а обширныя степныя пространства на югѣ, заросшія высокою травою, питали стада многочисленныя. Дремучіе лѣса сѣвера наполнены были дорогими пушными звѣрями и дичью, а рѣки и озера изобиловали рыбою. Богатства ископаемаго царства мало были еще извѣстны; но тѣмъ болѣе удивляло приходившихъ къ намъ иностранцевъ богатство и чрезвычайная дешевизна произведеній царства растительнаго и животнаго.

ни числомъ, ни дѣятельностію не соотвѣтствовалъ пространству и богатству Россіи. Обширнѣйшія полосы, съ тучною почвою, въ благорастворенномъ климатѣ, покрыты были лѣсами и болотами. — Некому и не для кого было ихъ воздѣлывать. Народонаселеніе было слишкомъ незначительно въ сравненіи съ пространствомъ, не превышая 10 милліоновъ жителей, состоявшихъ изъ трехъ главныхъ племенъ: Русскаго, Финскаго и Татарскаго. Первое, населявшее

сердце Россіи, древнія и плодороднѣйшія страны, господствовало надъ двумя другими и поддерживало цѣлость государства своею многочисленностью, языкомъ, Вѣрою и уставами гражданскими.

Промышленность народная была еще въ колыбели. Народъ, отличавшійся нѣкогда своею безпокойною дѣятельностію, отвагою, умомъ бойкимъ и свѣтлымъ — всѣми свойствами Норманновъ, по освобожденіи отъ тяжкаго ига Монголовъ, не обнаруживалъ ни трудолюбія, ни духа предпріимчивости, жилъ въ бѣдности, почти въ нищетѣ, не умѣя пользоваться богатствами своей природы.

Классъ производящій, не подстрекаемый выгоднымъ сбытомъ своихъ произведеній къ умноженію удобствъ и пріятностей жизни, довольствовался тѣмъ, что удѣляла ему щедрая природа, добывая не болѣе какъ то̀, что̀ нужно было для скуднаго его существованія. Еще въ худшемъ состояніи была фабричная и мануфактурная промышленность. Она, можно сказать, вовсе не существовала: ибо, кромѣ самыхъ необходимыхъ рукодѣлій и ремеслъ, двухъ бумажныхъ фабрикъ, двухъ стеклянныхъ и нѣкоторыхъ желѣзныхъ заводовъ, у насъ не было ни какихъ другихъ фабрикъ и мануфактуръ. Всѣ предметы роскоши, все, служащее къ улучшенію образа жизни, даже многія необходимыя вещи: сукна, оружіе и т. п., привозили къ намъ купцы иностранные и промѣнивали на наши естественныя произведенія.

Торговля также находилась въ совершенномъ упадкѣ. Начавшіяся почти съ основаніемъ Руси связи наши съ Царьградомъ пресѣклись съ паденіемъ Кіева и нашей свободы. Тяжкое иго Монголовъ подавило совершенно всю нашу дѣятельность и торговую предпріимчивость. Одинъ только Новгородъ, не чувствуя общихъ бѣдствій, богатѣлъ отъ торговли съ Ганзою; но, съ покореніемъ его подъ власть Іоанна III, въ концѣ XV столѣтія, пала и его торговля. — Сношенія съ Востокомъ, чрезъ посредство Татаръ Казанскихъ и Астраханскихъ, были незначительны. Въ царствованіе Іоанна IV открылись, чрезъ Архангельскъ, торговыя сношенія съ Англіею, послѣ съ Голландіею и другими Европейскими государствами. Но эти сношенія болѣе вредили Россіи, нежели были ей полезны. Ан-

гличане, присвоивъ себѣ право безпошлинной торговли, не только въ Архангельскѣ, но и въ другихъ внутреннихъ городахъ Россіи, отбили у насъ совершенно всю промышленность и, назначая по произволу цѣны, — ничтожныя нашимъ и непомѣрно высокія своимъ произведеніямъ, — подрывали выгоды государства. Русское купечество, обложенное разнаго рода пошлинами и налогами, и встрѣчая при перевозкѣ товаровъ, почти на каждомъ шагу, таможни и заставы, не имѣло ни какой возможности соперничать съ иностранцами и совершенно подпало ихъ вліянію. Хотя многія изъ этихъ неудобствъ были устранены Алексѣемъ Михайловичемъ, который, обложивъ пошлиною торговлю иностранцевъ, ограничилъ ее однимъ только Архангельскомъ и, уничтоживъ таможни по селамъ и деревнямъ, облегчилъ торговлю для Русскихъ; но при всемъ томъ трудность сообщеній внутреннихъ, недостатокъ дѣятельности и капиталовъ замедляли развитіе промышленности.

Наша умственная образованность представляла еще менѣе отрадную картину. Свѣтлый, утѣшительный лучъ просвѣщенія, вмѣстѣ съ Святою Вѣрою озарившій Россію, угасъ въ мрачныхъ тучахъ Азіатскаго варварства, заслонившихъ отъ насъ и Грецію и Европу. Застигнутыя на зарѣ своего развитія тяжкою неволею, умственныя силы наши оцѣпенѣли, какъ нѣжная былинка предъ дуновеніемъ суровой зимы. Съ наступленіемъ лучшихъ временъ, съ освобожденіемъ отъ рабства, мы хотя и воспрянули къ новой жизни политической, но умъ не такъ скоро могъ расторгнуть свои оковы и, пробужденный, долго еще боролся съ дремотой. Въ теченіе двухъ вѣковъ, развитіе его, останавливаемое неблагопріятными обстоятельствами политическими, шло медленно, почти незамѣтно. Намъ было еще рано думать о наукахъ и художествахъ, пока враги сильные и многочисленные отвсюду угрожали нашей независимости, и пока правительство должно было бороться съ внутренними неустройствами государства, не получившаго еще стройной организаціи. — Впрочемъ и въ этомъ неблагопріятномъ положеніи правительство постоянно заботилось объ умственномъ образованіи народа. Оно вызывало художниковъ, которые строили великолѣпныя зданія, лили пушки, чеканили монету; содержало на жалованьи иностранныхъ врачей и приглашало даже ученыхъ. Еще въ половинѣ XVI столѣ-

тія основана была въ Москвѣ первая типографія, а въ послѣдней половинѣ XVII — Духовная Академія. При Алексѣѣ Михайловичѣ, для увеселенія Двора содержима была даже Италіанская труппа. Но всѣ эти благородныя усилія правительства не находили еще отголоска въ душѣ народа.

Невѣжество, предразсудки и суевѣріе были общимъ удѣломъ не только черни, но и высшихъ сословій. Многіе изъ знатнѣйшихъ въ государствѣ лицъ не умѣли даже подписать своего имени. Отъ нашего невѣжества особенно часто доставалось иностранцамъ, жившимъ въ Москвѣ. Если случалось, что въ ихъ жилищахъ находили какія-нибудь вещи, которыхъ употребленіе было не понятно для Русскихъ, то обвиненіе въ чародѣйствѣ было неизбѣжно. Одного Нѣмецкаго живописца едва не сожгли за то, что въ комнатѣ его нашли черепъ человѣческій. Подобнымъ же образомъ одинъ Голландскій врачъ едва не погибъ казнью волшебника, по донесенію стражи, стоявшей передъ его домомъ, будто скелетъ человѣческій, висѣвшій на стѣнѣ его комнаты, плясалъ подъ звуки его флейты. Съ трудомъ могли увѣрить судей, что движеніе скелета случайно произошло отъ сквознаго вѣтра. Скелетъ однако былъ сожженъ, а врачъ принужденъ оставить Россію. Ученый путешественникъ, Олеарій, сообщающій намъ о подобныхъ событіяхъ, самъ казался въ глазахъ придворныхъ Михаила Ѳеодоровича чернокнижникомъ и чародѣемъ.

«Когда я однажды, говоритъ онъ, забавляясь въ темной комнатѣ, «въ которую свѣтъ проходилъ чрезъ малое отверзтіе съ шлифован-«нымъ стекломъ, представлялъ, въ живыхъ очеркахъ, на бумагѣ все «то, что происходило передъ окномъ на улицѣ; то Канцлеръ, слу-«чайно вошедшій ко мнѣ, увидя мои занятія, сотворилъ крестное зна-«меніе, говоря, что это колдовство, потому что на бумагѣ все дви-«жется и притомъ вверхъ ногами.» Медицина, Анатомія, Химія, Астрономія и другія науки и искусства казались въ глазахъ народа чернокнижіемъ и знаніями еретическими. Вѣра въ существованіе вѣдьмъ и привидѣній, въ искусство знахарей, колдуновъ и гадателей, была всеобщею. Въ Судахъ и Приказахъ разбирали челобитныя о мнимой порчѣ отъ колдовства и нашептыванія, и по нимъ до-

прашивали и пытали обвиняемыхъ. Самъ Канцлеръ Софіи Алексѣевны, Князь Василій Васильевичь Голицынъ, не былъ чуждъ подобнаго суевѣрія.

Нравы и обычаи, при многихъ прекрасныхъ и возвышенныхъ чертахъ Русскаго характера, были выраженіемъ грубости, гордости и спѣси Азіатской. Умственный застой и бездѣйствіе, закоснѣлость въ предразсудкахъ, излишняя склонность къ самымъ грубымъ чувственнымъ удовольствіямъ, восточное обыкновеніе затворничества женскаго пола, роскошь и пышность Азіатская въ высшихъ сословіяхъ, высокомѣріе и надменность въ обращеніи съ низшими, и раболѣпство противу высшихъ, были главными недостатками нашего общества.

Привязанность къ обычаямъ предковъ, ко всему отечественному, столь достохвальная по идеѣ, какъ выраженіе любви къ Вѣрѣ и отечеству, какъ чувство собственнаго достоинства и народной гордости, содѣлывалась, въ свою очередь, вредною по послѣдствіямъ, обратясь въ закоснѣлый предразсудокъ и презрѣніе ко всему иноземному. Иго Монгольское и неблагопріятныя отношенія, въ которыхъ мы постоянно находились къ сосѣдямъ, дали народному духу такое направленіе, ему несвойственное и совершенно чуждое всякаго совершенствованія, при первомъ его развитіи.

Но, по возрожденіи нашемъ, какого рода были наши связи съ иноземцами и какіе народы были первыми нашими знакомцами? То были или грубыя враждебныя племена Азіатскія, или Поляки, Ливонскіе рыцари и Шведы, издавна питавшіе досаду къ Россіи! Могли ли мы сдружиться съ ними? А привыкнувъ по нимъ судить и о всѣхъ Нѣмцахъ — народахъ западныхъ — мы встрѣчали ихъ послѣ съ тѣмъ же чувствомъ неприязни. Презираемые, въ свою очередь, иностранцами за наше невольное невѣжество, не встрѣчая ни отъ кого привѣта и участія, мы отдѣлились отъ всѣхъ; обратили взоры на протекшее, на жизнь и обычаи предковъ, принявъ ихъ за единственное руководство въ жизни, за мѣрило нашихъ понятій и вѣрованій, и, не зная лучшаго, не поощряемые соревнованіемъ съ иноземцами, остановились на первой ступени своего развитія. Сія-то

безотчетная привязанность къ старинѣ, глубоко укоренившаяся въ характерѣ народа, встрѣчая каждое нововведеніе, каждую новую идею какъ страшную ересь, сдѣлалось препятствіемъ къ нашему образованію.

Сверхъ того, многіе пороки, какъ слѣдствіе невѣжества, помрачали нравственность народа. Излишнее употребленіе крѣпкихъ напитковъ, не смотря на усилія правительства ограничить его, было общею слабостію всѣхъ сословій и породило множество другихъ пороковъ. Владычество Татаръ до того подавило въ народѣ чувство собственнаго достоинства, что даже лица высшихъ сословій спокойно переносили, незнакомыя древнимъ Руссамъ, тѣлесныя наказанія, какъ обыкновенную исправительную мѣру, а низшій классъ, въ своей несчастной долѣ, пріучился ко всѣмъ рабскимъ уловкамъ, низкой хитрости, притворству и обманамъ. Старинное выраженіе: «*да будетъ мнѣ стыдно*» уже не было достаточнымъ ручательствомъ въ вѣрности даннаго слова. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ почли за нужное постановить Указомъ, чтобы никто не давалъ денегъ подъ залогъ, безъ заемныхъ писемъ, ибо случалось, что заимодавцы обвиняемы были въ покражѣ тѣхъ вещей, которыя они хранили у себя подъ залогомъ. Ложные доносы, сутяжество и лихоимство судей, не смотря на всю строгость законовъ, сдѣлались также весьма обыкновенными. Такая порча нравственности заставила правительство усилить и наказанія. Древніе Руссы за всѣ почти преступленія наказывались денежною пенею; но послѣ Монголовъ эта мѣра была уже недостаточна. Уже при Димитріи Донскомъ введены были смертная казнь и тѣлесныя наказанія; а жестокія пытки разнаго рода, какъ остатокъ Монгольскаго варварства, долго были пятномъ нашей гражданственности.

При всѣхъ этихъ грубыхъ порокахъ, Русскій народъ имѣлъ и свѣтлую, отрадную сторону *своей нравственности*, и много добрыхъ качествъ. — «Его благочестіе тихое, глубокое, его безпредѣльная «преданность престолу, покорность властямъ, терпѣніе удивитель-«ное, умъ свѣтлый, основательный, душа добрая, нравъ веселый, «отважность среди величайшихъ опасностей, гостепріимство, нако-«нецъ гордость національная, породившая увѣренность, что нѣтъ

«на свѣтѣ страны краше Россіи, нѣтъ Государя сильнѣе Царя Православнаго, — были такія свойства, которыя надобно было только «развить и направить, чтобы возвести Россію на высшую степень «могущества, славы и благоденствія.» *)

въ томъ видѣ, какого достигло оно въ концѣ XVII столѣтія, послѣ двухъ-вѣковыхъ усилій, представляло уже довольно стройное и организованное цѣлое.

Верховная власть самодержавная, неограниченная, вся нераздѣльно принадлежала со времени Іоанна III одному лицу — Государю Царю и Великому Князю всея Россіи. Онъ одинъ имѣлъ право издавать законы, налагать подати, вести войну, заключать миръ, судить и миловать подданныхъ. Ни сословія народныя, ни вельможи, безъ соизволенія Государя, не имѣли участія въ правахъ верховной власти. Впрочемъ Государь, во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, совѣтовался съ Царскою Думою и всегда уважалъ святость закона. «Государь указалъ, а бояре приговорили», было обыкновенное выраженіе во всѣхъ Царскихъ указахъ.

Нераздѣльность Русскаго государства и порядокъ его престолонаслѣдія, основанный на правѣ первородства въ прямой нисходя-

*) Русск. Ист. Устрялова. III ч. стр. 21.

щей линіи, сдѣлались коренными законами также со временъ Іоанна III. По завѣщанію Василія III Іоанновича, совершеннолѣтіе наслѣдника считалось съ 15-ти лѣтъ, а для опеки надъ нимъ и управленія государствомъ, во время его малолѣтства, учреждалась Верховная Дума или регентство изъ ближайшихъ родственниковъ и знатнѣйшихъ вельможъ.

Вмѣстѣ съ возвышеніемъ монархической власти установились и внѣшнія ея отличія. Титулъ Царя, который употреблялъ иногда и Іоаннъ III, сдѣлался постояннымъ титуломъ нашихъ вѣнценосцевъ со временъ Іоанна IV, т. е. съ 1547 года. Іоаннъ III, въ слѣдствіе бракосочетанія своего съ Софіею, послѣднею отраслью дома Палеологовъ, принялъ и гербъ Восточной Римской Имперіи, орла двуглаваго, присоединивъ къ нему прежній Московскій, изображавшій Св. Побѣдоносца Георгія, на бѣломъ конѣ, поражающаго змія. Съ этого же времени и Дворъ Россійскихъ Государей устроился по образцу Византійскаго, и отличался своимъ многолюдствомъ, великолѣпіемъ и торжественностію церемоній. Главные изъ придворныхъ чиновъ были: дворецкій, конюшій, сокольничій и ловчій, со множествомъ подчиненныхъ имъ чиновниковъ. Они завѣдывали разными отдѣльными частями дворцоваго управленія; далѣе кравчій, чашникъ, постельничій, стряпчіе, стряпчіе съ ключемъ и рынды, исправляли разныя должности при особѣ самаго Государя. Кромѣ того, множество дворянъ и жильцовъ, не имѣя опредѣленной должности, находились при Дворѣ только для большей пышности. Особенно пріемъ иностранныхъ пословъ отличался пышностію и великолѣпіемъ придворныхъ церемоній.

«Дворецъ наполнялся, кромѣ царедворцевъ, государственными «сановниками: всѣ они являлись въ богатыхъ парчевыхъ и бар«хатныхъ кафтанахъ, въ высокихъ собольихъ и чернолисьихъ шап«кахъ. Нерѣдко присутствовало высшее духовенство и почетное «купечество. Царь сидѣлъ на серебряномъ тронѣ, въ одеждѣ — обши«той золотомъ, унизанной драгоцѣнными каменьями, съ короною на «головѣ, съ скипетромъ въ одной рукѣ, съ державою въ другой. По «сторонамъ его стояли рынды, въ бѣлыхъ атласныхъ кафтанахъ, «въ высокихъ шапкахъ, съ золотыми на груди цѣпями, висящими «крестообразно, съ сѣкирами на плечѣ, изъ Дамасской стали, «остріемъ вверхъ. Вдали отъ трона, по обѣимъ сторонамъ пріем-

«ной палаты сидѣли: Патріархъ, Митрополиты, Архіепископы, «бояре и другіе знатные сановники. Посолъ долженъ былъ нѣсколь-«ко разъ кланяться и, привѣтствуя Государя, неоднократно повто-«рять весь Царскій титулъ. По окончаніи аудіенціи, онъ былъ «угощаемъ во дворцѣ (или на дворѣ посольскомъ) роскошнымъ «пиромъ, который часто продолжался отъ полудня до вечера. Оби-«ліе яствъ и напитковъ, груды серебра и золота, блестящій нарядъ «царедворцевъ, торжественность, съ коею Государь угощалъ «гостей, все приводило иностранцевъ въ изумленіе» *). Эта же пышность сопровождала Государя во время его выѣзда. Онъ никогда не являлся народу иначе, какъ окруженный всѣмъ многочисленнымъ Дворомъ своимъ. Предъ нимъ мели улицы, которыя назначаемы были для царскаго шествія, и весь народъ съ благоговѣніемъ падалъ на колѣни.

Законы, которыми управлялось Русское царство, въ концѣ XVII столѣтія, хотя и не отличались еще тою полнотою и опредѣлительностію, какъ законы государствъ западныхъ, были однако жъ достаточны для опредѣленія главнѣйшихъ обязанностей и отношеній гражданскихъ. Обыкновенія, освященныя временемъ, служили дополненіемъ законовъ, а воля Царя давала тѣмъ и другимъ вѣсъ и силу.

Управленіе. Эта же воля Царская была главною пружиною, приводившею въ движеніе всю машину государственнаго управленія. Но, по мѣрѣ развитія гражданскихъ понятій и постепенно возраставшей многосложности дѣлъ, и самое управленіе государственное подраздѣлилось на многія отрасли, которыя поручены были надзору отдѣльныхъ вѣдомствъ, съ своимъ опредѣленнымъ кругомъ дѣйствія. Высшимъ правительственнымъ мѣстомъ въ государствѣ была Большая Царская Дума, которая, состоя изъ бояръ и другихъ знатнѣйшихъ сановниковъ, подъ предсѣдательствомъ Государя, сосредоточивала въ себѣ власть законодательную и высшую судебную. Второстепенныя правительственныя мѣста извѣстны подъ общимъ названіемъ Приказовъ. Въ каждомъ изъ нихъ предсѣда-

*) Русск. Ист. Устрялова. II, ч. 292 стр.

тельствовалъ одинъ бояринъ или другой знатный чиновникъ, съ однимъ или нѣсколькими товарищами, и рѣшалъ дѣла къ его части относящіяся. Низшую степень въ управленіи занимали Земскія Избы, находившіяся въ каждомъ уѣздѣ, подъ вѣдѣніемъ головъ и старостъ, избираемыхъ міромъ, и подъ надзоромъ областныхъ воеводъ и намѣстниковъ.

Вмѣстѣ съ основаніемъ Русскаго государства постепенно образовались и *народныя сословія*. Первоначально, по завоеваніи Русской земли Норманнами, обозначились два главныя сословія, высшее или господствующее, и низшее, какъ представители двухъ главныхъ началъ возникающаго государства. По принятіи Христіанской Греко-каѳолической Вѣры утвердилось третее сословіе — Духовное. Наконецъ, съ развитіемъ гражданственности и городской жизни, при постепенномъ сліяніи побѣдителей съ побѣжденными, образовалось четвертое — среднее сословіе. Такъ уже при первомъ развитіи Русскаго гражданскаго общества, обнаружилось въ немъ, общее для всѣхъ государствъ Европейскихъ, раздѣленіе народа на четыре главныя сословія; но самый образъ развитія этихъ сословій въ Россіи, подъ вліяніемъ твердаго самодержавія, спокойно, безъ всякой борьбы внутренней, опредѣлилъ ихъ отношенія другъ къ другу и къ верховной власти, во многомъ отличныя отъ тѣхъ, въ каковыхъ явились онѣ въ Европѣ западной, гдѣ развитіе ихъ совершилось при страшной борьбѣ духовной власти съ свѣтскою, феодальнаго права съ городскими общинами и властію королевскою. Отъ того Россія, уже при Ярославѣ I, явилась въ состояніи гораздо болѣе благоустроенномъ, нежели современныя государства Европейскія. Хотя послѣдовавшія за тѣмъ неблагопріятныя обстоятельства и остановили надолго дальнѣйшее развитіе правъ этихъ сословій, измѣнивъ во многомъ взаимныя ихъ отношенія; но тѣмъ самымъ содѣйствовали къ возстановленію ихъ единства и общей зависимости отъ власти верховной. Преданность къ престолу и безпрекословная покорность властямъ остались навсегда отличительною чертою всѣхъ сословій Русскаго народа.

Духовенство, вмѣстѣ съ Святою Вѣрою перешедшее къ намъ изъ Византіи, устроилось совершенно по образцу Греческаго духовен-

ства, сперва подъ вліяніемъ Патріарха Византійскаго, а потомъ, какъ сословіе самостоятельное. Благочестіе нашихъ вѣнценосцевъ, предоставившее духовенству многія важныя права и преимущества, равно какъ и политическія обстоятельства, утвердившія его вліяніе на умы народа и постепенно возвышавшія его достоинство, нисколько не измѣнили ни внутренняго его устройства, ни Іерархіи, ни его отношеній къ міру и свѣтской власти, установленныхъ уже при первомъ введеніи Христіанства. Самое даже учрежденіе Патріаршаго престола въ Москвѣ, въ концѣ XVI вѣка, сравнивъ по сану духовной Іерархіи главу нашего духовенства съ прочими Іерархами Христіанства и возвысивъ соразмѣрно прочія степени духовныя, не произвело никакой существенно важной перемѣны. Такимъ образомъ духовенство наше, въ концѣ XVII столѣтія, представляло общество твердое, благоустроенное, съ опредѣленными правами и извѣстнымъ кругомъ дѣйствія. Оно пользовалось правомъ собственнаго суда, независимо отъ свѣтскаго, свободою отъ платежа податей и налоговъ, и владѣло самостоятельно (особенно высшее духовенство и монастыри) обширными помѣстьями. Кромѣ того многія дѣла гражданскія, особенно преступленія противъ Вѣры и благоправія, семейныя распри и проч., подлежали суду духовному.

Главою духовенства былъ Патріархъ Московскій, заступившій мѣсто прежняго Митрополита всея Руси и пользовавшійся тѣми же правами и преимуществами, при высшемъ санѣ духовномъ. Онъ имѣлъ свой Дворъ, свои обширныя помѣстья, которыми управлялъ чрезъ своихъ бояръ-намѣстниковъ, стольниковъ, дворянъ и другихъ сановниковъ. Четыре Митрополита, шесть Архіепископовъ и восемь Епископовъ, подъ вѣдѣніемъ его, управляли каждый своею частью. Всѣ дѣла, по духовному вѣдомству, сосредоточивались въ особомъ присутственномъ мѣстѣ, подъ названіемъ Патріаршаго Приказа.

Но всѣ эти важныя права и преимущества духовенства имѣли свою силу только съ согласія Государя, который, по своему произволу, могъ ихъ уничтожить и нерѣдко ограничивалъ ихъ, какъ верховный повелитель государства. Самъ Патріархъ, избираемый по волѣ Государя, былъ подчиненъ ему наравнѣ съ прочими и, управляя независимо своею частію, не вмѣшивался, безъ Царскаго соиз-

воленія, ни въ какія дѣла свѣтскія. Всегдашними отличительными чертами нашего духовенства были кротость и христіанское смиреніе. Чуждаясь преній богословскихъ, духа нетерпимости и фанатисма, оно дѣйствовало на міръ и совѣсть людей мѣрами кротости и убѣжденія, постоянно заботилось о чистотѣ и неприкосновенности догматовъ Св. Вѣры, о церковномъ устройствѣ, доброй нравственности народа и всегда содѣйствовало правительству, во всѣхъ, предпринимаемыхъ имъ, преобразованіяхъ и улучшеніяхъ государства.

Дворянство, какъ благородное высшее сословіе, на которомъ преимущественно лежала обязанность защищать Престолъ и отечество и содѣйствовать правительству въ дѣлахъ государственнаго управленія, искони существовало въ Россіи, хотя самое слово не было еще извѣстно. Первымъ привиллегированнымъ сословіемъ въ Россіи была княжеская дружина, названная въ послѣдствіи (со временъ Андрея Боголюбскаго) Дворомъ. — Съ умноженіемъ княжескихъ Дворовъ увеличивалось и число людей высшаго класса, а съ паденіемъ Удѣльной системы, придворные Удѣльныхъ Князей, или вошли въ составъ Двора Московскаго, или, подъ именемъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, сдѣлались свободными поземельными владѣльцами. Потомки Удѣльныхъ Князей, удержавъ титулъ Княжескій, также вошли въ общій составъ высшаго сословія, къ которому, кромѣ того, причислены были и знатные выходцы иноземные, пожалованные отъ Государя землями.

Не уступая въ знаменитости происхожденія ни одному дворянству Европейскому, Русское благородное сословіе имѣло то важное отличіе, что оно постоянно служило твердѣйшею опорою Престола и Самодержавія, никогда не спорило съ Верховною властію о своихъ правахъ и привиллегіяхъ, и не терзало государства внутренними междоусобіями. — Служить отечеству, по повелѣнію Государя, въ разныхъ должностяхъ военныхъ и гражданскихъ — было общее его назначеніе. Этому благородному призванію соотвѣтствовали и права, ему дарованныя. Оно пользовалось свободою отъ платежа податей, правомъ владѣнія помѣстьями, исключительнымъ доступомъ ко всѣмъ почетнѣйшимъ должностямъ въ государствѣ и, гордясь службою отечеству, передавало свои заслуги, какъ родовую соб-

ственность, въ наслѣдіе потомкамъ. — По самому происхожденію и различію своихъ обязанностей, высшее сословіе подраздѣлялось на разныя степени, отличавшіяся своими преимуществами.

Первую степень занимали: 1) *Бояре*, первенствующіе члены Большой Думы и высшіе военные и гражданскіе сановники въ государствѣ. 2) *Окольничіе*, также члены Большой Думы и товарищи бояръ, завѣдывавшіе преимущественно судомъ и исправлявшіе должности второстепенныя и 3) *Думные люди*, засѣдавшіе въ Думѣ вмѣстѣ съ боярами и окольничими.

Ко второму разряду принадлежали: *стольники* и *стряпчіе*. Это были собственно придворные сановники, служившіе при особѣ Государя, которымъ нерѣдко поручаемы были и многія, даже первостепенныя должности гражданскія и военныя.

Дворяне Московскіе, дворяне городовые и дѣти боярскіе занимали третью степень людей благородныхъ, и за право владѣнія помѣстьями обязаны были преимущественно воинскою службою, а въ мирное время исправляли разныя должности гражданскія по тѣмъ городамъ, къ которымъ причислялись ихъ помѣстья. Передавая помѣстья свои дѣтямъ, они передавали имъ и свое званіе; если же земли отцовской было недостаточно для всѣхъ его дѣтей, то правительство, утверждая ихъ въ званіи отцовскомъ, надѣляло новыми помѣстьями. Между тѣмъ, званія двухъ первыхъ степеней не были наслѣдственными, а даровались по Царскому указу. Впрочемъ, обычай мѣстничества обязывалъ правительство возводить въ эти званія преимущественно людей изъ извѣстныхъ родословныхъ фамилій, ибо сынъ, чтобы не нанесть безславія своему роду, долженъ былъ получить мѣсто, ежели не высшее, то по крайней мѣрѣ равное съ мѣстомъ отцовскимъ; въ противномъ случаѣ онъ отказывался отъ Царской службы.

Со временъ Петра Великаго, когда совершенно уничтожилось мѣстничество, поддерживавшее различіе этихъ степеней, и когда личныя заслуги открыли для каждаго путь къ высшимъ должностямъ, всѣ эти званія бояръ, окольничихъ и проч. уничтожились,

а званіе дворянское сдѣлалось общимъ отличіемъ всего благороднаго класса, котораго заслуги стали означаться чинами.

Среднее сословіе. По мѣрѣ успѣховъ промышленности и городской жизни умножалось и среднее состояніе народа, особенно же въ Новгородѣ, Псковѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ, гдѣ, среди самыхъ браней удѣльныхъ, оно развивалось быстро и пріобрѣло многія весьма важныя права и преимущества. Но иго Монгольское совершенно подавило это сословіе, такъ что всѣ усилія правительства не могли его возвысить, и даже мудрыя мѣры Алексѣя Михайловича долго не приносили желаемыхъ плодовъ.

Къ среднему сословію принадлежали собственно люди торговые, которые подраздѣлялись на гостей и на сотни, гостинную, суконную и чёрную. Званіе гостя было почетнѣйшее, жалуемое купечеству самимъ Государемъ, за особыя заслуги, и доставлявшее многія преимущества. Къ гостинной и суконной сотнямъ причислялось лучшее купечество Московское, а къ чёрной мелкіе торговцы и ремесленники. Къ среднему сословію можно причислить также стрѣльцовъ, казаковъ, пушкарей, станичниковъ и другихъ людей воинскихъ, потому что они вмѣстѣ съ воинскимъ званіемъ соединяли право владѣнія небольшими участками земли, право отправлять торговые промыслы и разныя другія привиллегіи.

Низшее сословіе, съ самихъ древнихъ временъ, состояло изъ крестьянъ — людей безземельныхъ, обработывавшихъ на извѣстныхъ условіяхъ землю помѣщиковъ, и холопей — военно-плѣнныхъ или несостоятельныхъ должниковъ, давшихъ на себя кабалу или крѣпость. Съ конца XVI столѣтія и окончательно со времени введенія писцовыхъ книгъ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, крестьяне были навсегда закрѣплены за владѣльцами земель и лишились права переходить отъ одного помѣщика къ другому, права, соединеннаго съ многими неустройствами государственными и вреднаго для успѣховъ сельской промышленности. Съ этого времени различіе между крестьянами и холопами состояло въ томъ, что послѣдніе, составляя обыкновенно многочисленную дворню Русскихъ вельможъ, находились въ полномъ распоряженіи своихъ господъ, которые

только не имѣли надъ ними права живота и смерти; между тѣмъ какъ крестьяне, также совершенно завися отъ владѣльца и подлежа его суду, по всѣмъ дѣламъ, кромѣ уголовныхъ, обработывали землю и платили оброкъ.

Военная сила. При огромныхъ внутреннихъ средствахъ, Россія могла выводить въ поле войска многочисленныя. Но ихъ устройство и искусство военное были весьма несовершенны и несоотвѣтствовали потребностямъ времени. Между тѣмъ какъ во всей Европѣ давно уже существовали постоянныя регулярныя войска и военное искусство стояло на высокой степени совершенства, у насъ главную силу военную составляли нестройныя толпы, не обученныя вовсе воинскому дѣлу, чуждыя всякаго порядка. По Царскому Указу дворяне и дѣти боярскія являлись вооруженные, на коняхъ, въ назначенныя сборныя мѣста, каждый смотря по величинѣ помѣстья, въ сопровожденіи извѣстнаго числа своихъ вооруженныхъ людей, съ достаточнымъ, на время похода, количествомъ съѣстныхъ припасовъ. Тутъ ихъ перекликали по спискамъ и раздѣляли на полки, конные и пѣшіе. Число всего дворянскаго ополченія простиралось до двухъ сотъ тысячь человѣкъ. Въ случаѣ особенной надобности, призывали на службу крестьянъ боярскихъ, монастырскихъ и другихъ, подъ именемъ людей *даточныхъ*, вооруженныхъ рогатинами и топорами.

Это ополченіе, собираемое только на время войны и распускаемое опять по окончаніи похода, или съ наступленіемъ зимы, не могло служить обороною государства отъ внезапныхъ нападеній непріятельскихъ и, по своему несовершенству въ военномъ искусствѣ, оказалось слабымъ, особенно въ борьбѣ съ западными сосѣдями, Польшею и Швеціею. Нужда въ постоянномъ, лучше устроенномъ, войскѣ, дѣлалась болѣе и болѣе ощутительною.

По-этому уже Іоаннъ IV учредилъ, первый въ Россіи, пѣхотный корпусъ постоянныхъ войскъ, подъ названіемъ Стрѣльцовъ, которые въ мирное время охраняли Москву и города пограничные, а въ военное присоединялись къ ополченію и много содѣйствовали нашимъ успѣхамъ противъ непріятелей. При первыхъ Государяхъ

изъ Дома Романовыхъ, возникли и нѣкоторые регулярные полки, учрежденные по образцу Европейскому, подъ начальствомъ опытныхъ офицеровъ иноземныхъ. Эти постоянныя войска имѣли сильное вліяніе на всѣ событія и перевороты, случившіеся въ концѣ XVII вѣка, и мы еще будемъ имѣть случай говорить о нихъ въ послѣдствіи, а здѣсь замѣтимъ только, что введеніе въ Россіи Европейскаго военнаго искусства, предпринятое уже Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, было началомъ тѣхъ великихъ преобразованій, которые Петръ Великій распространилъ на всѣ части государственнаго устройства, и воспламенило ту упорную и великую борьбу Европейскаго образованія съ невѣжествомъ и предразсудками Руской старины,—борьбу, которая составляетъ отличительный характеръ всего Петрова царствованія и которую въ исторіи Петра должно слѣдить шагъ за шагомъ.

Мало утѣшительнаго и отраднаго представляло состояніе Россіи въ концѣ XVII вѣка! Ея промышленность, торговля, умственное образованіе, ея свѣжія, исполинскія силы—все было въ усыпленіи: это была та юная, воинственная дѣва нашихъ народныхъ сказокъ:

усыпленная очарованіемъ
злаго, хитраго волшебника.....

среди поля гладкаго, обширнаго,....
въ свѣтло-голубомъ шатрѣ......
съ золотою, круглой маковкой.....
ея доспѣхи богатырскіе
на травѣ лежатъ вокругъ ее......
бѣлый конь гуляетъ по лугу,
неосѣдланный, не взнузданный.....
но вотъ — витязь, богатырь младой...
вступаетъ смѣлой поступью
въ ставку съ золотою маковкой......
. . . .
. . . .
и красавица любезная
растворила очи ясныя....
и взялась рукою бѣлою
за доспѣхи богатырскіе!

(Илья Муромецъ, сказка, соч. Н. М. Карамзина.)

ГЛАВА I.

РОЖДЕНІЕ И ДѢТСКІЙ ВОЗРАСТЪ ПЕТРА.

арь Алексѣй Михайловичъ, по смерти первой супруги своей Маріи Ильиничны, изъ роду Милославскихъ, скончавшейся 3 Марта 1669 года, вознамѣрился вступить во второй бракъ, на 41 году своей жизни, еще крѣпкій духомъ и силами тѣлесными. Само Провидѣніе, казалось, руководило выборомъ Государя и указало ему на бѣдную дѣвицу Наталію, дочь незначительнаго дворянина Кирилы Нарышкина, которая воспитывалась у своего родственника, боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева. Ея красота, кротость нрава и благодушіе, сдѣлали сильное впечатлѣніе на Царя, нерѣдко посѣщавшаго домъ любимаго имъ боярина, и онъ рѣшился избрать ея въ супруги. Но, снисходя къ просьбамъ Матвѣева, который, при такомъ явномъ предпочтеніи Государя къ его семейству, опасался навлечь на себя зависть и злобу другихъ вельможъ и царедворцевъ, Царь повелѣлъ, по старинному Русскому обычаю, собрать во дворецъ шестьдесятъ дѣвицъ изъ знатнѣйшихъ родовъ дворянскихъ, и изъ среды ихъ торжественно избралъ, уже прежде сердцемъ его избранную, Наталію Кириловну.

Торжество бракосочетанія не замедлило совершиться, съ обычною въ то время пышностію и великолѣпіемъ Русскаго Двора, въ 22 день Января, 1671-го года, при общемъ ликованіи народа; а на другой годъ, въ предпослѣдній день Мая мѣсяца, новая радость огласила Дворъ и столицу.

День, въ который Церковь наша празднуетъ память Преподобнаго Исаакія Далматскаго, тридцатое Мая — пребудетъ днемъ вѣчно незабвеннымъ въ лѣтописяхъ Россіи. Въ этотъ день, 1672 года, Небо даровало Царю сына, а Россіи отца, зиждителя ея славы и величія.

Обрадованный Царь спѣшилъ излить сердце свое предъ алтаремъ Царя Небеснаго! Рано утромъ, по Царскому приказу, собрались въ

Московскій Успенскій Соборъ, для благодарственнаго молебствія, митрополиты и все знатнѣйшее духовенство, весь Дворъ и главные чины военные. Въ продолженіе трехъ дней пушечная пальба, колокольный звонъ и молебствіе въ храмахъ возвѣщали народу о семъ вожделенномъ событіи. Великія милости, изліянныя по сему случаю на подданныхъ: прощеніе казенныхъ долговъ и недоимокъ, искупленіе заключенныхъ въ темницы за частные долги, помилованіе преступниковъ и щедрыя подаянія въ больницы и богадѣльни, — разлили радость Государя по всему государству.

Неудивительно, если подобное событіе, совершившееся съ такою торжественностію и сопровождаемое всеобщею радостію, со-

хранилось въ памяти народной, какъ нѣчто необыкновенное и сверхъ-естественное, съ различными вымыслами и предсказаніями астрологическими. Преданіе гласитъ, что Св. Кириллъ Новоозерскій, еще за 135 лѣтъ до рожденія Петра, предсказывалъ о немъ, и что Симеонъ Полоцкій, наставникъ Царевича Өеодора, придворный духовникъ и астрологъ, предузнавъ, по внезапно явившейся близъ Марса яркой звѣздѣ и по отношенію ея къ прочимъ планетамъ, время зачатія Царевича, — напередъ уже нарекъ его Петромъ и предвозвѣстилъ, какъ день его рожденія, такъ и будущее его величіе.

Подобныя прорицанія, которыми изобилуетъ Исторія почти всѣхъ великихъ людей, будучи оправданы послѣдствіями и величіемъ подвиговъ героя, пріобрѣтаютъ вѣсъ и значеніе въ умахъ народа, всегда готоваго вѣрить чудесному. Въ самомъ же дѣлѣ, эти толки выражаютъ только мѣру желаній и надеждъ народа, ожидающаго себѣ счастія или бѣдствій въ будущемъ. Всякое предсказаніе, дѣлающее впечатлѣніе на умы народа и сохраняющееся въ его памяти, означаетъ, что народъ сильно желалъ или страшился исполненія этого предсказанія; и самое положеніе народа должно благопріятствовать распространенію предсказанія. Если теперь представимъ себѣ тогдашнее положеніе Русскаго народа, который, послѣ долгихъ и кровавыхъ бурь междуцарствія, впервые, такъ сказать, вкушалъ сладость тишины и покоя, подъ кроткимъ правленіемъ мудраго Самодержца, а въ будущемъ, по смерти двухъ слабыхъ и больныхъ Царевичей Өеодора и Іоанна, необѣщавшихъ, повидимому, оставить потомства, предвидѣлъ дни безотрадные, — если, говорю, представимъ себѣ это положеніе Россіи предъ рожденіемъ Петра Великаго, то легко поймемъ, сколь единодушно и Царь и народъ должны были желать, чтобы Небо благословило второй бракъ Царскій рожденіемъ сына, и какія радостныя надежды возбудилъ этотъ сынъ въ сердцахъ Царя и народа. Любопытная переписка двухъ ученыхъ, того времени, свидѣтельствуетъ, что о рожденіи Петра Великаго дѣйствительно существовало много предвѣщаній и толковъ. Изъ письма Голландскаго ученаго Гревіуса видимъ, что Николай Гензіусъ, бывшій въ Мо-

скв҃ послом отъ Генеральныхъ Штатовъ, извѣщалъ его, отъ 1-го Іюля, 1672 года, объ этихъ предсказаніяхъ. Гревіусъ отвѣчаетъ ему, отъ 9-го Апрѣля, 1673 года, что и Голландскіе астрологи и прорицатели почли эти извѣстія достойными примѣчанія и присовокупили къ тому, что въ тотъ же день рожденія Русскаго Царевича, Король Французскій перешелъ побѣдоносно чрезъ Рейнъ, а войска Турецкаго Султана перешли Днѣстръ.... и что вѣщуны изъ всего этого заключаютъ, что новорожденный будетъ нѣкогда Царемъ воинственнымъ и побѣдоноснымъ. «Но пусть бы только Петръ,» прибавляетъ Гревіусъ: «сдѣлался въ свое время добрымъ пасты-«ремъ народа, чтобы онъ возмогъ побѣдить Скиѳское варварство, «которое преимущественно покрываетъ сѣверные, въ мѣха обле-«ченные народы!» Судьбы Всевышняго опредѣлили, чтобы и толки легковѣрныхъ и скромное желаніе мудреца, были вполнѣ оправданы величіемъ дѣлъ и доблестей Петровыхъ.

Въ день Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, 29-го Іюня, въ Субботу, новорожденный Царевичъ былъ крещенъ, въ Чудовомъ монастырѣ, Патріархомъ Іоакимомъ и воспріятъ отъ купели братомъ своимъ, Царевичемъ Ѳеодоромъ, и теткою, Царевною Ириною Михайловною. Весело пировалъ державный родитель на другой день, и 4-го Іюля, по старинному Русскому обычаю.

Царевичъ день-ото-дня возрасталъ и укрѣплялся духомъ, и *благодать Божія бѣ съ нимъ*, по выраженію лѣтописца. Здоровое и крѣпкое тѣлосложеніе порфиророднаго младенца, быстрота взгляда и пылкость черныхъ очей, еще въ колыбели обнаруживали въ немъ будущія великія дарованія; на немъ была печать генія, которою природа отъ рожденія знаменуетъ чело своихъ избранниковъ.

Одно современное сказаніе увѣряетъ, что еще въ младенчествѣ оказался воинственный духъ Царевича, когда въ третье его тезоименитство одинъ купецъ, между прочими подарками, под-

несъ ему маленькую саблю. Царевичъ такъ былъ восхищенъ этимъ подаркомъ, что, не обращая вниманія на прочія игрушки, съ жадностію схватилъ саблю, расцѣловалъ купца и побѣжалъ къ Царю, прося, чтобъ онъ наградилъ купца, а его самого препоясалъ саблею. Царь исполнилъ желаніе сына: купца пожаловалъ гостемъ, и по прочтеніи духовникомъ молитвы, самъ препоясалъ его тою саблею, какъ бы посвятивъ въ витязи. Съ того времени сабля была любимою игрушкою отрока и неразлучнымъ спутникомъ его повсюду; не рѣдко онъ и засыпалъ съ нею. — Такая черта ребенка, прибавляетъ сказаніе, была предметомъ многихъ разговоровъ и всѣ, удивляясь, говаривали: *что отроча сіе будетъ, когда возмужаетъ!*

Чадолюбивый Царь Алексѣй Михайловичъ, въ послѣдніе годы свои, съ особенною любовію и какъ бы съ безпокойствомъ озабочивался участію юнаго сына своего. Казалось, онъ страшился, чтобы малолѣтній Царевичъ, по кончинѣ его, не содѣлался жертвою духа партій, проявлявшагося при Дворѣ, уже со времени вступленія его во второй бракъ, по случаю возвышенія Нарышкиныхъ, обиднаго для родственниковъ первой супруги его, изъ рода Милославскихъ. По-этому, предчувствуя скорый конецъ свой, поручилъ четырехъ-лѣтняго Петра надзору дѣда его, по матери, боярина Кириллы Поліевктовича Нарышкина и окольничихъ: Петра Ивановича Прозоровскаго, Ѳеодора Алексѣевича Головина и Гаврилы Ивановича Головкина, повелѣвъ имъ хранить его, *яко зѣницу ока;* а старшему сыну и наслѣднику престола своего завѣщалъ: имѣть о юномъ братѣ особое попеченіе и никогда не отлучать отъ него данныхъ ему блюстителей.

Это было послѣднее распоряженіе Алексѣя Михайловича, который, въ продолженіе слишкомъ тридцатилѣтняго царствованія своего, возстановилъ спокойствіе и благоденствіе Россіи мудрыми законами, распространилъ предѣлы ея оружіемъ, и доставилъ ей извѣстность и уваженіе въ Европѣ связями политическими. Благословляемый подданными и напутствуемый искренними слезами ихъ, сей достойный предтеча великаго сына своего, Петра, преставился 30-го Января, 1676 года, торжественно благословивъ на царство своего старшаго сына, Ѳеодора Алексѣевича.

Перемѣна правленія, будучи чувствительнымъ ударомъ для партіи Нарышкиныхъ, принужденныхъ оставить Дворъ и всѣ почетныя должности въ государствѣ, не имѣла, однако жъ, вреднаго вліянія на положеніе юнаго Петра Алексѣевича, хранимаго попечительностію матери и дѣда.

Добродѣтельная, кроткая, благочестивая Наталія Кирилловна, любя болѣе тишину и уединеніе, нежели блескъ и пышность Двора, избрала мѣстомъ своего жительства загородный потѣшный дворецъ покойнаго супруга своего, въ селѣ Преображенскомъ. Здѣсь, окруженная своимъ прежнимъ придворнымъ штатомъ, довольно многочисленнымъ, она посвятила себя единственно воспитанію своего сына и собственнымъ примѣромъ насаждала въ юномъ сердцѣ его сѣмена благочестія и любви къ

ближнему. Опасаясь козней Милославскихъ, она, неусыпнымъ окомъ матери, слѣдила за каждымъ шагомъ возлюбленнаго сына, присутствуя сама при всѣхъ его играхъ и забавахъ.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, Царевичъ обнаруживалъ уже какую то, свойственную геніямъ, тревожную дѣятельность, которая не давала ему ни минуты покоя. Любимою забавою его были воинскія упражненія, которыми тѣшился онъ, почти ежедневно, съ своими сверстниками, дѣтьми придворныхъ Государыни. И кто бы, глядя на эти дѣтскія игры, могъ предугадать, что въ нихъ прозябаетъ сѣмя, долженствующее принесть столь обильные плоды для Россіи?

Юный Царь Өеодоръ Алексѣевичъ, свято чтя завѣтъ родительскій, имѣлъ о малолѣтнемъ братѣ своемъ Петрѣ истинно отеческое попеченіе. Онъ любилъ его душевно за острыя и умныя рѣчи, и посѣщая вдовствующую Государыню, часто забавлялся бесѣдою съ отрокомъ. Замѣчая необыкновенно быстрое возрастаніе его умственныхъ способностей, Царь повелѣлъ, не смотря на пятилѣтній только возрастъ Петра, пріискать достойнаго мужа, для наставленія его въ Русской грамотѣ и наукахъ. Дьякъ Челобитнаго Приказа, Никита Зотовъ, человѣкъ кроткій и добродѣтельный, облеченъ былъ сею важною должностію, и по благословенію Патріарха, послѣ обычнаго молебствія, 12-го Марта,

1677 года, началъ ученіе Царевича. Преподавая ему начальныя правила Закона и другихъ знаній, объясняя, по раскрашеннымъ картинкамъ, Русскую Исторію и славныя дѣянія Государей, показывая виды и планы замѣчательнѣйшихъ крѣпостей и городовъ, великолѣпныхъ зданій, кораблей и прочаго, Зотовъ болѣе и болѣе возбуждалъ жажду познаній въ юномъ Царевичѣ, который все постигалъ съ необыкновенною быстротою ума, такъ, что вскорѣ и самъ наставникъ уже не въ состояніи былъ удовлетворять всѣмъ распросамъ своего любознательнаго питомца.

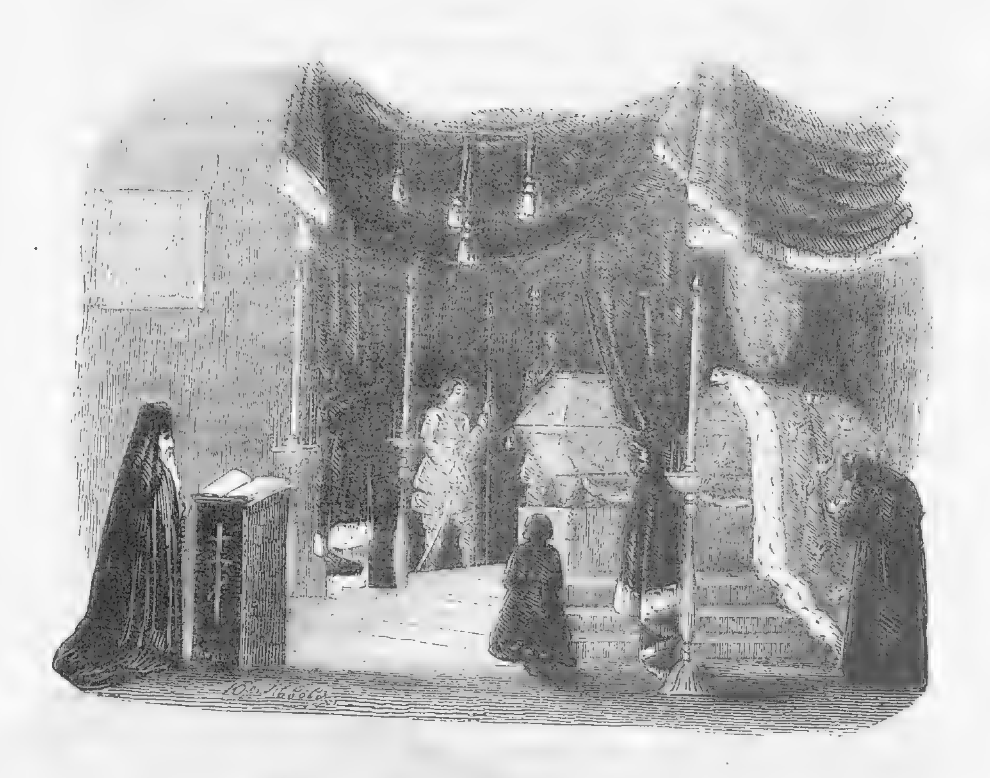
Между тѣмъ, хотя Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, какъ нѣжный и почтительный сынъ, всегда съ должнымъ уваженіемъ обращался съ вдовствующею Царицею, приближенные его, изъ партіи Милославскихъ, видя въ Царицѣ главную опору противной сто-

роны, часто причиняли ей чувствительныя обиды и огорченія. Въ одной рукописи находимъ мы сказаніе о дерзости боярина Языкова, причемъ особенно любопытна черта юнаго Царевича, изобличающая смѣлость и рѣшимость его характера. Бояринъ Иванъ Языковъ, любимецъ Царскій, часто причиняя Царицѣ оскорбленія, предложилъ ей, однажды, подъ предлогомъ тѣсноты помѣщенія, перебраться въ другой домъ, болѣе отдаленный отъ Царскаго жилища. Когда же Царица, опасаясь его злоумышленій и боясь покушеній на жизнь своего сына, рѣшительно отвергла это предложеніе, то онъ, забывъ должное къ ней уваженіе, съ наглостію сталъ ей выговаривать, называя ее ослушницею Царской воли, и довелъ даже до слезъ кроткую Государыню. Юный Петръ, видя все это и не говоря ни слова, отправился съ учителемъ прямо къ Царю и принесъ ему жалобу на дерзкаго Царедворца, объявивъ притомъ рѣшительно, что онъ не иначе согласенъ переѣхать и жить въ другомъ домѣ — какъ вмѣстѣ съ Царемъ. Потомъ, обратясь къ предстоящимъ, съ очами, наполненными слезъ, сказалъ: «*Или я не сынъ державнаго Царя Алексѣя Михайловича, что мнѣ и угла въ домѣ отца моего нѣтъ!*»

Тронутый Царь, обнявъ брата, старался успокоить его, обѣщая полное удовлетвореніе, а Языкова, не смотря на прощеніе Царицы, удалилъ отъ Двора и запретилъ притомъ всѣмъ, подъ смертною казнію, оскорблять Царицу и Царевича. Но партія, противная Нарышкинымъ, нашла случай удалить отъ Царевича любимаго учителя его, Зотова, который, въ 1680 году, 15-го Августа, былъ посланъ, вмѣстѣ съ стольникомъ Тяпкинымъ, въ Крымъ для заключенія перемирія съ Ханомъ. Впрочемъ, отсутствіе Зотова ни мало не остановило успѣховъ Царевича въ наукахъ. Геній его, вступивъ однажды на указанное поприще, развивался самъ собою. Вскорѣ, какъ мы увидимъ, Петръ самъ отыскалъ для себя болѣе свѣдущихъ и достойныхъ наставниковъ въ знаменитомъ Женевцѣ Лефортѣ и въ Тиммерманѣ.

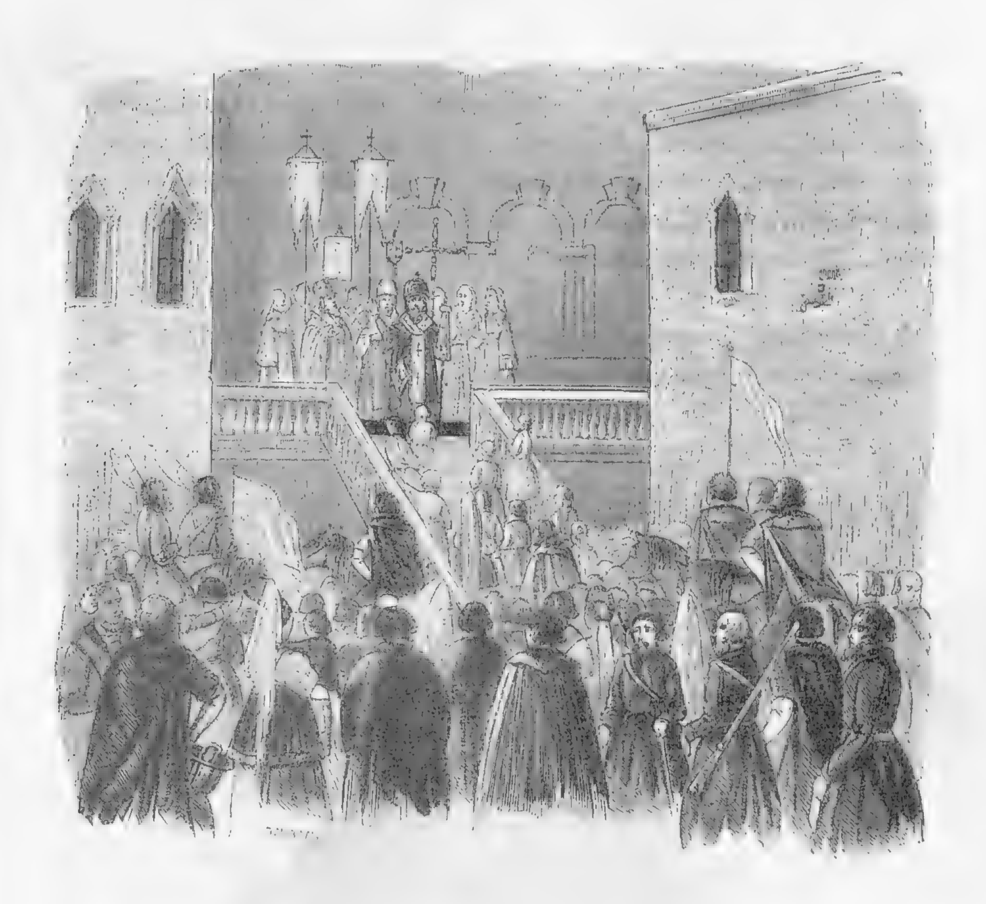
Между тѣмъ, какъ силы душевныя и тѣлесныя юнаго Петра быстро развивались и укрѣплялись, здоровье Царя Θеодора Алексѣевича, постепенно увядая, предвѣщало скорую его кончину. Сей Государь, слабый тѣломъ, но крѣпкій духомъ, въ продолженіе шестилѣтняго царствованія, въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ слѣдовалъ постоянно политикѣ мудраго своего родителя. Прекращеніемъ двадцати семилѣтней войны съ Турціею, за Украйну, и вражды съ Татарами Крымскими, успокоилъ онъ южные предѣлы Россіи; а уничтоженіемъ гибельнаго мѣстничества и открытіемъ въ Москвѣ Академіи, облегчивъ путь къ будущему преобразанію Россіи, заслужилъ похвалу и благодарность потомства.

Бывъ дважды женатъ, онъ умеръ бездѣтенъ, 27-го Апрѣля, 1682 года, оставя судьбу отечества въ рукахъ двухъ братьевъ своихъ — слабаго и больнаго Іоанна и юнаго Петра, окруженныхъ двумя непріязненными партіями бояръ.

При такомъ положеніи дѣлъ, борьба партій была неизбѣжна. Милославскіе, господствовавшіе въ царствованіе Θеодора, имѣя въ рукахъ своихъ бразды правленія и на своей сторонѣ право первородства защищаемаго ими старшаго Царевича Іоанна, не сомнѣвались въ успѣхѣ. Между тѣмъ, единственною надеждою и опорою Нарышкиныхъ былъ десятилѣтній отрокъ: но этотъ отрокъ былъ Петръ. Его цвѣтущее здоровье, ростъ не по лѣтамъ, красота и выразительность физіономіи, при умѣ быстромъ и необыкновенномъ въ его возрастѣ — давно уже влекли къ нему сердца народа. Патріархъ Іоакимъ, а слѣдовательно и все

знатнѣйшее духовенство, также были на сторонѣ Петра и Нарышкиныхъ.

И такъ, когда вѣсть о кончинѣ Θеодора Алексѣевича разнеслась по Москвѣ и собрала ко дворцу народъ, стрѣльцовъ и людей всѣхъ чиновъ и званій, Патріархъ, чтобы не дать противной партіи времени предпринять что либо рѣшительное, прямо обратился къ собравшемуся народу съ предложеніемъ: избрать на царство одного изъ двухъ Царевичей. Весь народъ единодушно провозгласилъ Петра. — Тогда и бояре и всѣ придворные, самые даже Милославскіе, должны были согласиться съ общимъ желаніемъ и подтвердить выборъ народный. Старшій Царевичъ, Іоаннъ Алексѣевичъ, чувствуя неспособность свою къ

управленію государствомъ, самъ, по сказанію лѣтописцевъ, утвердилъ выборъ, уступивъ добровольно права свои младшему брату, Петру.

Такимъ образомъ Петръ, на десятомъ году отъ рожденія, единодушнымъ, повидимому, желаніемъ всего государства, возведенъ былъ на престолъ, и того же 27-го Апрѣля, бояре, стрѣльцы, всѣ чины государственные и народъ присягнули ему. Царица Наталья Кирилловна, за малолѣтствомъ сына, объявлена Правительницею государства.

Нарышкины восторжествовали; но это торжество было непродолжительно и вскорѣ было смыто потоками ихъ собственной крови.

ГЛАВА II.

СТРѢЛЬЦЫ.

збраніе на престолъ Петра Алексѣевича, мимо старшаго брата Іоанна, было событіе, выходившее изъ обыкновеннаго порядка вещей и естественно долженствовало возбудить многихъ недовольныхъ, особенно при тогдашнемъ состояніи Двора, раздѣленнаго на двѣ непріязненныя партіи.

Милославскіе, при кончинѣ Ѳеодора Алексѣевича, захваченные, такъ сказать, въ расплохъ рѣшительностію Патріарха, и какъ бы оглушенные внезапнымъ ударомъ, упустили изъ рукъ своихъ бразды правленія. Но вскорѣ опомнились и приняли свои мѣры.

Слабый Іоаннъ, конечно, не могъ быть имъ орудіемъ къ возвращенію потеряннаго господства, но мѣсто его заступила женщина, одаренная умомъ великимъ и еще бо̀льшимъ честолюбіемъ,— сестра его, Царевна Софія Алексѣевна.

Надѣясь, по кончинѣ Ѳеодора Алексѣевича, руководить слабымъ братомъ своимъ Іоанномъ и подъ именемъ его управлять государствомъ, она вдругъ увидѣла всѣ свои мечты разрушенными, избраніемъ на престолъ Петра Алексѣевича. Гордый и

властолюбивый духъ ея возмущался при мысли, что она должна будетъ раздѣлить участь, общую по тогдашнимъ обычаямъ, большей части Русскихъ Царевенъ и влачить дни свои въ монастырскомъ уединеніи — безъ всякой власти, вдали отъ престола; а ненависть къ правительницѣ государства, мачихѣ Натальѣ Кирилловнѣ, и зависть влекли ее въ козни, устроенныя родственниками ея, Милославскими.

И такъ, властолюбіе женщины, соединясь съ духомъ партій, готовило страшную бурю, которая должна была—или низвергнуть Петра, сокрушивъ главныя опоры партіи, его поддерживавшей, или, по крайней мѣрѣ, возвесть на престолъ обоихъ Царевичей вмѣстѣ, а Софіи доставить кормило правленія.

Готовая на все, для достиженія власти, Царевна рѣшилась сперва испытать силу убѣжденія. Посему, пригласивъ къ себѣ Патріарха и все знатнѣйшее духовенство, бояръ и выборныхъ отъ всѣхъ сословій, она говорила имъ, много и краснорѣчиво, о необдуманномъ избраніи на царство малолѣтняго Петра, объ опасности, могущей произойти отъ нарушенія наслѣдственнаго права и отъ неминуемаго, при малолѣтнемъ Государѣ, вліянія вельможъ на дѣла; о единодушномъ желаніи стрѣльцовъ — видѣть на престолѣ старшаго Царевича, и наконецъ заключила просьбою: возвесть, по крайней мѣрѣ, на престолъ, вмѣстѣ съ Петромъ, и Іоанна Алексѣевича, предрѣкая, въ противномъ случаѣ, опасность государству и самой особѣ Государя. Но когда Патріархъ и всѣ, не бывшіе въ заговорѣ съ нею, рѣшительно отвѣчали, что присяги, однажды данной, не могутъ нарушить, а двоецарствіе, неслыханное въ Россіи, считаютъ опаснымъ, — то она прибѣгла къ послѣднему средству — къ возмущенію стрѣльцовъ.

Стрѣльцы, получившіе начало свое при Іоаннѣ IV, Васильевичѣ, во время Казанскихъ походовъ, составляли первое постоянное войско въ Россіи, отличавшееся отъ наборнаго войска лучшимъ устройствомъ и воинскимъ порядкомъ. Оставаясь постоянно въ однѣхъ мѣстахъ и въ отдѣльныхъ дружинахъ, они образовали родъ общества, или особаго сословія, и, мало по малу,

при внутреннихъ смутахъ и слабости правительства, присвоили себѣ многія важныя права и преимущества. Число стрѣльцовъ, по мѣрѣ нуждъ государства, также постепенно возрастало. — При Алексіѣ Михайловичѣ стрѣлецкое ополченіе, раздѣленное на разные полки, простиралось до 40 тысячь человѣкъ, изъ коихъ 15 тысячь постоянно жили въ Москвѣ, а прочіе, для защиты государства отъ непріятельскихъ вторженій, размѣщены были въ городахъ пограничныхъ. Получая отъ казны одежду, паёкъ и жалованье, присвоивъ себѣ право безпошлинной торговли и заведя въ рядахъ свои лавки, стрѣльцы жили отдѣльными слободами вокругъ Москвы, наслаждаясь довольствомъ и изобиліемъ, строго

придерживаясь старины и защищая пріобрѣтенныя ими льготы. Корыстное ремесло купца, соединенное съ званіемъ воина, увеличивало ихъ своеволіе и буйство и сдѣлало ихъ страшными для правительства, принужденнаго нерѣдко уступать ихъ мятежнымъ требованіямъ. Враги всѣхъ нововведеній, они съ негодованіемъ смотрѣли на вводимое Алексѣемъ Михайловичемъ Европейское военное искусство и дисциплину, и упорно противились всѣмъ благонамѣреннымъ предначертаніямъ правительства, несогласнымъ съ ихъ выгодами. Своеволіе этого войска достигло, наконецъ, до того, что стрѣльцы, заведя у себя круги, стали сами на этихъ сходбищахъ судить и даже наказывать своихъ начальниковъ, съ дерзостію требуя отъ правительства выдачи каждаго, кто былъ имъ противенъ. — Такимъ-то образомъ это войско, забывъ всякую подчиненность

и дисциплину, подобно преторіанскимъ когортамъ Римскихъ Императоровъ, или Турецкимъ Янычарамъ, изъ защитниковъ отечества — сдѣлалось грознымъ для него бремецемъ.

Новое правительство, уже въ первые дни своего существованія, испытало буйство и дерзость этихъ скопищъ. На третій день послѣ кончины Ѳеодора Алексѣевича, 29-го Апрѣля, толпы стрѣльцовъ явились передъ дворцомъ и, жалуясь на угнѣтенія, претерпѣваемыя ими отъ своихъ девяти полковниковъ, съ угрозою требовали выдачи обвиняемыхъ, желая сами наказать ихъ. Правительство думало уступкою укротить ихъ буйство, но тѣмъ увеличило только дерзость мятежниковъ и подстрекнуло ихъ къ новымъ неистовствамъ. Наконецъ, увѣщанія Патріарха подѣйствовали на буйныя толпы и укротили ихъ на короткое время.

Подобныя явленія, ясно обнаружившія слабость правительства и силу мятежнаго войска, указали честолюбивой Софіи путь и средства къ достиженію ея цѣли.

Глава партіи Милославскихъ, бояринъ Иванъ Милославскій, человѣкъ хитрый и коварный, любимый стрѣльцами за свое къ нимъ потворство и послабленіе, явился главою ужаснаго заговора. Но, чтобъ отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, онъ, сказавшись нарочно больнымъ, и никого къ себѣ не допуская, дѣйствовалъ тайно чрезъ своихъ приверженцевъ, изъ коихъ главнѣйшіе были: племянникъ его Александръ Милославскій, Иванъ и Петръ Толстые, Самбуловъ и прочіе. — Обѣщая отъ имени Царевны великія награды и милости, онъ привлекъ къ заговору многихъ начальниковъ стрѣлецкихъ, изъ которыхъ въ лѣтописяхъ упоминаются: Циклеръ, Петровъ, Озеровъ, Чермновъ и другіе. Стрѣльцы, страшась наказанія за свои прежнія злодѣйства, легко повѣрили всѣмъ разсказамъ заговорщиковъ о намѣреніяхъ новаго правительства обуздать навсегда ихъ буйство и своеволіе, истребленіемъ мятежнаго скопища и введеніемъ новаго порядка.

Волнуемые страхомъ, стрѣльцы, на тайныхъ сходбищахъ, начали помышлять о средствахъ къ отвращенію предстоявшей, по мнѣнію ихъ, опасности. Въ то же время, слухи о мнимомъ отравленіи Өеодора Алексѣевича, о противузаконномъ будтобы возведеніи на престолъ младшаго Царевича, объ опасности, угрожающей Царевичу Іоанну Алексѣевичу, о властолюбивыхъ замыслахъ Нарышкиныхъ и подобныя ложныя вѣсти, быстро распространяясь по полкамъ стрѣлецкимъ, возбуждали умы къ волненію. Наконецъ деньги, щедрою рукою разсыпаемыя стрѣльцамъ отъ имени Царевны, и обѣщаніе ея простить имъ всѣ прежнія вины и преступленія, и даже щедро наградить ихъ за новыя услуги и вѣрность къ Іоанну Алексѣевичу, рѣшительно преклонили ихъ къ бунту.

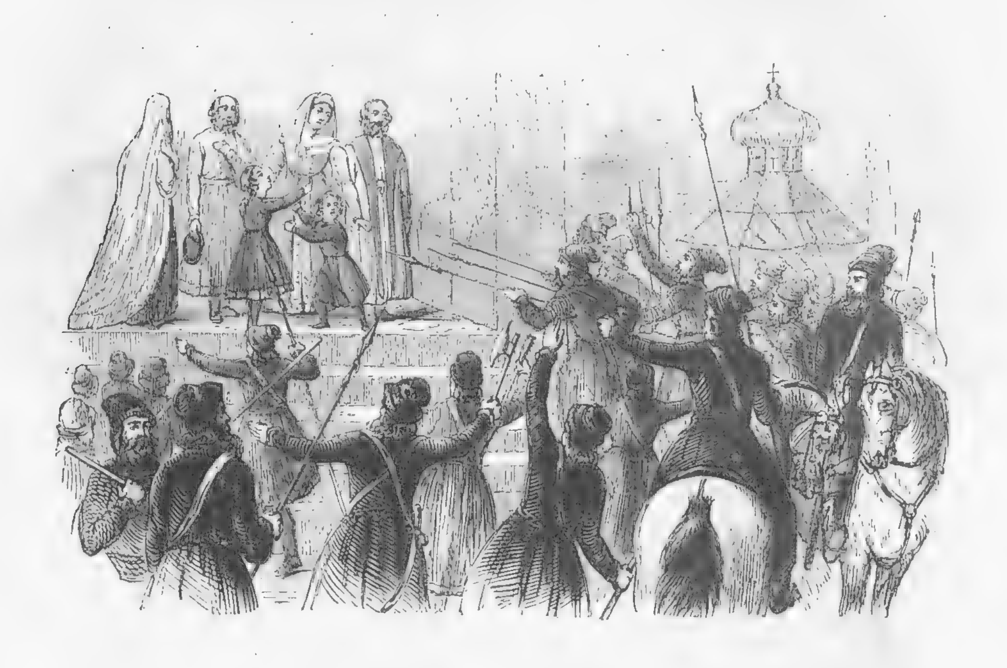
Роковая минута наступила. Утромъ, 15-го Маія, раздались, внезапно, по полкамъ стрѣлецкимъ крики заговорщиковъ: «Нарышкины удушили Царевича Іоанна!» Дрогнула Москва, услыша

грозный звукъ набата, обычный вѣстникъ смятеній и бѣдствій народныхъ!

Мятежники, отслуживъ молебенъ съ водоосвященіемъ, въ Знаменскомъ Соборѣ, подняли Образъ Богоматери, и, предшествуемые священниками, въ полномъ вооруженіи, съ пушками и знаменами, при страшномъ колокольномъ звонѣ и боѣ барабановъ,

устремились въ Кремль. Съ неистовыми воплями окружили они Царскій дворецъ, требуя выдачи: «измѣнниковъ Нарышкиныхъ, убійцъ Царевича Іоанна Алексѣевича». Трепещущіе отъ страха царедворцы не знали на что рѣшиться. Наконецъ, по убѣжденію бояръ, Царица Наталія Кирилловна, ведя за руки обоихъ царственныхъ братьевъ своихъ, вышла на Красное Крыльцо, надѣясь тѣмъ смирить буйство. Стрѣльцы, убѣдясь, что ихъ обманули вѣстію объ убійствѣ Царевича Іоанна, пришли въ смущеніе, и поколебались въ своихъ замыслахъ. Настала мгновенная тишина. Но крики заговорщиковъ: *«хотя и не умерщвленъ Царевичъ нынѣ, но впредь можетъ быть умерщвленъ Нарышкиными!»* — снова возбудили ярость толпы.

Царица, опасаясь за жизнь своего сына и Царевича Іоанна, удалилась съ ними въ Грановитую Палату, а буйныя толпы

мятежниковъ, преклоня впередъ копья, съ дикимъ воплемъ ворвались въ Царскіе чертоги и разсыпались повсюду, ища обреченныхъ на гибель Нарышкиныхъ. Добродѣтельнаго старца Матвѣева, за три дня только возвращеннаго изъ ссылки, мятежники изторгли изъ объятій самой Царицы, и сбросили съ Краснаго Крыльца на копья стоявшихъ внизу злоумышленниковъ....

Та же участь постигла брата Царицы, Аѳанасія Нарышкина, двухъ князей Долгорукихъ, отца и сына, двухъ князей Ромодановскихъ, князя Черкасскаго и многихъ знаменитыхъ бояръ, стольниковъ и членовъ Царской Думы, которыхъ имена стояли въ спискѣ осужденныхъ Милославскимъ. Три дня продолжались убійства, грабежи и насилія, и столица, со страхомъ и трепетомъ, ожидала развязки этой кровавой драмы.

На третій день, 17-го Мая, пьяные и разсвирѣпѣвшіе отъ убійствъ стрѣльцы стали угрожать, что предадутъ пламени Царскій дворецъ и истребятъ всѣхъ ближнихъ Царскихъ, если не выдадутъ имъ, укрывавшихся дотолѣ, другаго брата Царицы, Ивана Нарышкина, и отца ея, Кириллу Поліевктовича. — Царевна Софія, не выходившая до сихъ поръ изъ своихъ покоевъ, старалась чрезъ бояръ представить правительницѣ необходимость послѣдней великой жертвы, требуемой мятежниками. Наконецъ появилась и сама Царевна, притворно сокрушаясь о бѣдствіяхъ, постигшихъ правительство, и начала побуждать Царицу къ великодушной рѣшимости пожертвовать отцемъ и братомъ, для спасенія Царя и престола. — Буйные крики мятежной толпы подтверждали слова ея.

Несчастный Иванъ Нарышкинъ, укрывавшійся въ покояхъ Царевны Маѳы Алексѣевны, услышавъ о гибели, угрожавшей всему Царскому Дому, оставилъ свое убѣжище, съ твердою рѣшимостію принесть себя на жертву. Пріуготовясь пріобщеніемъ Святыхъ Таинъ къ неизбѣжной судьбѣ своей и ведомый изъ храма Царевною Софіею и неутѣшною сестрою своею, Царицею, спокойно приблизился онъ къ золотой рѣшеткѣ, за которою ждали его изверги, съ звѣрскими кликами и проклятіями. Едва успѣли отворить рѣшетку, стрѣльцы исторгли несчастнаго изъ рукъ Царицы и съ ругательствами повлекли на Красную Площадь. Престарѣлаго отца Царицы, выданнаго въ это же время боярами, злодѣи принудили быть свидѣтелемъ мученической смерти сына. Злополучнаго отца силою постригли въ монахи и отослали въ Кирилловъ монастырь, на Бѣло-озерѣ.

Насытясь кровію и убійствами и опасаясь, можетъ быть, возстанія противъ себя народа, мятежники вознамѣрились умножить силу свою, и, привлеченіемъ на свою сторону многочислен-

ныхъ слугъ боярскихъ, дали мятежу новую пищу. Разграбили Холопій Приказъ и, изодравъ всѣ бумаги и крѣпости, мятежники разметали ихъ по площади, объявивъ уничтоженіе всѣхъ отношеній между слугами и господами. Но къ счастію столицы и къ чести вѣрныхъ слугъ боярскихъ, между ними не много нашлось охотниковъ къ возстанію противъ правительства.

Хотя на четвертый день и прекратились убійства, но мятежные крики стрѣльцовъ: «да здравствуетъ Царь Іоаннъ Алексѣевичъ и Царевна Софія» — не умолкали до тѣхъ поръ, пока наконецъ Дворъ и Царская Дума принуждены были уступить ихъ требованіямъ и провозгласить Царями Іоанна и Петра Алексѣевичей вмѣстѣ, а правленіе государствомъ вручить Царевнѣ Софіѣ.

Мая 26-го дня происходила въ Москвѣ присяга обоимъ Государямъ; при чемъ стрѣлецкіе полки въ этотъ и въ послѣдующіе дни, по очереди, угощаемы были Царскимъ столомъ и напитками.

Того же числа Патріархъ, со всѣмъ духовенствомъ, бояре и всѣ чины государственные били челомъ Царевнѣ Софіѣ Алексѣевнѣ, прося ее принять бразды правленія. Послѣ долгаго сопротивленія, какъ бы страшась предлагаемаго ей бремени, съ величай-

шимъ, повидимому, отвращеніемъ, хитрая Царевна наконецъ приняла званіе Правительницы и власть верховную, для достиженія которой пролила столько невинной крови.

Первымъ дѣломъ новой Правительницы было отблагодарить виновниковъ своего возвышенія, стрѣльцовъ, щедрыми денежными наградами и новыми льготами, за мнимое ихъ усердіе и вѣрность къ Царскому Дому. Она утвердила имъ право: о всѣхъ своихъ надобностяхъ доносить, чрезъ выборныхъ, прямо самимъ Государямъ; а Стрѣлецкій Приказъ поручила, вмѣсто погибшихъ Долгоруковыхъ, въ управленіе князей Хованскихъ (отца и сына), любимыхъ стрѣльцами. Кромѣ того Царевна дозволила стрѣльцамъ, въ память ихъ подвига, воздвигнуть на Красной Площади каменный столпъ, на которомъ, на желѣзныхъ доскахъ, написаны были имена всѣхъ погибшихъ за свою мнимую измѣну. — Наконецъ, Царевна даровала имъ похвальныя грамоты, въ которыхъ преступные мятежники названы защитниками престола и изъ стрѣльцовъ переименованы въ надворную пѣхоту.

Стараясь такимъ образомъ пріобрѣсть расположеніе стрѣльцовъ и найти въ нихъ опору своего могущества, Царевна, въ то же время, хитро скрывая свое властолюбіе, показывала видъ, что дѣйствуетъ единственно для пользы Государей, возвышая наружный блескъ Царскаго достоинства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая разсѣять непріятное впечатлѣніе, возбужденное въ народѣ происшедшимъ переворотомъ, и отвлечь вниманіе толпы отъ своихъ поступковъ на другіе предметы, она дѣлала великолѣпныя приготовленія къ коронаціи обоихъ Государей. Для этого, съ величайшею поспѣшностію, сдѣланы были новые: крестъ, бармы, корона, скипетръ и держава для младшаго Царевича, совершенно подобные прежнимъ. Въ Успенскомъ Соборѣ, противъ самаго алтаря устроено подъ балдахиномъ возвышеніе, въ двѣнадцать ступеней, покрытое краснымъ сукномъ, на которомъ, по правую руку, для Царей, поставлены два престола, обитые бархатомъ и украшенные золотомъ и драгоцѣнными каменьями, а по лѣвую — престолъ для Патріарха. — Іюня 25, съ величайшею пышностію и торжествомъ, совершилось сіе двойственное вѣнчаніе на царство Іоанна и Петра Алексѣевичей.

Сіе единственное и безпримѣрное въ Россіи вѣнчаніе двухъ Царей, было первымъ и послѣднимъ. Государи, въ парчевыхъ одеждахъ и шапкахъ, въ сопровожденіи бояръ, знатнѣйшихъ сановниковъ и всего Двора, вышли изъ Грановитой Палаты, чрезъ Красное Крыльцо, и пошли къ Собору. Впереди шелъ Протоіерей, окропляя путь святою водою, а по сторонамъ солдатскіе и стрѣлецкіе полковники. Стрѣльцы стояли рядами, по обѣимъ сторонамъ дороги, а за ними безчисленное множество народа, въ благоговѣйномъ, торжественномъ молчаніи. «По прибытіи во храмъ Царей,» говоритъ г. Масальскій, изъ сочиненія котораго мы заимствуемъ это любопытное описаніе, «начали имъ пѣть многолѣ«тіе. Они приложились къ св. иконамъ, Спасовой ризѣ и мощамъ, «и Патріархъ благословилъ ихъ. Потомъ Государи и Патріархъ «сѣли на мѣста свои. Глубокая тишина воцарилась во храмѣ. «Государи, вставъ вмѣстѣ съ Патріархомъ, сказали ему, что они «желаютъ быть вѣнчаны на царство по примѣру предковъ своихъ «и по преданію Святой Восточной Церкви. Патріархъ спросилъ: «какъ вѣруете и исповѣдуете Отца и Сына и Святаго Духа?»— «Государи произнесли въ отвѣтъ Символъ Вѣры. —Послѣ того Па«тріархъ началъ рѣчь. Послѣ рѣчи, Царей облекли въ Царскія «одежды. Съ налоевъ, стоявшихъ на амвонѣ, принесли два жи«вотворящіе креста Патріарху. Онъ благословилъ ими Госуда«рей. Потомъ подали ему на золотыхъ блюдахъ бармы и Цар«скіе вѣнцы. Онъ возложилъ ихъ на Царей, вручилъ имъ ски«петръ и державу, и посадилъ ихъ на Царскомъ мѣстѣ. За«пѣли имъ многолѣтіе. Патріархъ, митрополиты, архіепископы, «епископы и все духовенство встали съ мѣстъ своихъ, покло«нились и поздравили Государей. За тѣмъ поздравляли ихъ бояре «и всѣ бывшіе въ церкви; а Патріархъ сказалъ имъ слѣдующее «поученіе: «Имѣйте страхъ Божій въ сердцахъ и сохраните Вѣру

«нашу истинную чисту непоколебиму; любите правду и ми«лость и судъ правый; будьте всѣмъ приступны, милостивы «и привѣтны. Отъ Бога дана вамъ бысть Держава, и сила «отъ Вышняго, васъ бо Господь Богъ въ себѣ мѣсто избра «на земли, и на престолъ посади; милость и животъ поло«жи у васъ. Едина добродѣтель отъ стяжанія безсмертная «суть. Языка льстива и слуха суетна не пріемлите Цари, «ниже оболгателя слушайте, ни злымъ человѣкомъ вѣры «емлите, но разсуждайте все по Бозѣ въ правду. Подо«баетъ мудрымъ послѣдовати, на нихъ же воистину, яко

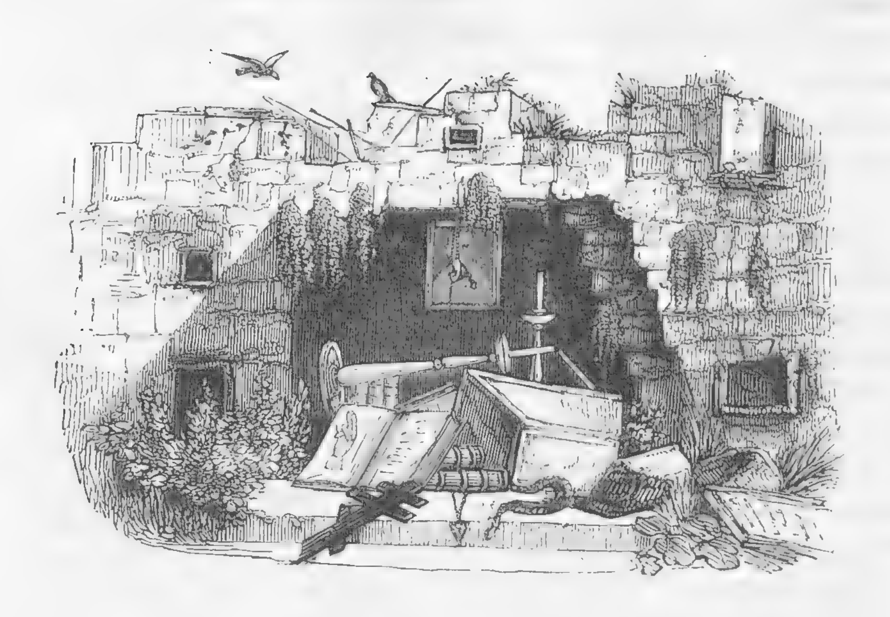
«на престолѣ, Богъ почиваетъ. Не тако красная міра вся, «яко же добродѣтель краситъ Царей. Имате и сами Царя, «иже есть на небесѣхъ. Аще бо Онъ всѣми печется, сице «потребно есть и вамъ Царемъ ничтожъ презирати, и аще «хощете милостива къ себѣ имѣти Небеснаго Царя, мило-«стивы будите и Вы ко всѣмъ да и здѣ добрѣ и благо по-«живете и наслѣдники будете Небеснаго Царствія. И тогда «пріимите неувядаемыя славы вѣнцы, и противъ своихъ «Царскихъ подвиговъ и трудовъ пріимите отъ Бога мзду «сторицею.»

«Потомъ началась литургія, въ продолженіе коей Цари стояли «на древнемъ Царскомъ мѣстѣ, находившемся въ правой сторонѣ «Собора. Отъ сего мѣста къ Царскимъ вратамъ постланъ былъ «алый бархатный коверъ, шитый золотомъ. Цари приблизились «къ вратамъ. Патріархъ вышелъ изъ алтаря. Митрополитъ при-«несъ на золотомъ блюдѣ, въ хрустальномъ дорогомъ сосудѣ, «Святое муро. Цари, приложась къ Спасову образу, написанному «Греческимъ Царемъ Эмануиломъ, къ иконѣ Владимірской Бо-«жіей Матери, написанной Св. Евангелистомъ Лукою, и къ иконѣ «Успенія Богородицы, остановились предъ Царскими вратами, «сняли вѣнцы, и отдали ихъ боярамъ, вмѣстѣ со скипетрами и «державами. Помазавъ Царей муромъ, Патріархъ велѣлъ двумъ «ризничимъ и двумъ діаконамъ ввести ихъ въ алтарь чрезъ Цар-«скія врата, и подалъ имъ съ дискоса часть животворящаго тѣла «и потиръ съ кровію Христовой. Государи, причастившись, вы-«шли изъ алтаря. Потомъ Патріархъ подалъ имъ часть анти-«дора, и, по принятіи онаго, Цари надѣли вѣнцы, взяли скипе-«тры и стали на своемъ мѣстѣ. По окончаніи литургіи, всѣ по-«здравляли Царей съ помазаніемъ муромъ и съ причащеніемъ «Святыхъ Тайнъ, а они пригласили Патріарха, весь соборъ ми-«трополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, также бояръ, околь-«ничихъ и Думныхъ дворянъ къ своему Царскому столу. Когда «Цари, въ вѣнцахъ и бармахъ, вышли изъ Собора, Сибирскіе «Царевичи Григорій и Василій Алексѣевичи осыпали ихъ золо-«тыми монетами. Народъ, въ безчисленномъ множествѣ собрав-«шійся на площади, привѣтствовалъ Государей продолжитель-«ными радостными восклицаніями. Государи, по постланному «красному сукну, пошли къ церкви Архангела Михаила, прикла-«дывались тамъ къ святымъ иконамъ, мощамъ св. Царевича Дими-«трія, и облобызали гробницы дѣда своего, родителя и брата, и про-

«чія Царскія гробницы. Когда они вышли изъ церкви на паперть, «Сибирскіе Царевичи снова осыпали ихъ золотомъ. Потомъ, прило«жась къ иконамъ въ церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, «они были еще осыпаны золотомъ трижды, по выходѣ изъ храма, «тѣми же Царевичами. Потомъ, чрезъ Постельное крыльцо, они «возвратились въ свои Царскіе чертоги.»

Царевна-правительница, уклоняясь отъ почестей, не упускала, между тѣмъ, случая, новыми милостями увеличить число и усердіе своихъ приверженцевъ. — Многихъ изъ нихъ возвела она въ высшія званія и мало по малу предоставила имъ всѣ важнѣйшія должности въ государствѣ, упрочивая свою собственную власть и оставляя Царямъ только одинъ санъ и почести. Казалось, все благопріятствовало Царевнѣ: и вліяніе ея на слабаго Іоанна, и малолѣтство Петра и кротость Царицы Наталіи Кириловны, всегда уклонявшейся отъ дѣлъ правленія. Но вскорѣ Царевна Софія познала на опытѣ, какъ ненадежна власть, насиліемъ пріобрѣтенная, и какъ опасно снимать узду повиновенія съ черни и дѣлать ее опорою своего могущества. Мятежемъ достигшая власти, Царевна должна была, во все время своего правленія, или бороться съ мятежами, или возбуждать новыя крамолы, для поддержанія своей власти.

ГЛАВА III.

СТАРОВѢРЫ.

два утихла первая буря, омрачившая зарю Петровой жизни, едва совершилось торжество коронацiи—и уже новыя волненiя начали угрожать опасностiю Церкви и Престолу. Страсти толпы, однажды пробужденныя, готовы къ услугамъ каждаго честолюбца. Скоро и легко вознесли онѣ Софiю на высоту власти, но такъже скоро готовы были и поглотить ее. Употребивъ это опасное орудiе для прiобрѣтенiя

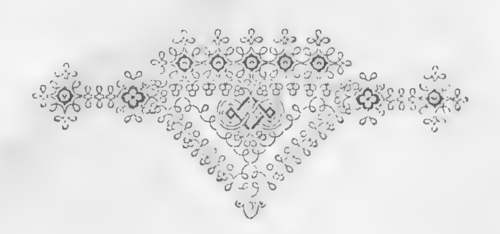
господства, она показала другимъ пагубный примѣръ властолюбія; а въ подражателяхъ никогда не бываетъ недостатка, если уже проложенъ путь и указаны средства. Софія нарушила спокойствіе государства и произвела переворотъ въ правленіи; другіе простерли дерзость свою далѣе—и посягнули на Святую Церковь.

Съ самаго введенія христіанства въ Россіи, до послѣдней половины XVII вѣка, Церковь наша постоянно отличалась тишиною и спокойствіемъ. Никогда, ни какія бури, порождаемыя разногласіемъ мнѣній религіозныхъ и мудрованіемъ человѣческимъ, не колебали божественныхъ началъ ея, и властолюбіе партій не дерзало нарушать ея цѣлости и единства. — Но, въ половинѣ XVII столѣтія, невѣжество и привязанность къ старинѣ произвели секту *Староевѣровъ*, которая нарушила миръ Православной Церкви, и готова была сокрушить нетвердую еще власть Софіи, въ самомъ началѣ ея правленія.

Исправленіе церковныхъ книгъ, предпріятіе полезное, но дурно выполненное, было началомъ этой грубой секты, еще и понынѣ существующей. Патріархъ Іосифъ, предшественникъ Никона, узнавъ, что во многихъ церквахъ, за недостаткомъ печатныхъ книгъ, употреблялись рукописныя, наполненныя грубыми ошибками, повелѣлъ особой коммиссіи исправить ихъ и напечатать. Коммиссія эта, составленная или изъ людей неблагонамѣренныхъ, или изъ невѣждъ и суевѣровъ, напечатала рукописи, но безъ всякихъ поправокъ, и даже съ присоединеніемъ своихъ нелѣпыхъ толкованій. Никонъ, вступивъ на патріаршій престолъ, спѣшилъ исправить это зло, и съ помощію ученыхъ мужей, призванныхъ изъ Греціи и Княжества Литовскаго, перепечаталъ церковныя книги, свѣривъ ихъ съ Греческимъ текстомъ. Но излишняя строгость его, въ отношеніи къ прежнимъ издателямъ, имѣла самыя пагубныя слѣдствія. — Лишенные духовнаго сана, преданные истязанію и изгнанные изъ Москвы, они удалились, пылая злобою на Патріарха, и начали по селамъ и деревнямъ провозглашать, что Никонъ антихристъ, что Святая Вѣра гибнетъ отъ его нововведеній, что новыя книги, живописныя иконы, согласное пѣніе и прочія, сдѣланныя имъ, улучшенія, суть только средства къ уничтоженію древняго Православія.

Такимъ образомъ, выдавая себя защитниками истинной Вѣры, будто бы гонимой Патріархомъ, и затронувъ, такъ сказать, самую чувствительную струну народнаго характера—благочестіе и любовь къ старинѣ, имъ не трудно было встревожить совѣсть людей простодушныхъ, и снискать себѣ многихъ послѣдователей между простымъ народомъ. Кроткія мѣры и вліяніе духовенства легко могли бы, еще въ самомъ началѣ, образумить ослѣпленныхъ; но Никонъ, согласно съ своимъ суровымъ характеромъ, прибѣгнулъ къ жестокости, и тѣмъ увеличилъ только число и упорство еретиковъ. Духовные же, — вообще ненавидя Никона за строгость, съ которою онъ наблюдалъ за ними, преслѣдуя каждый ихъ проступокъ, каждое малѣйшее упущеніе, — помогали ему слабо, а нѣкоторые даже сами присоединялись къ числу враговъ его. Такъ личныя страсти немногихъ, —какъ это и всегда бываетъ,—надолго погрузили сотни тысячь несчастныхъ въ грубый обманъ и заблужденіе!

Не смотря на всю строгость мѣръ, принятыхъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и сыномъ его Ѳеодоромъ, къ искорененію этой нелѣпой секты, она все болѣе и болѣе распространялась, сперва по селеніямъ и городамъ отдаленнымъ, а наконецъ появилась и въ самой Москвѣ, гдѣ нашла многихъ послѣдователей, особенно между стрѣльцами и низшимъ классомъ народа.

Передъ кончиною Ѳеодора Алексѣевича, въ Москвѣ явился, главнымъ проповѣдникомъ и распространителемъ этой секты, нѣкто Никита, прозванный Распопомъ и Пустосвятомъ, человѣкъ наглый и дерзкій, который уже и прежде смущалъ умы народа; но, устрашась казни, онъ принесъ торжественное покаяніе и притворно отрекся отъ своего ученія. Потомъ, пользуясь смутнымъ временемъ и слабостію правительства, этотъ изувѣръ, ободряемый

успѣхомъ мятежа стрѣлецкаго и чувствуя свою силу, постепенно возраставшую, снова обратился на прежній путь и, вмѣстѣ съ подобными ему невѣждами, началъ наконецъ всенародно, на улицахъ и площадяхъ Московскихъ, произносить свои дерзкія и возмутительныя рѣчи, оскорбляя Православную Церковь, Патріарха и все духовенство, и убѣждая народъ не входить въ храмы, будто бы оскверненныя нововведеніями, а держать «*старую вѣру*».

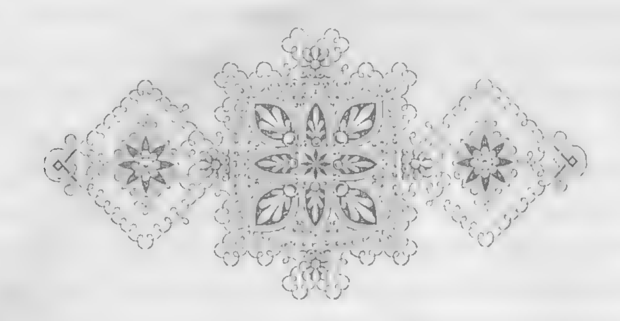
Многочисленныя толпы легковѣрныхъ, стекаясь отвсюду, окружали всегда лжеучителей, а число—умножало ихъ буйство и дерзость.

Но сокровенною пружиною этихъ смутъ и волненій, по сказанію лѣтописцевъ, былъ старый Князь Иванъ Хованскій, главный начальникъ Стрѣлецкаго Приказа. По суевѣрію, а можетъ быть и изъ видовъ властолюбія, сдѣлался онъ тайнымъ еретикомъ и, обѣщая гонимой сектѣ доставить случай къ торжественному состязанію о Вѣрѣ съ самимъ Патріархомъ и высшимъ духовенствомъ, подстрѣкалъ къ возстанію.—Утромъ, 5 Іюля, когда Патріархъ совершалъ молебствіе въ Успенскомъ Соборѣ, еретики, полагаясь на обѣщаніе Хованскаго, съ безчисленною толпою черни ворвались въ Кремль и расположились на площади, ожидая пренія о Вѣрѣ. Посланные къ нимъ отъ Патріарха, для увѣщанія, были прогнаны и едва не побиты каменьями. Ругательства и угрозы неистовой толпы принудили наконецъ и Патріарха бѣжать изъ храма, подъ защиту Двора, который, страшась повторенія майскихъ сценъ и трепеща за собственную безопасность, находился въ недоумѣніи, не зная на что̀ рѣшиться. Хованскій коварно предлагалъ собрать соборъ и всенародно обличить еретиковъ въ лживости ихъ ученія, говоря, что это единственное средство прекратить возмущеніе. Правительница, конечно знала, какъ опасно это средство, вѣроятно угадывала и тайныя козни Хованскаго; но, не приготовленная къ такому внезапному взрыву и видя весь Кремль уже во власти буйной черни и стрѣльцовъ, принуждена была уступить силѣ. Однако, не смотря на представленія Хованскаго, который хотѣлъ, чтобы только Патріархъ и духовенство шли на состязаніе, она рѣшилась сама, со всѣмъ Дворомъ своимъ, предсѣдательствовать на этомъ соборѣ, въ Грановитой Палатѣ. Съ шумомъ хлынули туда еретики, подъ предводительствомъ Никиты и другихъ ересіарховъ, неся предъ собою налой, зажженныя свѣчи, древнія иконы и книги. По прочтеніи, поданной ими, дерзкой челобитной, началось преніе. — Но была ли истина когда нибудь доступна уму, ослѣпленному фанатисмомъ? Опроверженія и противорѣчіе увеличили только бѣшенство изувѣровъ, которые, видя себя побѣжденными на словахъ, готовы были уже прибѣгнуть къ силѣ и употребить для доказательства, принесенные за пазухою, каменья.

Уже Никита бросился на ревностнаго поборника Православія, Аѳанасія, Архіепископа Холмогорскаго, готовый задушить его, — но благоразумная твердость и рѣшительность Царевны - правительницы, равно какъ и присутствіе членовъ Царскаго семейства, остановили буйство и удержали мятежныхъ. — День началъ уже клониться къ вечеру. Легковѣрная толпа, находясь съ самаго утра въ безпрерывномъ движеніи, вспомнила объ отдыхѣ и стала расходиться; а упорнѣйшіе изувѣры, не видя помощи отъ стрѣльцовъ и народа, должны были довольствоваться обѣщаніемъ Софіи—выдать имъ указъ на ихъ челобитную. Они вышли изъ Палаты, какъ торжествующіе, прославляя по городу мнимую свою побѣду. Въ то же время Правительница вступила въ переговоры съ стрѣльцами и склонила на свою сторону тѣхъ изъ нихъ, которые не были причастны къ ереси. Никита и пятеро главныхъ сообщниковъ его тогда-же были схвачены и преданы въ руки правосудія, а прочіе разбѣжались.

Казнь Никиты (6 Іюля 1682) и заточеніе его товарищей прекратили первое смятеніе, произведенное фанатисмомъ:—но искра тлѣла подъ пепломъ и, раздуваемая коварными честолюбцами, готовила сильнѣйшій пожаръ.

Въ теченіе Іюля и Августа мѣсяцевъ, умы находились въ безпрерывномъ волненіи, которое постепенно возрастало отъ взаимной недовѣрчивости партіи. Староверы, пристыженные, но не уни-

чтоженные, дышали злобою за смерть своего ересіарха и втайнѣ ожидали случая къ отмщенію.—Стрѣльцы, съ боязнію и безпокойствомъ, слѣдили за всѣми дѣйствіями правительства и, смущаемые разными нелѣпыми слухами, безпрерывно устрашали Дворъ и столицу своею дерзостію. При малѣйшемъ неудовольствіи на кого-либо, они тотчасъ прибѣгали къ самоуправству, пытали и наказывали своихъ начальниковъ, и даже казнили одного стараго, заслуженнаго полковника своего, Янова, который строгостію и дисциплиною навлекъ на себя ихъ ненависть. Со страхомъ взирало правительство на такое своеволіе, и подозрѣвало начальника стрѣлецкаго въ преступныхъ замыслахъ. — Наконецъ, къ умноженію безпорядковъ и волненій, возгорѣлась еще личная вражда между Милославскимъ и Хованскимъ. Причины этой вражды лѣтописи не объясняютъ; но, изображая стараго Князя Ивана Хованскаго человѣкомъ трусливымъ, суевѣрнымъ и до крайности честолюбивымъ, а сына его Андрея — легкомысленнымъ, безразсуднымъ и тщеславнымъ лѣтописи заставляютъ, по крайней мѣрѣ, догадываться, что эти честолюбцы, одолженные Милославскому своимъ возвышеніемъ, хотѣли гибелью прежняго крамольника проложить себѣ путь къ дальнѣйшимъ почестямъ, и истощили всѣ средства, чтобы склонить на свою сторону мятежное войско стрѣлецкое. Продавъ имѣніе бояръ, убитыхъ во время бунта, они раздѣлили деньги между стрѣльцами, роздали имъ почти всю казну государственную, взыскали для нихъ же, подъ разными несправедливыми предлогами, огромныя суммы съ монастырскихъ и другихъ имѣній, и, принимая отъ стрѣльцовъ неправыя челобитныя о долгахъ, приказывали, безъ всякаго суда и допроса, взыскивать съ каждаго показанную челобитчикомъ сумму.—За то и стрѣльцы были совершенно преданы Хованскимъ. Стараго Князя они не называли иначе, какъ *отцемъ;* у дома его приставили многочисленный почетный караулъ, и, если онъ куда нибудь выѣзжалъ, конный отрядъ стрѣльцовъ всегда сопровождалъ его. — Не удивительно, что подобныя почести вскружили голову честолюбивому Князю и внушили ему такіе замыслы, какихъ онъ, можетъ быть, и не имѣлъ сначала!

Всѣ поступки Хованскихъ повидимому клонились къ тому, чтобы посѣять раздоръ въ государствѣ и разными слухами вооружить стрѣльцовъ противу бояръ и правительства. Лѣтописи утверждаютъ, что Хованскіе неоднократно имѣли тайныя совѣщанія съ стрѣльцами и старовѣрами; что на одномъ изъ подобныхъ сборищъ,— 16 Августа, уже рѣшена была гибель всего Царскаго Дома, но что это злодѣйство, которое предположено было совершить 19-го Августа, во время крестнаго хода, оказалось неудобоисполнимымъ. Можетъ быть, страхъ и недовѣрчивость правительства, ненависть оскорбленнаго народа и коварство Милославскаго преувеличили вину Хованскихъ: — впрочемъ, непомѣрная ихъ гордость, явное стремленіе къ самовластію и неоднократное ослушаніе Царскимъ указамъ, сильно противъ нихъ свидѣтельствуютъ.

Въ концѣ лѣта 1682 года, положеніе Москвы было ужасно. Грозная туча, казалось, нависла надъ нею и ежеминутно угрожала общимъ бѣдствіемъ. Слухи,—одинъ другаго страшнѣе, одинъ другаго нелѣпѣе, носились по городу, смущали народъ и умножали безпокойство. *И въ Московскомъ Государствѣ*, говоритъ Желябужскій, *время было лихое, и шатаніе великое, и въ людѣхъ смута*. Наглость и буйство стрѣльцовъ съ каждымъ днемъ возрастали. Ихъ требованія, обращаемыя къ правительству, жалобы и безпрестанныя нападки на бояръ не имѣли предѣловъ и наводили страхъ и ужасъ на каждаго. Многіе изъ бояръ, избѣгая участи, недавно постигшей ихъ собратій, спѣшили оставить Москву. Наконецъ, и Дворъ почелъ свое пребываніе въ столицѣ не безопаснымъ, и удалился въ село Коломенское. Вмѣстѣ съ Дворомъ бѣжали и остальные бояре, сановники и многіе изъ граждавъ. Въ Москвѣ, съ Хованскимъ, остались только стрѣльцы, посадскіе и всѣ тѣ, которымъ нечего было терять и, слѣдовательно, нечего страшиться. Печально и со страхомъ встрѣчала опустѣлая столица 1 Сентября, новый 7191 годъ міра, *и зѣло въ тотъ день*, говоритъ лѣтопись, *на дѣйствѣ* (на торжествѣ новаго года) *всякихъ людей было мало, Царскаго же синклита единъ токмо окольничей бѣ*.

Не успѣлъ еще Дворъ расположиться въ селѣ Коломенскомъ, какъ уже новые слухи заставили его искать другаго, болѣе безопаснаго, убѣжища. Сентября 2, у дворцовыхъ воротъ прилѣплено было письмо, которымъ одинъ стрѣлецъ и двое посадскихъ извѣщали Государей о новыхъ замыслахъ Хованскихъ. На нихъ доносили, будто они призывали къ себѣ девять человѣкъ стрѣльцовъ и пятерыхъ посадскихъ, и уговаривали ихъ помочь «*доступити Царства Московскаго*», т. е., побить Государей, Наталью Кирилловну и Царевну Софію — также и Патріарха, и властей и многихъ бояръ, *за то*, какъ сказано было въ письмѣ, *что будто они старую вѣру не любятъ, а новую заводятъ*. Потомъ возмутить все государство и возвесть на престолъ Князя Ивана, а сына его женить на одной изъ Царевенъ, Патріарха же и властей избрать, «*которые бъ старыя книги любили*». Устрашенный этими вѣстями, Дворъ

снова поднялся и рѣшился искать безопасности подъ защитою святыни, въ укрѣпленной Троицко-Сергіевой Лаврѣ.

Между тѣмъ, Правительница приняла самыя дѣятельныя мѣры къ отвращенію угрожающей опасности. Еще на пути въ Троицкую Лавру, изъ монастыря Саввы Сторожевскаго и села Воздвиженскаго разослала она грамоты къ дворянству окрестныхъ городовъ, приглашая всѣхъ немедленно поспѣшить на защиту Государей; въ то же время рѣшилась употребить хитрость, чтобъ выманить Хован-

скихъ изъ Москвы и разлучить ихъ съ стрѣльцами. Она послала къ Хованскимъ грамоту, въ которой, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, выхваляла ихъ ревностную службу и приглашала, подъ предлогомъ важныхъ дѣлъ государственныхъ, на совѣщаніе. Эта хитрость имѣла совершенный успѣхъ.

Хованскіе вдались въ обманъ и поѣхали; но, 17 Сентября, были, по Царскому указу, схвачены на пути — Иванъ Хованскій въ селѣ Пушкинѣ, а сынъ его въ своей подмосковной деревнѣ — и связанные привезены въ Воздвиженское, гдѣ находилась Правительница. Немедленно, въ присутствіи всего Двора и собравшагося народа прочтены были на площади обвинительныя противъ нихъ статьи и

тутъ же, безъ всякаго слѣдствія, обоимъ, равно какъ и выборнымъ стрѣлецкимъ, отрублены головы.

Эта поспѣшность въ наказаніи, необходимая при тогдашнихъ обстоятельствахъ, подала многимъ поводъ думать, что Хованскіе погибли безвинно, жертвою козней Милославскаго. Но Правительница, рѣшась однажды захватить ихъ, не могла уже медлить и казнію, ибо была увѣрена, что стрѣльцы, чрезъ нѣсколько дней, съ оружіемъ въ рукахъ, принудили бы ее выдать своего любимаго начальника. — Притомъ же, она, вѣроятно, думала быстротою и рѣшительностію поразить умы заговорщиковъ и, погубивъ главнаго предводителя, разстроить ихъ замыслы. Однако жъ, слѣдствія не оправдали ея ожиданій. Вмѣсто того, чтобы отвратить опасность, которая, можетъ быть, была только мнимая, казнь Хованскихъ ускорила ее, подвигнувъ стрѣльцовъ къ отмщенію за смерть своего покровителя.

Ночью, на 18 Сентября, другой сынъ Хованскаго, Князь Иванъ, Комнатный стольникъ Царя Петра Алексѣевича, поспѣшно прибѣжалъ въ Москву и вѣстію о погибели отца и брата — будто бы убитыхъ боярами, безъ Царскаго указа — взволновалъ стрѣльцовъ. Страшный видъ представила Москва, страшно было пробужденіе испуганныхъ жителей. Мракъ ночи, гулъ набата, бой барабановъ, вооруженные толпы стрѣльцовъ, ихъ неистовые крики и бѣготня по улицамъ, — все это поражало ужасомъ сердце каждаго, и казалось внезапнымъ и грознымъ переходомъ отъ временнаго сна къ вѣчному...

Но и стрѣльцы объяты были не меньшимъ страхомъ и недоумѣніемъ. Безъ главы и предводителя, они только шумѣли и кричали, не зная что̀ предпринять и на что̀ рѣшиться. Особенно устрашалъ ихъ слухъ, будто бояре хотятъ идти на нихъ съ своими вооруженными людьми и побить всѣхъ, до единаго. Волнуемые попремѣнно и страхомъ и яростію, они сперва собрались въ полномъ вооруженіи, со всѣмъ воинскимъ снарядомъ, чтобы идти въ походъ противъ Двора; но побоялись мно-

гочисленныхъ людей боярскихъ и иноземныхъ войскъ, тогда же, по Царскому указу, поспѣшившихъ на помощь къ Государямъ.

Наконецъ, разграбивъ пороховую казну и пушечный дворъ, стрѣльцы роздали оружіе всѣмъ жителямъ, выставили на стѣнахъ пушки, заперли ворота, разставили стражу и засѣли въ Москвѣ, не пропуская никого ни въ городъ ни изъ города.

Патріархъ, остававшійся въ Москвѣ между буйными стрѣльцами, находился въ безпрерывномъ страхѣ и долженъ былъ вытерпѣть много обидъ и оскорбленій. — Сентября 18-го присланъ къ нему отъ Государей Стольникъ Зиновьевъ, съ объявительною грамотою о преступленіяхъ и казни Хованскихъ. Стрѣльцы, схвативъ его, едва не убили и, приведя къ Патріарху, заставили въ слухъ прочесть Царскую грамоту. «*Идемъ!*» завопили они, услышавъ о казни Хованскихъ и выборныхъ своихъ; «*идемъ—побьемъ бояръ!*» Одноко же и въ эту грозную минуту стрѣльцы не имѣли довольно смѣлости, чтобы рѣшиться на такое предпріятіе.

Между тѣмъ Правительница, узнавъ отъ возвратившагося Стольника о состояніи Москвы, повелѣла немедленно укрѣпить монастырь и приняла всѣ нужныя мѣры для обороны. Въ то же время многочисленныя дружины дворянства, однѣ за другими,

начали стекаться отвсюду къ монастырю, и привели Дворъ въ совершенную безопасность отъ ярости мятежниковъ. По мѣрѣ умноженія этихъ войскъ умножалась и робость стрѣльцовъ. Они увидѣли невозможность бороться съ силами почти цѣлаго государства, и отъ крайней дерзости перешли къ малодушію. — Въ раскаяніи и добровольной покорности надѣялись они еще найти средство къ своему спасенію, и обратились къ Патріарху, прося его быть за нихъ ходатаемъ предъ оскорбленнымъ правительствомъ.

Съ радостію услышалъ Дворъ объ этой внезапной перемѣнѣ расположенія стрѣльцовъ, но неблагоразумно было бы съ его стороны безусловно положиться на сомнительную покорность мятежнаго войска, и, возвратясь въ Москву, предать себя снова въ его руки. Дворъ остался въ своемъ убѣжищѣ, а Правительница рѣшилась воспользоваться представившимся ей благопріятнымъ случаемъ — къ всегдашнему уничтоженію гордости и своеволія стрѣльцовъ и приведенію ихъ въ совершенную отъ себя зависимость, отнявъ у нихъ всѣ средства къ нарушенію впредь общественнаго спокойствія. Посему, поручивъ управленіе надъ Москвою Боярину Головину, мужу извѣстному своею твердостію и благоразуміемъ, и повелѣвъ войску стать въ ближайшихъ къ Москвѣ городахъ и занять всѣ дороги, она потребовала немедленной выдачи всѣхъ зачинщиковъ бунта. Такія мѣры, принятыя Правительницею, и оказавшійся въ Москвѣ недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, не дали стрѣльцамъ долго думать. Они покорились безусловно. Странное и трогательное зрѣлище представило теперь это войско, еще недавно столь буйное! Не довольно того, что главные виновники мятежа сами отдѣлились отъ полковъ и обрѣкли себя на казнь — стрѣльцы, почитая себя равно виновными, выбрали изъ всѣхъ полковъ десятаго человѣка и отправили въ монастырь, для принятія наказанія. — Осужденные, которыхъ число нѣкоторые лѣтописи полагаютъ до 3700 человѣкъ, пріобщась Святыхъ Таинъ и приготовясь къ неизбѣжной смерти, отправились изъ Москвы, иные съ веревками на шеѣ, другіе съ плахами и топорами, въ сопровожденіи толпы плачущихъ женъ, дѣтей и родственниковъ

Эта невиданная дотолѣ процессія, достигнувъ монастыря, остановилась предъ Царскими покоями. Стрѣльцы, поставивъ плахи, воткнули топоры и пали ницъ. Дворъ, удивленный такимъ неожиданнымъ зрѣлищемъ, не зналъ что̀ дѣлать и какъ поступить съ ними. — Наконецъ, послѣдовалъ приговоръ, по которому тридцать главныхъ заговорщиковъ преданы казни, Хованскій сосланъ въ Сибирь, а всѣ прочіе получили прощеніе и, прославляя великодушіе Государей, возвратились въ Москву.

Пользуясь минутою раскаянія мятежнаго войска, Правительница спѣшила предписать ему правила его поведенія, на будущее время, а Бояринъ Головинъ и Патріархъ немедленно привели въ исполненіе всѣ ея указы, безъ труда возстановили спокойствіе и порядокъ въ столицѣ и уничтожили самые даже слѣды прежнихъ смятеній. Столпъ, памятникъ слабости правительства, воздвигнутый на площади, послѣ перваго бунта, былъ теперь сломанъ, по челобитью самихъ стрѣльцовъ, и выданныя имъ похвальныя грамоты уничтожены. Тогда только Дворъ рѣшился оставить свое убѣжище, но для безопасности столицы, на будущее время, тогда же, Царскимъ указомъ, предписано было всѣмъ чиновникамъ, дружинамъ дворянъ Московскихъ, иностранцамъ и людямъ боярскимъ ходить въ Москвѣ съ оружіемъ; стрѣльцамъ же дозволялось быть вооруженными только во время занятія карауловъ.

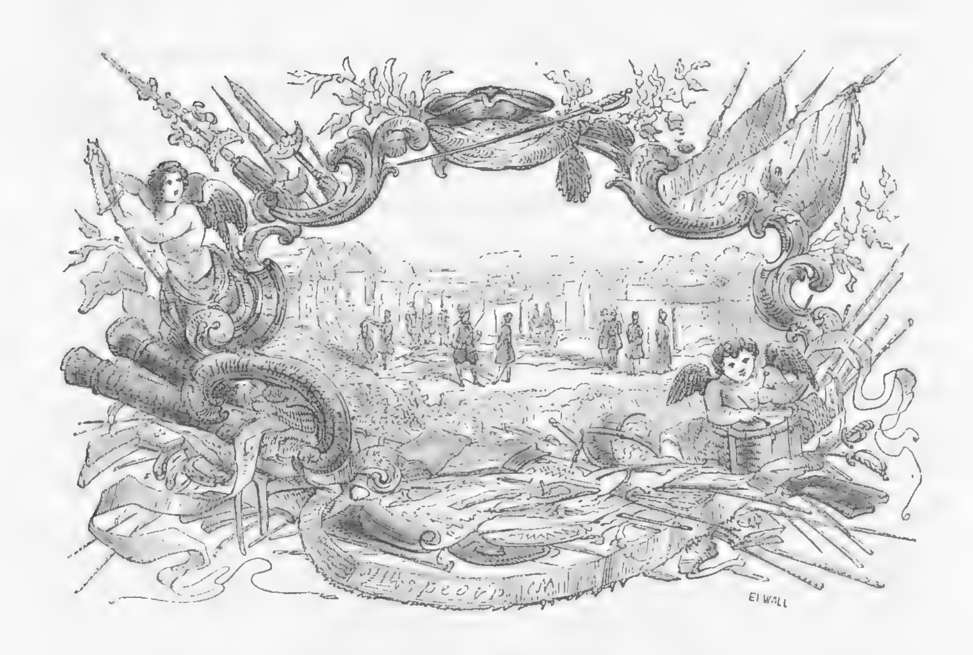

Наконецъ, щедро наградивъ всѣхъ прибывшихъ въ монастырь для защиты Государей и распустивъ бо̀льшую часть этого ополченія, Правительница и оба Царя, въ сопровожденіи остальныхъ

войскъ дворянскихъ, со всѣмъ Царскимъ Домомъ и Дворомъ, возвратились въ столицу, 6 Ноября 1682 года, и, при радостныхъ восклицаніяхъ жителей, въѣхали въ нее сквозь ряды безоружныхъ стрѣльцовъ, лежавшихъ во прахѣ по обѣимъ сторонамъ дороги.

Укротивъ порывы властолюбія и фанатисма религіознаго, Правительница приняла теперь твердо и спокойно въ свои руки кормило государства и ознаменовала свое правленіе многими истинно благотворными учрежденіями и славными для Россіи дѣлами, омрачивъ однако жъ память свою преступнымъ посягательствомъ на Царскій вѣнецъ, ей непринадлежавшій. — Но прежде, нежели мы послѣдуемъ за этою необыкновенною женщиною на дальнѣйшее поприще ея политической жизни, обратимъ снова вниманіе наше на юнаго Петра, и взглянемъ еще разъ на эту отрадную зарю, которая, какъ предвѣстница новаго лучезарнаго дня, разсвѣтала уже на горизонтѣ Россіи.

ГЛАВА IV.

ПОТѢШНЫЕ.

ервоначальное воспитаніе Петра, подъ руководствомъ Зотова, было непродолжительно. Оно было прервано, на девятомъ году возраста Петра, козпями придворныхъ партій и внутренними смятеніями. Казалось, воспитаніе сіе долженствовало ограни-

чиваться весьма немногимъ, потому что ни приближенные, надзору которыхъ порученъ былъ Петръ, ни сама нѣжная родительница его не считали, по видимому, за необходимое продолжать образованіе отрока, на главѣ котораго сіялъ уже Царскій вѣнецъ. Но не такъ думалъ юный Петръ. Силою собственнаго генія, расторгъ онъ окружавшую его тьму, и устремилъ полетъ свой къ свѣту, промелькнувшему надъ его колыбелью. Онъ самъ создалъ для себя новый родъ жизни и занятій, незнакомый дотолѣ вѣнценосцамъ, и самъ отыскалъ себѣ достойныхъ наставниковъ и руководителей на новомъ своемъ поприщѣ.

Не много нужно, чтобъ дать направленіе генію и указать путь его дѣятельности. Одна простая мысль, случайно зароненная въ великую душу, часто производитъ невѣроятныя послѣдствія. Такъ мысль о превосходствѣ Западной Европы предъ Россіею, незамѣтно, но глубоко запала въ юную душу Петра и, подобно зерну *горушичну,* упоминаемому въ притчѣ Евангельской, — произрастила древо: *яко пріити птицамъ небеснымъ и витати на вѣтвехъ его.*

Иностранецъ, одаренный отъ природы умомъ свѣтлымъ, душею великою и благородною, изучившій на опытѣ бытъ и жизнь просвѣщенной Европы, и обогащенный разнообразными, во всѣхъ родахъ, свѣдѣніями, избранъ былъ Провидѣніемъ для того, чтобъ быть предъ лицемъ Петра и Россіи первымъ представителемъ Европейскаго образованія — чтобы развить и укрѣпить въ душѣ Великаго безсмертную мысль о необходимости просвѣщенія.

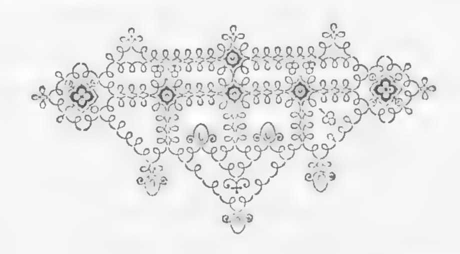

Францъ Яковлевичъ Лефортъ — такъ назывался этотъ незабвенный пришелецъ, которому Россія одолжена вѣчною благодарностію, какъ наставнику своего великаго Преобразователя— былъ сынъ Женевскаго гражданина. Еще отрокомъ, тайно покинулъ онъ родныхъ и отечество, рѣшась искать счастія на чуж-

бинъ. Въ Марсели, вступилъ онъ въ службу короля Французскаго, въ которой развилъ свои воинскіе таланты; потомъ сталъ подъ знамена республики Голландской, отличился мужествомъ, при осадѣ городовъ Граве и Уденорда, былъ опасно раненъ, и обратилъ на себя вниманіе Принца Оранскаго. Наконецъ, услышавъ, что Русскій Царь учреждаетъ регулярныя войска и приглашаетъ въ свою службу иностранцевъ, этотъ отважный искатель славы и счастья полетѣлъ на отдаленный Сѣверъ. Въ 1676 году, прибылъ онъ въ Архангельскъ, но не засталъ уже въ живыхъ Государя, по призыву котораго предпринялъ опасный путь въ Россію. Кончина Царя Алексѣя Михайловича и неблагопріятный пріемъ, сдѣланный Лефорту Архангельскимъ Воеводою, затруднили первый шагъ его на Русской землѣ, но не отклонили его отъ намѣренія искать здѣсь своего счастія. Преодолѣвъ многія препятствія, добрался онъ, наконецъ, до Москвы—цѣли своего странствія. Занявъ сперва мѣсто Секретаря при Датскомъ посольствѣ, онъ вскорѣ былъ принятъ въ Русскую службу, съ чиномъ Капитана, и въ войнѣ Турецкой нашелъ первый случай выказать свою храбрость и воинскіе таланты.

Умный и ловкій иностранецъ скоро сдѣлался извѣстенъ первѣйшимъ лицамъ въ государствѣ. Ростъ высокій и стройный, пріятная, мужественная наружность и взглядъ, внушающій довѣріе, ловкость въ обращеніи и благородство во всѣхъ поступкахъ, отличали его между всѣми чужестранцами, служившими въ Москвѣ, а знаніе Русскаго языка, изученіе котораго было первою его заботою по прибытіи въ Россію, доставило ему немаловажное предъ ними преимущество. Петръ, еще отрокомъ умѣвшій отличать таланты и дарованія, не могъ не замѣтить ихъ въ Лефортѣ, и послѣ перваго свиданія удостоилъ его особенною довѣренностію. Разсказы Лефорта о Европѣ, о ея гражданственности, военномъ искуствѣ, мореплаваніи, торговлѣ, художествахъ и проч., плѣняли любознательнаго Монарха и съ каждымъ днемъ болѣе привязывали его къ умному Женевцу. Петръ просилъ его обходиться съ нимъ просто, безъ чиновъ, говорить всегда правду, и сталъ обучаться у него Голландскому языку и наукамъ, какія Лефортъ могъ преподавать. Искренняя дружба

связала вѣценоснаго ученика съ искуснымъ наставникомъ, подъ руководствомъ котораго самыя забавы сдѣлались наукою.

Село Преображенское, отличаясь пріятнымъ и здоровымъ положеніемъ, было любимымъ мѣстопребываніемъ Царя Алексѣя Михайловича и колыбелью Петровой юности. Здѣсь, по смерти родителя, лелѣемый любовью матери, возрасталъ порфирородный отрокъ въ кругу своихъ сверстниковъ, на совершенной свободѣ. Но скоро умчалось его беззаботное дѣтство. Кровавыя сцены внутреннихъ смятеній сильно потрясли юную душу и произвели раннюю зрѣлость ума и характера, а плодотворныя бесѣды Лефорта развили въ отрокѣ геній мужа. Царь Алексѣй Михайловичъ любилъ забавляться охотою въ рощахъ Преображенскихъ и смотрѣть на игру Нѣмецкихъ актеровъ, представлявшихъ во дворцѣ Преображенскомъ духовныя комедіи и трагедіи. Иную потѣху затѣялъ здѣсь юный сынъ его.

Съ самаго младенчества обнаруживалъ онъ, какъ мы видѣли, особенную склонность къ воинскимъ забавамъ. Товарищами его были дѣти Стольниковъ и другихъ придворныхъ вдовствующей Государыни, которые, какъ назначенные для увеселенія Царевича, получили названіе *Потѣшныхъ*. Лефортъ, пользуясь довѣренностью отрока-Царя, умѣлъ указать цѣль и дать полезное направленіе его дѣтскимъ забавамъ. Мало по малу онѣ превратились въ настоящія воинскія упражненія и сдѣлались первою школою Европейскаго военнаго искусства въ Россіи. Однажды, рано утромъ, звукъ барабана, внезапно раздавшійся передъ дворцомъ Преображенскимъ, пробудилъ юнаго Монарха. Онъ спѣшитъ къ окну, смотритъ—и не вѣритъ глазамъ своимъ. Пятьдесятъ человѣкъ его сотоварищей, одѣтые и вооруженные по-Европейски, стоятъ подъ окномъ его спальни и, по командѣ Лефорта, съ точностію выполняютъ всѣ Европейскіе военные пріемы.

Сбѣжать внизъ и броситься прямо въ объятія Лефорта—было первымъ движеніемъ Петра, столь пріятно изумленнаго. Со слезами на глазахъ, благодарилъ онъ своего друга за эту неожиданную радость, назначилъ его Капитаномъ созданной имъ роты, въ которую и себя записалъ — сперва барабанщикомъ, а потомъ солдатомъ. Съ этого времени Петръ, казалось, забылъ и свое высокое званіе и все его окружавшее, занятый одною мыслію, однимъ желаніемъ изучить Европейское военное искуство и познать на опытѣ солдатскую жизнь. Рѣдко видѣли его въ столицѣ; тамъ являлся онъ только при торжественныхъ случаяхъ. Міръ его былъ въ селѣ Преображенскомъ. Здѣсь, въ обществѣ Потѣшныхъ и Лефорта, сосредоточивалась вся жизнь и дѣятельность юнаго Царя-солдата.

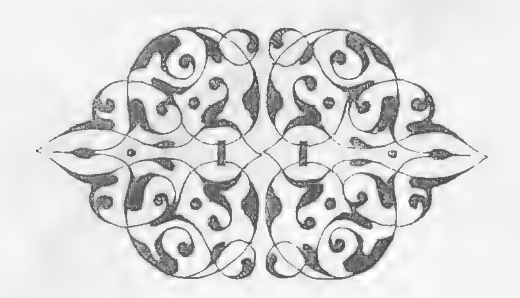
Съ тайнымъ удовольствіемъ смотрѣла властолюбивая Софія на такую жизнь и занятія младшаго брата своего, и полагая, что эти стран-

ныя игры отвлекутъ его вниманіе отъ дѣлъ правленія, не только не мѣшала ему набирать себѣ потѣшныхъ товарищей, но убѣждала и Царицу Наталію Кирилловну не препятствовать забавамъ сына и предоставить ему совершенную свободу. Царевна Софія, конечно, не могла не предвидѣть будущихъ великихъ дарованій въ отрокѣ, который, съ благоразуміемъ мужа, бесѣдовалъ объ учрежденіи и цѣли религіозныхъ обрядовъ съ самимъ Патріархомъ, не могла не признать и твердаго характера въ томъ, который на двѣнадцатомъ году возраста умѣлъ уже дать почувствовать Святителю свое негодованіе, за безпорядокъ въ ввѣренной надзору его библіотекѣ; но мысль, что Петръ, среди бури страстей и въ сообществѣ недостойныхъ товарищей, погубитъ свои юные таланты или направитъ ихъ къ злу и сдѣлается недостойнымъ престола, — эта мысль, внушенная, какъ говорятъ лѣтописцы, любимцемъ Софіи Голицынымъ успокоивала ее. — А чтобы и впредь обезпечить для себя власть, она, по совѣту того же Голицына, 9 Января, 1684 года, сочетала бракомъ брата своего Іоанна съ Прасковьею Ѳеодоровною, изъ рода Салтыковыхъ, въ надеждѣ, что наслѣдникъ, родившійся отъ сего брака, преградитъ Петру путь къ престолу, и что малолѣтство наслѣдника доставитъ ей случай, и по смерти больнаго Іоанна, продлить свое регентство. Такъ далеко простирались властолюбивые планы ея!

Между тѣмъ Петръ имѣлъ полную волю въ своихъ дѣйствіяхъ, и, казалось, заботился только о забавахъ: но эти забавы имѣли цѣль высокую, которую не многіе понимали. Онъ жилъ и дѣйствовалъ какъ настоящій солдатъ, дни и ночи проводилъ съ Потѣшными, безпрестанно увеличивалъ свою роту, и самъ служилъ для всѣхъ примѣромъ. Строгая подчиненность и порядокъ воинскій, безпрерывное упражненіе въ военномъ искусствѣ и готовность переносить всѣ тягости службы, отличали эту роту юныхъ воиновъ—зародышъ знаменитой Русской гвардіи. Дѣти князей и бояръ записывались въ ряды ея, и, забывая старинное мѣстничество, служили наравнѣ съ дѣтьми придворныхъ служителей. И князь и конюхъ — всѣ были равны въ глазахъ Петра: въ рядахъ Потѣшныхъ цѣнилась одна только служба. Не было и не могло быть мѣста для спѣси и гордости боярской тамъ, гдѣ самъ Государь, какъ бы забывъ свой санъ и

чуждаясь предпочтенія и преимуществъ, стоялъ въ одномъ ряду съ дѣтьми конюховъ и ловчихъ, носилъ одинаковый съ ними мундиръ, спалъ рядомъ въ одной палаткѣ, въ очередь стоялъ на караулѣ, наравнѣ съ прочими исправлялъ всѣ тяжкія обязанности солдата и съ восторгомъ, какъ лестную награду, принялъ заслуженный имъ чинъ сержанта. — Не властію, не силою, но покорностію и повиновеніемъ, дѣйствовалъ Петръ на окружающихъ его товарищей, и собственнымъ примѣромъ увлекалъ ихъ за собою, — тѣмъ же могучимъ примѣромъ, которымъ увлекъ въ послѣдствіи и всю Россію.

Это былъ тотъ періодъ Петровой жизни, въ которомъ великій духъ его началъ уже пріобрѣтать крѣпость и силу, и въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражалась вся будущая жизнь и дѣятельность великаго мужа. Съ неодолимою жаждою познанія стремился онъ ко всему, въ чемъ замѣчалъ хотя малѣйшую пользу. Для его любознательности ни что не казалось маловажнымъ и незначительнымъ — если оно было ново; никакое занятіе не было низкимъ и неблагороднымъ — если оно было полезно. Все хотѣлъ онъ обнять, все изучить, все извѣдать на опытѣ.

Безпрерывные труды воинскіе ни сколько не препятствовали ему, съ такимъ же усердіемъ и ревностію, заботиться о своемъ умственномъ образованіи. Лефортъ, образовавшій себя болѣе на поприщѣ дѣйствительной жизни, вѣроятно, не въ состояніи былъ преподать ему основательныхъ познаній въ наукахъ — особенно математическихъ; но Петръ отыскалъ для себя другаго, столь же достойнаго и образованнаго руководителя — и также иностранца.

Это былъ Францъ Тимерманъ, изъ Страсбурга, служившій тогда въ Москвѣ поручикомъ артиллеріи. Въ день Преполовенія, 1684 года, Петръ, послѣ застольной бесѣды у Патріарха, посѣтилъ Пушечный Дворъ, желая видѣть дѣйствіе огнестрѣльныхъ орудій, и протѣснясь, къ самымъ орудіямъ, къ изумленію испуганныхъ бояръ, самъ выстрѣлилъ изъ пушки. На вопросъ любознательнаго Монарха, кто изъ офицеровъ всѣхъ искуснѣе въ наукѣ артиллерійской, былъ представленъ ему Тимер-

манъ. Получивъ повелѣніе явиться, на другой день, въ Преображенскомъ, Тимерманъ раздѣлилъ съ Лефортомъ славу быть наставникомъ юнаго Царя. Ему отведена была комната во дворцѣ, по близости Государевой спальни, и съ этого времени Петръ, каждый день по нѣскольку часовъ, удѣлялъ на изученіе Геометріи и Фортификаціи.

Одаренный отъ природы умомъ, въ высшей степени практическимъ, онъ не довольствовался одною теоріею, но хотѣлъ видѣть и ея приложеніе. Вскорѣ, въ рощахъ Преображенскихъ, на берегу Яузы, заложена была небольшая регулярная крѣпостца, названная Пресбургомъ. — Петръ, съ Потѣшными, самъ помогалъ работающимъ и своими руками возилъ на тачкѣ землю, для устроенія крѣпостнаго вала.

Не безъ удивленія и, можетъ быть, съ тайною досадою, видѣли гордые бояре своего Государя въ такихъ, по мнѣнію ихъ, низкихъ и недостойныхъ трудахъ!

Когда крѣпость была достроена, укрѣплена по правиламъ науки и снабжена пушками, тогда назначенъ былъ день для приступа. Петръ, съ Потѣшными, атаковалъ засѣвшихъ въ ней мнимыхъ

непріятелей и, съ невыразимою радостію, первый овладѣлъ укрѣпленіемъ.

Такія упражненія юнаго Государя казались для всѣхъ странною и неслыханною новостію и, по видимому, крайне не правились окружавшимъ его боярамъ и царедворцамъ, привычкамъ и наклонностямъ которыхъ онѣ были прямо противуположны. Тщетно старались они, подъ предлогомъ заботливости о здоровьи Государя, отклонять его отъ этихъ трудовъ. Самъ Патріархъ, который по просьбѣ ихъ и самой Царицы Натальи Кирилловны, уговаривалъ

Петра *«не приводить въ ослабленіе безмѣрными трудами здравія своего»*, успѣлъ не болѣе ихъ и получилъ въ отвѣтъ, что эти занятія, которымъ предается онъ по собственной охотѣ, не только не ослабляютъ, но еще болѣе укрѣпляютъ его здоровье. *«Къ тому же»* прибавилъ Петръ со вздохомъ», *«много времени проходитъ у меня, Владыко святой, и въ пустыхъ забавахъ, отъ коихъ однако ни кто меня не отвлекаетъ!»* Доказательство, что двѣнадцатилѣтній Монархъ вовсе не почиталъ забавою этихъ воинскихъ упражненій.

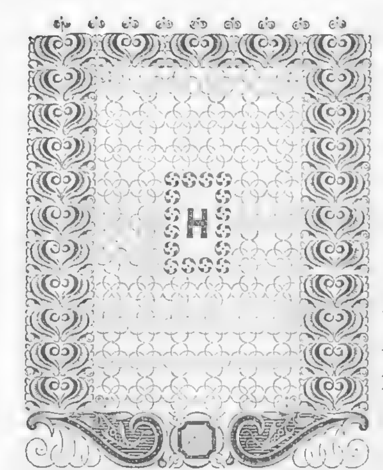
Но бояре, не понимая высокой цѣли занятій юнаго Государя, и все еще почитая ихъ простою дѣтскою потѣхою, надѣялись обратить вниманіе его на другія, по мнѣнію ихъ, болѣе благородныя увеселенія, и съ этою цѣлію выхваляли предъ нимъ, однажды, псовую и птичью охоты, приглашая его принять въ нихъ участіе. Монархъ, по видимому, принялъ ихъ предложеніе, имѣя намѣреніе подшутить надъ ними. Въ назначенный день всѣ съѣхались въ полѣ, и Государь, довольный ихъ усердіемъ, изъявилъ всѣмъ благодарность свою за стараніе доставить ему удовольствіе, но замѣтилъ при томъ, что ему гораздо пріятнѣе было бы охотиться съ одними боярами, такъ, чтобы псари не принимали участія въ ихъ благородной забавѣ. Бояре принуждены были исполнить его желаніе и сами приняли псовъ отъ служителей. Но, не умѣя управлять ими, представили забавное и вмѣстѣ жалкое зрѣлище. Собаки, бросаясь подъ ноги конямъ, произвели общую суматоху. Перепуганные кони однихъ умчали въ глушь лѣса, другихъ сбросили на землю, а третьихъ сосворенныя собаки смыками стаскивали съ коней и волокли за собою. Иной ушибся въ паденіи, другой изодралъ платье, третій возвратился изъ лѣсу съ оцарапаннымъ лицемъ, и всѣ были такъ довольны потѣхою, что на другой день не имѣли уже болѣе желанія испытать, назначенную на сей разъ, соколиную охоту, а согласились съ мнѣніемъ Государя, что: *лучше быть воинами, нежели псовыми охотниками.*

По мѣрѣ того, какъ Петръ приходилъ въ возрастъ, расширялся и кругъ его дѣятельности. Потѣшная рота его быстро возрастала, и, наконецъ, въ 1687 году, отъ присоединенія всѣхъ лучшихъ людей, частію изъ другихъ полковъ солдатскихъ и стрѣлецкихъ, частію изъ сокольниковъ и ловчихъ, до того умножилась, что, за недостаткомъ помѣщенія въ Преображенскомъ, часть ея

переведена была въ близъ-лежащее село, Семеновское. Изъ малой роты образовались два, довольно значительные, отряда, или полка, отличные отъ прежнихъ войскъ своимъ устройствомъ и дисциплиною. Стрѣльцы также, чаще обыкновеннаго стали быть тревожимы и должны были, вмѣстѣ съ Потѣшными, упражняться въ военномъ дѣлѣ. Несовершенство, составленнаго при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, Военнаго Артикула, особенно растянутость и многословіе команды, не ускользнули отъ вниманія юнаго Петра, который, доказавъ на дѣлѣ эти недостатки, самъ принялъ на себя трудъ исправить ихъ. — Вообще улучшеніе военнаго искусства и образованіе новаго Европейскаго войска было главною заботою Петра, и такая цѣль его занятій не была уже болѣе загадкою ни для окружающихъ его, ни для противной партіи. — Страхъ и безпокойство начали тревожить Правительницу. Она увидѣла, что надежды обманули ее, что эти низкія, по мнѣнію ея, занятія, и сообщество грубыхъ товарищей, долженствовавшія, какъ она думала, развратить отрока и сдѣлать его недостойнымъ престола, не только не отклонили его отъ предназначеннаго пути, но еще болѣе приблизили къ высокой цѣли — и укрѣпили юную десницу для скиптродержавія.

о не менѣе Софіи, хотя по другой совершенно причинѣ, безпокоилась и кроткая родительница Петра.—Смѣлые шаги сына пугали нѣжное материнское сердце. Она видѣла его идущаго по стезѣ новой, незнакомой прежнимъ вѣнценосцамъ, противной Русскимъ правамъ и обычаямъ, и ненавистной народному невѣжеству и предразсудкамъ. Гибельному вліянію иноземныхъ нравовъ и сообществу съ иностранцами, приписывала она тѣ бурные порывы юности, которымъ Петръ, въ избыткѣ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, иногда предавался, въ кругу своихъ товарищей. — Супружествомъ надѣялась она спасти своего возлюбленнаго сына отъ мнимо-угрожающей ему опасности. Царица думала, что умная и нѣжная подруга остановитъ пылкаго юношу и привяжетъ къ себѣ священными узами любви, и что въ объятіяхъ супруги, среди семейнаго счастія, забудетъ онъ ратныхъ товарищей, оставитъ избранный путь, и вступитъ на спокойную и болѣе безопасную колею жизни обыкновенной.—Такъ думала заботливая родительница и спѣшила бракосочетаніемъ сына упрочить свое и его счастіе. Евдокія Ѳеодоровна, дѣвица изъ древней и знаменитой фамиліи Лопухиныхъ, цвѣтущая красотою и юностію, назначена была въ супруги Государю, недостигшему еще и 17-ти лѣтняго возраста. Вѣроятно, Петръ самъ еще не помышлялъ о бракѣ, но, не желая отказомъ оскорбить нѣжнолюбимую матерь, безропотно согласился. Тщетно старалась Софія воспрепятствовать этому союзу, несогласному съ планами ея властолюбія. Брачное торжество совершилось 27 Января 1689 года.

Миновало дѣтство, умчалась и юность, — Петръ вступилъ въ возрастъ зрѣлости. Онъ понималъ уже, что принадлежитъ не одному себѣ и своимъ товарищамъ; понималъ, что отечество призываетъ его ратовать на поприщѣ болѣе обширномъ; чувствовалъ въ себѣ и силы для высокаго призванія! Чаще началъ онъ теперь являться при Дворѣ, чаще сталъ посѣщать и Царскую Думу, гдѣ обыкновенно предсѣдала Софія. Нерѣдко возникали несогласія между ними, нерѣдко мнѣнія ихъ сталкивались и предвѣщали бурю. Съ безпокойствомъ смотрѣла Софія на вмѣшательство Петра въ дѣла правленія; со страхомъ видѣла его уже готоваго исторгнуть скипетръ изъ рукъ ея, и помышляла о средствахъ отразить соперника.

Смѣло шелъ Петръ къ своей цѣли и ясно давалъ разумѣть Правительницѣ, что рука его, привыкшая владѣть мечемъ, умѣетъ управлять и скипетромъ и не нуждается въ ея помощи.

Но могла ли Софія добровольно отказаться отъ власти, съ такимъ усиліемъ пріобрѣтенной? Могла ли она покинуть скипетръ, которымъ столь долго владѣла безъ совмѣстниковъ, какъ своимъ законнымъ достояніемъ? Могла ли отступить та, которая стояла уже на высшей ступени Царскаго трона, которая, казалось, примѣряла уже на главѣ своей Царскій вѣнецъ, и для которой оставался, по видимому, одинъ только шагъ, чтобы достигнуть послѣдней цѣли всѣхъ своихъ желаній? Нѣтъ! Честолюбіе не знаетъ обратнаго пути. Ему надлежитъ идти впередъ; побѣдить, — или пасть!

ГЛАВА V.

КОНЕЦЪ ПРАВЛЕНІЯ СОФІИ.

равленіе Софіи (отъ 1682 до 1689 года) было, въ полномъ смыслѣ, продолженіемъ мудраго царствованія Алексѣя Михайловича: та же политика въ дѣлахъ внѣшнихъ, та же заботливость объ общественномъ благоустройствѣ, правосудіи и даже о смягченіи нравовъ народа. Разныя постановленія, касательно внутренняго порядка, изданныя Софіею, и многочисленные указы ея, дополняющіе уложеніе Царя Алексѣя Михайловича, служатъ доказательствомъ неутомимой дѣятельности и великаго государствен-

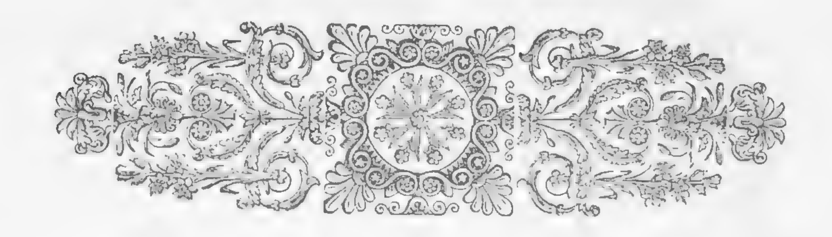
наго ума Правительницы; внѣшнія дѣла и сношенія съ сосѣдями, не менѣе внутреннихъ учрежденій приносятъ ей чести, обнаруживая тонкій умъ политическій и умѣнье пользоваться обстоятельствами.

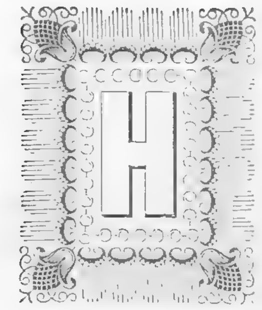
Въ теченіе семилѣтняго ея правленія, политическое достоинство государства, въ отношеніи къ сосѣдямъ, возстановленное Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, было поддерживаемо съ великимъ благоразуміемъ и не безъ соблюденія выгодъ Россіи. Съ образованными государствами Европейскими: Даніею, Швеціею, Англіею, республикою Соединенныхъ Нидерландовъ, съ Курфирстомъ Саксонскимъ и Императоромъ Нѣмецкимъ, Софія возобновила прежніе дружественные договоры. Султанъ Турецкій, Магометъ IV, также изъявлялъ желаніе хранить вѣчную дружбу съ Россіею; а Ханъ Крымскій, Муратъ Гирей (13 Октября 1683), снова подтвердилъ двадцатилѣтнее перемиріе, заключенное при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ.—Наконецъ, Софія пріобрѣла еще новыхъ друзей и союзниковъ для Россіи. Имеретійскій Царь, Арчилъ, отдавъ, еще при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, себя и царство свое подъ покровительство Россіи, переселился (1683), со всѣмъ родомъ своимъ и многочисленнымъ Дворомъ, въ Россійскій пограничный городъ Терки и прислалъ въ Москву двухъ старшихъ сыновей своихъ на царскую службу. Господарь Молдавскій (1 Января 1684), также умолялъ Россію о покровительствѣ и изъявлялъ готовность свою перейти подъ ея подданство. Калмыцкій Ханъ, Аюка, обязался договоромъ (24 Января 1685) прекратить всѣ прежнія непріязненности съ Россіею и быть вѣрнымъ ея союзникомъ въ войнѣ съ Крымцами.

Только на отдаленномъ юго-востокѣ Сибири, съ Имперіею Китайскою, продолжались старинныя незначительныя распри за обоюдныя границы владѣній. Распри сіи возникли еще въ концѣ первой половины XVII столѣтія, при Алексіѣ Михайловичѣ. Русскіе промышленники, отыскивая пушныхъ звѣрей въ богатыхъ лѣсахъ Сибирскихъ, проникли, на югъ отъ нынѣшняго Нерчинска, въ страны, прилежащія къ рѣкѣ Амуру и населенныя племенами Монгольскими, платившими ясакъ Китайцамъ. Вслѣдъ за первыми удальцами, отважный ловецъ Хабаровъ (1650), съ 70 товарищами, достигъ береговъ Амура, овладѣлъ Албазиномъ и началъ собирать дань съ

окрестныхъ кочевыхъ племенъ, отражая многочисленные отряды Китайцевъ. Успѣхъ его встревожилъ Китайцевъ, а съ другой стороны внушилъ Русскому правительству мысль присоединить рѣку Амуръ къ своимъ владѣніямъ. Такимъ образомъ возгорѣлась война, которая со стороны Россіи не могла быть производима съ успѣхомъ, по причинѣ чрезвычайной отдаленности тѣхъ странъ. При всемъ томъ, сотни казаковъ и звѣролововъ нерѣдко разбивали многочисленныя войска Китайцевъ, до 10,000 человѣкъ и болѣе простиравшіяся. Наконецъ непріятельскія дѣйствія, казалось, наскучили обѣимъ державамъ, и Китайскій Богдыханъ (1685) прислалъ въ Москву грамоту съ предложеніями о мирѣ.

Софія спѣшила возстановить дружбу и согласіе съ богатою Имперіею Китайскою, будучи увѣрена, что отъ торговли съ нею Россія извлечетъ несравненно бо́льшія выгоды, нежели отъ новыхъ завоеваній въ странахъ столь отдаленныхъ.—Окольничій Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ отправленъ былъ въ Нерчинскъ для заключенія мира съ Китайцами, который, при посредствѣ двухъ ученыхъ Іезуитовъ, Перейры и Гербиллона, взятыхъ изъ Пекина переводчиками, подписанъ 27 Августа 1689 года, въ шатрахъ близъ Нерчинска и утвержденъ обоюдно присягою.—Рѣка Аргунъ, южнѣе Нерчинска, и горы, извѣстныя подъ именемъ *Яблоннаго* хребта, на пространствѣ отъ верховьевъ Амура до Восточнаго Океана, назначены были Россійско-Китайскою границею. Рѣка Амуръ, во всемъ ея теченіи, и страны, къ сѣверу отъ нея до упомянутыхъ горъ, уступлены Китайцамъ. Въ сношеніяхъ торговыхъ подданные обѣихъ Державъ—Русскіе въ Китаѣ и Китайцы въ Россіи—долженствовали пользоваться равными правами.—Съ сего-то времени начались дружественныя связи Россіи съ Китаемъ, столь значительныя въ послѣдствіи.

о славнѣйшимъ подвигомъ внѣшней политики Софіи было заключеніе вѣчнаго мира съ Польшею, которая, уступивъ Россіи, по Андрусовскому перемирію (1667), до извѣстныхъ сроковъ: Смоленскъ, Кіевъ и Украйну, по сю сторону Днѣпра, и уклоняясь потомъ отъ заключенія окончательнаго мира, — неоднократно требовала ихъ возвращенія. Софія рѣшилась положить конецъ этимъ притязаніямъ сосѣда и утвердить навсегда за Россіею все ею дотолѣ пріобрѣтенное. Время тому благопріятствовало. Въ теченіе послѣдней половины XVII столѣтія, Польша, Австрія и Венеція вели почти безпрерывную войну съ Турціею, которая, въ это время, исторгнутая изъ анархіи кровавою рукою Великаго Визиря Кёприли, проявляла исполинскія силы.—Могущество ея испытали всѣ сосѣди; но болѣе всѣхъ пострадала Польша, принужденная, послѣ неудачной войны, уступить Турціи всю Подолію и важную крѣпость Каменецкую. Король Польскій Іоаннъ III, Собіесскій, герой своего времени, одолженный короною славной побѣдѣ своей надъ Турками, при Хотинѣ (1673), усердно желалъ возвратить потерю и возстановить славу Христіанскаго оружія. Императоръ Леопольдъ I, которому внутреннія безпокойства, терзавшія Венгрію, при участіи въ нихъ Порты Оттоманской, угрожали потерею сего королевства, первый подалъ руку помощи Польскому герою. Слѣдствіемъ этого союза было то, что побѣдитель Турокъ при Хотинѣ—сталъ спасителемъ Вѣны (1683), осажденной всею Турецкою арміею, подъ предводительствомъ самого Великаго Визиря, и что республика Венеціянская также объявила войну Турціи. Сверхъ того, Папа обнадеживалъ союзниковъ помощію всего Христіанскаго міра; но, не смотря на все это, дѣйствія ихъ не имѣли ни силы, ни рѣшительности, ни единодушія. Каждый заботился о себѣ и о своихъ выгодахъ. Польша, принужденная почти одна удерживать напоръ соединенныхъ Турецко-Татарскихъ силъ, изнемогала подъ тяжестію войны и повсюду искала себѣ новыхъ союзниковъ. Не надѣясь на помощь Германіи и Западной Европы, она обращалась съ просьбою даже къ Шаху Персидскому; особенно же домогалась содѣйствія Россіи, которая, по своему положенію и своимъ внутреннимъ средствомъ, могла быть

чрезвычайно полезною для союзниковъ, удерживая Татаръ Крымскихъ отъ соединенія съ Турками.

Посему Австрія и Польша положили—употребить всѣ средства для склоненія Московскаго Двора къ союзу съ ними. Уже въ 1684 году, 14 Мая, блистательное посольство Цесаря явилось въ Москву, но не имѣло желаемаго успѣха. Софія, успокоивъ государство отъ внутреннихъ смятеній и возстановивъ свое господство, могла, конечно, желать внѣшней войны, чтобы доставить больше уваженія себѣ, больше твердости своей власти и больше блеску государству; но, зная какъ важна была для союзниковъ помощь Россіи, рѣшилась воспользоваться ихъ затруднительнымъ положеніемъ и извлечь изъ него свои выгоды. Не отказываясь рѣшительно отъ союза, Софія объявила, что не можетъ вступить ни въ какіе переговоры, доколѣ Польша не заключитъ вѣчнаго мира съ Россіею и не отречется отъ своихъ притязаній на Смоленскъ, Кіевъ и Малороссію.

Сколь необходима для Польши была помощь Россіи, столько же тягостны были предложенныя ей условія. Долго колебалась она,—долго не рѣшалась принять ихъ: цѣлыхъ два года тянулись переговоры. Собіесскій посылалъ въ Москву посольство за посольствомъ; другіе Государи: Папа, Король Шведскій, Курфирстъ Саксонскій и Господарь Молдавскій, просьбами своими подкрѣпляли его представленія; но тщетны были всѣ усилія побѣдить хитрое упорство Двора Московскаго! Наконецъ Король, съ стѣсненнымъ сердцемъ, согласился на требованія Россіи и отправилъ въ Москву полномочныхъ, для заключенія союза, утѣшая себя надеждою вознаградить эти уступки новыми пріобрѣтеніями отъ Турокъ.

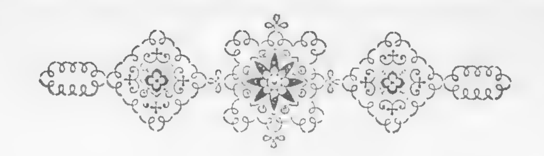

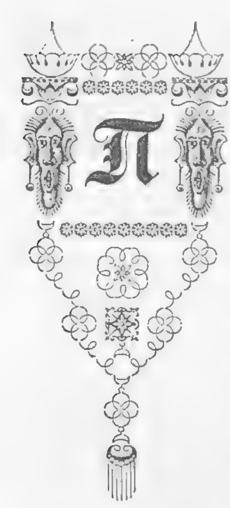
Въ Московской Грановитой Палатѣ, 6 Апрѣля 1686 года, (*) заключенъ былъ этотъ славный миръ и союзъ Польскими и Россійскими уполномоченными, въ присутствіи обоихъ Царей, которые предъ Евангеліемъ обѣщали, за себя и своихъ преемниковъ, хранить ненарушимо условія договора.

(*) Полн. Собр. Зак. II. нум. 1186.

Смоленское и Сѣверское княжества, вся Малороссія по сю сторону Днѣпра, а за Днѣпромъ Кіевъ, съ землями, лежащими между рѣкъ Ирпени и Стугны, и съ городами Васильковымъ, Триполемъ и Стайками, также и Запорожье, утверждены вѣчно за Россіею.— Со стороны Россіи уступлены Польшѣ, завоеванные до послѣдняго перемирія города: Полоцкъ, Витебскъ, Дюнабургъ, Невель, Себежъ, Велижъ, Люцинъ, Рѣжица, Марнаузъ, *со всѣми полуденными Лифляндами*. Сверхъ того, дано Польшѣ 146000 р. и постановленъ противу Турокъ вѣчный оборонительный, а на время предстоящей войны наступательный союзъ, въ который включенъ былъ и Императоръ. Ни одна изъ договаривающихся Державъ не должна была заключать мира безъ общаго согласія. Король Польскій ручался въ семъ случаѣ за Цесаря.—Всѣмъ подданнымъ союзныхъ Державъ, кромѣ Евреевъ, предоставлено было право взаимно-свободной торговли; а Россія, съ своей стороны, не преминула выговорить для послѣдователей Греческаго вѣроисповѣданія въ Польшѣ и княжествѣ Литовскомъ свободное отправленіе своей вѣры.

Любимецъ Софіи, Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, ближній Бояринъ и Намѣстникъ Новгородскій, заключеніемъ сего мира пріобрѣлъ у иностранныхъ писателей имя великаго дипломата.— Щедрыя награды, коихъ удостоены были всѣ участвовавшіе въ переговорахъ съ Россійской стороны, равно какъ и *богомольныя грамоты* (или указы о совершеніи благодарственнаго молебствія), разосланныя по всему государству—доказываютъ, какъ довольна была Софія успѣшнымъ окончаніемъ этихъ переговоровъ, и какъ высоко цѣнила она пріобрѣтенныя выгоды. Казалось, она не забыла и себя при этомъ случаѣ; — чувствуя свое достоинство и заслуги, она, вскорѣ по заключеніи вѣчнаго мира съ Польшею, приняла титулъ *Самодержицы* и повелѣла коронованное изображеніе свое чеканить на монетахъ и медаляхъ, по другую сторону изображенія Государей.

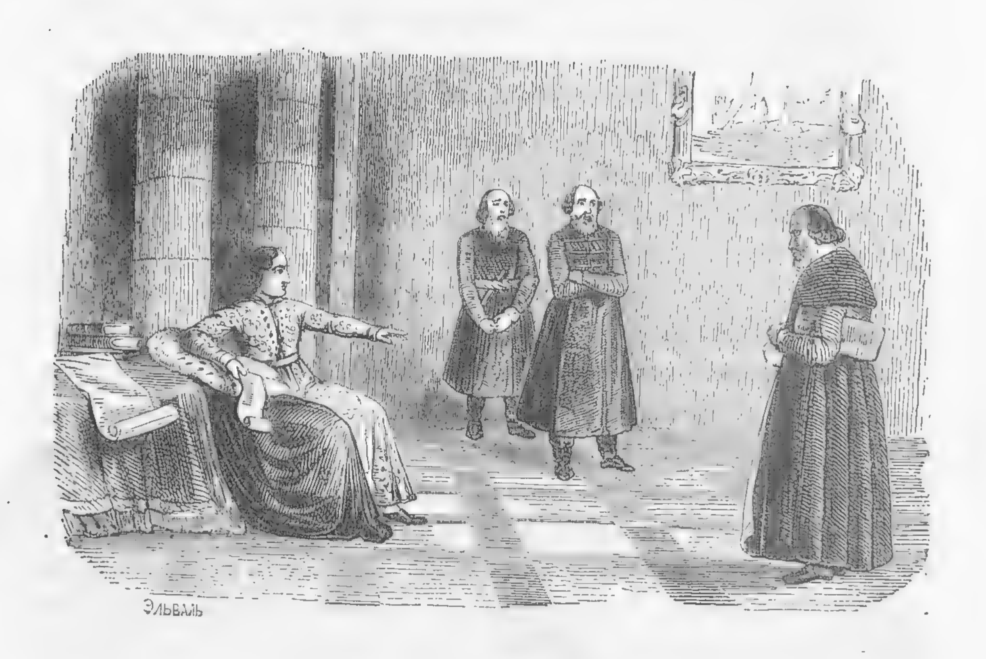

о договору между Польшею и союзниками, положено было, въ слѣдующемъ 1687 году, вдругъ со всѣхъ сторонъ напасть на непріятеля. Русскіе должны были вторгнуться въ Крымъ и отвлечь Татаръ отъ содѣйствія Портѣ, между тѣмъ, какъ Венеціяне ударятъ на Турокъ со стороны Мореи, Австрійцы со стороны Венгріи и Трансильваніи, а Поляки изъ Подоліи внесутъ оружіе въ Молдавію и Валахію. — Военныя дѣйствія открылись: но успѣхи Русскаго оружія далеко не соотвѣтствовали ни ожиданіямъ союзниковъ, ни тѣмъ огромнымъ силамъ, которыя собрала Россія. Двѣсти тысячь воиновъ, подъ главнымъ предводительствомъ Князя Василія Васильевича Голицына, двинулись, въ началѣ лѣта, 1687 года, къ предѣламъ Крымскимъ и, соединясь съ Малороссійскими полками, подъ начальствомъ Гетмана Самойловича, перешли рѣку Самару. Но, послѣ нѣсколькихъ переходовъ по степи, опустошенной пожарами, въ которой не находили ни воды, ни корма для лошадей, Русскіе принуждены были возвратиться, не видавъ въ глаза непріятеля. Вся неудача похода пала на Гетмана, котораго личные враги его обвиняли въ измѣнѣ. Говорили, будто онъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ Крымцами и, по согласію съ ними, умышленно зажегъ степи. Главнокомандовавшій, который желалъ найти предлогъ къ своему оправданію, радъ былъ этому доносу, и объявилъ Гетмана измѣнникомъ. Лишенный Гетманскаго достоинства, Самойловичъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, сосланъ былъ въ Сибирь, гдѣ, до самой кончины своей, долженъ былъ оплакивать чужую неудачу. (*)

По возвращеніи изъ похода, Голицынъ, принятый какъ побѣдитель, былъ осыпанъ милостями и наградами Царевны-правительницы, которая, какъ утверждаютъ, хотѣла щедростію привязать къ себѣ начальниковъ и войско, чтобъ имѣть въ нихъ опору

(*) Исторія Петра В.—Ѳеофана Прокоповича. Лѣтопись о Смутномъ времени, Матвѣева

своей власти. Совсѣмъ иными глазами смотрѣлъ на это Петръ и встрѣтилъ главнокомандующаго строгимъ выговоромъ, за то, что онъ (*) «раздражилъ только варваровъ, не сдѣлавъ имъ ничего, и, потомъ, распустивъ войско, оставилъ границы отвсюду открытыми».

Слухъ о намѣреніяхъ Хана Крымскаго, отплатить за этотъ походъ вторженіемъ въ Русскіе предѣлы, заставилъ правительство немедленно отправить тридцати-тысячный корпусъ для охраненія границъ и начать приготовленія къ новому походу. Но какъ Польша не оказывала никакой ревности къ продолженію войны, то и Россія не хотѣла одна истощать силъ своихъ и, оставя наступательныя дѣйствія, довольствовалась, въ теченіе 1688 года,

(*) Лѣтопись, подъ названіемъ: Исторія Царя Михаила Θеодоровича и его преемниковъ, см. Собраніе Записокъ Туманскаго

наблюденіемъ своихъ границъ и построеніемъ, при впаденіи рѣки Самары въ Днѣпръ, новой крѣпости, названной Богородицкою (*).

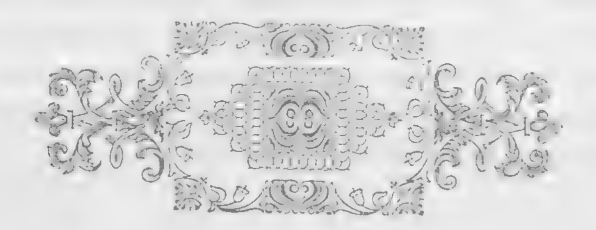
Наконецъ, въ 1689 году, открылся второй походъ, при столь же огромныхъ приготовленіяхъ какъ и первый, и подъ предводительствомъ того же военачальника, Голицына, который, казалось, горѣлъ нетерпѣніемъ загладить прежнюю неудачу. Но походъ былъ еще несчастнѣе перваго. Многочисленное Русское войско съ величайшею трудностію перешло опустошенныя степи, достигло Перекопа, отразило нападеніе Татаръ и готовилось осадить крѣпость: но Главнокомандующій, увлеченный мирными предложеніями Хана, остановилъ военныя дѣйствія и въ безполезныхъ переговорахъ утратилъ благопріятное время.

Между тѣмъ, настали жары, оказался недостатокъ въ водѣ и съѣстныхъ припасахъ, войско изнурилось и военачальникъ принужденъ былъ отступить, безъ всякаго успѣха, и предпринять обратный путь. Слухъ, о которомъ упоминаетъ Желябужскій, — будто Голицынъ былъ подкупленъ Ханскими червонными, доказываетъ какъ велико было общее неудовольствіе на

(*) Крѣпость сія, выстроенная по плану какого-то Голландскаго архитектора, была съ окончаніемъ этой неудачной войны оставлена, а теперь уже и слѣдовъ ея нѣтъ

него за эти безславные походы. Петръ такъ былъ огорченъ всѣмъ этимъ, что не хотѣлъ даже и видѣть Главнокомандующаго.—Тѣмъ не менѣе, Софія, слѣдуя своему плану, спѣшила излить новыя милости и награды на Голицына(*), на всѣхъ начальниковъ и войско. Эта неумѣстная щедрость, которой цѣль была очевидна, увеличила только негодованіе Петра, вообще недовольнаго ни тщеславіемъ сестры своей, ни дѣлами ея правленія.

Съ каждымъ днемъ яснѣе обнаруживалась непремѣнная воля юнаго Царя принять въ свои руки бразды правленія, и съ каждымъ днемъ сильнѣе дѣлалось безпокойство властолюбивой Царевны, желавшей удержать присвоенныя права Самодержицы. Борьба была неизбѣжна. Несчастный конецъ послѣдняго похода былъ поводомъ къ явнымъ несогласіямъ, а гордость и неумѣстное тщеславіе Правительницы — причиною рѣшительнаго разрыва. Это было 8 Іюля, 1689 года, во время крестнаго хода, въ которомъ, по древнему обычаю, Государи должны были принять участіе, и при которомъ рѣшилась присутствовать и Софія, какъ Правительница государства. Петръ требовалъ, чтобы она оставила свое намѣреніе, неприличное ей, какъ женщинѣ. Не внимая словамъ брата, Софія продолжала идти за крестами. Вспыльчивый Царь не могъ снести такого упорства, немедленно оставилъ процессію, и удалился въ село Коломенское.

(*) Голицынъ за этотъ походъ получилъ кубокъ золоченный съ кровлею, кафтанъ золотный на соболяхъ, денежной придачи 300 рублей, да въ вотчину, въ Суздальскомъ уѣздѣ село Рѣшму и Юмохонскую волость. —Полн. Собр. Зак. III. стр. 25

15

Тогда увидѣла Софія, что конецъ ея господству приближается. Надлежало дѣйствовать рѣшительно. Путь былъ знакомъ,—средства были готовы.... Та же сила мятежнаго войска, которая возвысила ее, должна была спасти и отъ паденія.—Горько жаловалась она на мнимую обиду, причиненную ей Петромъ, и требовала защиты у своихъ приверженцевъ. Въ защитникахъ не было недостатка.

Послѣ казни Хованскихъ, Софія поручила Стрѣлецкій Приказъ въ вѣдѣніе новаго любимца своего, Ѳеодора Шакловитаго, возведеннаго въ званіе окольничаго, и сдѣлала его, какъ утверждаютъ лѣтописцы (*), повѣреннымъ всѣхъ тайныхъ замысловъ своихъ. Одолженный Правительницѣ своимъ возвышеніемъ, богатствами и почестями, Шакловитый былъ усерднѣйшимъ ея почитателемъ и ревностнѣйшимъ исполнителемъ всѣхъ ея желаній. Удаленіе Царевны отъ правленія угрожало и ему паденіемъ. И такъ, желая отвратить общую опасность, онъ принялъ на себя ту же роль, которую до него разъигрывалъ Милославскій, и немедленно созвалъ преданныхъ ему начальниковъ стрѣлецкихъ. Убить Петра, отрѣшить отъ престола больнаго Іоанна и короновать Царевну Софію — таковъ былъ замыселъ заговорщиковъ. Надлежало только склонить стрѣльцовъ къ возстанію. Для этого, говорятъ, употребленъ былъ сообщникъ злодѣевъ, подьячій Шошинъ, походившій лицемъ и ростомъ на Льва Кирилловича Нарышкина. Онъ долженъ былъ, одѣвшись въ боярское платье, подъ именемъ Нарышкина, разъѣзжать съ толпою заговорщиковъ по карауламъ, бить и мучить стрѣльцовъ, какъ бы за смерть своихъ братьевъ и угрожать скорою местію юнаго Царя Петра Алексѣевича.

Этотъ обманъ возъимѣлъ свое дѣйствіе: число недовольныхъ возрастало. Обиженные стрѣльцы, подстрекаемые заговорщиками,

(*) Лѣтопись о смутномъ времени, Матвѣева.

закипѣли мщеніемъ на младшаго Царя и всѣхъ его приверженцевъ. Положено было зажечь Преображенское, и, во время смятенія, погубить Петра. Дважды въ одну ночь поджигаемы были нѣкоторые домы, по близости дворца; но жители каждый разъ успѣвали тушить огонь въ самомъ началѣ, безъ дальнѣйшихъ слѣдствій.

Между тѣмъ, двукратный пожаръ сей заставилъ приближенныхъ Государя усугубить бдительность и умножить стражу въ Преображенскомъ. Злодѣи, видя неудачу, начали подстерегать свою жертву по ночамъ, на дорогѣ, и даже въ самомъ дворцѣ Кремлевскомъ, куда Петръ иногда пріѣзжалъ ночевать. Но Всевышній повсюду охранялъ своего Помазанника. Наконецъ, видя, что всѣ козни безполезны и тайное злодѣйство невозможно, Шакловитый самъ началъ дѣйствовать, и именемъ Правительницы — именемъ власти верховной — призвалъ всѣхъ недовольныхъ къ явному возстанію. Искусно разъигрывалъ онъ роль возмутителя: таинственно намекалъ собравшимся стрѣльцамъ о великихъ предпріятіяхъ и предстоящихъ переворотахъ, которые обѣщалъ имъ открыть и назначалъ для сего мѣсто и время.

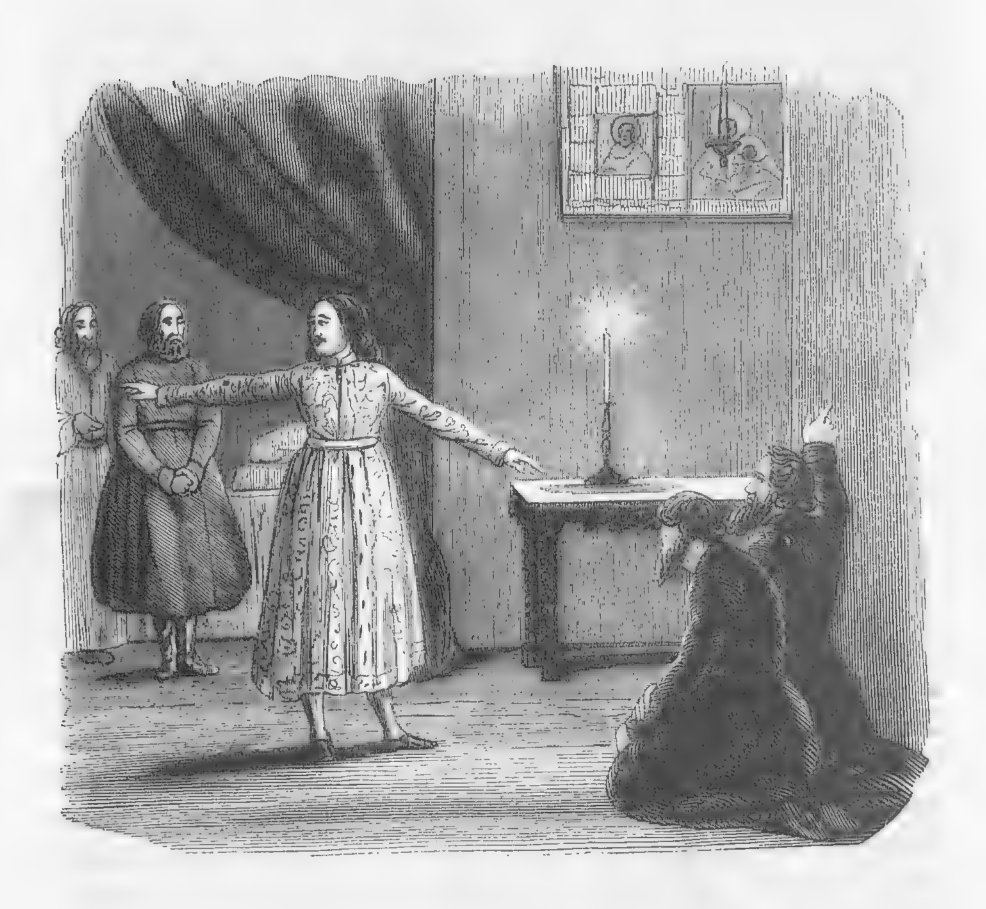
На 8 число Августа, (*) въ полночь, на Лыковъ Дворъ, въ Кремлѣ, по приказу Шакловитаго, стеклись вооруженные толпы стрѣльцовъ. Съ нетерпѣніемъ ожидали они открытія роковой тайны, отъ которой, какъ имъ сказано было, долженствовала зависѣть и собственная ихъ безопасность и благосостояніе государства. Умы были въ сильномъ напряженіи...

(*) По нѣкоторымъ Лѣтописямъ нашимъ, это было на 5, по другимъ на 9 Августа. Но въ приговорѣ о казни Шакловитаго сказано, что онъ ставилъ стрѣльцовъ скрытно на Лыковъ Дворъ и въ другія мѣста противъ 8 числа Августа. То жъ подтверждаетъ и слѣдствіе о преступленіяхъ кн. Голицыныхъ, 7 Марта 1691 (7199) года бывшее, т. е., что (1689) году противъ 8 числа Августа стрѣльцы были въ сборѣ съ ружьемъ. (См. Туманск. ч. II.)

Наконецъ, появился и Шакловитый, сопровождаемый заговорщиками, и объявилъ письменный указъ Правительницы, чтобы Царя Петра, преступающаго обычаи предковъ и законъ прародительскій, вводящаго иноземные нравы и иноземное войско, готоваго отступить отъ православія и увлечь къ неизбѣжной погибели всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества, — чтобы Петра истребить, со всѣмъ его родомъ и со всѣми преданными ему боярами. Имѣнія и домы тѣхъ, которые будутъ побиты, предоставлялись въ добычу стрѣльцамъ, и щедрыя награды Правительницы ожидали всѣхъ вѣрныхъ исполнителей ея воли. Этого было довольно, чтобы склонить продажную душу злодѣевъ на новое преступленіе. Мятежная толпа, въ числѣ 600 человѣкъ, изъявила готовность немедленно, въ ту же ночь, напасть на Преобра-

женское, перебить стражу, и цареубійствомъ начать кровопролитіе. Но Провидѣніе разстроило планы злодѣевъ посредствомъ ихъ же сообщниковъ.

Двое стрѣльцовъ, Михайло Феоктистовъ и Дмитрій Мельновъ, пораженные ужасомъ при мыслѣ о цареубійствѣ, тайно покинули беззаконное сборище, поспѣшно прибѣжали въ Преображенское,

и, съ раскаяніемъ, пали къ ногамъ Государя, открывъ весь умыселъ заговорщиковъ и близость опасности. Бѣжать немедленно въ Троицкую Лавру было единственнымъ средствомъ къ спасенію.

Едва только успѣлъ Петръ, съ матерью, супругою и сестрою Наталіею, въ сопровожденіи нѣсколькихъ бояръ, Лефорта и немногихъ Потѣшныхъ, оставить Преображенское, какъ передъ разсвѣтомъ прискакали заговорщики, съ толпою злодѣевъ, подъ предводительствомъ Шакловитаго.

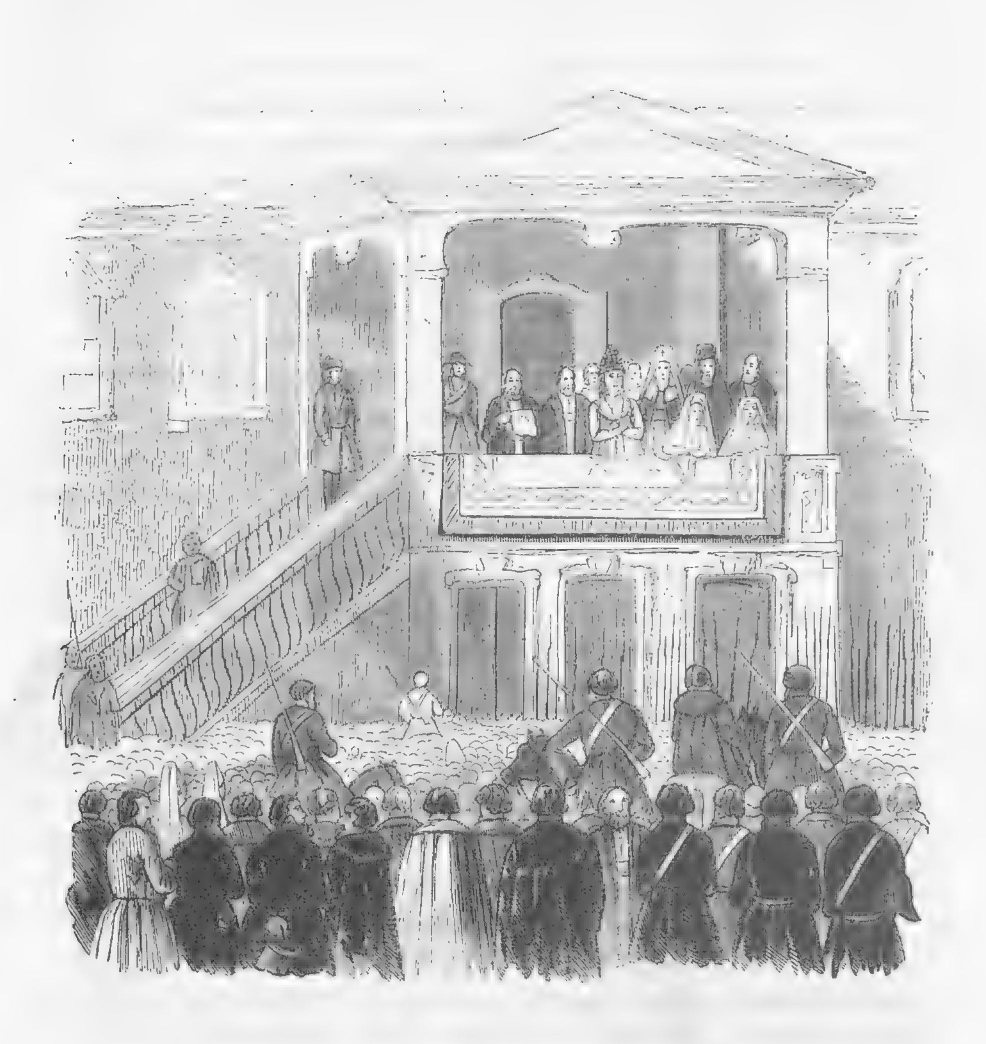
Каково же было ихъ изумленіе, когда они узнали, что Петра уже нѣтъ въ Преображенскомъ! Ясно было, что они преданы, что замыслы ихъ открыты, планы разстроены!

Шакловитый, показавъ видъ, будто пріѣхалъ для смѣны карауловъ, въ смущеніи возвратился къ Правительницѣ. Что̀ теперь начать? на что̀ рѣшиться? Недоумѣніе объяло всѣхъ. Говорятъ, что Голицынъ совѣтовалъ Правительницѣ немедленно бѣжать въ Польшу. «Это значило бы сознаться въ томъ, въ чемъ меня теперь «только обвинять станутъ, отвѣчала Софія — еще не всё потерянно; Царь Іоаннъ живъ еще. Стрѣльцы мнѣ преданы; многіе «бояре на моей сторонѣ. Что̀ не удалось теперь—удастся послѣ.» (*) Но тщетно надѣялась она на свои хитрости и на силу своей партіи. — Тщетно думала разсѣять подозрѣніе, разглашая, что Шакловитый по должности пріѣзжалъ въ Преображенское, для смѣны стражей. Петръ получилъ вторичный доносъ: Полковникъ Циклеръ, двое другихъ начальниковъ стрѣлецкихъ и нѣсколько рядовыхъ, въ слѣдъ за Петромъ прибыли въ монастырь и подтвердили дѣйствительность заговора. — Софія обнаружила ужасъ и изумленіе при извѣстіи объ этомъ злодѣйскомъ умыслѣ на жизнь Царя. Но не помогло и притворство! — Она покушалась воспламенить стрѣльцовъ къ новому бунту, къ явному возстанію. Всё напрасно! Ни войско, ни жители — никто и не думалъ за нее вооружаться. Тщетно старалась она повелѣвать именемъ Царя Іоанна; тщетно старалась указу Петра, призывавшему въ монастырь всѣхъ вѣрныхъ долгу и присягѣ,—противупоставить другой указъ, отъ имени Іоанна, опредѣлявшій смертную казнь всякому, кто дерзнетъ оставить Москву. Любовь къ Петру и вѣрность присягѣ были сильнѣе всѣхъ ея козней. Генералъ Гордонъ, начальствовавшій войсками изъ иностранцевъ, получивъ,

(*) Ѳеодози.—Житіе и славныя дѣла Императора Петра Великаго.

18 Августа, воззваніе Петра, пошелъ къ Голицыну и объявилъ рѣшительно, что онъ съ своими идетъ къ Петру, куда зовутъ его долгъ и присяга. Многіе стрѣльцы послѣдовали его примѣру. Полкъ Сухаревъ, который одинъ изъ всѣхъ полковъ стрѣлецкихъ отличался всегда вѣрностію и преданностію законной власти, который даже въ первомъ бунтѣ стрѣлецкомъ не принималъ участія, поспѣшилъ изъявить покорность Петру, своему Царю и Государю. И граждане и дружины окрестныхъ дворянъ — всѣ, по гласу Петра, стеклись къ монастырю.

Тогда увидѣла Софія, что всѣ средства къ сопротивленію изчезли, вся власть ея сокрушилась, всё ей измѣнило! Но еще осталась надежда на примиреніе съ братомъ, еще думала она оправдаться. Тетка ея, Татіана Михайловна, и сестры, Марѳа и Марія, отправились къ Петру и старались убѣдить его въ безвинности Софіи, умоляя не вѣрить клеветамъ, на нее взводимымъ. Но Петръ ясно доказалъ имъ противное.—Съ печальною вѣстію возвратились къ ней сестры ея, а тетка осталась въ монастырѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ, по просьбѣ Царевны, отправился самъ престарѣлый Патріархъ предстательствовать за нее предъ разгнѣваннымъ Государемъ: но, убѣжденный въ ея виновности, остался при Петрѣ. Наконецъ, Царевна сама рѣшилась ѣхать, чтобы по крайней мѣрѣ смягчить гнѣвъ Государя, надѣясь на свое краснорѣчіе и на слезы—послѣднее орудіе женщины. Но на пути, въ селѣ Воздвиженскомъ, получила она роковое извѣстіе, что Петръ не хочетъ ее видѣть, что въ монастырь она не будетъ впущена и что ей должно ѣхать обратно, если не желаетъ подвергнуться неріятностямъ. Жестоко униженная такою встрѣчею, Царевна повиновалась.

Между тѣмъ, 5 Сентября, когда всѣ бояре и государственные сановники явились въ монастырь, Петръ, вмѣстѣ съ родительницею, теткою и Патріархомъ, вышелъ на крыльцо и приказалъ

предъ всѣмъ народомъ и войскомъ прочесть розыскъ о заговорѣ Шакловитаго и сообщниковъ его: Резанова, Гладкихъ, Петрова, Чермнаго и другихъ.—«Гибель злодѣямъ!»—былъ единогласный отвѣтъ народа, горѣвшаго усердіемъ къ Царю и Престолу.

Немедленно отправленъ былъ въ Москву отрядъ войска, съ повелѣніемъ схватить всѣхъ заговорщиковъ. Долго не могли отыскать Шакловитаго: онъ былъ укрытъ во дворцѣ Царевною. Напрасно старалась она спасти своего любимца, тщетно умоляла Царя Іоанна о заступленіи, — Іоаннъ повелѣлъ ей сказать: чтобы она покорилась и немедленно выдала измѣнника, присовокупивъ, «что онъ, Царь, не только за такого

злодѣя, но даже и за нее, Царевну, съ братомъ своимъ ссориться не хочетъ». Тщетно было бы всякое сопротивленіе; надлежало покориться необходимости. Съ горестнымъ чувствомъ повелѣла она Шакловитому пріобщиться Св. Таинъ, и, терзаемая совѣстію, не менѣе самаго преступника, предала его въ руки правосудія.

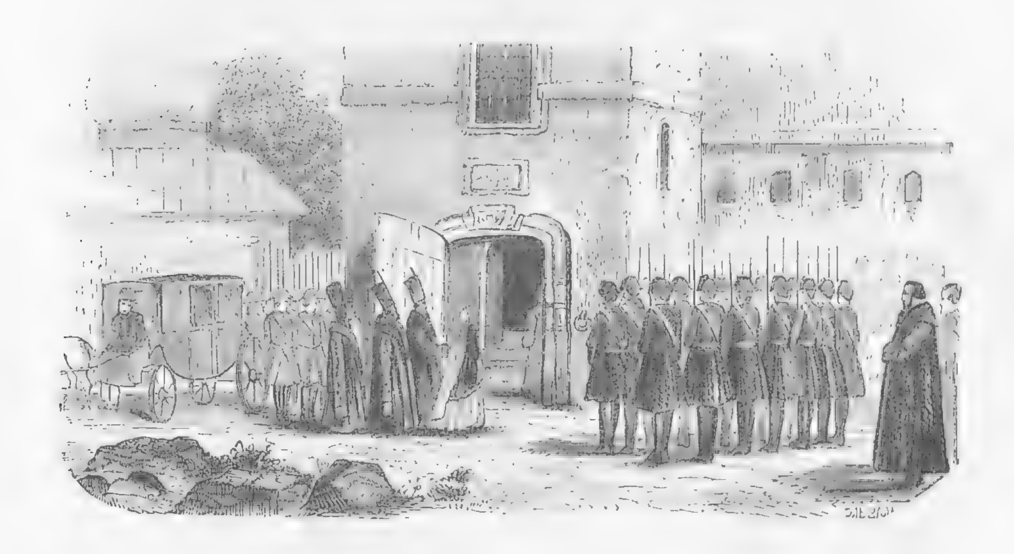
Пытка вынудила отъ злодѣевъ полное во всемъ сознаніе. Шакловитый и двое главныхъ сообщниковъ были колесованы; прочіе, по соразмѣрности преступленія, преданные жестокимъ мученіямъ или тѣлесному наказанію, всѣ осуждены были на вѣчную ссылку въ Сибирь (11 Сентября 1689). Одинъ изъ осужденныхъ, стрѣлецкій выборный, Обросимъ Петровъ, ведомый на мѣсто казни, всенародно сознавался въ своихъ преступленіяхъ, за которыя, говорилъ онъ, по справедливости претерпѣваетъ нынѣ позорную смерть, и увѣщевалъ предстоящихъ блюстися отъ подобныхъ злодѣяній.

Дошла очередь и до бояръ, преданныхъ Царевнѣ Софіи.—Они были призваны въ монастырь, гдѣ судъ, подъ предсѣдательствомъ Боярина Тихона Никитича Стрѣшнева, рѣшилъ ихъ участь.—Князь Василій Васильевичъ Голицынъ и сынъ его Алексѣй—хотя и не были, кажется, замѣшаны въ заговорѣ, но, какъ лица, ближайшія къ Правительницѣ—были лишены боярства и своихъ имѣній и осуждены въ ссылку, за то, какъ сказано въ розыскѣ, что они, безъ указу Государей, имя сестры ихъ, Царевны Софіи, во всякихъ дѣлахъ и грамотахъ велѣли писать обще съ именами Великихъ Государей—*Самодержицею*, и что князь Василій, бывъ посылан съ ратными людьми на Крымскія юрты, промыслу никакого не учинилъ и своимъ нерадѣніемъ казнѣ Государей причинилъ великіе

убытки, а государству раззоренія (*). Той же участи подвергся и Бояринъ Леонтій Неплюевъ. — Другіе же приверженцы Царевны разосланы были въ отдаленныя города на малыя воеводства.

Наконецъ, рѣшена была участь и самой Софіи. Сентября 7 состоялся указъ, отъ имени обоихъ Государей, о томъ, чтобы имя Правительницы, сестры ихъ, Царевны Софіи Алексѣевны, впредь ни въ какихъ дѣлахъ не упоминалось.

Утверждаютъ, что еще и послѣ сего Софія покушалась уклониться отъ своей участи и бѣжать въ Польшу; но было уже поздно. Петръ, узнавъ о ея замыслахъ, назначилъ монастырь Новодѣвичій мѣстомъ ея заточенія и, для спокойствія государства, на будущее время, приставилъ къ ней стражу. Такъ

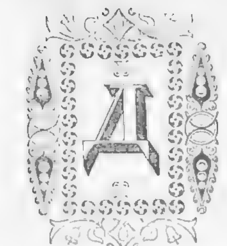

(*) Голицыныхъ сослали сперва въ Яренскъ, нынѣ уѣздный городъ Вологодской губерніи, а потомъ (вѣроятно въ слѣдствіе ложнаго доноса какого-то разстриги Ивашки, о которомъ упоминается въ поденной запискѣ 1693 года) въ Пустозерскъ, откуда перевели въ Мезень и наконецъ въ Пинегу, гдѣ князь Василій Васильевичъ и умеръ въ 1713 году, имѣя отъ роду около 70 лѣтъ, а сынъ его, Алексѣй, по смерти отца, получилъ прощеніе и, возвращенный изъ ссылки, умеръ въ 1740 году (Древняя вивл. XVII, 211, 212).

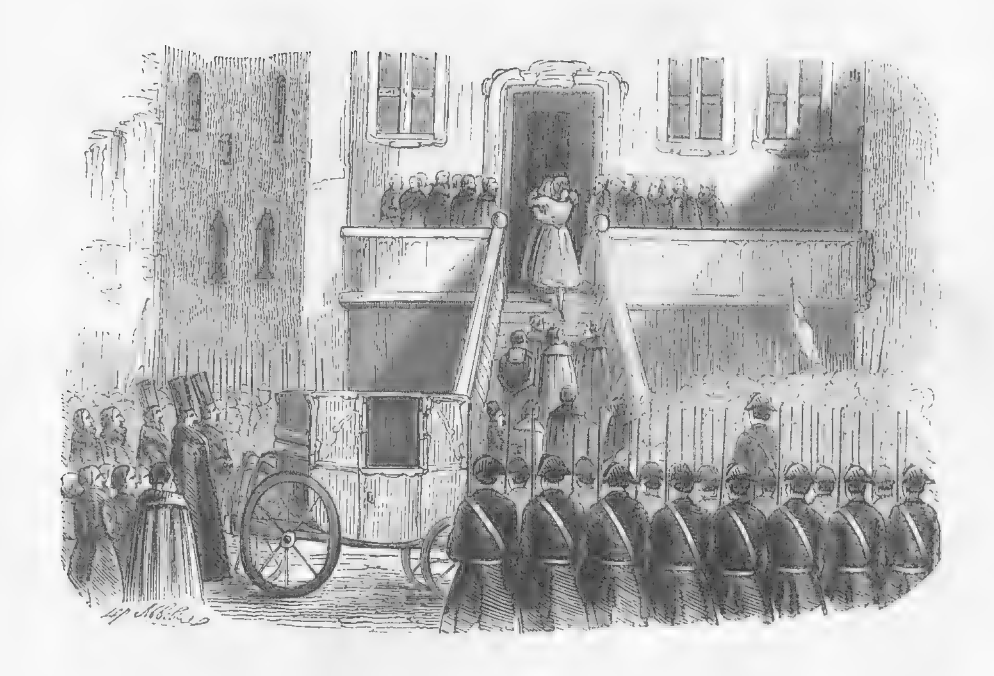
кончилось политическое поприще Софіи. Но и въ уединеніи монастырской келіи, тамъ, гдѣ должны бы умолкнуть всѣ земныя страсти, — и тамъ еще помыслы мірскіе долго волновали эту безпокойную и честолюбивую душу. Наконецъ, схима и имя Сусанны на вѣки сокрыли отъ свѣта гордую Царевну. Она скончалась, 3 Іюля 1705 года, послѣ 16-ти лѣтняго заточенія.

овольный столь счастливо-одержанною побѣдою и возстановленнымъ спокойствіемъ, Петръ, съ торжествомъ возвратился, 1-го Октября, въ свою столицу, вмѣстѣ съ родительницею, супругою и всѣмъ Дворомъ своимъ, при стеченіи безчисленнаго народа. Виновные стрѣльцы, положивъ головы на плахи, съ раскаяніемъ

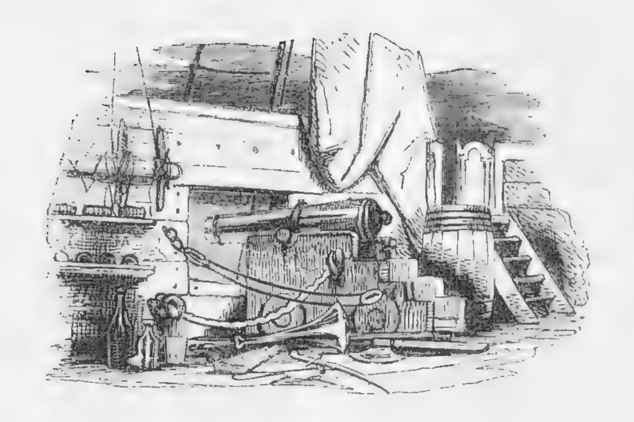
лежали по обѣимъ сторонамъ дороги, отъ самаго села Алексѣевскаго до Москвы. Громогласными восклицаніями радости привѣтствовалъ повсюду ликующій народъ своего Царя и Государя, и съ благословеніемъ сопровождалъ до самаго собора, гдѣ Петръ спѣшилъ излить сердце свое предъ алтаремъ Того, Котораго десница спасла и защитила его отъ всѣхъ напастей.

Передъ дворцемъ Кремлевскимъ встрѣтилъ его, съ изъявленіемъ искренней радости, добродушный братъ его, Царь Іоаннъ Алек-

сѣевичъ. Крѣпко обнялись царственные братья, которыхъ сердца отъ самой колыбели связывала любовь и дружба.

ГЛАВА VI.

НАЧАЛО РЕГУЛЯРНАГО ВОЙСКА И ФЛОТА.

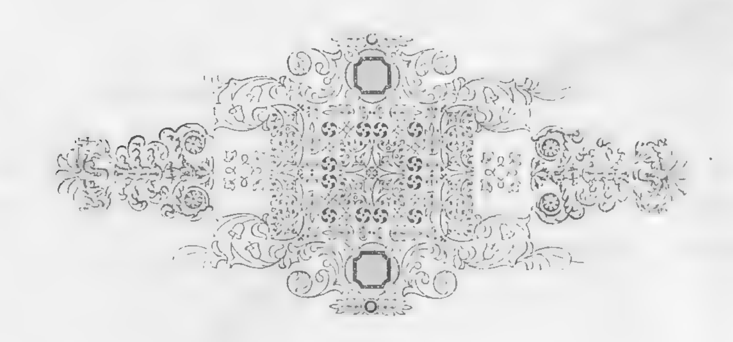
офія была для Петра единственною преградою на пути къ единодержавію. — Кроткій Царь Іоаннъ Алексѣевичъ давно уже изъявлялъ желаніе сложить съ себя царское достоинство, противу воли на него возложенное, и неоднократно говаривалъ, что ожидаетъ только совершеннолѣтія младшаго брата, дабы вручить ему одному кормило государства. Но не прежде, какъ по удаленіи властолюбивой сестры своей, могъ онъ безпрепятственно исполнить это намѣреніе и послѣдовать влеченію своей души.

Зная себя и свои силы, равно какъ и превосходство дарованій брата своего, добродушный Іоаннъ съ радостію передалъ ему теперь и скипетръ царскій и власть самодержавную, избравъ себѣ въ удѣлъ тишину и спокойствіе частной жизни. Чуждый честолюбія, онъ готовъ былъ уступить брату и всѣ почести и весь блескъ царскаго достоинства: но Петръ, который столько же тяготился внѣшнимъ великолѣпіемъ и пышностію, сколько братъ его бременемъ правленія, принялъ на себя одни только труды и заботы, соединенные съ властію самодержца; первенство же въ титулѣ и всѣ наружныя отличія верховной власти, по прежнему, предоставилъ старшему брату, къ которому всегда питалъ любовь и уваженіе, какъ къ своему отцу и Государю.

Сей истинно братскій раздѣлъ, рѣдкій въ Исторіи, много способствовалъ успѣху нововведеній Петровыхъ, ибо внѣшній блескъ и пышность царская, окружавшіе Іоанна, доставляли Петру болѣе свободы въ его дѣйствіяхъ и прикрывали, такъ сказать, отъ взоровъ неблагопріятствующей толпы, первые шаги его на поприщѣ преобразованій. Отъ того-то, при жизни Іоанна, представителя царскаго достоинства и блюстителя древнихъ обычаевъ, даже и самые упорные приверженцы старины, менѣе, нежели въ послѣдствіи, тревожились новизною и необыкновенностію жизни и дѣйствій Петра. Они смотрѣли на дѣла его, какъ на дѣла частныя, происходящія не отъ верховной власти, но отъ личной прихоти юнаго вѣнценосца. Такимъ образомъ, обманутые внѣшностію, казалось, они не замѣчали еще, что мощная десница Преобразователя начинала уже переставливать колеса машины государственной на стезю новую, незнакомую Россіи.

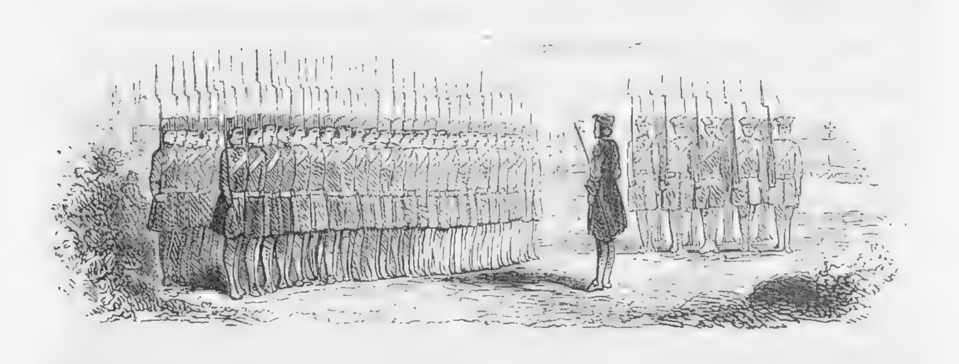
Между тѣмъ, низложеніе Правительницы, предоставя Петру власть верховную, открыло новое, обширнѣйшее поприще неутомимой дѣятельности его генія, и было началомъ перехода государства отъ древняго къ новому порядку вещей. Теперь, на восемнадцатомъ году возраста, Петръ увидѣлъ себя самодержав-

нымъ, неограниченнымъ повелителемъ государства обширнѣйшаго обнимавшаго бо́льшую часть Европы и весь сѣверъ Азіи, но государства неустроеннаго, незнакомаго съ гражданскимъ образованіемъ, чуждаго познаній въ необходимѣйшихъ наукахъ и искусствахъ, слабаго и ничтожнаго отъ невѣдѣнія собственныхъ силъ своихъ; — увидѣлъ себя главою народа многочисленнаго, безусловно покорнаго его самодержавной власти, но грубаго, закоренѣлаго въ вѣковыхъ предразсудкахъ, презиравшаго всё новое, чуждое, иноземное. Такое неблагопріятное состояніе государства и народа, казалось, само собою вызывало геніальнаго и предпріимчиваго Монарха на великій подвигъ преобразователя: но вмѣстѣ съ тѣмъ требовало отъ него и силъ чрезвычайныхъ и средствъ великихъ и воли неустрашимой. Еще средства были не приготовлены, путь не знако́мъ; но сознаніе душевныхъ силъ и какое-то внутреннее чувство высокаго призванія безотчетно увлекали уже Петра къ нововведеніямъ, не рѣдко смѣлымъ и опаснымъ

Естественно, что Петръ, желая ознакомить свой народъ съ Европейскою гражданственностью, долженъ былъ начать съ того же, съ чего началось и собственное его образованіе. Изученіе военнаго искусства и учрежденіе войска по образцу Европейскому, было любимымъ его занятіемъ еще въ самомъ юномъ и нѣжномъ возрастѣ; по принятіи же единодержавія сдѣла-

лось для него заботою государственною и исключительно привлекло его вниманіе.

Малая рота Потѣшныхъ была краеугольнымъ камнемъ, на которомъ воздвиглось величественное зданіе Русской военной силы, а Лефортъ и Гордонъ — первыми строителями и сотрудниками великаго Зодчаго. Эта рота, въ короткое время, возрасла до нѣсколькихъ тысячь человѣкъ и составила, какъ уже выше было упомянуто, два полка: Преображенскій и Семеновскій, — первыя регулярныя войска въ Россіи.

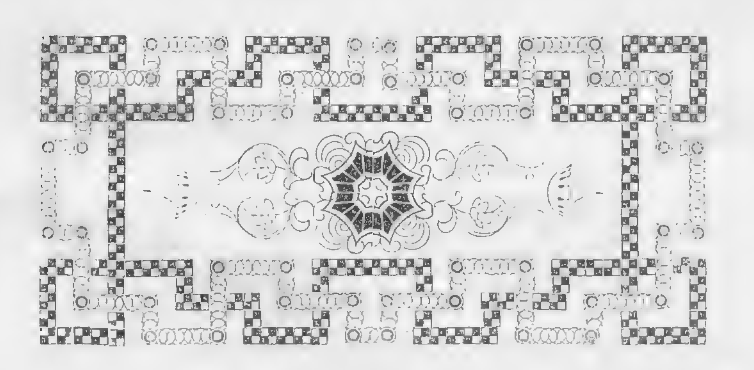
Казалось, что, и по принятіи единодержавія, вниманіе Петра, по прежнему, обращено было на однихъ только Потѣшныхъ. Всё лѣто, до самой поздней осени, проходило обыкновенно въ обученіи ихъ пѣхотному и конному строю, по правиламъ Европейской тактики. Безпрерывные маневры, кавалерійскія аттаки и примѣрныя битвы Потѣшныхъ съ полками стрѣлецкими, представляя совершенное подобіе войны, и оканчиваясь нерѣдко пролитіемъ крови, были почти ежедневными упражненіями Петра.

Но если это регулярное войско долженствовало доставить какую либо существенную пользу для государства, то надлежало умножить число его, и Петръ съ ревностію принялся, при помощи Лефорта и Гордона, учреждать новые полки.

Еще до временъ Петра Великаго, стараніемъ родителя его, учреждено было нѣсколько полковъ пѣшихъ и конныхъ, по образцу Европейскому, подъ названіемъ полковъ солдатскихъ, драгунскихъ и рейтарскихъ, частію изъ иноземныхъ наемниковъ, частію изъ безпомѣстныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, подъ начальствомъ опытныхъ иностранныхъ офицеровъ. Но этотъ корпусъ, простиравшійся, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, до семи тысячъ

человѣкъ, по смерти царя Алексѣя Михайловича, почти весь разсѣялся, такъ, что во время Петра Великаго одинъ только Бутырскій солдатскій полкъ напоминалъ собою о его существованіи. Гордонъ получилъ теперь повелѣніе собрать и устроить снова это войско, и въ короткое время, къ полному удовольствію своего Государя, выстроилъ предъ нимъ пятитысячный корпусъ. Между тѣмъ, Лефортъ, по волѣ Государя, разослалъ многихъ иностранныхъ офицеровъ по разнымъ странамъ Германіи, вербовать ратниковъ для Царской службы и сформировалъ, изъ новоприбывшихъ, другой довольно значительный корпусъ, который постепéнно умножался.

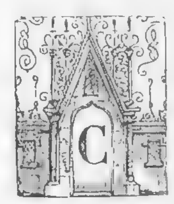
Но если Лефортъ и Гордонъ раздѣляютъ съ Петромъ честь учрежденія перваго регулярнаго войска въ Россіи, то слава основанія Русскаго флота нераздѣльно принадлежитъ одному Петру. Только въ его всеобъемлющемъ умѣ могла родиться смѣлая мысль — создать морскую силу, такъ сказать, на сушѣ — въ государствѣ, которому моря были еще недоступны. Ветхій Англійскій ботъ

породилъ въ геніальной душѣ Петра первую склонность къ кораблеплаванію; а грозный Русскій Флотъ, уже при жизни Петра изъ 40 линейныхъ кораблей и 300 галеръ состоявшій, — господство на моряхъ Черномъ и Балтійскомъ, быстрое распространеніе морской торговли, могущество и благоденствіе Россіи, — были, такъ сказать, прямыми слѣдствіями этой склонности, которая, подобно воинскимъ упражненіямъ его дѣтства, первоначально казалась простою забавою Государя, безъ всякой цѣли и существеннаго примѣненія къ пользамъ государства.

Осматривая однажды, на такъ называемомъ Льняномъ дворѣ, въ селѣ Измайловѣ, остатки вещей, принадлежавшихъ предку его, Никитѣ Ивановичу Романову, Государь увидѣлъ между ними заброшенное по ветхости судно, отличное устройствомъ своимъ отъ видѣнныхъ имъ доселѣ. Случившійся при немъ учитель его, Францъ Тимерманъ, объяснилъ ему назначеніе этого Англійскаго бота и преимущества его предъ обыкновенными лодками. Царь пожелалъ удостовѣриться въ томъ на опытѣ; но ботъ надлежало сперва исправить. Немедленно отысканъ былъ мастеръ и, по странному случаю, это былъ тотъ самый Голландецъ Брандтъ, который, при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, построилъ въ селѣ Дѣдиновѣ, на Волгѣ, первый Русскій корабль, названный Орломъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, желая открыть удобнѣйшій путь для торговли съ Персіею, рѣшился завесть корабли на Каспійскомъ морѣ, и призвалъ изъ Голландіи мастеровъ и матросовъ. Но предпріятіе его рушилось при самомъ началѣ; корабль, построенный Брандтомъ, былъ сожженъ въ Астрахани бунтовщикомъ Разинымъ, а экипажъ весь разсѣялся. Брандтъ почти одинъ возвратился въ Москву и жилъ въ крайней бѣдности. Теперь, по волѣ Петра, этотъ старецъ явился наконецъ тѣмъ, для чего онъ былъ призванъ въ Россію—первымъ орудіемъ сооруженія Русскаго флота. Исправивъ и оснастивъ ботикъ, имъ же самимъ нѣкогда построенный, Брандтъ долженъ былъ лавировать на немъ по Яузѣ, между тѣмъ, какъ Государь, съ невыразимымъ любопытствомъ, смотрѣлъ на легкія движенія судна, на дѣйствіе руля и силу паруса. Весною, 1691 года, 2-го Апрѣля, Петръ, управляя самъ рулемъ ботика, совершилъ первое путешествіе водою, въ село Коломенское.

Съ этого времени любовь къ мореходству и желаніе основать въ Россіи морскую силу сдѣлались въ душѣ Петровой господствующею страстію, которая тѣмъ болѣе удивительна, что Петръ, какъ говорятъ, въ дѣтствѣ сильно боялся воды и питалъ даже отвращеніе къ этой стихіи.

Причиною такой боязни, какъ утверждаетъ сказаніе, было слѣдующее событіе (*). Въ одно изъ частыхъ путешествій Царицы Натальи Кириловны по монастырямъ, на поклоненіе, случилось, что надобно было переѣзжать чрезъ небольшой ручей, который въ весеннюю половодь выступилъ изъ береговъ и протекалъ съ великою быстротою. Мать дремала въ повозкѣ, а четырехъ-лѣтній сынъ сладко спалъ на ея колѣнахъ. Внезапный шумъ протока,

(*) Голиковъ, по Крекшину; Страленбергъ, стр. 265

вода, стремящаяся въ повозку, крикъ матери и прислужницъ, такъ сильно испугали спящаго ребенка, что онъ въ ту же минуту получилъ лихорадочный припадокъ, который, и въ послѣдствіи, часто при одномъ взглядѣ на рѣку, прудъ или озеро, иногда возобновлялся. Только на четырнадцатомъ году возраста удалось Петру освободиться отъ этой боязни, обратившейся въ немъ какъ-бы въ природу. Такою побѣдою надъ самимъ собою, онъ, какъ говорятъ, одолженъ былъ Князю Борису Алексѣевичу Голицину (*).

Убѣдивъ однажды Государя принять участіе въ псовой охотѣ, Голицинъ распорядился такъ, что общество охотниковъ должно было переправиться въ бродъ чрезъ небольшую рѣчку. Подъѣхавъ къ рѣкѣ, Петръ остановилъ коня, но видя, что другіе прямо бросились въ воду, устыдился обнаружить свою слабость и отстать отъ прочихъ. Честолюбіе юноши было задѣто и онъ, подавивъ въ себѣ чувство боязни, послѣдовалъ за Голицынымъ. Видя такое усиліе, сдѣланное Государемъ, прочіе охотники громкими восклицаніями привѣтствовали его за эту первую побѣду надъ самимъ собою.

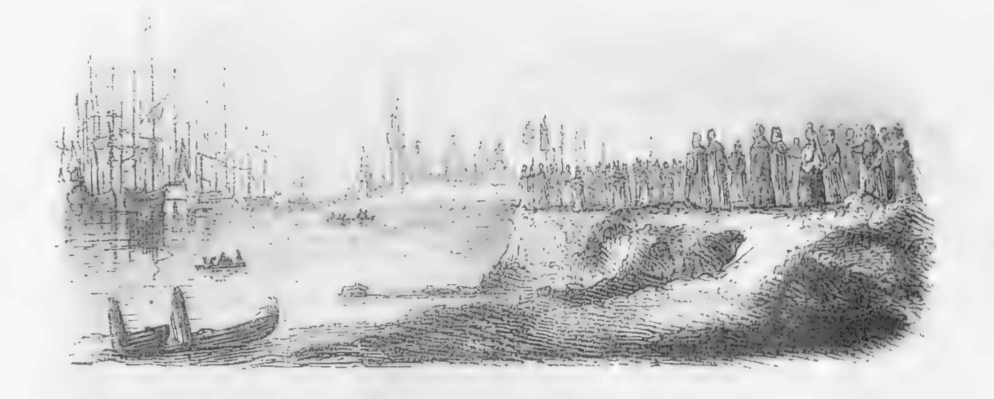
По поѣздки по Яузѣ и Просяному пруду, на который перевезена была царская яхта, не долго забавляли Петра: постепенно возраставшая въ немъ страсть искала бо́льшаго простора. Озеро Переславское (**), довольно значительное по величинѣ и отстоящее отъ Москвы только въ 120 верстахъ, обратило на себя его вниманіе. — Онъ рѣшился устроить здѣсь потѣшную флотилію, какъ

(*) Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ былъ дядькою Петра Великаго, и занималъ при немъ многія важныя должности. Наконецъ, наскучивъ мірскою суетою, онъ жилъ во Флорищевой пустынѣ (недалеко отъ Гороховца), гдѣ и умеръ, въ глубокой старости, 18 Октября 1713 года, принявъ за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины монашескій санъ. Родился 20 Іюля 1614. (см. Древн. Вивл. XVII. 219).

(**) Озеро Владимірской губерн. называется также Клещинскимъ; длина его 8, а ширина верстъ.

нѣкогда въ Преображенскомъ—Потѣшную роту. Изъ Голландіи, немедленно призваны были корабельные мастера и матросы, въ помощь старику Брандту; на берегу озера возникла верьфь, — и Петръ, съ топоромъ въ рукахъ, присоединился къ толпѣ Голландскихъ плотниковъ. Работа шла быстро. Въ началѣ Мая, слѣдующаго 1692 года, маленькая флотилія, состоявшая изъ двухъ фрегатовъ и трехъ яхтъ, красовалась уже на озерѣ, и Лефортъ, пожалованный генералъ-адмираломъ этаго перваго Русскаго флота, долженъ былъ образовывать здѣсь будущихъ мореходцевъ.

Сооруженіе Переславской флотиліи казалось Петру дѣломъ столь важнымъ, что онъ пожелалъ освятить его обрядомъ религіознымъ. 1-го Августа совершенъ былъ крестный ходъ на озеро.

Въ этотъ день, регулярное войско, стоявшее на берегу, подъ командою Гордона, и флотъ, красовавшійся на озерѣ, подъ начальствомъ новаго Адмирала своего, казалось, торжествовали свое чудесное рожденіе, и, во время погруженія креста въ воду, привѣтствовали другъ друга громомъ пушекъ и ружей. Радость и счастіе Петра были невыразимы; управляя однимъ фрегатомъ, онъ безумолку потрясалъ воздухъ пальбою изъ всѣхъ орудій.

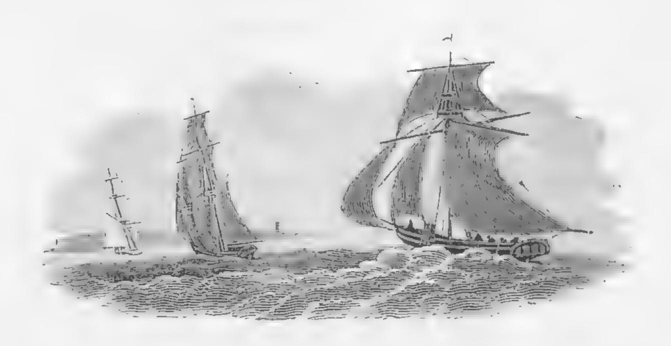
Озеро Переславское было для Петра первою школою мореходства, но вскорѣ и оно показалось тѣснымъ: онъ пожелалъ видѣть открытое море. Съ того времени, какъ Шведы отторгли отъ Россіи ея Прибалтійскія области, одно только Бѣлое море было доступно для Русскихъ, и Архангельскій портъ былъ единственнымъ пунктомъ, чрезъ который Россія сообщалась съ Европою. Туда, къ берегамъ этого отдаленнаго моря, стремились мысли и желанія Петра, какъ взоры узника къ малому отверстію въ стѣнѣ его темницы! Тщетно противилась этому влеченію духа кроткая родительница Петра; тщетно любовь матери старалась остановить смѣлые шаги того, котораго высшая, невидимая сила увлекала по пути, ему предназначенному. Исторгнувъ согласіе матери, подъ предлогомъ посѣщенія разныхъ монастырей, Петръ полетѣлъ въ Архангельскъ. 30 Іюля, 1693 года, отдаленный Сѣверъ Россіи въ первый разъ привѣтствовалъ своего повелителя.

Но кто угадаетъ чувства, волновавшія душу Великаго въ то время, когда онъ впервые узрѣлъ море, когда орлиный взоръ его попеременно то блуждалъ по зыбкой равнинѣ водъ, то покоился на корабляхъ, съ богатымъ грузомъ, готовыхъ отплыть изъ гавани? Можно, впрочемъ, утверждать навѣрное, что не созерцательныя

мечты поэзіи, но мысли о благоденствіи и счастіи Россіи роились въ душѣ его въ эту торжественную и многозначащую минуту его жизни.

Желая короче ознакомиться съ моремъ, совершилъ онъ на своей яхтѣ, Св. Петръ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ Голландскихъ и Англійскихъ купеческихъ судовъ, путешествіе къ Лапландскому

берегу и, доѣхавъ до мѣстечка Поной (подъ 69° 30 с. ш.), возвратился въ Архангельскъ, послѣ шестидневнаго пребыванія въ морѣ. Биржа и гавань съ иностранными кораблями были главными предметами, привлекавшими его любопытство въ Архангельскѣ, и составляли обыкновенное мѣсто его прогулокъ. Скрывъ царское величіе подъ матросскою курткою, онъ часто вмѣшивался въ толпу веселыхъ моряковъ, нерѣдко пировалъ съ ними и, подъ именемъ Голландскаго корабельщика, заключилъ съ нѣкоторыми иноземными купцами контрактъ о доставкѣ на его счетъ корабля, съ сукномъ, для арміи (*). Наконецъ, назначивъ воеводою Архангельскимъ Ѳедора Матвѣевича Апраксина, вмѣсто бывшаго Матвѣева, и поручивъ ему снарядить на казенный счетъ, нагрузить товарами и отправить за море первый Русскій корабль, Петръ оставилъ Архангельскъ, послѣ шестинедѣльнаго въ немъ пребыванія.

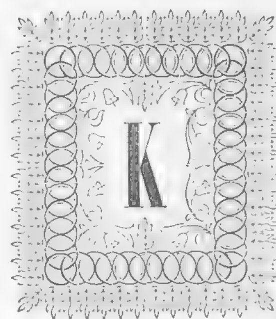
Въ Москвѣ ожидали его пиры, фейерверки и разнаго рода увеселенія, которыя для великаго преобразователя составляли не одно

*) Leben Peters des Grossen, von G. A. von Halem. I. 70.

только простое препровожденіе времени, но имѣли высшую нравственную цѣль. Онѣ служили ему средствомъ къ униженію боярской спеси, къ осмѣянію старинныхъ предразсудковъ и къ возбужденію большей дѣятельности и воинскаго духа въ народѣ. Среди такихъ забавъ, перемежавшихся съ воинскими упражненіями, неожиданная кончина возлюбленной матери (25 Января 1694) поразила глубокою скорбію чувствительное сердце Петра.

«Бѣду свою и послѣднюю печаль (писалъ онъ Апраксину), «глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не можетъ, «купно же и сердце» и проч. — Но какъ ни велика была эта скорбь, она, однакожъ, не мѣшала ему заниматься обыкновенными его дѣлами: «Посылаю Никласа да Яна», (продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ, къ Апраксину) «для строенія малаго корабля и чтобъ имъ «лѣсъ и желѣзо и все къ тому (потребное) было вскорѣ готово, «понеже рано (къ вамъ) пріѣхать имѣемъ. Полтораста шапокъ со-«бачьихъ и столько жъ паръ башмаковъ разныхъ мѣръ сдѣлать, «о чемъ въ готовности и не сомнѣваюсь,» и проч.

роткая и нѣжная родительница, которой материнское сердце трепетало при одной мысли объ опасностяхъ, на каждомъ шагу окружавшихъ ея возлюбленнаго сына, нерѣдко просьбами и слезами удерживала Петра отъ его полезныхъ, но смѣлыхъ предпріятій. Съ кончиною ея прекратилась эта борьба между страстію къ преобразованіямъ и любовью къ матери. Петръ сталъ теперь полнымъ властелиномъ своей воли. Опасности не устрашали его. Со всѣмъ увлеченіемъ пылкой юности началъ онъ теперь развивать свои отважные планы. Наступившая весна (1694) застала его снова на пути въ Архангельскъ, и снова воды Бѣлаго моря запѣнились подъ кораблемъ его. Но на этотъ разъ коварная стихія непріязненно встрѣтила вѣнценоснаго мореходца. Желая посѣтить монастырь Соловецкій, знаменитый своею святостію, Петръ, 29 Мая, сѣлъ на корабль, вмѣстѣ съ сопровождавшими его боярами. Архіепископъ Афанасій, отклонившій въ прошедшемъ году приглашеніе Государя, не могъ теперь отказаться отъ поѣздки, предпринятой съ благочестивою цѣлью, и также присоединился къ царской свитѣ. Вѣтръ, сначала благопріятный, постепенно усилился, а наконецъ при Унской губѣ, на самомъ опасномъ мѣстѣ, превратился въ жестокую бурю. Грозно возстало море и ежеминутно угрожало сокрушить дерзкій корабль о подводные камни.

Въ борьбѣ съ разъяренною стихіею тщетны казались всѣ усилія мореходцевъ. Страхъ смерти оковалъ ихъ руки и лишивъ ихъ необходимой бодрости, увеличилъ опасность. Корабль былъ уже поврежденъ; всѣ спѣшили, принятіемъ Св. Таинъ, разсчитаться съ землею, и только отъ помощи небесной чаяли спасенія. Одинъ лишь кормчій, посѣдѣлый въ борьбѣ съ волнами и бурями, безстрашно стоялъ на своемъ мѣстѣ и, казалось, изыскивалъ въ своемъ умѣ средства къ спасенію. Петръ, котораго присутствіе духа, среди величайшихъ опасностей, никогда не покидало, хотя и принялъ изъ рукъ Архипастыря предсмертные дары Спасителя, въ напутствіе къ вѣчности, не ослабѣвалъ однако въ трудахъ, и, ободряя малодушныхъ своимъ примѣромъ, старался словомъ и дѣломъ помогать неустрашимому кормчему.

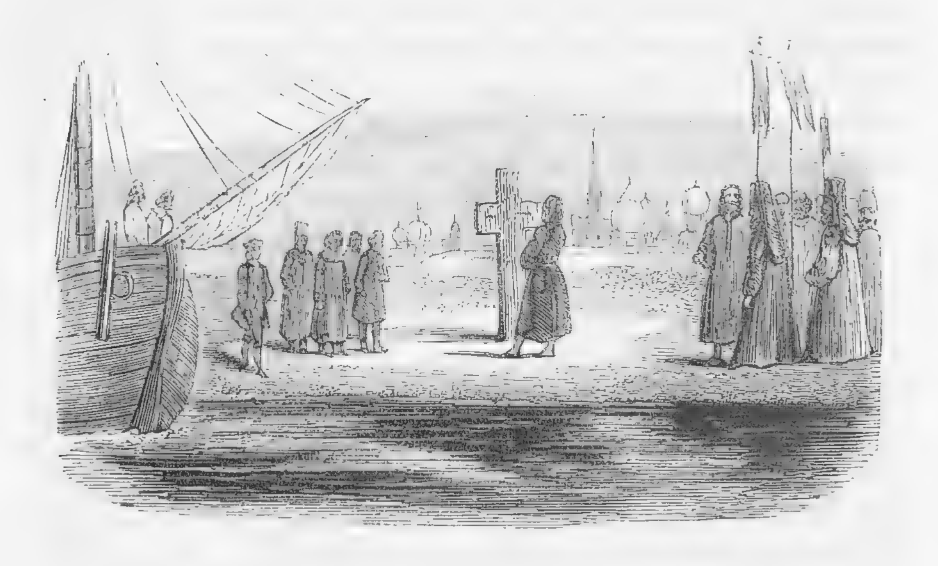
Но сей послѣдній, хорошо знакомый съ мѣстностію и увѣренный въ собственномъ своемъ искусствѣ, съ грубостію отвергъ предлагаемые ему совѣты. «*Прочь! не мѣшай мнѣ!*» закричалъ онъ Государю; «*я знаю свое дѣло и знаю лучше тебя, куда и*

какъ править!» Чтобы избѣгнуть явной гибели, надлежало рѣшиться на отважный шагъ: угадать, во время жестокой бури, проходъ въ Унскую губу, чрезъ такъ называемые Унскіе рога, усѣянные подводными каменьями.—И отважный Русскій морякъ, сотворивъ крестное знаменіе, съ надеждою на Бога, пустилъ корабль по направленію вѣтра, посреди страшныхъ буруновъ. Управляемый его искусною рукою и хранимый промысломъ Всевышняго, корабль благополучно миновалъ опасное мѣсто и бросилъ якорь подъ монастыремъ Петроминскимъ. По выходѣ на берегъ, кормчій палъ къ ногамъ Государя, прося прощенія въ своей дерзости; но Петръ ласково поднялъ его, и поцѣловавъ сказалъ: «прощать тебя не въ чемъ, а благодарить должно, какъ за твое искусство, такъ и за отвѣтъ твой!»—Онъ подарилъ ему на память свое измокшее платье и назначилъ пенсію. Антипъ Пановъ — такъ назывался мужественный кормчій — еще долго послѣ сего, со слезами умиленія, разсказывалъ потомкамъ о Великомъ Государѣ! (*)

Воздавъ благодареніе Богу за избавленіе отъ опасности, Петръ поставилъ въ память этого событія, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ послѣ бури вышелъ на берегъ, деревянный крестъ, имъ самимъ сдѣланный, и собственною рукою вырѣзалъ на немъ, слѣдующую Голландскую надпись: DAT KRUVS MAKEN KAPTEIN PITER van A. CHT. 1694 (т. е., сей крестъ сдѣлалъ Капитанъ Петръ 1694 года) (**).

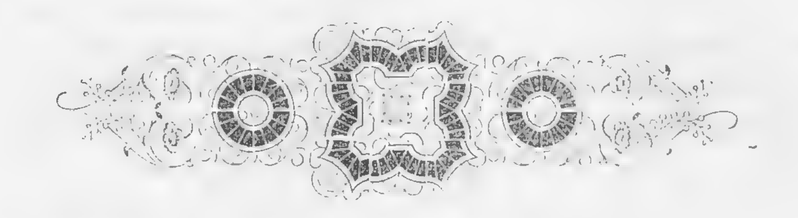
(*) Анекдоты о Петрѣ Великомъ. И. Голикова

(**) Книга: О Высочайшихъ пришествіяхъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича изъ царствующаго града Москвы на Двину, къ Архангельскому городу, троекратно бывшихъ и проч. — Крестъ сей въ послѣдствіи снятъ съ своего мѣста и хранился въ монастырѣ.

Оказавъ многія благотворенія монашествующимъ и распространивъ привиллегіи монастыря, касательно рыбной и звѣриной ловли, Петръ оставилъ обитель, послѣ трехъ-дневнаго въ ней пребыванія, и благополучно прибылъ въ монастырь Соловецкій. Съ набожнымъ любопытствомъ осмотрѣлъ онъ эту, отдаленнѣйшую на Сѣверѣ, святыню, укрѣпленную природою и искусствомъ. Уединенная часовня на берегу моря и поставленный въ ней деревянный крестъ доселѣ еще напоминаютъ благочестивымъ странникамъ о посѣщеніи Петромъ этого отдаленнаго острова. — Мы приведемъ здѣсь письмо, которымъ Петръ изъ Архангельска извѣщалъ брата своего объ этомъ путешествіи. Оно любопытно, какъ доказательство набожности и сыновняго уваженія его къ старшему брату: «Превозлюбленный мой Государь, Батька и Братецъ Царь Іоаннъ Алексѣевичъ! — А которое Государь Братецъ было завѣщаніе прошлаго году о поклоненіи мощамъ чудотворцевъ Зосима и Савватія, и нѣкакимъ случаемъ того обѣщанія не снесъ, а нынѣ соизволеніемъ Божіимъ тотъ залогъ сдержалъ, и будучи въ обители—и раки ихъ чудотворцевы видѣть сподобился и отъ туда во всякомъ здравіи за ихъ святыми молитвами и поспѣшеніемъ

Божіимъ доѣхалъ до города, Іюня въ 13 день, слава Богу во всякомъ здравіи со всѣми будучими со мною, и для сей же вѣдомости яко ко Отцу и Брату посылаю вѣдомость» — и проч.

Между тѣмъ, какъ Петръ находился въ Архангельскѣ и съ опасностію своей жизни пріобрѣталъ познанія въ наукѣ мореходства, сподвижники его, Лефортъ и Гордонъ, неутомимо занимались въ Москвѣ приготовленіями къ маневрамъ, которые должны были ознакомить Русскихъ съ Европейскимъ образомъ войны и доказать имъ пользу введеннаго Петромъ новаго воинскаго устройства. На берегу Москвы рѣки, близъ села Кожухова, построена была земляная четвероугольная крѣпость, подъ руководствомъ Гордона, который начерталъ и планъ ея осады. Во всѣ ближайшіе къ столицѣ города разосланы были Царскія граматы, коими повелѣвалось всѣмъ стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ Московскимъ и разнаго званія воинскимъ людямъ, подъ опасеніемъ Царской опалы, быть въ Москвѣ къ назначенному сроку, для ученія ратному строю. Для того же на улицахъ и площадяхъ Московскихъ ловили подъячихъ и людей разнаго чина и званія и отсылали въ Преображенское. Набранное такимъ образомъ войско, по возвращеніи Государя изъ путешествія, раздѣлено было на два корпуса, изъ которыхъ одинъ представлялъ непріятелей, а другой Русскихъ. — Первый составляли шесть полковъ стрѣлецкихъ, дьяки, подъячіе и люди разнаго званія, также и всѣ знатнѣйшіе старинные бояре. Они, подъ начальствомъ своего Генералиссимуса — стараго и преданнаго старымъ обычаямъ Боярина Бутурлина, которому дано было прозваніе Польскій Король, заняли крѣпость и раскинули близъ нея свой укрѣпленный лагерь. —

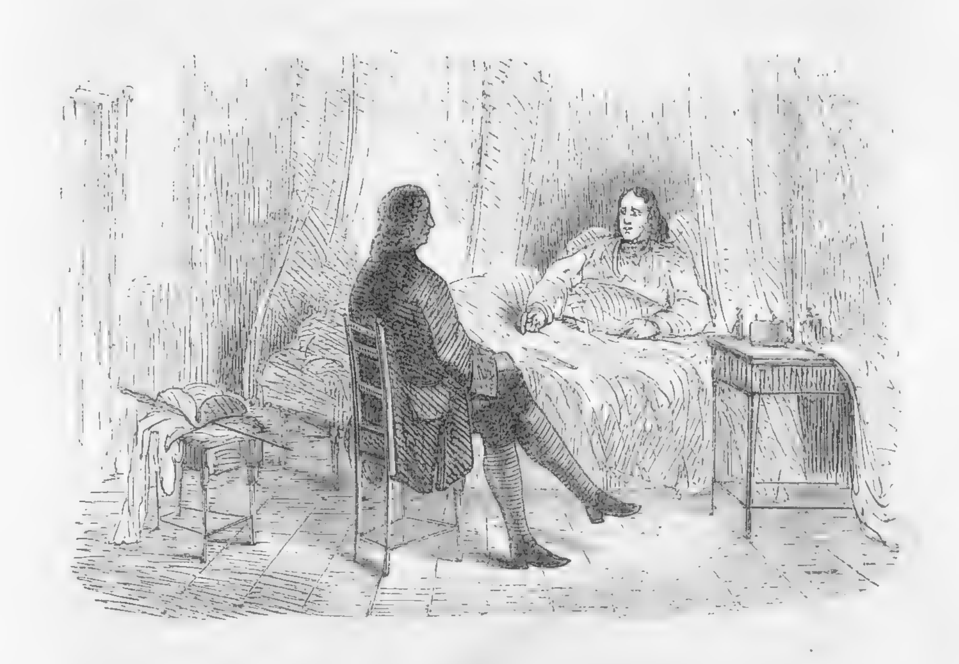
Второй корпусъ, составленный изъ войскъ регулярныхъ и дворянскихъ дружинъ, въ старинномъ вооруженіи, подъ названіемъ Большаго Полка, находился подъ предводительствомъ другаго Генералиссимуса, Князя Ѳедора Юрьевича Рамодановскаго, который, кажется, тогда же получилъ титулъ Кесаря (по Желябужскому—Государича). Онъ долженъ былъ атаковать Кожуховскія укрѣпленія. Петръ, подъ неизвѣстнымъ именемъ, находился въ гвардіи Рамодановскаго и трудился больше всѣхъ.

Маневры начались 23 Сентября и кончились 17 Октября, не безъ пролитія крови и потери съ обѣихъ сторонъ. — Крѣпость и лагерь наконецъ были взяты и мнимый непріятель взятъ въ плѣнъ.

Въ слѣдъ за тѣмъ Лефортъ и Гордонъ, соревнуя другъ передъ другомъ въ усердіи къ своему Государю, показали ему образецъ штурма и обороны крѣпости, по всѣмъ правиламъ науки. Первый нападалъ, второй защищался; гранаты, бомбы и картечи изъ картузной бумаги замѣняли настоящія. Ревность и желаніе отличиться предъ Государемъ доводили сражающихся до запальчивости. Многіе солдаты были ранены, нѣкоторые убиты и самъ

Лефортъ дорого купилъ побѣду надъ противникомъ. Когда онъ первый, съ знаменемъ въ рукахъ, вошелъ на крѣпостной валъ, то лопнувшая предъ нимъ граната опалила ему лице и едва не лишила зрѣнія.

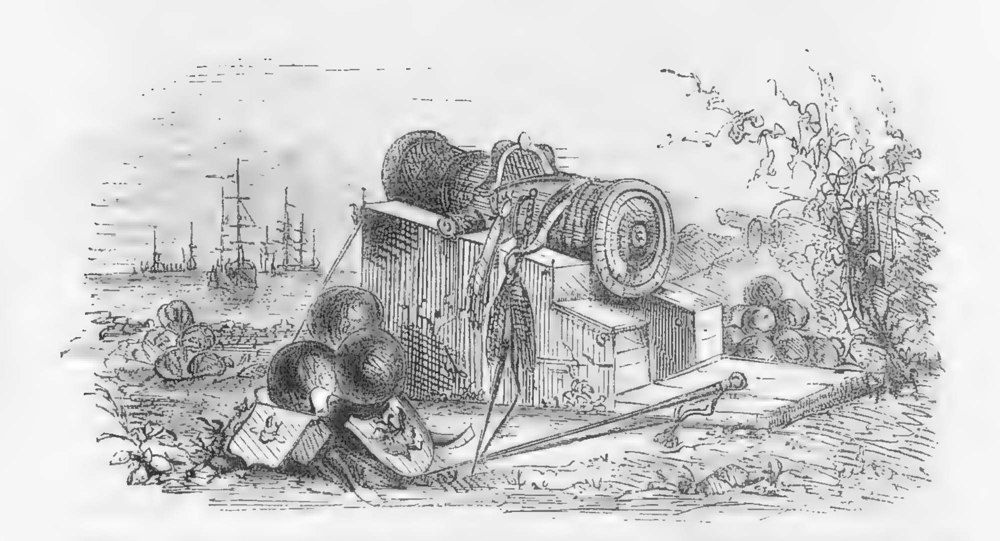

Опечаленный такимъ несчастіемъ, Петръ самъ ухаживалъ за больнымъ своимъ другомъ, находился при немъ почти неотлучно, днемъ и ночью, и присутствовалъ при каждой перевязкѣ, дѣлаемой хирургами. Такое вниманіе и заботливость Государя были для него лестнѣе, нежели награда генеральскимъ чиномъ, которымъ Государь пожаловалъ его при этомъ случаѣ.

Но какъ ни были полезны эти упражненія воинскія, онѣ не могли однако доставить новоучрежденнымъ войскамъ Петровымъ той опытности и вдохнуть въ нихъ того геройскаго духа, которые воинъ пріобрѣтаетъ только на полѣ ратномъ, среди огня

боеваго. Война есть лучшая школа для воина. Петръ зналъ это и повелъ свои потѣшныя войска на войну дѣйствительную.

Въ это же время уничтожилось и самое названіе Потѣшныхъ, которое доселѣ принадлежало полкамъ Преображенскому и Семеновскому. Въ отличіе отъ прочихъ регулярныхъ войскъ они названы были Царскою Лейбъ-Гвардіею, и при первомъ изъ нихъ учреждена была бомбардирская рота, которой Капитаномъ былъ самъ Государь, подъ именемъ Петра Алексѣева. — Настало время, въ которое Петру надлежало на дѣлѣ доказать пользу своихъ нововведеній и примѣнить ихъ къ цѣли государственной.

ГЛАВА VII.

АЗОВСКІЕ ПОХОДЫ.

До сего времени Петръ, по видимому, слѣдовалъ только безотчетному влеченію своего духа: учреждалъ новые полки, обучалъ войска, упражнялся въ мореплаваніи и кораблестроеніи, не зная еще самъ къ чему все это поведетъ его. Дѣятельность его, казалось, не имѣла еще никакого отношенія къ

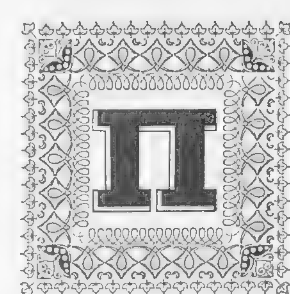
государству и великая идея — преобразовать полуазіятскую Россію въ державу Европейскую — еще не созрѣла въ душѣ его, или по крайней мѣрѣ не получила еще опредѣлительности и ясности. Но сознаніе, что Россія не можетъ остаться въ прежнемъ положеніи, и стремленіе къ новому, лучшему, уже ясно обнаруживались во всѣхъ его предпріятіяхъ и нововведеніяхъ.

ъ сіе-то время, когда геній Петра, по видимому, находился еще въ нерѣшимости и какъ будто испытывалъ свои силы, необходимыя для предстоящей великой борьбы, когда Петръ, казалось, и самъ еще не зналъ, какъ и съ которой стороны приступить къ своему великому призванію — въ это время война Турецкая вдругъ обратила на себя его вниманіе. — Мысль, что звукъ оружія долженъ исторгнуть Русскихъ изъ ихъ усыпленія, что война должна быть первою ихъ школою, искусство воинское — азбукою, первою ступенью къ высшему образованію умственному; что побѣда должна доставить Россіи вѣсъ и значеніе, мѣсто и голосъ между государствами Европы, — эта мысль, какъ молнія, озарила умъ Петра и опредѣлила всю будущую жизнь и дѣятельность его. Ни какія преграды и неудачи уже не въ силахъ были измѣнить однажды даннаго направленія.

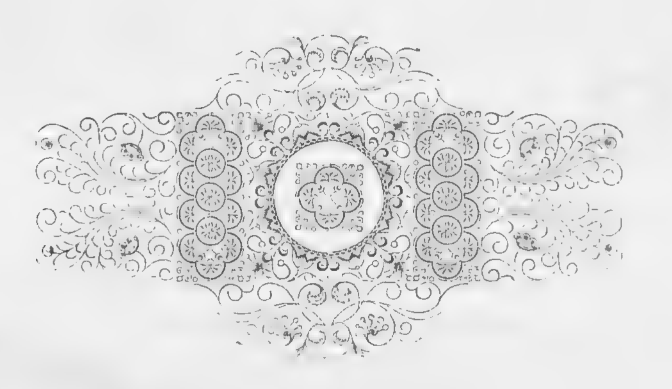
Война, которую Россія, по силѣ Московскаго договора, заключеннаго съ Польшею, въ 1686 году, начала противу Татаръ Крымскихъ, союзниковъ Порты Оттоманской, кончилась сама собою, послѣ двухъ неудачныхъ походовъ Голицына. Борьба между Петромъ и Софіею и послѣдовавшій за тѣмъ переворотъ въ правленіи, препятствовали ея возобновленію. — Такимъ образомъ прошло пять лѣтъ, въ продолженіе которыхъ между Россіею и Турціею не было ни войны ни мира. Польша, обезсиленная какъ внѣшнею войною, такъ и внутренними неустройствами, и усыпленная хитростію Турокъ, успѣвшихъ поселить въ Варшавскомъ Кабинетѣ недовѣрчивость къ союзникамъ, также не обнаруживала желанія продолжать войну и искала своихъ выгодъ въ мирныхъ переговорахъ. Такимъ образомъ Австрія почти одна осталась на театрѣ

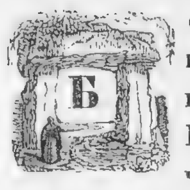
войны, вѣсы которой видимо склонялись на сторону невѣрныхъ. Императоръ, который, при слабыхъ успѣхахъ своего оружія, потерялъ надежду на выгодный съ Турками миръ, отправилъ наконецъ, въ 1691 году, Барона Курца къ союзнымъ Дворамъ, дабы возобновить съ ними колебавшійся союзъ и убѣдить ихъ къ дѣятельному продолженію войны. При личныхъ переговорахъ, недовѣрчивость и недоразумѣнія, бывшія слѣдствіемъ хитрости Турокъ, легко разсѣялись, и взаимное согласіе снова было возстановлено.

етръ, уже въ 1691 году, далъ слово возобновить прерванную съ Турками войну; но медлилъ и, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, не принимался еще за оружіе, сомнѣваясь ли въ искренности союзниковъ, которые въ то же время вели съ Портою дѣятельные переговоры о мирѣ, или останавливаемый разстройствомъ и худымъ состояніемъ Русскихъ военныхъ силъ. А можетъ быть и предложенныя со стороны Турокъ чрезвычайно выгодныя мирныя условія заставляли его колебаться между войною и миромъ. Наконецъ, когда страсть къ мореплаванію и развившіеся изъ нея отважные планы породили въ душѣ его непремѣнное желаніе пріобрѣсть приморскій пунктъ, болѣе выгодный для внѣшнихъ сношеній, нежели отдаленный, среди безлюдныхъ пустынь лежащій, портъ Архангельскій, тогда обратилъ онъ всё свое вниманіе на берега Черноморскіе и началъ дѣятельно готовиться къ войнѣ съ Турками.

Цѣлью войны было покореніе Азова, уже въ древности знаменитаго своею торговлею и бывшаго еще во время владычества Грековъ и Генуэзцевъ точкою соединенія Европы съ Азіею. И такъ, возобновивъ союзъ съ Цесаремъ и Польшею, Петръ немедленно приступилъ къ устроенію въ Воронежѣ корабельной верьфи, зная, что безъ флота невозможно ему достигнуть своей цѣли. Но нетерпѣливость юнаго Государя, видѣть мысль свою исполненною, была столь велика, что онъ, не дождавшись построенія этого флота, весною, того же года, рѣшился съ одними сухопутными силами осадить Азовъ.

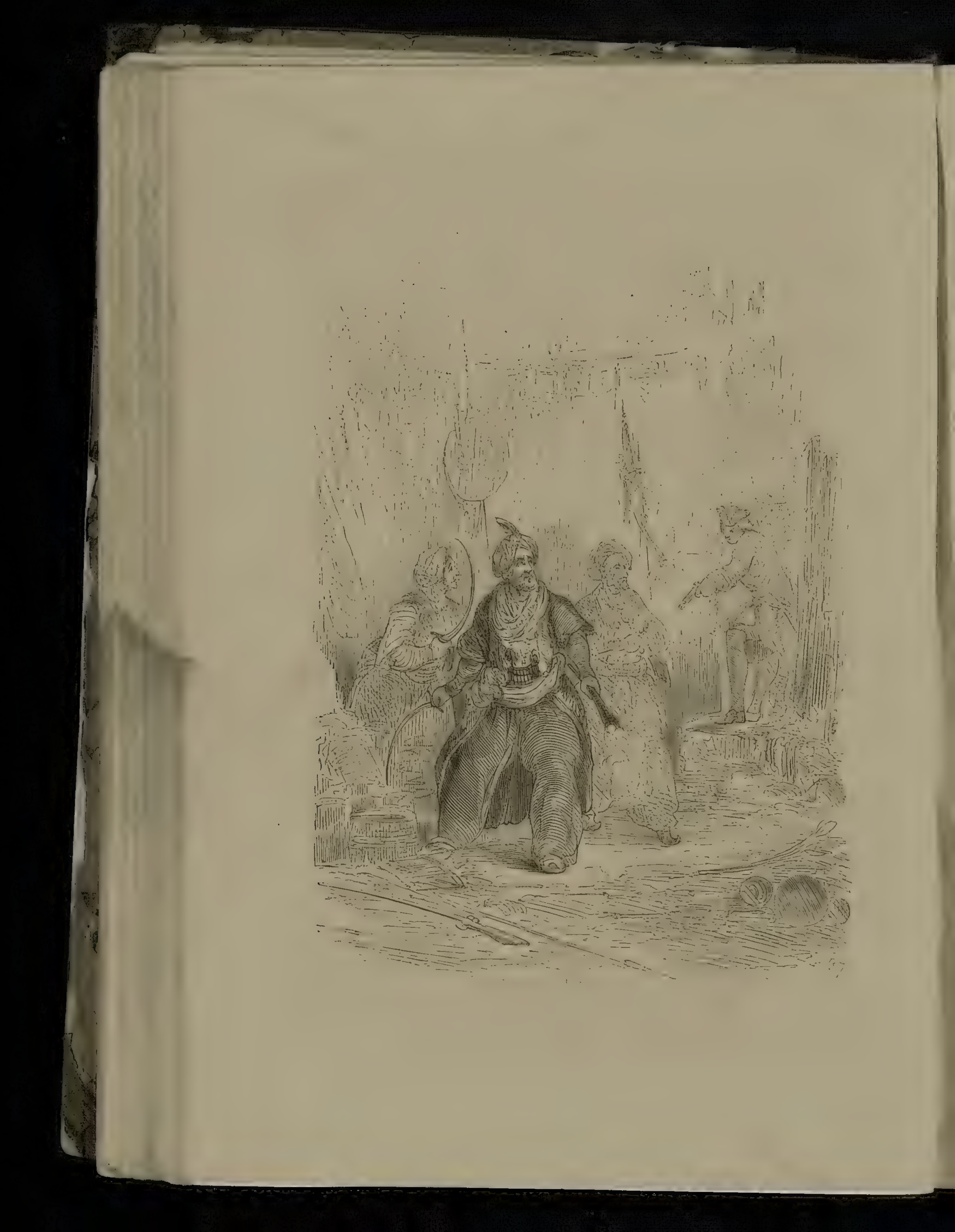

Бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметьевъ получилъ повелѣніе, съ сто-тысячною арміею, отправиться къ низовьямъ Днѣпра, противу Татаръ Крымскихъ. Въ слѣдъ за тѣмъ, другая армія, изъ 22 тысячь человѣкъ, подъ предводительствомъ Шеина и Гордона, двинулась, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, прямо подъ Азовъ. Самъ Государь, остановленный въ Москвѣ внутренними распоряженіями, выступилъ также въ концѣ Апрѣля (27 числа), съ остальными войсками, въ числѣ девяти тысячь, подъ предводительствомъ Головина и Лефорта. Прошедъ церемоніальнымъ маршемъ чрезъ дворецъ, гдѣ простился съ братомъ своимъ, Іоанномъ, онъ сѣлъ, 28 числа, на струги и, при пушечной пальбѣ и громогласныхъ восклицаніяхъ народа, поплылъ Москвою рѣкою къ Азову.

Іюля 5-го соединился онъ съ корпусомъ Генерала Гордона и немедленно приступилъ къ осадѣ крѣпости. Сначала дѣло шло успѣшно: бомбардированіе города причинило величайшій вредъ непріятелю, который неоднократно порывался сильными вылазками отогнать осаждающихъ, но всегда съ великимъ урономъ былъ прогоняемъ обратно въ крѣпость.

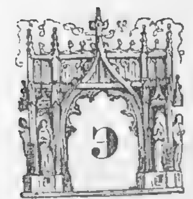
Успѣшному дѣйствію Русскихъ много препятствовали двѣ Турецкія башни, или *каланчи*, находившіяся въ шести верстахъ отъ города, по обѣимъ сторонамъ Дона. Переложенныя между ними, отъ одного берега до другаго, три толстыя желѣзныя цѣпи, замыкали рѣку и преграждали подвозъ къ лагерю съѣстныхъ припасовъ, привозимыхъ водою. Государь повелѣлъ уничтожить эту преграду, и 700 человѣкъ солдатъ, по плеча въ водѣ, храбро приступили къ одной изъ башенъ. Она была взята 14 Іюля, не смотря на отчаянное мужество осажденныхъ; а другая, до половины разрушенная Русскими бомбами, была въ ночи, на 16 число, оставлена своимъ гарнизономъ.

Одинъ только храбрый комендантъ рѣшился лучше погибнуть, нежели оставить ввѣренный ему постъ. Уже зажегъ онъ фитиль, проведенный къ пороховымъ бочкамъ, готовый взлетѣть на воздухъ, вмѣстѣ съ своею крѣпостцею; но въ то самое время Русскіе ворвались въ башню и взяли ее, 17 числа.

Не менѣе успѣшно дѣйствовалъ и Шереметьевъ, въ соединеніи съ Малороссійскими козаками, противу Татаръ и Турокъ, на Днѣпрѣ, овладѣвъ Кизы-Керменемъ и многими другими крѣпостями. Но самый Азовъ противился всѣмъ усиліямъ осаждающихъ.

Эта крѣпость, построенная на небольшомъ возвышеніи, на правомъ берегу Дона, окружена была съ сухопутной стороны глубокимъ рвомъ, землянымъ валомъ и двумя рядами высокихъ каменныхъ стѣнъ съ многими башнями, а со стороны рѣки имѣла удобную гавань и, находясь не въ дальномъ разстояніи отъ моря, могла быть удобно спабжаема всѣмъ необходимымъ для осажденныхъ. — Всё это возвышало упорство и мужество храбраго четырехъ-тысячнаго гарнизона, который не только удачно отражалъ неоднократные приступы, но и дѣлалъ безпрерывныя вылазки, тревожа осаждающихъ. Петръ вскорѣ увидѣлъ. что безъ флота ему невозможно будетъ овладѣть этою крѣпостію. — Но это было его первое воинское предпріятіе. Какъ отступить съ

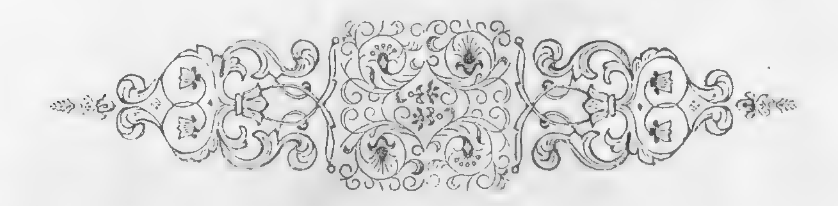
неудачею? Какъ отстать отъ своего намѣренія, не испытавъ послѣднихъ рѣшительныхъ средствъ? Назначенъ былъ генеральный приступъ. Русскіе дружно со всѣхъ сторонъ ударили на крѣпость, а казаки Запорожскіе подступили на лодкахъ со стороны рѣки. Осаждающіе творили чудеса храбрости, особенно вновь устроенныя регулярныя войска: подъ градомъ пуль, ядеръ, каменьевъ и огромныхъ бомбъ, привязанныхъ къ веревкамъ и низвергаемыхъ на нихъ съ высоты стѣнъ, они безстрашно лезли на укрѣпленія.

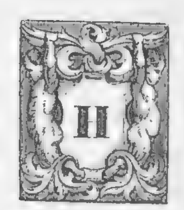
Уже достигли они до половины вала, уже пальба умолкла на внѣшнихъ бастіонахъ, и Турки оробѣли; но въ то самое время свѣжее войско, прибывшее моремъ, на помощь къ осажденнымъ, ободрило ихъ. Трижды возобновлялся приступъ, и былъ отражаемъ съ успѣхомъ.

Русскіе снова принялись бомбардировать городъ. Но вылазки осажденныхъ и внезапные набѣги многочисленной Татарской конницы, которая, подобно тучѣ саранчи, быстро налетала изъ степей, тревожили Русскихъ, нерѣдко въ самомъ лагерѣ. Къ этимъ затрудненіямъ присоединилась еще измѣна одного иностраннаго Инженера, Якова Янсена, который, заколотя ночью пушки, бѣжалъ къ осажденнымъ — и, руководя сильною ихъ вылазкою, причинилъ не малый вредъ и еще большій страхъ и смятеніе въ Русскомъ станѣ. Кромѣ того, и самыя работы осаждающихъ не могли быть успѣшны, по недостатку въ опытныхъ артиллеристахъ, инженерахъ и минерахъ, а въ особенности по неимѣнію флота, дабы, съ морской стороны, воспрепятствовать Туркамъ подавать помощь осажденнымъ.

Видя всё это и угрожаемый приближеніемъ ненастнаго времени года и оскудѣніемъ съѣстныхъ припасовъ, Петръ рѣшился отложить осаду до будущей весны, довольствуясь между тѣмъ блокадою непріятельскихъ укрѣпленій. — И такъ, въ исходѣ Сентября, укрѣпивъ и снабдивъ сильнымъ гарнизономъ двѣ завоеванныя каланчи, равно какъ и прочія укрѣпленія по Днѣпру, онъ далъ повелѣніе войску отступить и расположиться на зимнія квартиры въ ближайшихъ Русскихъ пограничныхъ городахъ.

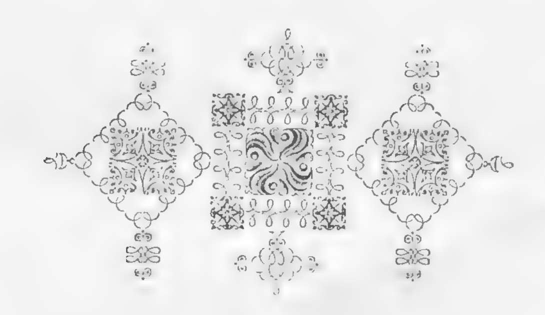
Непріятно было для Петра это отступленіе; но такая неудача была слишкомъ слаба, чтобы поколебать непремѣнное его намѣреніе и рѣшимость. Казалось, онъ уже при самомъ началѣ этого предпріятія считалъ себя обладателемъ береговъ Чернаго моря и Азова, и начертывалъ въ умѣ своемъ планы къ распространенію торговли южной Россіи съ Персіею и другими странами Азіятскими. Безъ сомнѣнія, съ этою цѣлію поручилъ онъ одному купцу, еще при началѣ осады отправленному въ Индію съ разными то-

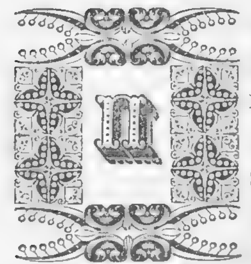
варами, сдѣлать описаніе всѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя будетъ проѣзжать. *Почитай сдѣланнымъ то, что задумалъ,* это изрѣченіе Овидія, начертанное на медали, сдѣланной въ память основанія Русскаго флота, совершенно приличествуетъ Великому Петру.

По возвращеніи въ Москву, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, Петръ немедленно занялся приготовленіями къ новому походу. Но среди этихъ заботъ кончина любимаго имъ брата, Іоанна, поразила его неописанною горестію. — Уже при возвращеніи Петра изъ подъ Азова онъ былъ очень слабъ. «*Слава Богу!*» говорилъ онъ, обнимая возвратившагося брата и проливая слезы; «*Слава Богу, что ты здѣсь. Теперь могу я умереть спокойно!*» Послѣдній его выходъ къ народу, на Іордани, 6-го Января 1696 года, бывшій причиною сильной простуды, ускорилъ смерть его.

Онъ скончался, 29 Января, на рукахъ своего брата. «Исторія «называетъ его слабымъ; но тотъ, кто, подобно Іоанну, умѣетъ «вѣрно опредѣлить мѣру силъ своихъ, и убѣжденный въ пре«восходствѣ другаго предъ собою, предпочитаетъ дѣйствія его «своимъ, — кто, подобно ему, имѣя въ виду одно лишь благо оте«чества, пребываетъ непоколебимъ въ своемъ убѣжденіи, не «внимая противнымъ увѣреніямъ хитрыхъ царедворцевъ, — «тотъ менѣе слабъ, нежели многіе, почитающіе себя силь«ными (*).» Петръ почтилъ память его великолѣпнѣйшимъ погребеніемъ и братскою непритворною слезою. Всю любовь его къ Іоанну, казалось, наслѣдовало семейство покойнаго. Къ супругѣ Іоанна являлъ онъ всегда сыновнее почтеніе, а дочерей его не отличалъ отъ собственныхъ дѣтей своихъ.

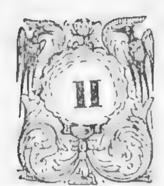

риготовленія къ предстоящей войнѣ обратили на себя все вниманіе Петра. Съ наступленіемъ весны всѣ войска уже были въ готовности, и 15 Марта выступили въ походъ, а Государь, занятый въ Москвѣ гражданскими дѣлами, почти ежедневно писалъ въ Воронежъ, поспѣшая постройкою кораблей; наконецъ, полетѣлъ и самъ туда, дабы личнымъ присутствіемъ поощрить работы. Неусыпная дѣятельность его была увѣнчана желаемымъ успѣ-

* Галемъ.

хомъ; къ Маю мѣсяцу имѣлъ онъ удовольствіе увидѣть этотъ первый Русскій флотъ совершенно готовымъ къ походу. Онъ состоялъ изъ двухъ военныхъ кораблей, двадцати трехъ галеръ, двухъ галеасовъ и четырехъ брандеровъ.

Подъ предводительствомъ Адмирала Лефорта и Вице-Адмирала де Лима, этотъ флотъ, на которомъ Петръ, въ качествѣ Капитана, командовалъ четвертою ротою, поплылъ изъ рѣки Воронежа въ Донъ, и 9-го Мая уже прибылъ къ городу Черкасску. — Узнавъ, что сильный Турецкій флотъ стоитъ въ морѣ и намѣренъ подать помощь Азову, Государь двинулъ корабли свои къ каланчамъ, которыя заняты были Русскимъ гарнизономъ. Отсюда, на шестнадцати галерахъ, отправился онъ къ устьямъ Дона; но не могши пройти ихъ за мелководіемъ, отослалъ корабли свои обратно, а самъ, на казачьей лодкѣ, въ сопровожденіи ста такихъ же лодокъ, изъ коихъ на каждой находилось по 60 человѣкъ, прибылъ на лежащій между устьями островъ Канаярскій и притаился здѣсь въ засадѣ.—Между тѣмъ Турки, видя, что Русскіе, какъ-бы убѣгая ихъ, поплыли вверхъ по

рѣкѣ, выгрузили назначенный для Азова транспортъ, на четырнадцать большихъ барокъ (тумбасовъ), и отправили ихъ къ городу. Казаки, выждавъ приближеніе непріятеля, вдругъ ударили на него со всѣхъ сторонъ и внезапностію привели его въ такой ужасъ, что онъ только въ бѣгствѣ искалъ себѣ спасенія. Девять судовъ были взяты, а остальные ушли, частію въ крѣпость, частію назадъ къ своему флоту, который спѣшилъ поднять якори, чтобы уйти дальше въ море. Эта первая удача до того воодушевила побѣдителей, что они устремились на самый флотъ непріятельскій и овладѣли еще двумя большими кораблями, которые отстали отъ прочихъ, задержанные безвѣтріемъ. — Одинъ изъ этихъ кораблей побѣдители пустили ко дну, а другой предали пламени, не имѣя возможности увести ихъ съ собою, за мелководіемъ.

Семдесятъ пушекъ, множество всякаго другаго оружія и военныхъ снарядовъ были добычею Государя; вся же прочая, довольно значительная, добыча этого счастливаго дня, раздѣлена была между храбрыми казаками. Между тѣмъ прибыли къ Азову и всѣ сухопутныя войска, и немедленно, 16 Мая, приступили къ осадѣ.

Шеинъ занялъ центръ осаждающей арміи, Гордонъ сталъ съ правой, а Гетманъ Мазепа съ двадцатью тысячами казаковъ съ лѣвой стороны. На противуположномъ берегу рѣки, чрезъ которую наведенъ былъ мостъ, построено нѣсколько шанцевъ, снабженныхъ 12 пушками и 17 мортирами. Флотъ расположился противъ Азова, а ближе къ устью, для наблюденія движеній непріятельскаго флота, поставлены были легкія казацкія лодки, прикрытыя нѣсколькими шанцами, по обоимъ берегамъ Дона; чрезъ самую же рѣку протянута была цѣпь. Такимъ образомъ, сильный Турецкій флотъ долженъ былъ оставаться празднымъ зрителемъ осады, не имѣя возможности подать помощь.

По окончаніи постройки моста, шанцевъ и лагерныхъ укрѣпленій, Государь созвалъ военный совѣтъ, въ которомъ разсуждаемо было о средствахъ къ скорѣйшему овладѣнію городомъ. Мнѣнія были разногласны. Гордонъ предложилъ, чтобы паралельно крѣпостному валу, въ возможно близкомъ отъ него разстояніи, начать строить другой валъ, придвигать его постепенно къ крѣпости, засыпать наконецъ ровъ и возвысить этотъ валъ такъ, чтобы онъ превосходилъ самыя городскія укрѣпленія.—«Такимъ способомъ», говорилъ онъ, «мы, чрезъ нѣсколько недѣль непремѣнно принудимъ непріятелей къ сдачѣ, или, въ случаѣ упорства, живыхъ засыплемъ землею!» —

Этотъ планъ былъ одобренъ, и Государь въ ту же ночь, сыпкою овса, самъ обозначилъ мѣсто, гдѣ начать строеніе вала. Отъ 10 до 15 тысячь человѣкъ, поставленные другъ

подлѣ друга, и чрезъ каждые полчаса смѣняемые, трудились денно и нощно надъ этою необыкновенною постройкою. Примѣръ Государя, который самъ неотлучно находился при работающихъ и часто своими руками помогалъ имъ,—ободрялъ воиновъ и не давалъ имъ чувствовать усталости. Подъ громомъ непріятельскихъ пушекъ *они*, говоритъ лѣтопись, *съ такою охотою и безстрашно работали, аки бы безсмертные.* Генералы неотступно умоляли Государя не подвергать драгоцѣнной жизни своей опасности, находясь подъ ядрами непріятельскими.

— «*Аще Богъ по насъ:*» отвѣчалъ онъ, «*ни кто же на ны. Примѣръ мой нуженъ любезнымъ моимъ товарищамъ, съ которыми долженъ я раздѣлять и всю опасность.*» Въ то же время, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, прибыли отъ Цесаря, Курфирста Бранденбургскаго и Ге-

неральныхъ Штатовъ, по просьбѣ Петра присланные, инженеры и артиллеристы, которые много содѣйствовали успѣху осады.

Но и непріятели, зная какъ важно для нихъ обладаніе этимъ пунктомъ, истощали всѣ средства и силы для его обороны. Татары, почти безпрерывно, многочисленными толпами тревожили осаждающихъ; Турки изъ флота также неоднократно порывались подать помощь осажденному городу; но Русскіе храбро отражали всѣ нападенія, которыхъ было шесть главныхъ; а именно: 10, 18 и 24 Іюня, 1-го, 2, и 18 Іюля. Самое упорное нападеніе сдѣлали Татары 1-го и 2 Іюля. Вся орда Крымская, по увѣренію лѣтописцевъ, до шестидесяти тысячь человѣкъ простиравшаяся, хлынула на Русскій лагерь; но, послѣ кровопролитнѣйшаго сраженія, обратилась въ бѣгство, и на разстояніи 10 верстъ до рѣки Кагальника, преслѣдуемая побѣдителемъ, устлала путь своими трупами.

Въ этихъ безпрерывныхъ сраженіяхъ не мало гибло и побѣдителей. Но мужество ихъ не ослабѣвало. Государь умѣлъ его поддерживать похвалами и наградами, привѣтливымъ и ласковымъ обращеніемъ со всѣми, даже съ простыми воинами. Особенную же признательность и состраданіе оказывалъ онъ къ раненымъ. Онъ обнималъ и цѣловалъ каждаго изъ нихъ, утѣшая надеждою исцѣленія; самъ присутствовалъ при дѣлаемыхъ имъ операціяхъ, многимъ своими руками перевязывалъ раны и прикладывалъ пластыри. *Сіи,* говоритъ лѣтопись, *видѣвъ къ себѣ такую Государеву милость, ранъ и болѣзней отъ радости не чувствовали.*

Между тѣмъ осадныя работы, не смотря на остановки со стороны Татарскихъ набѣговъ и частыхъ вылазокъ изъ города, шли успѣшно: валъ постепенно возвышался и подвигался къ стѣнамъ городскимъ, а сильная безпрерывная канонада почти совершенно разрушила весь городъ. Но осажденные держались съ удивительнымъ упорствомъ. Щадя кровь храбрыхъ непріятелей, Государь послалъ къ нимъ увѣщательное письмо, требуя сдачи города и обѣщая свободный выходъ гарнизону и всѣмъ жителямъ. — Упорный, храбрый комендантъ отвѣчалъ на это предложеніе усиленною пальбою съ полуразрушенныхъ стѣнъ Азовскихъ и отчаянною вылазкою. Наконецъ, когда (17 Іюля) ровъ, окружающій городъ, былъ засыпанъ, и валъ, вышиною отъ 15 до 20 футовъ, приваленъ почти къ самымъ стѣнамъ городскимъ; когда, въ слѣдъ за тѣмъ, Малороссійскій Гетманъ съ казаками пошелъ на приступъ и овладѣлъ укрѣпленіями, захвативъ 4 пушки,—когда и послѣдній набѣгъ Татарскій (18 Іюля) былъ отраженъ съ великимъ для непріятеля урономъ; — тогда только храбрый комендантъ, не имѣя уже ни какой воз-

можности защищаться, и видя, что на другой же день Русскіе силою возьмутъ городъ, приступилъ къ переговорамъ о сдачѣ и принялъ предложенныя условія. Сопровождаемый знатнѣйшими Турецкими сановниками, онъ встрѣтилъ у городскихъ воротъ Русскаго Главнокомандующаго и, ставъ на колѣни, поднесъ ему на серебряномъ блюдѣ ключи города.

Сдача происходила 19 Іюля. Государь, уважая мужество и въ самомъ непріятелѣ, благосклонно принялъ, на другой день, храбраго коменданта и съ честію отпустилъ его, равно какъ и весь

гарнизонъ и жителей, которые по условію были перевезены на лодкахъ до рѣки Кагальника. Одинъ только измѣнникъ Янсенъ былъ выданъ для примѣрной казни.

Какъ пріятно было для Государя покореніе Азова, это видно изъ письма его къ Боярину Стрѣшневу, градоправителю Московскому. «Нынѣ реку со Святымъ Павломъ,» пишетъ онъ: «радуйтеся всегда о Господѣ и паки реку радуйтеся; нынѣ радость наша исполнися, понеже Господь Богъ двухлѣтніе труды и крови наши милостію своею наградилъ. Вчерашняго дня Азовцы, видя конечную свою бѣду, сдалися,» и проч.

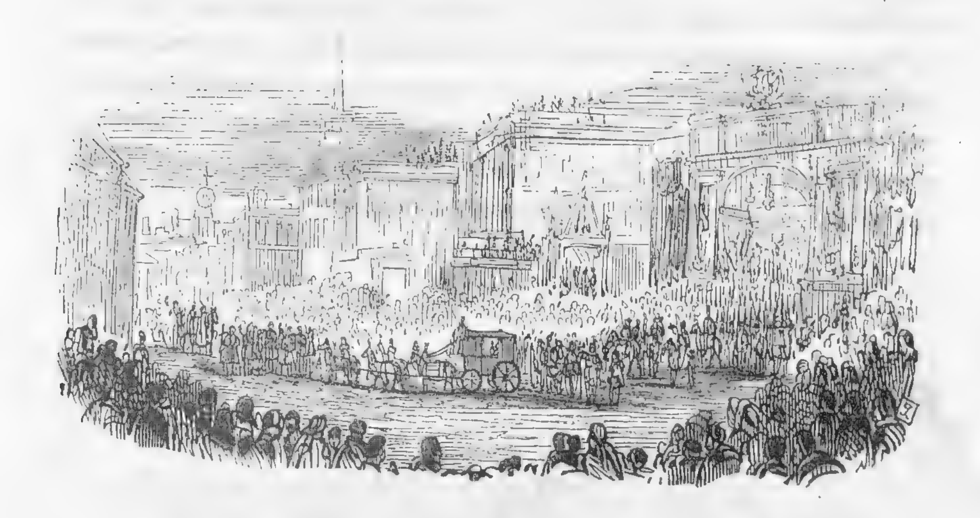
Первымъ дѣломъ Государя, по вступленіи въ завоеванный городъ, было—принесть Господу Богу побѣдодавцу торжественное благодареніе,—освятить городъ, очистить мечети и превратить ихъ въ храмы Христіанскіе. Въ слѣдъ за тѣмъ приступилъ онъ къ

укрѣпленію Азова и его окрестностей, дабы навсегда удержать за собою этотъ важный пунктъ. Разрушенныя стѣны были исправлены, валъ, приваленный осаждающими, соединенъ съ прежнимъ городскимъ валомъ и укрѣпленъ правильно, со многими больверками. Ниже Азова, для защиты со стороны моря, на обоихъ берегахъ рѣки построены двѣ новыя крѣпостцы, Петра и Павла. Государь самъ начерталъ планъ и вымѣрялъ землю для Стрѣлецкаго селенія въ Азовѣ, а иностраннымъ инженерамъ повелѣлъ пріискать мѣсто для устроенія болѣе обширной и удобной гавани. Такое мѣсто отыскано было на берегу Азовскаго моря, въ 389 верстахъ отъ Перекопа, гдѣ стояла старая Турецкая башня, отъ имени которой и самая крѣпость, заложенная здѣсь, въ 1698 году, получила названіе Таганрога. Въ то же время Петръ повелѣлъ снять карту съ земель, между Дономъ и Волгою лежащихъ, и начерталъ великій планъ соединенія этихъ рѣкъ. Очевидно, что все вниманіе его обращено было на южныя страны Россіи. Отсюда, чрезъ Черное море, хотѣлъ онъ открыть себѣ путь въ Европу; здѣсь полагалъ онъ учредить точку для торговаго и политическаго соединенія Россіи съ окрестными странами трехъ частей древняго свѣта. Исполинскіе планы родились въ головѣ его съ покореніемъ Азова; но послѣдующія обстоятельства, какъ ниже увидимъ, измѣнили ихъ и побудили Великаго Преобразователя утвердить на сѣверо-западѣ Россіи средоточіе ея могущества, которое первоначально, казалось, готово было образоваться на югѣ.

Всю честь побѣды Государь предоставилъ своимъ полководцамъ, и по возвращеніи въ Москву, приготовилъ для нихъ великолѣпнѣйшій тріумфъ. Этимъ, не виданнымъ до того въ Россіи, торжествомъ хотѣлъ онъ пробудить въ Русскихъ любовь къ славѣ и воинскимъ подвигамъ.

На каменномъ мосту устроены были тріумфальныя ворота, на подобіе древнихъ Римскихъ. Двѣ пирамиды, перевитыя зелеными вѣтвями; статуи Марса и Геркулеса, съ поверженными у ногъ ихъ Турками и Татарами; изображенія Нептуна и другихъ божествъ миѳологическихъ, перемѣшанныя съ картинами, представлявшими различныя сцены славнаго похода и подвиги прежнихъ Царей Русскихъ; множество надписей въ стихахъ и въ

прозѣ; золото, парча и шелковыя ткани; пушки, ядра, знамена — все, что только можно было придумать, употреблено было на украшеніе этихъ воротъ. Торжественный въѣздъ побѣдителей происходилъ 30 Сентября, при безчисленномъ стеченіи ликующаго народа. Всѣ улицы, ведшія къ Кремлю, пестрѣли многоразличными украшеніями. Безпрерывный колокольный звонъ по всей Москвѣ, ружейная и пушечная пальба, звуки трубъ, литавръ, барабановъ — потрясали воздухъ.

Главными лицами этого торжества были: Лефортъ, Адмиралъ юнаго Русскаго флота, и Шеинъ, главнокомандующій войсками сухопутными. Первый ѣхалъ на золотой колесницѣ, сдѣланной на подобіе морской раковины и украшенной изображеніями Тритоновъ и другихъ морскихъ чудовищъ. За нимъ слѣдовали Вице-Адмиралъ Лима и Контръ-Адмиралъ Лозеръ, каждый съ своею свитою. Шеинъ, въ черномъ бархатномъ кафтанѣ, унизанномъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, съ большимъ бѣлымъ перомъ на шапкѣ и съ обнаженною саблею въ рукѣ, ѣхалъ верхомъ, окруженный драбантами. Далѣе солдаты влекли по землѣ Турецкія знамена, а за ними шелъ плѣнный Татарскій Мурза.

Главный же виновникъ торжествуемой побѣды, Государь, столь великолѣпно чествовавшій подвиги своихъ полководцевъ, шелъ передъ полкомъ Преображенскимъ, въ простомъ офицерскомъ мундирѣ. Шествіе заключалъ отрядъ Генерала Гордона.

Между тѣмъ, какъ тріумфаторы въѣзжали на каменный мостъ и геній, появившійся надъ воротами, посредствомъ огромной трубы, громогласно привѣтствовалъ каждаго изъ нихъ стихами, въ которыхъ воспѣвались ихъ воинскіе подвиги,—процессія, совершенно противуположная первой, въѣзжала въ Москву чрезъ нижнія Воскресенскія ворота. Подъ висѣлицею, устроенною на огромной телѣгѣ, стоялъ измѣнникъ Янсенъ съ петлею на шеѣ, на высокихъ подмосткахъ, окруженный палачами и орудіями казни. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого празднества, злодѣй былъ казненъ, а вѣрные сыны отечества, всѣ, отъ послѣдняго воина до полководцевъ — были осыпаны милостями и наградами Царя, чрезвычайно довольнаго счастливымъ походомъ.

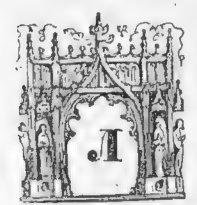
ГЛАВА VIII.

ПРИВЕРЖЕНЦЫ СТАРИНЫ, ЗАГОВОРЪ ЦИКЛЕРА И СОКОВНИНА.

зовъ палъ предъ юнымъ Россійскимъ флотомъ. Первый шагъ къ владычеству на водахъ Черноморскихъ былъ сдѣланъ. Но это завоеваніе надлежало еще отстоять отъ врага сильнаго и могущественнаго. — Первое пріобрѣтеніе надлежало упрочить новыми подвигами и проложить путь къ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Малый флотъ, доставившій эту первую выгоду, надлежало умножить; необходимыя познанія въ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ, которыхъ недоставало въ Россіи, надлежало

пріобрѣсть и усвоить. Все это требовало напряженія силъ государственныхъ, требовало дѣятельнаго участія всѣхъ сословій народа. Но находилъ ли Царь въ своихъ подданныхъ довольно усердія и готовности содѣйствовать великимъ своимъ предначертаніямъ?...

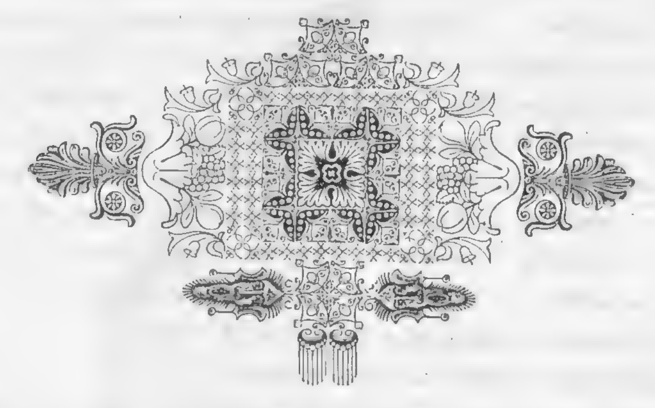
Любовь къ Царю и Отечеству никогда не угасала въ сердцѣ Русскаго. Она не разъ производила Мининовъ и Пожарскихъ; не разъ прославляла царство Русское. — Не было и во времена Петровы недостатка въ усердныхъ и доблестныхъ сынахъ отечества, готовыхъ словомъ и дѣломъ подкрѣплять Великаго Преобразователя на его трудномъ поприщѣ.

Преосвященный Митрофаній, первый Епископъ Воронежскій, представляетъ умилительнѣйшій примѣръ Пастырскаго усердія къ пользамъ государства. Превознося похвалами труды и благотворныя намѣренія Петра о благѣ отечества и призывая на нихъ благословеніе Всевышняго, сей Святитель, въ простыхъ, но трогательныхъ поученіяхъ, наставлялъ, увѣщевалъ, и побуждалъ какъ трудившихся на Воронежской верьфи, такъ и всю свою паству — ревностно содѣйствовать трудами и приношеніями отеческимъ попеченіямъ Государя, и свои наставленія подкрѣплялъ дѣлами. Узнавъ, что недостатокъ въ деньгахъ затрудняетъ Государя при сооруженіи флота, столь необходимаго для покоренія Азова, Святитель собралъ всю казну свою (до 6000 рублей серебренными копѣйками) и принесъ къ Государю. «Каждый сынъ отечества,» сказалъ онъ, вручая даръ свой: «долженъ посвящать остатки отъ издержекъ своихъ нуждѣ государственной; прими же и отъ меня, Государь, эти оставшіеся деньги и употреби ихъ противъ невѣрныхъ.» Такъ поступалъ онъ и въ послѣдствіи, отсылая каждый разъ, накоплявшіеся у него, излишніе деньги къ Государю, или въ Адмиралтейское Казначейство, при своихъ запискахъ: *на ратныхъ* (*).

Можно себѣ представить, съ какимъ благодушіемъ принималъ Монархъ отъ Святителя-Патріота подобные знаки любви его къ отечеству! — Всегда признательный къ заслугамъ на пользу отечества и къ высокимъ добродѣтелямъ сего Архипастыря Петръ

(*) Анекдоты, касающіеся до Петра В. Голикова

каждый разъ, когда посѣщалъ Воронежъ прежде всего заѣзжалъ къ Преосвященному, дабы принять его Святительское благословеніе. Умилительными поступками запечатлѣлъ онъ свое благоговѣйное почитаніе къ Святому Мужу при его кончинѣ и погребеніи (*). Прибывъ къ Святителю въ то самое время, когда наступалъ часъ его преставленія, Государь, проливая слезы горести припалъ къ его одру, облобызалъ его десницу, пробылъ при немъ до самой его кончины и своими мνропомазанными руками закрылъ ему очи. Царь, въ сопровожденіи многихъ вельможъ и флотскихъ офицеровъ, присутствовалъ и при погребеніе тѣла его. Когда духовенство готовилось нести гробъ его во Храмъ, то Государь, обратясь къ своимъ спутникамъ, сказалъ: «Стыдно намъ будетъ, если не засвидѣтельствуемъ нашей благодарности сему благодѣтельному Пастырю, отданіемъ ему послѣдней чести; вынесемъ тѣло его сами.» Съ сими словами, Монархъ первый поднялъ гробъ и, вмѣстѣ съ вельможами и офицерами, понесъ тѣло Святаго Мужа въ Храмъ Соборный. По окончаніи погребальнаго отпѣванія, Петръ со своими спутниками, на царственныхъ своихъ раменахъ вынесъ изъ Храма тѣло погребаемаго Святителя и своими руками опустилъ его въ могилу. «Не осталось у меня такого святаго старца, ему же буди вѣчная память,» произнесъ онъ съ чувствомъ, когда кончился обрядъ погребенія! Таковы были патріоты Русскіе! Такъ умѣлъ Царь почитать истинныя добродѣтели и заслуги!

(*) Тамъ же. Словарь Геогр. Щекатова I, 1117. Сказан. о житіи Св. Митроф. стр. 56—60. Св. Митрофаній, Епископъ Воронежскій, преставился 23 Ноября, погребенъ 4 Декабра 1703 года. Читатели, надѣюсь, простятъ намъ, что мы, не желая разрывать занимательнаго сказанія, предупредили нѣсколькими годами повѣствованіе другихъ событій.

Было и между вельможами много добрыхъ и вѣрныхъ сподвижниковъ Петра, ревностныхъ исполнителей Царской воли. Шереметьевъ, Апраксинъ, Долгоруковъ, Ромодановскій и многіе другіе Русскою вѣрностію къ Царю и Отечеству врезали свое имя на страницахъ Исторіи въ назиданіе грядущихъ поколѣній. Но къ сожалѣнію не всѣ были таковы, не всѣ понимали благую цѣль Государя; не всѣ одобряли намѣренія Преобразователя.

Привычка къ спокойной и безпечной жизни, среди роскошнаго Двора, дѣлала многихъ вельможъ и царедворцевъ тайными недоброхотами Петра и нововведеній. Ихъ личныя выгоды, ихъ понятія и наклонности крѣпко привязывали ихъ къ старому порядку вещей и глубоко укоренили въ душѣ чувство непріязни къ преобразованіямъ. Непріязнь эта, съ трудомъ скрываемая, не рѣдко обнаруживалась въ дерзкихъ и хульныхъ словахъ, произносимыхъ на Государя и даже въ злодѣйскихъ умыслахъ на жизнь его; а преданные Государю иностранцы были, казалось, предметомъ постоянной злобы и зависти этой многочисленной и сильной партіи политическихъ старовѣровъ.

Страхъ, который, по случаю, приключившейся Государю, въ 1692 году, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, опасной болѣзни, объялъ всѣхъ его приверженцевъ, — яснѣе всего обнаруживаетъ силу противной имъ партіи и ненависть ея къ нововводителямъ. Царскій Лейбъ-Медикъ Блюментростъ, лишившись надежды спасти Государя, просилъ уже объ увольненіи себя, съ семействомъ, за границу; а Лефортъ, и всѣ жившіе въ Москвѣ иностранцы, приготовились уже, какъ слышно было, къ побѣгу, и даже многіе изъ Русскихъ вельможъ: Борисъ Голицынъ, Ѳедоръ Апраксинъ, Плещеевъ и другіе, - держали лошадей въ готовности, чтобы, въ случаѣ смерти Государя, немедленно оставить Москву.

Приверженцы старины, какъ утверждаютъ нѣкоторые, покушались даже освободить Софію изъ заточенія, дабы въ ея властолюбіи найти для себя точку опоры и поводъ къ рѣшительному возстанію.

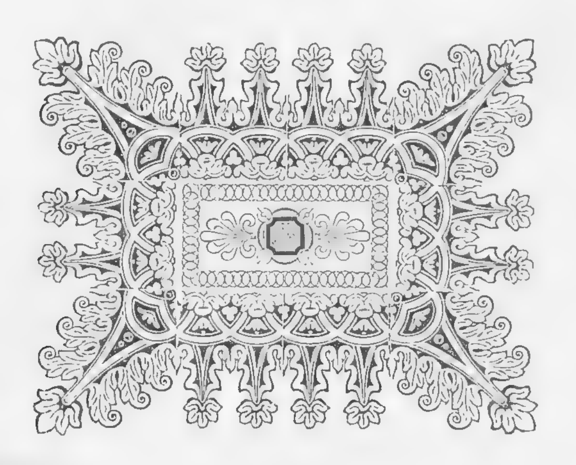

Толпа стрѣльцовъ, бывшихъ всегда главнымъ орудіемъ этой партіи, подкопалась однажды ночью подъ Монастырь Новодѣвичій, въ которомъ содержалась Софія, проломала полъ ея келліи, и, разсѣявъ стражу, успѣла уже чрезъ подземный ходъ вывесть Софію. Но, къ счастію, этотъ замыселъ не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Мятежники вскорѣ были переловлены и преданы достойной казни, а надзоръ за Софіею усиленъ (*).

Можно себѣ представить, сколько такія дѣла долженствовали огорчать Государя, который, посвятивъ всего себя благу отечества, видѣлъ, что многіе изъ его подданныхъ платятъ

(*) Штелинъ: Собраніе Анекдотовъ о Петрѣ Великомъ.

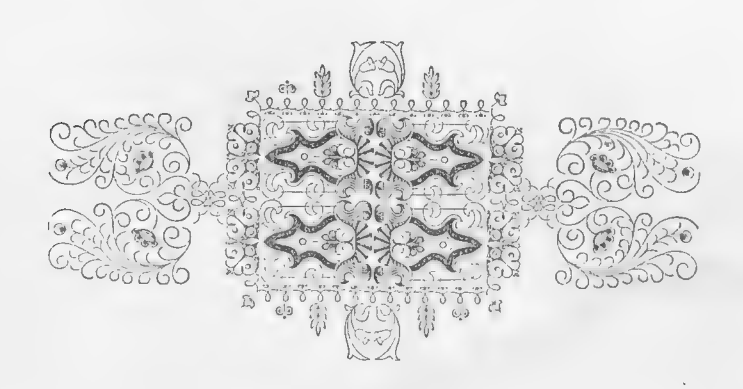
ему горькою неблагодарностію за его кровавые труды и заботы. Но эта неблагодарность, эти козни враговъ ни сколько не останавливали Петра на великомъ пути его. Имѣя въ виду одно лишь благоденствіе Россіи и ясно понимая ея пользу и выгоды, онъ презиралъ безсильную злобу невѣжества, и съ увѣренностію генія продолжалъ трудиться для великой цѣли, среди всеобщаго ропота.

По взятіи Азова, сооруженіе сильнаго флота на Черномъ морѣ было главною заботою Петра. Но оно требовало значительныхъ издержекъ, а государственные доходы были малы. Надлежало прибѣгнуть къ усердію подданныхъ. И такъ, когда по окончаніи торжества, сопровождавшаго возвращеніе побѣдителей въ столицу, выборные всѣхъ сословій пришли поздравить Государя съ побѣдою, тогда онъ, приписывая эту побѣду своему малому флоту и представляя необходимость умножить его, вмѣнилъ имъ въ обязанность содѣйствовать своими капиталами общеполезному предпріятію, и разложилъ часть издержекъ, необходимыхъ для сооруженія 66 новыхъ кораблей, на богатѣйшихъ изъ своихъ подданныхъ. Обѣщаясь на счетъ государственныхъ доходовъ построить 9 линѣйныхъ 60-ти пушечныхъ кораблей и 1 фрегатъ, онъ возло-

жилъ на Патріарха, духовенство и богатѣйшихъ вельможъ сооруженіе 20 большихъ фрегатовъ и 25 меньшихъ военныхъ судовъ; купечество же обязалъ постройкою 7 бомбардирныхъ ботовъ и 4 брандеровъ, объявивъ притомъ, что этотъ флотъ долженъ быть выстроенъ въ теченіе трехъ лѣтъ (*). — Такое порученіе для многихъ было непріятно; но того требовала польза государства, а воля Монарха заставляла безмолвствовать недовольныхъ.

Необыкновенная дѣятельность пробудилась въ Воронежѣ и въ Брянскѣ на Деснѣ, гдѣ тогда же заложена была новая верьфь для строенія галеръ. Петръ часто посѣщалъ Воронежъ, дабы личнымъ присутствіемъ поощрять работы, и жилъ тамъ, обыкновенно, въ нарочно для него построенномъ домикѣ, на небольшомъ островѣ близъ верьфи.

Не смотря на успѣшность своихъ предпріятій, Петръ чувствовалъ, что старанія его о сооруженіи флота и усовершенствованіи военнаго искусства въ Россіи не принесутъ желаемыхъ плодовъ, доколѣ иностранцы будутъ единственными его сотрудниками, и доколѣ Русскіе сами не пріобрѣтутъ необходимыхъ знаній въ мореходствѣ, въ артиллерійской, инженерной и другихъ наукахъ и искусствахъ. Эти

(*) Описаніе всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова—стр. 224.

познанія можно было пріобрѣсть только въ образованной Европѣ, и Петръ, увлекаемый желаніемъ просвѣтить себя и свой народъ, рѣшился на великое, неслыханное дѣло! Рѣшился объѣхать просвѣщенныя государства Европейскія, изучить ихъ гражданственность, искусства и науки, и собственнымъ примѣромъ указать своимъ подданнымъ путь къ образованію. Изумленіе, смѣшанное съ ужасомъ, объяло Русскихъ вельможъ и царедворцевъ, когда Монархъ, чистосердечно сознаваясь предъ ними въ недостаткахъ своего собственнаго воспитанія, объявилъ имъ о своемъ намѣреніи.

Но страхъ ихъ еще болѣе увеличился, когда онъ въ то же время опредѣлилъ отправить Русскихъ юношей, изъ знатнѣйшихъ родовъ дворянскихъ, въ иностранныя государства для пріобрѣтенія необходимыхъ познаній.

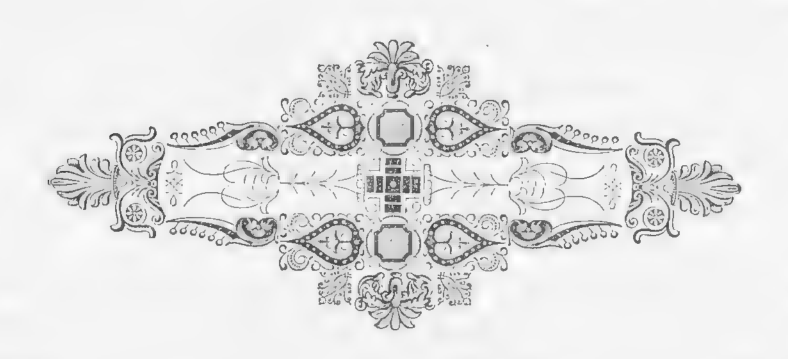
Одинъ только Бояринъ, Борисъ Петровичъ Шереметьевъ, къ величайшему удовольствію Государя, спѣшилъ предупредить его волю, и самъ вызвался посѣтить Италію, чтобъ у Венеціянъ и

Мальтійскихъ рыцарей научиться искусству сражаться съ Турками. Но примѣръ его не нашелъ подражателей въ прочихъ вельможахъ. Всѣ они удалились въ величайшемъ смущеніи.

Вскорѣ страшный ропотъ неудовольствія распространился повсюду. Обязанность содѣйствовать сооруженію флота представилась теперь въ глазахъ всѣхъ не добровольною жертвою отечеству, но тяжкимъ противозаконнымъ налогомъ; а отсылка дѣтей ихъ въ еретическія, *богоненавистныя,* какъ говорили они, земли — нарушеніемъ древнихъ обычаевъ, освященныхъ вѣками, и даже преступленіемъ Божественныхъ Законовъ. Не замедлили подтвердить это, и какъ будтобы, доказательствами, поставляя въ примѣръ народъ Еврейскій, которому возбранено было сообщеніе съ иноплеменниками, и утверждая, что странствованіе людей новаго Израиля въ еретическія земли необходимо повлечетъ за собою паденіе Православной Вѣры.

Такія внушенія недовольныхъ, распространяясь втайнѣ, находили отголосокъ въ сердцахъ народа, и казались для простодушныхъ гласомъ Вѣры и Отечества, взывавшимъ о защитѣ. Впрочемъ, простой народъ не имѣлъ собственно причинъ къ неудовольствію на юнаго Царя своего. Онъ даже любилъ Петра, можно сказать, болѣе нежели прежнихъ своихъ вѣнценосцевъ, заключенныхъ въ Кремлѣ, окруженныхъ боярами и почти недоступныхъ для народа. Доступъ къ Петру, напротивъ, былъ свободенъ для каждаго: онъ жилъ и дѣйствовалъ среди народа и для народа. Народъ не могъ не любить его, за его простоту и привѣтливость въ обращеніи; не могъ не благословлять его, за его нелицепріятное правосудіе, за его отеческую заботливость о благѣ подданныхъ, особенно во время неурожая, пожаровъ и другихъ бѣдствій. Но этотъ народъ не понималъ еще его великихъ предначертаній; съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на вводимыя имъ перемѣны; съ прискорбіемъ видѣлъ привязанность его къ еретикамъ–иноземцамъ, и въ простотѣ души своей усомнился: назвать ли его Царемъ Пра-

вославнымъ? И такъ, не удивительно, если народъ, думая сохранить вѣрность къ Вѣрѣ и Отечеству, поколебался въ своей преданности къ Государю. При всемъ томъ, онъ былъ далекъ отъ всякаго зломыслія; твердо помнилъ долгъ присяги, и только въ глубинѣ души своей дерзалъ роптать на новый нелюбый ему порядокъ вещей.

Между тѣмъ буйные стрѣльцы были готовымъ орудіемъ въ рукахъ недовольныхъ. Въ надеждѣ на ихъ содѣйствіе, три злодѣя: Окольничій Алексѣй Соковнинъ, Стрѣлецкій Полковникъ Иванъ Циклеръ и Стольникъ Ѳедоръ Пушкинъ, составили новый заговоръ на жизнь Государя. Два выборныхъ стрѣльца и Донской казакъ Лукьяновъ были главными ихъ сообщниками. Они положили погубить Царя во время общаго смятенія на пожарѣ.

Современники, которые въ каждомъ злобномъ умыслѣ противу Петра видятъ участіе Царевны Софіи, утверждаютъ, что она и теперь рѣшилась воспользоваться общею къ нему непріязнію народа, дабы снова проложить себѣ путь къ власти верховной. Хотя властолюбіе ея, котораго не могло потушить и монастырское уединеніе, хотя доказанное ея участіе въ прежнихъ смутахъ и волненіяхъ дѣлаютъ подобное обвиненіе весьма вѣроятнымъ: но исторія, не имѣя ясныхъ доказательствъ, не можетъ основать своего приговора на однихъ предположеніяхъ. Заговоръ этотъ, при всеобщемъ волненіи умовъ, могъ созрѣть и безъ ея участія.

Вечеромъ 2 Февраля 1697 г. заговорщики собрались въ домѣ Соковнина, и въ ожиданіи урочнаго часа ночи, когда набатъ возвѣститъ ихъ о произведенномъ пожарѣ, подкрѣпляли виномъ свое мужество. Между тѣмъ, Петръ весело проводилъ вечеръ въ Преображенскомъ, у любимца своего Лефорта, у котораго тогда было большое собраніе. Вдругъ извѣщаютъ его, что двое неизвѣстныхъ желаютъ немедленно говорить съ нимъ о какомъ-то

чрезвычайно важномъ дѣлѣ. Они были приведены въ сосѣднюю комнату. Это были двое изъ участниковъ заговора, стрѣлецкій пятисотенный Ларіонъ Елизаровъ и пятидесятникъ Григорій Силинъ, которыхъ раскаяніе привлекло въ Преображенское. Увидѣвъ Государя, они поверглись къ ногамъ его, чистосердечно признались въ своемъ преступленіи, и открыли ему весь умыселъ злодѣевъ.

Не долго думалъ Петръ о мѣрахъ къ отвращенію опасности. Допросивъ обстоятельно раскаявшихся, и отдавъ ихъ подъ стражу, онъ написалъ приказъ капитану гвардіи Лопухину: немедленно и безъ шума собрать свою роту; ровно въ 11 часовъ ночи окружить домъ Соковнина, и связать всѣхъ, кого тамъ застанетъ. Потомъ, съ спокойнымъ видомъ, возвратился къ собранію, и продолжалъ прерванную бесѣду, какъ бы ничего важнаго не случилось. Въ 10 часовъ оставилъ онъ своихъ собесѣдниковъ, говоря, что долженъ исправить одно неважное дѣло, и, обѣщаясь скоро возвратиться, просилъ не прерывать веселія.

Полагая, что Лопухину приказано было въ 10 часовъ окружить домъ Соковнина и что въ половинѣ одиннадцатаго приказъ долженъ быть уже исполненъ, Петръ прибылъ въ Москву, сопровождаемый однимъ только деньщикомъ, и явился прямо въ домъ заговорщиковъ. Не мало удивился онъ, не нашедъ здѣсь ни Лопухина, ни его роты и, можетъ быть, смутился духомъ, видя себя одного среди злодѣевъ. Но еще болѣе смутились и ужаснулись заговорщики, при столь неожиданномъ его появленіи. Мысль, что имъ измѣнили, что Петръ знаетъ уже всё—первая пришла имъ въ голову, и едва не повергла ихъ съ раскаяніемъ къ ногамъ Государя. Но непринужденность и привѣтливость, съ которыми Петръ обратился къ хозяину, скоро ихъ успокоили: «Проѣзжая мимо и увидя въ окнахъ большой свѣтъ,» сказалъ Царь: «я угадалъ, что у хозяина пирушка; а какъ мнѣ спать еще рано, то и заѣхалъ на перепутьѣ.» Съ знаками величайшей радости принялъ хозяинъ высокаго гостя. Подали вина. Всѣ должны были пить за здоровье Государя, который не отставалъ отъ прочихъ. Въ ожиданіи прибытія Лопухина, Петръ старался продлить время, поддерживая виномъ веселость собесѣдниковъ; но злодѣйскій умыселъ, таившійся въ сердцахъ ихъ, разстроивалъ бесѣду. Съ каждою минутою положеніе Петра становилось опаснѣе. Онъ видѣлъ, что нельзя уже долѣе притворяться, видѣлъ, что одна только рѣшительность можетъ спасти его. Уже взоры и движенія злодѣевъ выражали ихъ нетерпѣніе. Уже они знаками и взглядами ободряли другъ друга, какъ-бы давая знать, что пора

приступить къ дѣлу. *Пора братецъ!*... шепнулъ одинъ изъ нихъ хозяину! *Нѣтъ еще*, возразилъ послѣдній, колеблясь!... *Такъ мнѣ теперь пора!!*—грозно возопилъ Петръ, вскочивъ со стула, и сильнымъ ударомъ повергъ Соковнина на землю! *Связать бездѣльниковъ!* продолжалъ онъ, обратясь къ дверямъ... Въ ту самую минуту Лопухинъ, съ своею ротою, вошелъ въ комнату.

Петръ, въ первомъ пылу негодованія, встрѣтилъ его пощечиною, за мнимую неисправность, утверждая, что Капитанъ опоздалъ цѣлымъ часомъ. Но, вскорѣ, увидя подлинный приказъ, ему

данный, признал собственную вину свою и поспѣшилъ утѣшить исправнаго офицера. Поцѣлуй и дружеское: *прости,* были слишкомъ достаточны, чтобы заставить забыть обиду, причиненную въ минуту запальчивости. (*)

Заговорщики были отведены въ Преображенское, гдѣ вынудили у нихъ полное во всемъ признаніе, и даже обнаружили ихъ участіе въ прежнихъ смутахъ и волненіяхъ при Милославскомъ, Хованскомъ и Шакловитомъ. Преступныя головы шестерыхъ злодѣевъ пали подъ сѣкирою палача, 5 Марта 1697 г., и обезображенные ихъ члены долго оставались на мѣстѣ казни, на ужасъ всѣмъ непокорнымъ. Прочіе злоумышленники, вѣроятно менѣе виновные сосланы были въ ссылку. Допросъ заговорщиковъ обнаружилъ теперь и преступленія Милославскаго, главнаго виновника перваго Стрѣлецкаго бунта. Смерть († 1685) спасла этого злодѣя отъ заслуженной имъ казни, но не спасла памяти его отъ поруганія. На страхъ другимъ, трупъ его, еще почти не поврежденный, вырытъ былъ изъ могилы и, вмѣстѣ съ прочими злодѣями, преданъ позорной казни. На Красной Площади, гдѣ мятежные Стрѣльцы нѣкогда воздвигли себѣ почетный памятникъ, поставленъ былъ теперь каменный, четырехъ-угольный столпъ, съ четырьмя по сторонамъ его желѣзными листами, на которыхъ начертанъ былъ приговоръ, произнесенный надъ преступниками.

Стрѣльцы, послѣ такаго злодѣйскаго умысла, не могли быть оставлены въ столицѣ, особенно въ то время, когда самъ Петръ намѣревался оставить Россію. Они были разосланы въ Азовъ,

(*) Штелинъ: Собраніе Анекдотовъ о Петрѣ Великомъ

Бѣлгородъ и другія мѣста. Бóльшая же часть ихъ выступила на Литовскую границу, со стороны Великихъ Лукъ, куда, по случаю волненій, возникшихъ въ Польшѣ при избраніи новаго Короля, отправлены были и ополченія Новгородскаго и Псковскаго дворянства, подъ предводительствомъ Князя Михаила Григорьевича Ромодановскаго, для поддержанія Курфирста Саксонскаго, Августа, искавшаго Польской короны.

Въ Москвѣ, для наблюденія за тишиною и порядкомъ, оставлены были только гвардейскіе полки, Семеновскій и Преображенскій; прочія же регулярныя войска, равно какъ и дворянскія ополченія, съ наступленіемъ весны, выступили въ походъ Азовскій. Главное начальство надъ ними поручено было Боярину Шеину; регулярною пѣхотою командовалъ Генералъ Гордонъ, а отдѣльнымъ корпусомъ, со стороны Бѣлгорода, Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ. Число всѣхъ войскъ, отправленыхъ противу Татаръ и Турокъ, простиралось до 77,000. Война, не смотря на отсутствіе Государя, долженствовала быть производима съ величайшею дѣятельностію. Кромѣ того, многія десятки тысячъ рабочихъ отправлены были въ разныя мѣста для корабельныхъ и крѣпостныхъ построекъ; въ томъ числѣ 35,000 человѣкъ въ Царицынъ, для прорытія канала между Дономъ и Волгою. Казалось, Государь на время своего отсутствія, задалъ работу всему государству и розослалъ всѣхъ своихъ подданныхъ въ опредѣленныя мѣста, дабы удобнѣе имѣть надзоръ за множествомъ недовольныхъ и отвратить внутреннія безпокойства. Самые даже отставные Стольники, Стряпчіе и престарѣлые воинскіе люди не были оставлены безъ вниманія. Инымъ изъ нихъ приказано было поочередно жить въ Москвѣ, въ виду Правительства, а другимъ въ деревняхъ своихъ, какъ бы въ ссылкѣ.

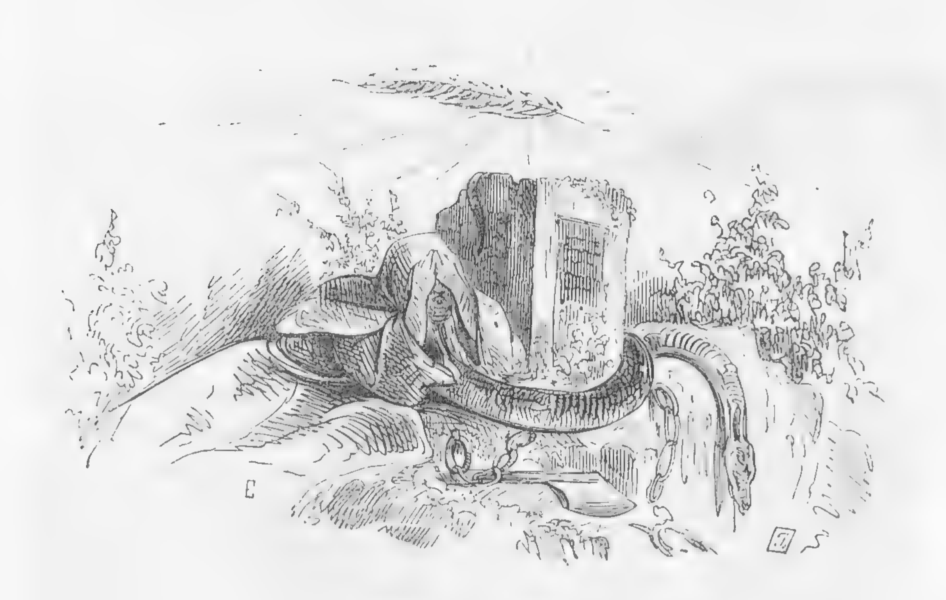
Главный надзоръ за внутреннимъ управленіемъ государства, Государь ввѣрилъ Ближнему Стольнику Князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому, которому, еще прежде сего, придалъ наименованіе *Князя Кесаря.*

Одаренный твердымъ, непреклоннымъ характеромъ и непоколебимою преданностію къ Престолу, Ромодановскій былъ чуждъ честолюбія. Не отличался онъ и бойкимъ умомъ и даже былъ еще преданъ древнимъ обычаямъ; но, при всемъ томъ, онъ былъ вѣрный и неустрашимый слуга Царскій, точный исполнитель повелѣній Петровыхъ, строгій даже до безчеловѣчія въ преслѣдованіи всѣхъ строптивыхъ и непокорныхъ. Именно такого Намѣстника требовали обстоятельства, при которыхъ Петръ намѣренъ былъ оставить Россію. Царь почтилъ своего подданнаго титуломъ Величества, и дабы подать своимъ вельможамъ примѣръ послушанія, самъ обходился съ нимъ какъ подданный съ своимъ Государемъ. Въ помощь Ромодановскому приданъ былъ Совѣтъ, составленный изъ четырехъ знатнѣйшихъ Бояръ: Льва Кирилло-

вича Нарышкина, Князя Петра Ивановича Прозоровскаго, Тихона Никитича Стрѣшнева и Князя Бориса Алексѣевича Голицына.

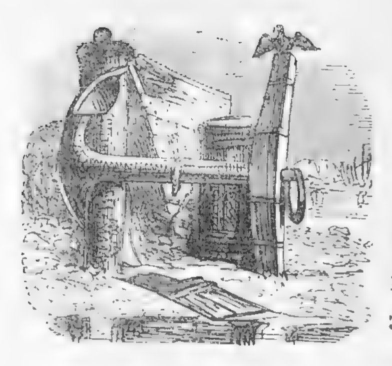
Съ мудрою предусмотрительностію, принялъ Государь, казалось, всѣ необходимыя мѣры, для поддержанія порядка въ отечествѣ во время своего отсутствія; съ великимъ благоразуміемъ избралъ онъ правителей, воеводъ и другихъ начальниковъ, и съ необыкновенною точностію и ясностію изложилъ, въ данныхъ имъ наказахъ и предписаніяхъ, ихъ обязанности и кругъ дѣйствій каждаго. Но при всемъ томъ, непріязненная партія, почувствовавъ отсутствіе могучей десницы Петра, и пользуясь случаемъ, вскорѣ возмутила спокойствіе государства.

ГЛАВА IX.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПЕТРА ПО ЕВРОПѢ.

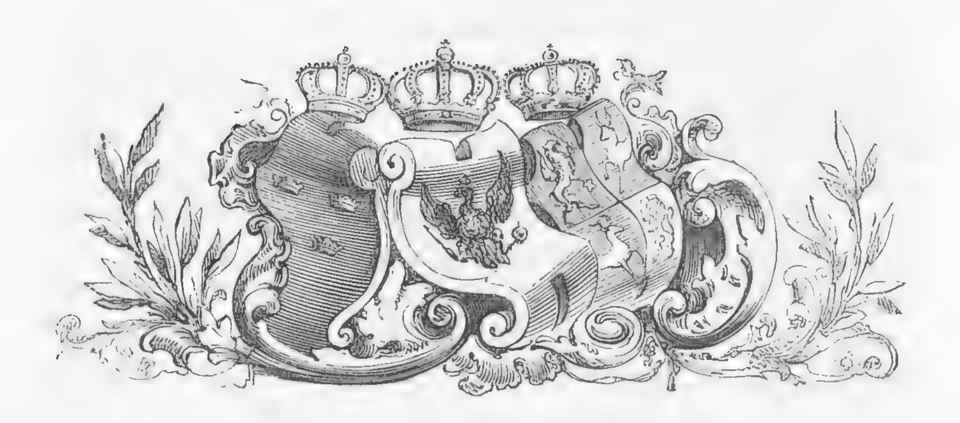

епреодолимо было стремленіе Петра видѣть образованную Европу. Ни козни тайныхъ враговъ, ни ропотъ народа, ничто не въ силахъ было поколебать его рѣшимости. Въ первыхъ числахъ Марта, 1697 года, всѣ приготовленія къ отъѣзду были уже кончены. Назначено было Великое Царское Посольство, которое, съ изъявленіемъ дружбы и пріязни Россійскаго Монарха, долженствовало посѣтить главнѣйшіе Дворы Европейскіе. Главою посольства наименованъ

былъ Лефортъ, любимецъ Государя. Вторымъ посломъ избранъ Бояринъ Өедоръ Алексѣевичъ Головинъ, искусный политикъ, покровитель наукъ и другъ иностранцевъ. Третьимъ Думный Дьякъ Прокофій Богдановичъ Возницынъ, мужъ твердый и благоразумный, который, посѣтивъ уже прежде, въ качествѣ Русскаго посланника, Персію, Турцію, Польшу и Венецію, пріобрѣлъ опытность и познанія въ дѣлахъ дипломатическихъ. Самъ же Петръ, желая безпрепятственно обозрѣть все достойное вниманія въ Европѣ, и зная, что санъ Русскаго Царя сдѣлалъ бы его предметомъ общаго любопытства Европейцевъ и былъ бы равно обременителенъ какъ для него, такъ и для другихъ, — скрылъ свое величіе подъ скромнымъ именемъ Петра Михайлова и въ званіи Десятника, или, (какъ говорятъ иностранные писатели) Оберъ-Командора присоединился къ свитѣ посольства. Свита сія была самая блистительная и многочисленная. Кромѣ дворянъ посольства, чиновниковъ посольской канцеляріи и другихъ необходимыхъ лицъ, она состояла изъ семидесяти отборныхъ солдатъ Русской гвардіи съ офицерами, нѣсколькихъ шутовъ, гайдуковъ и карловъ.

Вмѣстѣ съ посольствомъ отправились и 35 человѣкъ изъ молодыхъ, Русскихъ дворянъ, долженствовавшихъ за границею пріобрѣсть познанія въ наукахъ. Между тѣмъ какъ другіе юноши, которыхъ число полагаютъ отъ 40 и 60 до 100 человѣкъ, были уже прежде отправлены, подъ руководствомъ заслуженныхъ иностранныхъ офицеровъ, въ Италію и другія страны.

Все посольство, по показанію Голикова, состояло изъ 270 человѣкъ. Оно выступило изъ Москвы 9 Марта, а Государь, отслуживъ молебенъ въ Успенскомъ Соборѣ и принявъ благословеніе Патріарха, присоединился къ посольству на другой день, въ селѣ Никольскомъ. Направляя путь свой чрезъ Новгородъ и Псковъ, путешественники 25 числа оставили Русскіе предѣлы.

Лифляндія, подвластная Швеціи, Герцогство Курляндское и Прусско-Бранденбургскія владѣнія первыя обратили на себя взоры великаго путешественника. Но ни Лифляндія, ни Курляндія не представили для него ничего любопытнаго. Разсѣянныя, бѣдныя и малолюдныя Лифляндскія селенія не могли, безъ содѣйствія правительства, доставить даже и требуемыхъ удобствъ, для проѣзда такого многочисленнаго посольства, а Шведское правительство, не успѣло сдѣлать съ своей стороны надлежащихъ роспоряженій къ его пріему, частію по причинѣ поспѣшности, съ которою Петръ задумалъ и предпринялъ путешествіе, частію, можетъ быть, и по нерадѣнію. По крайней мѣрѣ Рижскій Генералъ-Губернаторъ, Графъ Дальбергъ, извинялся тѣмъ, что поздно получилъ извѣстіе объ отправленіи Русскаго посольства и что притомъ не былъ извѣщенъ обстоятельно ни о числѣ его свиты, ни о времени его прибытія на Шведскую границу. По этому, недостатокъ въ лошадяхъ, скудость въ продовольствіи, тѣснота и неопрятность ночлеговъ дѣлали проѣздъ чрезъ Лифляндію крайне непріятнымъ для посольства, и можетъ быть заронили въ душу

юнаго и пылкаго Государя первую искру неудовольствія на Шведовъ.

Въ Ригѣ, куда посольство въѣхало 1 Апрѣля, открылись новыя причины къ неудовольствію. Ни пріемъ, сдѣланный Рижскимъ гарнизономъ и Магистратомъ, ни квартиры, отведенныя въ Русскомъ предмѣстіи, на берегу Двины, въ тѣсныхъ домикахъ, не нравились посламъ; особенно же оскорбляла ихъ недовѣрчивость Шведскаго правительства. Губернаторъ, вѣроятно, подозрѣвая какія нибудь тайныя политическія цѣли посольства, противныя выгодамъ Швеціи, почелъ долгомъ принять мѣры предосторожности и приказалъ имѣть бдительный надзоръ за всѣми членами посольства.

Необыкновенная любознательность одного изъ Русскихъ дворянъ, сопровождавшихъ посольство, повидимому еще болѣе утвердила подозрительнаго Губернатора въ его несправедливой догадкѣ, и дѣлала, по мнѣнію его, предосторожность необходимою. Сей любопытный былъ самъ Государь. Прибывъ въ Ригу, и увидѣвъ впервые правильно укрѣпленный Европейскій городъ, онъ желалъ осмотрѣть все подробно, и не воображая, чтобы такое желаніе могло показаться подозрительнымъ для дружественной державы, намѣренъ былъ даже снять чертежи и рисунки городскихъ укрѣпленій. Но не мало былъ онъ удивленъ и огорченъ, когда стража рѣшительно воспротивилась его желанію и не дозволила даже приближаться къ укрѣпленіямъ.

Съ сего времени, какъ утверждаютъ, надзоръ за посольствомъ сдѣлался еще строже. Стража у посольскихъ квартиръ была умножена; членовъ посольства стали впускать въ городъ не иначе, какъ по шести человѣкъ вмѣстѣ, въ сопровожденіи вооруженныхъ солдатъ, и не болѣе какъ на нѣсколько часовъ. Естественно, что дальнѣйшее пребываніе въ Ригѣ сдѣлалось непріятнымъ для Монарха. Онъ спѣшилъ отъѣздомъ, и 10 Апрѣля переѣхалъ Двину на лодкахъ, не смотря на сильный ледъ, дѣлавшій переправу трудною и опасною.

Гораздо болѣе радушія нашли Русскіе послы въ Митавѣ (14 Апрѣля), при небольшомъ Дворѣ Герцога Курляндскаго. Герцогъ Іоаннъ Казимиръ, желая принять и угостить ихъ сколько можно великолѣпнѣе, не щадилъ издержекъ. Однако, не смотря на гостепріимство, Петръ, скоро выѣхалъ изъ Митавы, въ которой не нашелъ ничего достойнаго вниманія, и оставя пословъ своихъ договориться съ Герцогомъ о дѣлахъ политическихъ, спѣшилъ далѣе. По странствуя на чужбинѣ, Петръ всегда былъ близокъ къ отечеству и, казалось, мыслію жилъ среди своихъ созданій. *«Не забывай мельницы, да ткачей, а мы пойдемъ отсель, сего дня, въ Кенигсбергъ моремъ,»* писалъ онъ изъ Либавы

въ Москву, къ Механику Крафту, — и 2 Мая отплылъ изъ Либавы, въ сопровожденіи 35 Русскихъ дворянъ. Прибывъ въ Кенигсбергъ, 10 днями ранѣе своего посольства, Государь имѣлъ удовольствіе, подъ именемъ Оберъ-Командора Петра Михайлова, бесѣдовать съ Великимъ Курфирстомъ, Фридрихомъ III (въ послѣдствіи Королемъ Прусскимъ), который, почитая его за простаго Русскаго дворянина, не мало удивлялся его обширнымъ свѣдѣніямъ, быстротѣ ума и основательности сужденій. Но вскорѣ *инкогнито* его было нарушено, когда все посольство (15 Мая) прибыло въ Кенигсбергъ. Всѣмъ извѣстно было, что въ свитѣ этого посольства находится и самъ Царь Русскій, «а узнать его было не трудно», говорятъ современники, «по его величественному росту, и быстрымъ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ повсюду вращаемымъ взорамъ, выражавшимъ полноту его внутренней жизни» (*).

Любитель пышности и церемоній, Великій Курфирстъ не упустилъ благопріятнаго случая удовлетворить своей страсти, и выказалъ предъ Русскимъ посольствомъ всю роскошь и великолѣпіе Двора своего. Церемоніймейстеръ его, *Фонъ-Бессеръ*, для котораго, какъ выражается одинъ писатель (**), и самыя казни были бы пріятнымъ зрѣлищемъ, если бъ только сопровождались пышнымъ церемоніаломъ, — истощилъ всю изобрѣтательность ума своего въ распоряженіяхъ, при въѣздѣ посольства въ столицу, и особенно при торжественной аудіенціи, 21 Мая, въ Курфиршескомъ замкѣ.

(*) Einholung der Moskowitischen Gross-Gesandschaft (въ сочиненіяхъ Фонъ-Бессера, издан. въ Лейпц. 1732).

(**) Grosse. Peter der Grosse in seinem Leben und Wirken

ELWALL

За аудіенціею слѣдовали роскошные пиры, фейерверки, увеселительныя прогулки, охота, зрѣлище звѣриной травли и

другія забавы, которыя каждодневно смѣнялись однѣ другими, во все время пребыванія посольства въ Кенигсбергѣ. Щедрость и гостепріимство Курфирста, пышность и великолѣпіе Двора его, торжественность церемоній, вѣжливость придворныхъ, все приводило пословъ въ удивленіе.

Такія почести, оказываемыя посольству, не могли не быть лестны для юнаго Русскаго Монарха. Но никто, можетъ быть, не былъ ими столько доволенъ, какъ самъ тщеславный хозяинъ, о суетности котораго съ насмѣшкою отзывается и великій внукъ его, Фридрихъ II, говоря что дѣдъ его, Король Фридрихъ не столько печалился о смерти своей супруги, сколько радовался

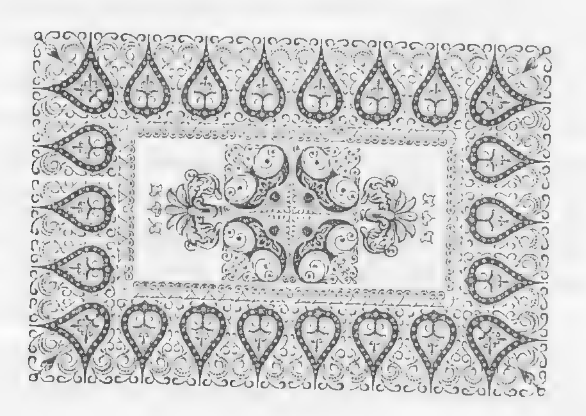
тому, что нашелъ случай устроить великолѣпныя похороны (*). Одно только иногда огорчало Курфирста — что Петръ уклонялся отъ почестей, лично ему оказываемыхъ, и не терпѣлъ ни блестящей свиты, ни богатыхъ экипажей. Нерѣдко, ускользая изъ рукъ неотвязчиваго церемоніймейстера, онъ бродилъ пѣшкомъ по городу, въ сопровожденіи одного переводчика. Съ величайшимъ любопытствомъ обозрѣвалъ все достойное вниманія, и мало заботился о приличіяхъ. Остановивъ однажды, на улицѣ встрѣтившуюся, даму, онъ вынулъ изъ-подъ ея пояса часы съ эмалью, раскрылъ, осмотрѣлъ ихъ внимательно и возвратилъ изумленной незнакомкѣ. Въ другой разъ снялъ онъ съ головы церемоніймейстера Бессера его огромный французскій парикъ, осматривалъ и перевертывалъ этотъ странный уборъ во всѣ стороны и наконецъ съ насмѣшкою бросилъ въ уголъ. Часто видѣли также, какъ Русскій Монархъ, запачканный смолою, одинъ разъѣзжалъ на лодкѣ, по рѣкѣ Прегелю (**). Но чаще всего посѣщалъ онъ мастерскія ремесленниковъ и художниковъ, осматривалъ училища и библіотеки, входилъ въ собранія ученыхъ и бѣсѣдовалъ съ ними о мѣрахъ къ водворенію наукъ и искуствъ среди народа, зараженнаго предразсудками (***). Военное искуство, которое тогда стояло уже въ Пруссіи на значительной степени совершенства, преимущественно привлекало его вниманіе. — Петръ спѣшилъ обогатить себя новыми свѣдѣніями въ теоріи военной науки, особенно же въ артиллеріи. Но, замѣчая хорошее на чужбинѣ, Петръ видѣлъ и недостатки.—Слабое развитіе народной промышленности, которая повсюду, во владѣніяхъ Курфирста, была еще въ младенчествѣ, не укрылось отъ его взоровъ; въ особенности же изъявлялъ онъ сожалѣніе о томъ, что Пруссія не умѣетъ пользоваться выгодами своего естественнаго положенія и пренебрегаетъ мореплаваніемъ. «*Жаль, что не мнѣ принадлежитъ этотъ городъ,*» вскричалъ онъ однажды, въ Кенигсбергѣ, смотря на рѣку Прегель, «*я устроилъ бы здѣсь военную гавань!*»

(*) Memoires de Brandenbourg.

(**) Бергманъ.

(***) Житіе Петра В. Θеодози

Ему замѣтили, что для сего рѣка не вездѣ довольно глубока и имѣетъ нѣкоторыя песчаныя отмѣли. *«Это бездѣлица!»* возразилъ Петръ, который превозмогалъ и большія преграды въ своемъ отечествѣ. *«Стоитъ только запрудить рѣку и измѣнить ея теченіе!»* (*).

ѣмъ менѣе могъ Петръ во владѣніяхъ Курфирста и въ прочей Германіи удовлетворить страсти своей къ мореходству и кораблестроенію, тѣмъ сильнѣе было его желаніе видѣть Голландію, страну торговли и мореплаванія, страну, гдѣ, по мнѣнію его, процвѣтали всѣ науки и искусства, необходимыя для Россіи. Сіе желаніе, а можетъ быть и вѣроятная опасность, при отъѣздѣ въ Вѣну, чрезъ Польшу, раздираемую партіями, заставили Петра отправиться изъ Пруссіи, не въ Вѣну — какъ предполагалъ онъ сначала — но въ Голландію. Маіоръ *Адамъ Вейде* отправленъ былъ къ Вѣнскому Двору съ извѣщеніемъ, что Царское посольство представится Императору на

(*) Бергманъ.

обратномъ пути своемъ изъ Голландіи. Къ Генеральнымъ Штатамъ отправлена Царская грамота, будто бы изъ Москвы, съ просьбою о благосклонномъ пріемѣ посольства.

Іюня 2, послы имѣли прощальную аудіенцію у Курфирста, и чрезъ нѣсколько дней отплыли на яхтѣ изъ Кенигсберга къ Пиллавѣ, куда прибыли 10 числа. Здѣсь и въ сосѣднемъ увеселительномъ замкѣ, *Фишгаузенъ*, Курфирстъ снова занялъ посольство пирами и охотою, между тѣмъ, какъ министры его домогались о заключеніи новаго дружественнаго договора. Договоръ сей былъ наконецъ подписанъ, 22 Іюня. Но послы отказались помѣстить въ немъ статью объ оборонительномъ союзѣ, въ томъ смыслѣ, какъ желалъ Курфирстъ, а на случай нападенія внѣшнихъ враговъ на Царя, или на Курфирста — «укрѣпились словами, — одному другаго не покидать. Больше о томъ говорилъ одинъ изъ волонтеровъ» (*).

День своего тезоименитства, Петръ праздновалъ въ Пиллавѣ блестящимъ фейерверкомъ, а на слѣдующій день, въ сопровожденіи дворянъ посольства, отплылъ моремъ въ Кольбергъ, откуда (4 Іюля) на почтовыхъ отправился въ Берлинъ. Тѣмъ же путемъ слѣдовало за нимъ и посольство. Для ускоренія путешествія, а можетъ быть, и для избѣжанія лишнихъ расходовъ, многочисленная свита посольская была значительно уменьшена. Еще предъ отъѣздомъ изъ Кенигсберга оставлены были здѣсь нѣсколько Русскихъ солдатъ и волонтеровъ, одни для усовершенствованія себя въ бомбардирномъ искуствѣ, другіе для изученія музыки, подъ руководствомъ придворнаго Курфирстова капельмейстера, который за это получилъ 1000 червонныхъ награжденія (**). Изъ Пиллавы 42 человѣка посольской свиты, съ Маіоромъ Шмитомъ, были отправлены на кораблѣ, чрезъ Нарву, обратно въ Россію. Съ ними же Петръ отправилъ математическіе инструменты и другія вещи, купленныя въ Кенигсбергѣ и полученныя въ подарокъ отъ Курфирста.

(*) Поденный журналъ посольства. Подъ именемъ волонтера здѣсь разумѣется Петръ.

(**) Бергманъ.

Наконецъ,—изъ Кольберга, значительная часть посольской свиты, со всѣми тяжестями, отправлена была моремъ до Любека, а оттуда сухимъ путемъ прямо въ Амстердамъ. При чемъ, начальнику сего отдѣленія, Богдану Приставу, предписано было наблюдать въ деньгахъ возможную бережливость и каждую копѣйку записывать въ расходную книгу. Остальная же часть посольства торжественно въѣхала (20 Іюля) въ Берлинъ, при троекратной пальбѣ изъ 70 пушекъ. Петръ, прибывшій въ Берлинъ ранѣе своего посольства, посвятилъ время преимущественно на усовершенствованіе своихъ познаній въ наукѣ артиллерійской, подъ руководствомъ Берлинскихъ профессоровъ, и въ быстрыхъ своихъ успѣхахъ получилъ отъ наставниковъ своихъ письменное свидѣтельство.

Изъ Берлина Царь и посольство его безостановочно продолжали путь свой чрезъ Бранденбургскія и Ганноверскія владѣ-

нія, къ предѣламъ Голландіи, — не оставляя однако жъ безъ вниманія, встрѣчающихся на пути, достопамятностей природы и искусствъ.

Въ Магденбургѣ показывали имъ разныя христіанскія древности, хранящіяся въ церкви Святаго Маврицція, — а въ Гренингенѣ — старинную церковь, остатокъ Католическаго монастыря, воздвигнутаго еще въ первыя времена Христіанства въ Германіи. Съ особеннымъ же любопытствомъ осматривалъ Петръ желѣзные рудники и заводы близъ Галберштадта, и всходилъ, съ нѣсколькими спутниками, на вершину Блоксберга, горы, прославленной сказаніями о колдунахъ и чародѣяхъ (*). Въ Гильдесгеймѣ Русскіе послы нашли радушный пріемъ у тамошняго Владѣтельнаго Епископа, который угостилъ ихъ великолѣпно въ своемъ загородномъ домѣ. Въ Коппенбриггѣ ожидала ихъ къ вечернему столу Курфирстина Ганноверская Софія, съ дочерью своею Софіей Шарлотою, супругою Курфирста Бранденбургскаго, и со всѣмъ своимъ семействомъ (**). Петръ

(*) Журналъ Барона Гизена.

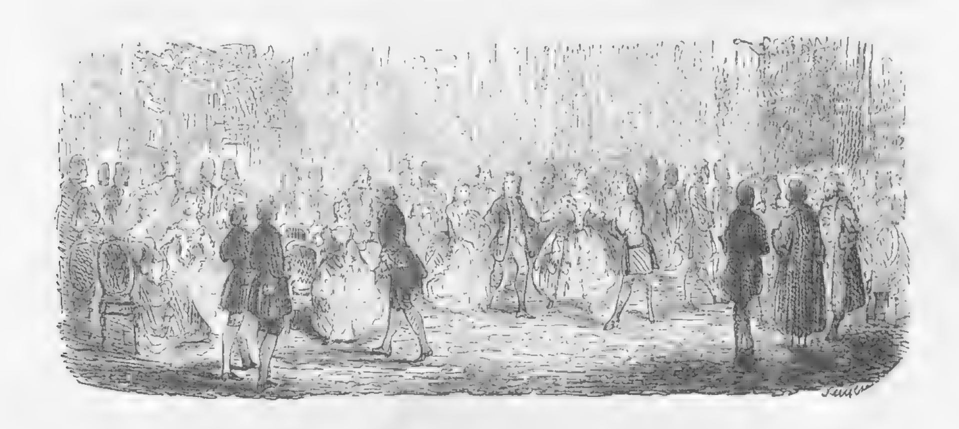
(**) Письма обѣихъ Курфирстинъ (см. Meiner's und Spitler's historisches Magazin, II. I Heft. — Peter der Grosse v. Halem. I s. 301 — 306).

не могъ отказать въ свиданіи любопытнымъ дамамъ, согласился для нихъ сложить съ себя инкогнито и просилъ только, провесть себя въ замокъ по потаенной лѣстницѣ, для избѣжанія собравшейся толпы любопытныхъ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, при которыхъ Лефортъ заступалъ мѣсто переводчика, сѣли за столъ. Петръ занялъ мѣсто между обѣими Курфирстинами. Онъ былъ очень веселъ, говорилъ безпрестанно, и изумлялъ своихъ умныхъ собесѣдницъ скорыми и удачными отвѣтами, на всѣ вопросы, которыми особенно закидывала его болтливость старой Курфирстины. Съ младшею Петръ дружески обмѣнялся табакерками.

Она велѣла своимъ пѣвицамъ пропѣть Итальянскую арію, которая понравилась Царю, хотя онъ и сознавался, что былъ не большой любитель музыки. «Такъ не больше ли нравится вамъ охота?» спросила другая. — Она была любимою забавою моего родителя, отвѣчалъ Петръ, я же съ самаго дѣтства всегда чувствовалъ особенную склонность къ мореплаванію и фейерверкамъ. Потомъ, показывая дамамъ свои руки, просилъ ощупать, какъ онѣ были тверды отъ работы. Спутники Царскіе, по уходѣ дамъ, храбро подвизались около бутылокъ. Но всѣхъ ихъ перещеголялъ Гофмаршалъ Курфирста, который за такое отличіе слишкомъ заслужилъ, подареннаго ему, соболя. Послѣ стола, Петръ велѣлъ позвать своихъ музыкантовъ и доставилъ обществу удовольствіе русскою пляскою; самъ однакожъ никакъ не хотѣлъ танцовать безъ перчатокъ, которыхъ долго искали по всюду, но не могли найти.

Балъ продолжался до 4 часовъ утра. Всѣ были чрезвычайно довольны и Петръ также. Только дамскіе корсеты побудили его замѣтить, *что Нѣмецкія дамы имѣютъ дьявольски твердыя кости.*

Свѣтлѣйшія хозяйки и дамы удивлялись веселости и непринужденности высокаго гостя, который то цѣловалъ своего любимаго карлу, то щипалъ его за уши и, схвативъ метлу, началъ выметать своего шута изъ комнаты. Онъ также поцѣловалъ

десятилѣтнюю принцесу Софію Доротею, приподнявъ ее за уши, при чемъ не мало пострадалъ ея головной уборъ. Курфирстины, уѣхавъ тотчасъ послѣ бала, очень досадовали на свою поспѣшность, узнавъ послѣ, что Царь намѣренъ былъ по утру снова посѣтить ихъ. «Онъ весьма добрый Государь» — говоритъ въ заключеніе старая Курфирстина, «но притомъ, по обычаю своей «земли, очень сердитъ. При лучшемъ воспитаніи, онъ былъ «бы образцемъ совершенства, потому что въ немъ много ума «и много добрыхъ качествъ.» — «Въ немъ есть что-то необыкновенное», — говоритъ она въ другомъ письмѣ. «Нельзя его ни описать ни вообразить себѣ не видавши.»

На слѣдующій день, 28 Іюля, посольство оставило Коппенбригге и продолжало путь свой чрезъ Минденъ, Герфортъ и Липштатъ къ Рейну. Но многочисленность посольской свиты замедляла путешествіе, между тѣмъ какъ нетерпѣніе Петра достигнуть Голландіи — главной цѣли всѣхъ его помышленій — казалось, возрастало по мѣрѣ приближенія къ ея предѣламъ. Наконецъ, 2 Августа, оставивъ свое посольство въ Эммерихѣ, Петръ съ десятью дворянами, въ числѣ которыхъ былъ и любимый деньщикъ его — Меншиковъ, пустился въ передъ и, переѣхавъ Рейнъ, съ восторгомъ вступилъ на землю Голландіи.

Голландія, являющая на каждомъ шагу слѣды искуства, труда и терпѣнія своихъ обитателей, страна, которую человѣкъ исхитилъ отъ владычества моря, оградилъ искуствомъ отъ его ярости и сдѣлалъ своимъ пріятнѣйшимъ обиталищемъ, страна, созданная, такъ сказать, самимъ человѣкомъ и представляющая самый удивительный памятникъ его могущества, была для Петра страною образцовою во всѣхъ отношеніяхъ. Здѣсь все возбуждало его любопытство и удивленіе, все казалось ново, важно, достойно изученія. Громады плотинъ, множество каналовъ, гавани, наполненныя кораблями, города, кипящіе жизнію, многочисленныя фабрики, общественныя заведенія, довольство, образованность и благоденствіе народа — все это обѣщало наблюдательному духу Петра богатую жатву новыхъ разнообразныхъ познаній — и Русскій Царь рѣшился быть ученикомъ Голландцевъ, дабы сдѣлаться потомъ учителемъ своего народа.

Все полезное равно привлекало вниманіе Петра, но изученіе кораблестроенія было первою и главною его заботою. Онъ не терялъ драгоцѣннаго времени: 7 Августа прибылъ онъ въ Амстердамъ, а на слѣдующее утро, съ тѣми же спутниками, плылъ уже отсюда въ *Заандамъ* (*) (мѣстечко, знаменитое по обширности кораблестроенія, въ двухъ миляхъ отъ Амстердама). Тамъ надѣялся онъ укрыться отъ взора любопытныхъ и безпрепятственно совершить свой безпримѣрный подвигъ.

Подъѣзжая къ Заандаму, ботъ, на которомъ ѣхали Русскіе, случайно повстрѣчался съ челнокомъ Заандамца, ловившаго угрей. «*Герритъ Кистъ!*» радостно вскричали Царскіе спутники, и Петръ узналъ въ рыбакѣ стараго своего знакомца, кузнеца, съ которымъ нѣкогда работалъ на Воронежской верьфи. Дружески привѣтствовалъ онъ изумленнаго Заандамца и пожелалъ остановиться въ его домѣ, подъ именемъ Русскаго плотника.

(*) Схельтема (Russland en de Nederlanden. 8 Amst. 1817 — 1818) сообщаетъ много любопытныхъ подробностей о пребываніи Петра В. въ Голландіи. Онъ пишетъ Zaandam, производя это названіе отъ протекающей близъ города рѣки Заанъ или Цаанъ (Zaan).

Кистъ утверждалъ, что жилище его слишкомъ мало и тѣсно для такихъ гостей, но Петръ былъ доволенъ еще меньшимъ, и съ радостію помѣстился въ заднемъ домикѣ о трехъ покояхъ, которые, занимавшая ихъ, бѣдная вдова, за 7 гульденовъ, очистила новому постояльцу. Этотъ досчатый домикъ, съ черепичною кровлею, гдѣ жилъ царь-плотникъ, Голландцы сохраняютъ какъ памятникъ народный и съ гордостію показываютъ его иностранцамъ.

Множество корабельныхъ доковъ, мельницъ и разныхъ машинъ, наполняющихъ Заандамъ, при первомъ взглядѣ, возбудили любопытство и удивленіе Царя въ высшей степени. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть все это въ близи. Но, къ сожалѣнію, день, въ который онъ прибылъ сюда, былъ воскресный; толпы гулящихъ бродили по улицамъ, и Петръ, не желая быть предметомъ любопытства, долженъ былъ цѣлый день пробыть празднымъ. На слѣдующее утро, Петръ Михайловъ, въ камзолѣ изъ краснаго фриза, въ широкихъ холстинныхъ шароварахъ, съ топоромъ въ рукахъ и съ необходимыми инструментами, явился на верьфи у Заандамца *Рогге* и записался въ число корабельныхъ плотниковъ.

Зная достаточно Голландскій языкъ, новый плотникъ вскорѣ ознакомился съ своими товарищами, раздѣлялъ съ ними и труды и забавы и пищу и отдыхъ, — однимъ словомъ, жилъ и дѣйствовалъ, какъ настоящій простой корабельный плотникъ. Онъ посѣтилъ также и семейства находившихся въ Россіи своихъ товарищей по верьфи: выпилъ рюмку джину у матери Томаса Іозіаса и обѣдалъ съ женою Яна Рензена. Женѣ Арріена Меетье, спрашивавшей о своемъ мужѣ, Петръ выхвалялъ его какъ славнаго плотника, съ которымъ онъ вмѣстѣ работалъ. «Стало, вы также корабельный плотникъ?»— снова спросила жена Меетье. «Да!» отвѣчалъ Петръ съ самодовольствіемъ.

Между тѣмъ быстрые успѣхи новаго ученика, его необыкновенный даръ перенимать все съ перваго раза, приводили въ удивленіе его учителей и доставили прозваніе *Бааса* (мастера), прозваніе, бывшее тогда для Петра дороже всѣхъ почестей на свѣтѣ. Но истинное званіе вѣнчаннаго мастера не долго оставалось тайною для Заандамцевъ. Вскорѣ товарищи его по верьфи перемѣнили свое простое и дружеское съ нимъ обращеніе; въ разговорахъ съ нимъ, одни стали величать его Превосходительствомъ, а другіе титуловали уже и Величествомъ. Это огорчало Петра, но еще непріятнѣе было для него безпрерывное стеченіе

любопытныхъ, которые стали осаждать его жилище и преслѣдовать его повсюду. Бургомистръ, для спокойствія Царя, хотѣлъ приставить стражу къ его жилищу. Петръ отказался отъ такого отличія, и отгоняя любопытныхъ то ласкою, то угрозами, нерѣдко побоями, продолжалъ разыгрывать роль простаго плотника. Купецъ Блемъ предложилъ Царю и спутникамъ его для жительства просторный домъ съ садомъ. «Мы люди простые, и совершенно довольны теперешнимъ нашимъ жилищемъ» — отвѣчали ему. И дѣйствительно, Петръ былъ доволенъ такою жизнію, особенно въ тѣ минуты, когда не окружали его толпы любопытныхъ. Тогда онъ, казалось, и самъ забывалъ высокій санъ свой и былъ только плотникомъ. Въ маленькомъ своемъ домикѣ, онъ самъ сработалъ для себя простую деревянную кровать и устроилъ ванну. Не рѣдко Царь-плотникъ, стоя передъ очагомъ, самъ готовилъ себѣ пищу, и потомъ весело шелъ на работу.

Пріятнѣйшимъ для него удовольствіемъ и отдохновеніемъ послѣ трудовъ были прогулки по водѣ. Онъ купилъ себѣ буйеръ (нѣкоторые прибавляютъ — и яхту), придѣлалъ на передней его части собственнаго изобрѣтенія мачту, и не смотря ни на какую погоду, нерѣдко съ опасностію жизни, разъѣзжалъ на немъ въ

Амстердамъ и обратно, обыкновенно самъ правя рулемъ, между тѣмъ какъ дворяне его исправляли должность матросовъ.

Но Петръ не болѣе недѣли (*) работалъ на Заандамской верьфи. Преслѣдуемый повсюду любопытствомъ народа, онъ долженъ былъ покинуть Заандамъ 15 Августа, и на другой день, присоединясь къ прибывшему тогда изъ Германіи своему посольству, присутствовалъ при торжественномъ въѣздѣ его въ Амстердамъ. Театральныя зрѣлища, фейерверки и другія увеселенія, бывшія здѣсь по случаю прибытія Русскаго посольства, мало занимали Петра. Находя на каждомъ шагу столько истинно полезнаго, достойнаго изученія и подражанія, онъ не могъ помышлять о забавахъ и удовольствіяхъ. Только зрѣлищемъ примѣрнаго морскаго сраженія Амстердамъ доставилъ Петру истинное удовольствіе. Между тѣмъ, въ многолюдномъ городѣ, среди блистательной посольской свиты, Петръ, казалось, укрылся опять отъ взора любопытныхъ, по крайней мѣрѣ сталъ менѣе замѣтнымъ и нашелъ возможность, замѣнить нѣкоторымъ образомъ прежнюю жизнь Заандамскую. Съ помощію Бургомистра Николая Витсена, Петръ нанялъ для себя небольшой домикъ подлѣ Остиндской верьфи, купилъ себѣ гальотъ для упражненія въ мореплаваніи и снова явился корабельнымъ мастеромъ на верьфи и шкиперомъ на морѣ.

Но не только мореплаваніе и кораблестроеніе занимали Петра. Всѣ отрасли знаній, всѣ искуства и ремесла — отъ Астрономіи и высшей Математики до ремесла кожевника были предметомъ его любознательности. Изучая правила корабельной Архитектуры, подъ руководствомъ извѣстнѣйшихъ Голландскихъ мастеровъ: Вейсселера, Кардинаала, Реенена, Петра-Поля и Адама Сило, пріобрѣтая въ бесѣдѣ съ Дамомъ и Гартцёкеромъ познанія въ Астрономіи, высшей Математикѣ и другихъ наукахъ, необходимыхъ для мореходца, Петръ въ тоже время съ восторгомъ слушалъ разсужденія славнаго Боергава о таинахъ Медицины, съ благоговѣніемъ осматривалъ анатомическій кабинетъ знаменитаго профессора Рюйша, удивлялся микроскопическимъ наблюденіямъ Лёвенгёка; однимъ словомъ — ознакомился со всѣми Голландскими учеными, и въ бесѣдѣ съ ними собралъ обильный

(*) Схельтёмъ

запасъ разнообразныхъ познаній въ Механикѣ, Физикѣ, Химіи, Анатоміи, во всѣхъ наукахъ естественныхъ и политическихъ. Главнымъ его путеводителемъ въ пріобрѣтеніи полезныхъ знаній былъ Амстердамскій Бургомистръ Витсенъ. Посѣтивъ Москву еще при Алексіѣ Михайловичѣ въ свитѣ Голландскаго посольства, Витсенъ впервые обратилъ на себя вниманіе Петра своею географическою картою и описаніями нѣкоторыхъ частей Россійскаго Государства, а готовностію своей содѣйствовать къ обогащенію любознательнаго Монарха новыми свѣдѣніями пріобрѣлъ особенную его дружбу и довѣренность. Богатый естественный кабинетъ сего ученаго былъ для Петра обыкновеннымъ мѣстомъ его ученыхъ бесѣдъ и занятій.

Посѣщая въ тоже время фабрикантовъ и ремесленниковъ, Петръ не довольствовался однимъ только осмотромъ ихъ заведеній, но самъ желалъ узнать и изучить каждое ремесло. То

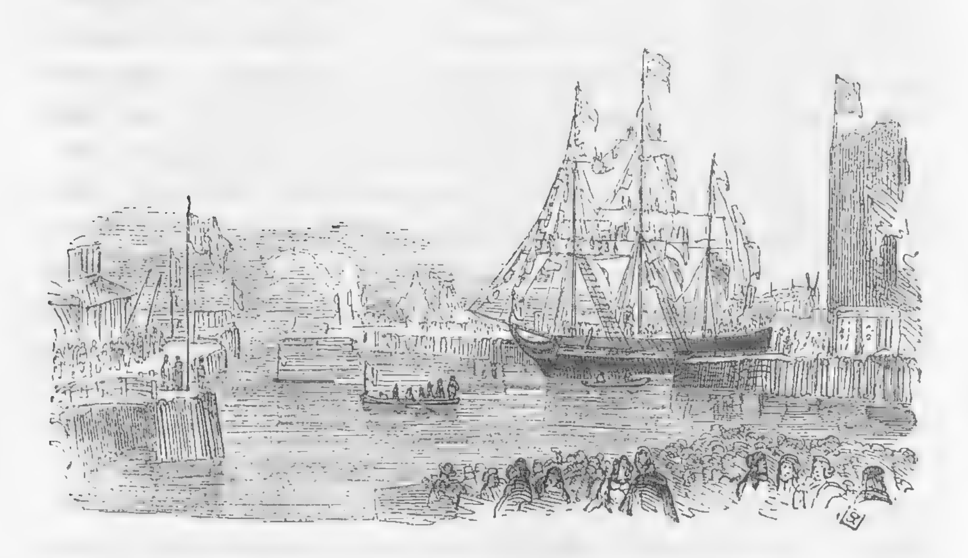
брался онъ за кузнечный молотъ, то садился за ткацкій станокъ, то дѣйствовалъ топоромъ и скобелемъ.

Но Остиндская верьфь все-таки была главнымъ поприщемъ дѣятельности *Заандамскаго плотника Петра,* или *мастера Петра,* какъ обыкновенно называли его прочіе плотники, не стѣсняясь уже болѣе его присутствіемъ. Здѣсь рѣшился Петръ на дѣлѣ доказать свои познанія въ кораблестроеніи и самъ, въ качествѣ главнаго мастера, заложилъ 9 Сентября военный шестидесяти пушечный корабль, длиною во сто футовъ. Спутники Царскіе, работавшіе съ нимъ въ Заандамѣ, равно какъ и другіе Русскіе дворяне были теперь, по приказу посольства, приписаны къ Остиндской верьфи. Одни вмѣстѣ съ Петромъ трудились надъ постройкою самаго корабля, другіе дѣлали мачты, блоки, боты, парусы и проч. «Всѣ розданы по охотѣ къ тѣмъ дѣламъ», писалъ Петръ въ донесеніи своемъ, отъ 31 Августа, къ Господину Королю Ромодановскому (*). Но воля Царя вынуждала эту охоту, слишкомъ горькую для многихъ. Одни изъ нихъ громко жаловались на разлуку съ родными, на свои тяжкіе и грубые труды, другіе показывали свои руки, покрытыя мозолями отъ работы — ничто не помогало. «На работу!» съ негодованіемъ кричалъ имъ Петръ и самъ былъ для всѣхъ примѣромъ. «Мы»—писалъ онъ отъ 10 Сентября къ Патріарху Адріану, «послѣдуя слову Божію, бывшему къ «праотцу Адаму, трудимся, что чинимъ не отъ нужды, но «добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы, искусяся со«вершенно, могли возвратиться и противъ враговъ имени Іисуса «Христа побѣдителями благодатію его быть».

Между тѣмъ торжественная аудіенція, данная Русскому посольству въ Гагѣ, 25 Сентября, отвлекла на нѣкоторое время Петра отъ его занятій. — Аудіенція не имѣла ни какой политической цѣли, но на послѣдовавшихъ за тѣмъ конференціяхъ Русскіе послы просили Генеральные Штаты о пособіяхъ деньгами или военными снарядами для продолженія войны съ Турками. Впрочемъ просьба ихъ не имѣла успѣха. Республика, хотя и окончила тогда войну съ Франціею, выгоднымъ миромъ въ Рисвикѣ, но зная властолюбіе Людовика XIV и опасаясь

(*) Min Her Kenig. — Такъ обыкновенно начинались письма Петра къ Ромодановскому

новой войны, не могла ослаблять себя, вспомоществуя другимъ. Напротивъ, Голландія старалась укрѣпиться новыми союзами и вмѣстѣ съ Англіею вела уже тайные переговоры о прекращеніи войны Турецкой, дабы въ Императорѣ Леопольдѣ I пріобрѣсть могущественнаго союзника. Русское посольство пробыло въ Гагѣ болѣе мѣсяца. Между тѣмъ Петръ неоднократно посѣщалъ Амстердамъ, неусыпно заботясь о построеніи корабля своего, и объѣхалъ всѣ примѣчательнѣйшіе города Голландіи. — Въ Утрехтѣ видѣлся онъ съ Англійскимъ Королемъ Вильгельмомъ III, въ Лейденѣ осматривалъ знаменитый университетъ, въ Роттердамѣ любовался статуею славнаго Эразма, въ Рисвикскомъ замкѣ слушалъ политическія пренія знаменитыхъ дипломатовъ Европейскихъ; наконецъ, довольный всѣмъ видѣннымъ, снова принялся за свой топоръ. Работа шла не-

обыкновенно быстро. Заложенный имъ корабль, названный: *Петръ и Павелъ,* въ нѣсколько мѣсяцевъ былъ отдѣланъ, и въ присутствіи всего посольства, къ неописанной радости великаго своего строителя, благополучно спущенъ на воду. —

Голландскіе мастера сообщили уже Петру всѣ свои познанія въ кораблестроеніи: но великій ихъ ученикъ тѣмъ не довольствовался. Онъ желалъ имѣть на все математическія доказательства; желалъ узнать теорію кораблестроенія: искуство же Гол-

ландцевъ основывалось болѣе на продолжительномъ навыкѣ. Разсматривая устройство Англійскихъ кораблей, Петръ скоро убѣдился, что въ Англіи теорія корабельной архитектуры доведена до гораздо большаго совершенства, нежели въ Голландіи. Это возродило въ немъ намѣреніе посѣтить и Англію. Король Вильгельмъ III спѣшилъ предупредить его желаніе и, по возвращеніи въ Лондонъ, прислалъ свою яхту и три корабля подъ начальствомъ Вице - Адмирала *Мичеля, за своимъ высокимъ гостемъ*. Русское посольство осталось въ Амстердамѣ.

Петръ дружески простился съ своимъ любимцемъ Лефортомъ, и сопровождаемый Меншиковымъ и 15 дворянами, сотрудниками своими по работѣ на Остиндской верьфи, отплылъ изъ Гельветслюйса, 7 Января 1698 года. Послѣ трехдневнаго плаванія путешественники вступили на берегъ Темзы. Въ Лондонѣ, для жительства Петра былъ отведенъ королевскій замокъ Соммерсетъ: но Петръ не долго оставался въ этомъ великолѣпномъ жилищѣ; страсть къ кораблестроенію влекла его къ королевской верьфи въ Дептфортѣ. Только посѣщенія Двора и обозрѣніе достопамятностей города могли задержать его на нѣсколько времени въ Лондонѣ. Послѣ свиданія съ Королемъ Вильгельмомъ, Царь посѣтилъ и наслѣдницу Англійскаго Престола Принцессу Анну, которая, разговаривая съ нимъ, не просила его присѣсть. Петръ, никогда не любившій пе-

ремоній, самъ предложилъ ей стулъ, и, садясь на другомъ, сказалъ: «Теперь намъ будетъ спокойнѣе!»

Дворъ и его увеселенія мало привлекали Петра. Онъ пріѣхалъ учиться и спѣшилъ ознакомиться съ корабельными мастерами, ремесленниками, купцами и учеными. Здѣсь, какъ и вездѣ, Петръ съ особеннымъ любопытствомъ освѣдомлялся о состояніи ремеслъ и искуствъ, какъ предметовъ, наиболѣе необходимыхъ для его государства. Часовое мастерство, устройство математическихъ инструментовъ, машинъ, разныхъ оружій, даже

дѣланіе гробовъ, привлекало его вниманіе. Обширные морскіе арсеналы и пушечный литейный дворъ въ Вуличѣ были предметомъ неоднократныхъ его посѣщеній. Монетный дворъ, арсеналъ и разныя рѣдкости въ Лондонской башнѣ или *Тоуерѣ*, въ Вестминстерскихъ палатахъ и другихъ мѣстахъ также привлекали его любопытство; а знаменитый морской гошпиталь въ Гриничѣ, прежній великолѣпный дворецъ Англійскихъ Королей, до того понравился ему, что онъ совѣтовалъ Вильгельму обратить его въ свой дворецъ, а дворецъ отдать подъ гошпиталь. Обозрѣвая достопамятности огромной столицы, Петръ посѣщалъ иногда и театръ, куда особенно привлекала его славная въ то время драматическая актриса дѣвица *Кроссъ*. Не рѣдко также являлся онъ, то въ одеждѣ джентельмена, то въ матросской курткѣ, въ кофейные и игорные домы, и въ другія мѣста народныхъ увеселеній.

Но преимущественно и съ особеннымъ удовольствіемъ проводилъ онъ время на королевской верфи въ Дептфортѣ, куда вскорѣ (9 Февраля) совсѣмъ переселился изъ Лондона. Петръ жилъ здѣсь подлѣ самой верьфи, въ небольшомъ домикѣ, изъ котораго былъ особый ходъ прямо на Адмиралтейскій дворъ. Каждое утро, съ восхожденіемъ солнца, онъ являлся въ кругу корабельныхъ мастеровъ, бесѣдовалъ съ ними объ ихъ искусствѣ, разсматривалъ ихъ планы, чертежи

и рисунки, и въ короткое время совершенно изучилъ теорію кораблестроенія, которую тогда же началъ примѣнять къ практикѣ, работая самъ при построеніи одного корабля. «Безъ Англіи я былъ бы плохой мастеръ»—говаривалъ онъ часто (*).

Адмиралъ, Лордъ *Кармартенъ,* котораго образъ мыслей совершенно сходствовалъ съ правилами Петра, Вице-Адмиралъ *Мичель* и *Антонъ Динъ,* одинъ изъ славнѣйшихъ корабельныхъ мастеровъ Англіи, пользовались особеннымъ расположеніемъ Русскаго Монарха и были почти ежедневными его собесѣдниками, сообщая свѣдѣнія о торговлѣ, мореплаваніи и кораблестроеніи Англичанъ. Нерѣдко Лордъ Кармартенъ и богатый Лондонскій купецъ Стельсъ угощали Монарха и спутниковъ его роскошными пирами, а между тѣмъ, предлагая значительныя суммы, договаривались о предоставленіи Англійскимъ купцамъ исключительнаго права торговать табакомъ въ Россіи. По договору (16 Апрѣля), для заключенія котораго посолъ Го-

(*) Perry. The State of Russia. Lond. 1716. s. 260.

ловинъ призванъ былъ изъ Амстердама, право сіе было предоставлено Лорду Кармартену, сперва на три года, съ платежемъ пошлинъ (по 4 коп. за фунтъ). Хотя употребленіе табаку въ Россіи, какъ противное господствующимъ постановленіямъ, было доселѣ Русскимъ запрещено и строго преслѣдуемо, однакожъ Петръ обнадеживалъ, что *приведетъ все въ порядокъ, когда возвратится домой.*

При размѣнѣ контракта, Англичане внесли впередъ 12,000 фунтовъ стерлинговъ, которые послѣ были зачтены имъ въ пошлину. Эта сумма доставила Петру возможность принять въ свою службу многихъ ученыхъ, врачей, аптекарей, математиковъ, инженеровъ, также значительное число матросовъ, корабельныхъ плотниковъ, и разнаго званія ремесленниковъ. Число всѣхъ охотниковъ, вступившихъ въ Англіи въ Царскую службу, простиралось, какъ утверждаютъ, свыше 500 человѣкъ. Извѣстнѣйшіе между ними были: Шотландецъ *Фергарсонъ,* астрономъ и математикъ, съ которымъ Петръ любилъ бесѣдовать о наукахъ, и который долженъ былъ основать въ Россіи морское училище; инженерный капитанъ *Джонъ Перри,* назначенный, на мѣсто бѣжавшаго полковника Брекеля, къ строенію канала между Дономъ и Волгою; корабельные мастера *Джонъ Динъ и Іосифъ Пай,* долженствовавшіе усовершенствовать искуство кораблестроенія въ Россіи.

Свободное и дружеское обращеніе Петра со всѣми его окружавшими, повсюду привлекало къ нему сердца народа, а выгоды, предоставленныя въ Россіи иностранцамъ, произвели между ними даже нѣкоторый родъ соперничества, такъ что они, наперерывъ другъ передъ другомъ, искали чести быть принятыми въ Русскую службу. «Я самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ,» говоритъ одинъ современный писатель, (*) «что многіе способные и искусные люди не могли быть приняты въ службу, потому что всѣ мѣста были заняты гораздо скорѣе,

(*) Письмо одного Англичанина о современномъ состояніи Россіи. The present condition of the Muscovite Empire, till 1690. p. 58.

нежели какъ предполагали. Англичане были въ восхищеніи отъ великаго Русскаго Царя, — а Царь не менѣе полюбилъ Англію и народъ Англійскій, котораго характеръ, образъ жизни, торговля и могущество на моряхъ, сдѣлали сильное на него впечатлѣніе. Въ Англіи особенно понравилось Петру то, что въ ней не видно было внѣшняго великолѣпія и пышности, и что богатѣйшіе люди одѣвались весьма просто. Часто говаривалъ онъ, что Англійскій островъ есть лучшій, красивѣйшій и счастливѣйшій на свѣтѣ (*).

Между тѣмъ Король Вильгельмъ III, желая доставить своему высокому гостю всѣ возможныя удовольствія, спѣшилъ предупреждать его желанія. По его повелѣнію, флотъ Англійскій, стоявшій въ Портсмутской гавани, выступилъ въ море, и для

(*) Журналъ Барона Гизена, (см. Сборникъ Туманскаго ч. III).

увеселенія Русскаго Царя, представилъ примѣрное морское сраженіе, въ виду города Спитида. Зрѣлище сіе исполнило Петра невыразимымъ восторгомъ.

На возвратномъ пути изъ Спитида, Петръ осматривалъ достопамятности Виндзора и Гамптонкурта (*), и прибывъ въ Лондонъ, посѣтилъ (2 Апрѣля), вмѣстѣ съ своимъ посланникомъ Головинымъ, обѣ палаты Парламента. Король самъ предсѣдательствовалъ въ Верхней Палатѣ и всѣ члены были въ церемоніальныхъ одеждахъ. Славный Университетъ Оксфордскій также удостоился видѣть въ стѣнахъ своихъ Русскаго Монарха.

Петръ съ величайшимъ любопытствомъ осматривалъ знаменитую Бодлееву библіотеку, всѣ кабинеты и коллегіи сего древ-

(*) Королевскіе замки на берегу Темзы.

нѣйшаго изъ университетовъ Европейскихъ, и въ память своего посѣщенія, подарилъ ему большую золотую медаль временъ Бориса Годунова (*).

Въ этомъ путешествіи сопровождалъ Монарха историкъ *Бурнетъ*, Епископъ Салисбурійскій, который имѣлъ отъ Короля Вильгельма порученіе познакомить Царя съ Англійскою конституціею и догматами Англиканской Церкви. Отзывы его о великомъ Русскомъ Царѣ доказываютъ только, что ученый Епископъ, не зная Россіи и ея потребностей, не могъ цѣнить и великаго ея преобразователя. Замѣтивъ, что Англійская конституція и религія—предметы важнѣйшіе для Епископа, не казались таковыми для Русскаго Царя, и что дѣятельность Петра преимущественно обращена была на изученіе предметовъ, по понятію Епископа менѣе всего необходимыхъ для Государей, Бурнетъ заключаетъ, что *природа кажется болѣе назначила его быть искуснымъ плотникомъ, нежели великимъ Государемъ.* Потомъ, почитая Царя *неспособнымъ исполнить великое предпріятіе: смирить Оттоманскую Порту Азовскимъ флотомъ*, Епископъ не только не находитъ въ немъ достаточныхъ свѣдѣній въ военномъ искусствѣ, но даже не замѣчаетъ и любви къ сему искусству въ томъ, который будучи еще отрокомъ, страстно любилъ воинскія занятія, который совершилъ уже важныя преобразованія въ своемъ войскѣ и который, покинувъ престолъ и отечество, пришелъ къ иноземцамъ изучать ихъ правила войны на сушѣ и на морѣ. —

Петръ пробылъ въ Англіи болѣе трехъ мѣсяцевъ. — 18 Апрѣля посѣтилъ онъ въ послѣдній разъ Короля Виль–

(*) Martinis Nachrichten aus Russland. 8. Frankf. und Leipz. 1731 s. 106, 107.

гельма, котораго равно уважалъ какъ правителя и какъ воина

Оба Монарха дружески обнялись на прощаньи и обѣщались остаться навсегда друзьями. Король подарилъ Петру, весьма

искусно сдѣланную, модель военнаго корабля о 120 пушкахъ и свою прекрасную 24 пушечную яхту, которую употреблялъ онъ въ своихъ морскихъ путешествіяхъ.

Переѣздъ въ Голландію сопровождаемъ былъ сильною бурею. Спутники Царскіе были въ большомъ страхѣ, а Петръ, съ спокойнымъ и веселымъ видомъ, спрашивалъ ихъ: *слыхали ли вы когда нибудь, чтобы Русскій Царь утонулъ въ Нѣмецкомъ морѣ?* (*) Послѣ четырехъ-дневнаго плаванія, корабль благополучно бросилъ якорь у береговъ Голландіи, при Гельветслюйсѣ, 27 Апрѣля.

На сей разъ, пребываніе Петра въ Голландіи было непродолжительно. Русскіе гости становились уже въ тягость своимъ расчетливымъ хозяевамъ. Разгульная жизнь, которую, особенно во время отсутствія Царя, вели послы его въ Амстердамѣ, частыя увеселительныя ихъ поѣздки въ Заандамъ, безпрерывные пиры и вечеринки прибавили не одну лишнюю страницу въ расходной книгѣ Генеральныхъ Штатовъ (**), и главное нарушали порядокъ — вещь, важнѣйшую послѣ денегъ въ жизни Голландца. Не менѣе должно было огорчать Голландскихъ правителей и то, что множество искусныхъ мастеровъ, художниковъ, трудолюбивыхъ ремесленниковъ, матросовъ и другихъ полезныхъ людей, вступая въ Русскую службу, оставляли республику и увозили съ собою разныя модели и другія необходимыя вещи, къ явному вреду Голландской промышленности. Мѣсто прежняго гостепріимства заступила холодность; Голландцы были рады освободиться отъ гостей своихъ и даже намекали имъ о своемъ желаніи. Царь, возвратившійся изъ Англіи, не

(*) Галемъ. — Бергманъ.

(**) По исчисленію Схельтемы, содержаніе Русскаго посольства стоило Генеральнымъ Штатамъ 210.000, и городу Амстердаму 300,000 гульденовъ.

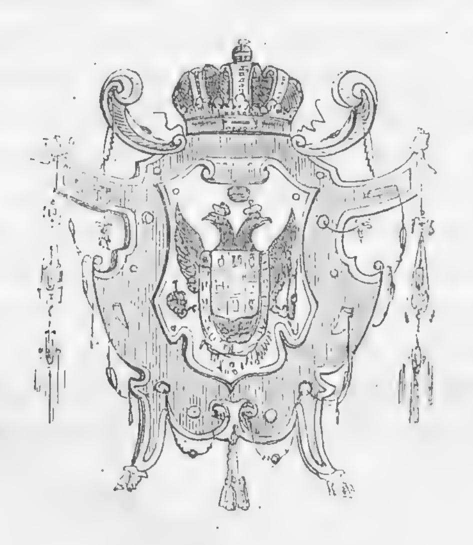
заставилъ ихъ долго дожидаться. Цѣль, для которой прибылъ онъ въ Голландію, была уже достигнута; въ дальнѣйшемъ пребываніи не имѣлось надобности, и онъ тѣмъ болѣе поспѣшилъ отъѣздомъ, что другія важнѣйшія дѣла требовали его присутствія въ Вѣнѣ.

Двѣ недѣли прошло однако въ Амстердамѣ среди различныхъ распоряженій. Многіе изъ Русскихъ дворянъ, сопровождавшихъ посольство, были разосланы путешествовать по разнымъ государствамъ, для усовершенствованія своихъ познаній и ближайшаго знакомства съ Европою; а всѣ принятые въ Русскую службу иностранцы, въ первыхъ числахъ Мая, отправлены были въ Архангельскъ на 4 корабляхъ, нагруженныхъ множествомъ оружія, военныхъ и корабельныхъ запасовъ, разнаго рода моделей и другихъ вещей, накупленныхъ въ Англіи и Голландіи. Наконецъ, 15 Мая, Петръ выѣхалъ изъ Амстердама, за нѣсколько часовъ прежде своего посольства, направляя путь къ предѣламъ Германіи. На канунѣ его отъѣзда Генеральные Штаты просили вознаградить ихъ за издержки, употребленныя на содержаніе Русскаго посольства, распространеніемъ привилегій Голландской торговли въ Россіи. Это разочаровало Государя на счетъ Голландскаго гостепріимства. Но проѣзжая по странѣ цвѣтущей и богатой, онъ скоро забылъ огорченіе причиненное корыстолю-

біемъ купцевъ-правителей и нерѣдко останавливалъ свою коляску, восхищаясь представлявшимся повсюду зрѣлищемъ жизни и дѣятельности, среди роскошной весенней природы, которой прелесть возвышалась искуствомъ. Цѣня трудъ и искуство выше

всего, Петръ полюбилъ Голландцевъ болѣе всѣхъ народовъ, и въ послѣдствіи всегда ставилъ ихъ въ образецъ своимъ подданнымъ. Всегдашнею, задушевною мечтою его было увидѣть свою возлюбленную Россію на той же степени гражданскаго развитія, на которой представлялась ему Голландія. Съ этою мечтою, полный надежды и пріятнѣйшихъ впечатлѣній, оставилъ онъ страну, бывшую свидѣтельницею необыкновенныхъ трудовъ, подъятыхъ имъ для Россіи.

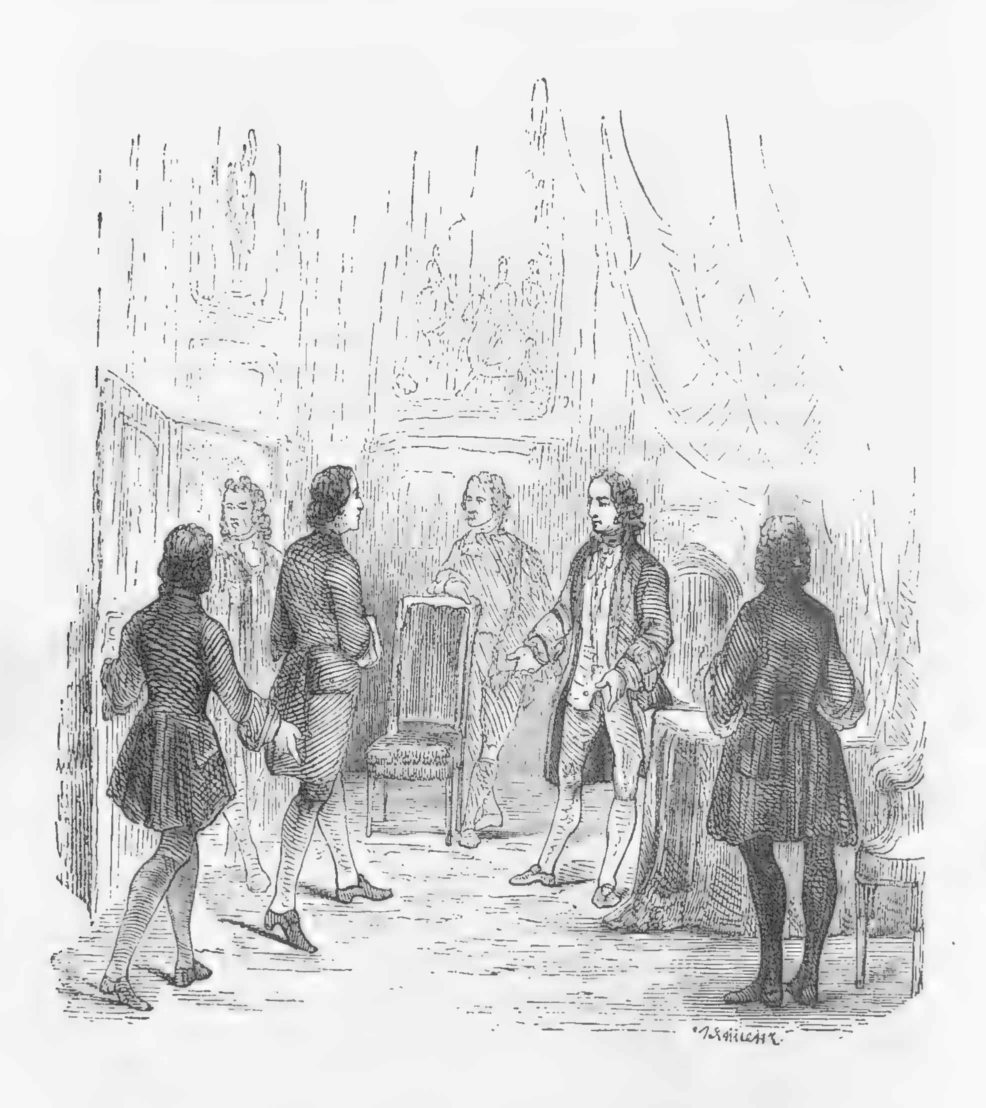
Еще въ Амстердамѣ Петръ получилъ непріятное извѣстіе, что Императоръ Леопольдъ I и республика Венеціанская, при посредничествѣ Англіи и Голландіи, вступили въ мирные переговоры съ Султаномъ. — Для Петра, который отъ продолженія войны ожидалъ большихъ для себя выгодъ, еще не время было думать о мирѣ съ Турками. Поэтому, надѣясь при личномъ свиданіи отклонить Императора отъ заключенія мира, или, принявъ участіе въ переговорахъ, соблюсти выгоды Россіи,

Петръ спѣшилъ въ Вѣну и, для ускоренія путешествія, оставивъ большую часть посольской свиты, со всѣми тяжестями, подъ надзоромъ Меншикова, отправился изъ Клеве (21 Мая) вмѣстѣ съ послами, на почтовыхъ, продолжая путь и днемъ и ночью.

Въ Гильдесгеймѣ Царь снова былъ угощаемъ радушнымъ Епископомъ, въ Лейпцигѣ встрѣченъ съ такимъ же гостепріимствомъ, а въ Дрезденѣ не могъ избѣгнуть церемоніальнаго пріема и провелъ трое сутокъ обозрѣвая достопамятности города. Намѣстникъ Курфирста, (который самъ находился тогда въ Польшѣ), Князь Фюрстенбергъ, своею услужливостію, роскошными пирами и увеселеніями, старался угодить Монарху и сопровождалъ его до пограничной Саксонской крѣпости Кёнигштейна, которую Петръ осматривалъ съ великимъ вниманіемъ. Отсюда, продолжая путь чрезъ Прагу, Коллинъ и Часлау, Петръ, 16 Іюня, прибылъ наконецъ въ резиденцію Императора, бывъ однако же принужденъ сперва цѣлыхъ 4 дня дожидаться въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Вѣны, пока въ Совѣтѣ Императорскомъ разрѣшенъ былъ важный вопросъ о церемоніяхъ, касательно пріема Русскаго посольства.

Этикетъ — вещь, особенно по тогдашнему образу мыслей, чрезвычайно важная при сношеніяхъ дипломатическихъ и строго соблюдаемая при Дворѣ Императора, — причинилъ бы не малое затрудненіе въ переговорахъ Императорскихъ министровъ съ Царскими послами и отнялъ бы много драгоцѣннаго времени. Поэтому Петръ, стремясь прямо къ своей цѣли и устраняя всякую пустую церемоніальность, самъ, въ качествѣ перваго дворянина посольства, приступилъ къ переговорамъ съ Императорскимъ Канцлеромъ Графомъ Кинскимъ и, узнавъ о непремѣнномъ намѣреніи Вѣнскаго кабинета заключить миръ съ Турками, потребовалъ личнаго свиданія съ Императоромъ. Венгерскій Вице-Канцлеръ Графъ Чернинъ, назначенный приставомъ къ Русскому посольству, провелъ Царя чрезъ тайныя двери сада

Фаворитъ, прямо во внутреннiе покои Императора. При этомъ первомъ свиданiи присутствовали только Графы: Дитрихштейнъ и Валленштейнъ, особы, самыя приближенныя къ Императору. Лефортъ заступалъ мѣсто переводчика. Оба Монарха разго-

варивали стоя и безъ шляпъ. Предметомъ разсужденiя были дѣла Турецкiя. Одинъ желалъ мира, другой — войны. Нако-

нецъ Царь склонился на представленія Императора, объявивъ однако, что при переговорахъ, намѣренъ съ своей стороны, сверхъ удержанія за собою всего завоеваннаго Русскими, требовать отъ Турковъ еще уступки Керчи и свободнаго плаванія на Черномъ морѣ. Императоръ обнадеживалъ, что не пренебрежетъ ни какими выгодами союзниковъ и не заключитъ ни какихъ условій безъ общаго согласія. Оба разстались весьма довольные этимъ свиданіемъ.

Послѣ Англіи и Голландіи, Вѣна не много могла представить новаго и любопытнаго Русскому Монарху. Впрочемъ арсеналъ, библіотеки, минцъ-кабинетъ, коллегіумъ Іезуитовъ, и близлежащіе города: Баденъ, съ своими минеральными водами, и Пресбургъ съ древними регаліями Королей Венгерскихъ, привлекали его вниманіе. Но главное, чѣмъ славилась Императорская столица, это — веселая жизнь придворныхъ и пиры, обильные заздравными тостами. Все время пребыванія здѣсь Русскаго Монарха было почти безпрерывнымъ праздникомъ. Императоръ, угождая своему высокому гостю, устроилъ, между прочимъ (1 Іюля), особый родъ празднества, или маскарада, по старинному Нѣмецкому обычаю, подъ названіемъ: *виртшафтъ*. Императоръ съ Императрицею представляли хозяевъ гостинницы. Придворные и все знатнѣйшее общество столицы, въ одѣяніяхъ разныхъ странъ и народовъ, подъ видомъ путешественниковъ, были угощаемы въ мнимой гостинницѣ. Великолѣпное убранство и освѣщеніе комнатъ, пестрота и богатство нарядовъ, блиставшихъ золотомъ и алмазами, — ослѣпляли взоры. Этикетъ придворный былъ забытъ, и гости и хозяева наслаждались общимъ, непринужденнымъ весельемъ. Петръ, въ одеждѣ Фрисландскаго крестьянина, ведя подъ руку свою спутницу Графиню Фонъ Турнъ, былъ предметомъ особеннаго вниманія хозяина. Цесарь, хозяинъ праздника, вставъ

съ своего мѣста и подошедъ съ хрустальнымъ бокаломъ искусной работы къ мнимому Фрисландцу, сказалъ: «Я знаю, что вы коротко знакомы съ великимъ Царемъ Московскимъ, и потому предлагаю его здоровье.» — Опороженный бокалъ былъ снова наполненъ, и Петръ, принимая его изъ рукъ Цесаря, отвѣчалъ: «Да! я его знаю, какъ самого себя; онъ искренній другъ Вашему Величеству и врагъ врагамъ вашимъ.» Бокалъ, подаренный Цесаремъ этому короткому знакомцу Царя Московскаго, былъ принятъ съ видимымъ удовольствіемъ и служилъ для него пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ веселаго вечера (*). «Все понравилось мнѣ у Императора Леопольда,» такъ отзывался Петръ о Вѣнскомъ Дворѣ долго спустя въ Петербургѣ: «одно только казалось странно, что Дворъ наполненъ Іезуитами, которые не могутъ не вмѣшиваться во всѣ дѣла государственныя (**)».

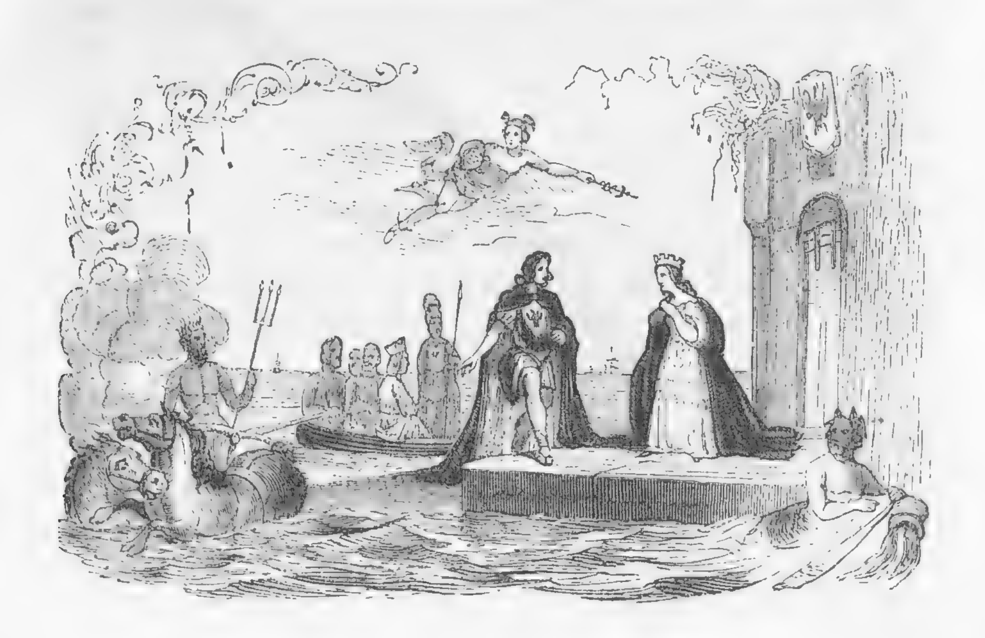
Изъ Вѣны Петръ намѣренъ былъ ѣхать въ Италію. Уже нѣкоторые изъ посольской свиты были отправлены напередъ въ Венецію; уже Республика, извѣщенная о скоромъ прибытіи Царскаго посольства, дѣлала приготовленія къ его пріему: но извѣстіе о новомъ опасномъ возмущеніи Стрѣльцовъ, полученное изъ Москвы, 15 Іюля, разстроило всѣ планы Монарха. Путь въ Италію былъ оставленъ; надлежало спѣшить на помощь отечеству. «Min Her Kenig!» — писалъ Петръ отъ 16 Іюля къ своему Намѣстнику. «Письмо твое, Іюня 17 дня писанное, мнѣ «отдано, въ которомъ пишешъ ваша милость, что сѣмя Ивана «Михайловича (Милославскаго) ростетъ. Я прошу васъ быть «крѣпкимъ, а кромѣ сего ни чемъ сей огонь угасить неможно.— «Хотя зѣло намъ жаль нынѣшняго полезнаго дѣла, однако сей «ради причины будемъ къ вамъ, такъ какъ вы не чаете.»

Русское посольство уже цѣлый мѣсяцъ находилось въ Вѣнѣ; но, ожидая изъ Москвы, необходимыхъ по тогдашнему обычаю, Царскихъ подарковъ, оно еще не представлялось Цесарю торжественно. Наконецъ, подарки были доставлены, и дали возможность посламъ явиться (18 Іюля) на аудіенціи, а Монарху предпринять обратный путь въ Россію.

(*) Журналъ Барона Гизена. Житіе Петра В. Ѳеодози Т. I. стр 210,
(**) Подлинные Анекдоты о Петрѣ I. Штелина.

На другой же день послѣ аудіенціи, Петръ, въ сопровожденіи Лефорта, Головина, Меншикова и нѣсколькихъ дворянъ, оставилъ столицу Императора и продолжалъ путь безостановочно днемъ и ночью. Полученное (23 Іюля) изъ Москвы новое извѣстіе объ усмиреніи бунта, не измѣняя предпринятаго путешествія, умѣрило только поспѣшность Петра и дозволило ему осмотрѣть на пути предметы, достойные вниманія, а Королю Польскому Августу II доставило случай имѣть свиданіе съ своимъ будущимъ союзникомъ, въ городкѣ Равѣ (1 Августа). Царь и Король провели три дня въ дружеской бесѣдѣ, весьма важной по послѣдствіямъ: Король подалъ Русскому Монарху мысль начать войну съ Швеціею. Послѣ взаимныхъ увѣреній въ братской любви и дружбѣ, Петръ отправился въ дальнѣйшій путь и, 19 Августа, достигнувъ Русской границы, ознаменовалъ веселымъ пиромъ благополучное прибытіе въ отечество.

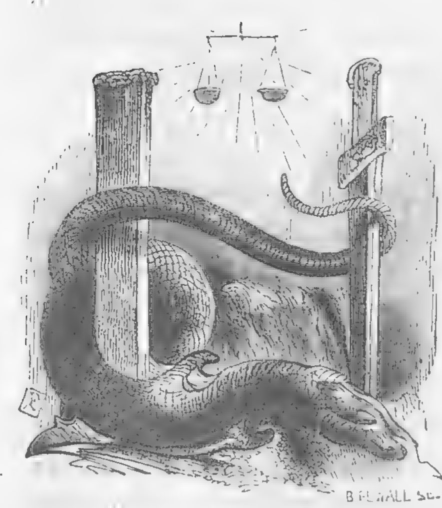
На одной изъ медалей, которыми Генеральные Штаты отдарили Русскихъ пословъ на прощальной аудіенціи въ Гагѣ, Петръ изображенъ былъ въ видѣ Геркулеса, проходящаго землю; но Геркулесъ древности странствовалъ освобождая землю отъ чудовищъ, а Геркулесъ Россійскій возвратился въ отечество, чтобы истребить страшнѣйшее изъ всѣхъ чудовищъ, — невѣжество.

ГЛАВА X.

УНИЧТОЖЕНІЕ СТРѢЛЬЦЕВЪ.

еутомимо трудился Петръ за границею, собирая познанія и средства, необходимыя для совершенія великаго подвига; но не безъ дѣла оставались и въ Россіи противники нововведеній. — Пользуясь отсутствіемъ Государя, они вознамѣрились сокрушить его твореніе въ самомъ началѣ и, отдаливъ Россію отъ Европы, снова и, можетъ быть, на долго погрузить ее въ прежній мракъ невѣжества.

Стрѣльцы, какъ и прежде, явились главными дѣйствователями; между тѣмъ, какъ истинные виновники возстанія, не дерзая открыто выступить на сцену, ожидали послѣдствій и только посредствомъ изступленныхъ фанатиковъ старались разжигать пламя бунта. Еще въ началѣ 1698 года обнаружились между стрѣльцами, въ разныхъ мѣстахъ Россіи, безпокойства и волненія, произведенныя ложными слухами, о мнимой смерти Царя за границею. Самые правители Московскіе, долго не получая извѣстій отъ Царя, кажется, были приведены въ смущеніе этими злыми вѣстями и обнаружили въ своихъ дѣйствіяхъ слабость и нерѣшительность. Хотя безпорядки и были прекращены, но Петръ остался недоволенъ слабыми мѣрами Правителей и въ письмѣ своемъ отъ 9-го Мая изъ Амстердама, съ огорченіемъ, хотя и ласково, выговаривалъ своему Намѣстнику за его малодушіе. «Въ письмѣ вашемъ,» (писалъ онъ въ отвѣтъ на письмо Ромодановскаго, отъ 8 Апрѣля) «объявленъ бунтъ отъ Стрѣльцовъ, и что вашимъ правитель-«ствомъ и службою солдатъ усмиренъ, зѣло радуемся; только «зѣло мнѣ печально и досадно на тебя, для чего ты сего «дѣла въ розыскъ не вступилъ. Богъ тебя судитъ! Не такъ «было говорено на загородномъ дворѣ въ сѣняхъ.—Я незнаю «отъ куда на васъ такой страхъ бабій; малоль живетъ, что «почты пропадаютъ, а къ томужъ въ ту пору была и поло-«водь; неколи ничего дожидать (отъ васъ) съ такою трусостью.— «Пожалуй не осердись, воистинну отъ болѣзни сердца писалъ.»—

Послѣдствія доказали, что Петръ имѣлъ причину негодовать на слабость Правителей: вскорѣ, пламя мятежа, укрощенное ими, но не совершенно утушенное, вспыхнуло съ новою яростію.

Стрѣльцы, разсѣянные по всѣмъ предѣламъ Государства, лишенные прежней вольности и своихъ старинныхъ льготъ, не могли не предвидѣть, что съ утвержденіемъ новаго воинскаго устройства ихъ существованіе, какъ не совмѣстное съ

планами Петра, должно кончиться. Всѣ дѣйствія преобразователя ясно говорили имъ, что ихъ участь давно уже рѣшена въ его умѣ; что ихъ силу хотятъ сперва ослабить раздробленіемъ и, отнявъ у нихъ всѣ средства къ сопротивленію, исподоволь уничтожить весь корпусъ. Они рѣшились спасти себя и схватились, какъ говорится, за бритву.

Первые возстали четыре полка, стоявшіе на Литовской границѣ. Отправленные изъ подъ стѣнъ Азовскихъ, прямо къ новому своему посту, на новые труды и лишенія, они сильно роптали на свое долговременное удаленіе изъ Москвы, на разлуку съ семействами и на тягости службы, несносныя для нихъ, привыкшихъ къ спокойной и разгульной жизни въ столицѣ. Начальники ихъ раздѣляли общее неудовольствіе.

Между тѣмъ безпорядки, господствовавшіе въ Польшѣ, прекратились, при первомъ появленіи 40 тысячнаго Русскаго войска въ предѣлахъ Литвы. Партіи затихли; Принцъ *Конти*, покровительствуемый Франціею, принужденъ былъ оставить Польшу и Августъ II утвердился на престолѣ. Тогда Князь Михаилъ Григорьевичь Ромодановскій, командовавшій Русскимъ войскомъ, возвратился опять къ своему посту у Великихъ Лукъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній изъ столицы. Стрѣльцы радовались, полагая, что наконецъ настало для нихъ время возвратиться къ своимъ семействамъ. Но этого не могли дозволить Московскіе правители, при тогдашнемъ состояніи столицы, которой спокойствіе, возмущаемое нелѣпыми слухами, съ трудомъ было поддерживаемо малымъ числомъ регулярныхъ войскъ. Прибытіе въ нее мятежныхъ скопищъ стрѣлецкихъ неминуемо подвергло бы все государство величайшимъ бѣдствіямъ. Воевода Ромодановскій, послѣ долгаго ожиданія, получилъ наконецъ повелѣніе, распустить земское войско, а стрѣльцевъ размѣстить по городамъ, каждый полкъ особо. — Это озлобило стрѣльцевъ до высочайшей степени. Они рѣшились проложить себѣ путь къ столицѣ оружіемъ. — Въ то же

время письма, пересылаемыя къ десятникамъ и пятидесятникамъ стрѣлецкимъ отъ тайныхъ недоброхотовъ пріуготовляемаго Петромъ преобразованія и отъ самой Царевны Софіи Алексѣевны, распространяли въ войскѣ тѣ же злобные слухи, которые тревожили и столицу. — Говорили, что «Царь ведетъ съ собою цѣлую армію иноплеменниковъ, и хочетъ съ помощію ея заставить Русскихъ брить бороды, носить чужеземную одежду, употреблять табакъ и принять обычаи, противные разсудку и совѣсти» (*). Прибавляли еще, что Царь клялся истребить и самое имя стрѣльцевъ, что всѣ они осуждены уже на вѣчную ссылку въ Сибирь, что всѣ ихъ домы и имѣніе будутъ отданы на разграбленіе иноземцамъ, отъ которыхъ нынѣ народъ въ Москвѣ уже терпитъ обиды и которые скоро завладѣютъ всѣмъ царствомъ, если они, до прибытія Царя, неускорятъ на помощь Москвѣ. —

Такія средства, при невѣжествѣ и суевѣріи толпы, при общей почти непріязни къ нововведеніямъ, какъ вихрь, раздули пламя мятежа, которое быстро охватило всѣ четыре Стрѣлецкіе приказа. Покинувъ своихъ начальниковъ, не хотѣвшихъ слѣдовать ихъ примѣру, и захвативъ пороховую казну и оружіе, они поднялись съ рѣшительнымъ намѣреніемъ идти на Москву, истребить всѣхъ иноземцевъ, всѣхъ бояръ, приверженныхъ къ нововведеніямъ и, вручивъ во второй разъ верховную власть Софіи, преградить Петру обратный путь въ отечество, или погубить его. Толпа мятежныхъ, въ своемъ стремленіи къ столицѣ, постепенно возрастала, какъ снѣжная лавина, низвергающаяся съ горы. Жители мѣстъ, лежащихъ на ея пути — или раздѣляя тѣ же непріязненныя чувства, или страшась разграбленія, — умножали массу мятежниковъ. — Наконецъ сношенія ихъ съ стрѣльцами, стоявшими въ Азовѣ, Астрахани и другихъ городахъ, угрожали разлить пламя мятежа по всему государству.

(*) Бергманъ.

Страхъ и недоумѣніе объяли правителей Московскихъ, когда эта грозная вѣсть достигла до столицы. Уже стрѣльцы были въ походѣ отъ Великихъ Лукъ, а правительственный Совѣтъ еще не зналъ, на что рѣшиться и какія принять мѣры къ отвращенію угрожавшей опасности. Регулярныя войска, находившіяся въ Москвѣ, были слабы и не могли одни противустать въ полѣ силамъ мятежниковъ. Созвать земское войско, при общемъ нерасположеніи умовъ къ Правительству, казалось опаснымъ, а защищаться въ стѣнахъ столицы было бы еще опаснѣе, потому, что надлежало страшиться, что, при появленіи мятежниковъ, недовольный народъ перейдетъ на ихъ сторону. Наконецъ, послѣ долгихъ совѣщаній, рѣшились собрать роты стольниковъ, стряпчихъ, жильцевъ и дворянъ Московскихъ. Бояринъ Шеинъ и генералъ Гордонъ получили повелѣніе, выступить противъ мятежниковъ, которые, чрезъ Волокъ-Ламскій, приближались уже къ Воскресенскому монастырю, въ 46 верстахъ отъ Москвы. Занятіе этого укрѣпленнаго мѣста мятежниками могло чрезвычайно ихъ усилить и продлить ярость бунта. Но, къ счастію, Гордонъ съ передовымъ отрядомъ предупредилъ ихъ, вечеромъ 17 Іюня. — Едва только успѣлъ онъ укрѣпиться въ монастырѣ, какъ появились и толпы мятежниковъ. «Мы идемъ къ Москвѣ, милости просить о своихъ нуждахъ, а не драться и не биться (*)» отвѣчали они Гордону, и расположились на ночь на противуположномъ берегу рѣчки Истры.

На другой день, рано поутру, подоспѣлъ и главнокомандующій съ остальными войсками и, занявъ выгодную позицію, рѣшился преградить мятежникамъ дальнѣйшій путь къ столицѣ. Но, избѣгая кровопролитія, Шеинъ нѣсколько разъ, чрезъ своихъ Генераловъ, увѣщавалъ мятежниковъ, оставить свое предпріятіе и возвратиться къ своему посту, обѣщая выдать имъ жалованье и удовлетворить всѣмъ ихъ требованіямъ. — «Мы не воротимся,» отвѣчали они: «Мос-

(*) Желябужскій.

ква уже близко. Мы хотимъ видѣться съ своими женами и дѣтьми.» — Но путь къ Москвѣ запертъ для васъ, — говорили имъ. «Мы откроемъ его оружіемъ!» кричали мятежники и навели свои пушки на царское войско. Съ барабаннымъ боемъ,

съ распущенными знаменами, предшествуемые священниками, переправились они черезъ рѣку, подъ прикрытіемъ своей артиллеріи, и сталц лагеремъ на равнинѣ, прямо противъ позиціи войскъ Шеина. Еще разъ рѣшился главнокомандующій напомнить имъ о повиновеніи и грозилъ, что прикажетъ

стрѣлять по нимъ, если они не покорятся. «Мы того не боимся,» отвѣчали изступленные; «видали мы пушки, и не такія (*).» Почитая снисхожденіе и милосердіе Шеина признакомъ трусости, они съ угрозою прогнали отъ себя переговорщиковъ, начали служить молебенъ и готовиться къ бою. Шеинъ думалъ устрашить дерзкихъ, приказавъ пустить нѣсколько ядеръ чрезъ ихъ головы! «Самъ Господь,» закричали мятежники, «побораетъ по насъ чудесами и не попускаетъ оружію еретиковъ вредить Православнымъ.» Пылая дерзостію и отвагою, мятежная толпа выступаетъ изъ лагеря и, давъ залпъ изъ пушекъ и ружей, устремляется прямо на царскія войска. — Но одинъ залпъ царской артиллеріи, положивъ многихъ на мѣстѣ, ослабилъ мужество дерзкихъ; малодушіе замѣнило безумную отвагу и все пришло въ разстройство. *Которые не валились отъ ядръ, тѣ сами падали на землю и*

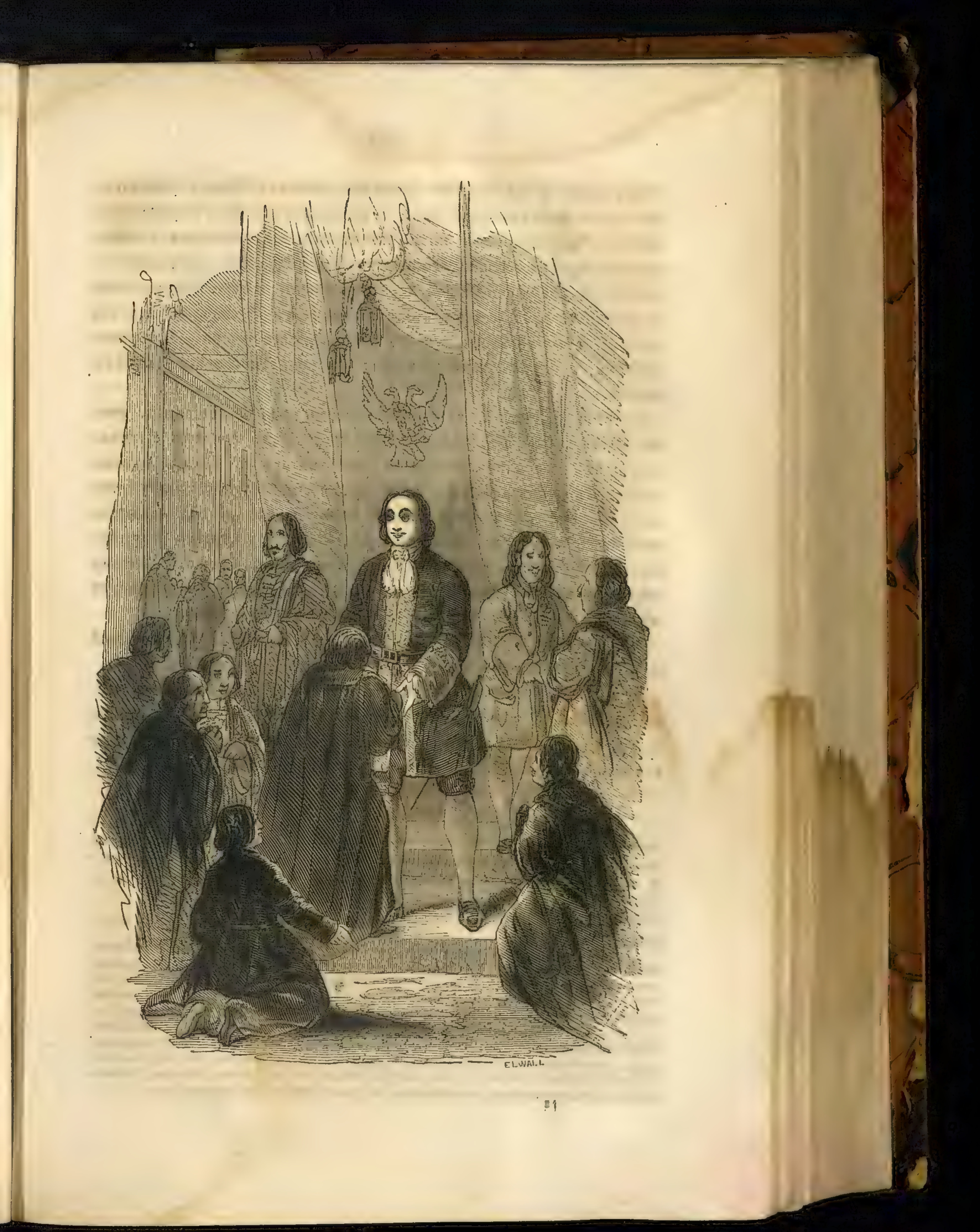
(*) Желябужскій.

не смѣли шевелиться (*). Регулярная конница довершила пораженіе. И бѣгство не спасло мятежниковъ. Настигаемые конницею, пѣшіе бѣглецы, цѣлыми толпами загоняемы были въ Воскресенскій Монастырь. Число всѣхъ измѣнниковъ, попавшихся въ руки побѣдителей, по показанію А. Гордона (**), простиралось до 4,600 человѣкъ. Чтобъ устрашить всѣхъ непокорныхъ и отвратить отъ мятежа прочіе полки стрѣлецкіе, главнокомандующій рѣшился показать надъ преступниками примѣръ строгости. Послѣ жестокихъ пытокъ и мученій, обнаружившихъ злобные замыслы заговорщиковъ, 165 человѣкъ изъ нихъ казнены и повѣшены на мѣстѣ; прочіе, въ числѣ которыхъ находился и главный ихъ предводитель, *Васька Тума,* разосланы по разнымъ монастырямъ и городамъ въ заточеніе и оставлены въ тюрьмахъ до прибытія Государя. —

Довольный своимъ путешествіемъ, съ богатымъ запасомъ новыхъ познаній, Петръ 25 Августа, вечеромъ, прибылъ въ свою столицу и, отпустивъ пословъ и своихъ спутниковъ по домамъ, поспѣшилъ въ Преображенское. Не безъ внутренняго волненія услышали Московскіе правители о прибытіи Царя, и на другое утро явились въ Преображенское, поздравить его съ счастливымъ пріѣздомъ. Многіе изъ бояръ, узнавъ, что Головинъ и другіе Русскіе дворяне, сопровождавшіе Царя, были уже безъ бороды и въ Европейской одеждѣ, пріятно изумили Монарха и доказали свою къ нему преданность, пожертвовавъ своею бородою; а тѣ, которые не рѣшались разстаться съ драгоцѣнною для нихъ вывѣскою старины, не были допущены къ Государю.

(*) Гизенъ.

(**) Шотландецъ Александръ Гордонъ, родственникъ извѣстнаго Генерала Патрика (Петра Ивановича) Гордона, находился въ Русской службѣ съ 1693 по 1711 годъ. Потомъ, возвратившись въ свое отечество, посвятилъ послѣдніе годы своей жизни на начертаніе біографіи Петра В. — The history of Peter the Greet, Emperor of Russia. Aberdeen. 1755. II. vol.

ELWALL

Дружески и со слезами радости обнималъ Петръ каждаго, изъ представшихъ предъ него, и не дозволялъ имъ, по древнему обычаю, падать предъ нимъ на колѣни. Радостными восклицаніями привѣтствовали Царя ратные сотоварищи его юности— гвардія и регулярныя войска. Они были щедро награждены за усердную службу противъ мятежниковъ. Вечеромъ того же дня, Петръ посѣтилъ своего осмилѣтняго сына, Царевича Алексѣя, и остался имъ доволенъ; но супруги своей не хотѣлъ видѣть.

Пріѣздъ Государя, торжество новаго года и аудіенція, данная Цесарскому посланнику (*), доставляли боярамъ случаи, учреждать веселыя пиршества, въ которыхъ Петръ охотно принималъ участіе. Онъ, казалось, воспоминаніемъ жилъ еще за границею; съ удовольствіемъ разсказывалъ о своемъ путешествіи, хвалилъ все видѣнное на чужбинѣ и давалъ разумѣть боярамъ, что желаетъ то же видѣть и въ Россіи. Между тѣмъ, среди разгульнаго пира, борода почитателей старинныхъ обычаевъ нерѣдко становилась добычею Царскаго шута.

1-го Сентября Россія въ-послѣднее торжествовала новый годъ, по старинному лѣтосчисленію, отъ Сотворенія Міра.

Царь, въ древнемъ царскомъ облаченіи, сидѣлъ на тронѣ, поставленномъ на возвышеніи, среди большой Кремлевской площади, и принималъ благословенія Патріарха и поздравленія вельможъ и народа. Наступившій тогда 7207 годъ міра (**)

(*) И. Х. фонъ Гваріентъ и Раллъ, посолъ Цесарскій, отправленный для переговоровъ о Турецкой войнѣ, прибылъ въ Москву 29 Апрѣля 1698 года, а 2 Сентября имѣлъ аудіенцію въ домѣ Лефорта. Дневникъ Секретаря этого посольства (Diarium itineris in Moscoviam etc... descriptum a J. G. Korb.) содержитъ весьма много важныхъ и любопытныхъ извѣстій о казни стрѣльцевъ и о первыхъ дѣйствіяхъ Петра, по возвращеніи его изъ путешествія. —

(**) Здѣсь кстати должно замѣтить ошибку, часто повторяемую у Голикова и другихъ нашихъ писателей, которые въ опредѣленіи хронологіи событій сбиваются на употреблявшееся у насъ до 1700 года лѣтосчисленіе, т. е. начинаютъ годъ съ 1-го Сентября по старинному, между тѣмъ, какъ число лѣтъ считаютъ отъ Рождества Христова. Отъ того и выходитъ, что событія, случившіяся въ теченіе Сентября, Октября, Ноября и Декабря мѣсяцевъ у Голикова отнесены не къ концу того года отъ Рождества Христова, къ которому они собственно принадлежатъ, но къ началу слѣдующаго; напр. казнь Хованскихъ, бывшая 17-го Сентября 7191 года отъ Сотворенія Міра неправильно показана у Голикова (см. Допол.). также у Бергмана и другихъ писателей въ 1683 году отъ Рождества Христова; или напр. описывая пребываніе Петра въ Голландіи въ теченіе Сентября, Октября, Ноября и Декабря мѣсяцевъ, Голиковъ также неправильно выставляетъ въ маргиналіяхъ (см. Допол.) 1698-й вмѣсто 1697 года. и проч.

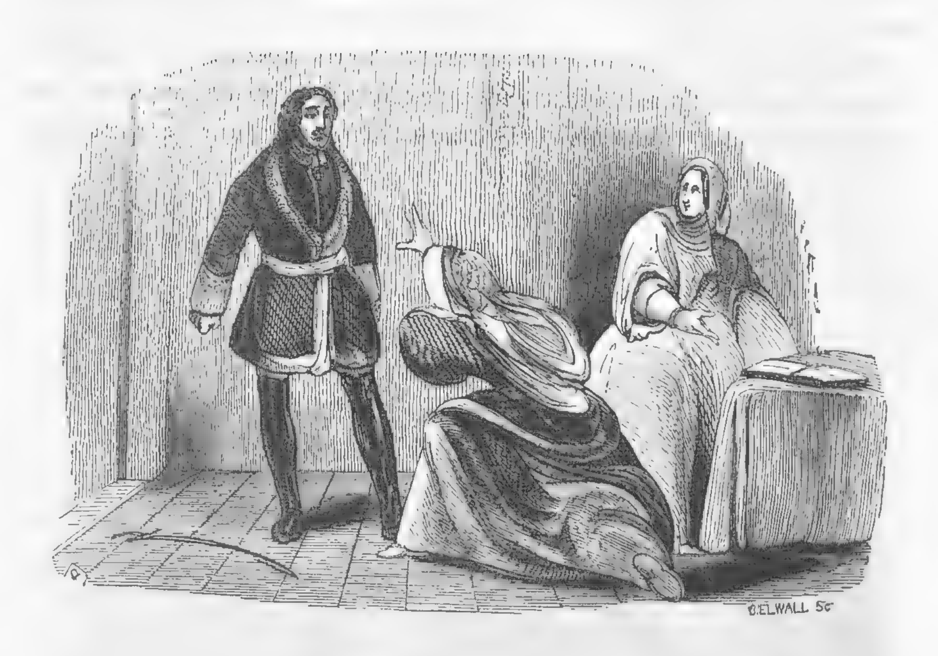

былъ годомъ рѣшительнаго переворота въ судьбѣ Россіи: она начала новое поприще и ощутила въ себѣ новыя жизненныя силы. Но, чтобы эти силы могли развиться свободно, надлежало отсѣчь поврежденные члены.

Царь вспомнилъ о стрѣльцахъ и кровавыя сцены скоро изгнали изъ Москвы радость и веселіе. Преступниковъ отвсюду начали свозить въ Преображенское. Петръ самъ изложилъ вопросные пункты, по которымъ надлежало ихъ допра-

шивать. Особая Коммисія, составленная изъ знатнѣйшихъ бояръ и сановниковъ, подъ предсѣдательствомъ Князя Петра Ивановича Прозоровскаго, должна была вывѣдать въ точности намѣренія мятежниковъ и открыть тайныхъ зачинщиковъ бунта. Начались слѣдствія и пытки, чрезъ которыя однакожь объяснилось немного болѣе того, что уже было извѣстно по первому слѣдствію, произведенному въ Воскресенскомъ монастырѣ. Царевна Софія была главною виновницею бунта. Нѣкоторые показали, что она давно уже имѣла тайныя сношенія съ стрѣльцами, посредствомъ одной старухи, которая, питаясь подаяніемъ, умѣла обмануть бдительность стражи и въ хлѣбѣ переносила письма отъ Царевны къ стрѣльцамъ и обратно.— О своихъ же намѣреніяхъ и о причинѣ ожесточенія противъ Государя, стрѣльцы говорили, что они хотѣли убить Царя, *для того, что онъ Государь не милосердъ и началъ вѣровать въ Нѣмцевъ.* Судъ приговорилъ всѣхъ къ смертной казни; Государь подтвердилъ приговоръ и въ первомъ пылу гнѣва хотѣлъ и свою сестру, Софію, подвергнуть той же участи, но смягчился представленіями Лефорта: «Она виновна,» говорилъ Лефортъ, «но если слава твоя, Государь, тебѣ дороже мести,—прости ее.» Петръ хотѣлъ однако лично допросить ее и видѣть ея раскаяніе. Въ сопровожденіи своего любимца, онъ явился въ келію Софіи. Упорство Царевны и смѣлость, съ которою она обвиняла во всѣхъ мятежахъ самого Монарха—Нововводителя, сильно разгнѣвали, отъ природы пылкаго, Государя. Онъ уже выхватилъ мечь на пораженіе непокорной,—но прислужница Царевны спасла ея жизнь и славу Государя. «Она сестра твоя!» закричала дѣвушка, повергаясь къ ногамъ Государя. Мечь выпалъ изъ рукъ Петра, гнѣвъ его мгновенно изчезъ,—онъ ласково поднялъ и поблагодарилъ дѣвушку. Участь преступной, но несчастной сестры глубоко тронула сердце Монарха и онъ, пришедшій, какъ строгій судія, обличить виновную, смѣшалъ свои слезы съ ея слезами.—«Что это за женщина!» говорилъ онъ Лефорту, выходя изъ келіи! «Какъ она умна и какъ жаль, что имѣетъ столь злое сердце!» (*)

(*) Анекдоты о Петрѣ В. — Голикова.

Но для мятежныхъ стрѣльцовъ сердце Петра не знало сострадапія. Всѣ должны были погибнуть. Съ 1 по 22 Октября, Москва и ея окрестности представляли плачевное зрѣлище. Каждый день по нѣскольку сотъ преступниковъ становились жертвою неизмѣннаго правосудія. У всѣхъ воротъ, вокругъ Землянаго города, на стѣнахъ по Бѣлому городу, на Красной площади, у съѣзжихъ избъ стрѣлецкихъ — вездѣ мечь правосудія каралъ преступныхъ. Царевна

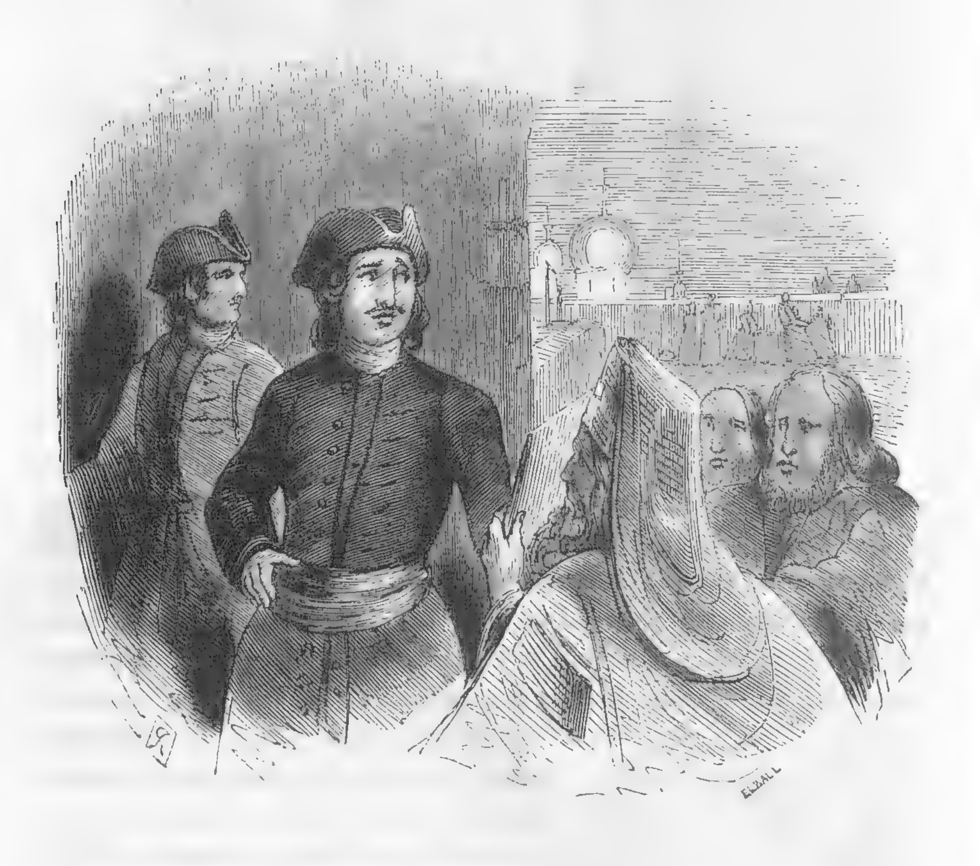

Софія также осуждена была видѣть страданія несчастныхъ жертвъ ея властолюбія; 230 преступниковъ повѣшены были предъ окнами ея келіи; тремъ переднимъ изъ нихъ вложены были въ руки копіи съ написанной ими челобитной, которою они просили Царевну, принять надъ ними Правленіе (*). Ужасъ наполнялъ сердце зрителей. Но

(*) Желябужскій. Изд. Языкова стр. 126 — 127. Korb. p. 172 et sq.

Петръ слышалъ только одинъ гласъ закона и былъ неумолимъ, какъ сама судьба.

Патріархъ, съ иконою Богоматери и съ крестнымъ ходомъ, явился къ Государю, надѣясь преклонить его на милость къ осужденнымъ. Но царь отпустилъ его, сказавъ: «*верховный*

мой долгъ и истинное благочестіе обязываютъ меня охранять народъ мой и карать преступленія, грозящія общею гибелью государству (*).»

(*) Korb. p. 83.

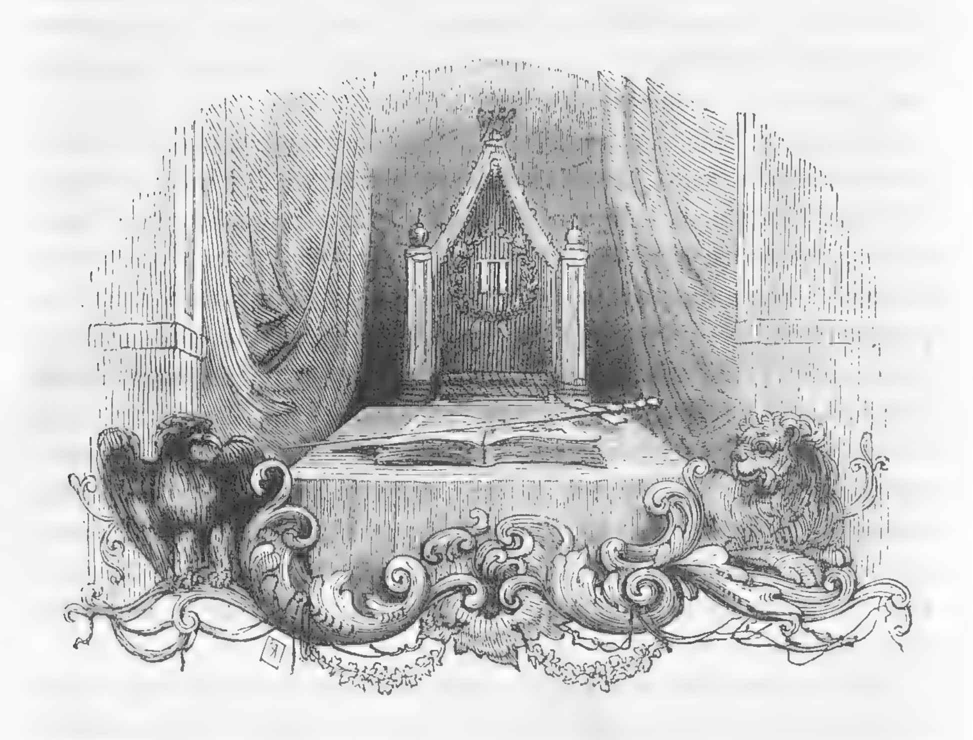
Въ началѣ Февраля мѣсяца, слѣдующаго 1699 года, остальные мятежники, изъ отдаленныхъ городовъ привезены были въ столицу. При видѣ неизбѣжной гибели, отчаяніе овладѣло душею злодѣевъ и увеличило ихъ упорство. Тщетно хотѣлъ Царь вынудить у нихъ сознаніе въ преступности ихъ замысловъ. Многіе, захваченные съ оружіемъ въ рукахъ, не отрицая своего участія въ мятежѣ, при всемъ томъ утверждали, что гибнутъ безвинно, какъ мученики за вѣру и отечество; другіе, съ удивительною твердостію, оставались нѣмы на всѣ вопросы; ожесточеніе злодѣевъ было невѣроятно: Такая строптивость и упорство преступниковъ огорчали и еще болѣе раздражали Государя. Милосердіе къ нераскаяннымъ злодѣямъ казалось ему слабостію и преступленіемъ.

Изъ числа взятыхъ въ плѣнъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ большая часть погибла отъ меча правосудія; прочіе были сосланы въ Сибирь. Многіе были однакожь помилованы только за то, что сознались въ своей винѣ; юность также получила пощаду: всѣ, которымъ не было еще 18 лѣтъ, были или разверстаны въ другіе полки, или отосланы въ дальніе города на службу. Стрѣльцы, не причастные бунту, должны были поселиться, навсегда, въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ они тогда находились на службѣ. Въ столицѣ не осталось ни одного стрѣльца. Имя Московскихъ стрѣльцевъ изчезло. Одни лишь каменные столбы, съ надписью на желѣзныхъ доскахъ, воздвигнутые на разныхъ дорогахъ, ведущихъ къ Москвѣ, означая могилы преступниковъ, напоминали объ участи непокорнаго войска.

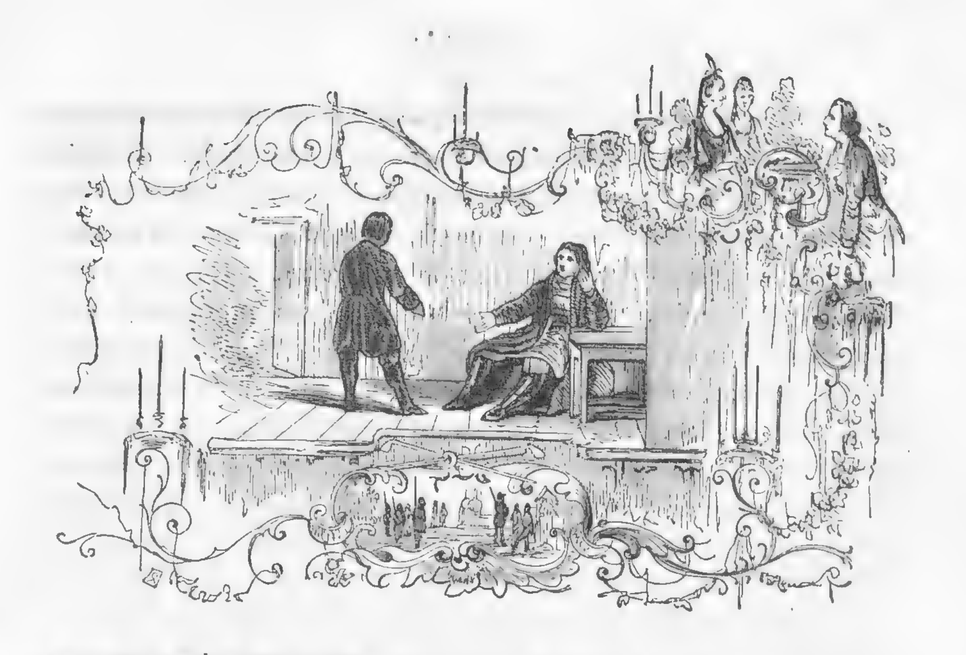
Съ уничтоженіемъ стрѣльцевъ исчезла и послѣдняя надежда Софіи на пріобрѣтеніе верховной власти. Всѣ ея связи съ міромъ были прерваны: она должна была принять схиму. Тогда же совершилось постриженіе сестры ея, Царевны Маѳы Алексѣевны. Допросъ ея прислужницъ заставляетъ отчасти догадываться, что и на нее падало подозрѣніе Государя. Наконецъ, той же участи подверглась и супруга Петра, Царица Евдокія Ѳеодоровна, которая за свою чрезмѣрную ревность и суевѣрную привязан-

ность къ стариннымъ обычаямъ, давно уже лишилась расположенія своего супруга. Подозрѣваемая въ доброжелательствѣ къ мятежникамъ, она заключена была въ Суздалѣ, въ Покровскій дѣвичій монастырь, подъ именемъ Елены.

«Общественное спокойствіе упрочено (*).» — Такъ гласитъ надпись на медали, выбитой въ память прекращенія этого бунта, на которой Петръ изображенъ въ видѣ Геркулеса, держащаго опущенный факелъ надъ отсѣченными главами гидры.

(*) Salus publica firmata. Per duellibus deletis. MDCXCVIII.

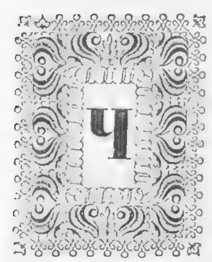

ГЛАВА XI.

НАЧАЛО ПРЕОБРАЗОВАНІЯ РОССІИ.

Лично обозрѣвъ просвѣщенныя Государства Западной Европы, узнавъ Европейскія науки, искусства и ремесла, Петръ возвратился въ отечество, убѣжденный, болѣе чѣмъ прежде, въ необходимости рѣшительнаго преобразованія. Великая идея вполнѣ созрѣла и укрѣпилась въ его душѣ во время путешествія. Ей одной посвятилъ онъ отнынѣ всѣ силы, всѣ познанія, всю неутомимую дѣятельность своего духа. Отселѣ начинается новый періодъ въ исторіи Петра, — періодъ, ознаменованный упорною и тяжкою борьбою: внутри съ предразсудками народа за новое просвѣщеніе, внѣ съ Карломъ XII за берега Балтійскаго моря. Одинъ только геній Петра могъ отважиться на эту двоякую борьбу въ одно и тоже время, и только онъ одинъ могъ столь быстро и славно кончить ту и другую.

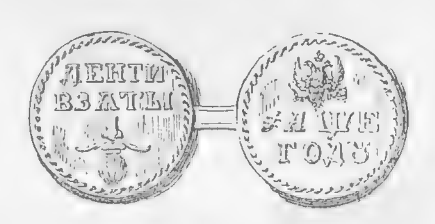
Въ 10 лѣтъ, среди упорной борьбы внутренней и внѣшней, совершился рѣшительный переломъ въ судьбѣ Россіи. Преобразованія Петра быстро обняли всѣ части государственнаго состава, глубоко проникли во всѣ отношенія жизни частной и общественной и повсюду оставили слѣды вѣковые. Но среди всеобщаго разрушенія, которое необходимо долженствовало предшествовать новому созданію, *православная* Вѣра, народность, Русскій языкъ, *коренные* Русскіе нравы остались неприкосновенны.—Цѣль Петра была не уничтожить, но возвысить, облагородить, возсоздать все Русское, очистивъ его отъ несвойственной ему примѣси Азіятской и приблизивъ къ его Европейскому началу.

астная жизнь общества, въ которой, особенно въ высшемъ сословіи, болѣе всего замѣтны были слѣды Монгольскихъ обычаевъ, первая обратила на себя вниманіе Преобразователя. Въ намѣреніи сблизить Русскихъ съ Европейцами въ гражданскомъ образованіи, Петръ не могъ оставить ихъ Азіятцами, даже и по наружности. Бритье бороды и Европейская одежда, уничтожая внѣшнее отличіе Русскихъ отъ иностранцевъ, долженствовали ослабить въ народѣ чувство отвращенія къ иноземному и приуготовить его къ принятію другихъ важнѣйшихъ нововведеній. Но не легко было заставить тогда Русскаго разстаться съ его бородою и длиннополымъ кафтаномъ. Въ его умѣ господствовалъ нелѣпый предразсудокъ, что отрекающійся отъ бороды отрекается отъ Православія. Желавшіе сохранить свою бороду и дѣдовскій кафтанъ, обложены были данью; только священство и земледѣльцы изъяты были изъ этого.—Указомъ 1700 года (4 Января) вмѣсто Русскаго платья предписано было носить Венгерское, которое въ слѣдующемъ году замѣнено было Нѣмецкимъ, подъ именемъ Саксонскихъ и Французскихъ кафтановъ и Нѣмецкаго камзола, съ исподнимъ платьемъ Европейскаго покроя. У всѣхъ городскихъ воротъ выставлены были чучелы, или образцы новой одежды. Если кто являлся въ городъ въ Русскомъ кафтанѣ, тотъ долженъ былъ платить

пошлину-конный 2 рубля, пѣшій 40 коп.; въ противномъ случаѣ, его ставили на колѣна среди улицы и, въ такомъ положеніи, обрѣзывали лежащія на землѣ полы кафтана. Въ то же время, портнымъ и купцамъ, подъ опасеніемъ строгаго наказанія, запрещено было шить и продавать Русское платье.

Стараясь ослабить нелѣпый предразсудокъ подданныхъ, упорно стоявшихъ за свою бороду, Петръ дѣйствовалъ сперва только насмѣшками и отдалъ бороду своихъ вельможъ въ полное распоряженіе своего шута. Потомъ, въ 1705 году, повелѣлъ онъ всѣмъ, состоящимъ на царскомъ жалованьи въ военной и гражданской службѣ, также купцамъ, посадскимъ и прочихъ званій людямъ (кромѣ поповъ и дьяконовъ) брить бороду и усы; если же кто не хотѣлъ разстаться съ бородою, тотъ долженъ былъ платить ежегодную пошлину по 30, 60 и по 100 тогдашнихъ рублей (*). Съ крестьянъ за каждый проѣздъ чрезъ городскія ворота брали по 2 деньги съ бороды.

Придворные, войско и жители столицы, кромѣ нѣкоторыхъ упорныхъ приверженцевъ старины, мало по малу преобразились, по наружности, въ Европейцевъ; но въ другихъ городахъ это нововведеніе сопряжено было съ великими затрудненіями и еще сильнѣе вооружило невѣжество противъ иноземныхъ обычаевъ; такъ, что ревностные исполнители Царской воли нерѣдко принуждены были прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ. Такъ поступилъ Меншиковъ, съ членами Воронежскаго магистрата,

(*) Полн. Собр. Зак. Т. IV ст. 2015.—Заплатившій пошлину, вмѣсто росписки, получалъ особый металлическій знакъ, похожій на монету, на которомъ изображенъ былъ на одной сторонѣ: годъ и гербъ, на другой: носъ съ усами и съ бородою, и надпись: — «деньги взяты.»

объявивъ имъ небывалый Царскій указъ, повелѣвающій сослать ихъ въ Сибирь, если не хотятъ разстаться съ бородою. (*)

Легче былъ успѣхъ и благотворнѣе были слѣдствія преобразованій, произведенныхъ Петромъ въ образѣ жизни и семейственныхъ отношеніяхъ своихъ подданныхъ. Въ Россіи, между людьми высшаго круга, господствовало доселѣ Азіятское обыкновеніе, исключавшее женскій полъ отъ участія въ обществѣ. Почиталось неприличнымъ для женщинъ лучшаго тона, являться въ собраніяхъ и проводить время въ бесѣдѣ и увеселеніяхъ, вмѣстѣ съ мужчинами. Для нихъ существовалъ только свой домашній кругъ: сообщество супруга, отца и ближайшихъ родственниковъ. Въ домѣ каждаго достаточнаго Русскаго находилось для женщинъ особое отдѣленіе, куда никогда не проникалъ взоръ посторонняго мужчины и откуда прекрасныя зат-

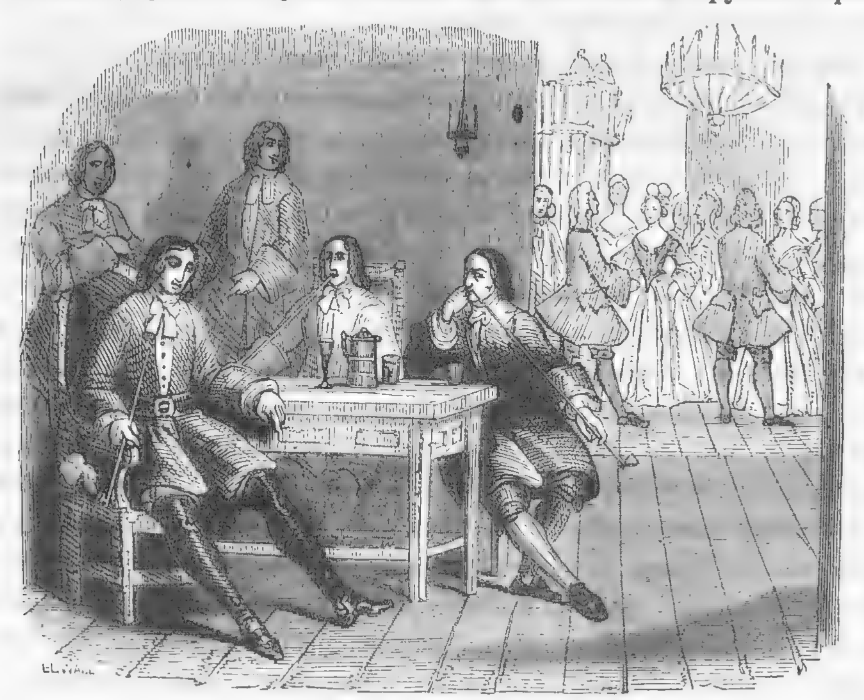
(*) Анекдоты о Петрѣ Великомъ собр. Голиковымъ.

ворницы выходили на бѣлый свѣтъ только по воскресеньямъ, въ церковь. Самый женихъ въ первый разъ видѣлъ въ лице свою невѣсту только на канунѣ свадьбы. Особенно лестнымъ знакомъ дружбы или уваженія почиталось, если, по волѣ хозяина, его жена выйдетъ къ гостю, и поднесетъ ему съ низкимъ поклономъ рюмку водки. Но, совершивъ этотъ обрядъ, она немедленно удалялась опять на свою половину. Очевидно, что отъ такого разъединенія половъ женщины теряли много, будучи осуждены на всегдашнюю ограниченность круга своихъ понятій. Но еще болѣе теряли самые мужчины: удаляя женскій полъ изъ своихъ собраній, они вмѣстѣ съ тѣмъ удаляли и всякое приличіе; предавались пьянству и буйному веселію; нравы ихъ грубѣли, вкусъ къ чему либо лучшему и чувство изящнаго немогли пробудиться. Развитіе общества было одностороннее. Не менѣе вредны были слѣдствія этого обычая и для семейной жизни. Молодые люди до вступленія въ бракъ были совершенно чужды другъ другу; а потому и не взаимная любовь, но воля родителей обыкновенно устроивала будущую ихъ судьбу: отъ этого и счастливый союзъ случался рѣдко; семейный раздоръ былъ обыкновеннымъ явленіемъ въ домашней жизни.

Но не должно за все это опрометчиво винить нашихъ предковъ. Нравы и обычаи образуются и устанавливаются въ народѣ вѣками. Они его общее достояніе, главнѣйшая связь общества, завѣтъ предковъ, святыня, чтимая сердцемъ потомковъ не менѣе самой религіи. Въ нихъ, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, отражается весь характеръ народа и въ соблюденіи ихъ онъ отстаиваетъ свою личность. По этому-то и измѣненіе ихъ такъ трудно: одно время и умственное развитіе племени можетъ ихъ переиначить. Но и тутъ не безъ борьбы старины съ новизною. По этому-то ни Алексѣй Михайловичь, ни всѣ прежніе наши законодатели не касались, въ своихъ осторожныхъ нововведеніяхъ, обычаевъ, хотя и не упускали случая смягчать нравы и просвѣщать умы своихъ подданныхъ науками, искуствами, сношеніями съ Европой. Первое посягательство на эту щекотливую сторону народной жизни, первый *соблазнъ* представленъ дворомъ Марины, супруги Самозванца; извѣстно, каковы были слѣдствія. Съ той поры обычаи нашей старины оставались неприкосновенны.

Царевна Софія, наконецъ рѣшилась обратить вниманіе на освобожденіе своего пола отъ Азіятскаго затворничества. Предсѣдательствуя въ Царской Думѣ, какъ правительница государства, она стала являться и въ собраніяхъ,—чего прежде не бывало; завела при своемъ дворѣ домашній театръ и сама, вмѣстѣ съ знатнѣйшими дѣвицами, учавствовала въ представленіяхъ. Такимъ образомъ, она старалась постепенно ослабить своимъ примѣромъ грубые предразсудки и распространить между придворными лучшій вкусъ въ образѣ провожденія времени и пріохотить высшее сословіе народа къ большей общежительности. — Ея примѣру слѣдовали другія Царевны и Царица Наталія Кириловна.

Въ томъ же духѣ, но съ бо̀льшею рѣшительностію, дѣйствовалъ и Петръ. — Онъ возобновилъ въ Преображенскомъ драматическія представленія, забытыя со временъ Алексѣя Михайловича; не щадилъ издержекъ на частые фейерверки; великолѣпно торжествовалъ каждый успѣхъ своего оружія; устроивалъ смѣшныя, маскарадныя свадьбы и другія общественныя увеселенія, въ которыхъ самъ принималъ живѣйшее участіе— и рѣдко упускалъ случаи, бывать на свадьбахъ и другихъ праз-

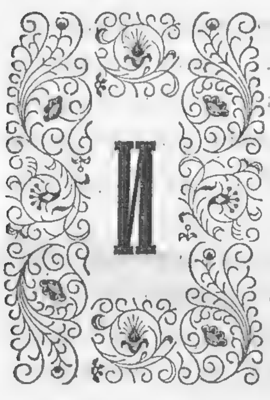

днествахъ, даже у людей не знатныхъ. Такими средствами выманивалъ онъ вельможъ, вмѣстѣ съ семействами, изъ ихъ домовъ, и постепенно заставлялъ ихъ забывать старинные обычаи. Часто давалъ онъ въ своемъ дворцѣ пиры и вечеринки, еще чаще любилъ веселиться въ домахъ у своихъ бояръ: являлся иногда съ царевнами, со всѣмъ своимъ дворомъ, на такія собранія и требовалъ, чтобы всѣ вельможи и придворные также пріѣзжали вмѣстѣ съ своими женами и дочерьми, которыя должны были плясать подъ Нѣмецкую музыку, въ Нѣмецкомъ и Французскомъ платьѣ. Но воля Государя была исполняема только въ его присутствіи; за глазами же его и внѣ столицы старинный предразсудокъ господствовалъ по прежнему. — Чтобъ искоренить его совершенно, Петръ прибѣгнулъ къ мѣрамъ болѣе дѣйствительнымъ. Въ 1702 году Царскимъ указомъ повелѣвалось: обрученію быть за 6 недѣль до брака, чтобъ женихъ могъ чаще видѣться и ознакомиться съ невѣстою; браку же быть только съ обоюднаго ихъ согласія (*). Такое ограниченіе воли родителей было непріятно многимъ изъ нихъ; но юное поколѣніе съ восторгомъ поддерживало Царскія распоряженія и старинный обычай, отдалявшій одинъ полъ отъ другаго, началъ постепенно приходить въ забвеніе.

Наконецъ, собственный примѣръ Государя былъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ уничтоженію и другаго предразсудка—излишней Азіятской роскоши тогдашняго времени, вредной болѣе для домашняго хозяйства, нежели для общежитія. Богатыя, шитыя золотомъ, штофныя, бархатныя и парчевыя одежды, дорогія собольи шапки и шубы, домъ, отличавшійся Азіятскою роскошью и безвкусіемъ, многочисленная, праздная дворня составляли необходимое условіе достоинства и знатности Русскаго вельможи. Никогда почти не выходилъ онъ изъ своего дома пѣшій: его поѣздъ медленно и важно тянулся по улицамъ, съ вереницею холопей и наемныхъ слугъ, въ числѣ которыхъ находились нерѣдко и бѣдные дворяне. Избѣгая Царской службы, они подъ именемъ *знакомцевъ* вели тунеядную жизнь при дворѣ богатаго вельможи, пользовались его столомъ и одеждою, и обыкновенно въ торжественныхъ случаяхъ, пѣшіе,

(*) Полн. Собр. Зак. Т. IV ст. 1907.

съ непокрытою головою, въ нарядныхъ кафтанахъ сопутствовали поѣзду. Совершенную противоположность съ этою тщеславною пышностію представлялъ образъ жизни Государя. Петръ ѣздилъ по городу обыкновенно въ одноколкѣ, весьма скоро, въ сопровожденіи не многихъ людей, часто съ однимъ деньщикомъ и даже безъ него; жилъ въ скромномъ дворцѣ, носилъ одежду изъ простаго, толстаго сукна; башмаки и чулки донашивалъ донельзя; однимъ словомъ, какъ въ домашней жизни, такъ и въ государственномъ хозяйствѣ соблюдалъ величайшую бережливость, которую защищалъ своею обыкновенною поговоркою: *«кто не бережетъ денежки, тотъ самъ не стоитъ рубля»* (*). Такой примѣръ Государя не могъ остаться безъ подражанія, и, если не уничтожилъ, по крайнѣй мѣрѣ уменьшилъ безполезную роскошь придворныхъ.

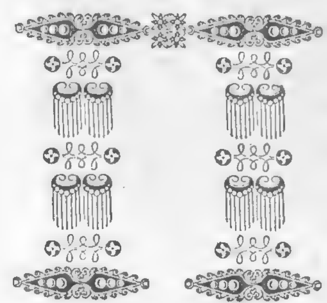

Исправляя обычаи болѣе своимъ примѣромъ, нежели указами, и полагаясь не на время, а на силу своей воли и дѣйствіе разумныхъ мѣръ, въ улучшеніи понятій народа касательно частной жизни, Петръ между тѣмъ трудился неутомимо и въ преобразованіи гражданской жизни своихъ подданныхъ. Здѣсь все требовало рѣшительнаго перерожденія. Регулярное войско, флотъ, финансы, торговля, умственное образованіе, все это, или еще не существовало, или уже устарѣло и не годилось для той цѣли, которую геній Петра предназначилъ Россіи. Надлежало призвать къ бытію силы государства и указать имъ источники новой жизни.

Война съ сосѣдями, проистекая, такъ сказать, непосредственно изъ предначертаній Петра касательно преобразованія Россіи, требовала умноженія военныхъ силъ государства, которыя доселѣ были слишкомъ незначительны. Только два гвардейскіе полка и нѣсколько солдатскихъ были единственнымъ регулярнымъ войскомъ, котораго число не составляло даже и 10,000 человѣкъ. Поэтому, уничтоживъ Московскихъ стрѣльцовъ, Петръ обратилъ все свое вниманіе на учрежденіе новой

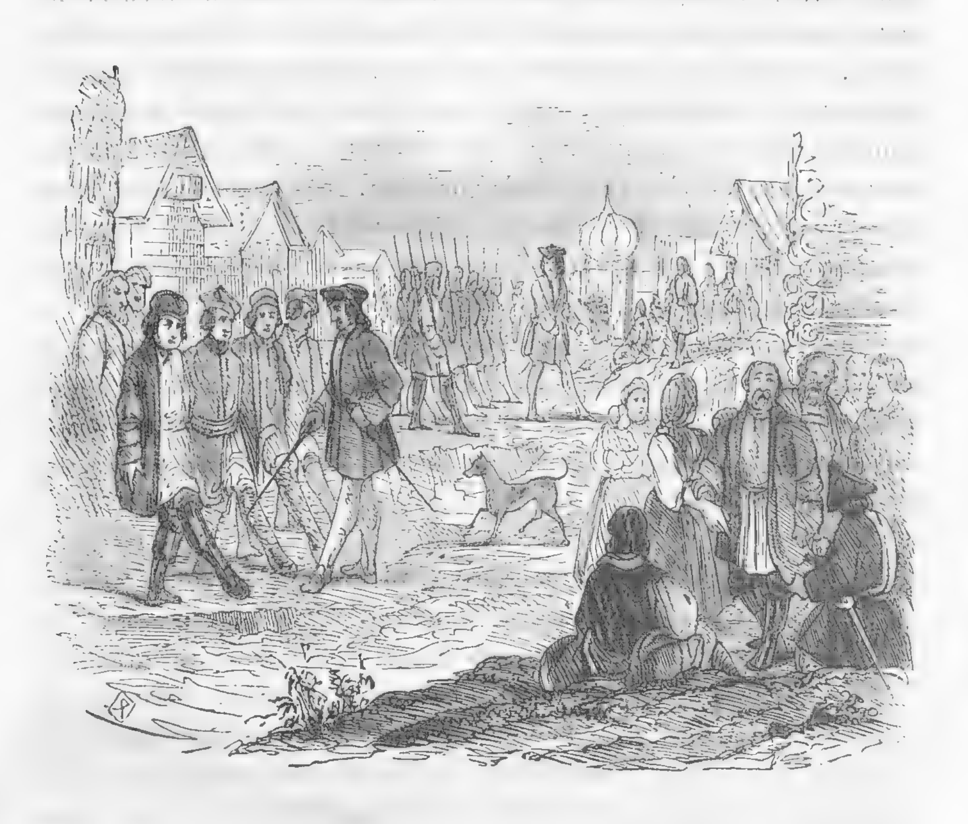
(*) Бергманъ.

регулярной пѣхоты и конницы. Еще въ 1699 году генералы Автамонъ Головинъ, Адамъ Вейде и князь Репнинъ, получили приказаніе, набирать рекрутъ, каждый для своей дивизіи и, менѣе нежели въ три мѣсяца, 27 пѣхотныхъ и 2 драгунскихъ полка, числомъ всего 32,029 человѣкъ, были набраны, обмундированы и вооружены. Ихъ устройство во всемъ сходствовало съ Нѣмецкими регулярными войсками. Съ этого времени начались въ Россіи рекрутскіе наборы, сдѣлавшіеся съ 1704 года постоянными и общими. Впрочемъ старинный способъ собирать войско не вдругъ былъ отмѣненъ: нерѣдко, въ продолженіе трудной войны съ Карломъ XII, Царскіе указы, по прежнему, призывали дворянъ и дѣтей боярскихъ, съ ихъ крестьянами, къ оружію. Не вдругъ были уничтожены и стрѣлецкіе полки. Составляя гарнизоны крѣпостей и городовъ пограничныхъ, они изчезли постепенно, не будучи пополняемы новыми наборами.

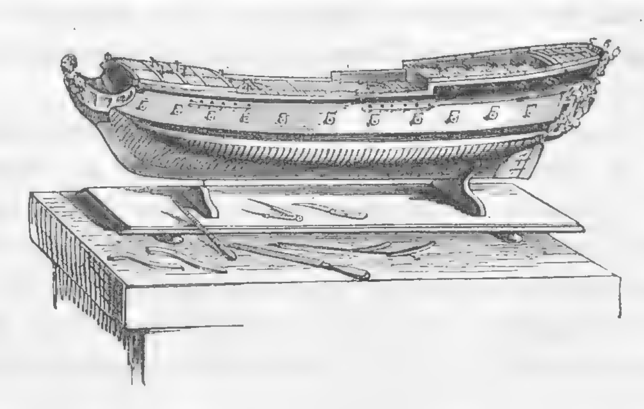
ри образованіи новыхъ полковъ, болѣе всего затруднялъ Государя недостатокъ въ знающихъ и достойныхъ людяхъ для замѣщенія офицерскихъ мѣстъ. Русскіе дворяне доселѣ всѣми средствами избѣгали воинской, особенно *солдатской*, службы, и только неоднократные примѣры строгости надъ ослушниками могли принудить стольниковъ и людей другихъ чиновъ, изъ средняго и низшаго дворянства, учиться *солдатскому* строю. Иностранные офицеры, генералы и самъ Государь неутомимо занимались обученіемъ ихъ въ селѣ старомъ Семеновскомъ. Прочіе царедворцы, судьи и приказные должны были, какъ зрители, присутствовать при ученьи. Заботливость Петра объ устройствѣ и продовольствіи своего войска была безпримѣрна. Назначивъ солдатамъ пайки, онъ, какъ утверждаетъ достовѣрное сказаніе, самъ рѣшился снова быть солдатомъ, чтобъ удостовѣриться собственнымъ опытомъ, можетъ ли солдатъ быть сытъ и доволенъ своимъ пайкомъ. «Слава Богу,» сказалъ онъ, проживъ цѣлый мѣсяцъ на солдатской пищѣ и въ безпрерывныхъ солдатскихъ трудахъ: «теперь я знаю, что паёкъ доста-

точенъ для продовольствія солдата, потому, что я самъ могу имъ довольствоваться, хотя мнѣ, по моему сложенію, гораздо болѣе нужно пищи, нежели многимъ изъ моихъ солдатъ.»

Второй предметъ неусыпныхъ попеченій Петра былъ флотъ, для сооруженія котораго онъ не щадилъ ни себя, ни издержекъ. Иноземцы, вызванные изъ Англіи и Голландіи, и Русскіе, обучавшіеся тамъ кораблестроенію, трудились неутомимо въ Воронежѣ и на другихъ верфяхъ. Государь самъ, съ топоромъ въ рукахъ, часто находился между ними и гордился именемъ мастера. *Вашей милости всенижайшій слуга: Piter, Адмиралитейцъ—верфа Baas.* Такъ заключаетъ Государь одно изъ своихъ писемъ къ *Адмиралитейцу* (Admiraliteitcher, начальникъ верфи) Ѳедору Матвѣевичу Апраксину. Вскорѣ по возвращеніи своемъ изъ путешествія, вѣнчанный корабельный мастеръ Петръ Михайловъ заложилъ въ Воронежѣ военный корабль, отдѣланный

совершенно въ теченіе 10 мѣсяцевъ и названный *Предестинаціею.* (*)

Въ тоже время, желая показать своимъ подданнымъ примѣръ подчиненности и внушить имъ болѣе охоты къ морской службѣ, Петръ самъ началъ служить на Флотѣ съ каютнаго юнги и въ этомъ званіи съ точностію исполнялъ всѣ прика-

занія шкипера, Голландца Муса. Заведеніе флота стоило Петру тѣмъ большихъ усилій, что его цѣль и намѣренія, въ этомъ случаѣ, казались непонятными для большей части его подданныхъ.

(*) На этомъ кораблѣ была сдѣлана надпись: Положенъ килъ 1698 года Ноября 10, спущенъ 1700 Апрѣля 28, безъ дѣла былъ 8 мѣсяцевъ, дѣлалъ Петръ Михайловъ съ товарищи.

Даже многіе изъ его сподвижниковъ съ удивленіемъ смотрѣли на заботливость Государя о корабляхъ и почитали ее пустою прихотью, безполезною для государства.—«Къ чему послужатъ вамъ корабли безъ гаваней» спрашивалъ Царя генералъ Гордонъ? «Мои корабли» возразилъ Петръ съ гордою увѣренностію, «найдутъ себѣ гавани.» (*)

Среди такихъ трудовъ и заботъ государственныхъ Петръ ощутилъ и душевныя горести. Его другъ и сподвижникъ Лефортъ похищенъ былъ смертію, 2 Марта 1699 года, на 45 году своей жизни. Эта печальная вѣсть застала Монарха въ Воронежѣ, въ его любимыхъ занятіяхъ, на верфи.—«Я лишился лучшаго изъ друзей моихъ!» горестно воскликнулъ Монархъ: «и въ то самое время, когда онъ наиболѣе для меня нуженъ.»

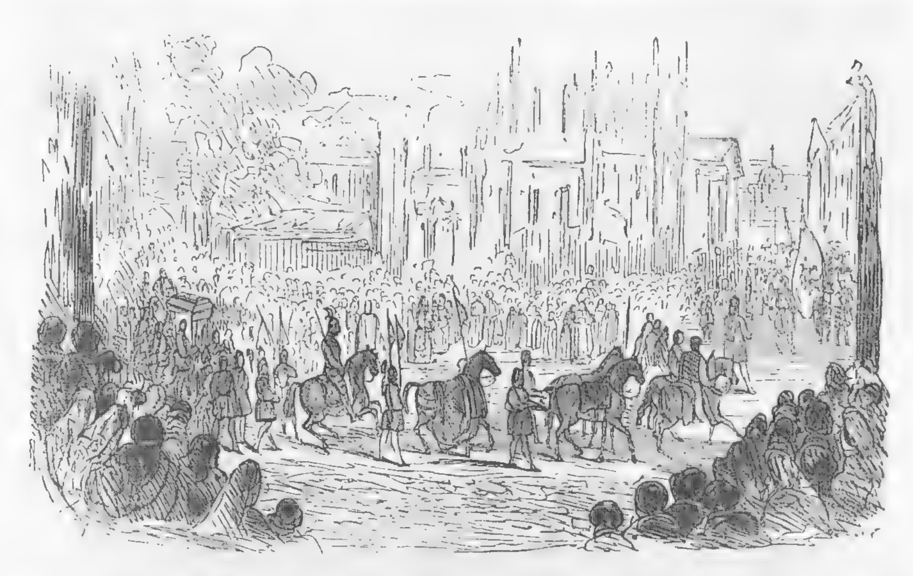

Слезы прерывали его рѣчь. Немедленно поскакалъ онъ въ Москву, чтобы воздать послѣдній долгъ тому, который 15 лѣтъ сряду былъ неразлучнымъ его спутникомъ.

Великолѣпныя похороны Царскаго любимца происходили 10 Марта. Бывшіе въ Москвѣ иностранные Резиденты, всѣ вельможи и знатнѣйшіе военные чины участвовали въ печальной

(*) Korb. p. 99.

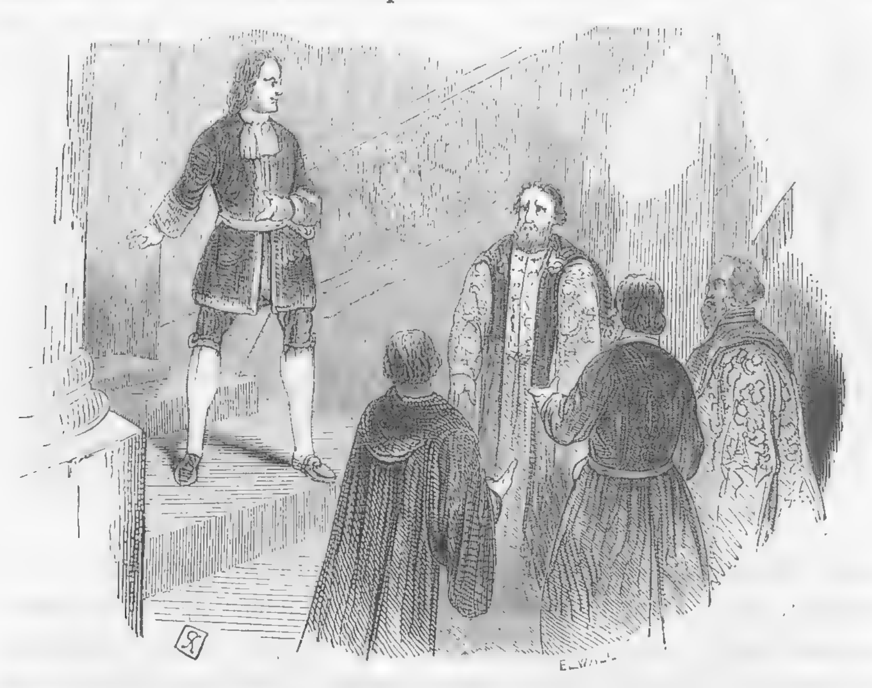
процессіи. Самъ Монархъ, въ глубокомъ трауръ, шелъ передъ гробомъ, несомымъ попеременно 28 Полковниками. На клад-

бищъ приказалъ онъ снова открыть гробъ и, проливая слезы горести, еще разъ облобызалъ своего усопшаго друга, котораго потерю онъ долго оплакивалъ. «Я впервые еще по смерти Адмирала (Лефорта) былъ такъ веселъ,» писалъ Монархъ въ 1704 году къ Графу Головину, послъ одного пріятно проведеннаго вечера.

Предавъ землъ тъло своего любимца, Петръ, со всъми присутствовавшими при погребеніи, возвратился въ домъ покойника, гдъ на Царскомъ иждивеніи приготовленъ былъ объденный столъ. Скорбный Монархъ былъ сильно огорченъ неблагодарностію нъкоторыхъ вельможъ, ненавидъвшихъ Лефорта при жизни и не хотъвшихъ остаться на пиршествъ въ домъ покойнаго. Они, какъ говорятъ иностранные писатели, улучивъ минуту, когда Монархъ за чъмъ-то отлучился изъ собранія, хотъли также уйдти. Но Петръ засталъ ихъ на лъстницъ и, приказавъ воротиться, сказалъ съ гнъвомъ: «Вамъ не терпится здъсь? «Скоръй бы по домамъ, чтобы порадоваться смерти Адмиральской?—Вы боитесь остаться на семъ печальномъ пиршествъ, «чтобы притворная ваша печаль не измънила вамъ въ моемъ «присутствіи и не обнаружила вашей внутренней радости! Вы

«торжествуете, какъ будто нѣчто великое выиграли смертію «мужа, который мнѣ былъ столько любезенъ и который слу-«жилъ мнѣ съ толикою вѣрностію.»

Въ томъ же 1699 году, судьба похитила у Петра еще двухъ вѣрныхъ сподвижниковъ его юности. Знаменитый Русскій Воевода, Бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ, вождь опытный и осторожный, оказавшій важныя услуги отечеству въ Турецкой войнѣ, удостоенный званія генералиссимуса, и лестной довѣренности Монарха, не долго пережилъ перваго Русскаго адмирала. Пораженіе мятежныхъ стрѣльцевъ, подъ монастыремъ Воскресенскимъ, было послѣднимъ его подвигомъ. Онъ скончался въ глубокой старости. За нимъ послѣдовалъ и славный генералъ Гордонъ, одинъ изъ лучшихъ полководцевъ Петра, въ первое десятилѣтіе его царствованія (*). Раздѣляя съ Лефортомъ заботы Петра объ устроеніи регулярнаго войска и первые воинскіе труды, Гордонъ раздѣлялъ

(*) Патрикъ Гордонъ, извѣстный у насъ подъ именемъ Петра Ивановича Гордона, происходилъ изъ древней знаменитой Шотландской фамиліи. Родился 31 Маія 1635, умеръ 9 Декабря 1699 года. Находился въ Русской службѣ 38 лѣтъ.

съ нимъ и любовь своего Государя, которая, казалось, усугубилась къ нему по смерти Лефорта. Но онъ уже недолго сю

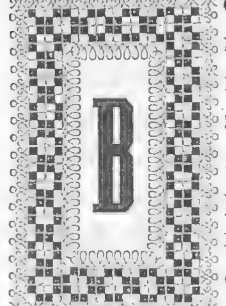
пользовался. Старость повергла его на одръ болѣзни и Монархъ, почти не покидавшій больнаго, своими руками закрылъ ему глаза.

Мѣсто первыхъ друзей и сподвижниковъ занялъ, въ сердцѣ Монарха новый любимецъ, *Александръ Меншиковъ,* не знатный родомъ, но славный личными заслугами и рѣдкимъ усердіемъ къ своему Государю. Мальчикъ, какъ носится молва, торговавшій въ Москвѣ пирогами, случайно обратилъ на себя вниманіе Лефорта и былъ принятъ къ нему въ услуженіе. Петръ, имѣя рѣдкій даръ узнавать способныхъ людей, по первому взгляду, тотъ-часъ замѣтилъ природный умъ, ловкость и расторопность молодаго слуги: принялъ его къ себѣ, записалъ въ Потѣшную роту и

сдѣлалъ своимъ денщикомъ (*). Вотъ начало блестящаго поприща Князя Александра Даниловича Меншикова! Съ того времени Меншиковъ былъ неразлучнымъ спутникомъ Государя повсюду: сопровождалъ его за границею, вмѣстѣ съ нимъ трудился на Заандамской верфи, изучалъ науки и искусства, отъ души полюбилъ просвѣщеніе и совершенно усвоился съ образомъ мыслей своего Государя. По возвращеніи изъ путешествія, Меншиковъ былъ еще только сержантомъ Преображенскаго полка, но пользовался уже полною довѣренностью и любовью Монарха и былъ самымъ ревностнымъ исполнителемъ его воли. Петръ, казалось, видѣлъ въ немъ втораго Лефорта и называлъ его не иначе, какъ *Алексашею*.

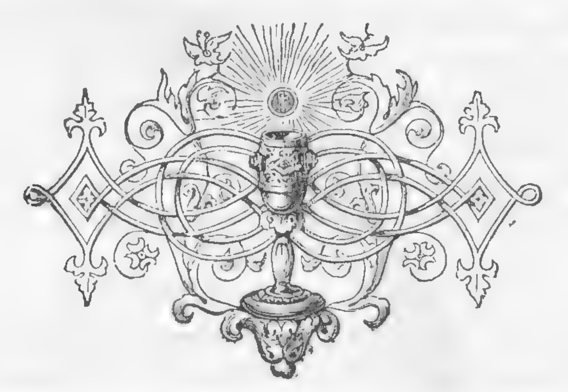
(*) Званіе, соотвѣтствующее нынѣшнему флигель—адъютантскому. Голиковъ относитъ этотъ первый шагъ Меньшикова къ 1689-му году.

Вспомоществуемый новымъ сподвижникомъ, Петръ неослабно продолжалъ трудиться въ великомъ дѣлѣ преобразованія Россіи. Главнымъ предметомъ его заботливости, при умножившихся потребностяхъ государства, стали государственные доходы, которые доселѣ были слишкомъ незначительны и не могли покрывать издержекъ, необходимыхъ на содержаніе морскихъ и сухопутныхъ силъ. Надлежало открыть новые источники къ обогащенію казны, не отягощая при томъ бѣднаго народа чрезмѣрными налогами. Дѣло трудное при тогдашнемъ слабомъ состояніи народной промышленности: но геній Петра преодолѣлъ и это затрудненіе, преимущественно своею мудрою распорядительностію. Введеніе лучшаго порядка при сборѣ податей и налоговъ и неусыпный надзоръ за ихъ собирателями; окончательное уничтоженіе тарханныхъ грамотъ, предоставлявшихъ исключительныя льготы нѣкоторымъ лицамъ и обществамъ; распространеніе правъ короны на такіе предметы и промыслы, которые должны составлять собственность государства, а не частныхъ лицъ, и наконецъ открытіе рудниковъ и разработка металловъ, заведеніе фабрикъ и оживленіе народной промышленности обогатили государственную казну и, при мудрой бережливости, доставили Государю средства къ выполненію великихъ его предначертаній. Нельзя было, конечно, обойтись и безъ новыхъ налоговъ, опредѣленныхъ гербовою бумагою и разными сборами: съ мельницъ, торговыхъ бань, постоялыхъ дворовъ и проч.: надлежало также возобновить и прежніе сборы съ мостовъ, перевозовъ, вѣсовъ, мѣръ и проч.—но всѣ эти налоги, падая не на лица, а на предметы торговли, при всей ихъ многочисленности и разнообразіи, не были слишкомъ отяготительны для народа.

Заботы о внѣшней войнѣ не дозволяли Петру заняться преобразованіемъ внутренняго управленія государства, которое по этому, въ главныхъ чертахъ, удерживало еще прежній порядокъ. Впрочемъ нѣкоторыя отрасли государственной дѣятельности: управленіе военными, финансовыми, духовными и торговыми дѣлами, уже измѣнились сообразно съ новыми потребностями

государства. *Разрядъ, или разрядный приказъ,* въ которомъ сосредоточивалось управленіе военною частію, состоя (съ 1689 года) подъ вѣдѣніемъ Боярина Тихона Никитича Стрѣшнева, существовалъ еще до 1711 года, до учрежденія Правительствующаго Сената. Но отдѣльныя военныя вѣдомства: *Иноземскій* и *Рейтарскій* приказы, съ учрежденіемъ регулярныхъ пѣхотныхъ и конныхъ полковъ, соединены въ одинъ *Приказъ военныхъ дѣлъ* подъ главнымъ начальствомъ *Генералъ-Комисара* (Князя Якова Ѳедоровича Долгорукова).—Управленіе провіантскою частію сосредоточилось также подъ вѣдѣніемъ новаго сановника *Генералъ-Провіанта* (Окольничаго Семена Ивановича Языкова).—Также учреждены нѣкоторые новые приказы: *Преображенскій,* послѣ Стрѣлецкаго бунта, для разбора государственныхъ преступниковъ, *Семеновскій,* (переименованный въ 1705 году Ижерскою Канцеляріею), для завѣдыванія разными мелкими сборами, *Рудокопныхъ дѣлъ,* (отдѣленный отъ приказа Большой казны), для поощренія горныхъ промысловъ,—и другія.—Нѣкоторыя изъ прежнихъ вѣдомствъ были упразднены, или соединены, для единства управленія, съ другими приказами. Но всѣ эти перемѣны произведены были, по большой части, на прежнемъ основаніи. Новый Коллегіальный порядокъ въ управленіи утвердился только по окончаніи Шведской войны. Главныя же преобразованія, произведенныя въ началѣ этой войны, коснулись духовнаго вѣдомства и торговыхъ дѣлъ.

Кончина десятаго и послѣдняго Патріарха Всероссійскаго Адріана (15 Октября 1700 года) благопріятствовала перемѣнамъ въ духовномъ управленіи, которыя Петръ почиталъ необходи-

мыми. Высокій санъ Патріаршій, учрежденный Борисомъ Годуновымъ, болѣе изъ видовъ политическихъ, вѣроятно казался для Петра слишкомъ твердою опорою стараго порядка вещей и преградою къ предположенному имъ всеобщему преобразованію государства. Хотя кроткій и смиренный старецъ Адріанъ не вмѣшивался въ дѣла государственныя и не противился предначертаніямъ Государя, а, напротивъ, одобряя всѣ его благія намѣренія, ревностно старался содѣйствовать ихъ выполненію; однако недавній примѣръ строптивости Никона и явное недоброжелательство къ иноземцамъ Патріарха Іоакима (*) могли внушить Государю опасеніе, чтобы, при рѣшительныхъ мѣрахъ къ преобразованію государства голосъ Патріарха, столь сильный въ народѣ, не соединился съ голосомъ недовольныхъ.—Петръ рѣшился упразднить санъ Патріаршій; но, вѣроятно, опасаясь слишкомъ встревожить умы народа столь важнымъ переворотомъ, не вдругъ обнаружилъ свое намѣреніе. По смерти Адріана, онъ отклонилъ только выборъ преемника, подъ предлогомъ внѣшней войны, объявивъ, что не имѣетъ довольно спокойствія духа, чтобъ заняться столь важнымъ дѣломъ, и поручилъ блюсти Патріаршій престолъ Рязанскому Митрополиту Стефану Яворскому.—Вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣлилъ онъ и Патріаршій разрядъ на два отдѣльные приказа: *Патріаршій-Духовный* и *Монастырскій*. Первый завѣдывалъ дѣлами касавшимися вѣры, совѣсти и церковнаго суда, подъ надзоромъ блюстителя Патріаршаго престола; второй управлялъ духовными имуществами и состоялъ подъ предсѣдательствомъ гражданскаго сановника (Боярина Мусина-Пушкина) (**).—Эта мѣра вела къ важнымъ перемѣнамъ въ состояніи Монастырей и монашествующаго духовенства. Многіе монастыри владѣли доселѣ огромными помѣстьями и отчинами, которыя платили подати только своимъ владѣльцамъ, не доставляя никакого дохода государству; между тѣмъ, какъ другіе, бѣдные монастыри, будучи не въ состояніи содержать себя собственными доходами, получали

(*) Патріархъ Іоакимъ преставился 1690 г. Марта 31 дня. Этотъ святитель умолялъ (въ своемъ духовномъ завѣщаніи Государей Іоанна и Петра) не терпѣть въ Россіи еретиковъ: Лютеранъ и Кальвиновъ, яко враговъ Божіихъ и презрителей церкви.

(**) Полн. Собр. Зак. ст. 1818 и 1820.

отъ казны денежное жалованье. Ему казалось явною несправедливостію, оставить монастыри спокойными обладателями ихъ несмѣтныхъ доходовъ, въ то время, когда всѣ прочія сословія должны были нести величайшія тягости и напрягать всѣ свои силы въ борьбѣ внѣшней. Поэтому Петръ, презирая ропотъ недовольныхъ, рѣшился воспользоваться монастырскими доходами для нуждъ государственныхъ, не отбирая однако въ казну самыхъ имѣній.—Онъ лишилъ иноковъ только права управлять своими имѣніями и располагать по произволу ихъ доходами, а вмѣсто того назначилъ имъ ежегодное жалованье (по 10 рублей и 10 четвертей хлѣба каждому) (*). Въ то же время, видя, что святыя обители, нерѣдко служили тогда убѣжищемъ для людей праздныхъ, избѣгающихъ царской службы, постановилъ строгія правила, касательно постриженія въ иноки, повелѣлъ оставить въ монастыряхъ только самое малое число служекъ, всѣхъ же лишнихъ выключить, и строго запретилъ мірянамъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, проживать въ монастыряхъ (**).

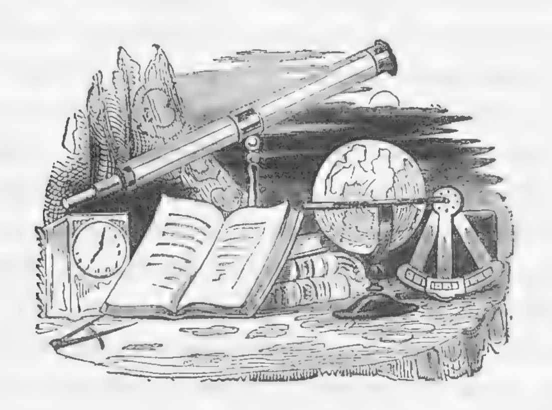
Столь же смѣлы и рѣшительны были мѣры, принятыя Петромъ къ оживленію народной промышленности. Онъ видѣлъ, что зависимость купечества по дѣламъ торговымъ отъ гражданскихъ начальствъ была доселѣ главною причиною слабаго развитія Русской торговли. Корыстолюбіе воеводъ, лихоимство судей, притѣсненіе и проволочки отъ приказныхъ препятство-

(*) Полн. Собр. Зак. Т. IV ст. 1886.
(**) Тамъ же ст. 1834.

вали ея успѣхамъ несравненно болѣе, нежели самые налоги и пошлины. Для устраненія этой преграды, Петръ (указомъ отъ 30 Января 1699 года) освободилъ все торговое сословіе отъ вѣдомства воеводъ и приказовъ и даровалъ ему право *выбирать межъ себя погодно добрыхъ и правдивыхъ людей въ Бурмистры,* для управленія всѣми дѣлами купечества. Двѣнадцать бурмистровъ составляли *Ратушу* или совѣтъ, въ которомъ каждый членъ по-мѣсячно былъ президентомъ. Ратуша вѣдала судомъ и расправою по всѣмъ дѣламъ торговымъ не только Русскихъ промышленниковъ, но и всѣхъ иноземцевъ, пріѣзжавшихъ въ Россію для торговли, собирала съ своего сословія казенныя подати и всѣ городскія повинности, распоряжала также продажею вина, соли, рыбными ловлями и проч. Московская Ратуша, называвшаяся сперва Бурмистрскою Палатою, была главною и зависѣла непосредственно отъ самого Государя; ей подчинены были Бурмистры всѣхъ прочихъ городовъ (*). Въ тоже время, для удобнѣйшаго управленія купеческими дѣлами, повелѣно было, расписать города всего государства (кромѣ Сибири, въ которой купечество по прежнему осталось подъ вѣдомствомъ воеводъ) въ торговомъ отношеніи, на провинціи. Новгородъ, Псковъ, Астрахань и другіе знатнѣйшіе города назначены были провинціальными городами, къ которымъ причислены другіе меньшіе города съ ихъ уѣздами (**). Всѣмъ промышленникамъ, имѣвшимъ какіе-либо торги, дозволялось безпрепятственно записываться въ слободы и посады. Кромѣ того, Русскимъ купцамъ предписано было, по примѣру иностранныхъ, составлять торговыя компаніи, для отпуска своихъ товаровъ къ городу Архангельскому, въ Астрахань и другія мѣста. Между тѣмъ, неусыпныя попеченія Государя и важныя привиллегіи, дарованныя фабрикантамъ и ремесленникамъ, пробудили въ Россіи и мануфактурную промышленность. Явились фабрики и заводы: суконные, оружейные, парусные и проч., которыхъ первымъ успѣхамъ уже искренно радовалось отеческое сердце Монарха.—«Сукны дѣлаютъ»—писалъ онъ къ Меншикову, отъ 23 Декабря 1705 года—«и умножается сіе дѣло

(*) Полн. Собр. Зак. Т. III стат. 1674, 1683, 1685 и 1686.
(**) Полн. Собр. Зак. Т. III ст. 1706.

«зѣло изрядно, и плодъ даетъ Богъ изрядной, изъ которыхъ «и я сдѣлалъ къ празднику кафтанъ.»

Но, не такъ скоро могли радовать Петра успѣхи умственнаго образованія народа. — «*Предки наши жили и безъ заморскихъ хитростей:*» такъ думала большая часть его подданныхъ и это убѣжденіе было камнемъ преткновенія на пути къ ихъ образованію. Между тѣмъ Петръ, не любилъ медлить, не хотѣлъ ничего предоставить времени и принялъ самыя рѣшительныя мѣры ко введенію въ Россію необходимыхъ познаній въ наукахъ и искуствахъ. Имѣя въ блюстителѣ патріаршаго престола, Стефанѣ Яворскомъ, сотрудника, сколько ревностнаго, столько же умнаго и образованнаго, Государь поручилъ его надзору Московскую Заиконоспасскую Академію, повелѣвъ обратить особенное вниманіе на преподаваніе языковъ Греческаго и Латинскаго. Открылъ въ Москвѣ, при содѣйствіи ученаго Фергарсона, школу *Навигаторскую*, или Морскую Академію для образованія флотскихъ офицеровъ. Умножилъ Латинскія школы, повелѣвъ открыть ихъ при всѣхъ Архіерейскихъ домахъ, для образованія священнослужительскихъ дѣтей; завелъ также школы Нѣмецкаго и другихъ языковъ и разослалъ во всѣ знатнѣйшія города испытанныхъ имъ самимъ наставниковъ, для обученія дворянъ грамотѣ, *цифири* (ариѳметикѣ) и геометріи.

Въ тоже время основана была въ Москвѣ новая типографія, для которой Государь самъ образовалъ нынѣшній гражданскій шрифтъ, примѣняя буквы, въ ихъ очертаніи, къ Сербскимъ. Повелѣно было переводить на Русскій языкъ разныя полезныя книги по части Артиллерійской, Инженерной и другихъ наукъ и художествъ: также начали издавать *куранты* или газеты и календари (*). Но, открывъ средства къ ученію, надлежало еще принудить подданныхъ учиться. Добровольныхъ охотниковъ было весьма немного. Поэтому Государь подтвердилъ указомъ, чтобы дѣтей духовнаго званія, неуспѣвшихъ въ наукахъ, не опредѣлять ни въ какую другую службу, кромѣ воинской,—а дворянамъ, не выдержавшимъ экзамена, не дозволять жениться. Наконецъ, главнымъ средствомъ къ образованію своихъ подданныхъ Петръ, по собственному опыту, почиталъ путешествія и знакомство съ народами просвѣщенной Европы; но это-то именно и было наиболѣе тягостно и непріятно для многихъ родителей.—«Гдѣ нашимъ ребятамъ спознать заморскія хитрости!»—говорили они Государю—«ихъ разума на то не станетъ, и только понапрасну столь великой коштъ издержанъ будетъ (**).» Не такъ думалъ Петръ и, соболѣзнуя духомъ о столь жалкомъ ихъ невѣжествѣ, силою самодержавной власти подчинялъ ихъ своимъ предначертаніямъ. Не смотря на тягостную войну, требовавшую величайшихъ издержекъ, Петръ почти ежегодно отправлялъ на казенный счетъ за границу Русскихъ юношей, оказавшихъ наибольшія успѣхи въ отечественныхъ школахъ.—При отправленіи ихъ, онъ, какъ попечительный отецъ и мудрый наставникъ, давалъ имъ совѣты, гдѣ и чему должны они учиться; а по возвращеніи всегда самъ испытывалъ ихъ познанія и, смотря по успѣхамъ, распредѣлялъ ихъ къ должностямъ. Тѣхъ же, которые ничему не научились за границею, строго наказывалъ и назначалъ къ самымъ низкимъ должностямъ, поручая подъ команду своего шута.

(*) Журналъ Петра В. Т. 1 стр. 7.
(**) Анекдоты о Петрѣ В. Голикова

1699 годъ, ознаменованный столь многими рѣшительными переворотами въ судьбѣ Россіи, заключенъ былъ введеніемъ новаго, Юліанскаго лѣтосчисленія. Царскими указами (отъ 19 и 20 Декабря) повелѣно было, по примѣру другихъ Христіанскихъ народовъ, начать въ Россіи лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова и считать съ наступающаго 1 Января новый 1700 годъ, который надлежало встрѣтить съ величайшимъ торжествомъ. Ровно въ полночь, колокольный звонъ по всей Москвѣ, молебствіе въ храмахъ, пушечная и ружейная пальба и потѣшные огни по всѣмъ важнѣйшимъ улицамъ возвѣстили столицѣ наступленіе новаго года. Всѣ домы въ теченіе цѣлой недѣли украшены были зелеными вѣтвями. Но народъ, встревоженный уже столь многими переворотами и думая, что каждое нововведеніе касается вѣры и обычаевъ, встрѣтилъ и эту пере-

мѣну общимъ ропотомъ. «Какъ могъ Государь перемѣнить солнечное теченіе» говорили многіе, и вѣруя, что Богъ создалъ міръ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, не скоро еще отстали отъ стараго лѣтосчисленія (*).

Торжествуя новый годъ, Петръ помышлялъ уже о новыхъ, важнѣйшихъ предпріятіяхъ и дѣятельно готовился къ великой войнѣ, долженствовавшей упрочить его преобразованія и произвесть рѣшительный переворотъ въ судьбѣ Европейскаго Сѣвера.

(*) Житіе Петра В. Ѳеодова. Т. I. ст. 231.

ГЛАВА XII.

МИРЪ СЪ ТУРКАМИ. НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ НА СѢВЕРѢ.

Общая война Россіи и ея союзниковъ съ Оттоманскою Портою продолжалась еще въ теченіи двухъ лѣтъ послѣ взятія Азова; но, по самому ходу военныхъ дѣйствій, уже видимо приближалась къ окончанію.

Русскіе, во время отсутствія Государя, ограничивались преимущественно обороною Азова и другихъ крѣпостей, взятыхъ отъ Турковъ. Поляки, занятые внутренними раздорами, возникшими при избраніи новаго Короля, почти вовсе не принимали участія въ войнѣ. Венеціяне также дѣйствовали

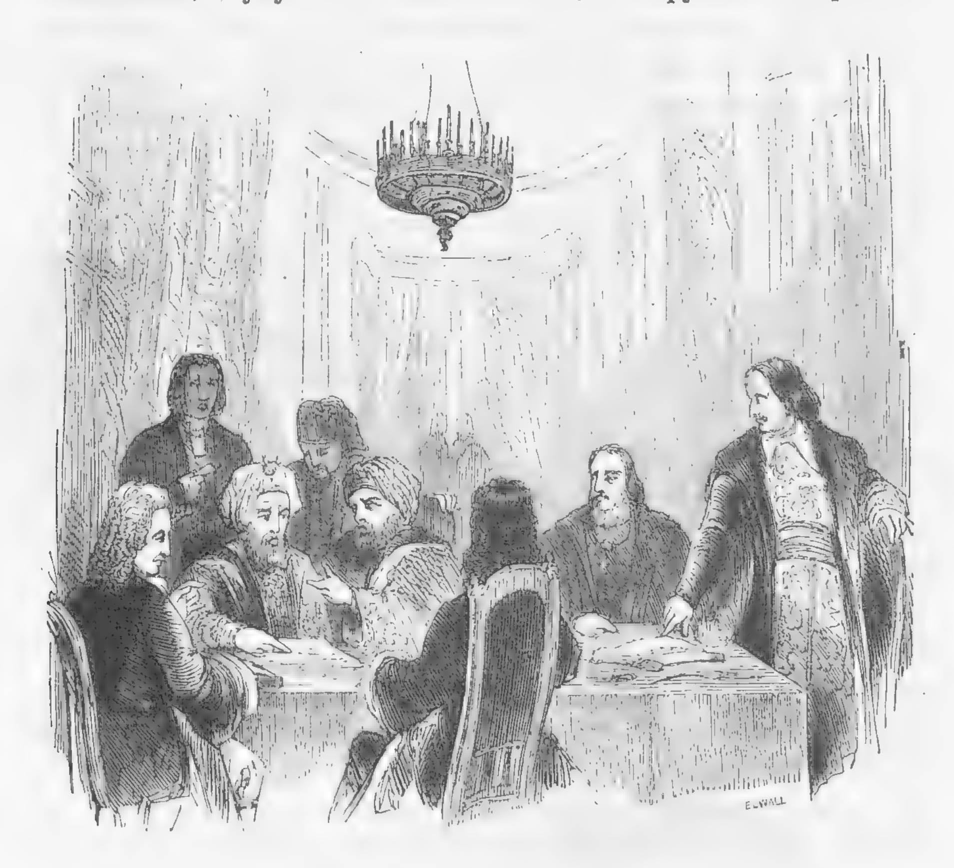
слабо. Одни только Австрійцы, подъ предводительствомъ юнаго героя, Принца Евгенія Савойскаго, одержали надъ Турками блистательную побѣду при Центѣ (11 Сентября 1697): армія Турецкая, страшная числомъ и предводимая самимъ Султаномъ Мустафою II, почти вся пала на полѣ битвы, или погибла въ волнахъ рѣки Тейсы. Но этою побѣдою кончилась и самая война со стороны Австрійцевъ. Императоръ долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшихъ успѣховъ своего оружія надъ Турками, потому, что политическія дѣла западной Европы привлекли все его вниманіе.

Приближавшаяся кончина бездѣтнаго Испанскаго Короля, Карла II, возбудила желаніе многихъ соискателей къ пріобрѣтенію Испанской короны, и на западѣ открылось обширное поприще политическимъ разсчетамъ Европейскихъ кабинетовъ. Императоръ Леопольдъ I и, страшный для Европы своимъ властолюбіемъ, Людовикъ XIV, готовились поддержать свои права на наслѣдіе Карла II: первый въ пользу своего сына Эрцъ-Герцога Карла, второй въ пользу внука, Герцога Филиппа Анжуйскаго. Блюстительницы Европейскаго равновѣсія, Англія и Голландія, не желали видѣть на Испанскомъ престолѣ ни Французскаго, ни Австрійскаго Принца; но болѣе страшились властолюбія Короля Французскаго, а потому благопріятствовали видамъ Императора.

При такихъ обстоятельствахъ, новая всеобщая война на Западѣ была неизбѣжна и Леопольдъ I, не желая участвовать въ двухъ жестокихъ войнахъ въ одно и тоже время, спѣшилъ воспользоваться плодами одержанной побѣды, для заключенія выгоднаго мира съ Турціею. Турки, съ своей стороны, приведенные въ уныніе жестокимъ пораженіемъ при Центѣ и къ тому еще озабоченные новою войною съ Персіею, искренно желали мира. Одинъ только Русскій Царь желалъ продолженія войны, чтобъ на всегда смирить безпокойныхъ сосѣдей, Крымскихъ Татаръ, и упрочить свое господство на Черномъ морѣ. Наконецъ и онъ —съ одной стороны, видя невозможность противиться общему желанію мира — съ другой, не отваживаясь одинъ остаться на театрѣ войны и противустать съ своими еще неопытными войсками соединеннымъ Турецко-

Татарскимъ силамъ, — приступилъ къ мирнымъ переговорамъ. Отъѣзжая изъ Вѣны, Петръ поручилъ продолженіе предварительныхъ условій о мирѣ своему посланнику Возницыну и уполномочилъ его для присутствія на общемъ конгрессѣ, который вскорѣ долженъ былъ открыться. Но противуположныя выгоды союзниковъ и гордость Турковъ долго останавливали собраніе конгресса. Наконецъ, послѣ многихъ споровъ и соглашеній, полномочные всѣхъ воюющихъ державъ, вмѣстѣ съ послами посредниковъ, Англичанъ и Голландцевъ, съѣхались въ Карловичъ, мѣстечкѣ на Дунаѣ, подъ Петеръ-Варадиномъ.

На этомъ конгрессѣ Австрійцы имѣли рѣшительный перевѣсъ: ихъ сторону держали посредники, ихъ болѣе всего страшились Турки, и потому были къ нимъ уступчивѣе, нежели къ прочимъ союзникамъ, которыхъ выгоды были вовсе пренебрежены. Возницынъ, будучи оставленъ всѣми, обнаружилъ твердость,

достойную Русскаго: Турки, кромѣ возвращенія Днѣпровскихъ крѣпостей, завоеванныхъ Русскими, требовали отъ Россіи и самаго Азова. Возницынъ не уступалъ ни пядени земли, но еще требовалъ отъ Турковъ крѣпости *Керчи*. Думая устрашить Русскаго уполномоченнаго и сдѣлать его уступчивѣе, Турки объявили, что условія уже утверждены прочими союзниками. «Когда такъ» отвѣчалъ Возницынъ, вставъ съ своего мѣста, «мнѣ здѣсь нѣчего дѣлать. Мой Государь и безъ союзниковъ управится съ врагами.» — Однако видя что Австрійцы (какъ писалъ онъ въ донесеніи къ своему Государю) *заткнули горло Туркамъ Поляками и другими союзниками*, и что недоброжелательство къ Россіи посредниковъ было главною преградою къ выгодному миру, Возницынъ заключилъ (25 Декабря 1698) съ Турками перемиріе на два года, по которому Россія удержала свои завоеванія и обѣщалась приступить отдѣльно къ переговорамъ о прочномъ мирѣ. Австрійцы заключили (26 Января 1699) миръ на 25 лѣтъ, удержавъ за собою Венгрію и Семиградскую область, за исключеніемъ Банната Темешварскаго, который остался за Турціею. Прочіе союзники должны были возвратить Туркамъ нѣкоторые изъ своихъ завоеваній.

Между тѣмъ, какъ западная Европа ожидала съ безпокойствомъ кончины Карла II и, оканчивая Турецкую войну, дѣятельно готовилась къ войнѣ за Испанское наслѣдство, на сѣверѣ вспыхнуло пламя опасной вражды, привлекшее вниманіе и Русскаго Монарха. Первенство Швеціи въ системѣ государствъ сѣверной Европы, утвержденное завоеваніями Густава Адольфа и Карла X, было тягостнымъ бременемъ для сосѣдственныхъ державъ, изъ которыхъ каждая съ негодованіемъ видѣла прежніе свои города и области въ рукахъ соперницы. Польша сожалѣла о потерѣ Лифляндіи, Данія не могла забыть уступки Шоніи, Галланда, Блекингена и другихъ областей, Россія съ прискорбіемъ переносила отторженіе своихъ древнихъ владѣній въ Ингріи и Кареліи. Пруссія, не менѣе другихъ, желала унизить опасную соперницу и распространить свои владѣнія. Естественно, что

при такихъ обстоятельствахъ первый благопріятный случай долженъ былъ вооружить противъ Швеціи всѣхъ ея сосѣдей. Еще въ 1675 году, Король Датскій, Епископъ Мюнстерскій и Герцоги Брауншвейгскіе и Люнебургскіе, пользуясь пораженіемъ Шведовъ, союзниковъ Франціи, Курфирстомъ Бранденбургскимъ при Фербеллинѣ, подняли оружіе противъ опасной соперницы и отторгли отъ нея всѣ ея владѣнія въ Германіи; а Датчане внесли свое оружіе даже въ Шонію. Но угрозы Франціи, заключившей тогда славный миръ въ Нимвегенѣ, принудили всѣхъ Государей, возставшихъ противъ Швеціи, возвратить ей свои завоеванія. Могущество Швеціи было опять возстановлено и утвердилось еще прочнѣе, въ слѣдствіе реформы въ правленіи, доставившей Королю Карлу XI неограниченную власть въ государствѣ.

Съ этого времени твердое правленіе Карла XI и его тѣсный союзъ съ могущественною Франціею держали въ постоянномъ страхѣ всѣхъ противниковъ Швеціи, не охладивъ въ нихъ однакожь желанія унизить гордую соперницу.

Между тѣмъ старинныя распри Датскихъ Королей съ Герцогами Голштейнъ-Готторпскими служили поводомъ къ частому столкновенію Шведовъ съ Датчанами и усиливали семейную вражду двухъ народовъ, единоплеменныхъ и нѣкогда соединенныхъ подъ однимъ скипетромъ.

Герцоги Голштейнъ-Готторпскіе, младшая отрасль Ольденбургскаго дома, царствующаго въ Даніи, владѣли Голштиніею, какъ леномъ Нѣмецкой Имперіи и Шлезвигомъ, какъ спорнымъ леномъ Даніи. Но эта послѣдняя ленная зависимость была уничтожена, при содѣйствіи Карла X, Рошильдскимъ договоромъ. Съ того времени Датскій Король Христіанъ V безпрерывно враждовалъ съ Герцогомъ Христіаномъ Альбрехтомъ и дважды отнималъ у него Шлезвигъ. Но могущественное посредничество Короля Шведскаго каждый разъ возвращало Герцогу его права и владѣнія. Распря однакожь не утихала, и новый Герцогъ, Фридрихъ IV, для своей без-

опасности, еще тѣснѣе соединился съ Швеціею, вступивъ въ супружество съ старшею дочерью Карла XI, Гедвигою Софіею.

Въ такихъ отношеніяхъ находилась Швеція къ своимъ сосѣдямъ въ то время, когда умеръ Карлъ XI (5 Апрѣля 1697), оставивъ наслѣдникомъ своего сына пятнадцати-лѣтняго Карла XII. Въ Польшѣ, почти въ то же время (15 Августа 1697), Августъ II, Курфирстъ Саксонскій, возложилъ на себя корону Ягеллоновъ, а въ Даніи года два спустя (25 Августа 1699), Фридрихъ IV наслѣдовалъ престолъ своего отца Христіана V, а съ нимъ и ненависть покойнаго Короля къ Шведамъ и къ Герцогу Голштинскому.

Вступленіе на Шведскій престолъ столь юнаго и неопытнаго государя, въ которомъ никто не предполагалъ будущаго героя, было обстоятельствомъ, особенно благопріятнымъ для Королей Польскаго и Датскаго; а состояніе политическихъ дѣлъ на западѣ служило для нихъ ручательствомъ, что ни Франція, всегдашняя покровительница Шведовъ, ни другія государства не въ состояніи будутъ воспрепятствовать ихъ нападенію на Швецію. Казалось, нельзя было избрать времени, благопріятнѣе къ отмщенію своей старинной соперницѣ и къ возвращенію своихъ потерянныхъ правъ и владѣній. Успѣхъ войны казался тѣмъ несомнѣннѣе, что въ Лифляндіи между дворянствомъ господствовало тогда всеобщее неудовольствіе на Шведское правительство.

Карлъ XI, воспользовался врученною ему неограниченною властію, для возвышенія королевскихъ доходовъ и поправленія разстроенныхъ финансовъ государства. Онъ поручилъ особой коммисіи, разобрать поземельныя права Лифляндскаго рыцарства и отобрать въ казну всѣ поземельныя собственности, когда-либо принадлежавшія орденскому капитулу, гермейстерамъ, архіепископамъ и епископамъ, не обращая вниманія, ни на способъ пріобрѣтенія ихъ рыцарями, ни на давность владѣнія. Такое распоряженіе возбудило въ Лифляндіи всеобщій ропотъ. Дворянство отправило къ Королю депутацію, для

защищенія своихъ правъ; но этотъ поступокъ, по излишней ревности депутатовъ, былъ признанъ государственнымъ преступленіемъ и одинъ изъ членовъ депутаціи, Рейнгольдъ Паткуль, какъ сочинитель поданнаго Королю адреса, осужденъ на смертную казнь. Паткуль бѣжалъ; нѣсколько лѣтъ укрывался въ Швейцаріи; наконецъ, свѣдавъ о предпріятіи Королей Польскаго и Датскаго, вступилъ въ службу Августа II и, руководимый чувствомъ мести, сдѣлался душею союза, составленнаго противъ Швеціи.

Еще въ 1698 году между Польшею и Даніею былъ заключенъ тайный наступательный союзъ противъ Швеціи. Но военное искуство Шведовъ, храбрость и дисциплина ихъ войскъ такъ были еще славны во всей Европѣ, что союзники, приготовляясь къ войнѣ, не надѣялись на собственныя свои силы, и, для вѣрнѣйшаго успѣха, рѣшились привлечь къ своему союзу и Русскаго Царя. Зная о желаніи Петра — пріобрѣсть хотя одинъ приморскій пунктъ при Финскомъ заливѣ, Августъ II воспользовался проѣздомъ Государя изъ Вѣны въ Москву и при свиданіи въ Равѣ предложилъ ему приступить къ союзу, составленному противъ Швеціи, для пріобрѣтенія оружіемъ того, въ чемъ отказало ему Шведское правительство. Вслѣдъ за тѣмъ, явились въ Москву посланники: Датскій — Гейнсъ и Саксонскій — Карловичъ. Первый заключилъ съ Россійскимъ Дворомъ (5 Іюля 1699) оборонительный союзъ, въ общихъ выраженіяхъ, противъ всѣхъ непріятелей, а второй (11 Ноября) тайный наступательный союзъ противъ Швеціи. Но эти договоры, со стороны Россіи, должны были воспріять силу только по заключеніи прочнаго мира съ Турціею. Между тѣмъ, Паткуль, который скрытно находился въ свитѣ Саксонскаго посланника и умѣлъ снискать довѣренность Русскаго Монарха, будучи допущенъ на тайную аудіенцію, открылъ ему весь планъ союзниковъ, по которому было положено: Шлезвигъ присоединить къ Даніи, Лифляндію возвратить Польшѣ,

а Ингрію и Карелію уступить Россіи; потомъ, какъ хитрый дипломатъ, представилъ всѣ средства и способы къ легкому и несомнѣнному достиженію предположенной цѣли и доказалъ справедливость и законность причинъ къ разрыву съ Швеціею. Петръ, пораженный великими выгодами, которыя новый союзъ могъ доставить Россіи, рѣшился воевать съ Швеціею.

Причины, побуждавшія трехъ союзниковъ къ войнѣ противъ Швеціи, были весьма различны. Король Датскій больше былъ руководимъ непріязнію къ Шведамъ и къ Герцогу Голштинскому, нежели основательными требованіями. Августъ II, главный виновникъ союза, возсталъ также по своимъ личнымъ видамъ. Получивъ Польскую корону, при содѣйствіи Русскаго Монарха, противъ желанія многочисленной партіи, благопріятствовавшей Французскому принцу Конти, Августъ II могъ властвовать въ Польшѣ не иначе, какъ окруживъ себя Саксонскимъ войскомъ. Но иноземное войско, по законамъ Республики, могло оставаться въ ея предѣлахъ только во время внѣшней войны; поэтому Августъ II искалъ войны съ кѣмъ

бы то ни было изъ сосѣдей, какъ средства, для утвержденія своего господства надъ Польшею. Мало заботился онъ о выгодахъ Польши и правахъ ея на Лифляндію. Возвращеніе Лифляндіи служило только благовиднымъ предлогомъ къ войнѣ и прикрывало истинную ея цѣль. Напротивъ того, дѣйствіями Петра руководила одна государственная польза. Кромѣ древнихъ, законныхъ правъ Россіи на Ингрію и Карелію, самая необходимость побуждала Петра къ возвращенію этихъ областей лежащихъ при Финскомъ заливѣ. Обладаніе ими было такъ необходимо для Россіи, такъ тѣсно сопряжено съ великими предначертаніями Петра, что безъ нихъ самыя его преобразованія не могли бы имѣть успѣха и Россія никогда не достигла бы той цѣли, которую предназначилъ ей геній Петра.

Но, приготовляясь къ борьбѣ съ новымъ противникомъ, Петръ долженъ былъ обезпечить себя со стороны прежняго врага. Миръ съ Турціею сдѣлался теперь для Петра столько же необходимъ, сколько прежде былъ противенъ. Новый уполномоченный, Думный Дьякъ Украинцевъ былъ отправленъ въ Константинополь, съ предписаніемъ, стараться всѣми мѣрами о скорѣйшемъ заключеніи мира. Его прибытіе въ Константинополь, на прекрасномъ 40-пушечномъ фрегатѣ, въ сопровожденіи 200 человѣкъ отборной Русской гвардіи, изумило и устрашило Султана, доказавъ ему важность перемѣнъ произведенныхъ въ Россіи и опасность отъ нихъ для Турціи. — Но успѣхъ переговоровъ долго былъ сомнителенъ. Главною преградою былъ Крымскій Ханъ, для котораго миръ, обуздывавшій Татарскіе набѣги, былъ крайне непріятенъ. Несмотря, однакожь, на всѣ его происки, Украинцевъ достигъ наконецъ желанной цѣли и 3 Іюля 1700 года заключилъ съ Портою тридцатилѣтній миръ, по которому Россія удержала Азовъ и всѣ владѣнія на Дону, а Днѣпровскія крѣпости, по срытіи ихъ, возвращены Турціи, съ тѣмъ, чтобъ онѣ впредь не были возобновляемы.

18 Августа, Москва торжествовала заключеніе мира съ Турціею, а на другой день объявлена война Швеціи и походъ подъ Нарву.

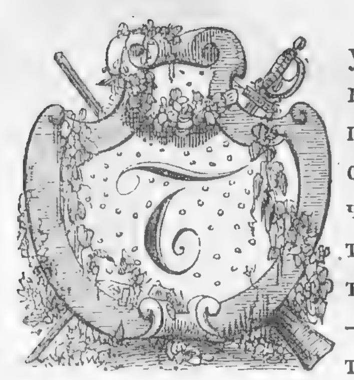
Между тѣмъ союзники Петра уже открыли военныя дѣйствія. Король Датскій (20 Марта 1700) вступилъ въ Голштинію, овладѣлъ Готторпскимъ замкомъ и занялся осадою Тённигена. Саксонскія войска еще въ концѣ 1699 года собрались на границахъ Лифляндіи; но, послѣ неудачнаго покушенія овладѣть въ расплохъ Ригою по согласію съ нѣкоторыми изъ жителей, довольствовались взятіемъ крѣпости Дюнаминда (25 Марта 1700), и только въ Іюнѣ мѣсяцѣ, по прибытіи къ арміи самого Короля, осадили Ригу.

ГЛАВА XIII.

СРАЖЕНІЕ ПОДЪ НАРВОЮ.

уря, возставшая отвсюду на Швецію повергла ее въ крайне затруднительное положеніе: собственныя силы государства были, казалось, слишкомъ слабы, чтобъ съ успѣхомъ противудѣйствовать тремъ сильнымъ непріятелямъ въ одно и то же время; а на помощь союзниковъ, — Франціи, Англіи и Голландіи, — занятыхъ спорами за Испанское наслѣдство, нельзя было полагаться. При такихъ обстоятельствахъ надлежало, по видимому, уступить безъ боя притязаніямъ сосѣдей, пожертвовавъ частью выгодъ государства. Эта мѣра казалась тѣмъ болѣе необходимою, что и самое государство было, такъ сказать,

безъ головы и что въ дѣйствіяхъ тогдашняго правительства не видно было ни силы, ни рѣшительности. Бразды правленія находились въ рукахъ престарѣлой Гедвиги Элеоноры, бабки юнаго Короля Карла XII; самъ же Король мало заботился о дѣлахъ правленія, хотя и былъ уже объявленъ совершеннолѣтнимъ. Проводя время въ юношескихъ забавахъ и увеселеніяхъ, онъ презиралъ труды полезные, страстно любилъ одну только охоту, и, по видимому, ни своими дѣлами, ни дарованіями не подавалъ отечеству ни какой надежды на будущее. Но общая опасность отечества мгновенно пробудила дремавшій геній царственнаго юноши и проявила въ немъ героя. Въ то время, когда въ Королевскомъ Совѣтѣ уже предложено было прибѣгнуть къ переговорамъ, для сохраненія мира съ сосѣдями, Карлъ XII неожиданно явился въ собраніе, отвергъ всѣ планы къ примиренію и рѣшительно объявилъ, что намѣренъ оружіемъ отразить непріятелей. «*Самъ я,*» произнесъ онъ съ твердостію, «*никогда не началъ бы войны, но теперь.... клянусь, не полагать оружія, доколѣ не истреблю враговъ!*» Эти слова пробудили въ воинственномъ народѣ тотъ же энтузіасмъ, съ которымъ они были произнесены. Не большая, но храбрая, стройная армія мгновенно собралась подъ знамена юнаго своего Короля и, какъ громовая туча, ринулась на Данію.

Между тѣмъ Фридрихъ IV, осаждавшій Тённингенъ, узнавъ о походѣ Шведскаго Короля, готовился идти на защиту своей столицы; но уже было поздно: Карлъ XII стоялъ уже подъ стѣнами Коппенгагена и предложилъ ему на выборъ, или видѣть Коппенгагенъ разрушеннымъ, или немедленно заключить миръ на умѣренныхъ условіяхъ. Король Датскій принялъ послѣднее предложеніе и 7 Августа подписалъ миръ въ Травендалѣ, по которому обязался вознаградить Герцога Голштинскаго за причиненныя ему убытки и отстать отъ союза съ Августомъ II.

Ободренный столь счастливымъ началомъ, Карлъ XII снова посадилъ на суда свое побѣдоносное войско и съ такою же

быстротою устремился на востокъ, противъ двухъ другихъ непріятелей.

Августъ II, начавъ войну съ надеждою на легкое и быстрое покореніе Лифляндіи, вскорѣ убѣдился, что обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Въ противность всѣмъ разсчетамъ его и Паткуля, Лифляндское дворянство пребыло вѣрнымъ Шведскому правительству и почти единодушно ополчалось на непріятелей; а Рижскій губернаторъ, мужественный старецъ Дальбергъ, уничтоживъ коварные замыслы Саксонцевъ, выжегъ предмѣстія Риги и приготовился къ упорной защитѣ. Столь же несбыточны оказались разсчеты Короля и на содѣйствіе Поляковъ. Несмотря на всѣ его старанія, Польскій сеймъ, колеблемый духомъ партій, не соглашался на разрывъ съ Швеціею. Поэтому, принужденный вести войну съ одними только Саксонскими войсками, Августъ II былъ остановленъ подъ стѣнами Риги, которую осаждалъ безъ всякаго успѣха около двухъ мѣсяцевъ. Наконецъ, свѣдавъ о приближеніи Карла XII, онъ съ радостью согласился на просьбу Голландскихъ депутатовъ и снялъ осаду, подъ благовиднымъ предлогомъ, что, будучи союзникомъ Голландцевъ, желаетъ пощадить городъ, наполненный ихъ товарами. Взявъ замокъ Кокенгузенъ, Польскій Король отступилъ за Двину и повелъ свою армію на зимнія квартиры, въ то самое время, когда Русскія войска съ величайшею поспѣшностью отвсюду стекались подъ стѣны Нарвы.

На третій день по объявленіи войны, Петръ выступилъ изъ Москвы къ Новгороду, съ полками гвардіи, при первомъ отдѣленіи своего войска, состоявшаго подъ предводительствомъ генералъ-маіора Бутурлина. Вслѣдъ за тѣмъ и прочіе корпуса Русской арміи начали двигаться чрезъ Новгородъ къ Нарвѣ. Начавъ походъ уже въ концѣ лѣта, Государь хотѣлъ

непремѣнно, до наступленія ненастнаго времени года, овладѣть Нарвою, которая могла служить твердѣйшею точкою опоры, для будущихъ военныхъ дѣйствій. Съ покореніемъ Нарвы вся Ингерманландія была бы уже во власти Русскихъ, которые могли бы отсюда съ удобностію оберегать свои границы и обращать свое оружіе, смотря по обстоятельствамъ, или на Карелію, или на Эстляндію и Лифляндію. Притомъ и самое покореніе Нарвы, повидимому, не представляло большаго затрудненія: крѣпость была охраняема весьма незначительнымъ гарнизономъ, состоявшимъ изъ 1,900 человѣкъ, въ томъ числѣ 400 вооруженныхъ поселянъ; во всѣхъ же окрестныхъ провинціяхъ — Ингріи, Кареліи и Эстляндіи, — кромѣ пятитысячнаго кавалерійскаго отряда, подъ предводительствомъ генерала Веллинга, не было вовсе Шведскихъ войскъ, которые могли бы подать помощь осажденнымъ. Поэтому, чтобъ не дать непріятелю времени усилиться, Петръ спѣшилъ походомъ и, полагая, что осада будетъ не продолжительна, приказалъ везти войско къ Нарвѣ на подводахъ, безъ достаточнаго количества съѣстныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ.

Въ половинѣ Октября мѣсяца, Русская армія состоявшая изъ 35,000 человѣкъ, (*) обложила Нарву, раскинувъ свой лагерь вокругъ крѣпости, въ видѣ полукружія, на лѣвомъ берегу Наровы. Выше крѣпости, со стороны пороговъ, расположилась дивизія Вейда; къ ней примыкалъ Шереметевъ съ иррегулярною конницею; далѣе, въ центрѣ линіи, стоялъ Князь Трубецкой съ своею дивизіею, а лѣвѣе отъ него, до самаго берега рѣки, простиралась дивизія Головина и, принадлежащіе къ ней, гвардейскіе полки, подъ начальствомъ

(*) Журналъ Петра В. I. стр. 13 — 16. Князь Трубецкой привелъ подъ Нарву 2 вновонабранныхъ пѣхотныхъ полка (1,701 человѣкъ), 4 полка Новогородскихъ и Псковскихъ стрѣльцовъ (2,184 ч.) и ополченіе дворянъ Новогородскаго разряда; всего какъ полагаютъ, отъ 5 до 6,000 ч. Въ корпусѣ Бутурлина были 2 полка гвардіи, Преображенскій (1,698 ч.) и Семеновскій (1,238 ч.). полкъ Лефортовскій (1,018 ч.) и три новыхъ пѣхотныхъ полка (3,671 ч.); всего 7,625 ч. Въ дивизіи Вейда было 6 пѣхотныхъ полковъ (6,855 ч.) и 1 драгунскій (800 ч.); всего 7,655. Въ дивизіи Головина находилось 7 пѣхотныхъ полковъ (8,606 ч.) и 1 драгунскій (996 ч.); всего 9,602 ч. Слѣдовательно, вся Русская регулярная армія подъ Нарвою, въ томъ числѣ и Стрѣлецкіе полки, состояла изъ 28,767 ч. Иррегулярныхъ же войскъ старой службы находилось около 5,000 конницы Московскаго и Смоленскаго разряда и Новогородскаго около 2,000. Ни чѣмъ недоказанныя показанія иностранныхъ писателей, утверждающихъ, будто Русская армія подъ Нарвою состояла изъ 80,000 ч., совершенно опровергаются этимъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, заключающимся въ журналѣ Петра В., съ которымъ согласно и показаніе самовидца сраженія, Александра Гордона, полагающаго все число Русской арміи до 34,000 человѣкъ.

Бутурлина. Главное начальство надъ всею арміею было поручено фельдмаршалу Графу Головину.

Осадныя работы, которыми завѣдывалъ Инженерный генералъ, Баронъ Аллартъ, присланный отъ Польскаго Короля, начались и производились съ величайшею дѣятельностію. Самъ Государь, съ свойственною ему неутомимостію, трудился въ заложеніи баттарей и укрѣпленіи лагеря. Иностранцы: Аллартъ и Герцогъ де Кроа, который также предъ началомъ похода, въ Новѣгородѣ, былъ принятъ въ Русскую службу, не могли скрыть своего удивленія, видя, что Государь самъ вколачиваетъ въ землю сваи, для означенія линій. »»*Аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ,* «говоритъ Апостолъ Павелъ,»» отвѣчалъ имъ Государь, по Голландски (*). — Потомъ, несмотря на сильную пальбу изъ крѣпости, пригласилъ ихъ прогуляться вдоль по линіямъ, для осмотра непріятельскихъ укрѣпленій.

(*) Бергманъ.

20 Октября, всѣ баттареи вдругъ открыли огонь, съ одной стороны, противъ Нарвы, съ другой противъ Иванъ-Города, гдѣ стояли два Стрѣлецкіе полка, при 8 орудіяхъ. Въ теченіе двухъ недѣль, болѣе 90 орудій палили безъ умолку и столь усердно, что уже въ началѣ Ноября оказался недостатокъ въ снарядахъ. Но неискуство инженеровъ и артиллеристовъ было причиною, что столь сильный огонь, который, казалось, долженствовалъ бы превратить въ пепелъ ничтожный городъ, не причинилъ ему значительнаго вреда. Уже болѣе 1,000 бомбъ и до 3,000 ядеръ было пущено въ Нарву; но храбрый комендантъ, полковникъ Горнъ, отвѣчалъ язвительною насмѣшкою на предложеніе о сдачѣ. Упорство осажденныхъ возрасло еще болѣе, когда второй бомбардиръ-капитанъ Преображенскаго полка, (первымъ былъ самъ Государь), Шведскій урожденецъ Гумордтъ, презрѣвъ милости, оказанныя ему Государемъ, бѣжалъ въ Нарву къ своимъ единоземцамъ и открылъ имъ недостатокъ, существующій въ лагерѣ осаждающихъ.

О Шведскомъ Королѣ до сихъ поръ не было еще никакихъ достовѣрныхъ извѣстій. Впрочемъ еще предъ началомъ похода, въ Новѣгородѣ, чрезъ Паткуля, дошли до Государя слухи о намѣреніи Карла XII, идти въ Лифляндію съ 18,000 войска. «*Если сіе правда*», писалъ Петръ къ Головину, «*то конечно Датскій осиленъ караванами соединенныхъ*» (т. е. флотами Англичанъ и Голландцевъ). По отступленіи Саксонцевъ отъ Риги, Петръ, одинъ только продолжавшій еще военныя дѣйствія, могъ на-вѣрное заключить, что, въ случаѣ справедливости этихъ слуховъ, походъ Карла XII угрожаетъ опасностію Русскимъ подъ Нарвою. Поэтому Генералъ Шереметевъ получилъ приказаніе стать съ иррегулярною конницею на Ревельской дорогѣ и провѣдывать о движеніяхъ непріятеля. Шереметевъ разбилъ 29 Октября, верстахъ въ 70 отъ Нарвы, Шведскій отрядъ, состоявшій изъ 600 человѣкъ, и узналъ отъ плѣнныхъ, что генералъ Веллингъ съ 5,000 конницы стоитъ

въ Вейсенбергѣ и съ часу на часъ ожидаетъ самого Короля, который со всѣмъ своимъ войскомъ идетъ черезъ Ревель. Не смотря на это извѣстіе, скорое прибытіе Карла XII подъ Нарву, въ столь позднее время года, при дурномъ состояніи дорогъ, казалось сомнительнымъ; тѣмъ болѣе, что тогда носились слухи о намѣреніи Короля увеличить сперва малое свое войско до 40,000 человѣкъ. Поэтому Петръ, не знакомый еще съ стремительнымъ характеромъ своего противника и не подозрѣвавшій въ немъ столько дерзости, чтобъ онъ рѣшился съ малыми силами напасть на укрѣпленный лагерь, охраняемый вдвое сильнѣйшимъ войскомъ, не предвидѣлъ со стороны Шведскаго Короля никакой для себя опасности. Но заботы другаго рода тревожили мысли Государя. Кромѣ недостатка въ военныхъ снарядахъ, приведшаго его армію въ бездѣйствіе, въ лагерѣ начали чувствовать недостатокъ и въ съѣстныхъ припасахъ. Надлежало ускорить подвозъ тѣхъ и другихъ; надлежало также усилить армію, присоединивъ къ ней дивизію Князя Репнина и Казаковъ, чтобъ тѣмъ скорѣе принудить городъ къ сдачѣ. Кромѣ того, Государю необходимо было имѣть свиданіе съ Августомъ II, чтобъ условиться о будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ. По этимъ-то причинамъ самъ Государь рѣшился оставить на время свою армію. Фельдмаршалъ Графъ Головинъ, котораго дипломатическія познанія больше были необходимы для Петра при переговорахъ съ Августомъ II, нежели воинскія при арміи, долженствовавшей оставаться на нѣкоторое время въ бездѣйствіи, также долженъ былъ отправиться съ Государемъ. Вмѣсто его, главное начальство надъ арміею было поручено генералу Австрійской службы, молодому Герцогу де Кроа; а въ помощь ему былъ назначенъ генералъ-коммиссаръ, Князь Яковъ Ѳедоровичь Долгоруковъ. Трудно рѣшить, что побудило Государя отдать иностранцу, ничѣмъ еще не доказавшему своихъ познаній, столь обидное преимущество предъ Русскими генералами. Или онъ слишкомъ полагался на отличное о немъ свидѣтельство Императора и Польскаго Короля, или, можетъ быть, принужденъ былъ къ такому выбору необходимостію, не находя въ своихъ Русскихъ генералахъ ни достаточной опытности въ дѣйствіяхъ противъ

регулярныхъ войскъ, ни тактическихъ свѣдѣній для управленія цѣлою арміею. Какъ бы то ни было, Петръ, всегда умѣвшій выбирать людей достойныхъ, сдѣлалъ въ этомъ случаѣ важную ошибку, имѣвшую немалое вліяніе на бѣдствія Русской арміи подъ Нарвою.

18 Ноября, передъ разсвѣтомъ, Петръ отправился въ Новгородъ, нимало не подозрѣвая близкой опасности; а на другой день его соперникъ, котораго онъ полагалъ еще далеко, стоялъ уже передъ окопами Русскаго лагеря.

Карлъ XII вступилъ на берегъ Лифляндіи (6 Октября) въ Перновѣ, съ 15,000 пѣхоты и 4,500 человѣкъ кавалеріи (*). Узнавъ объ отступленіи Саксонцевъ отъ Риги, онъ направилъ свой путь черезъ Ревель къ Нарвѣ, приказавъ генералу Веллингу, стоявшему съ Лифляндскими войсками въ Ріенѣ, слѣдовать прямо на Вейсенбергъ.

Худое состояніе дорогъ, въ столь позднее и ненастное время года, затруднило, но не остановило смѣлаго Короля Швеціи. Изъ Ревеля онъ обратился на Вейсенбергъ, гдѣ присоединилъ

(*) Histoire de Suède sous le règne de Charles XII, par Limiers.

къ себѣ отрядъ генерала Веллинга, и вечеромъ 16 Ноября напалъ на передовые отряды Русскихъ, находившіеся подъ начальствомъ Шереметева, въ 40 верстахъ отъ Нарвы. Пользуясь темнотою, Шереметевъ отступилъ въ Русскій лагерь. За нимъ по пятамъ слѣдовала Шведская армія и, 18 Ноября, рано утромъ, остановилась у Лагены, въ 10 верстахъ отъ Нарвы.

Карлъ XII привелъ подъ Нарву не болѣе 18,000 войска и 38 орудій. Но это войско было тогда первое въ Европѣ, по своему устройству, опытности въ военномъ дѣлѣ и личной храбрости воиновъ. Вдвое слабѣе Русскаго числомъ, оно далеко превосходило его искусствомъ, имѣло великую нравственную силу и предводимое своимъ Королемъ-героемъ, вступало въ битву съ полною увѣренностію въ побѣдѣ. Поэтому Карлъ XII не усомнился потревожить Русскихъ въ самомъ ихъ лагерѣ, будучи увѣренъ, что Русская армія, растянутая на пространствѣ 7 верстъ и сжатая между своихъ укрѣпленныхъ линій, не въ состояніи будетъ противупоставить ему сильнаго отпора на одномъ мѣстѣ. Утромъ, 19 Ноября, среди густаго тумана, соблюдая величайшую тишину, Шведская армія выступила изъ Лагены и до полудня стала передъ Русскими окопами.

Неожиданно было для Русскихъ первое извѣстіе о прибытіи Карла XII, принесенное Шереметевымъ; всѣ однакожь полагали, что непріятель, имѣя самъ нужду въ отдыхѣ, послѣ труднаго похода, не рѣшится тотчасъ напасть на укрѣпленный лагерь. Сколь же велико было общее изумленіе, и военачальниковъ и войска, когда они столь внезапно увидѣли предъ собою, лицемъ къ лицу, Шведскую армію, готовую на приступъ! — Главнокомандующій, казалось, совершенно потерялся: въ ту минуту, когда требовалась величайшая дѣятельность, когда присутствіемъ духа, твердостію и смѣлостію распоряженій надлежало ободрить смущенное войско, — онъ созвалъ военный совѣтъ. Но Карлъ XII не намѣренъ былъ дожидаться его рѣшенія и подалъ знакъ къ приступу.

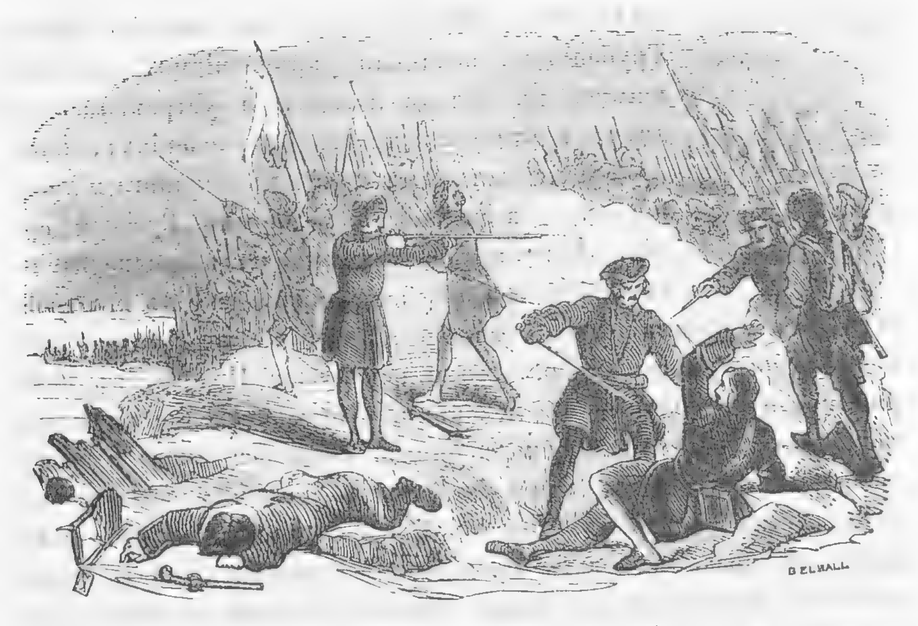
Между тѣмъ, туманъ, скрывавшій приближеніе Шведовъ, къ полудню поднялся. Небо покрылось тучами. Пошелъ столь густой снѣгъ, прямо въ лице Русскимъ, что они едва могли различать происходившее отъ нихъ въ 50 шагахъ. Пользуясь

этимъ обстоятельствомъ, непріятель устремился прямо на центръ Русскаго лагеря, гдѣ стояли Стрѣлецкіе полки, находившіеся въ дивизіи Князя Трубецкаго. Почти безъ сопротивленія рвы были завалены, рогатки и палисады опрокинуты, стрѣльцы, разставленные въ одну рѣдкую линію вдоль по брустверу, отброшены назадъ къ резервамъ и, менѣе, нежели въ четверть часа, валъ и 10 орудій главной баттареи были во власти Шведовъ. Въ то же время осажденные сдѣлали вылазку изъ крѣпости. Въ лагерѣ распространилось всеобщее смятеніе. Оплошность и недостатокъ распорядительности въ главнокомандующемъ, при существовавшихъ тогда отношеніяхъ между Русскими и иностранцами, не могли не казаться подозрительными для войска. Не видя главныхъ своихъ предводителей и не получая надлежащихъ приказаній, солдаты стали явно жаловаться на измѣну своихъ иноземныхъ начальниковъ, пришли отъ такой мысли еще въ большую робость и только въ бѣгствѣ искали спасенія. Поздно вознамѣрился главнокомандующій возстановить порядокъ и удержать бѣгущихъ. Потерявъ довѣріе войска, онъ не находилъ уже повиновенія; напротивъ, самъ казался измѣнникомъ и сдѣлался имъ, спасая свою жизнь отъ ярости солдатъ. Онъ передался непріятелю, вмѣстѣ съ генераломъ Аллартомъ и тридцатью другими иностранными офицерами.

ежду тѣмъ, Шведы, разсѣявъ дивизію Князя Трубецкаго, овладѣли укрѣпленіями, находившимися въ центрѣ лагеря, и устремились въ двухъ противуположныхъ направленіяхъ, подъ предводительствомъ генераловъ Веллинга и Реиншильда, на пораженіе фланговъ Русской арміи. Лѣвое крыло Русскихъ, подъ предводительствомъ генерала Вейда, пришло уже въ разстройство отъ стремительнаго натиска Шведовъ, а иррегулярная конница обратилась въ бѣгство и переплыла Нарову, въ которой потонуло болѣе 1,000 человѣкъ. Но пѣхота, не имѣя возможности спастись, подобно конницѣ, собралась снова и воодушевилась мужествомъ отчаянія. Битва возобновилась и Веллингъ былъ отраженъ. Въ то же время упорный бой завязался на правомъ крылѣ Русскихъ. Реиншильдъ безъ труда разсѣялъ новонабранные полки дивизіи Головина и жарко преслѣдовалъ бѣгущихъ, которые не думали защищаться и бросились къ мосту, устроенному противъ праваго крыла Русскихъ укрѣпленій. Но пловучій мостъ разрушился подъ множествомъ бѣгущихъ и они всѣ должны бы были, или погибнуть въ рѣкѣ, или пасть подъ мечами Шведовъ, если бы ихъ не спасло мужество двухъ гвардейскихъ полковъ, стоявшихъ на концѣ праваго крыла, возлѣ самой рѣки. Они остановили успѣхи Шведовъ и, подкрѣпленные тѣми, которые не успѣли спастись за рѣку, привели Реиншильда въ разстройство. Король, услышавъ сильную пальбу, самъ прискакалъ на помощь и возобновилъ битву, о жестокости которой можно судить по самому урону непріятелей: генералъ Риббингъ былъ убитъ, Реиншильдъ тяжело раненъ, Майдель также; многіе полковники, офицеры и 20 трабантовъ, окружавшихъ Короля, пали въ жестокой схваткѣ; подъ самимъ Королемъ была убита лошадь. Шведы напрягали всѣ свои силы. Веллингъ, принужденный пріостановить свои дѣйствія противъ лѣваго крыла, также прислалъ сильное подкрѣпленіе. Но все было тщетно. Они не могли сломить горсти Русскихъ, которые, оградившись повозками, отражали всѣ ихъ нападенія. Ночь прекратила сраженіе.

Остатокъ Русской арміи, отразивъ непріятеля, удержался въ лагерѣ; но положеніе его было весьма опасно: главныя укрѣпленія и большая часть орудій были уже потеряны. Генералъ Вейдъ, многіе полковники и офицеры были тяжело ранены, другіе убиты. Войско упало духомъ и сражалось уже не съ надеждою на успѣхъ, но съ мужествомъ отчаянія. Припертое, по обѣимъ сторонамъ города, къ берегу Наровы, оно не имѣло возможности ни соединиться, ни отступить за рѣку, и могло только пасть со славою на полѣ битвы, сдѣлавъ торжество горькимъ для непріятеля. Въ такихъ обстоятельствахъ, Князь Яковъ Ѳедоровичь Долгоруковъ, принявшій главное начальство, по уходѣ Герцога де Кроа, почелъ за лучшее, спасти для отечества остатки храбрыхъ воиновъ и вступилъ въ переговоры съ непріятелемъ. Карлъ XII, видя, что силы Русскихъ, удвоенныя отчаяніемъ, могутъ еще быть весьма для него опасны, не дерзнулъ отвергнуть прозьбу храбрыхъ и, дозволилъ Русскому войску, отступить за Нарову съ оружіемъ и знаменами, только безъ артиллеріи. Пригласивъ къ себѣ всѣхъ Русскихъ генераловъ и знатнѣйшихъ офицеровъ онъ подтвердилъ своимъ Королевскимъ словомъ и пожатіемъ руки Князю Долгорукову условія договора. Но этотъ

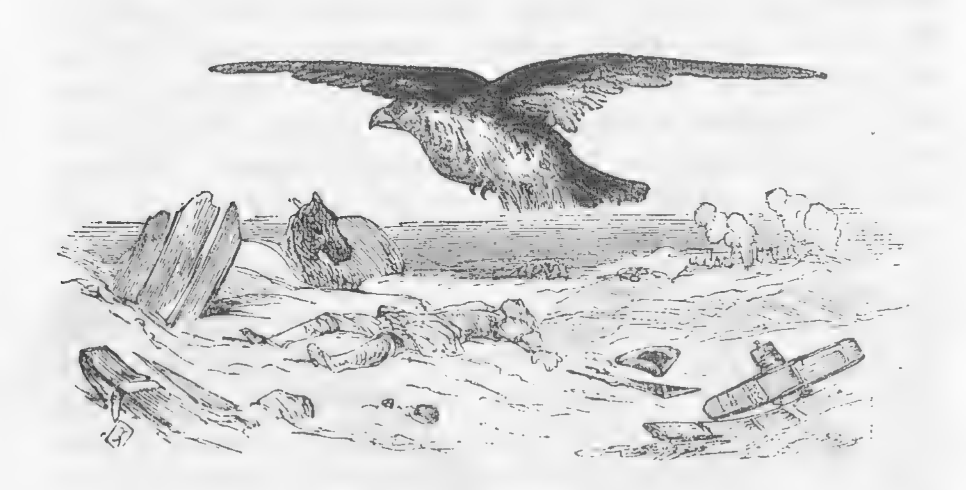
договоръ, не извѣстно почему, былъ непріятелемъ нарушенъ. На другой день, когда дивизія Головина, починивъ мостъ, безпрепятственно перешла на правый берегъ Наровы, Шведы вдругъ остановили слѣдовавшую за нею дивизію Вейда и принудили ее оставить на берегу и ружья, и знамена. Въ то же время Король объявилъ военноплѣнными всѣхъ Русскихъ генераловъ, задержанныхъ въ Шведскомъ лагерѣ.

орого стоилъ Русскимъ первый урокъ въ военномъ искусствѣ, данный Карломъ XII. Они потеряли всю свою артиллерію, состоявшую изъ 145 орудій, множество знаменъ и весь обозъ лагеря, всѣхъ своихъ генераловъ, взятыхъ въ плѣнъ и отосланныхъ въ Стокгольмъ, большую часть полковниковъ и другихъ офицеровъ, также подпавшихъ плѣну или убитыхъ въ сраженіи, и наконецъ до 7,000 простыхъ воиновъ, убитыхъ, утопшихъ, или погибшихъ отъ стужи и голода, при отступленіи къ Новгороду. Потерю Шведовъ обыкновенно полагаютъ до 3,000 человѣкъ.

«И такъ (сказано въ журналѣ Петра В.) Шведы надъ нашимъ «войскомъ викторію получили, что есть безспорно; но надле«житъ разумѣть, надъ какимъ войскомъ оную учинили? Ибо

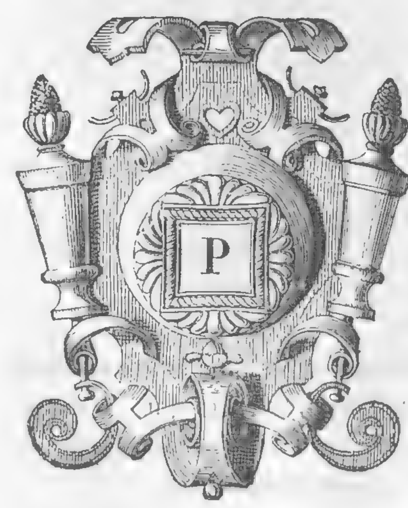
«только одинъ старый полкъ Лефортовскій былъ, да два полка «гвардіи были только на двухъ аттакахъ у Азова, а поле-«выхъ боевъ, паче же съ регулярными войски, никогда не «видали. Прочіе же полки, кромѣ нѣкоторыхъ полковниковъ, «какъ офицеры, такъ и рядовые самые, были рекруты. Къ «тому жъ за позднимъ временемъ великій голодъ былъ; понеже «за великими грязьми провіанта провозить было не возмож-«но; — и единымъ словомъ сказать, все то дѣло, яко мла-«денческое играніе было, а искусства ниже вида: то какое «удивленіе, такому старому, обученному и практикованному «войску надъ такимъ неискуснымъ сыскать викторію?»

ГЛАВА XIV.

МѢРЫ ПЕТРА КЪ ПРОДОЛЖЕНІЮ ВОЙНЫ. ПЕРВЫЕ УСПѢХИ НАДЪ НЕПРІЯТЕЛЕМЪ.

Роковая вѣсть о пораженіи Русской арміи подъ Нарвою и жалкіе ея остатки, тянувшіеся въ величайшемъ безпорядкѣ обратно въ Новгородъ, поселили ужасъ и уныніе въ сердцѣ Русскихъ. Народъ приписывалъ свое несчастіе чародѣйству Шведовъ и съ безпокойствомъ взиралъ на будущее, ожидая новыхъ бѣдствій. Но о будущности его заботился Петръ, котораго твердость была превыше всѣхъ ударовъ судьбы. Съ неизмѣннымъ спокойствіемъ принялъ онъ печальное для Россіи извѣ-

стіе, въ то самое время, когда уже былъ готовъ выступить съ сильнымъ подкрѣпленіемъ изъ Новгорода, обратно къ Нарвѣ. «Я знаю,» сказалъ Царь: «Шведы могутъ еще разъ-другой побить насъ, но наконецъ и мы научимся ихъ по-

бѣждать (*).» При такой твердости духа и дѣятельности Государя, онъ скоро возстановилъ понесенныя потери, воскресилъ упавшій духъ народа и отклонилъ отъ Россіи дальнѣйшій вредъ, могшій произойти отъ этого пораженія.

(*) Halem. Leben Peters des Grossen.

Первою заботою Петра, послѣ неудачи подъ Нарвою, было защитить границы Россіи отъ внезапныхъ вторженій непріятеля. Для этого войска, оставшіяся отъ дивизій Головина и Вейда, которыхъ собралось въ Новгородъ до 23 тысячъ, были снова вооружены и отправлены (кромѣ гвардіи) къ Пскову, подъ начальство Шереметева, который, изъ всѣхъ генераловъ, бывшихъ подъ Нарвою, одинъ только избѣжалъ плѣна. Немогши, при нападеніи Шведовъ, удержать отъ бѣгства своей иррегулярной конницы, Шереметевъ послѣдовалъ за нею на правый берегъ Наровы, гдѣ успѣлъ снова собрать бѣжавшихъ и, въ то время, когда прочія войска отступали къ Новгороду, остановился на границѣ, для наблюденія за непріятелемъ. Шере-

метевъ, который еще во время Турецкой войны предводительствовалъ Русскою арміею на Днѣпрѣ, былъ опытнѣйшій изъ Русскихъ генераловъ того времени. Во время своего путешествія находясь въ Венеціи, Италіи и у Мальтійскихъ рыцарей, онъ еще болѣе образовалъ свои воинскіе дарованія, и отличался просвѣщеннымъ умомъ, осторожностію и предусмотрительностію во всѣхъ предпріятіяхъ, пламенною любовію къ отечеству и преданностію къ своему Государю. Ввѣривъ ему начальство надъ войсками, долженствовавшими охранять Псковскіе предѣлы, Государь вскорѣ потомъ, удостоилъ его званіемъ Фельдмаршала и назначилъ главнокомандующимъ всѣхъ сухопутныхъ силъ Россіи. Другой генералъ, Князь Репнинъ, прибывшій въ Новгородъ, во время осады Нарвы, съ низовьевъ Волги, съ своими вновонабранными полками, оставленъ былъ для обороны Новгорода со стороны Ингріи и Эстляндіи; а Казаки, подъ начальствомъ своего наказнаго Гетмана Обидовскаго, поставлены были влѣво отъ Шереметева, у монастыря Печоры, для охраненія границъ со стороны Лифляндіи. Города Луга, Гдовъ и Ладога также были снабжены сильными гарнизонами. Въ то же самое время, Карлъ XII, оставивъ (13 Декабря) Нарву, которой окрестности, опустошенныя Русскими, не могли продовольствовать его арміи, двинулся къ Дерпту и, избравъ своимъ мѣстопребываніемъ замокъ Ланкъ (верстахъ въ 50 отъ Дерпта), расположился съ главною арміею на зимнихъ квартирахъ; въ Ингріи же оставилъ онъ генерала Кронгіорта, съ 8,000 Финляндцевъ, для прикрытія, какъ этой области, такъ и Кареліи; а въ окрестности Маріенбурга отрядилъ Полковника Шлиппенбаха, для наблюденія за Саксонцами. Въ такомъ положеніи оставались обѣ непріятельскія арміи, въ продолженіе остальныхъ зимнихъ мѣсяцевъ, въ которые, — кромѣ незначительныхъ набѣговъ, съ той и другой стороны на пограничныя области, — не происходило ничего важнаго.

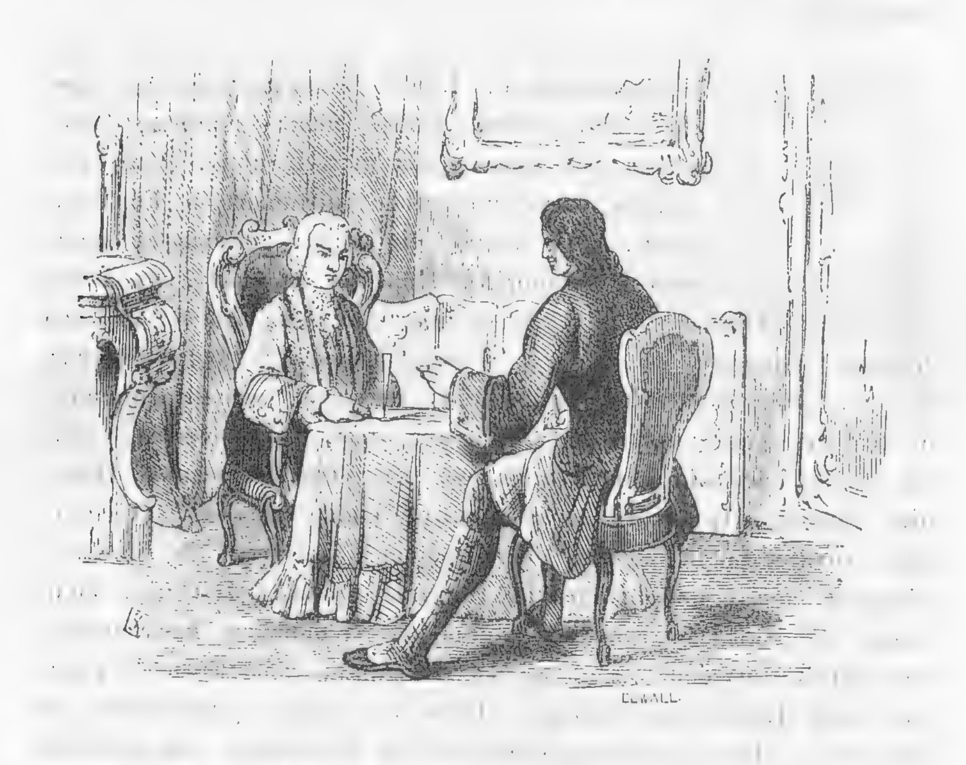
Между тѣмъ, Петръ (12 Декабря), въ сопровожденіи своей гвардіи, возвратился изъ Новгорода въ Москву, и немедленно далъ повелѣнія о новомъ наборѣ рекрутъ, какъ для пополненія убыли въ прежнихъ полкахъ, такъ и для составленія

новыхъ. Наиболѣе былъ чувствуемъ доселѣ недостатокъ въ регулярной конницѣ, которой подъ Нарвою было только два полка. Поэтому Князь Борисъ Алексѣевичь Голицынъ, губернаторъ Казани и Астрахани, получилъ приказаніе набирать конные полки, и съ удивительною поспѣшностію исполнилъ волю своего Государя. Съ наступленіемъ весны 10 драгунскихъ полковъ, по 1,000 человѣкъ въ каждомъ, двинулись въ Псковъ на подкрѣпленіе Шереметева. Труднѣе было замѣнить, по недостатку въ металлѣ, утраченную подъ Нарвою артиллерію. Но и это препятствіе не было непреодолимо для Монарха. По его повелѣнію, церкви и монастыри прислали въ Москву лишніе колокола, и съ первою весною 243 пушки, 12 мортиръ и 13 гоубицъ отправлены изъ Москвы въ Новгородъ.

Приготовляясь съ такою дѣятельностію къ продолженію войны, Петръ между тѣмъ не уклонялся отъ примиренія съ Швеціею, даже самъ искалъ посредничества Англичанъ и Голландцевъ, для заключенія мира, *удовлетворительнаго* (сказано въ Царской грамотѣ, къ генеральнымъ Штатамъ) *и безъ такого насилія, какое оказано Коронѣ Датской въ дѣлахъ Голштинскихъ.* Но соперникъ Петра, упоенный блистательными успѣхами своего оружія, не хотѣлъ даже и слышать о примиреніи. Еще менѣе успѣха имѣли усилія Петра привлечь къ союзу противъ Швеціи Короля Прусскаго и вооружить снова Данію. Послѣдняя, хотя и заключила съ Россіею новый договоръ въ Москвѣ, обязуясь начать непріятельскія дѣйствія противъ Швеціи, коль скоро на Западѣ откроется война за Испанское наслѣдство; но страхъ, внушенный оружіемъ Шведовъ, связывалъ ей руки до самой Полтавской битвы. Тотъ же страхъ удерживалъ и Пруссію. Питая высокое уваженіе къ воинскимъ дарованіямъ Карла XII, Пруссія, равно какъ и прочія Европейскія Державы, не довѣряла силамъ Россіи, послѣ несчастной Нарвской битвы. Всѣ они, казалось, уже видѣли неизбѣжное паденіе Русскаго Царства, подъ ударами *Сѣвернаго Александра,* и почитали опас-

нымъ для себя, вмѣшаться въ дѣло, въ которомъ вѣроятность выигрыша была на сторонѣ противниковъ Россіи.

Тѣмъ необходимѣе было для Петра удержать единственнаго своего союзника, Короля Польскаго, при прежнихъ намѣреніяхъ къ продолженію войны соединенными силами. Извѣщая Августа II о своихъ приготовленіяхъ къ войнѣ, Петръ увѣрялъ его, *что никогда отъ союза съ нимъ и отъ отеческаго наслѣдія не отступитъ.* Вслѣдъ за тѣмъ, поспѣшилъ и самъ на условленное свиданіе съ Королемъ, въ мѣстечко Биржѣ, на границѣ Самогитіи съ Лифляндіей. Царь и Король провели 10 дней среди дипломатическихъ трудовъ, прерываемыхъ пирами, дру-

жескою бесѣдою и поѣздками въ Дюнаминдъ и Митаву. Наконецъ, (26 Февраля 1701 года) новымъ договоромъ былъ подтвержденъ наступательный и оборонительный союзъ противъ Швеціи. Оба Монарха обязались продолжать всѣми силами

войну и не вступать отдѣльно ни въ какіе переговоры съ непріятелемъ. Царь обѣщалъ своему союзнику 20 тысячъ вспомогательнаго войска, 200 тысячъ ефимковъ на военные издержки и сильное содѣйствіе къ возвращенію Лифляндіи Польской коронѣ. Всѣ эти обязательства не могли однако же склонить Поляковъ, принять участіе въ войнѣ. Думая воспользоваться мнимо затруднительнымъ положеніемъ Россіи, Польскіе сенаторы не знали мѣры своимъ требованіямъ и даже намекали Царю объ уступкѣ Смоленска и Кіева съ его округомъ, какъ объ условіи, на которомъ можно было бы получить содѣйствіе республики. — «Я помогаю вамъ завоевать Лифляндію,» съ досадою возразилъ Царь, «и долженъ еще терять свое!»

Петръ, — вѣрный обязательству, которое онъ далъ Королю Августу, — по возвращеніи въ Москву, немедленно двинулъ Князя Репнина съ 19,000 пѣхоты на помощь къ Саксонцамъ, которые должны были снова осадить Ригу. Репнинъ выступилъ изъ Новгорода 4 Мая и, не встрѣчая ни какого препятствія отъ Шведовъ, все еще стоявшихъ на зимнихъ квартирахъ, 21 Іюня соединился у Кокенгузена съ Саксонскими войсками, находившимися подъ начальствомъ фельдмаршала Штейнау. Наконецъ и Карлъ XII, въ половинѣ Мая мѣсяца, собралъ свою армію въ лагерѣ подъ Дерптомъ и, присоединивъ къ себѣ новыя сильныя подкрѣпленія, прибывшія моремъ изъ Швеціи, готовился начать военныя дѣйствія, съ войскомъ простиравшимся отъ 25 до 30,000 человѣкъ. Давъ уже Русскимъ почувствовать свою силу и почитая отряды, подъ предводительствомъ Кронгіорта и Шлиппенбаха, достаточными для охраненія границъ со стороны Россіи, онъ обратился со всѣми своими силами на Августа II, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ лишить его Польскаго престола, при помощи недовольныхъ Поляковъ. Съ свойственною ему быстротою, Карлъ XII устремился отъ Дерпта къ Ригѣ и, прежде, нежели Саксонцы успѣли собраться для отпора, переправился (9 Іюля) на лѣвый берегъ Двины, подъ прикрытіемъ пушекъ крѣпости. Четыре раза фельдмаршалъ Штейнау возобновлялъ нападеніе, стараясь

отбросить переправившихся Шведовъ обратно за Двину, но тщетно. Онъ былъ разбитъ. Потерявъ до 2,500 человѣкъ убитыми и плѣнными, онъ съ поспѣшностію отступилъ въ Литву, и оставилъ Курляндцевъ во власти Шведовъ. Между тѣмъ, Русскія вспомогательныя войска, изъ которыхъ только 4 полка были въ сраженіи подъ Ригою, отступили вверхъ по Двинѣ и, чрезъ Друю и Опочку, достигли Пскова, гдѣ соединились съ Шереметевымъ.

Такимъ образомъ, главная опасность была на нѣкоторое время удалена отъ предѣловъ Россіи и Петръ, съ великою дѣятельностію и искуствомъ, воспользовался временемъ, къ защитѣ Россіи и отраженію Карла XII. Укрѣпляя города: Новгородъ, Псковъ, монастырь Печеры, безпрерывно умножая войска новыми наборами, двигая на театръ войны многочисленныя толпы Татаръ, Калмыковъ, Башкирцевъ, Петръ самъ надзиралъ за всѣмъ, быстро перелеталъ изъ края въ край своего Государства, внезапно являлся въ Новгородѣ, Псковѣ, Печерахъ, въ Москвѣ, въ Воронежѣ, въ Архангельскѣ—вездѣ, гдѣ было необходимо его присутствіе. Его дѣятельность была изумительна! Между тѣмъ фельдмаршалъ Шереметевъ непосредственно распоряжалъ всѣми военными дѣйствіями и съ великимъ искуствомъ выполнялъ мудрый планъ Государя. Всячески избѣгая важныхъ сраженій, не трогая значительныхъ городовъ и крѣпостей, Шереметевъ ограничился, противъ Шведскихъ отрядовъ въ Ингерманландіи и Лифляндіи, дѣйствіями малой войны. Не подвергая своего еще неопытнаго войска опасности, понесть важное пораженіе, онъ постепенно пріучалъ его къ боевому огню, въ частныхъ поискахъ надъ непріятелемъ. Набѣги, оканчиваясь по большой части въ пользу Русскихъ, съ одной стороны содѣйствовали къ искорененію мысли о непобѣдимости Шведовъ и къ увеличенію самонадѣянности Русскихъ воиновъ, съ другой наносили непріятелю весьма значительный вредъ. Грабежъ, разореніе и пожары повсюду

сопутствовали Русскимъ отрядамъ въ Лифляндіи, особенно толпамъ кочевыхъ племенъ. Мызы, села, деревни пылали; жи-

тели обоего пола во множествѣ уводились въ плѣнъ и въ короткое время окрестности Дерпта и всѣ страны, прилежащія къ Россіи, превратились въ пустыню. Непріятель, съ своими малыми силами, не имѣлъ возможности пресѣчь подобныя опустошенія, напротивъ самъ съ великимъ трудомъ могъ держаться въ странѣ, повсюду раззоренной, и нерѣдко претерпѣвалъ значительныя пораженія. Въ концѣ 1701 года генералъ Шлиппенбахъ былъ потревоженъ на своихъ зимнихъ квартирахъ, у селенія *Эррестфера* (въ 7 миляхъ отъ Дерпта), 8-тысячнымъ кавалерійскимъ отрядомъ Русскихъ, подъ предводительствомъ самого Фельдмаршала, и принужденный (30 Декабря) вступить въ сраженіе, потерялъ почти половину своего 7-тысячнаго корпуса. Эта первая значительная побѣда Русскихъ чрезвычайно обрадовала Государя, постигавшаго ея важность въ нравственномъ отношеніи. «Слава Богу,» воскликнулъ онъ, «мы уже до того дошли, что Шведовъ побѣждать можемъ!» Всѣ офицеры получили за эту побѣду золотыя медали, сол-

даты по серебряному рублю, а Шереметевъ знаки Ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго (*).

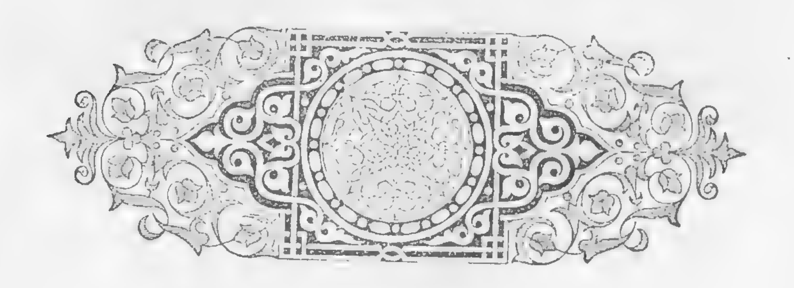
Между тѣмъ, Шведы произвели нападеніе на Архангельскъ (24 Іюля 1701 года); но Петръ, уже заранѣе извѣщенный о ихъ намѣреніи Голландскими купцами, повелѣлъ Архангельскому воеводѣ, Князю Прозоровскому, построить крѣпостцу на малой Двинѣ и принять мѣры предосторожности. Такимъ образомъ, появившаяся въ устьяхъ Двины, Шведская флотилія должна была удалиться, безъ всякаго успѣха. Опасаясь однакоже новаго покушенія со стороны Шведовъ на Архангельскъ и желая лично удостовѣриться въ безопасности этого столь важнаго для Россіи пункта, Петръ самъ отправился туда, весною 1702 года, въ сопровожденіи Царевича Алексѣя Петровича.

Во время его отсутствія, которое продолжалось все лѣто, фельдмаршалъ Шереметевъ съ успѣхомъ производилъ свои поиски противъ Шлиппенбаха въ Лифляндіи и (18 Іюля 1702 года) одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду при Гуммельсгофѣ. Шведская пѣхота, окруженная многочисленными отрядами Русскихъ, почти вся пала въ битвѣ и Шлиппенбахъ только съ слабыми остатками конницы успѣлъ укрыться въ стѣнахъ крѣпости Пернова. Вслѣдъ за тѣмъ, кромѣ многихъ замковъ и мѣстечекъ, города Вольмаръ и Маріенбургъ были превращены Русскими въ кучу пепла и развалинъ. Взятіе Маріенбурга (25 Августа 1702 года) замѣчательно по одному частному обстоятельству, важному для Россіи по своимъ слѣдствіямъ. Городъ, не смотря на свое безопасное положеніе среди озера, сдался фельдмаршалу на договоръ. Но, какъ Шведы сами нарушили условія договора и, подорвавъ пороховой магазинъ, погубили многихъ Русскихъ, уже вступившихъ въ крѣпость, — всѣ жители были объявлены военноплѣнными. Въ числѣ ихъ находился также пасторъ Эрнестъ Глюкъ, мужъ

(*) Первый Россійскій орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго учрежденъ Петромъ Великимъ вскорѣ по возвращеніи его изъ путешествія, 30 Августа, а по другимъ извѣстіямъ 30 Ноября, 1698 года. Первымъ кавалеромъ этого ордена тогда же былъ пожалованъ Генералъ-Кригсъ-Комисаръ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, а вторымъ Гетманъ Мазепа.

извѣстный своею ученостію, а съ нимъ и его юная питомица, которой Провидѣніе предназначило завидный жребій, быть въ послѣдствіи супругою Петра и Императрицею Россіи.

Послѣ пораженія Шлиппенбаха, Шведскіе отряды ужу не смѣли показываться въ полѣ. Вся Лифляндія осталась во власти Русскихъ, которые опустошили ее ужаснѣйшимъ образомъ, до самаго Пернова, Риги и Ревеля. «*Не осталось цѣлаго ничего, все разорено и пожжено* (*),» доносилъ Шереметевъ

(*) Отъ 4 Августа 1702. См. Письма къ Петру В. отъ Шереметева I. 103.

Государю, который самъ приказывалъ фельдмаршалу: «*какъ возможно землю разорить, дабы непріятелю пристанища не было и сикурсъ своимъ городамъ подать было не возможно* (*)». Наконецъ и сами побѣдители уже не могли держаться въ опустошенной странѣ. «*И въ болотахъ ничего не оставили* (**),» писалъ Шереметевъ, и 10 Сентября возвратился во Псковъ.

(*) Письма Петра В. къ Шереметеву стр. 11.
(**) Отъ 24 Августа 1702 года. Изъ подъ Маріенбурга, (I. 116).

ГЛАВА XV.

ПОКОРЕНІЕ ИНГРІИ, ОСНОВАНІЕ САНКТПЕТЕРБУРГА.

Успѣхи, начавшіе сопутствовать Русскому оружію въ Лифляндіи, показали Петру, что его армія уже пріобрѣла нѣкоторую опытность въ войнѣ и что съ нею можно было отважиться на предпріятія, значительнѣе одного опустошенія непріятельской страны. Время и обстоятельства благопріятствовали намѣреніямъ Государя: Шведскіе отряды въ Ингріи и Лифляндіи были почти уничтожены; Карлъ XII, преслѣдуя Саксонцевъ, углубился внутрь Польши, вступилъ въ безполезную для себя борьбу съ Августомъ II и, въ безмѣрной самонадѣянности, не видѣлъ усиленія Русскаго Царя. Петръ, пользуясь ослѣпленіемъ своего соперника и не теряя *сего Богомъ*

дарованнаго (какъ писалъ онъ) *времени,* рѣшился исполнить любимую свою мысль: утвердиться при Финскомъ заливѣ.

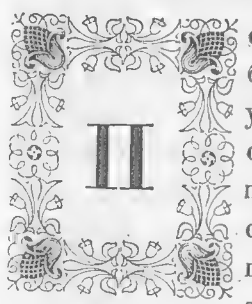
Онъ обратилъ свои взоры на Ингрію, гдѣ доселѣ окольничій Петръ Апраксинъ съ успѣхомъ дѣйствовалъ противъ Шведскаго генерала Кронгіорта. Сюда начала собираться, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, вся Русская армія изъ Пскова и Новгорода. Сюда поспѣшилъ и самъ Государь изъ Архангельска, пролагая новую дорогу отъ Бѣлаго моря непроходимыми мѣстами, чрезъ мхи, болота и озера. Цѣлью похода была крѣпость Нотебургъ или Орѣшекъ, лежащая на островѣ, при истокѣ Невы изъ Ладожскаго Озера. 27 Сентября, на лѣвомъ берегу Невы предъ Нотебургомъ раскинулся Русскій лагерь. По недостатку въ лошадяхъ, воины тянули артиллерію на себѣ и болѣе 50 судовъ перетянули чрезъ лѣсъ и болота изъ Ладожскаго озера въ Неву, чтобъ пресѣчь сообщеніе крѣпости съ моремъ. Непріятельскій редутъ, на противуположномъ берегу Невы, былъ взятъ нѣсколькими сотнями гвардейцевъ и крѣпость обложена со всѣхъ сторонъ. Петръ въ качествѣ бомбардиръ-капитана Преображенскаго полка, самъ дѣйствовалъ на баттареяхъ и, съ 1 Октября, открылъ сильный огонь по крѣпости.

На третій день явился къ нему барабанщикъ съ письмомъ къ фельдмаршалу отъ коммендантши, которая, именемъ всѣхъ

дамъ, находившихся въ крѣпости, просила дозволенія, оставить осажденный городъ. Капитанъ отвѣчалъ, «что онъ не имѣетъ надобности доносить объ этомъ фельдмаршалу, зная навѣрное, что фельдмаршалъ не захочетъ опечалить дамъ разлукою съ ихъ супругами; но, если имъ будетъ угодно выѣхать, такъ благоволили бы взять съ собою и своихъ любезныхъ супруговъ.»

Этотъ комплиментъ не поправился осажденнымъ. Они продолжали защищаться съ великимъ упорствомъ. Но укрѣпленія ихъ мало по малу разсыпались, наконецъ въ стѣнахъ открылся проломъ и Петръ вызвалъ охотниковъ на приступъ. Утромъ, 11 Октября, подполковникъ Князь Михайло Голицынъ, съ храбрѣйшими изъ двухъ полковъ гвардіи, переправился на островъ и приступилъ къ крѣпости. Къ несчастію, штурмовыя лѣстницы оказались на полторы сажени короче и Русскій отрядъ, находясь подъ самыми стѣнами, поражаемый съ верху картечами, гранатами и камнями, подвергся очевидной опасности совершеннаго истребленія. Петръ далъ уже приказаніе отступить, но та же гибель предстояла и при отступленіи. «Скажи Государю», отвѣчалъ храбрый Голицынъ посланному, «что теперь я принадлежу не ему, а Богу.» Онъ приказалъ оттолкнуть лодки отъ берега и бросился на крѣпостную стѣну. Изумленные столь отчаяннымъ мужествомъ Русскихъ, осажденные положили оружіе.

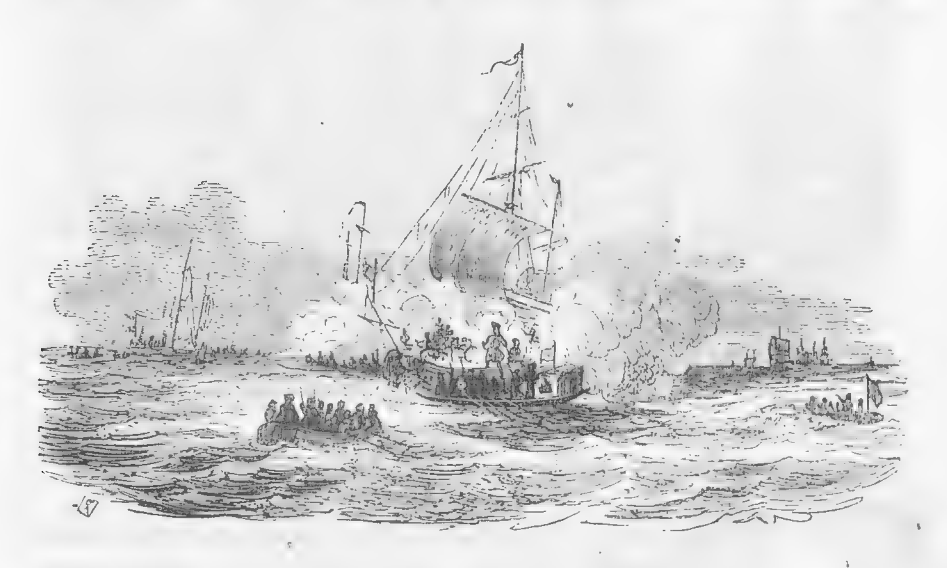
Петръ назвалъ завоеванную крѣпость Шлюссельбургомъ, то есть *Ключемъ-городомъ*, въ томъ убѣжденіи, что она должна открыть для Россіи путь къ Балтійскому морю. Бомбардиръ-поручикъ Меньшиковъ былъ назначенъ Шлюссельбургскимъ губернаторомъ, войско отправлено на зимнія квартиры во Псковъ и Ладогу, а Государь отправился въ Москву и, 6 Декабря, торжественно вступилъ въ нее тремя тріумфальными воротами.

Царь не долго праздновалъ въ столицѣ успѣхи своего оружія. Его дѣятельный духъ не зналъ покоя. Осмотрѣвъ строеніе своего флота въ Воронежѣ и, такъ сказать, отдохнувъ, среди любимыхъ занятій на верфи, онъ снова поспѣшилъ къ Невскимъ берегамъ на ратные подвиги. Въ половинѣ Марта мѣсяца 1703 года онъ уже былъ въ Шлиссельбургѣ, гдѣ между тѣмъ его любимецъ Меньшиковъ неутомимо трудился въ заготовленіи грузовыхъ судовъ и барокъ для будущаго похода. Чтобъ овладѣть всѣмъ теченіемъ Невы и утвердиться на берегахъ Финскаго залива, надлежало покорить другую Шведскую крѣпость Ніенъ или Ніеншанцъ, (по Русски: Канцы), находившуюся близь устьевъ Невы, при впаденіи въ нее рѣчки Охты. Еще до весны Русскія войска начали собираться въ Шлиссельбургѣ, чтобъ со вскрытіемъ водъ двинуться отсюда къ Ніеншанцу. Петръ ожидалъ только Шереметева, который съ главною арміею шелъ изъ Пскова. «Здѣсь за помощію Божіею, все готово», (писалъ онъ къ фельдмаршалу), «и больше не могу писать, только, что время, время, время, — и чтобъ не дать предварить непріятелю насъ, о чемъ тужить будемъ послѣ (*)». Шереметевъ прибылъ, и 26 Апрѣля вся армія, покорившая Нотебургъ, стояла подъ Ніеншанцемъ. Послѣ кратковременнаго сопротивленія, крѣпость сдалась на договоръ, 1 Мая, и была переименована Шлотбургомъ.

Опасенія Петра, что Шведы поспѣшатъ на помощь къ Ніеншанцу, были не напрасны. 2 Мая, Шведская эскадра, подъ предводительствомъ вице-адмирала Нумерса, появилась у Невскихъ устьевъ и, не подозрѣвая взятія крѣпости, дала ей знать о своемъ прибытіи двумя пушечными выстрѣлами. Чтобъ поддержать заблужденіе непріятеля и вовлечь его въ какой нибудь неосторожный поступокъ, Петръ приказалъ отвѣчать изъ крѣпости равнымъ числомъ выстрѣловъ. Эта хитрость, повторенная нѣсколько разъ, имѣла желаемый успѣхъ. Вечеромъ, 5 Мая, два непріятельскихъ судна, Шнява о 14 и ботъ о 10 пушкахъ, отдѣлившись отъ эскадры, вошли въ устье Большой Невы

(*) Письма Петра В. къ Шереметеву, стр. 16.

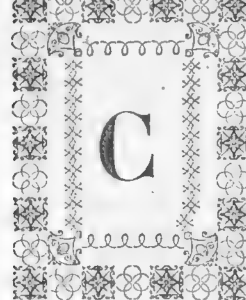
и, въ ожиданіи лоцмановъ, стали на якорь. Петръ рѣшился овладѣть ими и, взявъ съ собою Меньшикова съ отрядомъ гвардейцевъ, въ тотъ же вечеръ пустился на тридцати лодкахъ внизъ по рѣкѣ. Плывя подъ заслономъ лѣсистыхъ береговъ, среди мрачной и дождливой ночи, Царская флотилія, не замѣченная непріятелемъ, достигла протока Невы, (противъ нынѣшняго Екатерингофа) и, передъ самымъ разсвѣтомъ, съ двухъ сторонъ стремительно ударила на изумленныхъ непріятелей. Ободряемые примѣромъ своего Монарха, Русскіе, подъ градомъ пуль, ядеръ и картечь, мужественно сцѣпились съ непріятельскими судами, въ виду всей ихъ эскадры, остановившейся за

мелководіемъ на возморьи. Петръ съ гранатою въ рукѣ, первый взлетѣлъ на Шведскую шняву и чрезъ нѣсколько минутъ оба судна были въ его власти. Изъ 77 человѣкъ, составлявшихъ ихъ экипажъ, только 19 были взяты въ плѣнъ; прочіе пали въ отчаянномъ сопротивленіи. Торжественно ведя за собою взятыя суда, побѣдители возвратились (8 Мая) въ лагерь подъ Шлотбургомъ. Всѣ они награждены медалями, выбитыми въ память ихъ подвига; главные же виновники побѣды удостоены знаками ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго: 10 Мая, по отправленіи благодарственнаго молебствія за побѣду, генералъ-адмиралъ Головинъ, первый Андреевскій кавалеръ, воз-

ложилъ знаки этого ордена на вѣнценоснаго капитана Петра Михайлова и поручика Меньшикова.

лава, слава, слава Богу за исправленіе нашего штандарта!» писалъ Петръ къ Апраксину, обрадованный взятіемъ Ніеншанца (*). Петръ былъ въ восторгѣ, овладѣвъ всѣмъ теченіемъ Невы, отъ ея истока до устьевъ и, при первомъ взглядѣ на эту величественную рѣку, постигъ всю ея важность для Россіи. Съ одной стороны открытый доступъ къ Балтійскому морю, удобство сообщенія съ образованною Европою и виды на дальнѣйшее распространеніе владѣній Россіи, съ другой— легкость и удобство естественнаго сообщенія Невскихъ береговъ, посредствомъ Ладоги, Волхова, Сяси, Ильменя и дру-

(*) Собр. писемъ Петра В. къ Апраксинымъ. I. 210.

гихъ рѣкъ и озеръ съ неизмѣримыми пространствами внутреннихъ губерній Россіи, — всѣ неисчислимыя выгоды быстро представились дальновидному уму Петра и пробудили великую мысль утвердить на всегда господство Россіи на этихъ пустынныхъ берегахъ; завязать здѣсь узелъ политическаго, торговаго и умственнаго соединенія Россіи съ Западною Европою; основать, не только пограничную крѣпость, но обширный, торговый, Европейскій городъ, приморскій портъ и гавань для флота. Препятствія его не устрашали: дикая пустыня, дремучіе лѣса, неприступныя болота, близость сильнаго непріятеля, — ничто не могло поколебать его рѣшимости.

Прежняя Шведская крѣпость Ніеншанцъ, малая по пространству, неудобная для обороны, и отдаленная отъ устья Невы, не соотвѣтствовала исполинскому намѣренію Петра. Положено было срыть ее и отыскать другое, удобнѣйшее мѣсто для крѣпости. По внимательномъ обозрѣніи Невскихъ острововъ, Петръ избралъ для этого небольшой, низменный островъ *Янисари* (Заячій), предъ нынѣшнею Петербургскою стороною, окруженный съ одной стороны водами Большой Невы, съ другой неприступнымъ болотомъ. 16 Мая, въ праздникъ Св. Троицы, Царь собственными руками положилъ закладной камень новой крѣпости, которую вмѣстѣ съ городомъ, уже существовавшимъ въ его умѣ, назвалъ именемъ Святаго Петра — *Санктпетербургъ*.

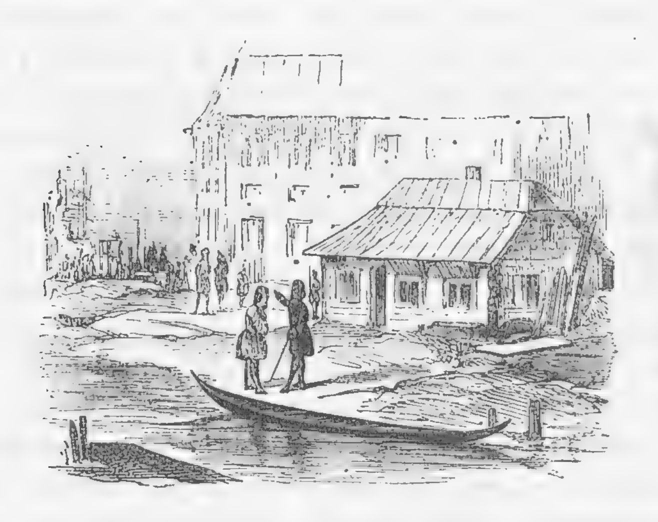
Немедленно приступлено было къ работѣ, и пустыня, безмолвная въ теченіе вѣковъ мгновенно огласилась стукомъ сѣкиръ и криками работниковъ. Часть войска, окрестные жители: Корелы, Олончане, Новгородцы, также плѣнные Шведы, Казаки, Татары, Калмыки и тысячи разноплеменныхъ людей стеклись сюда, по голосу Царя, со всѣхъ частей его обширныхъ владѣній. Еще того же лѣта, сорокъ тысячь человѣкъ, раздѣленные на двѣ очереди, трудились надъ сооруженіемъ крѣпости отъ утренней зари до поздняго вечера. За неимѣніемъ необходимыхъ орудій, всѣ работы производились почти одними руками. Землю, рѣдкую въ этомъ мѣстѣ, приносили издалека, въ куляхъ, въ мѣшкахъ, въ полахъ одежды. Препятствія были неимовѣрны; но дѣятельность, возбужденная присутствіемъ Царя, преодолѣвала все. Лѣса и болота быстро исчезали, и тамъ, гдѣ доселѣ двѣ рыбачьи хижины составляли единственные признаки человѣческаго пребыванія, чрезъ нѣсколько недѣль начали возникать грозные валы крѣпости, какъ бы вызванные изъ водъ волшебною силою. 29 Іюня Петръ уже имѣлъ удовольствіе торжествовать день своего тезоименитства въ новыхъ казармахъ, построенныхъ въ стѣнѣ крѣпости, въ бастіонѣ Меньшикова; а чрезъ 4 мѣсяца, со дня заложенія, крѣпость была уже окончена и ея валы вооружены Шведскою артиллеріею.

Первыя укрѣпленія состояли изъ землянаго вала о шести бастіонахъ, названныхъ именами особъ, надзиравшихъ за ихъ постройкой (*). Внутри крѣпости въ всю ея длину былъ проведенъ каналъ, вдоль котораго, по обѣимъ сторонамъ стояли четыре ряда деревянныхъ домиковъ, крытыхъ берестою или дерномъ; кромѣ того были построены: домъ коменданта, арсеналъ и деревянная церковь, во имя Св. Апостолъ Петра и Павла, окрашенная подъ желтый мраморъ, съ тремя спицами. Вотъ скромное начало великолѣпнѣйшей въ мірѣ столицы обширной Русской Имперіи!

Присутствуя неотлучно при постройкахъ, Царь первый поселился подлѣ нихъ, повелѣвъ выстроить для себя, на берегу

(*) Бастіоны: Государевъ, Нарышкинъ, Трубецкой, Зотовъ, Головкинъ и Меньшиковъ.

Большой Невы, въ 200 саженяхъ выше крѣпости, деревянный домикъ, длиною въ 8, шириною въ 3 сажени. Двѣ комнаты, узенькія сѣни и кухня, внутри обитыя холстомъ подъ бѣлою краскою, безъ всякихъ украшеній, съ самою простою мебелью,

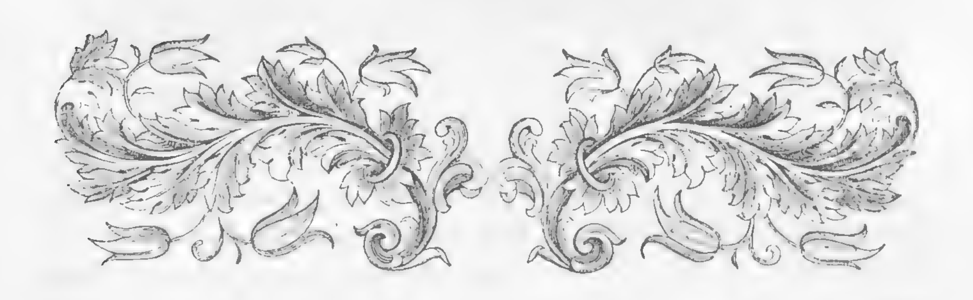

составляли въ Петербургѣ первое жилище его великаго основателя. Этотъ Царскій домикъ, который потомки хранятъ съ благоговѣніемъ и, подлѣ него, довольно обширный и даже великолѣпный, по тогдашнему времени, домъ перваго Петербургскаго губернатора, Меньшикова, были первыми зданіями города, который, по плану Петра, долженъ былъ возникнуть на нынѣшней Петербургской сторонѣ, называвшейся у Финновъ *Койвусари* (Березовый островъ).

Между тѣмъ, какъ Петръ трудился въ потѣ лица на берегахъ Невы, сооружая новую крѣпость, фельдмаршалъ Шереметевъ (27 Мая) взялъ городъ (нынѣ село) Копорье, а генералъ-маіоръ фонъ—Верденъ занялъ Ямы, которые Петръ приказалъ укрѣпить снова и наименовалъ Ямбургомъ. «И такъ», (писалъ Царь), «при помощи Божіей, Ингрія въ рукахъ, дай Боже доброе окончаніе! (*)».

(*) Собр. писемъ къ Апраксинымъ. I. 214.

Ингрія была въ рукахъ, Невская крѣпость возникала и усилія Шведовъ, остановить успѣхи Петра, были тщетны. Узнавъ, что генералъ Кронгіортъ намѣревается сдѣлать нападеніе на строившійся еще Петербургъ, Царь, съ своею гвардіею и четырьмя драгунскими полками, самъ выступилъ къ нему на встрѣчу; переправился, подъ огнемъ 13 непріятельскихъ орудій, чрезъ рѣку Сестру и на ея берегахъ (8 Іюля) поразилъ Кронгіорта, который, потерявъ болѣе 1,000 человѣкъ убитыми, бѣжалъ къ Выборгу.

Сильный гарнизонъ, поставленный въ новопостроенной крѣпости, подъ начальствомъ перваго ея коменданта, полковника Рена, достаточно обезпечивалъ ее, на будущее время, отъ подобныхъ покушеній непріятеля съ сухаго пути. Но для обороны крѣпости съ морской стороны, также и для дальнѣйшихъ успѣховъ надъ непріятелемъ, необходимо было съ возможною скоростію вооружить флотъ на Невѣ и укрѣпить Невскія устья. Мѣры для сооруженія флота были уже приняты. Еще въ предыдущемъ году, Меньшиковъ основалъ Олонецкую корабельную верфь, на рѣкѣ Свири, въ Ладейномъ полѣ; другая была основана на устьѣ рѣки Сяси; въ Шлиссельбургѣ также строились разнаго рода грузовыя суда и лодки. Въ началѣ Октября Петръ самъ отправился на Олонецкую верфь и, заложивъ тамъ 6 фрегатовъ и 9 меньшихъ военныхъ судовъ, возвратился въ

Петербургъ на новопостроенномъ фрегатѣ Штандартъ, въ сопровожденіи 6 новыхъ галіотовъ. Потомъ, въ концѣ Октября, когда Финскій заливъ уже начиналъ покрываться льдомъ, поѣхалъ осматривать взморье. Съ лотлинемъ въ рукѣ, Царь самъ измѣрилъ глубину фарватера, внимательно осмотрѣлъ островъ

Котлинъ и рѣшился укрѣпить песчаную мель, лежащую между этимъ островомъ и берегомъ Ингерманландіи, при самомъ входѣ въ Невскій фарватеръ. Но, проведя уже цѣлое лѣто на Невскихъ берегахъ и озабоченный множествомъ разнообразнѣйшихъ занятій, Петръ поспѣшилъ въ свою столицу, а исполненіе своей мысли возложилъ на своего любимца, Меньшикова. Довольный успѣхами своего оружія, возвратившаго подъ Русскую державу ея древнее достояніе, Царь съ побѣднымъ торжествомъ (11 Ноября) вступилъ въ Москву, гдѣ народъ, уже начинавшій понимать пользу Монаршихъ нововведеній, привѣтствовалъ побѣдителя радостными восклицаніями.

Чрезъ двѣ недѣли Петръ былъ уже въ Воронежѣ. Тамъ начерталъ онъ планъ новыхъ укрѣпленій, долженствовавшихъ, еще въ теченіе той же зимы, возникнуть въ Финскомъ заливѣ, для обороны Петербурга со стороны моря. Меньшиковъ, получивъ чертежъ, поспѣшилъ исполнить волю Монарха и совершилъ дѣло, которому едва ли найдется подобное. Огромные бревенчатые ящики, наполненные камнями и погруженные на дно моря, составили твердую основу, на которой трехъярусная

деревянная башня стала стражемъ Невскихъ устьевъ. Болѣе 8 тысячъ лошадей пало при перевозкѣ матеріаловъ, доставленныхъ по льду; не мало погибло и людей, среди неимовѣрныхъ усилій въ жестокую зиму. Но укрѣпленія росли и, когда заливъ вскрылся ото льда, уже возвышалась новая твердыня, которую Петръ (7 Мая 1704 года) самъ вооружилъ артиллеріею и назвалъ «Кроншлотъ.»

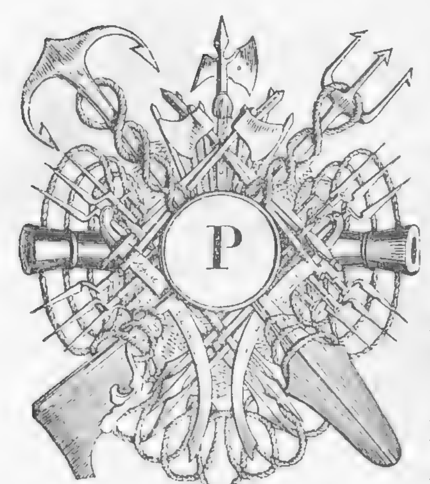
Оплотъ Петербурга со стороны моря былъ воздвигнутъ и Петръ, увѣренный въ безопасности своего юнаго города, спѣшилъ къ новымъ воинскимъ подвигамъ.

ГЛАВА XVI.

ДѢЛА ВЪ ПОЛЬШѢ. ВЗЯТІЕ ДЕРПТА и НАРВЫ.

ѣшительность, съ которою Петръ утверждалъ свое господство при Финскомъ заливѣ, возбудила общее удивленіе и безпокойство Европейскихъ кабинетовъ. «Что Царь приближается къ Балтійскому морю, этого въ Европѣ никто не можетъ терпѣть» говорилъ Англійскій посолъ въ Люблинѣ (*). Для Европы, конечно, было выгоднѣе и безопаснѣе, видѣть берега Балтійскаго моря во власти Швеціи, слабой своими естественными способами, нежели Россіи, столь богатой матеріальными силами. Даже самые друзья Россіи не могли скрыть своей

(*) Смот. Patkuls Berichte I. 36.

зависти, видя успѣхи Петра на сѣверѣ. Пруссія и Данія сильно убѣждали Царя, оставить осаду крѣпостей Ингріи и Лифляндіи и обратить свои силы въ Польшу противъ Карла XII, обнадеживая притомъ, что и они въ такомъ случаѣ примутся за оружіе, чтобъ общими силами положить конецъ успѣхамъ Шведскаго героя. Но для Петра еще не время было помышлять о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ противъ самого Карла XII, отъ которыхъ онъ старался отвлечь и Августа II. Петръ хотѣлъ сперва упрочить свои завоеванія покореніемъ ближайшихъ къ Ингріи крѣпостей Лифляндіи и Кареліи, и обнадеживалъ союзниковъ, что, по взятіи Нарвы и Дерпта, соединитъ свои войска съ Саксонскими и Польскими.

Съ другой стороны, государственные мужи Швеціи неотступно умоляли своего Короля, оставить въ покоѣ безсильнаго соперника и направить оружіе на другаго, который съ каждымъ днемъ становился опаснѣе. «Заклинаю тебя, Государь, не презирай Русскихъ!» писалъ къ Королю умирающій президентъ совѣта Оксенстіерна. «Мы разбили ихъ, но побѣжденные учатся побѣждать, и наконецъ мы падемъ предъ многолюдствомъ.» Но Карлъ XII помнилъ только свой подвигъ подъ Нарвою и не видѣлъ опасности. «Правда,» говорилъ онъ, «Ингрія завоевана Русскими, Лифляндія страждетъ отъ ихъ набѣговъ, но одна Нарвская битва возвратитъ намъ все потерянное (*).»

Съ этою гордою увѣренностію въ могуществѣ своего оружія, Король Шведскій продолжалъ преслѣдовать Августа II по всей Польшѣ, изъ одной области въ другую, и нерѣдко наносилъ ему сильныя пораженія. Но, не имѣя намѣренія утвердиться въ Польшѣ и ведя войну, какъ наѣздникъ, болѣе для удовольствія, одерживать побѣды, нежели для достиженія какихъ либо важныхъ цѣлей, онъ не могъ совершенно обезсилить своего соперника, который, при пособіяхъ Россіи и своихъ наслѣдственныхъ владѣній, легко возстановлялъ свои потери и снова затруднялъ побѣдителя.

Отъ этой борьбы, безполезной для Карла, неудачной для Августа, болѣе всего страдала Польша. Саксонцы и Шведы, враги между собою, называли себя друзьями республики, имѣя

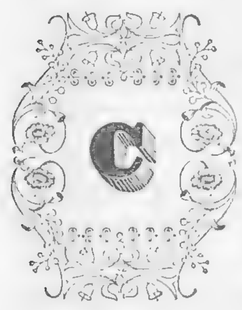
(*) G. A. von Halem.

въ ней — и тѣ, и другіе — свою партію, и наносили ей неисцѣлимыя язвы. Откуда удалялись Саксонцы, тамъ являлись Шведы и наказывали жителей за приверженность къ своему Королю. Тоже самое, въ свою очередь, дѣлали Саксонцы съ приверженцами Шведовъ. Но никакія бѣдствія не въ силахъ были утишить вражду партій, раздиравшихъ Польшу, и образумить ослѣпленныхъ ея граждапъ. Тщетно старался Карлъ XII склонить ихъ къ низложенію своего Короля, — столь же безуспѣшно силился Августъ II произвесть всеобщее возстаніе противъ Шведовъ. Сеймъ, созванный Августомъ въ Люблинѣ, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, 1703 года, уже опредѣлилъ, дать Королю значительныя вспоможенія войскомъ и деньгами, и предоставилъ ему право заключать союзы съ иностранными державами отъ имени республики. Но происки, приверженнаго къ Шведамъ, Примаса Польши, кардинала Радзіевскаго, уничтожили полезныя слѣдствія Люблинскаго сейма и еще болѣе усилили вражду партій.

Между тѣмъ, Карлъ XII, почитая опредѣленія этого сейма объявленіемъ войны со стороны республики, началъ дѣйствовать съ большею рѣшительностію и повелѣлъ своимъ генераламъ, не щадить Поляковъ. Пораженіе Саксонскаго фельдмаршала Штейнау при Пултускѣ, покореніе и разрушеніе Торуня, взятіе Познани, Маріенбурга, Эльбинга и другихъ городовъ Польской Пруссіи, утвердили господство Карла XII надъ Поль-

шею; а грабительство Шведовъ и несмѣтныя контрибуціи, собираемыя ими повсюду, довели несчастную республику до послѣдняго изнеможенія. Тогда желаніе мира стало общимъ чувствомъ всѣхъ партій и соединило ихъ на другомъ сеймѣ, собравшемся въ началѣ 1704 года, подъ предсѣдательствомъ Примаса, въ Варшавѣ. Но, привлеченные лестною надеждою близкаго мира, Польскіе депутаты вскорѣ узнали истинную цѣль своего призванія и съ негодованіемъ увидѣли, что они сдѣлались орудіемъ коварнаго кардинала и Шведовъ, для низложенія Короля Августа. Угрозы Карла XII и близость побѣдоносныхъ Шведскихъ войскъ заставили ихъ дѣйствовать по волѣ кардинала-Примаса: 6 Февраля Сеймъ объявилъ Короля Августа неспособнымъ носить Польскую корону; вслѣдъ за тѣмъ обнародовано было междуцарствіе и назначено время къ избранію новаго короля.

толь несчастный для Августа II оборотъ Польскихъ дѣлъ, не могъ не встревожить и Рускаго Царя. Августъ нуждался въ помощи и Петръ видѣлъ необходимость, поддержать его всѣми силами, чтобъ не дать угаснуть Польской войнѣ, столь полезной для Русскихъ. Онъ немедленно двинулъ въ Польшу, на соединеніе съ Августомъ, 12,000 пѣхоты и 5,000 Казаковъ изъ Кіева подъ начальствомъ Князя Дмитрія Голицына, и повелѣлъ Гетману Мазепѣ быть готовымъ, слѣдовать тудаже, со всѣми силами Малороссіи, по первому требованію Августа. Генералъ-лейтенантъ Корсакъ, командовавшій въ Смоленскѣ значительнымъ корпусомъ конной Шляхты и драгунъ, долженъ былъ двинуться въ Литву; а фельдмаршалъ Шереметевъ, по повелѣнію Государя, уже привелъ всю главную свою армію въ совершенную готовность къ походу въ Курляндію, такъ, «*чтобъ, по принятіи другаго письма, ни трехъ дней не мѣшкать* (*).»

Но вскорѣ обстоятельства измѣнились и партія Августа, угрожаемая совершеннымъ паденіемъ, снова возвысилась. Князь Яковъ Собѣсскій, котораго Варшавскій сеймъ, по предложенію

(*) Письма Петра В. къ Шереметеву. стр. 26.

Карла XII, хотѣлъ провозгласить Королемъ, попался въ руки Саксонской партіи и былъ отосланъ въ Лейпцигъ. Это ободрило Августа II. Онъ созвалъ новый сеймъ въ Сендомирѣ, который призналъ опредѣленія Варшавскаго сейма противузаконными и провозгласилъ его членовъ врагами республики. Вслѣдъ затѣмъ и на самомъ Варшавскомъ сеймѣ возникли раздоры, весьма благопріятные для Августа II: Примасъ хотѣлъ возвесть на Польскій престолъ кого-либо изъ иностранныхъ принцевъ; однако, видя, что народъ желаетъ, чтобъ Польская корона была на головѣ Пяста (природнаго Поляка), вознамѣрился поддерживать избраніе на престолъ Великаго Гетмана, Князя Любомирскаго. Между тѣмъ, Карлъ XII, соскучившись безконечностію этихъ споровъ, придвинулъ свою армію къ Варшавѣ и рѣшительно объявилъ сейму, чтобъ на престолъ былъ избранъ Познаньскій воевода, Станиславъ Лещинскій, молодой Польскій вельможа, успѣвшій снискать дружбу Карла XII. Оскорбленный Примасъ, видя, что всѣ его происки разрушены и что онъ—игралище Шведовъ, оставилъ собраніе; но не могъ остановить избранія Станислава. Появленіе Шведскаго генерала Горна, съ множествомъ офицеровъ и нѣсколькими сотнями драгунъ на избирательномъ сеймѣ принудило депутатовъ къ единодушному выбору. 2 Іюля 1704 года, Станиславъ былъ провозглашенъ Королемъ.

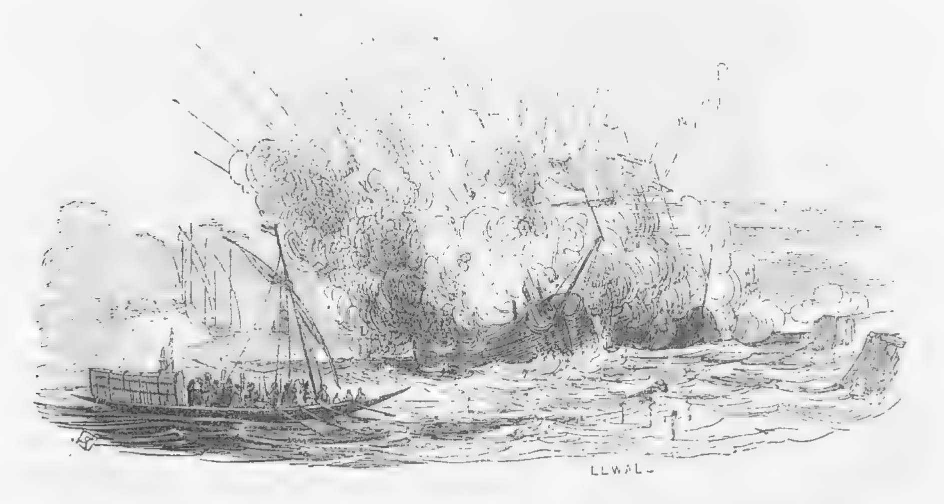
Карлъ XII, давъ Польшѣ Короля, думалъ, что онъ наконецъ освободился отъ Августа II и можетъ обратить свои силы на Россію. Но, къ немалому своему огорченію, вскорѣ замѣтилъ, что онъ еще столько же далекъ отъ своей цѣли, какъ и прежде. Почти все Польское дворянство, оскорбленное насиліемъ, оказаннымъ въ Варшавѣ его депутатамъ, не признало новаго Короля и еще тѣснѣе соединилось съ Августомъ, который, получивъ новыя сильныя подкрѣпленія изъ Саксоніи и Россіи, могъ начать борьбу съ своимъ соперникомъ даже съ бо̀льшею надеждою на успѣхъ, нежели прежде. Притомъ и общее мнѣніе народа было на сторонѣ Августа II. Станиславъ былъ Королемъ Польши только тамъ, гдѣ находился Шведскій лагерь; Августа признавали вездѣ, гдѣ не было Шведовъ. Такимъ образомъ, вражда вспыхнула въ Польшѣ еще сильнѣе и Карлъ XII

былъ принужденъ потерять еще нѣсколько лѣтъ въ борьбѣ съ Августомъ, поддерживая оружіемъ престолъ Короля, возведеннаго имъ самимъ.

Между тѣмъ, Петръ безпрепятственно и съ блистательнымъ успѣхомъ достигъ желаемой цѣли: — распространилъ и обезпечилъ свои завоеванія на Сѣверѣ. При первомъ извѣстіи о благопріятной перемѣнѣ, происшедшей въ Польшѣ, онъ тотчасъ остановилъ походъ Шереметева въ Курляндію и повелѣлъ ему, только для виду, отправить къ границамъ нѣкоторую часть конницы; а съ главными силами осадить Дерптъ. Но, чтобъ дѣйствовать съ успѣхомъ противъ Дерпта, надлежало сперва овладѣть Чудскимъ озеромъ, на которомъ Шведы имѣли флотилію, состоявшую изъ 13 судовъ, вооруженныхъ 98 пушками. Не легко было бы Русскимъ, очистить озеро отъ непріятеля, не имѣя военныхъ судовъ; но, къ счастію ихъ, лейтенантъ Лёшеръ, начальникъ флотиліи, по неосторожности самъ удалился съ нею на зиму въ рѣку Эмбахъ (Амовжу). Фельдмаршалъ не упустилъ столь благопріятнаго случая и велѣлъ, заградить непріятелю выходъ изъ рѣки въ озеро. Немедленно по вскрытіи водъ, генералъ-маіоръ фонъ-Верденъ поплылъ къ устью рѣки Эмбаха; заградилъ ее множествомъ лодокъ,

поставленныхъ за небольшимъ островомъ, и занялъ войсками оба возвышенные берега рѣки, въ самомъ узкомъ мѣстѣ. Непріятельская эскадра хотѣла силою открыть себѣ путь въ озеро; но, послѣ упорнаго сраженія, принуждена была сдаться (3 Мая). Только одинъ ея предводитель, не желая пережить пораженія, въ отчаяніи, взорвалъ свою яхту, со всѣмъ экипажемъ, на воздухъ.

Вслѣдъ за этимъ удачнымъ подвигомъ, фельдмаршалъ Шереметевъ, съ 23 тысячами человѣкъ войска, выступилъ въ походъ изъ Пскова, и, 9 Іюня, осадилъ Дерптъ. Между тѣмъ Государь, приказавъ Окольничему Апраксину, стѣснить Нарву со стороны моря, чтобъ не впустить въ нее новыхъ подкрѣпленій, самъ выступилъ, (19 Мая) изъ Петербурга, въ намѣреніи, завоевать Кексгольмъ; но, узнавъ, что многочисленный Шведскій флотъ, появившійся при устьи Наровы, и Шлиппенбахъ, усиливающій свой корпусъ въ Ревелѣ, приготовляются подать сильную помощь стѣсненнымъ городамъ Лифляндіи, немедленно возвратился въ Петербургъ и обратилъ всѣ свои силы къ Нарвѣ. Въ концѣ Мая мѣсяца Русская армія со всѣхъ сторонъ обложила Нарву. Непріятельскій флотъ все еще стоялъ близъ устья Наровы, стараясь доставить подкрѣпленіе въ осажденный городъ; но батареи Апраксина уничтожали всѣ его усилія; а буря, загнавшая на мель два непрі-

ятельскіе корабля, доставила Русскимъ еще и добычу. За неимѣніемъ лодокъ, отрядъ конницы, предводимый самимъ Государемъ, бросился вплавь и овладѣлъ ими, со всѣмъ ихъ экипажемъ.

Узнавъ отъ перехваченныхъ изъ города плѣнныхъ, что комендантъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ помощи отъ генерала Шлиппенбаха изъ Ревеля, Петръ для ослабленія непріятеля, выдумалъ особеннаго рода воинскую хитрость. Утромъ, 8 Іюня, довольно многочисленный Русскій отрядъ, состоявшій изъ кавалеріи въ синихъ епанчахъ и пѣхоты въ синихъ Шведскихъ мундирахъ, съ Шведскими знаменами, началъ выступать по Ревельской дорогѣ отъ деревни С. Петерсъ и приближался къ городу, подавая осажденнымъ условленный у Шведовъ сигналъ двумя пушечными выстрѣлами. Князь Репнинъ и Меньшиковъ выступили съ войскомъ изъ Русскаго лагеря на встрѣчу къ мнимому непріятелю и, послѣ притворнаго сраженія, въ которомъ не щадили выстрѣловъ, начали отступать въ безпорядкѣ, будучи горячо преслѣдуемы переодѣтыми Русскими, предводимыми самимъ Государемъ. Въ Русскомъ лагерѣ также распространилось смятеніе. Тогда комендантъ, генералъ Горнъ, убѣжденный, что Шлиппенбахъ дѣйствительно пора-

жаетъ Русскихъ, рѣшился участвовать въ побѣдѣ и выслалъ изъ города 150 человѣкъ кавалеріи и 800 пѣхоты. Шведская кавалерія, съ радостнымъ восклицаніемъ бросилась на встрѣчу къ мнимымъ своимъ друзьямъ, но пришла въ изумленіе, видя,

что эти друзья устремили на нее свое оружіе, а съ другой стороны полковникъ Репне, скрывавшійся въ кустарникѣ, близъ самаго города, вышедъ изъ засады, отрѣзалъ путь къ отступленію. Большая часть отряда была изрублена на мѣстѣ; остальные взяты въ плѣнъ. Пѣхота, слѣдовавшая съ тыла, успѣла, почти безъ потери, спастись обратно въ городъ, будучи горячо преслѣдуема, до самыхъ воротъ.

Спустя нѣсколько дней, Петръ увѣдомился, что генералъ Шлиппенбахъ, столь нетерпѣливо ожидаемый въ Нарвѣ, дѣйствительно двинулся изъ Ревеля къ Вейсенбергу. По этому извѣстію, Полковникъ Репне, съ 8,000 человѣкъ, бо̀льшею частію кавалеріи, отправленъ былъ изъ Русскаго лагеря, на встрѣчу непріятелю. Онъ настигъ поспѣшно отступавшаго Шлиппенбаха (15 Іюня) при Лезнѣ, недалеко отъ Вейсенберга, и, обошедъ со всѣхъ сторонъ, почти совершенно уничтожилъ его малый отрядъ. Шведскій генералъ, съ оставшимися при немъ 200 человѣкъ, въ ужасѣ бѣжалъ въ Ревель.

Но настоящая атака Нарвы не могла еще быть начата съ надлежащимъ успѣхомъ, потому, что осадная артиллерія, которую везли изъ Петербурга чрезъ лѣса и болота, еще не была доставлена. Между тѣмъ осада менѣе укрѣпленнаго Дерпта также производилась чрезвычайно медленно. Хотя и усердно трудился фельдмаршалъ, но его труды не доказывали большаго искуства. Поэтому Петръ рѣшился личнымъ присутствіемъ ускорить взятіе Дерпта, чтобъ потомъ съ бо̀льшею силою дѣйствовать противъ Нарвы. Поручивъ главное начальство надъ арміею, подъ Нарвою, фельдмаршалъ - лейтенанту Огильви,

недавно вступившему изъ Австрійской въ Русскую службу, Государь (30 Іюня) отправился водою черезъ Чудское озеро къ Дерпту. «Здѣсь (писалъ онъ къ Меньшикову, отъ 4 Іюля) обрѣли мы людей въ добромъ порядкѣ, но кромѣ дѣла: ибо двои апроши съ батареями принуждены бросить, за ихъ неудобствомъ, третью передѣлать, и просто сказать, кромѣ зарѣчной батареи и Балковыхъ шанецъ, все негодно и туне людей

мучили. Когда я спрашивалъ: для чего такъ? то другъ на друга и больше на перваго (ссылались), который столь же знаетъ.—Правда то, что Іонка сказывалъ, что съ пятнадцать верстъ объѣзду; ибо здѣшніе господа зѣло себя берегутъ, ужъ кажется и надмѣру, и не многимъ ближе (стоятъ), какъ нашъ обозъ отъ Нарвы; но я принужденъ сію ихъ Сатурнусову дальность въ Меркуріусовъ кругъ подвинуть. Зѣло жаль, что двѣ тысячи уже бомбъ выметано безпутно; брешъ чаю зачнемъ кончае по четырехъ дняхъ по семъ, зѣло въ изрядномъ мѣстѣ, гдѣ муръ (стѣна) только указу дожидается, куды упасть» — и проч.

Присутствіе Государя пробудило новую жизнь въ лагерѣ, подъ Дерптомъ; работы производились съ такою быстротою, что уже 6 Іюля новыя батареи открыли огонь и дѣйствовали столь удачно, что на пятый день оказались проломы въ двухъ башняхъ и стѣна между ними на 20 сажень обрушилась. Тогда Государь приказалъ атаковать равелинъ противъ Русскихъ воротъ. Воины сдѣлали больше: срубили палисады, овладѣли равелиномъ и, раздраженные упорнымъ сопротивленіемъ осажденныхъ, устремились на приступъ главнаго вала. Государь самъ, какъ свидѣтельствуетъ фельдмаршалъ, *приступилъ къ брешу такимъ тѣснымъ мѣстомъ, что, не токмо отъ*

стрѣльбы опасно было, но и отъ труповъ пройти было трудно (*). Комендантъ, полковникъ Скитте, видя невозможность защищаться долѣе, подалъ знакъ трубою, что сдается на условіе. Съ трудомъ могли унять ярость Русскихъ воиновъ. Договоръ былъ заключенъ на мѣстѣ и побѣдители немедленно заняли городъ (13 Іюля).

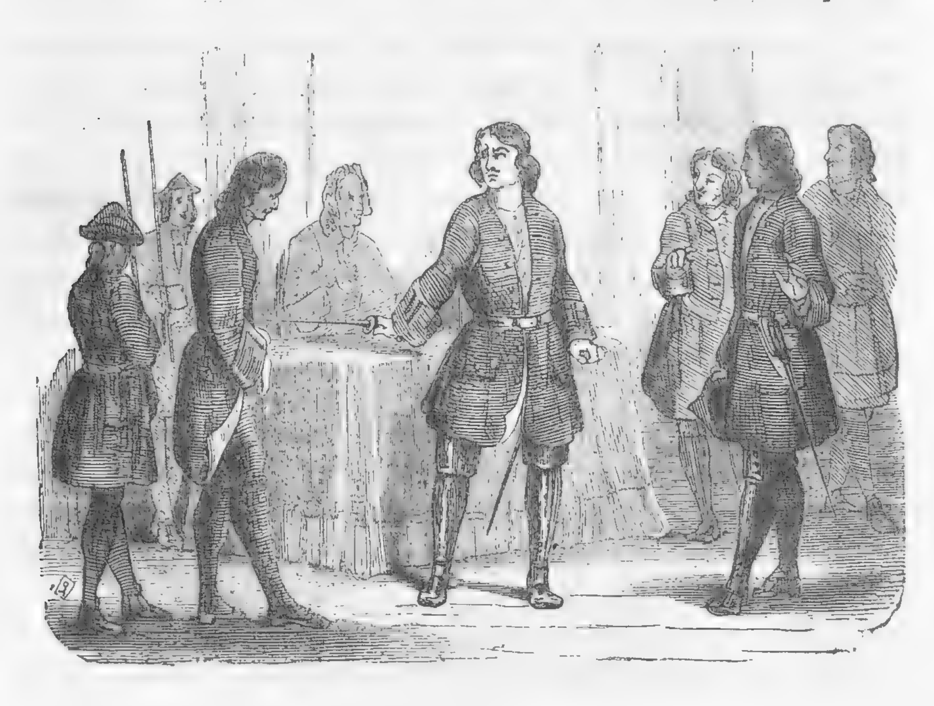
Четыре дня спустя покоритель Дерпта стоялъ уже подъ Нарвою со взятыми въ Дерптѣ трофеями. Десять тысячъ пѣхоты изъ арміи Шереметева увеличили осадной корпусъ подъ Нарвою до 45,000 человѣкъ. Осадныя орудія съ великимъ трудомъ были наконецъ привезены и 30 Іюля открыли канонаду, которая продолжалась безпрерывно, до 9 Августа. Метаніе бомбъ не прекращалось и ночью. Укрѣпленія во многихъ мѣстахъ были разрушены, орудія сбиты со стѣнъ и многія зданія въ городѣ превращены въ пепелъ и развалины. Но комендантъ съ безумнымъ упорствомъ отвергъ предложеніе о сдачѣ и даже дерзнулъ въ обидныхъ выраженіяхъ напомнить Русскимъ пораженіе ихъ подъ Нарвою. Такое оскорбленіе требовало мщенія; назначенъ былъ приступъ. Въ полдень 9 Августа, по данному знаку, Русскіе съ трехъ сторонъ устремились къ проломамъ. Ни подкопъ, взорванный непріятелемъ, ни штурмовыя бочки, скатываемыя съ вершины вала, ничто не могло удержать раздраженныхъ воиновъ. Менѣе, нежели чрезъ три четверти часа, Русское знамя развѣвалось на стѣнахъ крѣпости.

Ожесточенные упорствомъ непріятеля, воины распространили ужасъ по всей Нарвѣ. Начальники не въ силахъ были унять ихъ ярости. Государь, съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ, самъ поскакалъ по улицамъ и, заколовъ своею рукою нѣкоторыхъ,

(*) . Журналъ походу подъ Дерптъ. (Снот. письма къ Петру В. отъ Шереметева. I. 23),

не внимавшихъ его голосу, успѣлъ наконецъ прекратить грабежъ и убійство. Потомъ вошелъ онъ въ ратушу, куда приведенъ былъ и плѣнный комендантъ Горнъ. Увидѣвъ его, Петръ не могъ удержаться отъ гнѣва. «Ты» сказалъ Государь, давъ ему пощечину, «ты одинъ виною безполезно пролитой крови. Безъ всякой надежды на помощь, безъ средства

къ спасенію города, тебѣ давно уже надлежало выставить бѣлое знамя. Таковы правила войны.»—«Смотри!» продолжалъ онъ, бросивъ на столъ свой окровавленный мечь: — «смотри! это не Шведская, это Русская кровь, пролитая мною для спасенія несчастныхъ жителей, которыхъ твое безразсудное упорство подвергло конечной гибели.»

По взятіи Нарвы, комендантъ противулежащаго Иванъ-города почелъ дальнѣйшее сопротивленіе безполезнымъ и сдался на договоръ, 16 Августа. Военная добыча, полученная Русскими въ этихъ двухъ крѣпостяхъ, слишкомъ вознаградила ихъ за потерю, понесенную подъ Нарвою, въ 1700 году: до 80 мѣдныхъ и болѣе 400 чугунныхъ орудій, кромѣ множества другаго оружія и воинскихъ снарядовъ, были трофеями побѣдителей. По возстановленіи порядка и спокойствія въ завоеванномъ городѣ, принесено было торжественное благодареніе Всевышнему, даровавшему славную побѣду тамъ, гдѣ за 4 года предъ тѣмъ подвергъ онъ Русскихъ тяжкому испытанію, и Царь, смиряясь духомъ предъ Господомъ, съ веселіемъ проходилъ всѣ улицы, сопровождаемый хоромъ пѣвчихъ, воспѣвавшихъ псалмы Давида.

Покореніе Нарвы блистательно окончило военные подвиги Русскихъ въ 1704 году. Приближающаяся осень и отдаленность непріятеля, котораго надлежало искать въ Литвѣ и Курляндіи, не дозволяли болѣе предпринимать новыхъ завоеваній. Однако дѣятельность Петра не ослабѣвала. Хозяйственныя распоряженія, дипломатическіе переговоры, попеченія о безо-

пасности государста и новопріобрѣтенныхъ владѣній, равно какъ и приготовленія къ будущему походу, замѣнили для него воинскіе труды. Давъ аудіенцію Польскому посланнику и подтвердивъ новый договоръ съ Королемъ Августомъ и республикою о вспоможеніяхъ противъ Шведовъ, Петръ въ тотъ же день (19 Августа) оставилъ Нарву, посѣтилъ Дерптъ, Псковъ, Новгородъ и прибылъ къ устью Волхова, гдѣ по его волѣ, на берегу озера, на мѣстѣ, избранномъ имъ самимъ, созидался городъ, замѣнившій не удобную для торговли, по отдаленности отъ берега, Старую Ладогу и названный Новою Ладогою. Изъ Ладоги отправился онъ на Олонецкую верфь, заложилъ тамъ военный корабль и спустилъ на воду заложенные имъ въ предыдущемъ году 6 фрегатовъ и 9 бригантинъ съ которыми, 5 Октября, прибылъ въ Петербургъ. Желая съ нетерпѣніемъ видѣть Русскій флагъ на Балтійскомъ морѣ и находя Олонецкую и Сясьскую верфь неудобными для сооруженія большихъ кораблей, Петръ немедленно, по прибытіи своемъ въ Петербургъ, заложилъ, на лѣвомъ берегу Невы, еще новую корабельную верфь, которую приказалъ укрѣпить рвомъ и земляньмъ валомъ. 9 Октября оставилъ онъ Петебургъ и возвратился въ Нарву, гдѣ назначилъ отпускную аудіенцію Турецкому посланнику, прибывшему въ Москву еще въ Февралѣ

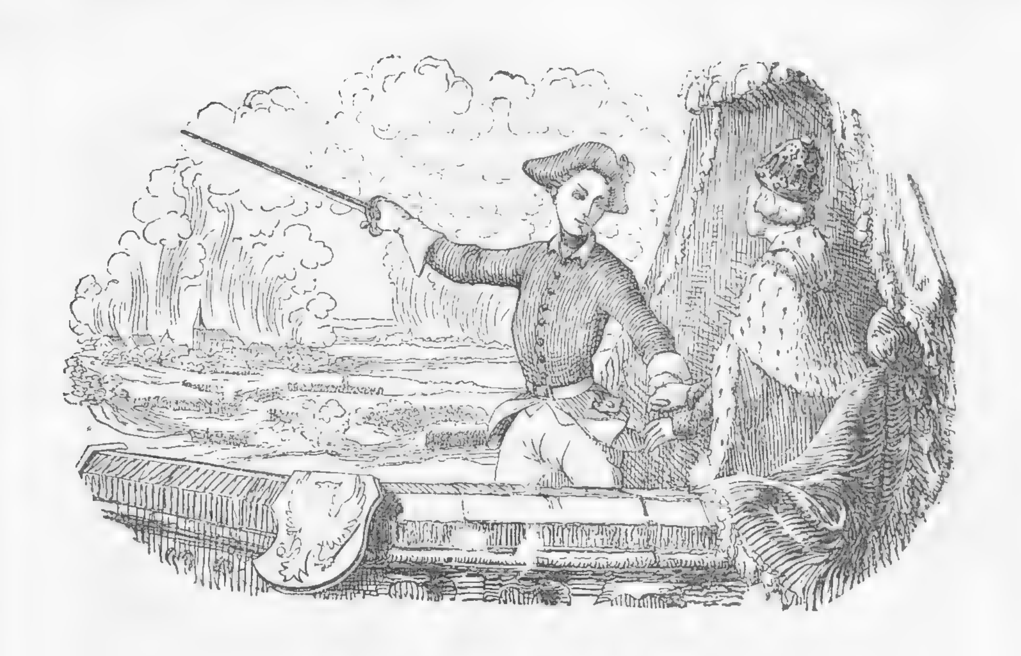
мѣсяцѣ, съ объявленіемъ о восшествіи на престолъ Султана Ахмета I, и съ жалобою на Россію, за строеніе флота въ Воронежѣ и крѣпостей на Днѣпрѣ и Донѣ. Царь, доказывая въ своей грамотѣ къ Султану, что его сооруженія ни мало не противны условіямъ заключеннаго мира, желалъ въ то же время внушить Туркамъ болѣе страха и уваженія къ Россіи, и показалъ ихъ посланнику всѣ свои завоеванія и сооруженія на берегахъ Невы, равно какъ и свою стройную побѣдоносную армію.

Между тѣмъ, Москва пріуготовляла великолѣпнѣйшій тріумфъ для встрѣчи побѣдителей, вступившихъ въ нее 14 Декабря.

Семь тріумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ въ разныхъ мѣстахъ столицы, напоминали число непріятельскихъ крѣпостей, завоеванныхъ Русскими въ три послѣдніе похода. Шведскіе флаги, знамена, пушки, и множество знатнѣйшихъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ Нарвскій комендантъ Горнъ, сопровождали шествіе побѣдителей и увеличивали радость народнаго торжества.

ГЛАВА XVII.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОЛЬСКИХЪ ДѢЛЪ. ОТРАЖЕНІЕ ШВЕДОВЪ ОТЪ ПЕТЕРБУРГА. ПЕТРЪ ВЪ ЛИТВѢ и ВЪ КУРЛЯНДІИ.

Послѣ избранія на Польскій престолъ Станислава Лещинскаго, счастіе, незнакомое доселѣ Августу II, вдругъ польстило ему мгновеннымъ успѣхомъ и внушило новыя надежды. Въ то самое время, когда Карлъ XII грабилъ города: Сендомиръ, Ярославъ, Львовъ и Замостье, а новоизбранный Польскій Король находился въ своей столицѣ, — Августъ II, присоединивъ къ себѣ Русскій вспомогательный корпусъ, приведенный Княземъ Голицынымъ, неожиданно явился передъ Варшавою (20 Августа) и распространилъ въ ней всеобщій ужасъ. Его совмѣстникъ,

Станиславъ, будучи не въ состояніи противиться, бѣжалъ къ своему покровителю; Шведскій генералъ Горнъ, защищавшій Варшавскій замокъ, сдался военноплѣннымъ; самъ Примасъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ, а епископъ Познаньскій, провозгласившій избраніе на престолъ Станислава, попался въ руки Саксонцевъ, при занятіи Варшавы. По этимъ удачнымъ набѣгомъ кончились всѣ успѣхи Августа II. Имѣя до 40 тысячъ войска, онъ не имѣлъ довѣренности къ своимъ силамъ и, при первомъ извѣстіи о приближеніи своего неодолимаго соперника, совершенно потерялся. Упустивъ благопріятный случай, остановить Шведовъ при переправѣ чрезъ Вислу, онъ не могъ болѣе держаться въ Варшавѣ и долженъ былъ помышлять только объ отступленіи. Желая спасти хотя часть своей арміи, сильно тѣснимой непріятелемъ, онъ рѣшился раздробить ее: самъ отступилъ съ кавалеріею на Краковъ и тамъ укрылся отъ своего соперника, а генералъ Шуленбургъ, преслѣдуемый по пятамъ Карломъ XII, успѣлъ спастись за Одеръ, съ большею частію Саксонской и Русской пѣхоты, весьма много пострадавшей въ быстромъ отступленіи. Такимъ образомъ, Карлъ XII, безъ сраженія, однимъ своимъ присутствіемъ, разсѣялъ и уничтожилъ наилучшую армію, какую Король Августъ когда либо имѣлъ въ своемъ распоряженіи и, размѣстивъ свои побѣдоносныя войска по зимнимъ квартирамъ, между Познанью и Калишемъ, на границахъ Силезіи, началъ угрожать самымъ наслѣдственнымъ владѣніямъ Августа II.

ежду тѣмъ, какъ Польша, представлявшая главный театръ долговременной борьбы двухъ соперниковъ, претерпѣвала величайшія бѣдствія, подвластныя ей земли имѣли не лучшую участь. Вмѣстѣ съ вторженіемъ внѣшняго непріятеля въ предѣлы республики, возстали и враги внутренніе. Казаки Заднѣпровской или Польской Украйны, раздраженные притѣсненіями Поляковъ и Евреевъ, подняли знамя бунта и внесли огонь и мечь въ Подолію. Правительство, при всей своей слабости, приняло однакожь дѣятельныя мѣры противъ внутреннихъ мятежниковъ. Взятіе Немирова, осада Бѣлой Церкви и всепрощеніе,

объявленное осажденнымъ, съ поручительствомъ Русскаго Царя, скоро успокоили Украйну и Подолію. Но прекратить бѣдствія, терзавшія Княжество Литовское, было не въ силахъ правительства. Тамъ взаимная злоба и ненависть двухъ могущественныхъ домовъ, Сапѣги и Огинскаго, воспламенили междоусобную войну и призвали оружіе иноземцевъ на разграбленіе отчизны. Шведы, господствовавшіе въ Курляндіи, поддерживали партію Сапѣги, оружіе и деньги Россіи подкрѣпляли Огинскаго. Борьба, ознаменованная опустошеніями страны и взаимною злобою партій, длилась съ перемѣннымъ счастіемъ, безъ всякихъ рѣшительныхъ послѣдствій. Гетманъ Огинскій безпрерывно, хотя и не всегда съ успѣхомъ, нападалъ на своихъ противниковъ, почти совершенно разсѣялъ въ Литвѣ партію Сапѣги и своими набѣгами на Курляндію до того раздражилъ Шведовъ, что Карлъ XII назначилъ цѣну за его голову (*). Вскорѣ однакожъ, ослабленный отбытіемъ въ Польшу своего приверженца, Гетмана Князя Вишневецкаго, онъ потерпѣлъ значительное пораженіе (19 Марта 1703 года) отъ Левенгаупта, при Салатахъ, и долженъ былъ оставить Курляндію въ покоѣ, доколѣ не получилъ новой помощи отъ Россіи.

Въ слѣдующемъ 1704 году война возобновилась, когда Князь Сапѣга, сопутствовавшій Королю Шведскому, привелъ въ Литву 4,000 свѣжаго войска, а Русскій генералъ-лейтенантъ Корсакъ, съ 6,000 Смоленской конницы, подкрѣпилъ Огинскаго и, возвратившагося изъ Польши, Князя Вишневецкаго. Союзники, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, вторглись въ Курляндію и осадили замокъ Зельбургъ, занятый Шведскимъ гарнизономъ. Но Левенгауптъ и Сапѣга соединили свои силы, принудили союзниковъ снять осаду и, настигнувъ ихъ при Якобштадтѣ, разбили на голову (26 Іюля): половина Русскаго отряда легла на мѣстѣ, Литовцы бѣжали при первомъ натискѣ. Это пораженіе совершенно разстроило Огинскаго, и принудило его отправиться подъ Нарву, снова умолять Русскаго Царя о помощи. Король Августъ, трепетавшій за свои наслѣдственныя владѣнія, также умолялъ Царя, двинуть немедленно всѣ свои силы въ

(*) Журн. Барона Гизена.

Литву и Польшу, чтобы тѣмъ удержать Шведскаго Короля отъ вторженія въ Саксонію. Петръ, видя крайность положенія своего союзника и зная, что съ совершеннымъ восторжествованіемъ Карла XII въ Польшѣ всѣ его силы, соединенныя съ силами Польши, обратятся на Россію, спѣшилъ предупредить опасность.

Немедленно по взятіи Нарвы, слѣдовательно еще прежде, нежели дѣло Августа было совершенно потеряно, Петръ отправилъ въ Литву Князя Репнина, на помощь къ Огинскому. Тогда же (21 Августа) и всѣ драгунскіе полки получили повелѣніе, стать на зимнихъ квартирахъ въ окрестностяхъ Полоцка, а пѣхота отправилась ко Пскову и только, что зима проложила путь чрезъ рѣки и болота, выступила оттуда вслѣдъ за кавалеріею. Фельдмаршалъ Шереметевъ, съ первою частію пѣхоты, прибылъ въ Витебскъ 23 Января 1705 года. Онъ доносилъ Государю о своихъ новыхъ союзникахъ: «*Вишневецкій отправляетъ крестины сына своего въ маетности у себя, а другой* (Огинскій) *въ Вильнѣ; что дѣлаетъ, Богъ вѣсть. А войско ихъ: одни на конь садятся, а другіе ссѣдаютъ* (*)». Вскорѣ потомъ прибыли и остальные пѣхотные полки. Такимъ образомъ, еще до наступленія весны 1705 года, около 50 тысячъ Русскихъ войскъ сосредоточились въ окрестностяхъ Полоцка.

Между тѣмъ, Государь неутомимо трудился въ Москвѣ и Воронежѣ: открывалъ новые источники государственныхъ доходовъ, умножалъ Азовскій флотъ новыми кораблями, давалъ повелѣнія о наборѣ рекрутъ, самъ пробовалъ орудія, отсылаемыя къ арміи, и обучалъ новонабранныхъ воиновъ. Самая болѣзнь, задержавшая его въ Москвѣ въ продолженіе Мая мѣсяца, не остановила дѣятельности его духа. Помышляя болѣе о своемъ войскѣ, нежели о самомъ себѣ, онъ успокоивалъ своихъ сподвижниковъ, и писалъ (8 Мая) къ Меньшикову,

(*) Письма къ Петру В. отъ Шереметева I. 253.

извѣщая его о своей болѣзни: «Прошу для Бога, не печалиться о мнѣ, я истинну написалъ о себѣ и подробно, для того, чтобы вамъ чрезъ иныхъ инако не донеслось, какъ обычай, съ прибавкою (*).»

Въ то самое время, какъ Петръ, едва оправившись отъ болѣзни, спѣшилъ къ своему войску въ Полоцкъ, Шведы, съ безпокойствомъ смотрѣвшіе на построеніе Петербурга и Кроншлота, рѣшились воспользоваться отбытіемъ главной Русской арміи изъ Ингріи и Лифляндіи и, съ значительными морскими и сухопутными силами, устремились на разрушеніе этихъ опасныхъ для нихъ крѣпостей. Адмиралъ Анкерстіерна, съ флотомъ, состоявшимъ изъ 22 кораблей, приблизился къ Кроншлоту (4 Іюня); и въ теченіе нѣсколькихъ дней возобновлялъ свои нападенія на крѣпость, стараясь въ то же время сдѣлать высадку на островъ Котлинъ, чтобъ заложить на немъ батареи противъ Кроншлота. Но юный Русскій флотъ, состоявшій изъ 8 фрегатовъ и 15 иныхъ судовъ, подъ начальствомъ вице-адмирала Крюйса, прикрытый батареями крѣпости, сдѣлалъ тщетными всѣ покушенія непріятельскаго флота; а полковникъ Толбухинъ, защищавшій островъ Котлинъ, удачно отбилъ двукратную высадку непріятелей, потопивъ нѣсколько

(*) Голиковъ, Дѣян. VI. 344.

сотъ человѣкъ. Въ то же время генералъ Майдель, замѣнившій Кронгіорта, появился съ сухопутнымъ войскомъ, предъ Петербургомъ и занялъ Каменный островъ; но Петербургскій комендантъ, генералъ Брюсъ, послѣ довольно жаркаго сраженія, вытѣснилъ непріятеля. Шведы, видя здѣсь неудачу, обратились къ Шлиссельбургу и вознамѣрились перейти на лѣвый берегъ Невы; но и тутъ были отражены войсками, подоспѣвшими изъ Петербурга. Тогда Майдель обратилъ всѣ свои силы противъ небольшаго редута, защищавшаго пильную мельницу близь Шлиссельбурга; но, потерявъ на трехъ приступахъ нѣсколько сотъ человѣкъ, принужденъ былъ отступить со стыдомъ и досадою, и кончилъ свой неудачный походъ сожженіемъ нѣсколькихъ опустѣлыхъ хижинъ.

Но и фельдмаршалъ Шереметевъ не могъ похвалиться удачею своихъ предпріятій противъ Шведовъ въ Курляндіи. Генералъ Левенгауптъ, предполагая, что положеніе Русской арміи въ Полоцкѣ грозитъ опасностію Ригѣ, собралъ, для прикрытія этой важной крѣпости, всѣ Шведскіе отряды, находившіеся въ Курляндіи, въ одинъ корпусъ и расположился, въ числѣ 8,000 человѣкъ, въ окрестностяхъ Митавы. Петръ, намѣреваясь идти противъ самого Карла XII, не могъ оставить у себя въ тылу столь значительныхъ непріятельскихъ силъ; притомъ же онъ увидѣлъ возможность ихъ уничтожить, отрѣзавъ Левенгаупта отъ Риги. Фельдмаршалъ Шереметевъ, отправленный для исполненія этого предпріятія съ отрядомъ изъ 11,500 человѣкъ, большею частію конницы, быстро обошелъ непріятеля и сталъ между имъ и Ригою. Левенгауптъ занималъ довольно укрѣпленную позицію при *Муръ-Мызѣ* (Гемауертгофѣ) и далеко превосходилъ Русскихъ пѣхотою. Не смотря на то, фельдмаршалъ, ободренный всегдашнимъ успѣхомъ Русскаго оружія, рѣшился немедленно атаковать его, почти съ одною конницею и съ весьма малымъ числомъ орудій. Русскіе стремительнымъ натискомъ уже смяли ряды непріятеля;—уже побѣда была въ рукахъ; но Казаки и Татары слишкомъ рано бросились грабить непріятельскій обозъ и своимъ примѣромъ увлекли за собою и регулярную конницу. Это дало непріятелю

возможность, снова собраться;—битва возобновилась, и Русскіе были отражены.

Петръ, получивъ извѣстіе объ этой неудачѣ, былъ далекъ отъ того, чтобъ обвинять всегда осторожнаго фельдмаршала въ первой его опрометчивости. Повелѣвая поступить по воинскимъ правамъ съ тѣми, которые во время сраженія не исполнили своего долга, онъ писалъ къ фельдмаршалу: «Не извольте о бывшемъ несчастіи печальны быть, (понеже всегдашняя удача много людей ввела въ пагубу,) но забывать и паче людей ободривать.» Однако, чтобъ не выпустить изъ рукъ Левенгаупта, Государь приказалъ Шереметеву, стараться всѣми мѣрами, не пропускать его въ Ригу; а самъ, съ частію войска, выступилъ (1 Августа) противъ него изъ Вильны, гдѣ тогда находилась главная армія. Но Левенгауптъ ускользнулъ изъ рукъ Шереметева и укрылся въ Ригѣ и Дюнаминдѣ. Тогда Петръ, осмотрѣвъ лично укрѣпленія Риги и признавъ, что не время еще приступить къ осадѣ столь сильной крѣпости, обратился къ Митавѣ. Послѣ кратковременной осады Митавскій замокъ сдался побѣдителю (4 Сентября); вслѣдъ за тѣмъ (14 Сентября) сдалась и крѣпость Баускъ. Такимъ образомъ, вся Курляндія подпала власти Русскихъ, и Петръ могъ, безъ опасенія, двинуться далѣе въ Литву и Польшу. Онъ отправился въ Гродно, куда изъ Вильны уже перешла главная Русская армія. Начальство надъ нею поручено было

фельдмаршалу Огильви, а другой фельдмаршалъ, Шереметевъ, еще во время осады Митавы, отправленъ былъ въ Астрахань, противъ возмутившихся Стрѣльцевъ. Въ Курляндіи, для наблюденія за Левенгауптомъ, былъ оставленъ генералъ Боуръ съ 6 драгунскими полками.

Между тѣмъ, какъ все это происходило въ Литвѣ и Курляндіи, Карлъ XII оставался въ непонятномъ бездѣйствіи на границахъ Силезіи и, повидимому, находился въ нерѣшимости, на котораго изъ соперниковъ обратить свои силы. Занятый единственно утвержденіемъ Станислава на Польскомъ престолѣ, онъ, казалось, сторожилъ Августа II, собиравшаго новыя силы въ Саксоніи, и рѣшился не впускать его болѣе въ предѣлы республики. Но, когда Русскіе вступили въ Вильну, когда ободренные этимъ приверженцы Августа начали собираться въ восточной Польшѣ, и когда Саксонцы, изгнанные генераломъ Стромбергомъ изъ Кракова, двинулись на соединеніе съ Русскими, угрожая на пути самой Варшавѣ, тогда Карлъ XII, оставивъ генерала Реншильда для наблюденія за Саксонцами, находившимися на Одерѣ, выступилъ наконецъ (29 Іюля) изъ Равича, гдѣ находилась его главная квартира, и двинулся къ Варшавѣ. Но здѣсь онъ снова занялся дѣлами Станислава, расположивъ свою армію въ лагерѣ при Блонимѣ. Наконецъ, покровительствуемый имъ, Станиславъ Лещинскій былъ торжественно коронованъ 24 Сентября. Вслѣдъ за этою церемоніею, совершилась еще другая столь же безполезная: заключенъ былъ мирный договоръ между Швеціею и новымъ Королемъ Польскимъ.

Пользуясь бездѣйствіемъ главной Шведской арміи, кавалерійскіе отряды Русскихъ и Польскіе партизаны, единомышленные Королю Августу, далеко проникали во внутренность Польши и сильно безпокоили отдѣльные Шведскіе отряды и приверженцевъ Станислава. Дерзкая отвага нѣсколькихъ сотъ Русскихъ и Саксонцевъ распространила ужасъ въ самой Варшавѣ и встревожила даже Карла XII, вообразившаго, что вся Рус-

ская армія двинулась къ Вислѣ. Это былъ только одинъ кавалерійскій отрядъ, который подъ предводительствомъ полковниковъ Горбова и Шомбурга, устремился на Прагу, предмѣ-

стіе Варшавы, едва не разломалъ моста на Вислѣ и, схвативъ 6 знаменъ, нѣсколько пушекъ, до 400 человѣкъ плѣнныхъ, изъ гвардіи Короля Станислава, отступилъ безпрепятственно при приближеніи значительныхъ силъ непріятеля. Не менѣе безпокойства наносили Шведамъ въ Польской Пруссіи летучіе отряды Хоментовскаго, овладѣвшаго Маріенбургомъ, и Шмигельскаго, безпрерывно тревожившаго сообщенія непріятеля съ Данцигомъ и Швеціею. Въ то же время Гетманъ Мазепа, съ 40 тысячами казаковъ, двинулся въ Волынь и, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, занялъ укрѣпленный Замостье. Одни только Саксонцы на Одерѣ не предпринимали ничего противъ генерала Рееншильда и Августъ II все еще медлилъ въ Дрезденѣ, не смотря на неоднократныя представленія Петра о необходимости его прибытія въ Польшу, *хотябъ съ своею особою.* «Я зѣло дивлюсь, что Король Польскій дѣлаетъ нынѣ при такомъ сильномъ раздвоеніи непріятеля. За чѣмъ не выходитъ въ Польшу, не знаю,» — писалъ Петръ къ Меньшикову и Головину, и приказывалъ послѣднему, писать къ Августу II и его генераламъ, что «только противъ Короля одинъ Рейншильдъ, съ которымъ мочно ему управиться; а чтобъ никого не было

супротивниковъ, того не возможно сдѣлать« и проч. (*) Но Августъ II, собравшій въ Саксоніи до 20 тысячъ свѣжаго войска, (въ томъ числѣ 6,000 Русскихъ, оставшихся отъ корпуса, приведеннаго въ прошломъ году Голицынымъ), хотя и былъ вдвое сильнѣе Реепшильда, не отважился однако вести своихъ новобранцевъ на битву и ожидалъ, чтобъ Русскіе дали Шведамъ генеральное сраженіе. Наконецъ, надѣясь, при личномъ свиданіи съ Царемъ, лучше устроить общія съ нимъ дѣла, Августъ оставилъ свою армію на Одерѣ, прокрался, подъ чужимъ именемъ, сквозь непріятельскія войска и, чрезъ Данцигъ и Кенигсбергъ, прибылъ 21 Октября въ Тикочинъ, гдѣ стояла Саксонская и Польская кавалерія въ соединеніи съ Русскими. Петръ съ радостію привѣтствовалъ своего союзника и повергъ къ его ногамъ, взятыя подъ Прагою, знамена

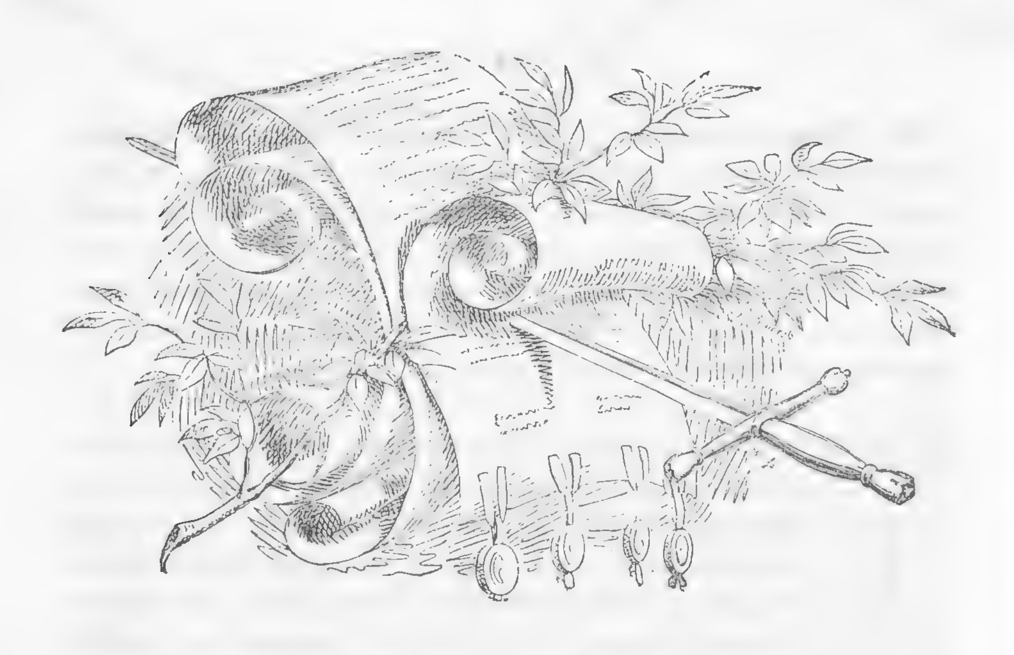
Станислава, которыя могли служить ему ручательствомъ, что онъ, при помощи Русскаго Царя, наконецъ восторжествуетъ надъ своимъ совмѣстникомъ.

(*) Записныя тетради Петра В. стр. 20, 25 и 26.

Оба Монарха провели вмѣстѣ нѣсколько недѣль въ Гроднѣ, принимая мѣры къ лучшему устройству войскъ и начертывая планы къ будущему походу. Позднее время года и выпавшій глубокій снѣгъ воспрепятствовали ихъ намѣренію, потревожить Карла XII на его зимнихъ квартирахъ. Всѣ воинскія предпріятія отложены были до весны и войска разставлены по зимнимъ квартирамъ, около Гродно и Тикочина.

Письмо Государя къ Стрешневу, отъ 5 Ноября 1705 года, свидѣтельствуетъ о его неусыпной дѣятельности, и безмѣрныхъ трудахъ, понесенныхъ имъ въ теченіи этого года. Упоминая между прочимъ, что не писалъ къ нему о взятіи Митавы и Бауска, Царь присовокупляетъ: «писать радъ, только истинно не всегда досугъ; ибо во все свое время столько не переѣздилъ верхомъ, и прочія тягости понесъ, какъ сей годъ въ сей проклятой землѣ.» Поручивъ всю свою армію въ распоряженіе Короля Августа, Петръ отправился, 7 Декабря, въ Москву, не на отдыхъ, а на новыя труды и заботы.

ГЛАВА XVIII.

БУНТЪ ВЪ АСТРАХАНИ. ОТСТУПЛЕНІЕ РУССКИХЪ ИЗЪ ГРОДНА. КАРЛЪ XII ВЪ САКСОНІИ.

Въ то время, какъ Царь, переступивъ западные рубежи своего государства, въ потѣ лица трудился съ побѣдоноснымъ воинствомъ для славы и величія своего народа, — безумная злоба невѣжества, столь часто потрясавшая Москву, еще разъ вспыхнула на востокѣ Россіи и воспламенила мятежъ, угрожавшій гибельными послѣдствіями государству.

Еще въ началѣ 1705 года возникли безпокойства между Башкирцами. Раздраженные притѣсненіями и самовластіемъ корыстолюбиваго исполнителя Царской воли, коммисара Сер-

гѣева, насильно отбиравшаго у нихъ лошадей и тревожившаго ихъ жилища, подъ предлогомъ отыскапія бѣглыхъ рекрутъ,— суровые сыны степей схватились за оружіе, защищая свое

имущество и права гостепріимства. Къ нимъ пристали Мещеряки и другія сосѣдственныя Татарскія племена. Толпы недовольныхъ, предавая все огню и мечу, проникли до самой Казани, но были остановлены Казанскимъ воеводою Кудрявцевымъ и, узнавъ о казни своего притѣснителя, вскорѣ успокоились.

Едва утихли эти волненія кочевыхъ племенъ, какъ старинные крамольники, Стрѣльцы, удаленные изъ Москвы послѣ послѣдняго мятежа, подняли знамя бунта въ Астрахани. Упорные приверженцы старины и большею частію раскольники, они по своимъ религіознымъ понятіямъ, съ негодованіемъ смотрѣли на перемѣну одежды и бритье бороды, какъ на покушеніе уничтожить православіе, и рѣшились мстить правительству и

иноземцамъ за казнь своихъ родственниковъ и за свою ссылку. Виновникомъ возстанія былъ нѣкто Стенька Москвитинъ, сынъ стрѣльца, казненнаго въ Москвѣ за послѣднее возмущеніе. Разглашая самые нелѣпые слухи о нововведеніяхъ, онъ успѣлъ воспламенить многихъ ослѣпленныхъ приверженцевъ старины и склонить къ себѣ легковѣрныхъ. Въ Астрахани говорили всенародно, и многіе этому вѣрили, что «всѣ начальные люди уже покинули вѣру Христіанскую,» что и всѣхъ прочихъ заставятъ сдѣлать тоже; что на 7 лѣтъ будутъ запрещены между Русскими свадьбы; а для Русскихъ дѣвокъ пришлются иноземные женихи изъ Казани, чтобъ произвесть новое басурманское поколѣніе и проч. Чѣмъ нелѣпѣе были толки, тѣмъ легче имъ вѣрили, и въ одно Воскресенье (29 Іюля), наканунѣ бунта, въ Астрахани вѣнчали около ста свадебъ. Невѣсты спѣшили за мужъ, чтобъ не быть за иноземцемъ. Между тѣмъ, 300 мятежниковъ, разгоряченные виномъ на брачныхъ пиршествахъ, ворвались въ городъ, перебили стражу, и звукомъ набата призвали всѣ Стрѣлецкіе полки къ бунту. Воевода Ржевскій, всѣ иноземцы, многіе офицеры и другіе начальники были убиты; ихъ домы и городская казна разграблены. Въ Астрахани возобновились времена Стеньки Разина.

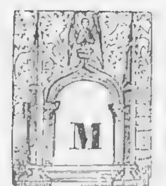
Овладѣвъ городомъ, мятежники избрали своимъ предводителемъ какого-то Якова Носова и отправили посланцевъ во всѣ окрестные мѣста: на Донъ, Яикъ и Терекъ, съ возмутительными письмами, приглашая всѣхъ Стрѣльцевъ, Казаковъ и другихъ жителей соединиться съ ними, чтобъ идти потомъ на Казань и Москву, для истребленія иноземцевъ и возстановленія старой вѣры.

При первомъ извѣстіи о столь опасномъ возмущеніи, Петръ отправилъ противъ мятежниковъ, съ весьма немногими людьми, Шереметева, повелѣвъ ему, стараться образумить ослѣпленныхъ болѣе кротостію и убѣжденіемъ, и только въ случаѣ крайней необходимости употребить рѣшительныя мѣры. Бун-

товщики, узнавъ о приближеніи Шереметева, заперлись въ городѣ, разставили пушки и отвергли всѣ убѣжденія къ покорности. Тогда воины Шереметева взяли земляной городъ приступомъ и нѣсколькими бомбами принудили мятежниковъ, засѣвшихъ въ крѣпости, положить оружіе. Въ знакъ безу-

словной покорности и раскаянія, виновные вынесли къ воротамъ плаху и топоръ и вручили Фельдмаршалу ключи города (13 Марта 1706). Легковѣрной толпѣ объявлено было совершенное забвеніе прошедшаго, а зачинщики бунта, 273 человѣка, отправлены въ Москву, гдѣ главные изъ нихъ, подверглись смертной казни.

Между тѣмъ, Русская армія въ Гроднѣ подвергалась опасности совершеннаго уничтоженія отъ Карла XII. Въ то время, какъ Царь оставилъ Гродно, передавъ главное начальство надъ своимъ войскомъ Августу II, Шведскій Король все еще стоялъ въ лагерѣ при Блонимѣ и, презирая снѣгъ и холодъ, жилъ въ простой, лѣтней палаткѣ, которую согрѣвалъ только калеными

ядрами. Это возбуждало вниманіе и осторожность въ Русскихъ генералахъ и заставляло ихъ догадываться о намѣреніи непріятеля, предпринять зимній походъ. Ихъ догадки вскорѣ оправдались. Когда морозъ осушилъ рѣки и болота.

Карлъ XII, въ концѣ Декабря, оставилъ свой лагерь, быстро перешелъ чрезъ Вислу, Бугъ и Нѣманъ, и въ половинѣ Января мѣсяца обложилъ Гродно, отрѣзавъ сообщеніе Русскихъ съ Вильною и Курляндіею.

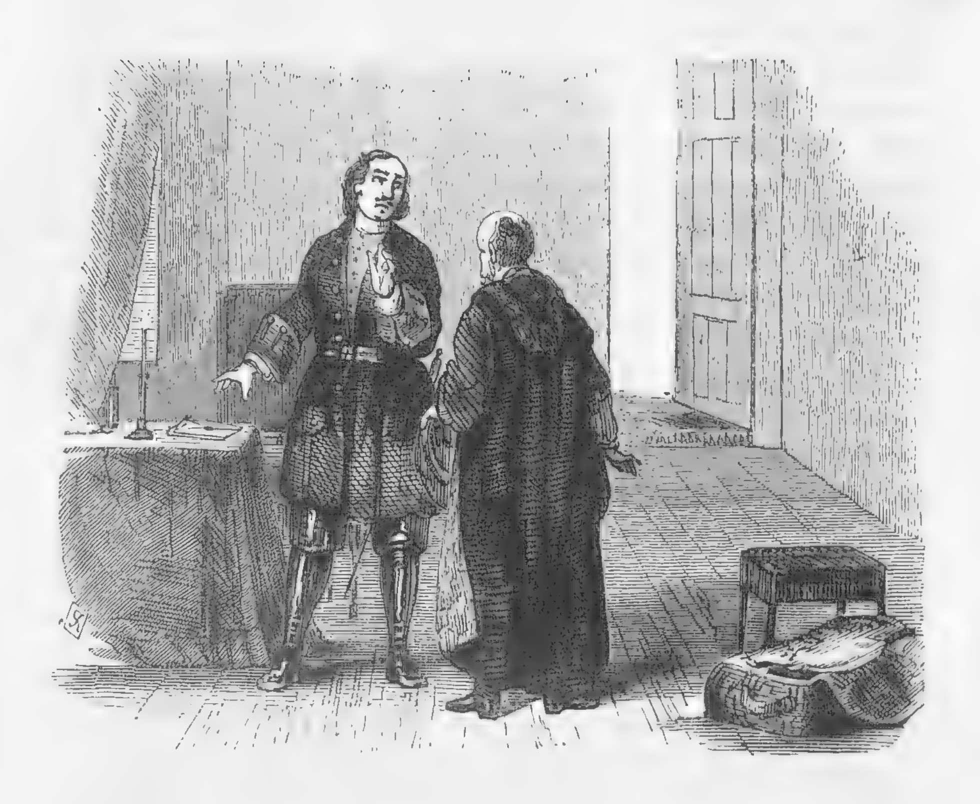
Петръ былъ боленъ въ Москвѣ, когда получилъ извѣстіе о походѣ Шведскаго Короля. Забывая свою болѣзнь, онъ немедленно полетѣлъ къ арміи, въ надеждѣ, предупредить своимъ прибытіемъ въ Гродно Карла XII. Однако въ Дубровнѣ (25 Января) его встрѣтилъ Меньшиковъ съ донесеніемъ

объ осадѣ Гродно и объ удаленіи оттуда Короля Августа съ Саксонцами и съ большею частію Русской кавалеріи. Это было роковое извѣстіе для Государя. «О зѣло намъ печально, что мы не могли къ вамъ доѣхать и въ какой мысли нынѣ

мы есть, то Богу одному извѣстно!» — писалъ онъ къ Репнину въ осажденный городъ. Осажденнымъ дѣйствительно угрожала величайшая опасность. Хотя непріятель и не отважился атаковать Гродненскихъ укрѣпленій, но голодъ могъ наконецъ заставить Русскихъ выйдти изъ города и тогда Карлъ XII, не отступавшій отъ нихъ ни на шагъ, непремѣнно принудилъ бы къ рѣшительному сраженію. На успѣхъ сраженія не было ни какой надежды. Русское войско еще далеко не равнялось со Шведскимъ въ военномъ искуствѣ и даже при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ не могло бы еще выдержать борьбы съ Карломъ XII; а въ тогдашнемъ положеніи, лишенное почти всей своей конницы, ослабленное голодомъ и упавшее духомъ, оно было бы только легкою и вѣрною добычею непріятеля.

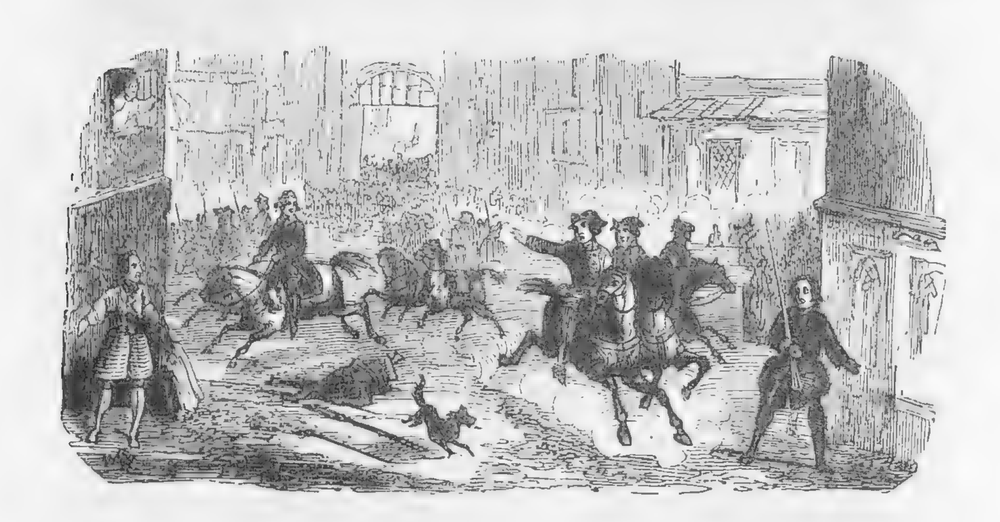
Безпокойство Государя возрастало еще болѣе отъ долговременной неизвѣстности о состояніи арміи, съ которою сообщеніе было совершенно прервано. Наконецъ, получилъ онъ письмо отъ Огильви, принявшаго главное начальство по уходѣ Августа II; но и то содержало въ себѣ одни только жалобы и упреки. «Мы съ не малою прискорбностію (отвѣчалъ ему Государь) отъ васъ письмы выразумѣли, въ которыхъ такія необъятныя тягости наваливаете и во всемъ насъ винныхъ творите, что мы не по вашей волѣ чинили, и неточію настоящее, но и прошедшее паки повторяетѣ, и вмѣсто веселости тугу на тугу прилагаете; однакожъ все сіе презирая, прошу чтобъ вы по сему учинили, за которое я вамъ буду надмѣру благодаренъ.» Приказанія состояли въ томъ, чтобъ больше всего заботиться о сохраненіи войска и если только представится случай,—не мѣшкая, идти къ своимъ рубежамъ. Поручикъ гвардіи Петръ Яковлевъ, нарядившись Польскимъ крестьяниномъ, принялъ на себя трудную обязанность, доставить Царскія письма въ осажденный городъ.

Всѣ многочисленныя письма и предписанія Государя, разосланныя изъ Дубровны, Орши, Минска и Смоленска къ разнымъ лицамъ, исполнены отеческой его заботливости объ участи осажденныхъ и доказываютъ, что онъ, для спасенія своей арміи, употребилъ всѣ возможныя средства. Онъ просилъ убѣдительно Гетмановъ Вишневецкаго и Огинскаго, находившихся съ отрядами конницы по близости Гродно, о доставленіи въ осажденный городъ провіанта; убѣждалъ Короля Августа стараться о томъ же и какъ можно скорѣе поспѣшить на помощь; приказалъ Гетману Мазепѣ одну часть Казаковъ двинуть къ Минску, съ другою идти на Слуцкъ и Брестъ, и, устроивъ тамъ магазины, стараться о продовольствіи осажденной арміи. Между тѣмъ, самъ составилъ изъ нахо-

дившихся еще на западной границѣ Русскихъ отрядовъ и изъ вновь набранныхъ рекрутъ 8-тысячный корпусъ и подвинулся съ нимъ къ Оршѣ, надѣясь привлечь на себя Карла XII и доставить осажденнымъ случай, получить провіантъ, или даже отступить безъ боя. Но всѣ эти мѣры, хотя и не были вовсе безуспѣшны, однако мало облегчали положеніе осажденныхъ, терпѣвшихъ крайнюю скудость въ продовольствіи и съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ къ себѣ на выручку Короля Августа. Къ довершенію несчастія и эта надежда скоро исчезла.

Августъ оставилъ Гродно съ тою цѣлію, чтобъ идти на встрѣчу къ своему генералу Шуленбургу, выступившему изъ Силезіи, и, соединившись съ нимъ, разбить генерала Реншильда, а потомъ со всѣми Саксонскими силами возвратиться къ Гродну, на помощь Русскимъ. Но, едва только Реншильдъ свѣдалъ объ опасности, какъ и выступилъ противъ Шуленбурга, и, не давая соединиться съ Королемъ, принудилъ его къ сраженію при Фрауштадтѣ (2 Февраля). Здѣсь вся Саксонская

армія была совершенно разбита и разсѣяна. Августъ, находившійся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ поля битвы, узнавъ о несчастіи, поспѣшно отступилъ въ Краковъ и не только не

въ состоянiи былъ помогать Русскимъ, но еще самъ умолялъ о помощи. «Богъ вѣсть какую намъ печаль сiя вѣдомость принесла, и только дачею денегъ бѣду себѣ купили,» — писалъ Царь, извѣщая Головина о пораженiи Саксонцевъ, и не смотря на противорѣчiе Короля Августа, возобновилъ приказанiе своимъ генераламъ, стараться объ отступленiи изъ Гродна. «Правда,» возразилъ онъ на представленiя Августа, «что Гродненской пасъ зѣло изряденъ, однако ангеламъ, а не человѣкамъ, которые ѣдятъ.» Фельдмаршалъ Огильви также не соглашался съ мнѣнiемъ Государя о выходѣ изъ Гродна, но предлагалъ дождаться лѣта, а между тѣмъ выставить на Русской границѣ 20 тысячъ дворянъ, исправно вооруженныхъ, и умножить прочее войско до 50 тысячъ. «Зѣло удивительно,» отвѣчалъ Петръ, «что такое въ свѣтѣ неслыханное дѣло предлагаете, — воистинну легко писать и указывать, а самому не дѣлать.» Но какъ спасти армiю отъ осады, не подвергая ее гибельному сраженiю съ непрiятелемъ? Казалось, не было ни какого способа. «Здѣшнiя дѣла,» — писалъ Петръ къ Головину, — «суть на острѣ и зѣло важны къ рѣшенiю. Боже, прибавь милости въ тягость нашей ваги, ибо безъ того превѣситися не можетъ». Онъ самъ съ войскомъ бросился къ Минску, соединился съ Гетманомъ Мазепою и, не безъ собственной опасности, подходилъ къ непрiятелю, надѣясь привлечь его на себя. Его генералы: Ренне и Боуръ также безпрерывно тревожили Шведовъ партiями и первому удалось даже захватить королевскую аптеку и овладѣть всѣмъ обозомъ Станислава. Но все было тщетно. Карлъ, зная о бѣдственномъ положенiи осажденныхъ, какъ воронъ сторожилъ свою добычу, и не спускалъ глазъ съ Гродненскихъ укрѣпленiй. Въ этой крайности, вдругъ Государю припала счастливая мысль: воспользоваться предстоящимъ вскорѣ вскрытiемъ рѣки Нѣмана, долженствующимъ на нѣкоторое время прервать сообщенiе между ея берегами. На этой-то мысли основалъ онъ мудрый планъ къ спасенiю своего войска и, предусматривая каждое малѣйшее обстоятельство, далъ своимъ генераламъ столь точныя и ясныя наставленiя, съ такою увѣренностiю опредѣлилъ каждый мигъ ихъ дѣйствiя, каждый шагъ, что имъ

оставалось только слѣпо исполнять Царскія предписанія, чтобъ спасти армію отъ очевидной гибели (*).

4 Апрѣля, когда ледъ на рѣкѣ только-что тронулся и разломалъ непріятельскій мостъ, находившійся выше города, Русская армія

перешла на лѣвый берегъ и, разрушивъ за собою мостъ, двинулась къ Бресту. Съ досадою узналъ Карлъ XII объ отступленіи Русскихъ и, успѣвъ наконецъ, на пятый день послѣ нихъ, переправиться чрезъ рѣку, пустился ихъ преслѣдовать. Но, встрѣчая на каждомъ шагу препятствія, почти непреодолимыя отъ болотъ, разлившихся рѣчекъ и недостатка въ продовольствіи, онъ только изнурилъ свое войско, не могши догнать отступающихъ. Русскіе, отступая къ своимъ магазинамъ и находя повсюду мосты и переправы готовыми, были уже за Кове-

(*) Вотъ главнѣйшія изъ его предписаній:

(Къ Огильви) «Мой совѣтъ, когда Немонъ вскроется (а до тѣхъ мѣстъ изготовить «мостъ) тотчасъ немѣшкавъ перейтить Немонъ и итить по той сторонѣ, и ежели такъ «скоро учините при пловущемъ льду, то непріятелю не возможно будетъ нигдѣ перейтить: а «вамъ зѣло будетъ въ тотъ часъ выйтить свободно, однако смотрѣть того, чтобы прежде «разлитія малыхъ речекъ итить, ибо когда разольются не возможно будетъ.»

«Зѣло смотрѣть, чтобъ неотяготиться, взять зѣло мало, а по нуждѣ хотя и все бросить «артиллерію тяжелую и прочее чего увезти будетъ не возможно, бросить въ воду и ни на «что не смотрѣть, токмо какъ возможно стараться, какъ бы людей спасти. А больныхъ какъ «возможно старайтеся вывесть хотя на быкахъ и въ сторону.»

(Къ Репнину:) «Путь вамъ лучше и удобнѣе (хотя и далѣе, да здоровѣе) на Брестъ, «или между Бреста и Пинска, и чтобъ обойтить верховье Припети и оставя ее въ лѣвой «рукѣ, итить къ Кіеву, или Чернигову, и сперва зѣло поспѣшно день другой итить, чтобъ «непріятель не догналъ: а когда зайдете за Пинскъ, гдѣ рѣка Припеть начинается, тогда «можно вамъ легче итить по воли, ибо непріятель сію рѣку, ради ея болотъ, перейтить и «вамъ нереду занять не можетъ, а созади съ пѣхотою не поспѣетъ, а съ конницею небудетъ «силенъ.—И кто сему указу» (заключаетъ Государь) «будетъ противенъ, того мы за измѣнника почитать будемъ.» (Тетради Записныя Петра Великаго, стр. 99, 104, 105 и 117).

лемъ, когда Карлъ XII добрался еще только до Пинска. Видя безполезность своихъ усилій, онъ повелъ свое войско на отдыхъ въ плодоносную Волынь. Такимъ образомъ, Руская армія, совершивъ безъ малѣйшей потери это славное отступленіе, плодъ мудрыхъ соображеній Государя, благополучно достигла Кіева и, сверхъ ожиданій Государя, привезла съ собою не только всю свою артиллерію, но даже и Гродненскія пушки.

Царь, оставивъ Литву еще прежде выхода Рускихъ изъ Гродна, получилъ уже въ Петербургѣ, въ концѣ Апрѣля, пріятное извѣстіе о спасеніи своей арміи, вмѣстѣ съ другимъ, не менѣе радостнымъ, донесеніемъ о совершенномъ прекращеніи Астраханскаго бунта. Эти счастливыя событія, которыя онъ ставилъ наравнѣ съ славнѣйшими побѣдами, умножили радость, какую онъ ощущалъ при видѣ быстро возраставшаго Петербурга. «Воистину,» писалъ онъ, «нынѣ уже весело здѣсь жить, по увѣдомленіи сего, за что да будетъ Господу Богу вышу хвала.» Проживъ здѣсь около 2 мѣсяцевъ,—по собственному его выраженію: *какъ въ раю*,—Государь поспѣшилъ опять къ своей арміи. Онъ получилъ извѣстіе, будто Карлъ XII намѣренъ вторгнуться въ Украйну. На пути, по всей западной границѣ, отъ Пскова до Смоленска, отъ Смоленска до Брянска и Кіева, Петръ повсюду встрѣчалъ величайшую дѣятельность. Въ лѣсахъ рубили засѣки, на степяхъ копали рвы, въ рѣкахъ на переправахъ вбивали сваи;—тысячи рукъ находились въ движеніи, проводя линію, для обороны отъ внезапныхъ вторженій непріятеля. Жители прятали свои пожитки и сами вооружались, превращая мирныя, земледельческія орудія въ смертоносныя. Въ города, ближайшія къ границѣ, отвсюду стекались толпы рекрутъ, свозили орудія, запасы, снаряды. Усердіе подданныхъ, ревность исполнителей Царской воли были безпримѣрны. Радостно привѣтствовало войско спасенное отъ осады, своего мудраго вождя и Государя. Торжественно встрѣтила, еще впервые,

древняя Великокняжеская столица, *матерь городовъ Россійскихъ*, своего Великаго Царя.

Среди общей дѣятельности, Петръ не былъ празднымъ и въ Кіевѣ, гдѣ онъ прожилъ болѣе полутора мѣсяца. Находя

прежнія укрѣпленія города слабыми и недостаточными для обороны, онъ собственными руками положилъ основный камень новой крѣпости (15 Августа), на горѣ Кіево-Печерской Лавры и, принявъ на себя обязанность главнаго инженера, неусыпно надзиралъ за работами, во время которыхъ не рѣдко удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ и настоятеля Святой обители.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній случилось, какъ говорятъ, что одинъ монахъ, подносившій вино, опрокинулъ на Государя огромный подносъ, уставленный рюмками. Умный старецъ однако не смутился отъ своей неловкости, но пророчески

воскликнулъ, указывая на разбитыя рюмки: «Тако сокрушиши, Великій Государь, силы супостатовъ твоихъ!» Послѣ Полтавской битвы Петръ вспомнилъ объ этомъ пророчествѣ и повелѣлъ вѣщаго старца посвятить въ Архимандриты (*).

Между тѣмъ, фельдмаршалъ Шереметевъ, возвратившійся изъ Астрахани и возведенный въ графское достоинство, принялъ опять главное начальство надъ арміею;—а генералъ-поручикъ Князь Меньшиковъ командовалъ конницею. Огильви же, по неудовольствію на него Государя, вскорѣ потомъ былъ уволенъ изъ Русской службы. Генералы и офицеры безпрерывно занимались обученіемъ рекрутъ, которыми пополняли свои полки. Все и повсюду приготовлялось къ борьбѣ рѣшительной. Но гроза, висѣвшая на горизонтѣ Россіи, еще на время удалилась.

Опустошивъ и разграбивъ всѣ помѣстья приверженцевъ Августа въ плодоносной Волыни, Карлъ XII, въ началѣ Іюля, собралъ опять свою армію и приготовился къ новому походу. Противъ всякаго чаянія союзныхъ Монарховъ, ожидавшихъ его вторженія, однихъ въ Украйну, другой въ Литву, онъ вступилъ

(*) Анекдоты о Петрѣ В. собран. Голиковымъ.

въ Галицію и Польшу, перешелъ Вислу, соединился съ Реншильдомъ и безостановочно продолжалъ свой походъ на беззащитную Саксонію, въ твердой рѣшимости, кончить борьбу съ Августомъ однимъ ударомъ и предписать ему миръ въ его наслѣдственныхъ владѣніяхъ. Этотъ шагъ встревожилъ всю Европу, въ которой война за Испанское наслѣдство была тогда въ самомъ разгарѣ. Предположеніе, подкрѣпляемое представленіями Русскихъ и Саксонскихъ министровъ, что этотъ походъ Карла XII предпринятъ въ пользу Франціи и по ея внушенію, казалось весьма вѣроятнымъ для всѣхъ государей, соединившихся противъ Лудовика XIV. Но страхъ, внушенный побѣдоноснымъ оружіемъ Карла, не дозволялъ имъ раз-

дражать Шведскаго героя. Послы Императора, Англіи и Голландіи только просьбами старались удержать его отъ вступле-

нія на почву Германіи. Успокоивая ихъ на счетъ своихъ намѣреній, Шведскій Король не устрашился отвергнуть ихъ представленія, — не устрашился даже перейдти чрезъ земли Императора (Силезію и Нижнюю Лузацію), и, разсѣявъ слабые остатки корпуса Шуленбурга, вторгнулся въ Саксонію (въ концѣ Августа 1706 года).

Когда Карлъ XII еще только переходилъ чрезъ Вислу, Августъ, замѣтивъ его намѣреніе и соболѣзнуя объ участи своихъ наслѣдственныхъ владѣній, уже далъ своимъ министрамъ полномочіе для заключенія съ непріятелемъ мира, на какихъ бы то ни было условіяхъ. Въ Альтранштадтѣ (14 Сентября), близъ Лейпцига, въ главной квартирѣ Короля Шведскаго,

Саксонскіе уполномоченные выслушали и подписали условія, предложенныя побѣдителемъ. Августъ обязывался: отрѣчься на всегда отъ Польской короны; признать Станислава истин-

нымъ и законнымъ Королемъ Польши и великаго княжества Литовскаго; отказаться отъ союза съ Московскимъ Царемъ и впредь непомогать ему ни въ чемъ; заплатить огромную контрибуцію; освободить всѣхъ плѣнныхъ безъ выкупа; выдать Королю Шведскому, какъ военноплѣнныхъ, всѣхъ Русскихъ, находившихся въ Саксоніи, равно и всѣхъ Шведскихъ перебѣжчиковъ и измѣнниковъ, въ числѣ которыхъ именно означенъ былъ Рейнгольдъ Паткуль.

Послѣдняя судьба этого человѣка, бывшаго Русскимъ полномочнымъ министромъ при дворѣ Августа II, сильно огорчила Петра и нанесла Августу стыдъ и нарѣканіе всѣхъ Европейскихъ кабинетовъ. Излишнею ревностію къ общей пользѣ союзниковъ и бдительнымъ надзоромъ за всѣми поступ-

ками Августа, Паткуль навлекъ на себя негодованіе самого Короля и ненависть его совѣтниковъ. Обвиненный въ намѣреніи, измѣнить союзнымъ Монархамъ, Русскій Министръ,

вопреки народнымъ правамъ, былъ, по повелѣнію Августа, арестованъ и болѣе года содержался въ крѣпости Кенигс-штейнѣ, не смотря на неоднократныя требованія Петра, прислать къ нему обвиняемаго, для изслѣдованія его проступковъ. Наконецъ, при заключеніи Альтранштадтскаго договора, коварные Саксонскіе министры нашли случай, освободиться отъ ненавистнаго имъ Паткуля и предали его въ руки раздраженнаго Карла, который повелѣлъ колесовать его, какъ измѣнника.

Какъ ни тягостны и унизительны были условія Альтранштадсткаго договора, но Августу не оставалось другаго средства, спасти Саксонію отъ бѣдствій войны, какъ только подписать ихъ немедленно. Вскорѣ подвергся онъ еще новому униженію, за побѣду, одержанную имъ противъ воли надъ Шведами. Карлъ XII, по удаленіи въ Саксонію, оставилъ въ Польшѣ своего генерала Мардефельда, съ корпусомъ отъ 8 до 10 тысячъ человѣкъ, для защищенія приверженцевъ Станислава. Августъ, находившійся тогда въ Литвѣ и Мень-

шиковъ, отправленный въ Польшу, немедленно по удаленіи Шведовъ изъ Волыни, соединили свои силы и, настигнувъ Шведскаго генерала подъ Калишемъ (19 Октября), принудили къ сраженію. Хотя Августъ за нѣсколько дней до сраженія

уже подписалъ мирный договоръ, но скрывая свое униженіе отъ Русскихъ и не имѣя возможности отдѣлиться отъ нихъ, долженъ былъ принять участіе въ истребленіи Шведскаго корпуса. Раздраженный этимъ Карлъ объявилъ договоръ нарушеннымъ и угрожалъ местію. Августъ, побѣдитель по неволѣ, спѣшилъ укротить его гнѣвъ, видѣлся съ нимъ въ Лейпцигѣ и получилъ прощеніе; но въ наказаніе долженъ былъ письменно поздравлять своего совмѣстника Станислава съ полученіемъ Польской короны, которой самъ лишился.

Извѣстіе о Калишской побѣдѣ, чрезвычайно обрадовало Петра. «Уже сей третій день,» писалъ онъ къ Меньшикову изъ Петербурга, «какъ празднуемъ и нынѣ станемъ въ вашемъ домѣ обѣдать и про ваше здоровье пить.» Но вскорѣ потомъ извѣстіе о постыдномъ Альтранштадскомъ мирѣ и объ отпаденіи послѣдняго союзника отравило веселіе Государя и призвало его на новыя труды и заботы. Въ концѣ Декабря онъ прибылъ въ Кіевъ, откуда поспѣшилъ къ своему войску, расположенному на зимнихъ квартирахъ: пѣхота около Дубны и Острога, а конница въ окрестностяхъ Жолкѣва и Яворова. Почти весь 1707 годъ Петръ провелъ въ Литвѣ и Польшѣ, стараясь поддержать въ республикѣ партію, противную Шведамъ и Станиславу, чтобъ тѣмъ, по крайнѣй мѣрѣ, затруднить Карла и лишить его содѣйствія Поляковъ при нападеніи на Россію, которое теперь было уже неизбѣжно. Рус-

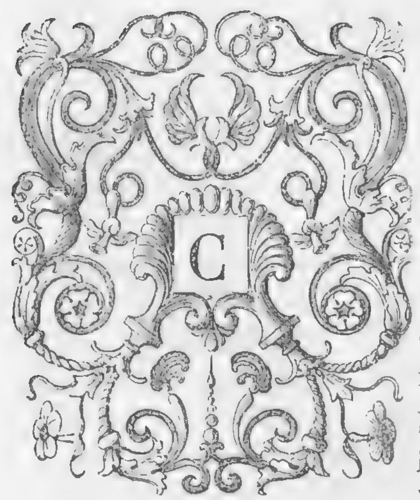
скія деньги и личныя выгоды епископа Джембека, возведеннаго Августомъ въ достоинство Примаса Польши, собрали наконецъ сеймъ во Львовѣ. Русскій посланникъ Князь Василій Долгоруковъ, главное дѣйствующее лице на этомъ сеймѣ, тщетно старался склонить Поляковъ къ единодушію. «*Просятъ указу объ оглашеніи интеръ-регнумъ*» писалъ онъ къ Государю, находившемуся въ Жолкѣвѣ. «Обождать,» отвѣчалъ Петръ и самъ поспѣшилъ въ собраніе, откуда писалъ къ Меньшикову: «*съ сими шальными едва могли дѣло совершить, что всѣ подписали и подтвердили всѣ трактаты съ нами.*» Еще менѣе единодушія видно было на другомъ сеймѣ, собравшемся въ Люблинѣ, въ Маѣ мѣсяцѣ. Число его членовъ постепенно уменьшалось. Вишневецкій, Шмигельскій, Синицкій и многіе другіе вельможи присоединились къ торжествующей партіи, а оставшіеся еще на сторонѣ Россіи ожидали только удаленія Русскихъ войскъ и возвращенія Карла XII, чтобъ признать Королемъ покровительствуемаго имъ Станислава.

ГЛАВА XIX.

ВНУТРЕННІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПЕТРА.

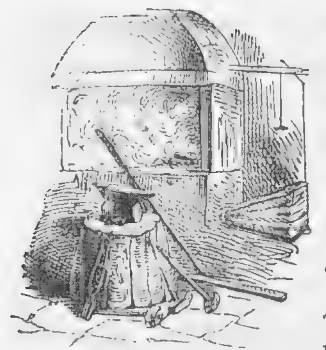

Среди войны и внутреннихъ смятеній, заботы объ устройствѣ государства и образованіи народа никогда не покидали Петра. Въ походахъ и на поляхъ брани, среди побѣдныхъ торжествъ и въ немногія минуты покоя — всегда и вездѣ онъ былъ преобразователемъ Россіи, всегда и вездѣ шелъ впереди своего народа: на поприщѣ воина, моряка, ремесленника, художника, ученаго — на всѣхъ путяхъ народной жизни. Почти не возможно обнять весь кругъ его разнообразной, непостижимой дѣятельности, равно удивитель-

ной и на государственномъ поприщѣ и въ самыхъ мелочахъ домашняго быта. Здѣсь могутъ имѣть мѣсто только не многія черты, выражающія характеръ и образъ жизни Петра, его труды и заботы, какъ хозяина и мудраго строителя государства.

Послѣ воинскихъ заботъ, которыя въ это время почти исключительно занимали Петра, главнымъ предметомъ его попеченій было распространеніе въ Россіи мануфактурной и торговой промышленности. Являясь въ столицу только на малое время, по окончаніи походовъ, и будучи притомъ занятъ множествомъ разнообразнѣйшихъ заботъ, Петръ однакожь никогда не упускалъ случая, осмотрѣть заведенныя имъ въ Москвѣ фабрики, особенно суконныя, за которыми главный надзоръ поручилъ онъ своему любимцу, Меньшикову. Какъ искусный мастеръ и вмѣстѣ заботливый хозяинъ, бесѣдовалъ онъ съ фабрикантами и ремесленниками, щедро награждалъ ихъ трудъ и усердіе, искренно радовался малѣйшимъ успѣхамъ, выписывалъ для нихъ изъ-за границы лучшія орудія и машины, не рѣдко самъ принимался за ткацкій челнокъ; училъ каждаго и словомъ, и дѣломъ.

Неусыпныя попеченія Государя о фабрикахъ не были тщетны. Россія скоро ощутила ихъ пользу. Но еще скорѣе оказались плоды заботливости Петра о горныхъ промыслахъ. Разработка металловъ, особенно желѣза была открыта въ разныхъ мѣстахъ Россіи, также въ Сибири, на рѣкахъ Невьѣ и Каменкѣ. Явились заводы: Истецкіе, Тульскіе, Каширскіе, Липецкіе, Петрозаводскіе, Кончеозерскіе и другіе. На нихъ приготовляли ружья, пушки, якоря и другія потребности для арміи и флота, на покупку которыхъ за границею доселѣ издерживались значительныя суммы. Возбуждая въ своихъ подданныхъ любовь къ ремесламъ, Царь облагородилъ своимъ примѣромъ тяжкіе труды кузнеца. Однажды на Истецкихъ желѣзныхъ заводахъ, въ 90 верстахъ отъ Москвы, онъ собственными руками выко-

валъ 18 пудъ желѣза. Чрезъ нѣсколько дней, по возвращеніи въ Москву, посѣтивъ хозяина этихъ заводовъ, иностранца Миллера, Петръ потребовалъ у него платы за свой трудъ. Обыкновенная плата работнику была по алтыну съ пуда, но смущенный Миллеръ предложилъ Государю 18 червонцевъ, говоря что такому работнику нельзя платить меньше. «Не хочу я твоихъ червонцевъ,» отвѣчалъ Петръ, «я не лучше другихъ работалъ; подай мнѣ, что слѣдуетъ.» Потомъ, получивъ

заработанныя денежки, отправился тотчасъ въ торговый рядъ и купилъ себѣ башмаки, въ которыхъ уже весьма нуждался, по вѣтхости прежнихъ. «Вотъ, башмаки, которые я пріобрѣлъ на трудовую копѣйку»–похвалялся онъ часто впослѣдствіи предъ своими вельможами (*).

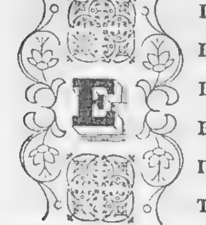
(*) Штелинъ. Анекдоты о Петрѣ В.

Впрочемъ, тяжкая война неблагопріятствовала успѣхамъ торговли и народной промышленности и даже останавливала исполненіе многихъ полезныхъ предначертаній Государя. Строеніе канала между Дономъ и Волгою, столь важное для торговли южной Россіи, надлежало оставить, за недостаткомъ рукъ и денегъ; и капитанъ Перри, которому былъ порученъ этотъ трудъ, долженъ былъ заняться въ Воронежѣ построеніемъ шлюзовъ и корабельныхъ доковъ. Предположенное Петромъ, въ 1704 году, соединеніе рѣки Тверцы со Мстою также не могло быть производимо съ надлежащимъ успѣхомъ. Но ничто не отвращало Петра отъ его огромныхъ сооруженій на берегахъ Невы и Финскаго залива.

Строеніе Петербурга продолжалось съ величайшею дѣятельностію и его народонаселеніе возрастало необыкновенно быстро. Долгъ службы и воля Царя побуждали и Русскихъ, и иностранцевъ, преимущественно людей чиновныхъ, художниковъ, мастеровъ и ремесленниковъ, переселяться въ эти пустыни, обильныя, по выраженію современниковъ, *только болотами и слезами.* Сюда, гдѣ нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ безпрерывно трудились надъ сооруженіемъ города, стекались также купцы и промысленники, привлекаемые выгоднымъ сбытомъ своихъ произведеній. Жизнь и дѣятельность воцарились въ Петербургѣ съ первыхъ дней его существованія и Петръ, неусыпно бодрствовавшій надъ его безопасностію и благосостояніемъ, съ отеческою любовью взиралъ на успѣшность своихъ предначинаній. Нигдѣ пребываніе для него не было столь пріятно, какъ въ Петербургѣ, гдѣ творческій, вѣчно неутомимый его духъ находилъ себѣ просторъ и обильную пищу. Сюда спѣшилъ онъ послѣ ратныхъ подвиговъ на великій подвигъ творчества. Здѣсь въ скромномъ домикѣ на берегу Невы, чуждый роскоши, окруженный простотою, какъ мудрый и предусмотрительный хозяинъ, какъ отецъ въ кругу своихъ дѣтей, какъ творецъ среди своихъ твореній, самодержавный повелитель обширнѣйшей державы чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ, мѣняя мечь на топоръ и молотъ. Сооружая

крѣпость, верфь, гавань, корабли, домы—находясь въ безпрерывныхъ трудахъ, Царь во многихъ письмахъ сравниваетъ такую свою жизнь съ райскою жизнію.

го нѣжная заботливость о Петербургѣ возбуждаетъ невольное удивленіе, особенно если вспомнимъ, въ какое тяжкое время она проявлялась. Когда вокругъ возникающаго города еще раздавались громы войны, Петръ уже садилъ въ немъ цвѣты и писалъ къ Стрѣшневу (14 Іюля 1704): «Цвѣты, шесть кустовъ, піоны привезли въ цѣлости; чему зѣло удивляемся какъ не растрясло, а цвѣты не малые. Зѣло жалѣемъ,

что калуферу, мяты и прочихъ душистыхъ не прислано, а когда піоны довезли, и эти гораздо легче, прикажи ихъ прислать» (*). По взятіи Митавы, Петръ отправилъ оттуда въ

Петербургъ, на почтовыхъ съ нарочнымъ садовыя деревья (**). Въ минуту величайшей опасности, когда мятежъ, свирѣпствовавшій на востокѣ Россіи, и отчаянное положеніе арміи, осажденной въ Гроднѣ, занимали всѣ помышленія Государя, онъ заботился объ устроеніи въ Петербургѣ фонтановъ и писалъ къ адмиралу Головину: «Трубы свинцовыя, которыя лежатъ отъ водовзводной башни до набережнаго сада, чтобъ ихъ вынявъ послать въ Петербургъ; тако жъ и насосы мѣдные, кои у Мусина сдѣланы тудыжъ послать (***).» Особенное же стараніе онъ прилагалъ о сохраненіи и разведеніи въ окрестностяхъ Петербурга дубоваго лѣса. «Господинъ Генералъ Маіоръ (писалъ онъ къ Брюсу, въ Нарву): Изволь приказать на мысу острова, что къ морю, чтобъ дубоваго лѣсу пни, которые прошлаго года напрасно вырублены деревья и отъ которыхъ можно быть отпрыскамъ, беречь (†).»

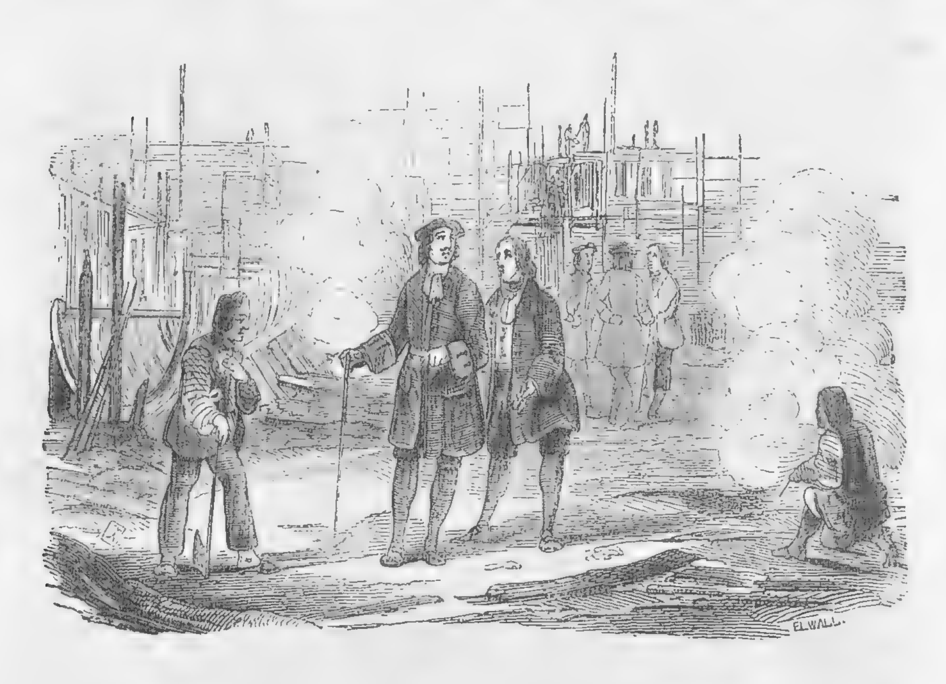
(*) Голиковъ. Дополнен. VI. 258.

(**) Тамъ же, VII. 56.

(***) Тетради Записныя Петра В. — стр. 72.

(†) Тамъ же, стр. 178.

Въ 1706 году, возвратившись въ Петербургъ послѣ долговременнаго отсутствія, Петръ, къ немалому своему удовольствію, нашелъ уже здѣсь и лавки, на Петербургской сторонѣ, и цѣлые ряды домиковъ по обоимъ берегамъ Невы. Съ осо-

беннымъ же восторгомъ увидѣлъ онъ, что, заложенное имъ въ 1704 году, адмиралтейство совершенно окончено, и писалъ къ Меньшикову (отъ 7 Апрѣля): «Я не могу оставить не писать къ вамъ изъ здѣшняго парадиса, гдѣ при помощи Вышняго все изрядно. — Истинно чаю, что въ раю здѣсь живемъ (*)» и проч. Въ эту же бытность свою въ Петербургѣ Петръ (3 Мая) положилъ основаніе каменной Петропавловской крѣпости. И все это совершалось, такъ сказать, въ глазахъ непріятелей, и притомъ въ такое время, когда Карлъ XII, находясь въ зенитѣ своего могущества, низлагалъ уже втораго противника и, можетъ быть, только улыбался предначертаніямъ Петра, въ надеждѣ воспользоваться его трудами!

Высокая самонадѣянность и дальновидность генія руководили дѣйствіями основателя Петербурга. Но творецъ Петербурга

(*) Голиковъ. Дополн. VII. 155.

былъ творцемъ и повсюду. Сражаясь на сѣверѣ съ грознымъ соперникомъ и открывая новые пути для торговыхъ сношеній съ Европою, Петръ въ то же время принималъ мѣры предосторожности противъ южныхъ сосѣдей Россіи: съ прежнею дѣятельностію сооружалъ корабли въ Воронежѣ, укрѣплялъ Азовъ и Таганрогъ, строилъ новыя крѣпости на Днѣпрѣ и Донѣ, и старался о возстановленіи дружескихъ связей съ Татарами и другими восточными племенами. Даже и отдаленная Камчатка не укрылась отъ его всеобъемлющаго взора, — и тамъ утверждалось владычество Россіи и насаждались сѣмена новой жизни (*).

Но съ какой бы точки ни взглянули мы на дѣятельность великаго преобразователя Россіи, она всегда возбуждаетъ наше удивленіе. Вотъ, нѣкоторыя черты его необыкновенной попечительности о государственномъ хозяйствѣ. Русскіе до Петра не умѣли пилить дровъ; Преобразователь и на это обратилъ свое вниманіе. Разославъ образцевыя пилы по разнымъ мѣстамъ Россіи, онъ повелѣлъ указомъ 1701 года, чтобъ дровосѣки въ теченіе двухъ лѣтъ пріучились къ пиленію дровъ, заготовляя десятую сажень — пилованною, и чтобъ, по прошествіи этого срока, дровъ топорной рубки не употребляли нигдѣ (**). Въ 1703 году, въ бытность свою на Воронежѣ, Царь повелѣлъ старые и негодные къ употребленію канаты роздать по селамъ и деревнямъ, съ тѣмъ, чтобъ, развивъ ихъ, превратить опять въ пеньку. «Для Бога закажи степи жечь, самъ я видѣлъ какъ отъ нихъ лѣса пропадаютъ,» писалъ онъ къ Өедору Матвѣевичу Апраксину, въ 1705 году, въ то время, какъ самъ готовился выступить изъ Вильны противъ Левенгаупта. Ничто не укрывалось отъ мудрой предусмотрительности Монарха. Для его всеобъемлющей дѣятельности, по видимому, вовсе не существовало подраздѣленія дѣлъ на важныя и не важныя. Что ему казалось полезно, то было и важно. Его

(*) Начало Русскаго владычества въ Камчаткѣ относится къ первымъ годамъ XVIII столѣтія. Въ 1702 году тамъ основаны были городки: Верхне-Камчатскъ, Нижне-Камчатскъ и Большерецкой (см. Ежемѣсячное сочиненіе 1758 года ч. I).

(**) Полн. Собр. Зак. Т. IV. No. 1883.

геніальный взоръ, проникая во всѣ малѣйшія подробности многообразной жизни народа и обнимая эту жизнь во всей ея цѣлости, казалось, слѣдилъ ее, въ одно и то же время, на всѣхъ путяхъ ея дѣятельности.

Исполинскій образъ великаго Преобразователя Россіи начертанъ имъ самимъ въ его многочисленныхъ письмахъ и предписаніяхъ, которыхъ каждая строка рѣзко оттѣняетъ простоту и величіе его характера, необычайную силу души, проникнутой святымъ чувствомъ любви къ отечеству, ясность всеобъемлющаго ума, окриленнаго безсмертною мыслію о необходимости просвѣщенія, вѣчно неутомимую дѣятельность творческаго генія, стремящагося къ своему высокому призванію—къ пересозданію Россіи. Приведемъ немногія характеристическія черты, выражающія образъ мыслей и чувства самодержавнаго Монарха при различныхъ случаяхъ его жизни. «За письмо твое благодарствую» (писалъ онъ къ Апраксину): «однакожъ зѣло суминимъ ради двухъ вещей: 1) что не ко мнѣ писалъ: 2) что зѣльными чинами, чево не люблю, а тебѣ можно знать, для того что ты нашей кумпаніи, какъ писать; а про насъ похоче вѣдать, далъ Богъ здоровы, а письмо отдалъ женѣ твоей самъ.»—«На подписяхъ пожалуй, пишите просто, какъ и въ письмахъ безъ *Великаго*,» — присовокупляетъ онъ въ другомъ письмѣ.—Все, что имѣло хотя малѣйшее подобіе лести и раболѣпнаго униженія, было непріятно Петру. Онъ истребилъ и самыя выраженія, напоминавшія старинное раболѣпство, запретивъ употреблять слово *холопъ* и подписываться уничижительными именами (Петрушко, Максимко) (*). Восточное обыкновеніе, издревле существовавшее въ Россіи: падать ницъ при встрѣчѣ съ Монархомъ на улицѣ, стало для него противнымъ, особенно посреди Петербургскихъ топей, и было запрещено, подъ опасеніемъ строгаго наказанія.

(*) Полн. Собр. Зак. IV. No. 1884.

Возвышая, такимъ образомъ, нравственное чувство своихъ сподвижниковъ и подданныхъ, Петръ въ то же время требовалъ отъ нихъ безусловной покорности, точнаго и скораго исполненія своихъ обязанностей. «По сему и по статьямъ конечно чини (писалъ онъ къ Шереметеву) о чемъ паки подтверждаю, и не пиши о семъ, ниже толкуй, инаково не будетъ; но дѣлай такъ какъ написано,» — и проч. Не рѣдко окружалъ онъ своими соглядатаями самыхъ довѣренныхъ особъ. Такъ сержантъ Щепотьевъ долженъ былъ наблюдать за дѣйствіями Шереметева, отправленнаго противъ Астраханскихъ мятежниковъ.

Царь имѣлъ право требовать отъ своихъ подчиненныхъ точности и ревности къ службѣ, потому, что самъ, наряду съ ними, служилъ отечеству съ примѣрнымъ усердіемъ. Званія *капитанъ-командора, корабельнаго мастера, бомбардиръ-капитана* и проч., Петръ носилъ не какъ пустыя титла; онъ заслужилъ ихъ трудами и искуствомъ и, какъ подданный, благодарилъ за нихъ представителя Царскаго достоинства, Князя-Кесаря Ромодановскаго. «Sire!» (писалъ онъ къ нему 7 Августа 1706 года.) «Сего мѣсяца въ 6 день, по указу Вашего Величества, господинъ Кригсъ-Коммиссаріи объявилъ мнѣ чинъ Полковника въ полку Преображенскомъ, которая Вашего Величества милость не подолгу службы нашей, но единыхъ ради щедротъ вашихъ, въ чемъ недоумеваемся, какое благодареніе принести вамъ за сіе, точію аще и зѣло малую по усердную службу и должность. Сіе объявя, пребываю Вашего Величества — Piter».

Царь, который собственнымъ примѣромъ научалъ подданныхъ служить отечеству, умѣлъ и цѣнить ихъ вѣрную службу. Всѣ, подвизавшіеся съ нимъ въ вѣрномъ служеніи отечеству, находили въ немъ нѣжнаго друга и товарища, который раздѣлялъ съ ними и горе, и радости. «Пожалуй Государь Федоръ Матвѣевичь (писалъ онъ къ Апраксину, оплакивавшему кончину своей супруги), не круши себя въ такой своей печали, уповай на Бога, что же дѣлать и индѣ такія печали живутъ,

что жены мрутъ и стригутся.» — Одинъ изъ усерднѣйшихъ сподвижниковъ Царя, великій адміралъ и канцлеръ Графъ

Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ былъ похищенъ смертію у Петра и Россіи, 2 Августа 1706 года. Пораженный горестью, Царь писалъ къ Апраксину: «Ежели сіе письмо застанетъ васъ въ Москвѣ, то не изволь ѣздить на Воронежъ: буде же на Воронежѣ изволь ѣхать къ Москвѣ; ибо хотя никогда сего не желалъ къ вамъ писать, однако воля Всевышняго

на то насъ понудила: ибо сея недѣли Г. Адмиралъ и другъ нашъ отъ сего свѣта посѣченъ смертію въ Глуховѣ: того ради извольте, которые Приказы, кромѣ Посольскаго, онъ вѣдалъ, присмотрѣть, а деньги и прочія вещи запечатать до Указу. Сіе возвѣщаетъ печали исполненный Петръ.»

Мѣсто Головина, какъ канцлера и начальника Посольскаго приказа, заступилъ дипломатъ, образовавшійся подъ руководствомъ самого Петра, Графъ Гаврило Ивановичь Головкинъ,

неразлучный спутникъ Государя во всѣхъ его походахъ. Званіе же великаго адмирала и управленіе всѣми морскими силами Россіи, также монетнымъ дворомъ, изъ доходовъ котораго покрывались адмиралтейскіе расходы, Петръ возложилъ на Федора Матвѣевича Апраксина, который дотолѣ, съ званіемъ

адмиралтейца или президента Воронежскаго адмиралтейства, имѣлъ главный надзоръ за безопасностію южной Россіи.

Но главнымъ лицемъ въ Россіи, послѣ Царя, былъ свѣтлѣйшій Князь Меньшиковъ, губернаторъ Ингерманландіи и генералъ надъ всею кавалеріею. Онъ былъ болѣе другомъ и товарищемъ Монарха, нежели подданнымъ. Всѣ письма Петра къ Меньшикову служатъ выраженіемъ искренней его дружбы и привязанности къ этому достойному сподвижнику. Въ 1706 году, празднуя Пасху въ Нарвѣ, Царь, среди веселаго пира писалъ къ Меньшикову: «Сего дня по обѣдни были въ вашемъ дому и разговѣлись, и при окончаніи сего дня паки окончали веселіе въ вашемъ же дому. Воистинну, Слава Богу веселы, но наше веселіе безъ васъ, яко брашно безъ соли. Лизетъ Даниловна (*) лапку приложа челомъ бьетъ» и проч. Это письмо, по желанію Государя, подписано всѣми гостьми, участвовавшими въ праздникѣ, въ томъ числѣ бомбардирами и деньщиками. Одинъ изъ пирующихъ подписался: «Екимъ, мужикъ матерой, съ симъ праздникомъ поздравляю, милости твоей, моему Государю, а мнѣ нынѣ позволено на три дни пьяницею быть.»—«Откормите Даниловича,» писалъ Монархъ къ Княгинѣ Меньшиковой: «чтобъ я не такъ его паки видѣлъ, какъ въ Меречахъ. Впрочемъ не имѣю что писать точію все здѣсь изрядно и весело. Тетка и матка велѣли вамъ кланяться. Пожалуй отдай отъ меня поклонъ Даниловнѣ и сестрѣ своей.» Вскорѣ Петръ еще болѣе сблизился съ семействомъ своего любимца, когда сирота принятая въ кругъ этого семейства, Маріенбургская плѣнница Екатерина, плѣнила сердце Монарха и соединилась съ нимъ священными узами брака.

Обстоятельства этого бракосочетанія покрыты неизвѣстностію. Знаемъ только, что оно совершилось въ Петербургѣ, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, 1707 года; слѣдовательно, вскорѣ по возвращеніи Петра изъ Польши и, если вѣрить сказанію, выдаваемому за справедливое, сопровождалось тою же простотою, которая всегда отличала Великаго Монарха. Въ сумерки зимняго вечера,—такъ

(*) Имя любимой собачки Государя, полученной въ подарокъ отъ Меньшикова.

гласитъ сказаніе,—Петръ и Екатерина, въ сопровожденіи оберъ-коменданта Брюса, отправились въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, въ какую-то уединенную, близъ Петербурга, церковь, гдѣ и былъ совершенъ священный обрядъ, безъ

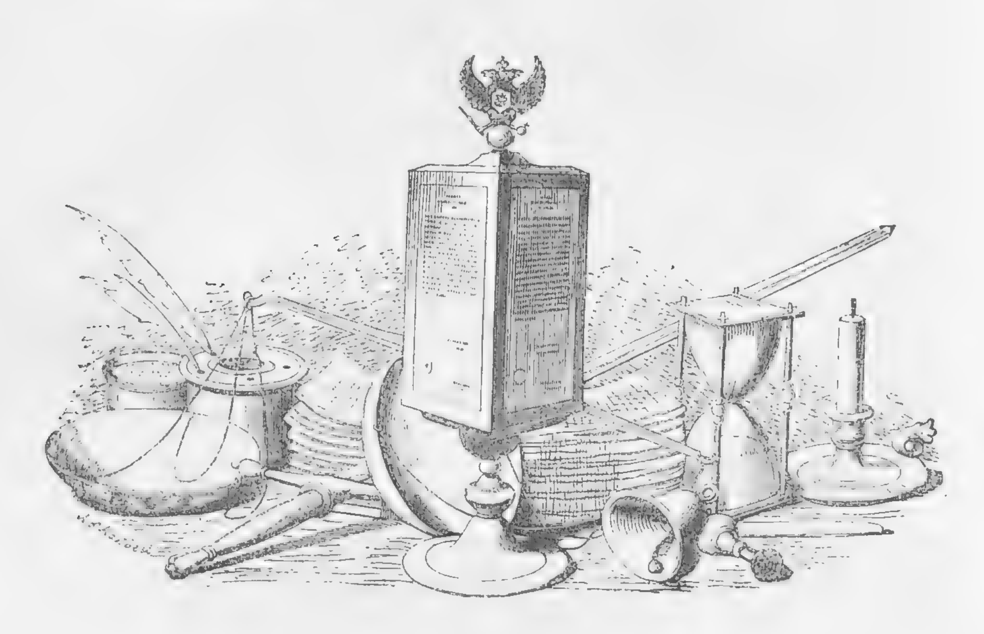
всякой пышности и наружнаго блеска и безъ иныхъ свидѣтелей, кромѣ Брюса. Ни пиры, ни шумныя увеселенія не ознаменовали этого достопамятнаго событія, которое, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, было тайною, даже для особъ, близкихъ къ Государю.

Самыя занятія и попеченія Петра ни на минуту не были прерваны этою важною перемѣною въ его жизни. Поспѣшая сооруженіемъ флота, онъ почти каждый день присутствовалъ при работахъ въ адмиралтействѣ, нѣсколько разъ ѣздилъ въ

Кроншлотъ и еще предъ самымъ замерзаніемъ водъ, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, разъѣзжалъ по морю, обучая своихъ моряковъ-новобранцевъ. Море было любимою стихіею Петра и морскія путешествія, сопряженныя съ опасностію, доставляли ему истинное удовольствіе. Письмо къ *Басу* (корабельному мастеру) Головину живо характеризуетъ веселаго и отважнаго моряка. «Сватъ люли, буди здравъ! (писалъ Царь): Письмо твое намъ отдано; зѣло намъ жаль, что ты не былъ съ нами (на морѣ), понеже вѣтры гораздо были великіе, можнобъ гораздо на морѣ пѣть *люли;* а что ты сватушка пишешъ, что замерзли корабли, то врешъ: замерзла вода и та не вся. Поклонъ отъ тебя по письму отдалъ, изъ которыхъ всѣхъ благодарнѣе вамъ *Шаховской* посылаетъ къ вамъ превеликую...... Еще возвѣщаю тебѣ сватушка, что мы скоро ѣдемъ къ Москвѣ, и кой часъ пріѣду, тотъ-часъ куплю сватьѣ поняву полосатую (*).»

Вскорѣ Петръ долженъ былъ оставить и свои любимыя занятія, и Петербургъ, и юную супругу. Врагъ, сильный и страшный, стремился сокрушить Россію и вызывалъ Царя на рѣшительный бой.

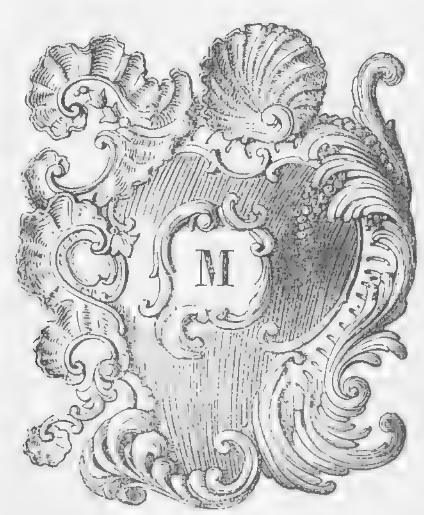
(*) Голиковъ. Дополн. VII. 435.

ГЛАВА XX.

НАШЕСТВІЕ КАРЛА XII НА РОССІЮ.

инистры и дипломаты всѣхъ Европейскихъ кабинетовъ блестящею толпою окружили Шведскаго героя въ Альтранштадтѣ. Между ними явились и многіе владѣтельные князья Германіи, и славный Мерльборо (Marlborough) Англійскій, съ собственноручнымъ письмомъ своей Государыни. Всѣ они съ изумленіемъ взирали на Карла, въ простой наружности котораго рѣзко отражалось величіе героя. Это былъ суровый воинъ, закаленный въ битвахъ, въ самой простой одеждѣ, въ огромныхъ ботфортахъ, съ страшнымъ палашемъ на боку, врагъ роскоши и наружнаго блеска. Но этотъ воинъ отнималъ и

раздавалъ короны, предписывалъ законы Императору и приводилъ въ трепетъ Европу.

Карлъ достигъ высшей степени славы и величія, и вознесъ свое государство на такую высоту, на которой оно еще никогда не стояло. Счастливъ былъ бы Карлъ! счастливы были бъ его подданные, если бъ онъ, остановившись на этой высотѣ, не пошелъ далѣе! Но могъ ли онъ остановиться? Счастливый завоеватель, уже семь лѣтъ вѣнчавшійся славою на поляхъ брани, сокрушившій уже двухъ своихъ противниковъ, — могъ ли онъ сомнѣваться въ возможности, предписать и третьему миръ въ стѣнахъ его столицы? Могъ ли онъ отказаться отъ желанія, одержать побѣду, тѣмъ болѣе славную и лестную, чѣмъ сильнѣе и опаснѣе былъ противникъ? Страсть къ войнѣ, какъ и всякая другая, ненасытима. Ослѣпленный ею, Карлъ двинулъ свои грозныя силы на Россію.

Онъ выступилъ изъ Саксоніи въ концѣ Августа 1707 года, быстро прошелъ Силезію и, вступивъ въ Польшу, остановился около Познани, чтобъ переждать ненастное осеннее время, неудобное для военныхъ дѣйствій. Его армія, отдыхавшая цѣлый годъ въ Саксоніи, въ полномъ довольствѣ и изобиліи, будучи усилена значительными подкрѣпленіями, прибывшими изъ Швеціи чрезъ Померанію, равно какъ и новыми наборами, сдѣланными въ самой Германіи, находилась въ самомъ лучшемъ устройствѣ. Она состояла изъ 43,650 человѣкъ отборныхъ воиновъ (*), была съ избыткомъ снабжена, на счетъ побѣжденныхъ непріятелей, всѣми необходимыми запасами и военными снарядами, и имѣла военную казну въ 22 милліона рейхсталеровъ. Кромѣ этой главной арміи, Графъ Левенгауптъ, лучшій изъ полководцевъ Карла, стоялъ въ Лифляндіи съ 16 тысячами человѣкъ, большею частію природныхъ Шведовъ; а генералъ Либекеръ собралъ въ Финляндіи отдѣльный 15-тысячный корпусъ, долженствовавшій разрушить пятилѣтніе труды Петра на берегахъ Невы и вторгнуться, чрезъ Ингрію, въ Новогородскую область.

Располагая столь огромными собственными силами, Карлъ XII имѣлъ еще виды на сильную помощь со стороны Турціи,

(*) Nordberg. II, 189.

которую Станиславъ Лещинскій склонялъ къ разрыву съ Царемъ Московскимъ. Еще же болѣе онъ надѣялся на Гетмана Мазепу, который, замышляя измѣну противъ своего Государя, обѣщалъ предать всю Малороссію въ руки Шведовъ.

Таковы были средства и виды, которыя внушали Карлу несомнѣнную надежду на новые блестящіе успѣхи въ предстоявшей борьбѣ съ Россіей.

Но и Россія напрягла всѣ свои силы къ этой рѣшительной борьбѣ, которой всѣ прежніе походы служили только приготовленіемъ. Въ главной Русской арміи было, по всей вѣроятности, отъ 50 до 60 тысячъ регулярныхъ войскъ, къ которымъ присоединялись еще многочисленныя толпы Донскихъ и Малороссійскихъ Казаковъ, также Татаръ, Калмыковъ и Башкирцевъ. Кромѣ того, находились еще отдѣльные отряды: въ Курляндіи, подъ предводительствомъ генераловъ Репнина и Баура, для наблюденія за движеніями Левенгаупта, и въ Ингріи, подъ начальствомъ Апраксина, которому Петръ ввѣрилъ защиту Петербурга (*). Наконецъ, если къ этому присоединить еще гарнизоны Нарвы, Дерпта, Пскова и другихъ городовъ и крѣпостей; также, ополченіе дворянства,—съ вѣроятностію можно полагать число всѣхъ военныхъ силъ Россіи отъ 150 до 200 тысячъ человѣкъ. Но эти войска, превосходя непріятельскія числомъ, далеко уступали имъ въ искуствѣ и, будучи притомъ разсѣяны по всѣмъ предѣламъ обширнаго государства, не могли быть собраны на одномъ мѣстѣ, для дружнаго отпора. Поэтому Петръ, соображаясь съ состояніемъ своей арміи и никогда не полагаясь на одно счастіе, строго предписалъ своимъ генераламъ: уклоняться отъ рѣшительной битвы съ непріятелемъ; но стараться всѣми мѣрами удерживать его на переправахъ чрезъ рѣки и въ крѣпкихъ мѣстахъ; безпрерывно тревожить его частыми стычками; опустошать и разорять всю страну, по которой онъ пойдетъ, чтобъ такимъ образомъ лишить его всѣхъ средствъ продовольствія и, изнуривъ его силы, истребить ихъ по частямъ, не подвергая себя опасности рѣшительнаго пораженія.

(*) Въ 1706 году состояло на жалованьи полевыхъ войскъ, кромѣ гарнизоновъ: въ главной арміи 33 тысячъ пѣхоты и 21 тысяча кавалеріи, въ Полоцкѣ 8 тысячъ пѣхоты и драгуновъ, въ Ингріи на сухомъ пути и на морѣ 26 тысячъ человѣкъ. (Записныя Тетради Петра В., стр. 190.)

Столь мудрый планъ могъ служить вѣрнымъ ручательствомъ въ успѣхѣ предстоявшей борьбы. Но Петръ, никогда не искавшій славы завоевателя и помышлявшій единственно о счастіи своихъ подданныхъ, желалъ отвратить отъ нихъ бѣдствія непріятельскаго нашествія и еще разъ простеръ своему сопернику руку примиренія. Карлъ съ гордостію отвергъ всѣ предложенія, объявивъ, что договариваться о мирѣ съ Царемъ Московскимъ будетъ въ Москвѣ. Говорятъ даже, что онъ уже далъ генералу Шпарре патентъ на достоинство Московскаго губернатора. «Братъ мой Карлъ хочетъ быть Александромъ, но во мнѣ не найдетъ онъ Дарія!» сказалъ Петръ, узнавъ о такой надмѣнности своего противника.

Борьба была неизбѣжна. Карлъ, въ концѣ Декабря мѣсяца, перешелъ чрезъ Вислу по льду при Владиславкѣ и, направляя походъ вдоль Прусско-Польской границы, стремился со всѣми своими силами къ Нѣману, и въ этомъ стремленіи преодолѣвалъ всѣ преграды, противупоставляемыя усиліями Русскихъ и суровымъ временемъ года. Узнавъ, что Петръ находится въ Гроднѣ, Карлъ быстро бросился туда съ нѣсколькими сотнями своей кавалеріи; овладѣлъ врасплохъ слабо защищеннымъ Гродненскимъ мостомъ и вечеромъ 26 Января (1708) ворвался въ городъ, почти въ то самое время, какъ Петръ, обманутый ложнымъ извѣстіемъ о приближеніи всей Шведской арміи, спѣшилъ съ немногими спутниками выѣхать изъ другихъ воротъ на Вильну.

Оплошность, или измѣна бригадира Миленфельда, который долженъ былъ охранять Гродненскій мостъ или разрушить его, въ случаѣ сильнаго натиска непріятелей, но который не исполнилъ ни того, ни другаго, помогла Карлу безъ труда овладѣть Гродномъ. Петръ огорченный этимъ, повелѣлъ предать Миленфельда военному суду; но виновный, подкупивъ стражу, бѣжалъ къ непріятелю и, открывъ ему состояніе Русской арміи и планы Петра касательно военныхъ дѣйствій, еще тѣмъ болѣе повредилъ Россіи.

Карлъ непремѣнно хотѣлъ принудить Русскихъ къ сраженію въ Литвѣ; но, видя невозможность, догнать отступающихъ, и не желая утомить свое войско быстрымъ преслѣдованіемъ, въ жестокую зиму, въ странѣ, повсюду опустошенной, остановился въ окрестностяхъ Минска, и отложилъ дальнѣйшій походъ до лѣта.

Между тѣмъ, Петръ, подтвердивъ снова своимъ генераламъ, не давать рѣшительнаго сраженія, простился съ ними (12 Марта) въ мѣстечкѣ Бешенковичахъ и чрезъ Великіе Луки, Псковъ, Дерптъ и Нарву прибылъ въ Петербургъ, чтобъ и здѣсь принять мѣры предосторожности противъ непріятеля. Но вскорѣ по своемъ прибытіи, Царь, нещадившій самого себя, среди безпрерывныхъ трудовъ и заботъ былъ застигнутъ жестокою лихорадкою, которая опечалила его тѣмъ болѣе, что случилась въ такое тяжкое для отечества время. Увѣдомляя Меньшикова о своей болѣзни, Петръ присовокупляетъ: «Самъ ваша милость вѣдаетъ, что николи я такъ не писывалъ; но Богъ видитъ, что мочи нѣтъ, а безъ здоровья и силы служить не возможно; но ежели бъ недѣль пять, или шесть, съ сего времени здѣсь побыть и лекарства употреблять, тобъ надѣялся съ помощію Божіею здоровъ къ вамъ быть. Однакожъ когда необходимая нужда будетъ мнѣ ѣхать, то извольтѣ тогда послать ставить подводы,» и проч.

Однако и во время болѣзни дѣятельность Петра не ослабѣвала. Узнавъ, что его сестры — Царевны: Наталія, Марія и Θеодосія, и невѣстка, вдовствующая Царица Параскевія Θедоровна, съ дочерьми, Царевнами: Екатериною, Анною и Параскевіею,—ѣдутъ посѣтить его, еще впервые, въ юномъ Петербургѣ, обрадованный Царь встрѣтилъ ихъ у Шлиссельбурга и съ торжествомъ привелъ въ свой любимый городъ. — Въ концѣ Апрѣля, онъ, въ качествѣ капитанъ-командора повелъ было нѣсколько транспортовъ изъ Петербурга въ Нарву, но, остановленный на морѣ сильнымъ льдомъ, возвратился и, какъ подчиненный, донесъ Адмиралу объ этой неудачѣ.

Чтобъ вредить непримиримому непріятелю гдѣ и чѣмъ только возможно, Петръ отправилъ, въ Маѣ мѣсяцѣ, двѣ небольшія эскадры для разоренія беззащитныхъ береговъ Финляндіи. Шаутбенахтъ Боцисъ сжегъ и разграбилъ городъ Борго съ окрестными мѣстами, а полковникъ Толбухинъ произвелъ опустошенія на Березовыхъ островахъ и по Выборскому берегу. Оба они, миновавъ Шведскій флотъ, стоявшій подъ Выборгомъ, благополучно и съ богатою добычею возвратились къ Кроншлоту.

Но, радуясь успѣху своихъ предпріятій на морѣ, Царь въ то же время съ безпокойствомъ и опасеніемъ устремлялъ свои взоры на юго-восточные предѣлы государства, которымъ угрожали внутренніе мятежники, опасные не менѣе внѣшнихъ непріятелей. Казацкія станицы по Дону и его притокамъ были въ это время наполнены множествомъ недовольныхъ, которые, стекаясь со всѣхъ частей Россіи, искали здѣсь убѣжища отъ нововведеній и рекрутскихъ наборовъ. Правительство вынуждено было отправить отряды войска, подъ предводительствомъ полковника Князя Юрія Владимировича Долгорукова, для отысканія этихъ беглецовъ и высылки ихъ на мѣста ихъ прежнихъ жительствъ. Но эта мѣра взволновала воинственныхъ обитателей Дона. Дерзкій и предпріимчивый Казацкій старшина Кондратъ Булавинъ собралъ толпу недовольныхъ, напалъ ночью на отрядъ Долгорукова и истре-

билъ его до единаго человѣка. Это было началомъ страшнаго мятежа, быстро разлившагося по всѣмъ Казацкимъ станицамъ. Толпы Булавина, а вмѣстѣ съ ними и дерзость мятежника, возрастали болѣе и болѣе. Онъ овладѣлъ Черкасскомъ, разбилъ войсковаго атамана Лукьяна Максимова, и предалъ его, вмѣстѣ со всѣми благомыслящими старшинами и Казаками, лютой казни. Тогда всѣ станицы, волею и неволею, признали Булавина атаманомъ всего Донскаго войска. Отважный и честолюбивый мятежникъ, тайно поддерживаемый, какъ утверждаютъ, Гетманомъ Мазепою, осадилъ Азовъ, пригласилъ къ возстанію Запорожцевъ, вступилъ въ сношенія съ Татарами и даже съ Турками, обѣщая открыть имъ путь въ самое сердце Россіи. Опасность была не малая и требовала мѣръ скорыхъ и рѣшительныхъ.

При первомъ извѣстіи объ этихъ безпокойствахъ, нѣсколько полковъ изъ главной арміи, изъ Петербурга, изъ Москвы и Кіева двинулись на Донъ. Начальство надъ ними было поручено брату убитаго мятежниками Долгорукова, маіору гвардіи, князю Василію Владимировичу, съ жестокимъ предписаніемъ, «чтобъ городки и деревни мятежниковъ

жечь безъ остатку, а людей рубить, заводчиковъ же на колеса и колья; ибо сія сарынь, (прибавляетъ Государь въ своемъ приказѣ) кромѣ жесточа, не можетъ унята быть.» Но, чтобъ отчаяніе не ожесточило еще болѣе злодѣевъ при мысли, что Долгоруковъ самовольно мститъ за смерть своего брата, Петръ отправилъ вмѣстѣ съ нимъ Царевича Алексѣя Петровича и повелѣлъ щадить и миловать всѣхъ, которые возвратятся къ своему долгу.

Съ прибытіемъ Царскихъ войскъ, на Дону все перемѣнилось. Булавинъ былъ разбитъ подъ Азовомъ (5 Іюля) и бѣжалъ въ свою станицу. Здѣсь напали на него, оставшіеся вѣрными, Казаки, съ новымъ своимъ атаманомъ Ильею Зерновымъ. Злодѣй защищался отчаянно, до послѣдней крайности; наконецъ застрѣлилъ себя изъ пистолета и мертвый палъ въ руки побѣдителей. Другіе предводители мятежниковъ также одинъ за другимъ были побѣждены Царскими войсками. Одинъ только атаманъ Некрасовъ еще сопротивлялся; наконецъ и онъ, тѣснимый отвсюду, бѣжалъ, съ толпою отчаянныхъ головъ, въ Запорожье и вступилъ въ подданство Турціи.

Между тѣмъ, на западной границѣ уже открылись военныя дѣйствія и Царь, оставивъ Петербургъ, спѣшилъ на ратоборство съ своимъ грознымъ противникомъ. Карлъ XII, отпустивъ Короля Станислава, съ 8 тысячами Шведовъ, въ Польшу, для возстановленія въ ней спокойствія, и приказавъ своему генералу Левенгаупту, идти на соединеніе съ главною арміею, выступилъ изъ Минска, въ началѣ Іюня, и направилъ походъ къ рѣкѣ Березинѣ. Никто однакожь-даже и въ Шведской арміи—еще не зналъ на вѣрное, какое направленіе приметъ Король: пойдетъ ли онъ, какъ всѣ полагали, прямо на Смоленскъ и Москву; или обратится влѣво, чрезъ Двину и, соединившись съ Левенгауптомъ, устремится на Псковъ и Новгородъ, какъ утверждалъ Петръ; или, наконецъ, вторгнется въ Украйну, какъ догадывался Меньшиковъ. Въ этой неизвѣстности о намѣреніяхъ непріятеля, Русскіе генералы

сосредоточили главныя свои силы около селенія Чашников, сохраняя такимъ образомъ возможность, предупредить непріятеля: или за Двиною при Полоцкѣ, или на Березинѣ.

Но Шведскій король искусными движеніями обманулъ своихъ противников. Отправивъ генерала Шпарре къ Борисову, гдѣ находился передовой отрядъ Русскихъ, подъ начальствомъ генерала Гольца, и показывая видъ, будто намѣренъ здѣсь силою переправляться чрезъ рѣку, самъ обратился влѣво, прошелъ чрезъ лѣса и болота, удобопроходимыя только для Карла и, 16 Іюня, перешелъ рѣку, при мѣстечкѣ Березинѣ, разсѣявъ малочисленные Казацкіе отряды. Тогда Русская армія быстро двинулась отъ Чашников въ промежутокъ рѣкъ Днѣпра и Березины и предупредила непріятеля при мѣстечкѣ Головчинѣ. Прислоненная тыломъ къ густому лѣсу, прикрытая съ фронта болотистою рѣчкою Бибичемъ и защищенная съ фланговъ искуственными укрѣпленіями, Русская армія считала свое положеніе совершенно безопаснымъ и рѣшилась здѣсь удержать стремленіе непріятеля. Шереметевъ и Меньшиковъ командовали центромъ, Аллардтъ и Пфлугъ правымъ, а Репнинъ и Гольцъ лѣвымъ крыломъ. Но ничто не могло остановить Шведскаго героя: на разсвѣтѣ 3 Іюля онъ первый бросился въ рѣку, едва не увязъ въ топкомъ болотѣ, но былъ спасенъ своими драбантами; за нимъ послѣдовала Шведская пѣхота, подъ прикрытіемъ своихъ баттарей и, достигнувъ противуположнаго берега въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ корпусъ Шереметева примыкалъ къ дивизіи князя Репнина, быстро ударила на эту послѣднюю. Репнинъ не выдержалъ; полки его пришли въ разстройство и, потерпѣвъ значительный уронъ, бѣжали въ лѣсъ, откуда сильно тревожили непріятеля ружейнымъ огнемъ. Въ то же время Реншильдъ съ кавалеріею ударилъ на Русскую кавалерію лѣваго крыла. Стѣсненная между лѣсомъ и болотомъ, она не имѣла возможности дѣйствовать свободно и такъ же была опрокинута въ лѣсъ. Карлъ овладѣлъ полемъ битвы и 12 орудіями. *Побѣждены лѣса, топи, валы и непріятели!* такъ выразилась гордость побѣдителя на медали, выбитой въ память этого дня!

Побѣда была одержана; но это была дорогая и безплодная побѣда. Шведы потеряли не менѣе своихъ противниковъ, а по сравненію обстоятельствъ тѣхъ и другихъ, еще гораздо болѣе. Лѣсистое мѣстоположеніе спасло побѣжденныхъ отъ преслѣдованія и отняло у Карла всѣ плоды этой побѣды. Русскіе отступили къ Шклову, Карлъ занялъ Могилевъ.

Спустя два дня послѣ этой битвы Царь прибылъ къ своей арміи и повелѣлъ Меньшикову, произвесть военный судъ надъ тѣми, которые, побросавъ оружіе, бѣжали съ поля битвы. Князь Репнинъ также былъ обвиненъ судомъ за недостатокъ распорядительности во время сраженія и отрѣшенъ отъ команды надъ войскомъ. Впрочемъ онъ вскорѣ заслужилъ опять милость Государя.

Прошло четыре недѣли безъ военныхъ дѣйствій. Карлъ XII не двигался изъ Могилева. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ генерала Левенгаупта. Но ожидаемый не являлся. Наконецъ, потерявъ терпѣніе и угрожаемый оскудѣніемъ съѣстныхъ припасовъ, Карлъ перешелъ (4 Августа) Днѣпръ и направилъ свой путь къ предѣламъ Россіи. Здѣсь военныя дѣйствія со стороны Русскихъ уже стали производиться во всѣхъ отношеніяхъ сообразно съ предписаннымъ планомъ. Главныя силы Русской арміи, заслоняя Смоленскую дорогу, подвинулись ко Мстиславлю; а передовые отряды, постоянно оставаясь въ виду непріятеля, уничтожали мосты, портили дороги, жгли и истребляли все, чего не могли забрать съ собою. Карлъ только медленно могъ двигаться впередъ по странѣ, совершенно опустошенной, освѣщаемый заревомъ пылавшихъ селъ и деревень и безпрестанно тревожимый отвсюду летучими отрядами Русской кавалеріи и Казаковъ. Тщетно старался онъ настигнуть Русскихъ и принудить къ рѣшительному сраженію. Они повсюду отступали; однакожь

нигдѣ неупускали случая, наносить непріятелю всевозможный вредъ мелкими стычками, которыя нерѣдко превращались въ значительныя сраженія; особенно въ лѣсистыхъ мѣстахъ и на переправахъ чрезъ рѣки и болота.

Первое сраженіе, въ которомъ Русскіе отплатили непріятелю за дѣло подъ Головчинымъ, произошло 29 Августа, при селѣ Добромъ. Царь, который самъ распоряжалъ всѣми движеніями своихъ войскъ и всегда находился при передовыхъ отрядахъ, замѣтивъ, что правое крыло Шведовъ, подъ предводительствомъ генерала Рооса, расположилось въ 3 верстахъ отъ ихъ главнаго лагеря, не замѣдлилъ воспользоваться такою неосторожностью своего противника и приказалъ храброму князю Голицыну, герою Нотебургской осады, ударить на Рооса. Голицынъ, перешедъ, подъ покровомъ утренняго тумана, чрезъ двѣ болотистыя рѣчки, отдѣлявшія Русскую армію отъ Шведской, привелъ непріятеля внезапностію въ разстройство и бился съ нимъ въ теченіе полутора часа съ величайшимъ искуствомъ и муже-

ствомъ. Положивъ на мѣстѣ до 2,000 Шведовъ и овладѣвъ шестью знаменами, онъ въ совершенномъ порядкѣ отступилъ, наконецъ, къ главной Русской арміи, когда самъ Король, со всѣми силами, прискакалъ къ своимъ на помощь. Карлъ, пылая местію за пораженіе лучшихъ своихъ полковъ, казалось, забылъ всякое благоразуміе и осторожность. Онъ устре-

мился вслѣдъ за Русскими, отступавшими къ своимъ границамъ и близъ Кадина (9 Сентября), увлеченный запальчивостію, врѣзался съ однимъ коннымъ полкомъ въ средину многочисленнаго Русскаго отряда. Лошадь была уже подъ нимъ убита, люди падали кругомъ, и онъ подвергался очевидной опасности лишиться жизни или свободы, если бъ былъ узнанъ Русскими. Трабанты подоспѣли на помощь и спасли своего Государя.

Такимъ образомъ, среди безпрестанныхъ битвъ, покупая каждый шагъ кровью храбрыхъ воиновъ и не находя нигдѣ ни фуража, ни съѣстныхъ припасовъ, ни мѣста для отдыха, Карлъ двигался впередъ, между Днѣпромъ и Сожью, по направленію къ Смоленску. 10 Сентября, — три мѣсяца послѣ выхода изъ Минска,—онъ достигъ, наконецъ, границы тогдашней Россіи и остановился у селенія Старши не въ дальнемъ разстояніи отъ Смоленска. Но его положеніе сдѣлалось уже весьма опаснымъ. Армія значительно уменьшилась, была изнурена походами, обременена больными и ранеными. Запасы, взятые изъ Минска, почти совершенно изсякли, а добывать ихъ въ странѣ опустошенной не было никакой надежды. «Непріятель (писалъ Петръ) въ такомъ трактаментѣ незнаетъ что и дѣлать!» Оставаться долѣе между Днѣпромъ и Сожью было невозможно, идти на Смоленскъ и далѣе во внутренность Россіи, значило бы неминуемо погубить армію голодною смертію. Карлу оставалось только одно средство, поправить свои обстоятельства—обратиться назадъ на встрѣчу къ Левенгаупту и, соединившись съ нимъ, идти на Украйну; но Шведскій Король не привыкъ отступать. Къ тому же, тайный его союзникъ, Мазепа, неотступно умолялъ его, ускорить прибытіемъ въ Украйну, представляя, что онъ не можетъ долѣе скрывать отъ Петра своихъ сношеній съ Шведами. Карлъ еще пять дней прождалъ въ Старшахъ Левенгаупта; но, не получая о немъ никакого извѣстія и опасаясь лишиться выгодъ, обѣщанныхъ Мазепою въ Украйнѣ, обратился наконецъ къ югу, предоставивъ Левенгаупта на произволъ судьбы.

Едва только Петръ удостовѣрился въ направленіи, принятомъ Шведскою арміею, какъ и принялъ свои мѣры. Генералъ

Ифландъ, съ легкими отрядами кавалеріи, быстро предупредилъ непріятеля за рѣкою Сожью и началъ очищать ему дорогу чрезъ Сѣверскую область, уничтожая всѣ средства къ продовольствію. Генералъ Бауръ, съ 5,000 конницы, провожалъ его съ тыла, а фельдмаршалъ Шереметевъ, съ главными силами, шелъ съ лѣваго боку, прикрывая внутренность Россіи. Такимъ образомъ, Карлъ и на этомъ пути встрѣчалъ тѣ же пожары и опустошенія, тотъ же недостатокъ продовольствія, съ которыми боролся доселѣ.

Между тѣмъ, Петръ получилъ достовѣрное извѣстіе, что Левенгауптъ спѣшитъ на соединеніе съ Королемъ и уже приближается къ Днѣпру, съ огромнымъ обозомъ съѣстныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ для всей Шведской арміи. — Разбить Левенгаупта, не допуская его соединиться съ Королемъ, истребить весь его обозъ и тѣмъ отнять у Карла самое надежное средство къ продолженію войны—было дѣломъ чрезвычайной важности. Петръ самъ принялъ на себя исполненіе этого предпріятія; но, обманутый ложными показаніями проводника, едва было не упустилъ изъ рукъ Левенгаупта. Русскіе уже начали переправляться на правый берегъ Днѣпра, выше города Орши, когда одинъ Польскій дворянинъ увѣдомилъ Государя, что Левенгауптъ уже нѣсколько дней предъ тѣмъ перешелъ на лѣвый берегъ, при Шкловѣ. Вѣроломный проводникъ, Жидъ, подкупленный Шведами, былъ повѣшенъ на мѣстѣ; Русскій отрядъ, полетѣлъ на подводахъ вслѣдъ за Левенгауптомъ и чрезъ нѣсколько дней настигъ его на рѣкѣ Пронѣ, у деревни Долгихъ Мховъ.

Петръ, взявшій съ собою изъ главной арміи не болѣе 12 тысячъ человѣкъ, въ томъ предположеніи, что Левенгауптъ, какъ носилась молва, имѣлъ только 8 тысячъ,—не безъ смущенія увидѣлъ предъ собою 16-тысячный непріятельскій корпусъ, и потому тотчасъ отправилъ къ генералу Бауру приказаніе, идти къ нему на соединеніе. Между тѣмъ, Левенгауптъ, не смотря на превосходство своихъ силъ, не имѣлъ желанія вступить въ битву; но, отправивъ главный обозъ,

подъ прикрытіемъ 3 тысячъ человѣкъ, къ селу Пропойску, повелѣлъ приготовлять тамъ мосты для переправы чрезъ Сожь, а самъ потянулся чрезъ лѣсъ и болота къ деревнѣ Лѣсной, подъ которою и расположился лагеремъ. Дожидаясь подкрѣпленій, Петръ могъ потерять всѣ плоды своего похода, потому, что доставилъ бы непріятелю случай, перейдти чрезъ Сожь и соединиться съ Королемъ, который находился въ нѣсколькихъ переходахъ отъ него, на рѣкѣ Ипути. Поэтому Петръ рѣшился, хотя и съ меньшими силами, немедленно атаковать Левенгаупта, и 28 Сентября выступилъ противъ него изъ лѣсу. Левенгауптъ, видя невозможность уклониться отъ битвы, сталъ въ боевой порядокъ передъ своимъ лагеремъ.

Открылась одна изъ самыхъ рѣшительныхъ и упорныхъ битвъ. Казалось, оба противника равно чувствовали ея важность и,

напрягая всѣ свои силы, бились въ теченіе трехъ часовъ съ отчаяннымъ мужествомъ. Ни тотъ, ни другой не уступалъ ни шагу. Еще битва не склонялась ни на чью сторону, но воины съ обѣихъ сторонъ уже такъ устали, что не могли болѣе биться и, въ третьемъ часу дня, смирно сѣли отдыхать на томъ же полѣ, другъ противъ друга, на разстояніи половины пушечнаго выстрѣла. Къ 5 часамъ вечера прибылъ, наконецъ, генералъ Бауръ съ 4 тысячами свѣжаго войска и подкрѣпилъ Русскихъ. Непріятель также былъ усиленъ 3 тысячами человѣкъ, возвратившихся изъ Пропойска. Сраженіе

возобновилось. Непрерывный огонь продолжался въ теченіе 2 часовъ. Наконецъ, Русскіе, ободряемые примѣромъ своего Государя, ударили въ штыки, сломили ряды непріятеля и удержали за собою поле битвы. Но Шведы укрылись за своимъ обозомъ и все еще продолжали битву.—Мракъ ночи, сильный снѣгъ и вьюга розняли сражающихся.

Русскіе провели всю ночь подъ ружьемъ на полѣ битвы и Царь, изнемогшій отъ безмѣрныхъ трудовъ, покрытый льдомъ и снѣгомъ, отдыхалъ вмѣстѣ съ ними подъ открытымъ небомъ,

намѣреваясь на другой день возобновить нападеніе. Но поутру, генералы поздравили его съ совершенною побѣдою и донесли, что непріятель ночью бѣжалъ, покинувъ свой обозъ и раненыхъ. Болѣе 8.000 непріятелей легло на мѣстѣ; съ остальными Левенгауптъ двинулся къ Пропойску, надѣясь спасти находившійся тамъ обозъ; но, видя, что мостъ уже разрушенъ, а Калмыки и Казаки настигаютъ его съ тылу, рѣшился бросить все и пустился внизъ по берегу Сожи къ деревнѣ Глинкѣ, гдѣ успѣлъ переправиться чрезъ рѣку вплавь.

Левенгауптъ, тяжело раненный, едва избѣжавшій отъ преслѣдованія Русскихъ, привелъ къ Королю отъ всего своего корпуса не болѣе 6,000 человѣкъ, большею частію раненыхъ, утомленныхъ походомъ, изнуренныхъ голодомъ и почти безоружныхъ, которыхъ появленіе поселило уныніе въ Шведскомъ войскѣ и только увеличило трудность его положенія.

Весь непріятельскій обозъ (до 8,000 повозокъ), вся артиллерія, знамена и штандарты достались въ руки побѣдителей. Побѣда была совершенная. Петръ справедливо назвалъ ее впослѣдствіи «матерью Полтавской баталіи.» Она ободрила воиновъ, внушила имъ довѣріе къ самимъ себѣ и къ искусству своего Государя. Въ этотъ достопамятный день всѣ военачальники и воины съ отличнымъ искусствомъ исполняли свой долгъ; но болѣе всѣхъ прославился Князь Голицынъ и

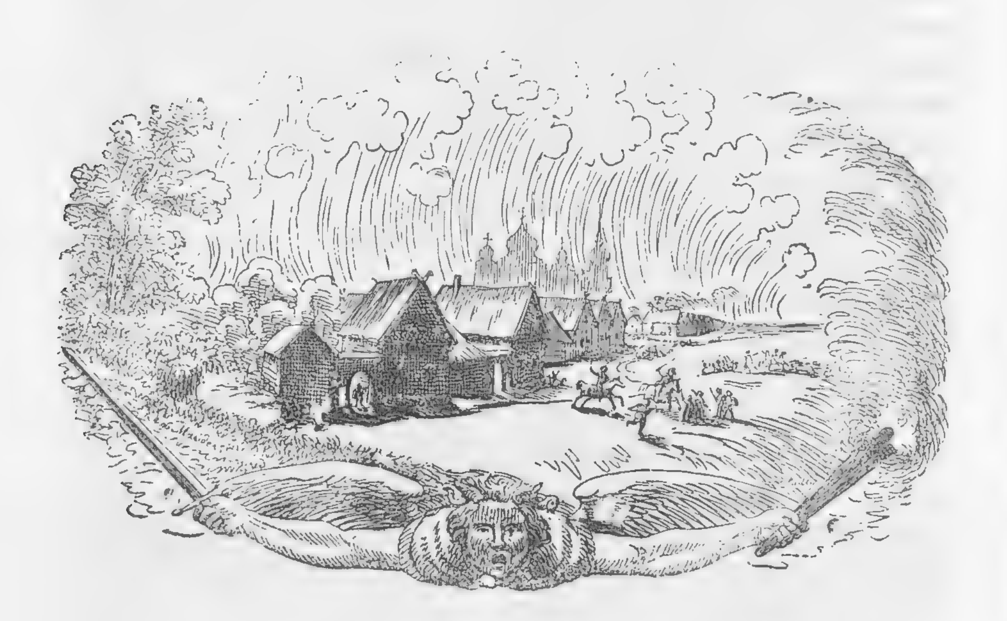

мужествомъ и великодушіемъ. Онъ сражался, какъ левъ. Царь, бывшій свидѣтелемъ его необычайной храбрости, разцѣловалъ его по окончаніи битвы и, не зная, чѣмъ наградить героя, дозволилъ ему, какъ утверждаетъ сказаніе, просить, чего онъ хочетъ. Голицынъ, помышляя только о пользѣ отечества, просилъ помиловать Князя Репнина, своего недруга, но достойнаго генерала. Царь снова обнялъ добродѣтельнаго героя и наградилъ его по-Царски (*).

Столь же несчастный конецъ, какъ походъ Левенгаупта, имѣло и другое предпріятіе Шведовъ, подъ предводительствомъ генерала Либекера, противъ Петербурга и Ингріи. Надѣясь захватить въ Ингріи готовые магазины Русскихъ, Либекеръ выступилъ въ походъ съ 14 тысячами войска. Онъ запасся всѣмъ, кромѣ продовольствія, и вскорѣ испыталъ всѣ бѣдственныя слѣдствія своей неосторожности. Русскіе заблаговременно свезли свои запасы въ Петербургъ и въ другія укрѣпленныя мѣста; а чего не успѣли свезть, то жгли и истребляли при приближеніи непріятеля. Поэтому Шведы, уже съ первыхъ дней по переходѣ чрезъ Неву на Ингерманландскій берегъ, выдерживая безпрерывные набѣги Казаковъ, должны были бороться и съ другимъ неотразимымъ непріятелемъ–голодомъ, который увеличился до того, что не только солдаты, но и самые офицеры питались кониною. Не смѣя уже и думать о нападеніи на Петербургъ съ своею голодною толпою, Либекеръ углубился внутрь Ингріи, и искалъ только пропитанія. Но онъ повсюду встрѣчалъ неумолимыхъ Казаковъ, которые безъ пощады истребляли все, что только могло служить къ пользѣ непріятелей. Бѣдствія Шведовъ увеличились еще отъ жестокаго холода въ Октябрѣ мѣсяцѣ. Либекеръ, не могши взять и слабо защищеннаго Копорья, обратился, наконецъ, къ морскому берегу, бросилъ всѣ тяжести, перестрѣлялъ остальныхъ лошадей и спѣшилъ переправить остатки своего корпуса на флотъ адмирала Анкерстіерны, который перевезъ ихъ въ Выборгъ.

(*) Бантышъ-Каменскій. Голицынъ получилъ чинъ генералъ-поручика, Царскій портретъ, осыпанный брильянтами и 800 крестьянскихъ дворовъ.

Такимъ образомъ, главная Шведская армія, достигнувъ Русской границы, была уже изнурена и ослаблена, а два отдѣльные корпуса, долженствовавшіе ее подкрѣпить, уже почти не существовали. Борьба видимо начала склоняться на сторону Русскихъ; но тайный, внутренній врагъ Россіи—Гетманъ Мазепа — поддерживалъ еще надежды Карла XII и побуждалъ его спѣшить въ Малороссію.

ГЛАВА XXI.

ИЗМѢНА МАЗЕПЫ. КАРЛЪ XII ВЪ УКРАЙНѢ.

Иванъ Мазепа, родомъ Польскій шляхтичь, какъ утверждаетъ сказаніе, и, вѣроятно, ученикъ Езуитовъ, служившій въ юности пажемъ при дворѣ Польскаго Короля Іоанна Казиміра, будучи заброшенъ судьбою въ Украйну, началъ свое поприще простымъ Казакомъ, подъ знаменами честолюбиваго Дорошенко. Отправленный отъ него съ депешами къ Крымскому Хану, Мазепа впалъ въ руки Русскаго правительства, но спасся отъ заслуженной имъ казни предстательствомъ новаго Гетмана Малороссіи—Самойловича, который и принялъ его́ въ свою службу. Тонкій, образованный умъ, ловкость, расторопность и рѣдкое усердіе въ исполненіи своихъ обязанностей скоро отличили Мазепу при дворѣ Гетмана и быстро возвысили его отъ одной степени до другой. Писарь при Гетманской кан-

целяріи, потомъ сотникъ, войсковой товарищъ и наконецъ генеральный есаулъ, хитрый Мазепа вкрался въ совершенную довѣренность Гетмана, который часто возлагалъ на него важнѣйшія порученія. Но коварный честолюбецъ не усомнился основать свое дальнѣйшее возвышеніе на погибели своего благотворителя. Въ несчастномъ Крымскомъ походѣ Голицына, въ 1687 году, онъ одинъ изъ первыхъ, какъ утверждаютъ лѣтописи, взвелъ на Гетмана измѣну и чрезъ то пріобрѣлъ Гетманское достоинство и благорасположеніе Князя Голицына. Впрочемъ наши лѣтописцы, справедливо ожесточенные на Мазепу за его послѣднюю гнусную измѣну, можетъ быть, уже слишкомъ очерняютъ его прежнюю жизнь, подозрѣвая его участіе въ погубленіи и втораго своего благодѣтеля — Князя Голицына и видя во всѣхъ его дѣлахъ одно только коварство и клятвопреступленіе.

Каковы бы ни были внутреннія чувства и побужденія Мазепы, нельзя однакожь не сознаться, что на дѣлѣ онъ служилъ Русскому престолу, даже съ большимъ усердіемъ и ревностію, нежели прежніе Гетманы. Особенно отличился онъ при взятіи Азова, своею дѣятельностію, мужествомъ и искуствомъ въ распоряженіяхъ; потомъ, во время отсутствія Государя, съ такимъ же усердіемъ продолжалъ поражать Татаръ и Турковъ, а во время Шведской войны, по первому слову Монарха, высылалъ свои полки и въ Лифляндію, и въ Ингрію, и въ Польшу. Его казна также всегда была открыта для Царскихъ нуждъ. Безпредѣльная довѣренность Государя и всевозможныя почести и отличія были наградою вѣрнаго, по наружности, подданнаго. Царь отличилъ его, въ числѣ первыхъ, орденомъ Андрея Первозваннаго, надѣлилъ богатыми помѣстьями и отчинами, пожаловалъ въ свои дѣйствительные тайные совѣтники, не только по титулу, но и на дѣлѣ, призывая его въ свои совѣты и повѣряя ему самые сокровенные свои планы. По дружбѣ къ Русскому Монарху, Король Августъ II почтилъ его орденомъ Бѣлаго Орла, а Императоръ — достоинствомъ Князя Священной Римской Имперіи.

Мазепа, казалось, получилъ уже отъ Царя все, что только можно было получить подданному. Но всего этого было еще мало ненасытному честолюбцу. Свергнуть съ себя поддан-

ство Россіи и, сдѣлавшись обладателемъ самостоятельнаго княжества, сравняться съ вѣнценосцами — вотъ, къ чему началъ стремиться Мазепа. Неизвѣстно, съ котораго именно времени запала въ его душу такая гордая мысль; весьма вѣроятно однакожъ, что могущество Шведскаго героя, его счастіе, его блестящія побѣды ослѣпили честолюбца и пробудили въ немъ желаніе, воспользоваться неизбѣжнымъ, по видимому, паденіемъ Русскаго царства, для возстановленія своей собственной независимости, подъ покровительствомъ Польши и Швеціи. Прикрывая свои замыслы завѣсою глубочайшей тайны, усугубляя, по наружности, свое усердіе къ пользамъ Россіи, и втайнѣ распространяя, между тѣмъ, духъ мятежа на Дону, въ Украинѣ и Запорожьи, Мазепа вступилъ въ предательскія сношенія съ врагами отечества и обѣщалъ имъ: предать Малороссію снова подъ иго Польши, подкрѣпить Карла XII въ борьбѣ съ Россіею 20—30 тысячами Казаковъ, открыть для него важнѣйшія крѣпости Малороссіи и заготовить въ нихъ продовольствіе для всей Шведской арміи. Карлъ и Станиславъ, съ своей стороны, также не скупились на обѣщанія. По тайному условію съ измѣнникомъ, Малороссія по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, на всѣхъ прежнихъ привиллегіяхъ Королей Польскихъ, должна была остаться подъ властію Мазепы, какъ Гетмана съ зависимостію отъ Польши. Кромѣ того, Сѣверское княжество предоставлялось ему въ вѣчное и потомственное владѣніе, подъ верховнымъ покровительствомъ Польши, на правахъ Герцога Курляндскаго.

Но, какъ ни скрытно велись эти переговоры съ обѣихъ сторонъ, нашлись однако люди, которые, догадываясь о преступныхъ замыслахъ Мазепы, рѣшились предупредить Царя на счетъ измѣнника. Генеральный судья Кочубей и полковникъ Искра подали Царю доносъ на Гетмана; но, не могши подтвердить своихъ подозрѣній никакими ясными доказательствами, сами сдѣлались жертвою своего усердія и коварства измѣнника. Могъ ли Царь повѣрить ихъ доносу, основанному на однихъ только слухахъ и личной ненависти, когда всѣ дѣла Гетмана

являли величайшее усердіе и ревность къ Русскому престолу; когда хитрый Мазепа уже самъ предварительно извѣщалъ Царя о распространяющихся въ Малороссіи слухахъ касательно его мнимой будто измѣны; когда онъ, свѣдавъ объ этомъ доносѣ, *съ доземнымъ поклоненіемъ и съ горькими въ скорьби слезами* самъ умолялъ Монарха *о розыскѣ и судѣ и о святой справедливости?* Доносители, какъ злые клеветники и нарушители общественнаго спокойствія, были выданы Мазепѣ, который имѣлъ адское удовольствіе, наслаждаться казнію страдальцевъ и письменно благодарилъ Монарха, какъ бы издѣваясь надъ его справедливостію. Хитрый измѣнникъ такъ умѣлъ вкрасться въ довѣренность Монарха, что даже и явныя доказательства его измѣны, напримѣръ перехваченный непріятельскій гонецъ, ѣхавшій къ нему съ извѣщеніемъ о приближеніи Шведскаго Короля, — принимаемы были за козни враговъ, старавшихся очернить передъ Царемъ одного изъ вѣрнѣйшихъ его подданныхъ. Ни мало не подозрѣвая замысловъ измѣнника, Государь поручилъ ему усмиреніе Булавинскаго бунта, надзоръ за Запорожцами и за спокойствіемъ Украйны, и писалъ къ нему, отъ 23 Сентября: «Обнадеживаемъ тебя, вѣрнаго нашего подданнаго, что мы, какъ прежде, такъ и нынѣ за непоколебимую вѣрность твою къ намъ, ни какимъ клеветникамъ, которые бы дерзнули на васъ что противное намъ доносить, не имемъ вѣры; въ чемъ ты, вѣрной нашъ подданный, будь благонадеженъ.»

Мазепа, чтобъ еще лучше разсѣять всякое подозрѣніе и имѣть отговорку въ неисполненіи Царскихъ порученій, притворился больнымъ, слегъ въ постель, облѣпился пластырями, стоналъ тяжко и письменно увѣрялъ Царскихъ министровъ, что находится на смертномъ одрѣ, и что уже повелѣлъ совершить надъ собою елеосвященіе; между тѣмъ, самъ велъ переговоры съ Турками, готовилъ запасы для непріятеля и возбуждалъ Запорожцевъ къ бунту. Наконецъ, получивъ извѣстіе, что Карлъ XII приближается уже къ рѣкѣ Деснѣ, онъ выступилъ съ своими полками изъ Батурина, перешелъ Десну, какъ бы для битвы съ непріятелемъ, и не прежде, какъ въ виду

Шведскаго лагеря, открылъ истинную цѣль похода, объявивъ собравшимся атаманамъ и Казакамъ, что они видятъ предъ

собою не непріятелей, но друзей, пришедшихъ возстановить ихъ свободу, и что они должны теперь соединиться съ побѣдоносным Королемъ Шведскимъ противъ ихъ утѣснителя — Царя. Эти слова возбудили въ войскѣ всеобщій ужасъ. Всѣ съ недоумѣніемъ смотрѣли другъ на друга и, страшась скрытыхъ сообщниковъ злодѣя, не знали, что дѣлать. Между тѣмъ, Шведы спѣшили ихъ окружить. Кто успѣлъ, спасался бѣгствомъ; прочіе, въ числѣ 7,000, безмолвно послѣдовали за своимъ предателемъ въ Шведскій лагерь.

Быстро разнесшаяся молва о переходѣ Мазепы къ непріятелямъ изумила и Царя, и его министровъ. Петръ и тогда еще не хотѣлъ ей вѣрить, когда Князь Меньшиковъ и Кіевскій губернаторъ Голицынъ лично подтвердили ея справедливость. Ему тяжко было сознаться, что онъ такъ жестоко обманутъ хитрымъ злодѣемъ. «Нужда повелѣваетъ объявить,» писалъ онъ къ Апраксину, «что учинилъ новый Іуда Мазепа, который 21 годъ бывъ въ вѣрности мнѣ, нынѣ при гробѣ сталъ измѣникъ и предатель своего народа.» «Но правосуденъ Богъ,» продолжаетъ онъ: «который такимъ злымъ никогда не допускаетъ своего намѣренія исполнить.» И Богъ обрушилъ козни злодѣя на его же голову. Единовѣріе и единоплеменность

Малороссіянъ съ Русскими были преградою, которой не могъ одолѣть хитрый измѣнникъ. Народъ не послѣдовалъ его примѣру, какъ онъ надѣялся, но пребылъ вѣрнымъ Русскому престолу. Даже и тѣ, которые были вовлечены въ обманъ, толпами бѣжали изъ Шведскаго лагеря и оставили измѣнника почти съ одними его клевретами.

Такимъ образомъ, Карлъ XII, пожертвовавшій для выгодъ, обѣщанныхъ Мазепою, своимъ лучшимъ полководцемъ и войскомъ, съ прискорбіемъ увидѣлъ предъ собою, вмѣсто чаемыхъ сильныхъ подкрѣпленій, Мазепу, какъ бѣглеца, съ горстью приверженцевъ, и, вмѣсто возстанія всей Малороссіи за него — единодушное ея ополченіе противъ него. Столь жестоко обманутый, онъ спѣшилъ въ Украйну, чтобъ по крайней мѣрѣ найдти тамъ спокойныя зимнія квартиры и захватить съѣстные припасы, заготовленные Мазепою въ Батуринѣ, Гадячѣ, Ромнахъ и другихъ городахъ. Но быстрота и рѣшительность Царя

разрушили и эти надежды. Генералъ Александръ Гордонъ, хотя и съ значительнымъ для себя урономъ, задержалъ въ теченіе трехъ дней Шведскаго Короля при переправѣ чрезъ Десну, и тѣмъ далъ время Меньшикову, отправленному съ 20 тысячами войска въ Украйну, управиться съ сообщниками Мазепы. Встрѣтивъ сопротивленіе въ одномъ только Батуринѣ, гдѣ засѣли полковникъ Чечеля и генеральный есаулъ Кенигсекъ, съ приверженцами измѣнника, Меньшиковъ взялъ городъ приступомъ, (3 Ноября) и предалъ его на разграбленіе воинамъ,

въ то самое время, когда Шведскій Король съ Мазепою, спѣшившіе на помощь, уже находились въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Батурина. Чечеля и Кенигсекъ, съ нѣкоторыми другими измѣнниками, были схвачены и, отправленные къ Царю въ Глуховъ, погибли казнію злодѣевъ, городъ, слабо укрѣпленный и неудобный для обороны, былъ разрушенъ до основанія, и Карлъ XII, прибывшій чрезъ нѣсколько дней къ Батурину, съ досадою увидѣлъ, вмѣсто обильныхъ запасовъ и теплыхъ зимнихъ квартиръ, однѣ только дымящіяся развалины.

Этотъ ударъ весьма кстати былъ нанесенъ главному скопищу злодѣевъ. Онъ поразилъ ужасомъ, скрывавшихся по другимъ городамъ Малороссіи, тайныхъ сообщниковъ Мазепы и удержалъ ихъ отъ возстанія; между тѣмъ, какъ Царскіе

манифесты обнадеживали милостію и новыми щедротами всѣхъ вѣрныхъ своему долгу, равно какъ и раскаявшихся преступниковъ. Малороссія торжественно отреклась отъ предателя, котораго изображеніе, влачимое палачемъ по улицамъ Глухова и вздернутое на висѣлицу, было предано всеобщему поруганію и котораго самое имя, заклейменно на вѣчныя времена проклятіемъ, стало поноснымъ выраженіемъ въ устахъ народа. Старшины и полковники всѣхъ городовъ Малороссіи спѣшили изъявить свою вѣрность къ Царю и, собравшись въ Глуховъ, единодушно избрали своимъ Гетманомъ Стародубскаго полковника Скоропадскаго, которому Царь вручилъ изъ своихъ

рукъ знаки его новаго достоинства. Между тѣмъ, Карлъ XII, избравъ свою главную квартиру въ Ромнахъ, занялъ города: Гадячь, Прилуки, Лубны и другіе; но не нашелъ въ нихъ достаточнаго продовольствія для своей проголодавшей арміи; и потому долженъ былъ прибѣгнуть къ тяжкимъ поборамъ, которые еще болѣе ожесточили жителей противъ измѣнника и пришельцевъ, и сдѣлали возстаніе Малороссіи всеобщимъ.

Положеніе Шведовъ съ каждымъ днемъ становилось опаснѣе. Наконецъ, къ довершенію ихъ несчастія, настала зима, которой необыкновенная суровость была чувствуема во всей Европѣ. И въ это-то самое время, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, въ самую жестокую стужу, когда птицы замерзали на лету, Карлъ XII, обманутый ложнымъ движеніемъ Русскихъ на Гадячь, долженъ былъ оставить Ромны, и спѣшить къ своимъ на помощь.

Шведы тысячами гибли на пути; но Карлъ, противуборствуя самой природѣ, шелъ впередъ и раздѣлялъ съ воинами всѣ

трудности похода. Пришедъ къ Гадячу, онъ уже не засталъ здѣсь Русскихъ и нашелся принужденнымъ, завоевать для себя новыя зимнія квартиры, потому, что Русскіе заняли Ромны, а въ Гадячѣ не было мѣста для всей Шведской арміи. Карлъ осадилъ слабо укрѣпленный Казацкій городокъ Веприкъ, въ которомъ засѣли полторы тысячи Русскихъ и Казаковъ. Осажденные облили свои укрѣпленія водою и, превративъ ихъ въ одну ледяную гору, удачно отбили два приступа; наконецъ, растративъ всѣ снаряды, принуждены были сдаться. Карлъ нашелъ опять зимнія квартиры; но онѣ стоили ему нѣсколькихъ тысячъ храбрыхъ воиновъ, погибшихъ отъ стужи и убитыхъ на приступахъ.

Всѣ эти неудачи и бѣдствія не могли однакожь побѣдить его упорства и склонить его къ благоразумію. Графъ Пиперъ, Мазепа, всѣ министры и генералы умоляли его, обратиться назадъ за Днѣпръ и, дождавшись тамъ новыхъ подкрѣпленій изъ Швеціи и Польши, возобновить походъ съ наступленіемъ лѣта. «Это значило бы ободрить непріятеля, который почтетъ это отступленіе за бѣгство»—отвѣчалъ Карлъ. «Мы должны напротивъ вытѣснить его изъ Украйны; тогда, имѣя во власти природныя богатства этой земли, намъ нетрудно будетъ про-

должать путь къ Москвѣ (*).» Наконецъ, склонившись на представленія своихъ министровъ, онъ дозволилъ имъ предложить Царю перемиріе. «Я желаю мира, а не перемирія,» отвѣчалъ Петръ и требовалъ уступки Ингріи съ Петербургомъ и Нарвою, обѣщая за послѣдній городъ денежное вознагражденіе. Но, принявъ такія условія, гордый Карлъ долженъ бы былъ признать себя побѣжденнымъ; а это было для него труднѣе, нежели погибнуть. Притомъ еще не всѣ его надежды рушились. Онъ ожидалъ, что Станиславъ и генералъ Крассау, съ Шведами и Поляками, поспѣшатъ къ нему на помощь; что безпокойные Запорожцы присоединятся къ нему со всѣми своими силами; что наконецъ Порта, съ которою онъ велъ дѣятельные переговоры, расторгнетъ миръ съ Россіею и двинетъ на нее свои и Татарскія силы.

Но скоро и эти надежды ему измѣнили.

Польша, изнуренная осьмилѣтними бѣдствіями войны, страдала отъ жестокаго голода и мора; а Станиславъ Лещинскій, тщетно старавшійся, съ помощію Шведскаго вспомогательнаго корпуса, низложить своихъ противниковъ, самъ былъ разбитъ Польскимъ генераломъ противной партіи—Рыбинскимъ, въ Ноября мѣсяцѣ, и наконецъ по прибытіи Русскихъ вспомогательныхъ войскъ, подъ предводительствомъ фельдмаршалъ - лейтенанта Гольца, не только не могъ подать помощи Карлу XII, но и самъ едва могъ держаться въ Польшѣ. Запорожцы, возмущенные сообщникомъ Мазепы — своимъ атаманомъ Гордѣенко, дѣйствительно пристали къ непріятелямъ; но Русскіе въ конецъ разорили Сѣчь, главное гнѣздо Запорожцевъ; разбили и разсѣяли бо́льшую часть мятежниковъ; — такъ, что Шведы не получили отъ ихъ возстанія почти никакой помощи. Наконецъ, Турція была удержана отъ разрыва съ Россіею одною угрозою Петра. Узнавъ, что Турки собираютъ войско и что Султанъ уже далъ Крымскому Хану позволеніе, выступить въ походъ, Петръ самъ двинулся (въ Апрѣлѣ 1709) изъ Воронежа съ своимъ сильнымъ и стройнымъ флотомъ въ Азовское море и, совершивъ нѣсколько маневровъ въ виду Крымскихъ береговъ, такъ перепугалъ Порту, что Султанъ немедленно под-

(*) Nordberg II.

твердилъ всѣ прежніе договоры съ Россіею, прервалъ всѣ связи съ ея непріятелями и строго запретилъ Татарамъ, помогать Мазепѣ и Карлу XII.

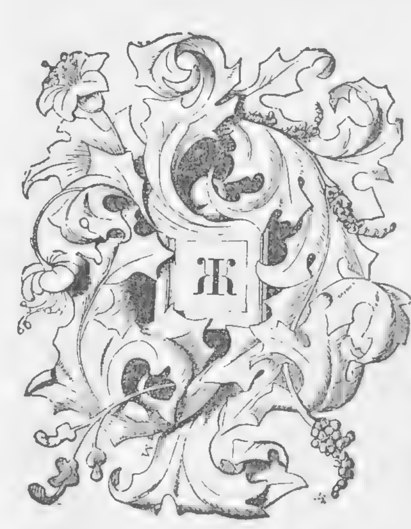
Такъ дальновидная предусмотрительность и возвышенный геній Петра пресѣкли Шведскому льву всѣ источники его силы и пріуготовили для Россіи великій день Полтавскій.

ГЛАВА XXII.

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА

естокіе морозы, столь губительные для арміи Карла, смѣнились, въ Мартѣ мѣсяцѣ, внезапною оттепелью, которая подвергла Шведовъ новымъ бѣдствіямъ. Разлились рѣки, распустились болота; всѣ низменныя равнины представляли пространныя озера; — дороги стали непроходимы. Но Карлъ, безпрестанно тревожимый конными партіями Русскихъ и Казаковъ, все глубже проникалъ въ Малороссію и въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, началъ сосредоточивать раздробленныя колонны своей арміи въ окрестностяхъ Полтавы.

Эта крѣпость, достопамятная въ лѣтописяхъ Россіи, лежитъ на правомъ берегу рѣки Ворсклы, на возвышеніи, окруженномъ болотистою равниною со многими ручьями. Незадолго предъ тѣмъ Царь изъ предосторожности приказалъ привесть ее въ оборонительное положеніе, исправивъ прежнія и при-

строивъ нѣкоторыя новыя укрѣпленія. Изобильно снабженная съѣстными припасами, охраняемая 4-тысячнымъ гарнизономъ, подъ начальствомъ храбраго полковника Келлина, и 3 тысячами вооруженныхъ гражданъ, Полтава представляла самый укрѣпленный пунктъ Малороссіи. Карлъ надѣялся найдти въ этомъ городѣ необходимые для себя съѣстные припасы и военные снаряды, безопасное убѣжище отъ безпрестанныхъ тревогъ и безпокойствъ для своей изнуренной арміи, удобнѣйшій пунктъ для присоединенія подкрѣпленій, ожидаемыхъ отъ Турціи и Станислава Лещинскаго, и наконецъ твердую точку опоры для будущихъ военныхъ дѣйствій. — Онъ обложилъ Полтаву всѣми своими силами. Но, надѣясь безъ труда захватить крѣпость ночью, посредствомъ внезапнаго набѣга, онъ былъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ и встрѣтилъ упорное сопротивленіе. Начались осадныя работы, которыми непріятели старались приблизиться къ крѣпости; но осажденные, производя безпрестанныя вылазки, въ теченіе цѣлаго мѣсяца дѣлали тщетными всѣ ихъ усилія. Между тѣмъ Меньшиковъ, расположившійся съ своимъ корпусомъ противъ Полтавы, на лѣвомъ берегу Ворсклы, безпрерывно тревожилъ непріятеля отрядами легкой конницы и поддерживалъ мужество гарнизона. Ему удалось даже провесть новыя подкрѣпленія въ осажденный городъ, сквозь непріятельскія укрѣпленія.

Для этого, въ ночи на 7 Мая, генералъ Беллингъ, съ многочисленнымъ отрядомъ, устремился на Опошню, гдѣ находился главный непріятельскій обозъ, и отвлекъ туда вниманіе Карла; а самъ Меньшиковъ ударилъ на Шведскій лагерь подъ Полтавою; и въ это самое время, бригадиръ Головинъ, державшійся въ готовности близъ города съ 900 человѣкъ, одѣтыхъ въ Шведскіе мундиры, пользуясь смятеніемъ непріятеля, почти безпрепятственно вошелъ въ городъ. «Я вижу, что мы научили Москвичей военному искуству,» со вздохомъ произнесъ Карлъ, узнавъ о случившемся. Болѣе 600 непріятелей и столько же Русскихъ погибло въ этой стычкѣ, но крѣпость получила подкрѣпленіе людьми и припасами, и могла съ новымъ мужествомъ сопротивляться осаждающимъ.

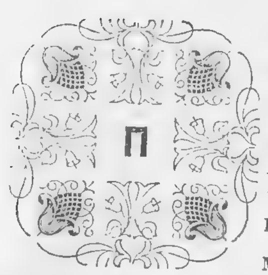
Наконецъ Карлу удалось окружить Полтаву со всѣхъ сто-

ронъ своими укрѣпленіями и прервать ея сообщеніе съ Рускимъ лагеремъ. Но этотъ *ничтожный городишко* — какъ съ досадою называлъ его Левенгауптъ — продолжалъ защищаться съ безпримѣрнымъ мужествомъ. Нѣсколько приступовъ были отбиты съ урономъ, непріятельскіе подкопы уничтожены и сами осаждающіе, смѣлыми вылазками гарнизона, не однократно вытѣсняемы изъ своихъ укрѣпленій. Все это однакожь только раздражало упорство Карла. Непривыкшій встрѣчать преграды, онъ поклялся, скорѣе погибнуть здѣсь со всѣмъ своимъ войскомъ, нежели отступить, не взявъ города. Но, терпя крайній недостатокъ въ порохѣ и другихъ огнестрѣльныхъ снарядахъ, Карлъ не могъ дѣйствовать осадною артиллеріею, а долженъ былъ добывать крѣпость грудью храбрыхъ воиновъ. Только однажды (1 Іюня) пустилъ онъ въ городъ 32 бомбы и, пользуясь происшедшимъ въ городѣ пожаромъ, устремилъ своихъ воиновъ на приступъ, съ грознымъ приказаніемъ, взять крѣпость или умереть. Воодушевленные мужествомъ отчаянія, Шведы взлетѣли уже на стѣны, провозгласили побѣду и распустили свои знамена. Но храбрый Келлинъ, поручивъ старцамъ и женамъ утушеніе пожара, самъ съ горстью храбрыхъ ринулся на отпоръ, являлся повсюду, и повсюду низвергалъ непріятелей.

Послѣ двухъ часовъ убійственной схватки Шведы были опрокинуты назадъ и осажденные въ ту же ночь еще отплатили имъ отчаянною вылазкою.

Мужество защитниковъ Полтавы не ослабѣвало, но ихъ ряды съ каждымъ днемъ рѣдѣли, и военные снаряды истощались;— а на полученіе подкрѣпленій не было никакой надежды. Мысль о необходимости, скоро положить оружіе, поселяла уныніе въ сердцѣ храбрыхъ. Вдругъ (4 Іюня) одинокая бомба летитъ къ осажденнымъ изъ Русскаго лагеря, чрезъ Шведскіе шанцы, и приноситъ письмо, которымъ Государь, извѣщая ихъ о своемъ прибытіи къ войску, благодаритъ за мужественную оборону крѣпости и обнадеживаетъ скорою помощью. Обрадованные граждане и воины, собравшись въ храмѣ, предъ ликомъ Богородицы, возобновляютъ клятву, защищаться до послѣдней капли крови и ревностный Келлинъ, чрезъ того же посланца, отвѣчаетъ Государю: «Яко же Апостолъ Ѳома отъ зѣльныя радости не увѣрился о воскресеніи Господни, такожде и я, дондеже не узрю очима своима своего Господа входящаго въ Полтавскую крѣпость, не иму вѣры.»

о присоединеніи Шереметева съ главною арміею къ корпусу Меньшикова и по возвращеніи (4 Іюня) Государя изъ Азова, Русскіе всѣми средствами усиливались спасти Полтаву отъ осады, или ввести въ нее новыя подкрѣпленія. Не проходило дня, чтобы многочисленные кавалерійскіе отряды, переправляясь чрезъ рѣку, не тревожили непріятеля и съ фланговъ, и съ тыла; между тѣмъ какъ инженеры покушались приблизиться къ крѣпости съ лѣваго берега посредствомъ апрошей. Но болотистое мѣстоположеніе и непріятельскія укрѣпленія, на противуположномъ берегу, дѣлали тщетными всѣ ихъ усилія. Между тѣмъ, осажденные въ письмахъ давали знать, что у нихъ пороха почти уже нѣтъ; что непріятель уже пробрался за палисады и прокапывается сквозь внѣшній валъ; что городъ чрезъ нѣсколько дней принужденъ будетъ сдаться.

Тогда военный совѣтъ, собравшійся въ Русскомъ лагерѣ, призналъ, что къ спасенію Полтавы нѣтъ другаго средства, какъ побѣдить непріятеля въ рѣшительномъ сраженіи.

Русскіе уже за нѣсколько дней заняли укрѣпленный постъ на правомъ берегу Ворсклы, въ двухъ миляхъ выше крѣпости. Сюда потянулась теперь вся армія и, перешедъ рѣку (20 Іюня), тотчасъ окопалась. Карлъ понялъ, что значитъ это движеніе и собралъ всѣ свои силы въ лагерѣ подъ Полтавою. Онъ ничего такъ не желалъ, какъ рѣшительной битвы, чтобъ разомъ положить конецъ своимъ бѣдствіямъ, побѣдить или часть со славою. Конечно, онъ не могъ не предвидѣть, что и самая блестящая побѣда доставитъ ему не болѣе, какъ обладаніе Полтавою и возможность держаться еще нѣсколько времени въ Украйнѣ, между тѣмъ, как пораженіе подвергнетъ конечной гибели всю его армію. Но та же гибель, и еще болѣе несомнѣнная, при томъ безславная, предстояла ей, еслибы Карлъ и уклонился отъ битвы. Не взявъ Полтавы и тщетно утомивъ свою армію подъ ея стѣнами, Карлъ не могъ уже долѣе держаться въ Украйнѣ, а всѣ пути, ведущіе въ Польшу, Петръ уже заранѣе заслонилъ своими отрядами. Даже и безъ этой мѣры своего противника, Карлъ, съ своею изнуренною и ослабленною арміею, терпѣвшею крайній недостатокъ во всемъ, кромѣ бѣдствій, не могъ бы предпринять столь труднаго и отдаленнаго отступленія. Да и въ самой Польшѣ чѣмъ бы могъ онъ себя поддержать?... Итакъ, чтобы выйдти изъ этого отчаяннаго положенія, Карлу оставалось только одно средство:— побѣдить своего противника. Имѣя подъ ружьемъ еще болѣе 30 тысячъ храбрыхъ, опытныхъ, хотя и изнуренныхъ воиновъ, онъ могъ еще надѣяться, что отчаяніе придастъ имъ новыя силы и сдѣлаетъ ихъ непобѣдимыми.

Совсѣмъ иные виды и надежды имѣлъ Петръ, приготовляясь кончить тяжкую борьбу послѣднимъ рѣшительнымъ ударомъ. Многочисленность и хорошее устройство Русской арміи, ея военное искуство — плодъ десятилѣтнихъ трудовъ и усилій Монарха,—ея самоувѣренность и нравственная сила, возвышенныя безпрестанными успѣхами надъ непріятелемъ, наконецъ и бѣдственное положеніе самого непріятеля, внушали Царю оче-

видную несомнѣнность въ успѣхѣ. Оба противника однакожь были, повидимому, въ нерѣшимости, которому начать сраженіе?

Русскіе, въ ночи на 25 Іюня, подвинулись на разстояніе одной версты отъ непріятеля и опять окопались въ укрѣпленномъ лагерѣ, въ тылу котораго находилась рѣка; съ правой стороны, откуда пришли Русскіе, — обширное поле; слѣва — густой лѣсъ, простиравшійся до самой Полтавы и Шведскаго лагеря; впереди — равнина, шириною до двухъ верстъ, замкнутая также лѣсомъ. Остававшійся между двумя этими лѣсами промежутокъ, чрезъ который Шведская армія, идя отъ Полтавы, только и могла вступить на равнину, была заграждена, по приказанію Царя, поперечною линіею шести редутовъ, за которыми стали 17 полковъ регулярной конницы. Вся же пѣхота расположилась въ укрѣпленномъ лагерѣ.

Принявъ такія мѣры предосторожности, Петръ не могъ думать, чтобъ Карлъ XII рѣшился на него напасть; напротивъ онъ самъ готовился атаковать Шведовъ и назначилъ 29 Іюня, — день своего тезоименитства, — днемъ достопамятной битвы, долженствовавшей рѣшить судьбу Россіи.

Но нетерпѣливый Карлъ предупредилъ Петра. Крайній недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и полученное имъ извѣстіе, что 40-тысячное Калмыцкое войско спѣшитъ на соединеніе къ Русскимъ, недозволяли ему откладывать далѣе рѣшеніе своей участи.

27 Іюня, Шведская армія, еще до разсвѣта, выступила изъ лагеря и стала въ боевой порядокъ. Къ несчастію, Шведы, привыкшіе во всѣхъ битвахъ видѣть предъ собою своего Короля — героя, теперь, въ самую рѣшительную минуту, не имѣли и этого утѣшенія. Получивъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ, въ одной перестрѣлкѣ съ Казаками, жестокую рану въ ногу, Карлъ не могъ сидѣть на конѣ, и потому поручилъ распоряженіе ходомъ битвы фельдмаршалу Реншильду; однакожь, желая ободрить своимъ присутствіемъ войско, явился и самъ передъ рядами, въ носилкахъ. Онъ напоминалъ воинамъ ихъ безчисленныя побѣды, ихъ славу, ихъ труды и опасности, и указывалъ на предстоящую битву, какъ на цѣль ихъ многолѣтнихъ желаній, какъ на предѣлъ всѣхъ трудовъ и лишеній.

«У насъ нѣтъ хлѣба,» говорилъ онъ: — «въ Русскомъ станѣ мы найдемъ его въ изобиліи. Тамъ мы будемъ обѣдать!» Такія надмѣнныя рѣчи и видъ больнаго, раненаго Короля могли, при тогдашнемъ положеніи, возбуждать въ Шведахъ только скорбь и уныніе; но воины сами чувствовали необходимость побѣдить или умереть. *Хлѣба или смерти!* — было ихъ единодушнымъ желаніемъ.

Почти безъ артиллеріи, только съ четырьмя орудіями, они, какъ львы, устремились грудью на Русскіе редуты. Страшный залпъ изъ пушекъ и ружей не остановилъ ихъ. Два редута, находившіеся противъ лѣваго ихъ фланга, были взяты. Въ то же время, Шведская конница ударила на Русскую, стоявшую за редутами и завязала кровавый бой. Царь, видя, что его кавалерія не можетъ одна устоять противъ отчаяннаго напора всей Шведской арміи, приказалъ ей, заблаговременно отступить черезъ равнину къ правой сторонѣ своего лагеря.

Еслибъ Шведами управляло мужество благоразумія, они обратили бы теперь всѣ свои усилія противъ остальныхъ редутовъ и взявъ ихъ, направили бы Русскія орудія противъ самихъ же Русскихъ. Тогда участь сраженія могла бы быть еще неизвѣстна. Но, водимые запальчивостію и отчаяніемъ, они прорвались сквозь редуты, быстро устремились на равнину, вслѣдъ за Русскою кавалеріею, и внезапно очутились подъ страшнымъ огнемъ всѣхъ баттарей Русскаго лагеря. Гранаты, картечи, ядра —

градомъ посыпались на Шведовъ, привели ихъ въ разстройство и заставили поспѣшно удалиться на другой конецъ равнины, къ опушкѣ лѣса. Тамъ они снова начали строиться въ боевой порядокъ.

Въ то же время Петръ, замѣтивъ, что часть праваго крыла Шведовъ, подъ начальствомъ генерала Рооса, оторванная отъ ихъ главной арміи, остановилась за редутами, приказалъ Меньшикову разбить ее. Воля Царя была исполнена съ быстротою и искуствомъ. Роосъ, потерявъ большую часть своего отряда, съ остатками бѣжалъ черезъ лѣсъ въ свой лагерь подъ Полтавою; но тамъ, настигнутый генераломъ Ренцелемъ, принужденъ былъ положить оружіе. Непріятельскій лагерь,

со всѣмъ обозомъ и артиллеріею, впалъ въ руки побѣдителей и участь Шведской арміи была рѣшена еще до окончанія настоящей битвы.

Между тѣмъ, Петръ вывелъ свою армію изъ лагеря и поставилъ ее въ строй впереди своихъ укрѣпленій. На своемъ любимомъ конѣ, окруженный генералитетомъ, онъ быстро леталъ по рядамъ своихъ воиновъ. Свѣтлая надежда сіяла въ его взорахъ, твердая вѣра въ заступленіе Всевышняго одушевляла его рѣчи. «Воины!» говорилъ онъ: — «Се пришелъ часъ, «который всего отечества судьбу положилъ на рукахъ вашихъ, «и вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но «за государство Петру врученное, за родъ свой, за отечество.

«за нашу православную Вѣру и Церковь. Не должна васъ «также смущать слава непріятеля, яко непобѣдимаго, кото-«рую ложну быти, вы сами побѣдами своими надъ нимъ «неоднократно доказали. Имѣйте въ сраженіи предъ очами «вашими правду и Бога, поборающаго по васъ; на Того еди-«наго, яко Всесильнаго во бранѣхъ уповайте; а о Петрѣ «вѣдайте, что ему жизнь его недорога, только бы жила Рос-«сія, ея благочестіе, слава и благосостояніе.» — Воины сгарали отъ нетерпѣнія вступить въ битву, ихъ взоры сверкали мужествомъ и отвагою. Одушевленіе было такъ велико, что полки, оставленные для охраненія лагеря, сочли себя обиженными. «Мы, надежа — Государь,» говорили они со слезами, «ничѣмъ предъ тобою не провинились; мы несли равные съ другими полками труды и тягости, и ожидали съ нетерпѣливостію дня сего: за что же мы отлучаемся отъ нихъ?» Послѣ этого можно ли было еще сомнѣваться, на чью сторону должна склониться побѣда?

Въ девятомъ часу утра этого достопамятнаго дня, обѣ арміи въ грозномъ безмолвіи двинулись другъ на друга. Царь, приблизившись къ непріятелю на разстояніе пушечнаго выстрѣла, осѣнилъ крестообразно мечемъ свое воинство и благословилъ его на великій подвигъ. Фельдмаршалъ Шереметевъ командовалъ центромъ, князь Меньшиковъ лѣвымъ, генералъ Боуръ

правымъ крыломъ; себѣ же Царь предоставилъ надзирать за всѣмъ и являться всюду, гдѣ потребуетъ опасность.

Шведы, не имѣя артиллеріи, спѣшили скорѣе сойдтись съ своими противниками и первые начали битву. Это была

страшная борьба между искуствомъ и силою, между отчаяніемъ и геройскомъ одушевленіемъ. Обѣ рати, какъ твердыя стѣны, стояли другъ противъ друга, и смерть пожинала обильную жатву. Сами вѣнценосные соперники не щадили своей жизни: пуля пробила шляпу Петра, другая сѣла въ его сѣдельный орчакъ; пушечное ядро раздробило носилки Карла, картечь убила подъ нимъ коня. Не долго колебалась судьба сраженія; чрезъ два часа славная побѣда увѣнчала усилія Русскихъ. Охваченные съ боковъ Русскою кавалеріею, Шведы обратили тылъ и бѣжали, не останавливаясь, чрезъ лѣсъ, мимо Полтавы, къ Днѣпру, — и Карлъ бѣжалъ за ними. Но почти треть его арміи (болѣе

9,000) легла трупомъ на мѣстѣ. Фельдмаршалъ Реентильдъ, Графъ Пиперъ, многіе генералы, до 200 офицеровъ, около 3,000 простыхъ воиновъ, множество оружія, знаменъ, штандартовъ, вся королевская канцелярія, военная казна — все досталось Петру.

И Русскій въ полѣ сталъ, хваля и славя Бога.

Побѣда была совершенная. — Царь, безъ шляпы, въ сопровожденіи Меньшикова, объѣхалъ ряды своихъ воиновъ; веселымъ взоромъ привѣтствовалъ каждаго и, называя многихъ поименно своими товарищами, благодарилъ за храбрость и усердіе. Потомъ плѣнные генералы, вмѣстѣ съ Русскими были приглашены къ Царскому столу. Они получили обратно свои шпаги, а шпагу храбраго Реентильда Царь обмѣнялъ на свою собственную. «Вчера братъ мой Карлъ,» произнесъ Царь, обратившись къ Шведамъ: «просилъ васъ въ сей день на обѣдъ въ шатры мои, — мы теперь выполняемъ его Королевское слово.» — За столомъ онъ пилъ здоровье своихъ учителей въ военномъ искуствѣ.

На слѣдующій день, широкая могила, вырытая на самомъ мѣстѣ битвы, приняла, съ обычными почестями, смертные останки героевъ, положившихъ свой животъ за славу и благоденствіе отчизны. Надъ общею ихъ могилою быстро возвысился курганъ, и Царь своими руками водрузилъ святой крестъ съ начертанными на немъ словами: «Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709, Іюня 27 дня.» — Тѣла падшихъ непріятелей также были съ честію преданы землѣ плѣнными ихъ сотоварищами.

Между тѣмъ, среди побѣдныхъ торжествъ не былъ забытъ и бѣжавшій непріятель. Голицынъ и Меньшиковъ, отправленные въ погоню, настигли Левенгаупта съ остатками Шведской арміи (30 Іюня) у Переволочны, въ узкой долинѣ, образуемой впаденіемъ Ворсклы въ Днѣпръ и, занявъ господствующія высоты, предложили Шведскому военачальнику, сдаться на условія. Левенгаупту не оставалось другаго выбора: уйдти было некуда, а храброе Шведское войско уже такъ упало духомъ, что не хотѣло даже и слышать о сраженіи. Договоръ былъ подписанъ немедленно, и 16 тысячъ Шведовъ положили оружіе предъ 9 тысячами Русскихъ.

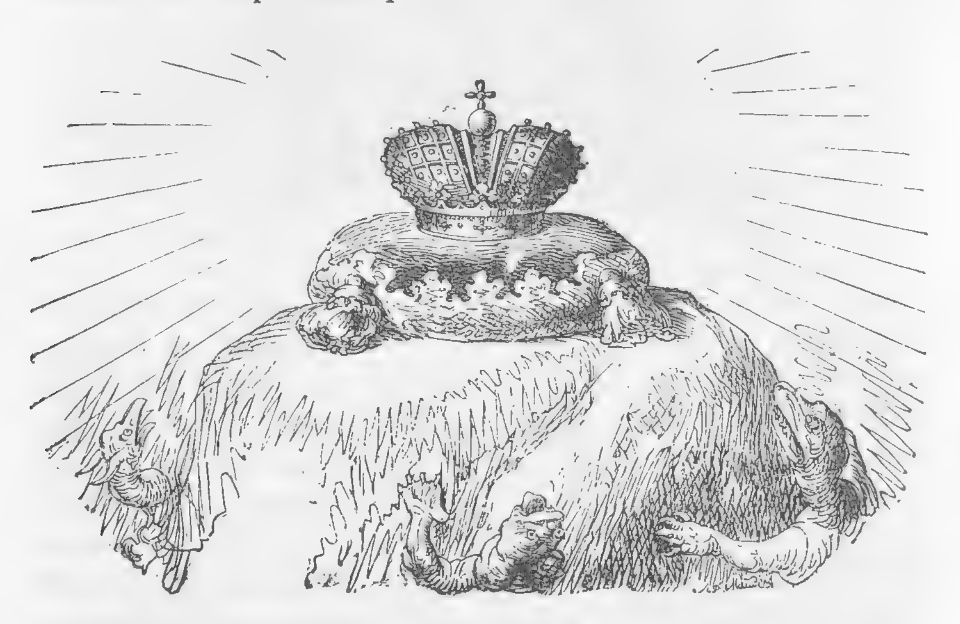

Самъ Карлъ XII успѣлъ однакожь, въ ночи на 30 Іюня, спастись за Днѣпръ съ Мазепою и съ нѣсколькими сотнями Шведовъ и Казаковъ. Жестоко страдая отъ раны, еще болѣе терзаемый душевною скорбью, палимый зноемъ, томимый жаждою, лишенный всего, несчастный Король направилъ свой путь чрезъ безплодныя пустынныя степи къ Турецкимъ границамъ. На девятый день добрался онъ наконецъ до Буга, недалеко отъ Очакова; — но здѣсь его настигли Русскіе и Карлъ едва только ускользнулъ отъ плѣна, переправившись съ Мазепою и

съ немногими спутниками на Турецкій берегъ. Отрядъ же его былъ или истребленъ, или забранъ Русскими.

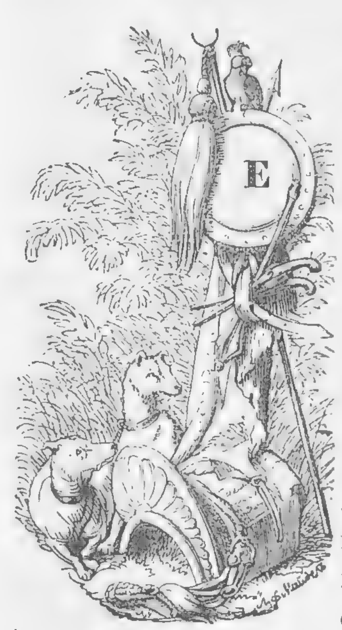
Такъ, гордый Карлъ, мечтавшій подражать Александру, испыталъ участь Ксеркса! Въ степяхъ Украйны погибла или (говоря словами Петра) *Фаетоновъ конецъ воспріяла* его непобѣдимая армія, предъ которою еще недавно трепетала Европа. Подъ Полтавою, въ одинъ день изчезли всѣ плоды его десятилѣтнихъ подвиговъ, сокрушилось могущество Швеціи и вопросъ о первенствѣ на Сѣверѣ былъ рѣшенъ окончательно въ пользу Россіи.

ГЛАВА XXIII.

ВОЗОБНОВЛЕНІЕ СѢВЕРНАГО СОЮЗА. ТОРЖЕСТВО РОССІИ.

ще никогда Русскіе не побѣждали такъ славно, какъ подъ Полтавою и ни одна побѣда не имѣла слѣдствій, благотворнѣе для Россіи и рѣшительнѣе для Европы и всего человѣчества, какъ побѣда Полтавская. Она блистательно увѣнчала десятилѣтнія усилія Петра въ борьбѣ внѣшней и внутренней: съ одной стороны, сокрушивъ могущество Швеціи, она на-всегда упрочила господство Россіи на берегахъ Балтійскаго моря, торжественно ввела юную побѣдительницу въ кругъ просвѣщенныхъ державъ Европы,—доставила ей почетнѣйшее мѣсто въ этомъ кругу и рѣшительный голосъ въ политическихъ дѣлахъ Сѣвера; съ другой,— доказавъ самымъ блистательнымъ образомъ пользу нововведеній, смирила на-всегда строптивую Русскую старину, возвысила характеръ народа; внушила ему высокое довѣріе къ своимъ силамъ и къ мудрости своего

Монарха, упрочила все созданное доселѣ Петромъ и уполномочила его на рѣшительное, всеобщее преобразованіе государства. Главный трудъ Петра былъ конченъ одною этою побѣдою: «Нынѣ уже совершенно камень въ основаніе Санктпетербурга положенъ, съ помощію Божіею,» — писалъ онъ къ Апраксину изъ — подъ Полтавы. На этомъ камнѣ великому зодчему оставалось только воздвигать зданіе новой Россіи и новаго политическаго могущества въ Европѣ.

Отселѣ главною цѣлію дѣятельности Петра, въ теченіе третьей и послѣдней эпохи его жизни, было: съ одной стороны — принудить непреклонную Швецію къ выгодному и прочному миру, отнявъ у ней всѣ средства къ возвращенію ея прежняго могущества; съ другой — руководить юную Россію на новомъ поприщѣ Европейской жизни, сгибая по произволу ея покорные члены въ новыя формы гражданственности.

Спѣша воспользоваться плодами славной побѣды, Петръ изъ Полтавскаго лагеря устремилъ свою побѣдоносную армію на сѣверъ и западъ, къ новымъ подвигамъ. Фельдмаршалъ Шереметевъ, съ 40-тысячнымъ корпусомъ отправился въ Лифляндію; другой, вновь произведенный, фельдмаршалъ Меньшиковъ, съ большею частію кавалеріи, двинулся въ Польщу; адмиралъ Апраксинъ, подкрѣпленный 7 полками, бывшими подъ Полтавою, долженъ былъ выступить изъ Петербурга въ Карелію, между тѣмъ, какъ гетманъ Скоропадскій оставленъ для наблюденія за спокойствіемъ Украйны, за движеніями Татаръ и Турковъ. Совершенное освобожденіе Польши отъ Шведовъ и партіи Лещинскаго, покореніе Риги и другихъ Шведскихъ крѣпостей въ Лифляндіи, Эстляндіи и Кареліи служили цѣлью всѣмъ этимъ движеніямъ.

Полтавская побѣда произвела рѣшительный переворотъ въ судьбѣ Польши. При первомъ извѣстіи о ней и о приближеніи побѣдителей, Станиславъ и Шведы, подъ предводительствомъ генерала Крассау, съ трудомъ державшіеся дотолѣ въ Польшѣ противъ Русской партіи, подкрѣпляемой Царскими отрядами, поспѣшно удалились въ Померанію. Король Августъ тотчасъ же

выдалъ манифестъ, которымъ Альтранштадтскій договоръ, предписанный насиліемъ и заключенный безъ согласія республики, былъ объявленъ недѣйствительнымъ. Ссылаясь на то, что Папа не призналъ Станислава Королемъ, Августъ возобновилъ свои притязанія на Польскую корону и, прибывъ съ 14 тысячами войска въ Торунь, снова принялъ отъ Польскихъ вельможъ присягу въ вѣрности. Станиславъ не могъ и не хотѣлъ съ нимъ спорить. Онъ объявилъ, что охотно слагаетъ съ себя Польскую корону, видя, что того требуетъ благо республики.

Между тѣмъ Петръ, выдержавъ въ Кіевѣ жестокую лихорадку, отправился, вслѣдъ за своею кавалеріею, въ Польшу и отъ мѣстечка Солецъ продолжалъ свой путь на 10 великолѣпно убранныхъ судахъ внизъ по Вислѣ до Торуня, встрѣчаемый повсюду радостными восклицаніями жителей, какъ вѣстникъ мира и спокойствія для несчастной страны, такъ долго терзаемой бѣдствіями войны и внутреннихъ раздоровъ. За милю отъ Торуня, 26 Сентября, Августъ II встрѣтилъ своего побѣдоноснаго союзника, котораго такъ малодушно покинулъ, и, смущенный, не находилъ словъ къ оправданію предъ нимъ своихъ поступковъ. Но Петръ спѣшилъ заключить его въ свои дружескія объятія и поздравилъ съ вторичнымъ вступленіемъ на Польскій престолъ, увѣряя, что онъ уже предалъ забвенію все прежнее, кромѣ дружбы, которой не измѣнялъ никогда, и которой теперь уже ничто не расторгнетъ. Извиняя поступки Короля стѣсненными его обстоятельствами, Петръ однакожь, и безъ упрека, далъ ему замѣтить — какъ утверждаетъ одно сказаніе — его слабость и малодушіе.

Еще при началѣ своихъ дружескихъ связей, Царь и Король обмѣнялись между собою шпагами и послѣдній прежде всегда носилъ при себѣ Царскій подарокъ; но, по заключеніи Альтранштадтскаго мира, эта шпага перешла во владѣніе Карла XII; а послѣ Полтавской битвы, найденная вмѣстѣ съ прочими вещами въ королевской палаткѣ, опять досталась Петру. Среди дружеской бесѣды Царь изъявилъ теперь свое удивленіе, что не видитъ у Короля этой шпаги и, получивъ въ отвѣтъ, что она, какъ драгоцѣнность, хранится у него въ Дрезденѣ и что онъ забылъ ее взять съ собою, — просилъ принять другой

подарокъ, въ знакъ возобновленія ихъ дружбы. Каково же было смущеніе Августа, когда онъ въ этомъ новомъ подаркѣ Царя узналъ ту самую шпагу, которая, по его словамъ, должна была храниться въ Дрезденѣ?

Не только дружба, но и политика предписывала Петру возстановить Августа на Польскомъ престолѣ: потому, что это можно было сдѣлать гораздо легче и скорѣе, нежели склонить республику и сосѣдственныя державы къ новому выбору. Но, при заключеніи съ Королемъ и республикою наступательнаго и оборонительнаго союза противъ Швеціи, Петръ рѣшительно объявилъ, «что онъ, оставленный всѣми союзниками во время наибольшей опасности и принужденный одинъ вести войну, ни мало не обязанъ содержать прежнихъ договоровъ; а, слѣдовательно, и завоеваннаго имъ, безъ помощи союзниковъ, ни съ кѣмъ дѣлить не намѣренъ». Это объявленіе касалось Лифляндіи, о пріобрѣтеніи которой домогались Король и республика.

По примѣру Августа II, и другой союзникъ Петра, Датскій Король нарушилъ договоръ Травендальскій и возобновилъ съ Россіею прежній наступательный союзъ противъ Шведовъ. Такимъ образомъ, Полтавская побѣда ободрила всѣхъ непріятелей Швеціи, и сѣверный союзъ былъ возстановленъ во всей его обширности. Къ нему присоединился и Прусскій Король Фридрихъ I, привлеченный видами на обладаніе Шведскою Помераніею. При личномъ свиданіи съ Царемъ въ Маріен-

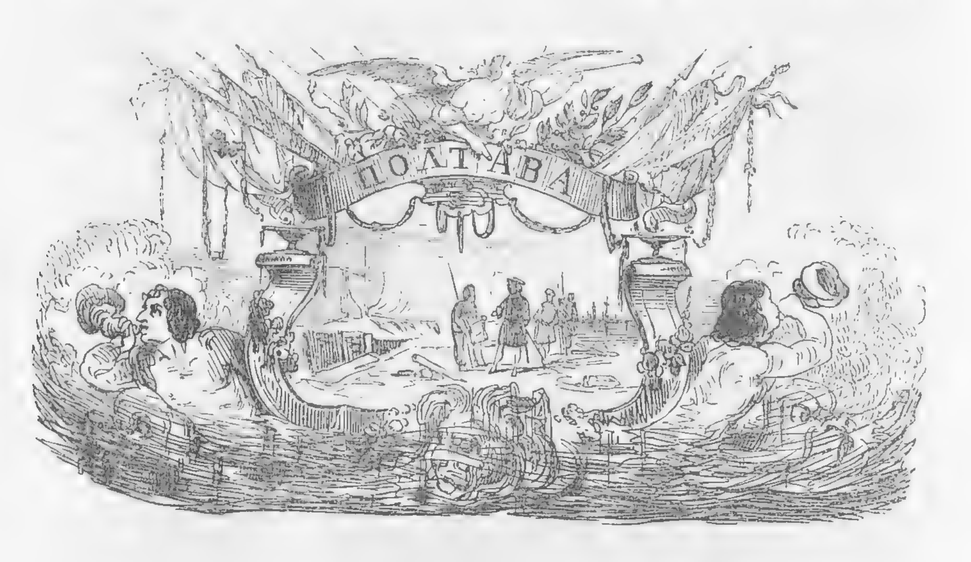
вердерѣ, онъ обязался не пропускать Шведовъ изъ Помераніи въ Польшу и Саксонію; а Царь, повелѣвъ своему генералу Ностицу, осадить крѣпость Эльбингенъ, занятую Шведами, обѣщалъ уступить ее новому союзнику.

Возстановивъ спокойствіе въ Польшѣ и примиривъ Короля Августа со всѣми его прежними противниками, Петръ направилъ свой путь изъ Маріенвердера чрезъ Пруссію на Митаву и, 9 Ноября, прибылъ въ лагерь Шереметева подъ Ригой. Осмотрѣвъ укрѣпленія города и назначивъ удобнѣйшія мѣста для заложенія баттарей, Царь изъ своихъ рукъ подарилъ крѣ-

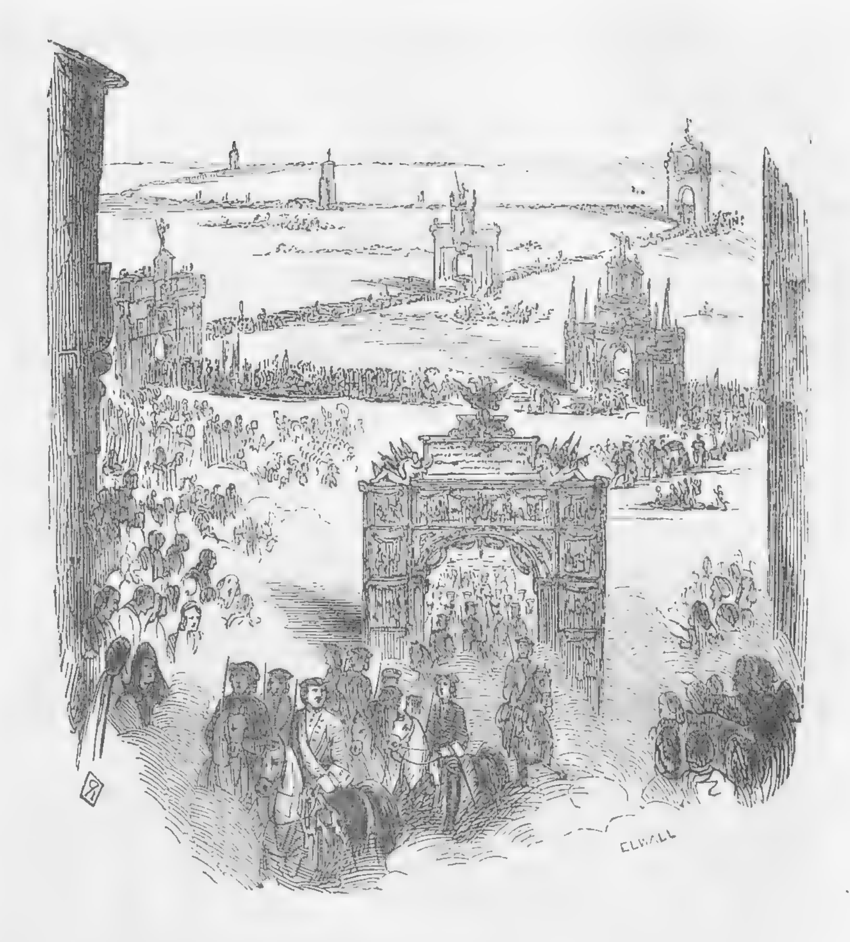
пости первыя три бомбы, и радовался, что «Господь Богъ сподобилъ видѣть начало отмщенія сему проклятому мѣсту.» Однако позднее время года заставило отложить это дѣло до весны, — тѣмъ болѣе, что торопиться было не къ чему. По этому, только семитысячный отрядъ долженъ былъ посмѣнно облегать Ригу, а прочее войско расположилось на зимнихъ квартирахъ въ Курляндіи. Самъ же Государь, чрезъ Дерптъ и Нарву, прибылъ 23 Ноября въ свой любимый Невскій городъ, котораго не видалъ уже полтора года, но который всегда былъ для него зѣницею ока.

Желая увѣковѣчить въ этомъ городѣ воспоминаніе побѣды, упрочившей его существованіе, Петръ повелѣлъ построить церковь во имя Св. Самсонія-Страннопріимца, въ день котораго (27 Іюня) происходила Полтавская битва. Тогда же (6 Декабря) заложенъ былъ на адмиралтейской верфи руками Полтавскаго героя военный, 60 пушечный корабль, который,

будучи названъ Полтавою, долженъ былъ пронесть подъ Русскимъ флагомъ это громкое для Россіи имя на воды Балтійскаго моря, открытыя для Русскаго флота Полтавскою побѣдою.

Царь однакожь не долго оставался въ Петербургѣ; онъ спѣшилъ обрадовать древнюю столицу Россіи великолѣпнымъ тріумфомъ, достойнымъ великой побѣды.—Торжественное шествіе побѣдителей, начавшееся 18 Декабря, но остановленное въ этотъ день у Серпуховскихъ воротъ радостнымъ извѣстіемъ о рожденіи Царевны Елисаветы Петровны, третьей дочери Царя, было отложено до 21 Декабря, и Царь вмѣстѣ съ ликующимъ народомъ, спѣшилъ принесть благодареніе Господу, усугубившему радость Россіи. Въ назначенный день возобновилось шествіе среди восклицаній безчисленнаго народа и неумолкаемаго грома орудій. Блестящія группы побѣдителей и побѣжденныхъ проходили семью великолѣпно украшенными тріумфаль-

ными воротами, воздвигнутыми усердіемъ жителей. У каждыхъ воротъ депутаты народныхъ сословій привѣтствовали Полтавскаго героя похвальными рѣчами и гимнами. Онъ, какъ полковникъ Преображенскаго полка, ѣхалъ предъ своимъ полкомъ на томъ же конѣ, который носилъ его по Полтавскому полю, въ томъ же мундирѣ и въ той же прострѣленной шляпѣ.— «Да здравствуетъ Государь! да здравствуетъ отецъ нашъ!,» восклицали восторженныя толпы народа. Между безчисленными корыстями побѣды привлекали общее вниманіе разбитыя носилки Карла XII, — краснорѣчивая эмблема сокрушеннаго величія героя. Предъ Успѣнскимъ соборомъ остановилось торжественное шествіе. Все умолкло и великій тріумфаторъ съ душевнымъ умиленіемъ повергся предъ вратами храма, вознося

молитву благодаренія Господу, ниспославшему побѣду надъ врагами отечества.

На другой день открылось торжество другаго рода. Въ Кремлевскомъ дворцѣ, на Царскомъ мѣстѣ, подъ богатымъ балдахиномъ, окруженный знатнѣйшими придворными, сидѣлъ въ полномъ царскомъ облаченіи Князь Кесарь Ромодановскій, представляя лице Монарха и отечества, а побѣдители: Шереметевъ, Меньшиковъ, и полковникъ Петръ Алексѣевичь отдавали ему отчетъ объ одержанныхъ ими побѣдахъ подъ Пол-

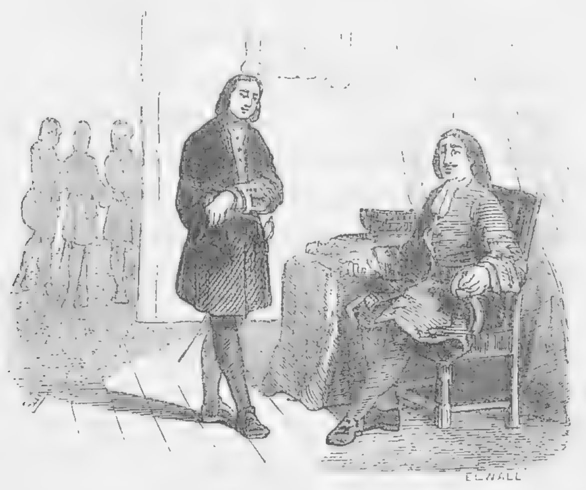

тавою, Переволочною и Лѣснымъ. Это зрѣлище поразило плѣнныхъ Шведскихъ генераловъ и офицеровъ невыразимымъ удивленіемъ. Они не вѣрили своимъ глазамъ, видя на престолѣ лице имъ неизвѣстное, а предъ нимъ своего побѣдителя, почтительно стоящаго у ступеней трона, вмѣстѣ съ генералами. Это торжество заключилось роскошнымъ обѣденнымъ столомъ, къ которому мнимый Царь пригласилъ и побѣдителей, и побѣжденныхъ. Народъ пировалъ до поздней ночи за безчисленными столами, разставленными по Кремлевской площади и восхищался увеселительными огнями, изображавшими побѣды подъ Лѣснымъ, Полтавою и Переволочною.

Среди побѣдныхъ пиршествъ за которыми послѣдовали святочныя празднества, миновалъ счастливый для Россіи 1709 годъ, и Царь, начавшій новый годъ съ надеждою и вѣрою на помощь Всевышняго, обратилъ первую свою дѣятельность на дѣла внутренняго управленія и на образованіе подданныхъ. Эти заботы были всегда близки его сердцу. Повелѣвая печатать и раздавать народу безденежно букварп съ приложеніемъ *цифирнаго счета* (таблицы умноженія), календари, военные артикулы и другія книги, онъ самъ назначилъ, какія именно сочиненія надлежало переводить съ иностранныхъ языковъ на Русскій, и, среди безпрестанныхъ воинскихъ тревогъ, находилъ время, просматривать и исправлять переводы. Такъ, получивъ отъ прежняго своего наставника Зотова переводъ Фортификаціи Блонделя, Государь писалъ къ нему (25 Февраля 1709 года): «Мы оную прочли, и разговоры зѣло хорошо и внятно переведены; но какъ учить фортификацію дѣлать, также въ табели мѣра не именована, рутыль или тоузы, то зѣло темно и непонятно переведено, который листъ переправя, вклеили въ книгу, а старой вырѣзавъ при томъ же посылаемъ, — гдѣ сами увидите погрѣшеніе или невнятность; и того ради надлежитъ вамъ въ той книжкѣ которую нынѣ переводите остеречься въ томъ, дабы внятнѣе перевесть, а особливо тѣ мѣста, которыя учатъ какъ дѣлать, и не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ но точію сіе выразумѣвъ, на свой языкъ уже такъ писать, какъ внятнѣе можетъ быть.» — При такой заботливости Государя, вскорѣ явились на Русскомъ языкѣ: Исторія Александра Великаго — *Квинта Курція,* Географія — *Гибнера*, Введеніе къ познанію Европейскихъ государствъ — *Пуффендорфа,* и другія; преимущественно же сочиненія по части наукъ и искуствъ, наиболѣе необходимыхъ въ то время; Искуство кораблестроенія — *И. П. Бринкена,* Искусный кормчій — безъименнаго Голландца, Новѣйшій способъ укрѣпленія — *Кёгорна,* Непобѣдимая крѣпость — *Боргсдорфа*, Фортификація — *Блонделя* и *Вобана*, и проч.

Столь же велика была родительская заботливость Петра о своемъ сынѣ, Царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, которому онъ

старался доставить самое тщательное воспитаніе. Царевичь уже съ 1703 года сопутствовалъ своему родителю въ походахъ, часто исправлялъ разныя его порученія и обнаруживалъ великія способности, но мало усердія къ дѣламъ, особенно къ нововведеніямъ. Между тѣмъ, онъ уже достигъ 20-лѣтняго возраста. Послѣ Полтавской побѣды, Государь рѣшился отправить его за границу, полагая, что путешествіе произведетъ благодѣтельную перемѣну въ его характерѣ и образѣ мыслей. Царевичь, принявъ благословеніе

родителя, простился съ нимъ при его отъѣздѣ изъ Солецъ и остался въ Польшѣ, откуда вмѣстѣ съ Августомъ отправился въ Маѣ 1710 года въ Дрезденъ и далѣе въ Карлсбадъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль своего пребыванія въ Москвѣ, Петръ произвелъ многія улучшенія, особенно по частямъ: военной и финансовой. Постановлено было: содержать всегда опредѣленное число войска, именно: 33 полка пѣхоты, 24 конницы и 58,000 человѣкъ гарнизонныхъ. Полки, называвшіеся доселѣ именами своихъ полковниковъ, повелѣно было переименовать по городамъ и сдѣлано точнѣйшее распредѣленіе о суммахъ, необходимыхъ на ихъ содержаніе, равно какъ и на прочіе расходы по артиллеріи и флоту.

Вскорѣ эти заботы смѣнились опять воинскими трудами, которыя, еще въ Февралѣ мѣсяцѣ, вызвали Государя къ берегамъ Невы, и которыхъ цѣлью былъ Выборгъ. Адмиралъ Апраксинъ, въ концѣ Марта мѣсяца двинулся съ вой-

скомъ отъ Кроншлота по льду и подступилъ къ Выборгу съ такой стороны, съ которой Шведы всего менѣе ожидали нападенія. Крѣпость была обложена и лишилась возможности получить подкрѣпленія; но замерзшая и каменистая почва чрезвычайно затрудняла осадныя рыботы. Къ тому же осаждающіе, за рыхлостью льда, не могли привезть съ собою, кромѣ 3 мортиръ и нѣсколькихъ полевыхъ орудій, ни осадной артиллеріи, ни достаточнаго количества съѣстныхъ припасовъ. И то, и другое предположено было доставить на судахъ, по вскрытіи водъ. Къ несчастію, зима продолжалась долѣе обыкновеннаго. Въ началѣ Мая, льды покрывали еще все пространство залива, подвозъ продовольствія былъ невозможенъ, а положеніе осаждающихъ дошло уже до крайности. Апраксинъ готовился снять осаду, — чтобъ спасти войско отъ голодной смерти. Но вдругъ, 9 Мая, 225 Русскихъ судовъ, какъ бы

волшебною силою, стали на заливѣ подъ Выборгомъ, гдѣ еще наканунѣ плавали спершіяся льдины. Это былъ подвигъ Петра, которому не было ничего невозможнаго, которому покорствовали самыя стихіи. — При мысли, что его войско гибнетъ отъ голода, онъ не зналъ покоя: вмѣстѣ со льдомъ, 25 Апрѣля, оставилъ Неву, съ трудомъ добрался до Кроншлота, подвинулся еще на 20 верстъ впередъ....: дальше не было пути. Сплошныя массы льда покрывали все пространство залива, доступное взору. Петръ повелѣлъ побѣдить природу: разбить

ледъ большими судами. Путь былъ очищенъ и флотъ достигъ Выборга, съ потерею только трехъ судовъ. Скоро бомбы и ядра полетѣли въ крѣпость: Она упорствовала въ теченіе цѣлаго мѣсяца; наконецъ, 13 Іюня сдалась на условія. Но Петръ объявилъ весь гарнизонъ (до 4,000 человѣкъ) военноплѣннымъ, въ отмщеніе за то, что Русское судно, подъ бѣлымъ флагомъ, было задержано и поругано Шведами; что Русскій резидентъ, Князь Хилковъ и многіе купцы томились въ Стокгольмской темницѣ съ самаго начала войны; и за *многія съ непріятельской стороны неправды.*

Между тѣмъ, какъ Царь возвратившись въ Петербургъ, праздновалъ воспоминаніе Полтавской побѣды, вмѣстѣ съ новыми успѣхами своего оружія, и пировалъ на радостяхъ, обручивъ свою племянницу, Царевну Анну Іоанновну съ Герцогомъ Курляндскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ,–фельдмаршалъ Шереметевъ окончилъ кровавый пиръ подъ Ригою. Осажденный городъ держался въ теченіе 8 мѣсяцевъ съ неимовѣрнымъ упорствомъ. Губернаторъ, Графъ Штрембергъ вполнѣ заслужилъ славу храбраго и мужественнаго защитника Шведской чести; но эта слава была куплена кровью и слезами. 8,600 Русскихъ бомбъ превратили Ригу въ обширное пожарище, страшный голодъ и моръ довершили бѣдствіе осажденныхъ. Смерть являлась во всѣхъ видахъ и 22 тысячи жителей были ея жертвою (*). Дорого стали и Русскимъ ихъ усилія: отъ одной заразы, свирѣпствовавшей въ лагерѣ, несмотря на всѣ предосторожности, погибло около 9,800 человѣкъ. Наконецъ, когда со стороны осаждающихъ уже сдѣланы были всѣ приготовленія къ рѣшительному приступу и когда въ Ригѣ уже нѣкому и нѣчего было защищать,— Штрембергъ принялъ условія и сдалъ пепелище, 4 Іюля. Его преемникъ, первый генералъ - губернаторъ Русской Риги, Князь Репнинъ, своими руками вгнѣздилъ Царскаго орла на башнѣ крѣпости.

(*) По дневнику Гельма, веденному въ Ригѣ; а по показанію самого Штремберга, въ продолженіе осады въ Ригѣ погибло 60,000 человѣкъ.

По покореніи Риги отряды Шереметева, подъ предводительствомъ Боура и другихъ, взяли, въ Августѣ мѣсяцѣ, Дюнаминдъ, Пернау и Аренсбургъ съ островомъ Эзелемъ; вслѣдъ за тѣмъ Кексгольмъ, покоренный (8 Сентября) Брюсомъ, и Ревель — (29 Сентября) Боуромъ, довершили завоеваніе Лифляндіи, Эстляндіи и Кареліи. *Преисполненный успѣхами годъ* (Plenus successibus annus. MDCCX), — была надпись на медали, выбитой въ память этихъ завоеваній.

Цѣль Петра, утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря, была достигнута, и онъ, торжествовавшій въ Петербургѣ блестящіе успѣхи своего оружія, былъ, казалось, на верху своего счастія. Отложивъ всѣ тяжкія заботы, онъ мечталъ уже, что настало время успокоиться отъ воинскихъ тревогъ. «Нынѣ надлежитъ Господа Бога просить точію о добромъ мирѣ» — писалъ онъ къ своему сыну, Царевичу Алексѣю Петровичу, извѣщая о взятіи послѣдней Шведской крѣпости — Ревеля.

Зима счастливаго 1710 года была въ Петербургѣ безпрерывнымъ рядомъ пиршествъ и увеселеній, сопровождавшихъ бракосочетаніе Царевны Анны Іоанновны, которое происходило 31 Октября, въ великолѣпномъ, только-что отстроенномъ, дворцѣ Князя Меньшикова (гдѣ нынѣ 1-й Кадетской корпусъ). Петръ, въ красномъ Французскомъ кафтанѣ, съ орденскою лентою Св. Андрея чрезъ плечо, въ большомъ напудренномъ парикѣ, — исправлялъ въ этотъ день должность обер-маршала, или главнаго шафера. Еще никогда не видали его такимъ веселымъ и окруженнаго такимъ блескомъ и пышностію, какъ въ это время.

Празднества и увеселенія, данныя по этому случаю, представляя смѣсь Европейскихъ обычаевъ съ старинными Русскими, живо изображаютъ характеръ того времени. Между ними особенно замѣчательна комическая свадьба карликовъ. Для этого увеселенія, котораго вымыслъ принадлежитъ Петру, часто необыкновенному въ своихъ затѣяхъ, было собрано въ Петербургъ 72 карлика и карлицы, долженствовавшихъ присутствовать на брачномъ торжествѣ четы, выбранной изъ среды ихъ. Петръ, съ первостепенными сановниками Россіи, всѣ, бывшіе въ Петербургѣ, иностранные министры и другіе почетнѣйшіе лица, приглашенные на свадьбу, сопровождали процессію.

Но и среди этихъ забавъ и шумныхъ пиршествъ проявлялись, почти на каждомъ шагу, черты государственной дѣятельности Монарха, котораго взоръ, обнимая все — и великое и малое, — съ особенною заботливостію останавливался въ это время на его новыхъ подданныхъ и на новой столицѣ государства. Лифляндія и Эстляндія, приближавшіяся, по своему образованію, къ западнымъ государствамъ, могли содѣйствовать выполненію всегдашней, завѣтной мысли Петра — сблизить Россію съ Европою, и потому были предметомъ его особенныхъ милостей. Дворянству этихъ областей не только подтверждены были всѣ его прежнія права и привиллегіи, но еще повелѣно было возвратить и всѣ его помѣстья, несправедливо отнятыя Шведскимъ правительствомъ. Права другихъ сословій и торговыя льготы купечества также были возстановлены и еще умножены предоставленіемъ свободнаго вывоза всѣхъ Русскихъ произведеній, кромѣ дубоваго лѣса. Отеческая его заботливость простиралась даже до мелочей: замѣтивъ во время своихъ переѣздовъ по Кареліи, что тамошніе поселяне носятъ весьма дурную обувь и узнавъ, что они не умѣютъ плесть хорошихъ лаптей, Петръ вызвалъ изъ Нижегородской и Казанской губерніи лучшихъ лапотниковъ и разослалъ ихъ по Кареліи, учить Финновъ искусству плесть лапти.

Та же цѣль — сближеніе съ Европою — руководила всегдашнею заботливостію Петра о Петербургѣ. Мысль — сдѣлать этотъ городъ столицею Россіи, хотя и не высказанная Госу-

даремъ, ясно обнаруживалась въ мѣрахъ, принятыхъ имъ къ скорѣйшему его распространенію и украшенію. Царь положилъ воздвигнуть здѣсь дворцы, какъ для себя, такъ и для членовъ своего семейства и повелѣлъ всѣмъ знатнѣйшимъ сановникамъ строить на берегахъ Невы каменные домы для своего постояннаго жительства. Невскіе острова и близлежащія селенія, подаренные Царицѣ, Царевнамъ и первостепеннымъ вельможамъ, также должны были украситься загородными дворцами, садами и дачами; а на островѣ Котлинѣ, противъ Кроншлота, началось уже строеніе города, купеческой и военной гавани.

Среди такихъ отеческихъ попеченій миновалъ для Петра 1710 годъ.

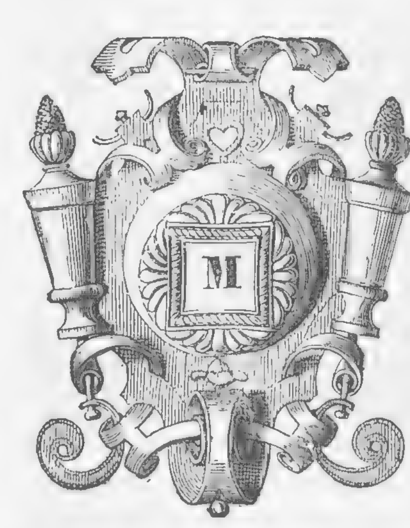
Между тѣмъ, на политическомъ горизонтѣ Россіи сбирались тучи и судьба готовила Царю тяжкое испытаніе. — Случившаяся 6 Января 1711 года кончина Герцога Курляндскаго, супруга Царевны Анны Іоанновны, была какъ бы предвѣстницею бо́льшихъ несчастій, долженствовавшихъ въ этомъ году посѣтить Царя и Россію.

ГЛАВА XXIV.

ПРУТСКІЙ ПОХОДЪ.

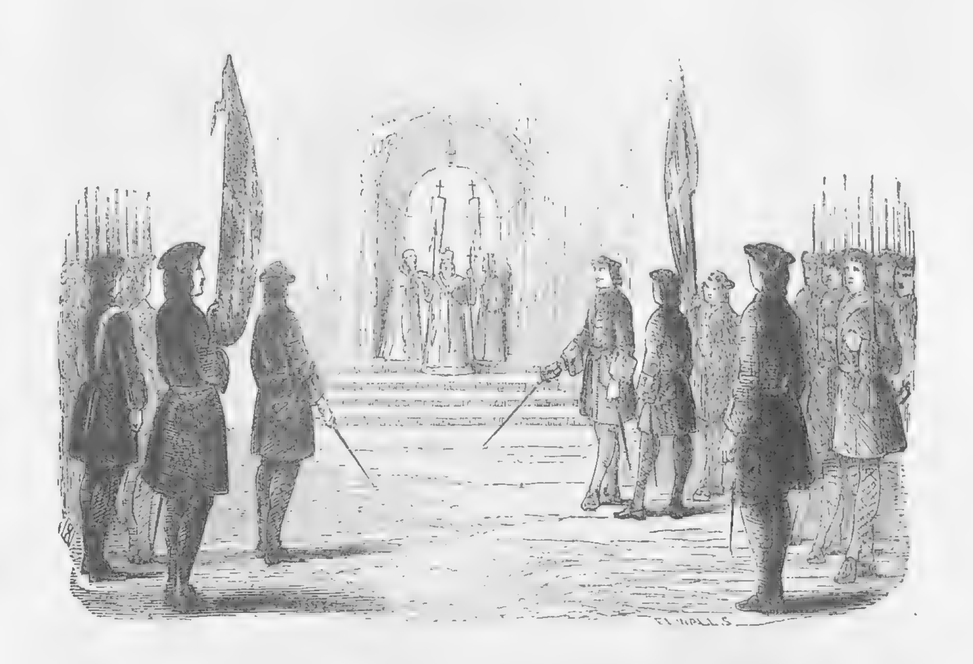
ежду тѣмъ, какъ Царь и Россія торжествовали славную побѣду и, пользуясь ея плодами и безсиліемъ Швеціи, съ искуствомъ и успѣхомъ утверждали свое господство на берегахъ Балтійскаго моря, Карлъ XII, нашедшій убѣжище въ Турціи, истощалъ всѣ свои усилія, чтобъ вооружить Султана противъ Россіи. Это былъ — по аллегоріи одной изъ современныхъ медалей — побѣжденный левъ, который, отдыхая при лунномъ свѣтѣ съ раскрытыми очами, ждалъ солнечнаго восхода. Туркамъ полюбилась его необузданная храбрость; народъ и многіе паши принимали въ немъ живѣйшее участіе и даже сама мать султана

была отъ него въ восхищеніи. При Константинопольскомъ дворѣ открылась самая дѣятельная дипломатическая борьба между Русскимъ посланникомъ Графомъ Толстымъ и агентами Карла: Понятовскимъ, Потоцкимъ и другими. Султанъ Ахмедъ III долго не зналъ, на что рѣшиться. Въ началѣ 1710 года онъ уже возобновилъ было съ Россіею Константинопольскій договоръ и обѣщалъ удалить Карла. Но Карлъ не поѣхалъ, продолжалъ свои происки и успѣлъ наконецъ, при помощи своей партіи, Крымскаго Хана и Французскаго посла, восторжествовать въ Диванѣ. Два великіе визиря, которые противились войнѣ, были низвергнуты одинъ за другимъ и Балтаджи Мегмедъ паша, возведенный въ это достоинство, получилъ приказаніе Султана, вести войско на Русскихъ. Война была торжественно объявлена въ Константинополѣ 20 Ноября (1710), подъ разными ничтожными предлогами: что Царь, въ противность будто договоровъ, выстроилъ крѣпости на границахъ Крыма; что онъ безпрестанно усиливаетъ Азовскій Флотъ; что Русская партія, преслѣдуя въ Польшѣ приверженцевъ Карла, нарушила права нейтральнаго владѣнія, вступленіемъ въ предѣлы Молдавіи; — и проч.

Царь, усердно желавшій кончить и прежнюю войну съ Швеціею, чтобъ, доставивъ покой себѣ и своему народу, обратить свою дѣятельность на внутреннее благоденствіе государства, — крайне былъ огорченъ извѣстіемъ о нарушеніи Турками мира и о вторженіи Крымскихъ и Кубанскихъ Татаръ въ пограничныя области Россіи. Надлежало оставить войну на сѣверѣ и обратить оружіе противъ другаго сосѣда. Татары, раззорившіе нѣсколько пограничныхъ селеній, скоро были отражены, и Русскія войска въ началѣ 1711 года, еще по зимнему пути, двинулись изъ Лифляндіи и Польши къ предѣламъ Молдавіи. Петръ, поручивъ Меньшикову — бодрствовать надъ безопасностію своихъ завоеваній на сѣверѣ, адмиралу Апраксину — оборонять юго-восточные предѣлы со стороны Крыма, а Гетману Скоропадскому — наблюдать за движеніями Татаръ на Днѣпрѣ, у

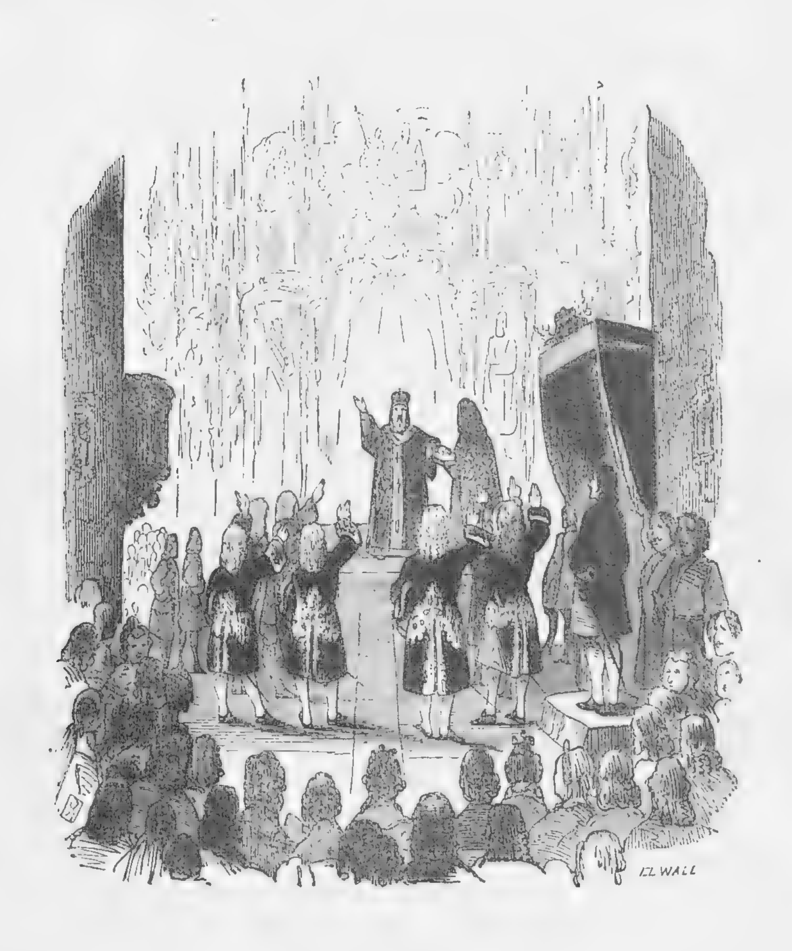
Каменнаго Затона, самъ рѣшился предупредить Турковъ и внести оружіе въ ихъ собственныя владѣнія, на берега Дуная.

Въ Москвѣ въ Успѣнскомъ соборѣ, 25 Февраля, обнародовано было, особымъ манифестомъ, о вѣроломномъ нарушеніи Турками мира и принесено торжественное молебствіе Господу

о ниспосланіи побѣды надъ врагами Христіанскаго имени. Послѣ того полки гвардіи, стоявшіе въ строю предъ собором, тотчасъ выступили въ походъ, напутствуемые благословеніями духовенства и народа; а Царь, намѣреваясь лично принять участіе въ походѣ, занялся устроеніемъ внутренняго порядка въ государствѣ. Съ этою цѣлью учрежденъ былъ Правительствующій Сенатъ, который долженъ былъ представлять лице Государя во время его отсутствія, имѣть верховный надзоръ за правосудіемъ, за сборомъ государственныхъ доходовъ, за успѣхами торговли и другихъ отраслей государственнаго хозяйства. Онъ состоялъ первоначально изъ 8 сенаторовъ, которые, 2 Марта, при вступленіи въ свою новую

должность, были приведены къ присягѣ Рязанскимъ Митрополитомъ Стефаномъ въ Успѣнскомъ Соборѣ, въ присутствіи Государя.

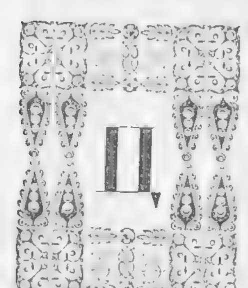
Петръ оставилъ Москву 6 Марта и поспѣшилъ вслѣдъ за своею гвардіею, сопровождаемый своимъ ангеломъ-хранителемъ, Екатериною Алексѣевною, которая, будучи уже, съ 1707 года, супругою Государя, была теперь, въ самый день его отъѣзда, всенародно объявлена Царицею. Доселѣ она, кажется, постоянно жила въ Петербургѣ и никогда не сопутствовала Государю въ походахъ; но теперь, какъ бы побуждаемая предчувствіемъ, неотступными просьбами склонила своего супруга, взять ее съ собою.

Присутствіе Екатерины, и ея нѣжная заботливость еще на пути сдѣлались необходимы для Петра, который, заботясь обо всѣхъ, мало заботился о своемъ здоровьи и, по прибы-

тіи въ Луцкъ, (27 Марта) впалъ въ тяжкую болѣзнь,—такъ, что «*печаялъ живота себѣ.*»—Къ счастію, болѣзнь скоро миновалась и Государь отправился въ Ярославль (Польскій), куда прибыли для переговоровъ о общихъ воинскихъ дѣлахъ и Король Августъ II, и уполномоченные Польской республики. Король обязался занять Шведовъ войною въ Помераніи и осадить Штральзундъ; а республика, по силѣ прежнихъ договоровъ, была приглашаема выставить вспомогательное войско противъ Турковъ. Поляки, однакожь, не упустили при этомъ случаѣ представить Царю свои просьбы и требованія объ отдачѣ Эльбинга, Бѣлой-Церкви и Риги со всею Лифляндіею, равно какъ и о вознагражденіи за контрибуціи, и за разныя обиды и раззоренія, понесенныя республикою отъ Русскихъ войскъ. Что Русскіе военачальники дѣйствительно дозволяли себѣ грабительства и раззоренія въ Польскихъ областяхъ, видно изъ того, что самъ Меньшиковъ навлекъ на себя этимъ гнѣвъ своего Государя, который, бывъ извѣщенъ о его корыстолюбіи, писалъ къ нему (отъ 11 Марта, изъ Горокъ): «зѣло прошу, чтобъ вы такими малыми прибытки не потеряли своей чести и кредиту. Прошу неоскорбиться, ибо первая брань лучше послѣдней; а мнѣ, будучи въ такихъ печаляхъ, пришло уже до себя и не буду жалѣть никого изъ виноватыхъ.»—«А что ваша милость (возразилъ Государь на оправданія Меньшикова) пишетъ о сихъ грабежахъ, что *бездѣлица,* и то не есть бездѣлица, ибо интересъ тѣмъ теряется во озлобленіи жителей» и пр.

Царь, отлагая удовлетвореніе важнѣйшихъ требованій Польши до окончанія войны, успокоивалъ, какъ умѣлъ, обиженныхъ Поляковъ и успѣлъ наконецъ въ томъ, что республика торжественно объявила войну Турціи. — Но гораздо болѣе, нежели на содѣйствіе Польши, надѣялся Петръ на единовѣрныхъ съ Русскими обитателей Молдавіи и Валахіи, которыхъ Господари: Кантемиръ и Бранкованъ, недовольные жестокостію Турецкаго правительства, предложили Царю, принять ихъ въ свое подданство, обѣщая заготовить съѣстные припасы для Русской арміи и присоединиться къ ней со всѣми своими подданными. Нимало не сомнѣваясь въ ихъ преданности, Государь

приказалъ Шереметеву, спѣшить походомъ, чтобъ, занявъ Молдавію и Валахію и укрѣпившись на берегахъ Дуная, воспретить непріятелямъ переправу. Фельдмаршалъ быстро двинулся отъ Днѣстра къ Пруту, съ передовымъ отрядомъ изъ 15 тысячъ кавалеріи, и 1 Іюня прибылъ въ Яссы, столицу Молдавіи, гдѣ именемъ своего Государя принялъ отъ Кантемира и Молдавскихъ бояръ присягу на подданство Россіи. Но, къ несчастію, онъ тутъ узналъ, что Турки уже построили мостъ на Дунаѣ и что часть ихъ арміи, въ числѣ 40 тысячъ, уже переправилась на сѣверный берегъ. Цѣль похода къ Дунаю была уничтожена и Шереметевъ, не отваживаясь съ своими малыми силами идти впередъ, остановился въ Яссахъ, въ ожиданіи новыхъ приказаній отъ Государя. Между тѣмъ, 12 Іюня, Петръ прибылъ къ Днѣстру, гдѣ сосредоточилась вся Русская пѣхота, подъ предводительствомъ Репнина, Вейда и Алларта, въ числѣ 40 тысячъ человѣкъ. Въ собравшемся военномъ совѣтѣ нѣкоторые генералы предлагали укрѣпиться на берегахъ Днѣстра и, обезпечивъ продовольствіе арміи сообщеніемъ съ Польшею, здѣсь ожидать непріятеля. Но Царь не хотѣлъ предать Кантемира и Молдавскихъ Христіанъ на жертву раздраженнымъ Туркамъ. Русская армія, 17 Іюня, перешла Днѣстръ близъ Молдавскаго городка Сороки и направила путь, чрезъ песчаную и безводную степь, къ рѣкѣ Пруту. Переходъ продолжался только 5 дней, но былъ сопряженъ съ величайшими трудностями: многіе умирали отъ жажды и зноя..... Не смотря ни на что, Петръ шелъ впереди и своимъ примѣромъ ободрялъ воиновъ. По прибытіи съ передовымъ отрядомъ къ Пруту, первою его заботою было нагрузить всѣ повозки и фуры бочками воды и отправить ихъ въ степь, на встрѣчу къ своему войску.

Уже въ Яссахъ положеніе Русскихъ сдѣлалось весьма затруднительнымъ отъ недостатка въ продовольствіи. Необыкновенный зной изсушилъ и нивы, и луга; тучи саранчи истребили остальное, и Кантемиръ, при всемъ своемъ усердіи, не могъ доставить обѣщанныхъ съѣстныхъ припасовъ, кромѣ небольшаго числа овецъ и рогатаго скота. Но онъ утверждалъ, что еще не вся Турецкая армія переправилась чрезъ Дунай,—что Русскіе могутъ еще безъ труда захватить Турецкіе магазины въ окрестностяхъ Браилова и предупредить вторженіе непріятелей въ Молдавію. Всѣ Молдавскіе чины, подтверждая эти показанія, неотступно умоляли Царя, поспѣшить къ

Дунаю. Онъ согласился, «дабы Христіанъ, желающихъ помощи, въ отчаяніе непривесть.» Армія двинулась къ югу: половина кавалеріи, подъ предводительствомъ генерала Ренне, устремилась внизъ по рѣкѣ Сыретн къ Бранлову, для занятія Турецкихъ магазиновъ; а пѣхота, съ остальною частью кавалеріи, потянулась вдоль по Западному берегу Прута, на встрѣчу Турецкой арміи, о движеніяхъ которой не имѣли еще никакихъ достовѣрныхъ извѣстій, и которую предполагали далеко впереди. Но вдругъ (7 Іюля) передовой отрядъ Русскихъ, подъ предводительствомъ генерала Януса, приближаясь къ урочищу Фальчи и прошедъ тѣснины, образуемые горами и берегомъ Прута, открылъ предъ собою равнину, усѣянную безчисленными толпами Янычаръ и Спаговъ, только-что переправившихся на правой берегъ. Чтобъ не быть отрѣзаннымъ отъ главной арміи, Янусъ поспѣшно началъ отступать, сильно тѣснимый отвсюду многочисленнымъ непріятелемъ. Наконецъ Государь, съ гвардіею и лучшими пѣхотными полками, самъ поспѣшилъ на помощь къ своему отряду и, послѣ упорной битвы, спасъ его отъ конечнаго истребленія.

Къ довершенію несчастія, Русскіе лишились и послѣдней надежды на полученіе продовольствія. Бранкованъ, доселѣ все еще льстившій Царю обѣщаніями, узнавъ о его затруднительномъ положеніи, измѣнилъ своему слову и объявилъ, что уже не можетъ оказать Русскимъ никакой помощи, потому, что они замедлили своимъ походомъ къ Дунаю. Самые Молдаване поколебались въ своей преданности къ Царю и охотнѣе доставляли продовольствіе въ Турецкій лагерь, нежели въ Русскій. Наконецъ, и прославленные Молдаванами Турецкіе магазины на рѣкѣ Сыретн оказались слишкомъ незначительными; притомъ же Турецкая армія своимъ переходомъ чрезъ Прутъ совершенно отрѣзала генералу Ренне сообщеніе съ главнымъ войскомъ. Въ такой крайности, Петръ, обратившись вправо, хотѣлъ было самъ идти на соединеніе къ Ренне; но высокія горы и мѣста, совершенно безводныя, опаленныя зноемъ и опустошенныя саранчею, противупоставляли такому намѣренію непреодолимую преграду. Тогда армія, имѣя еще скудное продовольствіе на нѣсколько дней, получила приказаніе отступать къ Яссамъ. По около полудня 9 Іюля, вся Турецко-Татарская сила, простиравшаяся, какъ полага-

ютъ, до 270 тысячъ человѣкъ, окружила Русскихъ, которые отъ усталости, жажды и нестерпимаго зноя остановились на берегу Прута, среди обширной песчаной равнины, близъ мѣстечка Гуша.

Между тѣмъ, какъ многочисленная непріятельская конница, подобно саранчѣ, разсыпалась по всему полю, и только издали устрашала Русскихъ пальбою и неистовымъ крикомъ; Янычары и вся Турецкая пѣхота, не дожидаясь своей отставшей артиллеріи, столпились въ одну безконечную, густую, нестройную колонну и, какъ изступленные, устремились на Русскую армію, упираясь всею массою своихъ силъ на одну ея точку, на дивизію Алларта. Прислонившись тыломъ къ рѣкѣ и поставивъ свой обозъ, Молдаванъ и иррегулярную конницу въ срединѣ, Русскіе образовали четыреугольникъ, направили всю свою артиллерію противъ непріятельской колонны, зарядили пушки двойными зарядами и встрѣтили непріятеля такимъ страшнымъ огнемъ, что онъ опрометью бросился назадъ. Но, оправившись отъ страха, Турки снова устремились въ атаку, и снова бѣжали; третій ихъ напоръ былъ столь же несчастливъ. Ночь прекратила наконецъ кровопролитіе, но не успокоила утомленныхъ противниковъ. Турки, лишившись, въ тщетныхъ усиліяхъ прорвать стройные ряды Русскихъ, болѣе 7,000 лучшихъ воиновъ, потеряли уже охоту возобновлять нападеніе, но обвели во время ночи все Русское войско своими траншеями и, ожидая къ утру прибытія своей артиллеріи, построили батареи на всѣхъ высотахъ и на противуположномъ берегу Прута, чтобъ отнять у Русскихъ возможность, не только къ отступленію, но даже и къ полученію воды, протекающей передъ ними. Также и въ Русскомъ станѣ, никто не смыкалъ глазъ въ эту бѣдственную ночь: воины укрѣпляли свой лагерь повозками, конскими трупами и тѣлами своихъ падшихъ товарищей, покрывая все это землею; а Петръ, тронутый симъ грустнымъ зрѣлищемъ, заперся въ своей палаткѣ, и отдалъ приказъ, не впускать къ себѣ никого. Спокойствіе и присутствіе духа еще никогда его не покидали; но эта грозная ночь, казавшаяся послѣднею, предсмертною ночью, могла поколебать его твердость. — Не собственная участь, не страхъ смерти или плѣна, но предстоящая судьба отечества терзала его душу. —Скоро,—думалъ онъ,—его лучшее,

отборнѣйшее войско, — цвѣтъ и надежда Россіи, — погибнетъ безплодно для отчизны, напоивъ своею кровью дикій берегъ Прута; скоро осиротѣетъ его Россія и врагъ, непримиримый въ мести, разтерзаетъ ея сердце. Померкнетъ отрадный лучь ея просвѣщенія, и прежній мракъ невѣжества и бездна новыхъ золъ и бѣдствій отяготѣютъ надъ нею..... И виною всѣхъ этихъ бѣдствій была его благородная довѣрчивость къ людямъ и великодушное желаніе спасти своихъ единовѣрныхъ братій!....

И Петръ не видѣлъ никакихъ средствъ къ спасенію отечества, столько имъ любимаго!

Но въ эти безнадежныя минуты открывается во всемъ блескѣ его великая, чистая душа, исполненная святой, безпредѣльной любви къ отечеству, — любви, которая излилась въ вѣчно незабвенныхъ строкахъ, написанныхъ имъ къ Сенату. Вотъ онѣ, эти святыя строки, которыми не престанетъ гордиться Россія:

«ГОСПОДА СЕНАТЪ!»

«Извѣщаю вамъ, что я со всѣмъ своимъ войскомъ, «безъ вины или погрѣшности нашей, но единственно «только по полученнымъ ложнымъ извѣстіямъ, въ «четыре краты сильнѣйшею Турецкою силою такъ «окруженъ, что всѣ пути къ полученію провіанта «пресѣчены, и что я безъ особливыя Божія помо-«щи ничего инаго предвидѣть не могу, кромѣ «совершеннаго пораженія; или что я впаду въ «Турецкій плѣнъ. Естьли случится сіе послѣднее, то «вы не должны меня почитать своимъ Царемъ и Го-«сударемъ, и ничего неисполнять, что мною, хотябы по «собственноручному повелѣнію, отъ васъ будетъ тре-«буемо, покамѣстъ я самъ не явлюся между вами въ «лицѣ моемъ; но естьли я погибну и вы вѣрныя извѣ-«стія получите о моей смерти, то выберите между «собою достойнѣйшаго мнѣ въ наслѣдники.»

«ПЕТРЪ.»

Призвавъ офицера, хорошо знакомаго съ мѣстностью, Петръ отдалъ ему письмо, поцѣловалъ его и сказалъ: «*ступай съ Богомъ!*»

Генералы и полковники держали между тѣмъ въ ставкѣ фельдмаршала военный совѣтъ. Но о чемъ могли они совѣщаться и какія придумать средства къ спасенію?..... Силою открыть себѣ путь къ отступленію, или побѣдить въ рѣшительномъ сраженіи враговъ, въ нѣсколько кратъ сильнѣйшихъ, съ войскомъ изнуреннымъ, страдавшимъ отъ голода и жажды, потерявшимъ уже почти всѣхъ своихъ лошадей отъ недостатка корма,— не было никакой надежды; положить оружіе, еще такъ недавно увѣнчанное лаврами Полтавской побѣды. . . . Кто бы могъ, не только предложить, но даже и помыслить объ этомъ? Послѣдній воинъ предпочелъ бы смерть постыдному плѣну. — И смерть казалась неизбѣжною.

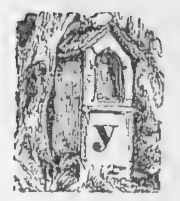
Но въ это самое время, когда никто не зналъ, на что рѣшиться, — Екатерина, какъ ангелъ-хранитель Царя и Россіи,

входитъ въ собраніе и предлагаетъ попытаться склонить непріятеля къ миру. Такая мысль никому не могла пріидти въ голову; — никто не хотѣлъ вѣрить, чтобъ непріятель, имѣя на своей сторонѣ всѣ выгоды,—уже держа, такъ сказать, въ своихъ рукахъ все Русское войско, — согласился заключить миръ, хотя и не выгодный для Россіи, но честный. Однако положили испытать это средство. Екатерина взялась, уговорить своего

супруга, который все еще находился въ своей палаткѣ, предавшись мрачнымъ размышленіямъ. — нъ согласился.

нтеръ-офицеръ гвардіи Шепелевъ былъ отправленъ къ великому визирю, съ письмомъ фельдмаршала, котораго предложеніе Екатерина не забыла подкрѣпить — какъ носится молва — всѣми драгоцѣнностями, какія только можно было собрать въ лагерѣ. Между тѣмъ, съ наступленіемъ утра, 10 Іюля, страшные громы, раздавшіеся кругомъ Русскаго стана, возвѣстили о прибытіи Турецкой артиллеріи. Посланный не возвращался; — отвѣта небыло. Надежда на миръ казалась сомнительною. Царь уже далъ приказаніе, строиться къ битвѣ и всѣ рѣшились пробиваться съ оружіемъ въ рукахъ сквозь безчисленныя толпы Турокъ — но вдругъ батареи Турецкія умолкли: визирь пригласилъ къ себѣ Русскихъ полномочныхъ.

Вице-канцлеръ, Баронъ Петръ Павловичъ Шафировъ, подобно Меньшикову, вызванный геніемъ Петра изъ толпы на поприще дипломата и образованный подъ руководствомъ великаго наставника Россіи, былъ отправленъ въ Турецкій лагерь, для мирныхъ переговоровъ, вмѣстѣ съ сыномъ фельдмаршала, генералъ-маіоромъ Михайломъ Шереметевымъ. — Петръ уполномочилъ ихъ уступить Туркамъ Азовъ, Таганрогъ и другія мѣста, завоеванныя по Днѣпру и Дону; также и Шведамъ — все завоеванное у нихъ, кромѣ Ингріи, въ замѣнъ которой, въ случаѣ крайней необходимости, дозволилъ предложить даже Псковъ, или какую-нибудь другую область. — Но, къ не малому удивленію, требованія Турковъ были гораздо снисходительнѣе, нежели какъ можно было того ожидать.

Визирь, обнаружившій сначала величайшую ревность къ выгодамъ Карла XII, вскорѣ охладѣлъ въ своемъ усердіи. Вѣроятно, причиною тому были дерзость и высокомѣріе Карла. Гордость Турка оскорбилась — какъ утверждаютъ, тѣмъ, что Карлъ отказался сопутствовать ему въ походѣ. — «Я это зналъ», отвѣчалъ Визирь, получивъ отказъ: «надмѣнный гяуръ боится оказать намъ слишкомъ много чести.» Какъ бы то ни было, но при заключеніи мира визирь заботился только о выгодахъ Порты; а для Шведскаго Короля выговорилъ только одно условіе: безпрепятственный пропускъ его въ Швецію. Прочія условія были: возвращеніе Азова съ его округомъ; срытіе Таганрога, Каменнаго Затона и другихъ крѣпостей, построенныхъ Русскими на Днѣпрѣ и Донѣ; признаніе Запорожцевъ подъ покровительствомъ Турціи и невмѣшательство въ дѣла Польши.

Только одно обстоятельство едва не расторгло мирныхъ переговоровъ: визирь требовалъ выдачи Кантемира, который съ

своими вельможами находился въ Русскомъ лагерѣ. Петръ отвѣчалъ, что онъ скорѣе готовъ уступить Туркамъ всю землю до самаго Курска, — что тогда ему останется еще надежда возвратить ее, — а нарушеніе даннаго слова невозвратно. «Мы,» продолжалъ онъ: «ничего не имѣемъ собственнаго, кромѣ

чести. Отступить отъ нея, значитъ—перестать быть Государемъ». Визирь уступилъ твердости Царя и Кантемиръ былъ спасенъ. Тщетно Понятовскій, Крымскій Ханъ и другіе приверженцы Карла старались еще противупоставить тысячу преградъ къ заключенію договора. Визирь разсуждалъ, что опасность, угрожавшая Турціи отъ господства Россіи на Черномъ морѣ, уже уничтожена, — что цѣль войны достигнута, и онъ долженъ щадить кровь правовѣрныхъ. — 12 Іюля, онъ подписалъ договоръ.

Шафировъ и молодой Шереметевъ остались заложниками до выполненія условій.

Подъ вечеръ того же дня, Шведскій Король прискакалъ о-дву-конь изъ Бендеръ въ Турецкій лагерь, надѣясь остановить переговоры; но было уже поздно. Визирь однакожь ласково привѣтствовалъ его и съ восторгомъ говорилъ о заключеніи славнаго и выгоднаго для Турціи мира, которымъ Султанъ, его повелитель, останется совершенно доволенъ. Карлъ утверждалъ, что визирь могъ бы получить еще гораздо большія выгоды, и что Султану, вѣроятно, было бы пріятнѣе, имѣть въ своей

власти самого Царя со всѣмъ его войскомъ. «И я ручаюсь,» продолжалъ онъ съ жаромъ: «что еще и теперь приведу его къ тебѣ, если ты дашь мнѣ только 20 тысячъ твоихъ Янычаръ.» «Аллахъ да сохранитъ меня!» возразилъ Мусульманинъ: «Аллахъ раздѣлилъ землю между Государями, да владѣетъ каждый своею частію. Кто жь бы правилъ Московскимъ царствомъ, еслибъ я полонилъ его Царя?—Миръ заключенъ и долженъ состояться.»

Съ бѣшенствомъ оставилъ Карлъ ставку визиря и поскакалъ обратно въ Бендеры. Русскіе, съ барабаннымъ боемъ, съ распущенными знаменами, оставили несчастное мѣсто и возвратились къ своимъ предѣламъ. На пути присоединился къ нимъ и отрядъ генерала Ренне, который съ успѣхомъ дѣйствовалъ на Дунаѣ и уже занялъ городъ Браиловъ, возвращенный немедленно, по полученіи извѣстія о мирѣ. — «И тако тотъ смертный пиръ кончился,» — писалъ Петръ Сенату (отъ 15 Іюля), извѣщая о заключеніи мира.

Судьба, какъ будто взвѣшивая достоинства двухъ противниковъ, вовлекла Петра въ ту же погрѣшность, какую сдѣлалъ Карлъ, вступивъ въ Украйну и поставила его при Прутѣ въ

то же положеніе, въ какомъ былъ его соперникъ на берегахъ Ворсклы. Но какъ различны были слѣдствія ошибки, того и другаго! Карлъ своимъ упорствомъ погубилъ и себя, и свое государство; — Петръ, благоразумно покорившись своенравной судьбѣ, поправилъ ошибку, безъ значительнаго вреда для Россіи!...

ГЛАВА XXV.

ДѢЛА СОЮЗНИКОВЪ. ДВУКРАТНАЯ ПОѢЗДКА ПЕТРА ВЪ КАРЛСБАДЪ. ПОКОРЕНІЕ ПОМЕРАНІИ.

Швеція, потерявшая въ степяхъ Украйны цвѣтъ своего народонаселенія и покинутая своимъ Королемъ, который самъ былъ покинутъ счастіемъ, подверглась отвсюду новымъ ударамъ. Всѣ малодушные враги, усмиренные ею, ободрились и, мстя за свое униженіе, готовились растерзать низложенную соперницу. Датскій Король первый поднялъ оружіе и, оправдывая свой вѣроломный поступокъ ничтожными доводами, вступилъ (въ началѣ Ноября 1709) съ 17 тысячами войска на берега Шоніи. Датчане заняли Гельзингборгъ и Христіанштадтъ, осадили Мальмё и Ландскрону. Шведское правительство не знало, что дѣлать. Силы государства были уже слишкомъ истощены войною, а на внѣшнюю помощь не было надежды. Но, при видѣ общей опасности, любовь къ отечеству сильно заговорила въ душѣ воинственнаго народа и пробудила

въ немъ новыя силы: земледѣлецъ сталъ грудью за родину, купецъ принесъ ей въ даръ свои богатства, — старики и юноши спѣшили вооружиться. Достойный сподвижникъ Карла XII, Графъ Штеенбокъ, принявъ начальство надъ войскомъ, быстро ударилъ на враговъ, потѣснилъ ихъ къ Гельзингборгу и, подъ его стѣнами, разбилъ на голову (6 Марта 1710). Датчане, вступившіе на берегъ Швеціи съ гордыми надеждами, едва успѣли укрыться въ Гельзингборгѣ и, дождавшись своихъ судовъ, поспѣшили убраться во-свояси.

Этотъ успѣхъ возродилъ въ Шведахъ новыя надежды и великодушную рѣшимость, дать отпоръ всѣмъ своимъ непріятелямъ. Новые значительные налоги, рекрутскіе наборы и прочія тягости, несносныя въ иное время, теперь казались нечувствительны для народа, горѣвшаго усердіемъ къ защитѣ отечества и чести. Но силы и средства не соотвѣтствовали этому усердію и не могли быть достаточны для противудѣйствія многочисленнымъ непріятелямъ, наводнившимъ всѣ Шведскія владѣнія на восточныхъ и южныхъ берегахъ Балтійскаго моря.

Лифляндія, Эстляндія и Карелія были уже отторгнуты. Къ довершенію несчастій, упорство Короля раздуло пламя войны и въ Нѣмецкихъ владѣніяхъ Швеціи, которыхъ защиту сосѣди хотѣли принять на себя. Еще въ началѣ 1710 года, Императоръ, Германія, Англія и Голландія, воевавшіе съ Франціею, приняли мѣры къ удаленію сѣверной войны отъ предѣловъ Имперіи и постановили въ Гагѣ съ Россіею и ея союзниками договоръ о нейтралитетѣ для Шведскихъ владѣній въ Германіи, равно какъ и для Голштейнъ-Готторпскихъ земель и Ютландіи, съ тѣмъ, чтобы корпусъ генерала Крассау, находившійся въ Помераніи, или оставался въ бездѣйствіи, или удалился въ Швецію. Но Карлъ XII, котораго твердости не могли поколебать никакіе удары судьбы, рѣшительно отвергъ этотъ нейтралитетъ и объявилъ, съ такою же гордостію, какъ бы предводительствуя побѣдоносною арміею, «что онъ будетъ пользоваться всѣми, данными ему отъ Бога средствами, для наказанія своихъ враговъ, гдѣ и когда бы то ни было, и почтетъ за своихъ непріятелей всѣхъ, которые будутъ стѣснять его дѣйствія.» Онъ повелѣлъ генералу Крассау съ его корпусомъ,

значительно усиленнымъ новыми подкрѣпленіями, двинуться опять въ Польшу, въ то время, какъ Русскія войска выступали оттуда противъ Турковъ. Тогда Король Датскій съ своимъ корпусомъ и Августъ II съ Саксонско-Польскими войсками и частію Русскихъ, по договору, заключенному съ Царемъ въ Ярославлѣ, предупреждая непріятеля, вторглись въ Померанію и овладѣли ею, оставивъ во власти Шведовъ только Штральзундъ, Штетинъ, Висмаръ и островъ Рюгенъ.

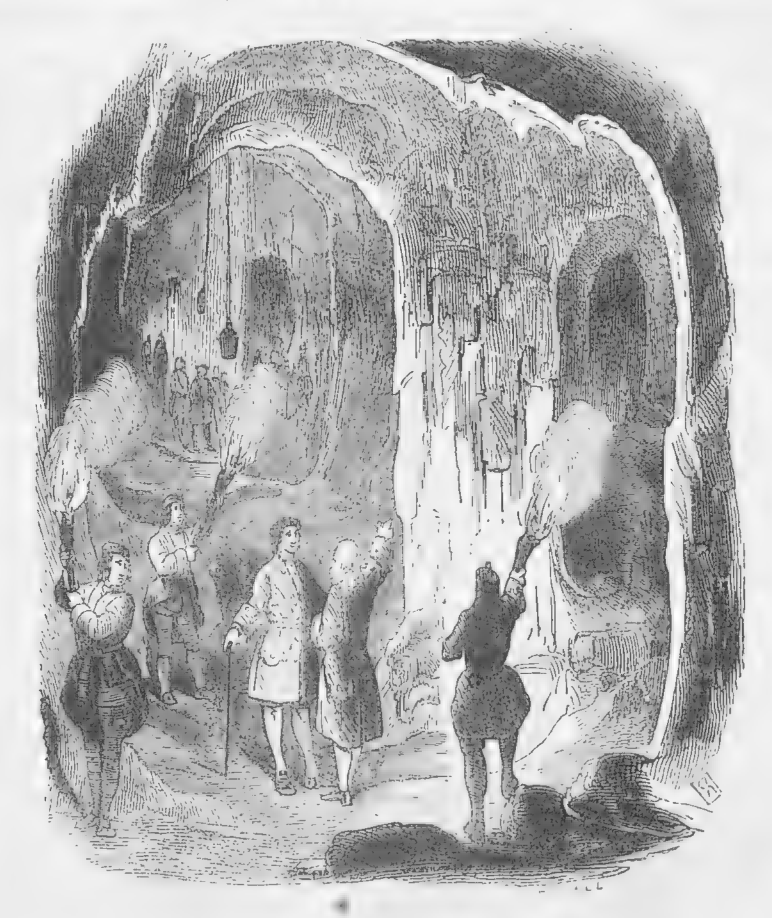
Союзники облегли Штральзундъ, но не успѣли еще ничего предпринять, — когда Петръ, претерпѣвъ несчастіе при Прутѣ, кончилъ войну съ Турками ранѣе, чѣмъ предполагали и, отославъ свое войско къ Русскимъ границамъ, прибылъ въ Торнъ (29 Августа). Онъ однако не хотѣлъ и не могъ еще лично принять участія въ войнѣ и, предоставивъ союзникамъ, дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію, запретилъ и Меньшикову вмѣшиваться въ ихъ дѣла. «А что охота вамъ служить» писалъ онъ къ своему любимцу: «и тому еще время будетъ, понеже, нашъ чудакъ (т е. Карлъ XII) пока живъ, чаю покоя едва ли будетъ.»

Разстроенное состояніе здоровья заставило Петра предпринять путешествіе въ Карлсбадъ, чтобъ пользоваться тамошними водами. Простившись съ своею супругою, которая осталась

въ Торнѣ, подъ прикрытіемъ баталіона гвардіи, онъ направилъ свой путь чрезъ Дрезденъ и Фрейбергъ въ Богемію.

Однако тѣлесное разстройство не препятствовало ему обозрѣвать на пути предметы, достойные вниманія. Славные серебряные рудники близъ Фрейберга особенно привлекли его любопытство. Онъ пожелалъ осмотрѣть и самыя рудокопни и, при свѣтѣ факеловъ, спустился въ нѣдра земли, откуда рудокопъ тяжкими трудами извлекаетъ сокрытые дары природы.

Цѣлительныя воды и спокойная жизнь, которыми Петръ пользовался въ Карлсбадѣ, около трехъ недѣль, имѣли на него желаемое дѣйствіе. Съ возобновленными силами оставилъ онъ (3 Октября) теплицы и поспѣшилъ въ Торгау, гдѣ ожидали его семейныя радости. Царевичъ Алексѣй, котораго Петръ такъ усердно желалъ посвятить въ свои великіе планы и намѣренія, бывъ еще въ прошломъ году отправленъ въ Гер-

манію, чтобъ ближе ознакомиться съ выгодами образованія и избрать себѣ супругу изъ тамошнихъ Принцессъ, — исполнилъ это послѣднее желаніе родителя. Его выборъ палъ на прекрасную, кроткую и умную Шарлоту Софію, Принцессу Брауншвейгъ - Вольфенбиттельскую, съ которою онъ познакомился въ прошломъ году въ Карлсбадѣ. Петръ былъ совершенно доволенъ этимъ выборомъ, основывая на немъ лестныя надежды на исправленіе своего сына, котораго отвращеніе къ иноземному часто причиняла скорбь его родительскому сердцу. Торжествуя свадьбу онъ писалъ Сенату (отъ 14 Октября): «Объявляемъ вамъ, что сего дня бракъ сына моего совершился здѣсь въ Торгау, въ дому Королевы Польской, на которомъ бракѣ довольно было знатныхъ персонъ; слава Богу, что сіе счастливо совершилось. Домъ Князей Вольфенбиттельскихъ, нашихъ сватовъ, изрядный.»

Между множествомъ гостей, привлеченныхъ въ Торгау брачными торжествами, еще болѣе желаніемъ видѣть героя, сокрушившаго грозу Европы, Карла XII, — явился и знаменитый

Лейбницъ. Германскій мудрецъ не могъ довольно надивиться великимъ дарованіямъ Государя. Онъ сообщилъ Царю свое мнѣніе о средствахъ къ водворенію наукъ и искуствъ въ Россіи.

Петръ съ своей стороны обрадовалъ ученаго объщанiемъ, содѣйствовать къ произведенiю въ своихъ обширныхъ владѣнiяхъ наблюденiй надъ уклоненiями компаса. — Лейбницъ получилъ значительный Царскiй подарокъ, и въ послѣдствiи былъ награжденъ пансiономъ и чиномъ тайнаго совѣтника юстицiи.

Между тѣмъ, на театрѣ войны не происходило ничего важнаго. Между союзниками Петра не было надлежащаго согласiя. Время проходило въ безполезныхъ спорахъ и соглашенiяхъ. Короли — предводители сочиняли только планы военныхъ дѣйствiй, дѣлили между собою будущiя завоеванiя и заботились только о томъ, чтобъ труды и издержки съ обѣихъ сторонъ были равные. Ни одинъ не хотѣлъ трудиться болѣе другаго, и потому оба ничего не дѣлали. Войска праздно стояли подъ Штральзундомъ, претерпѣвая холодъ и ненастье; а Русскiй отрядъ, помогавшiй Августу II, горько жаловался на худое содержанiе, въ сравненiи съ Саксонцами. Самые офицеры не получали ничего, кромѣ хлѣба. Это чрезвычайно огорчило Петра. «Сего не можемъ вытерпѣть,» писалъ онъ къ Августу II: «чтобъ наши люди такъ погибали, того ради просимъ Ваше Величество, ежели изволите ихъ еще имѣть, то чтобъ онымъ мясо и соль противъ Саксонцевъ давано было, или ихъ, ежели сего дать имъ не изволишъ, отпустить въ службу Короля Датскаго, или къ Штетину, ибо не сытые солдаты служить не могутъ.»

Видно было, что безъ Русскаго Царя, союзники ничего не могли сдѣлать: но Петръ, опасаясь, чтобы позднее время года и огорченiя, неизбѣжныя со стороны союзниковъ, не разстроили снова его здоровья, еще и теперь не являлся на театрѣ войны. Отпустивъ Царевича съ новобрачною только на малое время къ ея родителямъ въ Вольфенбиттель и предписавъ ему, по возвращенiи оттуда, заняться въ Польшѣ заготовленiемъ къ будущей веснѣ, на Вартѣ и другихъ рѣкахъ, впадающихъ въ Одеръ, военныхъ магазиновъ на 30 тысячъ человѣкъ, Петръ оставилъ (19 Октября) Торгау и предпринялъ обратный путь въ Россiю. Въ Кроссенѣ, въ Бранденбургiи, онъ уговорился съ Датскимъ и Саксонскимъ уполномоченными

о будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ и отправилъ оттуда генерала Боура съ его отрядомъ къ Штетину; потомъ заѣхалъ въ Торнъ за своею супругою; пробылъ нѣсколько дней въ Эльбингѣ; отыскалъ въ Кенигсбергѣ древнѣйшій списокъ лѣтописи Нестора и, чрезъ Мемель и Митаву, въѣхалъ (18 Ноября) въ Ригу; наконецъ, пробывъ болѣе мѣсяца въ Ригѣ и Ревелѣ, среди своихъ новыхъ подданныхъ, прибылъ въ Петербургъ, къ торжеству новаго 1712 года.

Извѣстіе о побѣдѣ, одержанной Датчанами надъ незначительнымъ Шведскимъ отрядомъ подъ Висмаромъ, обрадовало Петра въ первый день новаго года. «Боже дай милость свою впредь,» — писалъ онъ къ Сенату и спѣшилъ отправить къ союзникамъ новыя подкрѣпленія, вслѣдъ за которыми отправился и Князь Меньшиковъ.

Но безъ личнаго присутствія Русскаго Монарха союзныя дѣла въ Помераніи скоро пришли въ совершенное разстройство. Датчане, опасаясь, чтобъ Шведы зимою не потревожили Коппенгагена, чрезъ замерзшій Зундъ, хотѣли возвратиться на родину; а безъ нихъ и Польско-Саксонскія войска не хотѣли оставаться въ Помераніи. Съ трудомъ успѣли Русскіе министры при Датскомъ и Саксонскомъ дворахъ уговорить союзныхъ Королей, не оставлять вовсе Помераніи, чтобъ не дать непріятелю усилиться. Шесть тысячъ Датчанъ остались, вмѣстѣ съ Саксонцами и Русскими, для наблюденія за Шведскими гарнизонами: прочіе отправились зимовать въ Голштинію.

Съ наступленіемъ весны военныя дѣйствія опять замедлились отъ непостоянства въ планахъ союзниковъ. Они ни въ чемъ не могли согласиться: то хотѣли добывать Штральзундъ и Рюгенъ, то думали о предпріятіяхъ противъ Бремена и Вердена. Наконецъ распространилась молва, что Датскій Король отдѣльно ведетъ переговоры о мирѣ съ непріятелемъ. Августъ II не замедлилъ увѣдомить объ этомъ Петра, а самъ между тѣмъ спѣшилъ сдѣлать то же. Такимъ образомъ, почти

все лѣто было потеряно. Датскій Король съ главными силами дѣйствовалъ отдѣльно на Эльбѣ, осаждая крѣпость Штаде; Саксонцы и Поляки стояли безъ дѣла подъ Штральзундомъ; а Русскіе также не могли ничего сдѣлать подъ Штетиномъ, не имѣя осадной артиллеріи, которую, по условію, должны были поставить Саксонцы и Датчане. Но Саксонцы съ своею артиллеріею гдѣ-то замѣшкались, а Датчане не хотѣли дать своей пока не прибудетъ Саксонская. Можно себѣ представить, сколько такіе разсчеты и споры должны были огорчать Петра, который, 24 Іюля, прибылъ въ Русскій лагерь подъ Штетиномъ. Очевидно было, что невозможно ожидать успѣха, доколѣ этотъ многоголовый союзъ не будетъ повиноваться волѣ одного предводителя. Петръ въ сильныхъ выраженіяхъ представлялъ объ этомъ своимъ союзникамъ и настоятельно просилъ Датскаго Короля о немедленномъ доставленіи артиллеріи къ Штетину. «Еже ли же (заключаетъ Царь) сего моего прошенія исполнить не изволите, то я предъ Вами и всѣмъ свѣтомъ оправдаться могу, что сія компанія здѣсь не отъ меня опровергнута, и тогда я не виновенъ буду, что, будучи безъ дѣйства самъ, и людей своихъ принужденъ буду вывесть въ свою землю; ибо напраснаго убытку отъ дороговизны здѣшней, а наипаче безчестія отъ непріятелей понести не могу; прочее донесетъ Вамъ посолъ нашъ, Князь Долгоруковъ.» — Долгорукову, между прочимъ, было приказано напомнить, что Король еще въ прошломъ году обѣщалъ предоставить Царю главное начальство надъ своимъ флотомъ.

Въ ожиданіи отвѣта, Петръ отправился къ Штральзунду;— осмотрѣлъ Датскій флотъ, стоявшій при Рюгенѣ; выѣхалъ на встрѣчу къ тремъ Русскимъ кораблямъ, шедшимъ изъ Архангельска, и опять прибылъ къ Датскому флоту, командуя своимъ кораблемъ: Св. Петръ. Датскіе адмиралы и флагманы, получившіе въ то самое время указъ своего Короля: состоять въ распоряженіяхъ Русскаго Царя, приняли его, какъ главнокомандующаго. «Такъ везите жъ немедленно артиллерію къ Штетину» — было первое приказаніе Петра Датскому адмиралу Сегештету. Но четыре дня спустя, планы Короля опять

перемѣнились. Ему не хотѣлось содѣйствовать къ взятію Штетина, — потому, что Царь обѣщалъ этотъ городъ Королю Прусскому, въ замѣнъ прежде обѣщаннаго Эльбинга, который по неотступнымъ просьбамъ Поляковъ, надлежало возвратить республикѣ. По этому Сегештетъ, вступившій уже въ устье Одера, получилъ новый указъ Королевскій: не отдавать артиллеріи подъ Штетинъ.

Терпѣніе Петра подвергалось тяжкому испытанію. Но онъ скрылъ досаду и, видя невозможность руководить дѣйствіями союзниковъ, согласился дѣйствовать по ихъ планамъ. Положено было: — Саксонцамъ и Полякамъ бомбардировать Штральзундъ, а Русскимъ добывать Рюгенъ, обѣщанный Королю Датскому. Уже Меньшиковъ прибылъ съ Русскими войсками къ Вольгасту, — уже готовились перевозить войско на островъ — какъ вдругъ узнали, что сильный Шведскій флотъ, предъ которымъ Датчане бѣжали, присталъ къ Рюгену. Этотъ флотъ привезъ Графа Штеенбока съ 16 тысячами Шведовъ и съ огромнымъ количествомъ снарядовъ и продовольствія. Пять Шведскихъ кораблей прошли въ Штральзундъ, сквозь непрерывный огонь Саксонскихъ батарей, устроенныхъ на берегу, и подкрѣпили осажденныхъ людьми и припасами; между тѣмъ, Штеенбокъ съ главными силами высадился на островъ Рюгенъ, потерявъ однако при этой высадкѣ большую часть судовъ съ провіантомъ, сожженныхъ Датскими брандерами.

Планы союзниковъ совершенно разстроились. Надлежало оставить всѣ наступательныя дѣйствія, — дотолѣ, пока Датскій Король, взявшій между тѣмъ Штаде, не подкрѣпитъ союзную армію въ Помераціи. Петръ, которому все это чрезвычайно наскучило, ввѣрилъ Августу II главное начальство надъ своими войсками, простиравшимися до 20 тысячъ человѣкъ, и опять отправился къ Карлсбадскимъ водамъ, искать облегченія въ своихъ недугахъ, усиленныхъ безпрерывными огорченіями.

По своему обыкновенію, не оставлять безъ вниманія никакихъ достопримѣчательностей, Петръ, на пути чрезъ Виттен-

бергъ, пожелалъ осмотрѣть гробницу Лютера и бывшее его жилище. Ему показали и пресловутое чернильное пятно на

стѣнѣ Лютерова кабинета и разсказали при томъ извѣстную басню, какъ пылкій реформаторъ, занимаясь письмомъ, однажды увидѣлъ предъ собою незванаго гостя—сатану и, выведенный изъ терпѣнія его докуками, швырнулъ въ него чернилицей, отъ которой будто бы осталось это пятно. Петръ усмѣхнулся и, взявъ мѣлъ, подписалъ внизу: «*чернилы новыя и совершенно сие неправда.*»

Въ Карлсбадѣ встрѣтилъ его Графъ Вратиславъ, съ баталіономъ Императорской гвардіи, назначеннымъ для содержанія при Царѣ почетной стражи. Послѣ трехнедѣльнаго употребленія водъ, Петръ отправился въ Теплицъ, гдѣ тамошній владѣтель, Графъ Клари угостилъ его, въ своемъ новомъ дворцѣ, роскошнымъ обѣденнымъ столомъ, который былъ весьма продолжителенъ. Государь, нетерпѣвшій такихъ церемонныхъ обѣдовъ,

соскучился и на вопросъ Графа: — каковъ Вашему Величеству кажется мой новый дворецъ? — отвѣчалъ: «зданіе прекрасно, только графская кухня слишкомъ велика.»

Между тѣмъ, союзныя войска въ Помераніи были внезапно встревожены рѣшительными движеніями непріятелей, которые, лишившись, при высадкѣ на Рюгенъ, почти всѣхъ своихъ запасовъ, должны были оставить Померанію, чтобъ не погибнуть зимою отъ голода. Смѣлый и предпріимчивый Штеенбокъ, вынужденный необходимостію, рѣшился поправить свое затруднительное положеніе отважнымъ подвигомъ. Онъ быстро ударилъ, въ концѣ Октября мѣсяца, на Саксонцевъ, защищавшихъ тѣснины при Дамгартенѣ и пробился въ Мекленбургское герцогство. Его намѣреніе состояло въ томъ, чтобы въ дружественной съ Швеціею Голштиніи дать сперва отдыхъ своему войску, потомъ перенесть войну въ самое сердце Даніи и снова пред-

писать вѣроломной соперницѣ миръ, подобный Травендальскому. Какъ ни отважно казалось предпріятіе Шведскаго полководца, но его собственное искуство и мужество Шведовъ, въ соединеніи съ обстоятельствами, ручались, по видимому, въ успѣхѣ. Саксонцы и Датчане были ему не страшны; а осторожный Царь, — думалъ онъ, — не пойдетъ за нимъ на Ютландскій полуостровъ, когда его собственнымъ владѣніямъ угрожаетъ опасность со стороны Турціи. — Дѣйствительно, Турція, по пронскамъ Карла XII, опять разорвала миръ съ Россіею. Но Царь, имѣя въ готовности многочисленное войско, подъ начальствомъ Шереметева, въ Южной Россіи и въ Польшѣ, и надѣясь притомъ на искуство своей политики, не страшился Турковъ и, въ противность расчетамъ Штеенбока, не оставилъ его въ покоѣ.

Поспѣшивъ, при первомъ извѣстіи о движеніяхъ непріятелей, изъ Теплица къ своему войску и принявъ всѣ мѣры предосторожности, чтобъ не пропустить Штеенбока въ Польшу, Петръ двинулся, по его слѣдамъ, въ Мекленбургъ, между тѣмъ, какъ Датскій Король, шедшій изъ Голштиніи и соединившійся съ Саксонскимъ фельдмаршаломъ Флемингомъ, заслонилъ ему путь при Шверинѣ. Казалось, что Шведскій полководецъ, попавшійся въ сѣти, долженъ будетъ или положить оружіе, или погибнуть со всѣмъ своимъ войскомъ, если только союзники успѣютъ соединить всѣ свои силы. По этому Царь, посылая гонца за гонцемъ, убѣдительно просилъ Датскаго Короля, не давать сраженія прежде соединенія съ Русскими. «Но господа Датчане имѣя ревность не по разуму» — какъ выразился Петръ, — желали одни стяжать славу побѣдителей и предупредили прибытіе Русскихъ. Въ то время, какъ послѣдніе находились отъ нихъ только въ 4 миляхъ, они вступили въ сраженіе и были разбиты, 10 Декабря, при Гадебушѣ.

Ободренный побѣдою, Штеенбокъ безпрепятственно вступилъ въ Голштинію, сжегъ на пути, изъ одного только мщенія, Датскій городъ Альтону, перешелъ по льду чрезъ Эйдеръ и сталъ при Фридрихштадтѣ. Между тѣмъ, Петръ, справедливо огорченный неумѣстною горячностію Датчанъ, склонился

однакожъ на неотступныя просьбы Короля и послѣдовалъ за Штеенбокомъ. Дымящіяся развалины Альтоны вопіяли къ

нему о мщеніи. При видѣ ихъ, Русскій Густавъ-Адольфъ поклялся наказать Шведскаго Тилли и быстро двинулся къ Рендсбургу на Эйдерѣ, гдѣ Саксонцы и Датчане ожидали его съ нетерпѣніемъ.

Штеенбокъ, — предводитель столь же осторожный, какъ и отважный, — будучи остановленъ при Фридрихштадтѣ внезапною оттепелью, не упустилъ ничего, что только могло служить къ его оборонѣ. Открывъ шлюзы, онъ затопилъ водою всю болотистую окрестность, укрѣпилъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ батареями и перекопами двѣ насыпи, — единственные пути, ведущіе къ Фридрихштадту отъ Гузума и Швабштедта; отрядилъ въ крѣпость 4,000 войска и въ такомъ положеніи, среди неприступныхъ болотъ, почиталъ себя въ совершенной безопасности. Но ничто не могло остановить Петра. Онъ предложилъ, общими силами атаковать Фридрихштадтъ. Союзники, почитая предпріятіе совершенно невозможнымъ, не только отказались ему содѣйствовать, но даже боялись остаться одни праздными зрителями въ Гузумѣ. Царь оставилъ имъ въ подкрѣпленіе 4 полка Русскихъ и, сказавъ: «который постъ тяжелѣ, тотъ славнѣе» — устремился на непріятеля (31 Января 1713), съ своими гвардейскими полками, со стороны Швабштедта.

Русскіе, ободряемые присутствіемъ Монарха, быстро овладѣли батареями, завалили всѣ перекопы, взяли пушки, 300 плѣнныхъ и вытѣснили непріятеля, потерявъ только 7 человѣкъ убитыми. Побѣдители расположились въ Фридрихштадтѣ, а Шведы укрылись отъ преслѣдованія подъ пушками Теннигена.

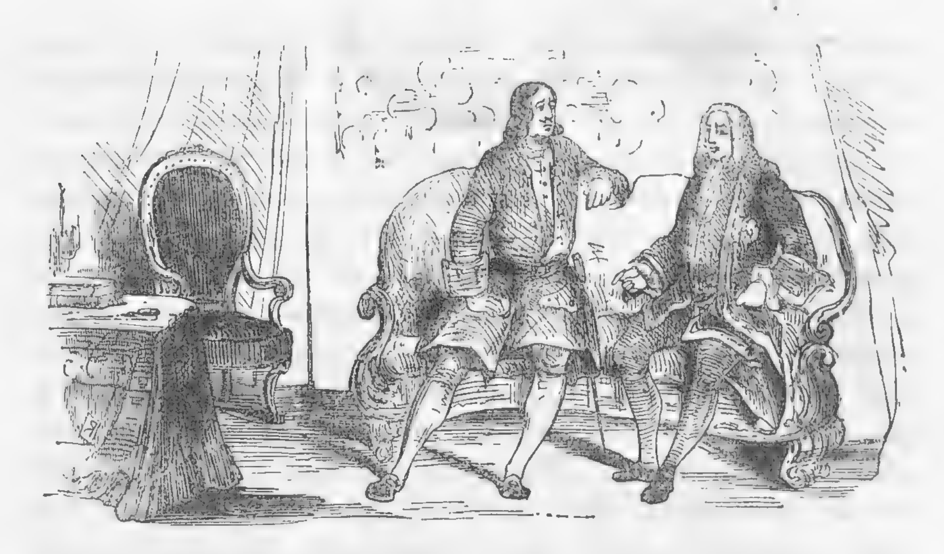
Послѣ неудачной попытки, возвратиться за Эйдеръ и пробраться назадъ въ Мекленбургскія земли, Штеенбокъ, посредствомъ тайнаго договора съ Голштинскимъ правительствомъ, открылъ себѣ ворота Тённигена и засѣлъ въ крѣпости. Союзники обложили его отвсюду своими войсками. Погибель Штеенбока была неизбѣжною. Петръ, видя, что его личное присутствіе въ Голштиніи болѣе уже не нужно, оставилъ (14 Февраля) свое войско съ Княземъ Меньшиковымъ въ распоряженіяхъ Короля Датскаго и предпринялъ обратный путь въ Россію, чтобъ со стороны Финляндіи нанесть Швеціи новые удары, чувствительнѣе уже понесенныхъ ею.

На пути чрезъ Ганноверъ, Царь удостоилъ своимъ посѣщеніемъ вдовствующую Курфирстину Ганноверскую, Софію, у которой онъ такъ весело пировалъ въ Коппенбриггѣ, во время своего перваго путешествія по Европѣ. Не одна вѣжливость, но и политическіе виды призывали его сюда. — Приближавшаяся кончина Англійской Королевы Анны скоро должна была

открыть Курфирсту Ганноверскому Георгу путь на престолъ Англіи. Поэтому Петръ спѣшилъ сблизиться съ будущимъ Королемъ, чтобъ склонить его на свою сторону, или, покрайней мѣрѣ, удержать отъ вмѣшательства въ дѣла сѣвернаго союза. Однако изъ письма его къ Меньшикову видно, что онъ не имѣлъ желаемаго успѣха: «Курфирстъ (писалъ Царь) зѣло склоненъ явился, совѣты многіе подавалъ, только чтобъ дѣломъ что исполнить, того ни какъ не хочетъ.»

Политическія дѣла и переговоры влекли Петра также и къ Берлинскому Двору. Прусскій Король Фридрихъ I въ это самое время скончался (25 Февраля 1713). Надлежало утвердить союзъ и дружбу съ его преемникомъ, Фридрихомъ Виль-

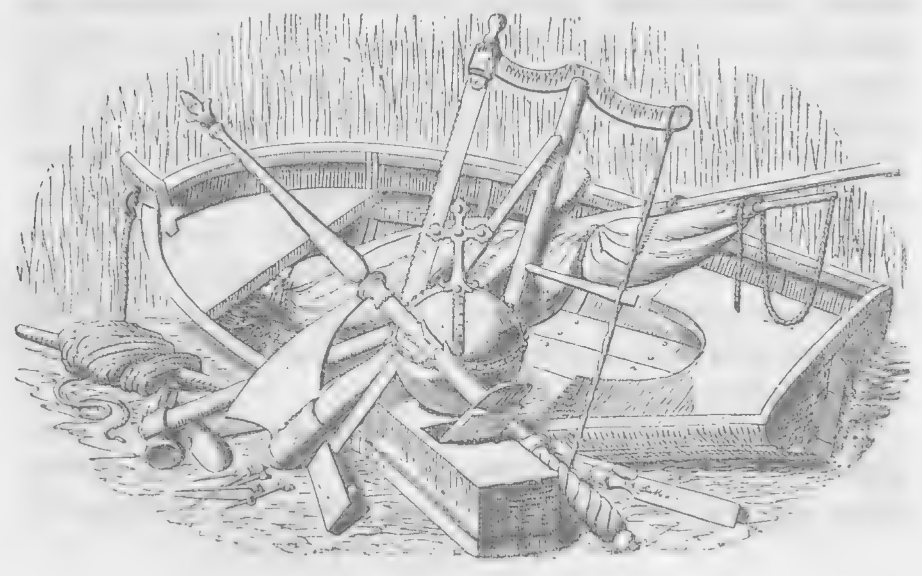
гельмомъ I. Петръ видѣлся съ нимъ въ Шенгаузенѣ, близъ Берлина, но ни къ чему не могъ его склонить, «для двухъ причинъ (какъ сказано въ письмѣ Царя къ Меньшикову): первое, что денегъ нѣтъ; другое, что еще много псовъ духа Шведскаго, а Король самъ политическихъ дѣлъ не искусенъ; а когда дастъ (себя) въ совѣтъ Министровъ, то всякими виды помогать станутъ Шведамъ; къ тому жъ онъ еще не осмотрѣлся. То видѣвъ я (продолжаетъ Царь), утвердя дружбу, оставилъ.»

По отъѣздѣ Петра изъ Германіи, союзные Короли опять завели между собою тайные переговоры, а Меньшиковъ съ Русскими почти одинъ дѣйствовалъ подъ стѣнами Тённингена, который сопротивлялся около трехъ мѣсяцевъ. Наконецъ (3 Мая) Русскій фельдмаршалъ принудилъ Штеенбока, съ 11,000 Шведовъ положить оружіе и сдаться на волю союзниковъ. Уничтоживъ это послѣднее Шведское войско, Меньшиковъ, а вслѣдъ за нимъ и союзники, возвратились въ беззащитную Померанію, взяли островъ Рюгенъ и приступили къ Штральзунду и Штетину. Осаду первой крѣпости принялъ на себя фельдмаршалъ Флемингъ съ Саксонцами, а вторую обложили Русскіе.

Между тѣмъ, политическіе вопросы: что дѣлать съ покоренными Шведскими областями и какъ поступить съ Голштиніею, которая нарушила предоставленный ей нейтралитетъ

принятіемъ Штеенбока въ Тённигенскую крѣпость — были камнемъ преткновенія для дипломатовъ и породили множество новыхъ плановъ и предначертаній. Данія считала Шлезвигъ и Голштинію своею добычею; но славный Голштинскій министръ, Баронъ Гёрцъ уничтожилъ ея замыслы и рѣшился даже сохранить и Померанію для Швеціи. По предначертанному имъ плану, одобренному кабинетами Лондона, Ганновера, Берлина и Вѣны, было положено: отдать Померанію, до совершеннаго окончанія войны, подъ секвестръ *нейтральной державѣ* — Пруссіи. Но неудовольствіе союзниковъ, особенно Датчанъ и упорное сопротивленіе осажденныхъ крѣпостей угрожали разрушеніемъ и этому плану. Кончилось однакожь тѣмъ, что Штетинскій комендантъ Мейерфельдъ, устрашенный Русскими бомбами, положилъ оружіе, — а Меньшиковъ, опутанный хитростями Гёрца и Флеминга, отдалъ Штетинъ подъ секвестръ Королю Прусскому и заключилъ съ нимъ договоръ объ отдачѣ ему и всей Помераніи. Хотя Датскій Король вознегодовалъ на это самоуправство, а Петръ, опасаясь потерять союзника, не утвердилъ договора, — однако Штетинъ остался подъ властію Пруссіи, а Штральзундъ и другія крѣпости предположено было отдать въ управленіе Короля Августа II и Администратора Голштинскаго.

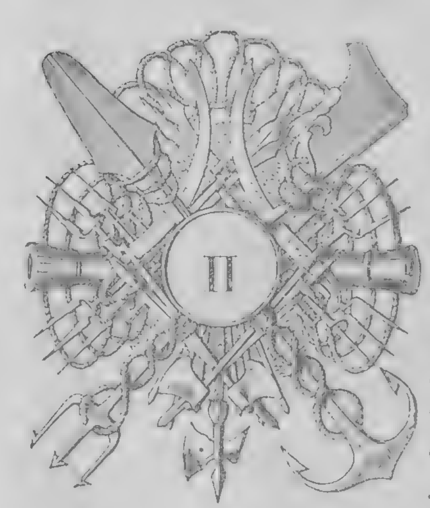
Война въ Помераніи кончилась, — Русскіе возвратились въ отечество.

ГЛАВА XXVI.

ПОКОРЕНІЕ ФИНЛЯНДІИ.

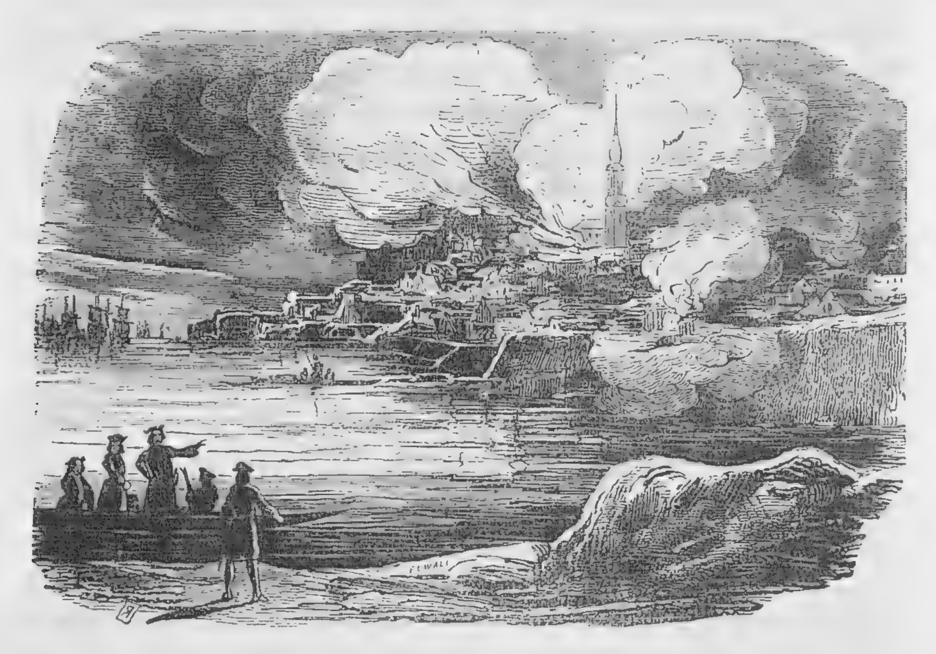

околебавъ господство Швеціи на южныхъ берегахъ Балтійскаго моря, Петръ, по прибытіи въ Петербургъ (22 Марта) немедленно, съ обычною дѣятельностію, занялся приготовленіями къ походу въ Финляндію, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ овладѣть этою страною, не для того, чтобы на всегда удержать ее, но чтобъ скорѣе привесть—«*Шведовъ къ резону и къ склонности къ миру и чтобъ было что при мирѣ уступить.*» Датскій Король съ своей стороны обѣщалъ содѣйствовать этому предпріятію Царя нападеніемъ изъ Норвегіи, однако не сдержалъ своего слова.

Въ концѣ Апрѣля, болѣе 200 гребныхъ судовъ галернаго флота, съ 16,000 человѣкъ войска выступили изъ Петербурга, подъ главнымъ предводительствомъ генералъ-адмирала Графа

Апраксина, у котораго подъ командою состоялъ самъ Государь, подъ именемъ контръ-адмирала Петра Михайлова, начальствуя авангардомъ. Гельсингфорсъ, важный по своей обширной и прекрасной гавани, Борго и другіе приморскіе города и крѣпости южной Финляндіи были ближайшею цѣлью похода.

8 Мая Русскій флотъ безпрепятственно достигъ Гельсингфорса, который былъ защищаемъ отрядомъ генералъ-маіора Армфельда. Послѣ двукратнаго покушенія, пробиться сквозь баттареи, построенныя при входѣ въ гавань, Русскіе, могшіе съ своими малыми судами вездѣ пристать къ берегу, высадились по западную сторону города и готовились ударить на непріятеля съ тыла. Но въ ночи на 11 Мая, вдругъ увидѣли весь

городъ въ пламени. Армфельдъ, не видя возможности защищаться въ немъ съ своимъ малымъ корпусомъ, самъ зажегъ его и отступилъ къ Борго, на соединеніе къ генералу Либекеру. Русскіе послѣдовали за нимъ и (14 Мая) безпрепятственно заняли Борго, принудивъ Либекера со всѣмъ его корпусомъ искать спасенія во внутренности страны. Но они не могли преслѣдовать непріятеля, за неимѣніемъ кавалеріи.

которая только по травѣ долженствовала выступить изъ Петербурга и, слѣдуя по берегу чрезъ Выборгъ вмѣстѣ съ обозами, еще не подоспѣла на подкрѣпленіе къ флоту. По этому, въ ожиданіи ея прибытія, было положено, обезпечить военныя дѣйствія на будущее время устроеніемъ запаснаго магазина. Петръ самъ отыскалъ удобное для этого мѣсто, по близости къ Борго, повелѣлъ его укрѣпить и сложить тамъ весь провіантъ. Потомъ, оставивъ свое войско, заѣхалъ въ Выборгъ и, двинувъ оттуда генералъ-лейтенанта Волконскаго съ кавалеріею, къ Апраксину, прибылъ въ Кроншлотъ и Петербургъ, чтобъ принять мѣры къ умноженію и скорѣйшему вооруженію своего корабельнаго флота.

Вскорѣ вице-адмиралъ Крюйсъ, начальствовавшій этимъ флотомъ, получилъ возможность вступить подъ паруса, для прикрытія галеръ отъ непріятельской эскадры, появившейся въ Финскомъ заливѣ; а Царь, проведшій нѣсколько недѣль среди безпрерывной дѣятельности, то въ Кроншлотѣ, то въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, — отправился опять, въ концѣ Іюля мѣсяца, съ новымъ запасомъ продовольствія, къ адмиралу Апраксину, который тѣмъ временемъ перешелъ уже изъ Борго къ Гельсингфорсу и вытѣснилъ изъ тамошней гавани нѣсколько непріятельскихъ кораблей, искавшихъ въ ней убѣжища. Петръ, прибывшій туда 6 Августа и принявшій, по единодушной просьбѣ генераловъ, офицеровъ и войска, чинъ полнаго сухопутнаго генерала, повелѣлъ укрѣпить гавань и, оградивъ ее отъ входа непріятелей съ моря, пустился преслѣдовать Шведовъ на сушѣ.

Либекеръ, начальствовавшій Шведскимъ корпусомъ въ Финляндіи, какъ бы одержимый паническимъ страхомъ, не смѣлъ нигдѣ противупоставить Русскимъ сильнаго отпора. Его мелкіе отряды, настигаемые конницею, гибли или попадались въ плѣнъ. Русскіе по всему южному берегу Финляндіи встрѣчали только опустѣлыя деревни и села; въ самомъ Або, столицѣ Финляндіи, они, къ немалому удивленію, не нашли ни войскъ, ни жителей, — все было пусто. Страхъ загналъ всѣхъ во внутренность страны. Въ числѣ добычи, полученной въ этомъ городѣ, самымъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для Петра была уни-

верситетская библіотека, немедленно отправленная въ Петербургъ.

На обратномъ пути изъ Або, Петръ подъѣзжалъ на шлюпкѣ къ самому непріятельскому флоту, стоявшему при Твереминде, осмотрѣлъ положеніе береговъ, всѣ проходы между островами и шхерами и письменно доносилъ адмиралу, что «непріятель стоитъ зѣло осторожно, и для того нападеніе учинить опасно, а особливо въ нынѣшнія темныя ночи.»

По возвращеніи въ Гельсингфорсъ (8 Сентября), Петръ, чрезъ два дня отправился въ Петербургъ, поручивъ Апраксину продолжать поиски надъ непріятелемъ. Графъ Апраксинъ съ успѣхомъ исполнилъ возложенное на него порученіе. Узнавъ, что генералъ Армфельдъ, смѣнившій Либекера, собралъ всѣ свои силы при Тавастгусѣ, — Русскій адмиралъ поручилъ флотъ контръ-адмиралу Графу Боцису и вмѣстѣ съ генераломъ Голицынымъ двинулся на непріятеля. Онъ нашелъ Шведовъ въ 4 миляхъ отъ Тавастгуса, за рѣкою Пелкене, между двумя озерами, и, переправивъ войско на плотахъ чрезъ рѣку и озеро, одержалъ надъ ними (6 Октября) послѣ 3 часовъ упорной битвы побѣду, которая блистательно окончила военныя дѣйствія Русскихъ въ 1713 году.

Вся южная Финляндія была очищена отъ Шведовъ, — оставалось только уничтожить ихъ морскія силы и утвердить господство Русскаго флота на водахъ Балтійскаго моря.

Петръ готовился къ этому важному подвигу съ величайшею ревностію и не давалъ покоя ни себѣ, ни другимъ. Разъѣзжая между Петербургомъ, Кроншлотомъ, Ревелемъ, Перновомъ и Ригою, Царь укрѣплялъ гавани, вооружалъ корабли, обучалъ матросовъ. Царевичь Алексѣй долженъ былъ, между тѣмъ, въ Новогородскихъ лѣсахъ надзирать за заготовленіемъ и отправкою къ назначеннымъ мѣстамъ корабельныхъ потребностей. На верфяхъ въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ трудились неутомимо во всю зиму. Въ то же время, въ Голландіи, Англіи и Франціи, Русскіе посланники, по порученію Царя, покупали и заказывали корабли, нанимали въ службу морскихъ офицеровъ, шкиперовъ и проч. Въ Финляндіи, зимовавшій тамъ Голицынъ пріискивалъ опытныхъ лоцмановъ, знакомыхъ съ водами Ботническаго залива; въ Архангельскѣ всѣ лучшіе

изъ рыбаковъ, по повелѣнію Царя, были забраны въ матросы. Повсюду царствовала неимовѣрная дѣятельность, одушевляемая твердою надеждою на блестящіе успѣхи.

Князь Голицынъ, счастливо окончивъ походъ прошлаго года, началъ и въ новомъ 1714 году военныя дѣйствія въ Финляндіи славною побѣдою при Вазѣ, гдѣ послѣднія сухопутныя силы Швеціи, состоявшія подъ начальствомъ Армфельда, въ числѣ 8 или 10 тысячъ человѣкъ, были разбиты на голову (19 Февраля). Вслѣдъ за тѣмъ, въ Маѣ мѣсяцѣ, и Русскіе флоты — галерный и корабельный — оставили Кроншлотъ. Первымъ начальствовалъ Апраксинъ, вторымъ самъ Государь, въ званіи контръ-адмирала. Одинъ направилъ путь къ Ревелю, другой къ Або.

Еще предъ тѣмъ, царственный контръ-адмиралъ Петръ Михайловъ просилъ адмиралтейскую коллегію о повышеніи его въ вице-адмиралы. Но коллегія, признавая его заслуги и обѣщая ему это достоинство за первое отличіе, отвѣчала, что она теперь еще не можетъ, безъ обиды, предпочесть его другому, старшему по службѣ. Царь похвалилъ справедливость членовъ коллегіи. «Еслибъ они,» сказалъ онъ, «изъ ласкательства предпочли меня моему достойному товарищу, то не остались бы безъ наказанія (*).»

Петру скоро представился случай, заслужить требуемое достоинство блестящимъ подвигомъ.

Русскій галерный флотъ, достигшій Твереминдскаго залива, между Гельсингфорсомъ и Або, былъ остановленъ и почти запертъ непріятельскимъ флотомъ, который, подъ начальствомъ адмирала Ватранга, въ числѣ 16 линейныхъ кораблей, 5 фрегатовъ и 7 меньшихъ судовъ, стоялъ на его пути, противъ каменистаго мыса Гангоуда. Апраксинъ потребовалъ отъ контръ-адмирала или помощи кораблями, или совѣта. Петръ, не отваживаясь дѣйствовать кораблями у незнакомыхъ береговъ, между шхерами, — поспѣшилъ самъ на совѣтъ къ адмиралу; увидѣлъ

(*) Штелинъ. Анекд.

опасность и принялъ рѣшительныя мѣры. Обманувъ непріятельскаго адмирала искусными движеніями и заставивъ его раздѣлить свои силы на три части, Царь повелѣлъ своимъ галерамъ пробиваться сквозь непріятеля. Сама природа вспомоществовала ему: настала совершенная тишь и Шведскіе корабли стали, какъ на якорѣ. Тогда Русскіе, предъ разсвѣтомъ 27 Іюля, удвоивъ силы, быстро, смѣло и безвредно промчались, на греблѣ, мимо изумленнаго Шведскаго адмирала и стремительно ударили на часть его флота, находившуюся на западной сторонѣ Гангоуда, подъ начальствомъ контръ-адмирала Эреншильда. Петръ былъ впереди, исполняя долгъ и солдата, и лоцмана, и матроса, — и смѣлаго вождя. Два часа кипѣла отчаянная битва. Шведы защищались до послѣдней крайности; ни одно судно не сдавалось добровольно; всѣ были взяты абордажемъ. Эреншильдъ, покрытый ранами, послѣдній покинулъ свой фрегатъ и бросился въ шлюпку, въ надеждѣ скрыться

въ дыму отъ непріятеля. Онъ былъ пойманъ и, приведенный къ своему побѣдителю, нашелъ въ немъ великодушнаго героя, умѣвшаго цѣнить храбрость и въ самомъ непріятелѣ.

Эта первая морская побѣда Русскихъ, — незначительная, судя по потерѣ непріятелей, состоявшей изъ 1 фрегата, 6 галеръ и 3 шхерботовъ, съ 116 пушками, — имѣла весьма

важныя послѣдствія. Русскіе открыли себѣ безпрепятственный путь къ Аландскимъ островамъ и, овладѣвъ ими, распространили ужасъ въ самомъ Штокгольмѣ. Адмиралъ Ватрангъ спѣшилъ оставить берега Финляндіи, чтобы прикрыть столицу Швеціи: Финскій заливъ былъ совершенно очищенъ отъ непріятелей. Въ то же время (29 Іюля), взятіе Нейшлота, послѣдней Шведской крѣпости въ Кареліи, положило конецъ господству Шведовъ и на сухомъ пути въ Финляндіи. Чтобъ совершенно очистить отъ нихъ эту страну, адмиралъ Апраксинъ двинулся съ галерными флотомъ отъ Аланда, вдоль по берегу Ботническаго залива, на сѣверъ и дошелъ до города Ню-Карлеби, подкрѣпляя дѣйствія конницы, которая, подъ предводительствомъ генераловъ Брюса и Голицына, преслѣдовала слабые Шведскіе отряды повсюду и загнала ихъ за Улеаборгъ и Торнео. Не довольствуясь еще этимъ, адмиралъ рѣшился ознакомиться и съ берегами собственной Швеціи: по его повелѣнію, генералъ-маіоръ Алексѣй Головинъ, съ эскадрою изъ 9 галеръ, сдѣлалъ набѣгъ на городъ Умео, распространилъ ужасъ по всей окрестности и, запасшись на будушее время нѣсколькими лоцманами, возвратился къ своему флоту. Наступившая осень заставила Русскихъ прекратить свои поиски и предпринять обратный путь, на которомъ болѣе 200 человѣкъ и 16 галеръ сдѣлались жертвою бури.

Между тѣмъ Царь, который, послѣ славнаго подвига при Гангоудѣ, провелъ свои галеры къ Аландскимъ островамъ и, соединившись съ корабельнымъ флотомъ, спѣшилъ обрадовать столицу побѣднымъ тріумфомъ, — также былъ застигнутъ бурею. (1 Сентября) близъ Березовыхъ острововъ. Разъяренное море угрожало поглотить и побѣдителей, и побѣжденныхъ. Мракъ ночи увеличивалъ опасность; — бѣдствіе достигло до того, что уже готовились рубить мачты. Но Петръ, забывая собственную опасность, бросился въ шлюпку, послѣ долгой борьбы съ волнами отыскалъ берегъ и яркимъ пламенемъ освѣтилъ своимъ бѣдствующимъ кораблямъ путь къ безопасному убѣжищу.

Флотъ достигъ Березовыхъ острововъ, оттуда (4 Сентября) прибылъ въ Кроншлотъ и, поспѣшая въ Петербургъ, былъ еще нѣсколько дней задержанъ противными вѣтрами въ устьѣ Невы, противъ Екатерингофа, гдѣ Царица Екатерина радостно привѣтствовала своего супруга, увѣнчаннаго побѣдою надъ врагами и бурнымъ моремъ.

9 Сентября побѣдители въѣхали въ Неву на пяти великолѣпно украшенныхъ галерахъ, съ побѣдными трофеями и съ

Шведскою эскадрою. Ихъ встрѣтило радостное, безпрерывное *ура* безчисленнаго народа и неумолкаемый громъ орудій.

По отнесеніи Шведскихъ знаменъ и штандартовъ въ соборъ Петра и Павла, контръ-адмиралъ Петръ Михайловъ вошелъ въ Сенатъ, велѣлъ доложить о себѣ Его Величеству Князю Кесарю и подалъ рапортъ о Гангеудской побѣдѣ. Кесарь, сидя на тронѣ, окруженный сенаторами, «изволилъ спрашивать о здоровьѣ и службу похвалить.» Потомъ провозгласилъ со всѣми присутствующими: «*Здравствуй Вице-Адмиралъ!*» Поблагодаривъ Кесаря за милость и вышедъ изъ Сената, Петръ съ самодовольствіемъ выкинулъ вице-адмиральскій флагъ на своей галерѣ и поспѣшилъ на веселый пиръ къ Князю Меньшикову, не забывъ пригласить и плѣннаго Эреншильда, который своею храбростью заслужилъ его особенную милость. «Вы видите здѣсь,» сказалъ Царь присутствовавшимъ, указывая на своего плѣнника, «вы видите здѣсь вѣрнаго и храбраго слугу своего Государя. Хотя онъ побилъ у меня много храбрыхъ солдатъ, но онъ этимъ исполнялъ свой долгъ и тѣмъ большаго достоинъ уваженія.»

Скоро новый Вице-Адмиралъ сталъ опять корабельнымъ мастеромъ и, принявшись за топоръ и молотъ, 28 Сентября спустилъ на воду линейный 64—пушечный корабль — Шлис-

сельбургъ. Спускъ корабля всегда былъ для Петра пріятнѣйшимъ зрѣлищемъ. Въ такіе дни, — которые въ теченіе 1714 года особенно часто повторялись, — онъ чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ и довольнымъ. Въ этотъ разъ окруженный своими вельможами, генералами, иностранными министрами, художниками и учеными, смотря съ борта спущеннаго имъ корабля на свою юную столицу и вспоминая свои недавнія побѣды, творецъ величія Россіи, казалось, самъ былъ пораженъ величіемъ своего подвига. Его чувства излились въ слѣдующей рѣчи, достойной вниманія потомства.

«Товарищи! кто бы изъ васъ, за 20 лѣтъ предъ симъ, могъ «представить себѣ, что здѣсь, при берегахъ Балтійскаго моря, «мы будемъ побѣждать непріятелей на корабляхъ построен-«ныхъ нашими руками, и что мы поселимся въ сихъ мѣстахъ, «пріобрѣтенныхъ нашими трудами и мужествомъ? Думали ль «вы, въ такое краткое время увидѣть такихъ побѣдоносныхъ «солдатъ и матросовъ изъ природныхъ Россіянъ, и городъ «сей населеннымъ такимъ множествомъ и Русскихъ уроженцевъ, «и чужестранныхъ художниковъ, ремесленниковъ, людей торго-«выхъ и ученыхъ, пріѣхавшихъ добровольно водвориться между «нами? Думали ль вы, что мы пріобрѣтемъ такое уваженіе «отъ всѣхъ владѣтелей? Писатели поставляютъ древнее оби-«талище наукъ въ Греціи; изгнанныя оттуда судьбами, онѣ «укрылись въ Италіи, потомъ разсѣялись по Европѣ до самой «Польши; но въ отечество наше не проникли по нерадѣнію «нашихъ предковъ; и мы оставались въ той же тмѣ, въ «какой прежде были и всѣ Нѣмецкіе народы...... Теперь «пришла и наша череда, если только вы захотите искренно «и безпрекословно вспомоществовать моимъ намѣреніямъ при-«соединяя къ повиновенію трудъ и терпенье. Науки круговра-«щаются въ свѣтѣ на подобіе крови въ человѣческомъ тѣлѣ, «и я надѣюсь, что онѣ скоро переселятся и къ намъ, и, «утвердя у насъ свое владычество, возвратятся наконецъ въ «прежнее свое обиталище — Грецію. Я предчувствую, что «Русскіе, когда нибудь, а можетъ еще и при нашей жизни, «пристыдятъ самые просвѣщенные народы своими успѣхами

«въ наукахъ, неутомимостію въ трудахъ и величествомъ твер-
«дой и громкой славы.»

Такъ говорилъ самъ виновникъ славы и величія Россіи, начинавшій уже вкушать плоды сѣмянъ, посѣянныхъ его творческою рукою, и, съ новыми силами, съ новою любовью продолжалъ трудиться для великой цѣли.

Въ эти минуты высокаго самосознанія Петръ вспомнилъ, что безъ Екатерины, онъ, можетъ быть, былъ бы остановленъ среди своего творческаго поприща и, проникутый чувствомъ признательности къ заслугамъ своей супруги, освободившей его отъ величайшей опасности при Прутѣ, учредилъ орденъ Св. Екатерины, названный потому *Орденомъ Свобожденія*

24 Ноября, въ день тезоименитства Царицы, Петръ торжественно возложилъ на нее орденскіе знаки.

Наступившая зима, — какъ и всегда почти, — была для Петра временемъ мирныхъ государственныхъ трудовъ и заботъ, среди которыхъ его непринужденная веселость нерѣдко обнаруживалась въ самыхъ странныхъ затѣяхъ. Къ такимъ принадлежитъ придворный маскарадъ, данный по случаю свадьбы *Князя-Папы*, Зотова, 84-лѣтняго старца, съ 34-лѣтнею вдовою.

Необыкновенный во всемъ, Преобразователь Россіи часто дѣйствовалъ на свой народъ особенными, странными и только ему и его времени свойственными средствами, осмѣивая современные пороки, слабости, причуды и старинныя привычки. Къ числу такихъ средствъ, вѣроятно, принадлежитъ и званіе *Князя-Папы,* съ которымъ соединялась обязанность, пьянствовать всенародно, съ толпою Кардиналовъ. Въ это званіе, равно какъ и въ кардинальское, возводились тѣ изъ людей чиновныхъ, которые были извѣстны своею привязанностію къ стариннымъ обычаямъ и страстью къ вину. Первымъ Княземъ-Папою былъ наставникъ Петровой юности—тайный совѣтникъ Никита Моисеевичь Зотовъ, вторымъ — Петръ Ивановичь Бутурлинъ и третьимъ, провіантскій чиновникъ Строгостъ, величайшій пьяница своего вѣка.

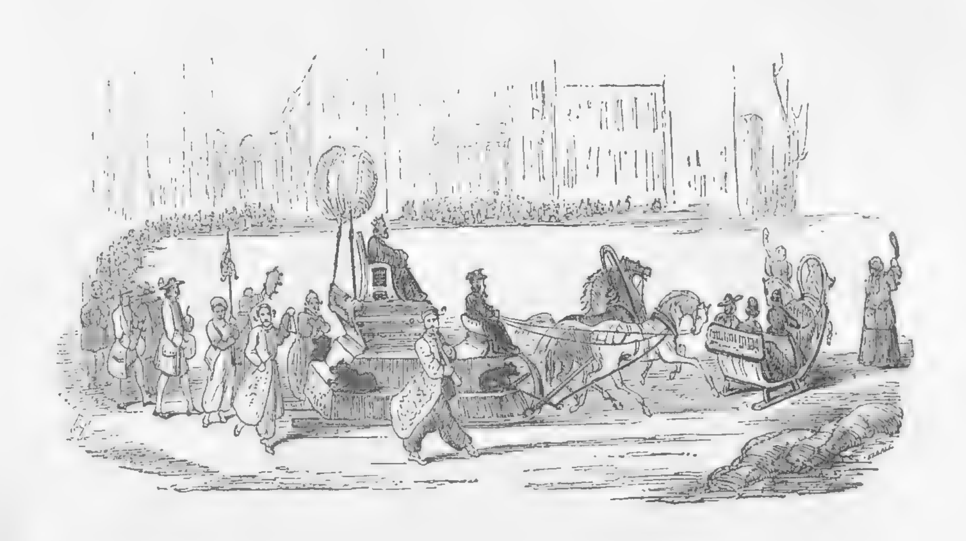
Всѣ знатнѣйшія лица обоихъ половъ, въ числѣ 400 человѣкъ, разряженныя въ платья *всесвѣтнаго манира,* со всевозможными музыкальными инструментами, должны были принять участіе въ этомъ, никогда не виданномъ, карнавалѣ, который происходилъ всенародно на улицахъ Петербурга и продолжался съ 16 Января 1715 въ теченіе нѣсколькихъ дней.

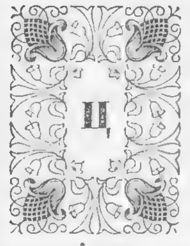
Приглашеніе къ свадьбѣ, написанное самимъ Петромъ еще 21 Сентября 1714, заслуживаетъ вниманіе, по своей оригинальности. «Позвать вѣжливо (сказано въ немъ), особливымъ штилемъ неторопясь: Тово, кто фамиліею своею гораздо старѣе чорта (то есть Оберъ-Корсицкаго Маразина).

«Лучшаго изъ пустыхъ хвастуновъ Бѣлохвастова, который, кромѣ души, весь въ заплатахъ.

«Тово, кто съ похмѣлья гораздо прытокъ....» и проч. и проч.; – наконецъ: «Тово ково Князь чортъ Смоленскій изъ яйца вынялъ хуже прежняго, а и до того была Шпанская мушка, ни ямапъ, ни якши средней руки (*).»

Послѣ жениха въ кардинальскомъ нарядѣ, главнымъ лицемъ этого празднества былъ Князь Кесарь Ромодановскій, въ одеждѣ Царя Давида, съ рылями, сидѣвшій на возвышеніи, въ огромныхъ саняхъ, окруженный четырьмя страшными медвѣдями, которыхъ оглушительный ревъ вторилъ треску и визгу *мусикійскихъ орудій*.

арь въ это время имѣлъ тѣмъ бо́льшее право на подобныя увеселенія, чѣмъ благопріятнѣе были отношенія его и Россіи къ сосѣдямъ. Турція, грозившая въ теченіе 4 лѣтъ войною, успокоилась и возобновила миръ. Швеція, доведенная до крайняго изнеможенія, трепетала предъ Русскимъ оружіемъ и скоро должна была отказаться отъ бѣдственной борьбы. Польша, успокоенная содѣйствіемъ Царя, состояла подъ его

(*) Голиковъ. Дополн. X., 247.

вліяніемъ. Императоръ и многіе владѣтели Германскіе искали дружбы Россіи и родственнаго союза съ Петромъ. Европа смотрѣла на великаго Царя со страхомъ и почтеніемъ, — Азія приносила ему дань удивленія. Онъ могъ, по праву, вложить свой мечь въ ножны и, послѣ 15-лѣтнихъ кровавыхъ трудовъ, дать на время покой себѣ и государству.

ГЛАВА XXVII.

КАРЛЪ XII ВЪ ШТРАЛЬЗУНДѢ. РАСПРОСТРАНЕНІЕ И ДѢЙСТВІЯ СѢВЕРНАГО СОЮЗА. ПЛАНЫ ГЕРЦА. ПЕТРЪ ВЪ ГОЛЛАНДІИ И ФРАНЦІИ.

райнее изнуреніе Швеціи, несогласія между ея противниками, своекорыстные виды Голштиніи и Пруссіи, вмѣшательство Императора, Англіи и Голландіи въ дѣла Сѣвернаго союза, — наконецъ общая зависть и союзниковъ Петра, и другихъ Европейскихъ государствъ къ могущественной Россіи—предвѣщали, казалось, близкій конецъ войны на Сѣверѣ. Шведскій Сенатъ, потерявъ надежду на возвращеніе Карла XII, пригласилъ, еще въ концѣ 1713 года, его сестру Ульрику-Элеонору принять участіе въ правленіи и именемъ отсутствующаго Короля созвалъ государственный сеймъ въ Стокгольмѣ, для разсужденія о мѣрахъ къ спасенію отечества.

Сеймъ единодушно призналъ, что Швеція не въ состояніи долѣе бороться и что одинъ только миръ можетъ отвратить совершенное паденіе государства. Правительство готовилось уже начать переговоры съ Даніею, между тѣмъ, какъ личныя выгоды, равно какъ и представленія Шведскихъ посланниковъ, побудили Англію и Голландію вступить въ посредничество, для заключенія мира или перемирія между всѣми воюющими державами; а желаніе, удалить войну отъ предѣловъ Германіи, заставило Императора, въ 1714 году, возобновить засѣданія Брауншвейгскаго мирнаго конгресса, созваннаго еще въ 1712 году, по случаю жалобъ Германскихъ князей, которыхъ земли страдали отъ близости театра войны и безпрестаннаго перехода войскъ.

Но всѣ надежды на миръ рушились, отъ несчастнаго упорства Карла XII. Узнавъ о дѣйствіяхъ своего Сената, онъ прислалъ грозное повелѣніе: распустить немедленно государственные чины и не вступать, безъ его вѣдома, ни въ какіе переговоры ни съ врагами, ни съ друзьями. Говорятъ (*) даже, что онъ, огорченный извѣстіемъ о намѣреніи нѣкоторыхъ сенаторовъ провозгласить Ульрику Элеонору Правительницею государства, грозился *прислать свой сапогъ для управленія ими.*

Несчастія не только не внушили Карлу благоразумной уступчивости, но еще болѣе возвысили упорство его характера. Въ теченіе своего пяти-лѣтняго пребыванія въ Турціи, онъ безпрерывно колебалъ Порту своими происками, желая, при ея помощи, сокрушить Россію и наказать всѣхъ своихъ непріятелей. Ни какія преграды не могли поколебать его намѣреній. По заключеніи Прутскаго мира, Карлъ, поклявшись отомстить визирю Балтаджи Мегмеду, сдержалъ свое слово. Визирь былъ свергнутъ, Юсуфъ-паша возведенъ на его мѣсто, и Диванъ опять объявилъ войну Россіи, подъ тѣмъ предлогомъ, что Царь медлитъ выполненіемъ условій договора. Карлъ XII, въ несомнѣнной надеждѣ на содѣйствіе Турковъ, послалъ уже своему генералу Штеенбоку повелѣніе, выступить изъ Швеціи съ 17-тысячнымъ корпусомъ на встрѣчу къ Туркамъ, и взволновалъ своими воззваніями приверженцевъ

(*) Вольтеръ.

Станислава въ Польшѣ. Но возвращеніе Азова успокоило Султана и вмѣсто войны, долженствовавшей открыться весною 1712 года, съ Россіею заключенъ былъ договоръ, на основаніи Прутскаго. Карлу XII опять приказано было удалиться изъ владѣній Султана; но онъ не хотѣлъ иначе оставить Турціи, какъ предводительствуя 100-тысячною арміею, и вскорѣ опять успѣлъ своими происками перемѣнить мысли Султана. Въ Ноябрѣ 1712 года послѣдовало опять низверженіе визиря, заточеніе Шафирова, Шереметева и Толстаго, и объявленіе войны Россіи. Султанъ самъ готовился принять начальство надъ войскомъ и въ началѣ 1713 года выѣхалъ, со всѣмъ своимъ дворомъ въ Адріанополь, назначенный сборнымъ мѣстомъ для Турецкой арміи. Между тѣмъ Татары уже вторглись въ Русскіе предѣлы и опустошили Украйну. Надежды Карла ожили снова, но онъ самъ разрушилъ ихъ своимъ высокомѣріемъ. Называясь другомъ и союзникомъ Султана, Шведскій Король слишкомъ возносился предъ Визиремъ и Турецкими пашами, которые съ своей стороны видѣли въ немъ только Короля-изгнанника и хотѣли обращаться съ нимъ, какъ покровители, а не какъ подчиненные. Не удовлетворяя ни тщеславію, ни корыстолюбію Турковъ и оскорбляя всѣхъ своею гордостію, онъ скоро вооружилъ противъ себя всѣхъ окружавшихъ Султана, которому онъ чрезвычайно наскучилъ, безпрестаннымъ требованіемъ денегъ. Кончилось тѣмъ, что Султанъ далъ повелѣніе, силою выпроводить Карла изъ Турціи, если онъ не удалиться добровольно. Карлъ укрѣпился въ своемъ Бендерскомъ селеніи — Варницѣ, и рѣшился съ горстью Шведовъ (около 1,000 человѣкъ) защищаться отъ 14 тысячъ Татаръ и Турковъ. Турки просили, приказывали, убѣждали, стращали, — все тщетно! Карлъ въ насмѣшку грозилъ имъ обрубить бороду. Раздраженные такою обидою, Турки бросились на Шведовъ и почти всѣхъ забрали въ плѣнъ. Король, однакожь, вырвался отъ нихъ, съ 20 или 50 человѣками, заперся въ своемъ домѣ, и изъ оконъ перебилъ многихъ противниковъ. Наконецъ, домъ загорѣлся отъ пущенныхъ Турками бомбъ и стрѣлъ съ горючими веществами. Король,— какъ изступленный, съ пистолетомъ въ одной, съ мечемъ въ

другой рукѣ, выскочилъ изъ пламени, врѣзался въ толпу Янычаръ, рубилъ и кололъ на всѣ стороны, доколѣ, наконецъ, подавленный множествомъ, не былъ обезоруженъ и взятъ въ плѣнъ. Его отвезли въ замокъ Демотику, близъ Адріанополя, откуда перевели потомъ въ деревню Демирташъ.

Но, еще и послѣ этого, счастье едва не обратилось опять къ Карлу. Султанъ, раскаялся въ жестокомъ поступкѣ съ своимъ знаменитымъ гостемъ и опять принялъ его сторону, внявъ представленіямъ Французскаго посланника. Визирь, муфти, сераскиръ Бендерскій, Крымскій ханъ и другіе исполнители Султанскаго указа лишились своихъ мѣстъ. Русскій посолъ и заложники остались по прежнему въ Семибашенномъ. Новый визирь, честолюбивый и предпріимчивый Ибрагимъ—паша, сблизился съ Карломъ, и Турецкая армія, при которой находился и Станиславъ Лещинскій, двинулась къ Хотину. Но надежда только мелькнула передъ Карломь и вскорѣ совершенно исчезла. Представленія Англійскаго и Голандскаго посланниковъ, противудѣйствовавшихъ проискамъ Франціи, — успѣхи Сѣверныхъ союзниковъ въ Помераніи и Голштиніи,—выступленіе Русскихъ войскъ изъ Польши,—наконецъ, многочисленная Русская армія, стоявшая въ готовности на предѣлахъ Турціи, сильно говорили въ пользу Царя и мира съ Россіею; а непомѣрная гордость Карла, оскорблявшая всѣхъ, его безпрестанные происки, потрясавшіе Турецкое правительство и, происходившее отъ того, общее негодованіе и пашей, и народа на Шведовъ и ихъ покровителей, были причиною, что Султанъ, страшась возмущенія, долженъ былъ совершенно оставить своего безпокойнаго гостя. Толстой, Шафировъ и Шереметевъ, получившіе свободу, возобновили переговоры съ Турками и 13 Іюня, въ Адріанополѣ, заключили мирный договоръ, на основаніи Прутскаго.

Столько разъ обманутый въ своихъ надеждахъ на содѣйствіе Порты, Карлъ все еще не хотѣлъ отъ нихъ отказаться и болѣе года пробылъ еще въ Турціи, ведя безполезные переговоры съ Августомъ II и тщетно ожидая перемѣны обстоятельствъ. Наконецъ, встрѣчая отъ всѣхъ только холодность и пустыя обѣщанія, — видя, что и правительство и друзья

покинули его,—Карлъ съ гнѣвомъ оставилъ владѣнія Султана, быстро промчался, подъ чужимъ именемъ, въ сопровожденіи одно только спутника, чрезъ Венгрію, Австрію, Германію, и въ ночи, на 11 Ноября, неожиданно явился въ Штральзундѣ, который, одинъ только, принадлежалъ еще ему во всей Помераніи.

Сюда, къ Штральзунду обратилось теперь общее вниманіе Европейскихъ кабинетовъ. Сюда спѣшили министры, дипломаты и многіе князья Германіи, съ предложеніями посредничества, дружбы и союза. Христіанъ—Августъ, владѣтельный Епископъ Любекскій, первый вступилъ въ союзъ съ Карломъ XII, въ надеждѣ на героя и его счастіе, и первый пострадалъ за свою преданность: Датчане заняли его владѣніе. Герцоги Мекленбургскіе также спѣшили привѣтствовать Карла, изъявляя свое дружеское расположеніе; а Ландграфъ Гессенскій укрѣпилъ съ нимъ союзъ родственною связью, сочетавъ сына своего, Принца Фридриха съ сестрою Карла, Ульрикою-Элеонорою. При небольшой уступчивости и знаніи политики, Карлъ могъ бы легко склонить на свою сторону и другихъ владѣтелей Германіи и Западной Европы, не обремененныхъ болѣе войною за Испанское наслѣдство,—могъ бы расторгнуть Сѣверный союзъ и даровать спокойствіе Швеціи,—могъ бы даже образовать новый союзъ противъ Россіи, которой возраставшее могущество возбуждало всеобщее опасеніе. Но Карлъ умѣлъ дѣйствовать только мечемъ воина, а не перомъ дипломата; не хотѣлъ уступить ни кому ни одной хижины изъ принадлежавшихъ ему владѣній, помышлялъ только о наказаніи своихъ враговъ и смотрѣлъ на своекорыстныхъ сосѣдей, какъ на своихъ тайныхъ недоброжелателей. Схвативъ могучею рукою бразды правленія, онъ повелѣлъ произвесть новый рекрутскій наборъ, увеличилъ свои силы на сушѣ и на морѣ и не только разрушилъ всѣ надежды на близкій миръ, но еще умножилъ число своихъ противниковъ. Пруссія, желавшая удалить войну отъ своихъ предѣловъ и не получившая отъ Карла XII согласія на секвестрацію Штетина, открыто присоединилась къ Сѣверному союзу. То же сдѣлалъ и Курфирстъ Ганноверскій (Король Англійскій, Георгъ I), желавшій удержать за собою секвестрованныя княжества Бре-

менъ и Верденъ, уступленныя ему союзниками. Примѣру Пруссіи и Ганновера послѣдовали Англія и Голландія, негодуя на Карла XII, дозволившаго своимъ каперамъ забирать всѣ нейтральный суда на Балтійскомъ морѣ. Такимъ образомъ, въ началѣ 1715 года, 8 державъ: Англія, Голландія, Ганноверъ, Данія, Пруссія, Саксонія, Польша и Россія, соединились противъ Швеціи, чтобъ сломить упорство Карла и принудить его къ миру.

Начались грозныя приготовленія съ обѣихъ сторонъ, особенно для дѣйствій на морѣ. Но, по недостатку въ согласіи, союзники болѣе грозили, чѣмъ дѣйствовали. Кромѣ побѣды, одержанной Датчанами (13 Апрѣля), на водахъ Бельта, надъ небольшою Шведскою эскадрою, — на морѣ не совершилось ничего важнаго. Англійская и Голландская эскадры только переплыли Балтійское море, привѣтствовали въ Ревелѣ юный Русскій флотъ и, послѣ взаимныхъ угощеній и пиршествъ, отплыли обратно, не имѣя, по видимому, другаго назначенія, какъ только прикрывать свои купеческія суда отъ Шведскихъ каперовъ. Русскіе корабли, не выходившіе изъ Финскаго залива, (кромѣ нѣкоторыхъ крейсеровъ), расположились зимовать частію въ Ревелѣ, частію въ Кронштадтѣ; а галерный флотъ двинулся въ Либаву, чтобъ съ будущею весною быть въ готовности къ походу въ Померанію.

Между тѣмъ, Датскія, Прусскія и Саксонскія сухопутныя войска осаждали Карла XII въ Штральзундѣ; но сильная крѣпость и ея храбрый защитникъ долго противились всѣмъ ихъ усиліямъ. Короли Датскій и Прусскій, лично предводительствовавшіе своими войсками, то просили помощи у Царя, то отказывались отъ нея, — не довѣряя искренности своего могущественнаго союзника и надѣясь уже и безъ него управиться съ Карломъ. Петръ, желая съ своей стороны соблюсти постановленный съ ними договоръ о вспоможеніяхъ, не хотѣлъ однако насильно навязывать имъ своихъ войскъ, и писалъ къ Шереметеву: «буде велятъ идти — иди, буде же велятъ поворотиться, поворотися.» Наконецъ, когда союзники возъимѣли уже несомнѣнную надежду на взятіе Штральзунда, Ше-

реметевъ, шедшій къ нимъ на помощь, получилъ повелѣніе: «*расположиться въ Польшѣ отъ Вислы до границъ Брандербургскихъ.*»

Измѣна ускорила паденіе крѣпости, которое казалось невозможнымъ, особенно въ присутствіи Карла. Слѣдуя указанію одного Шведскаго переметчика, отрядъ осаждающихъ пробрался, во время отлива въ бродъ по отмели къ одному внѣшнему укрѣпленію, господствовавшему надъ городомъ, овладѣлъ имъ и обратилъ 80 бывшихъ въ немъ орудій противъ самой крѣпости. Тогда и самъ непреклонный Карлъ увидѣлъ уже невозможность держаться долѣе: въ ночи, на 12 Декабря, онъ оставилъ Штральзундъ; на лодкѣ, среди льдинъ и непріятельскихъ судовъ, переплылъ Балтійское море и возвратился въ Швецію, послѣ шестнадцати-лѣтняго отсутствія. На другой день по его отбытіи Штральзундъ сдался осаждающимъ.

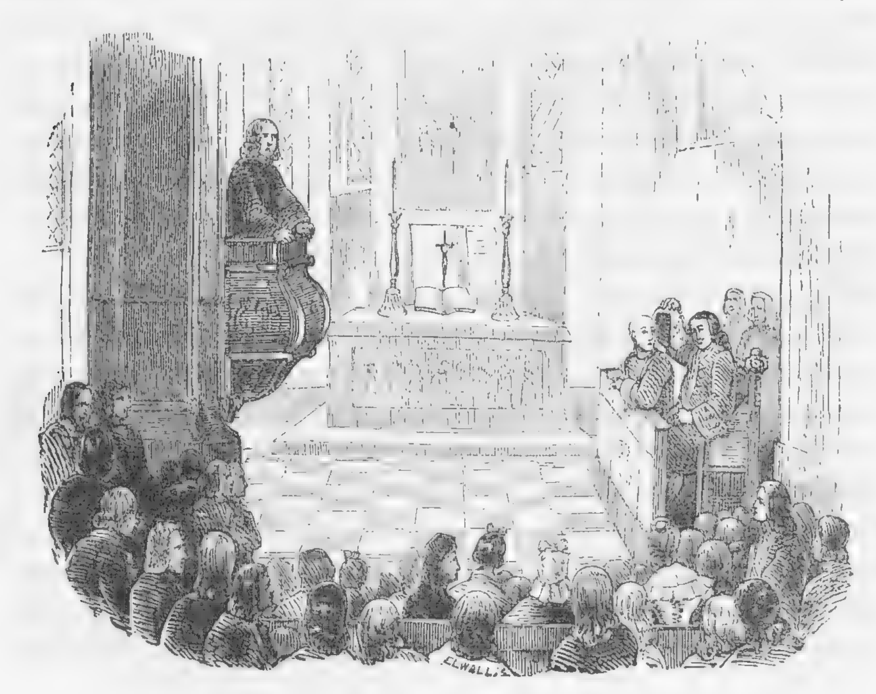
Въ началѣ 1716 года, когда соединенныя силы Датчанъ, Прусаковъ, и Ганноверцевъ осаждали Висмаръ, послѣдній Шведскій городъ въ Германіи, а Король Августъ II боролся въ Польшѣ съ недовольными вельможами, — Петръ, нетерпѣливо желавшій окончить тягостную и долговременную войну, вознамѣрился личнымъ присутствіемъ и сильною помощію побудить своихъ союзниковъ къ рѣшительнѣйшимъ предпріятіямъ. Повелѣвъ своему флоту, со вскрытіемъ водъ идти къ Коппенгагену, чтобъ вмѣстѣ съ Датчанами сдѣлать высадку на берега Швеціи, а сухопутному войску и галерамъ поспѣшить къ Висмару, на помощь къ союзникамъ, онъ самъ также поспѣшилъ отправиться въ путь, въ сопровожденіи своей супруги и племянницы, Царевны Екатерины Іоанновны.

Не одни военныя предпріятія противъ Швеціи, были цѣлію этого путешествія. Болѣзненные припадки, часто возобновлявшіеся, особенно въ послѣднее время, и угрожавшіе опасными послѣдствіями, побудили Петра, по совѣту медиковъ, искать облегченія на Пирмонтскихъ цѣлительныхъ водахъ; а зависть и недоброжелательство союзниковъ, равно какъ и отважные планы хитраго Барона Гёрца, снискавшаго дружбу и довѣріе Карла XII, требуя неослабнаго вниманія и предосторожности, дѣлали необходимымъ его присутствіе въ Германіи, чтобъ заблаговременно уничтожить замыслы, опасные

для Россіи. Наконецъ, къ этому путешествію побуждало его и желаніе обозрѣть еще разъ, окомъ ученаго и опытнаго наблюдателя, Европейскія государства, которыя онъ видѣлъ нѣкогда какъ ученикъ, и заимствовать у просвѣщенныхъ народовъ все полезное и необходимое, чего еще недоставало въ Россіи.

Оставивъ Петербургъ, 27 Января, больной Государь направилъ свой путь, чрезъ Нарву, Дерптъ, и Ригу, на Митаву. Оттуда, заѣхавъ въ Либаву, для осмотра зимовавшаго тамъ галернаго флота и соединившись съ своею супругою и племянницею, поспѣшилъ, чрезъ Мемель и Кенигсбергъ, въ Данцигъ.

Онъ прибылъ въ Данцигъ 18 Февраля, въ воскресенье, въ то самое время, когда готовились, по обычаю, на время обѣдни запирать городскія ворота. Не встрѣчая никого на улицахъ и узнавъ, что весь народъ былъ въ церкви, Царь отправился туда же, занялъ безъ всякаго шума мѣсто на скамьѣ, подлѣ Бургомистра и сталъ слушать проповѣдь съ большимъ вниманіемъ. Однако холодная температура Церкви непріятно подѣйствовала на его обнаженную голову. Почувствовавъ ознобъ и не говоря ни слова, онъ снялъ съ своего сосѣда, Бургомистра, его огромный парикъ, накрылъ имъ свою голову и

спокойно продолжалъ слушать проповѣдника, не обращая вниманія на изумленіе присутствующихъ. Потомъ, когда кончилась обѣдня, Петръ возвратилъ парикъ его хозяину и кивнувъ въ знакъ благодарности головою, вышелъ изъ Церкви. Изумленные жители Данцига не знали, чему приписать такой, по видимому, странный поступокъ, доколѣ приближенные Государя не объяснили имъ, что Русскій Царь не смотритъ на мелочныя церемоніи, что онъ привыкъ каждый разъ, когда головѣ его холодно, снимать парикъ съ Князя Меньшикова, или съ кого случится, и надѣвать на себя (*).

Въ Данцигѣ Петръ провелъ 9 недѣль, среди разнообразнѣйшихъ заботъ и безпрерывныхъ сношеній съ своими союзниками. Казалось, все зависѣло отъ него одного. Его совѣты, его помощь и посредничество нужны были повсюду. Въ Польшѣ еще въ прошломъ году вспыхнули сильныя распри между Королемъ и народомъ за новыя налоги. Недовольные вельможи вступились за свои права и вольности, составили конфедерацію, собрали войска и начали открытую войну съ Королемъ. Кровопролитныя стычки конфедератовъ съ Саксонскими отрядами продолжались во всю зиму; наконецъ обѣ стороны, устрашенныя угрозами Царя, прибѣгли къ нему съ просьбою о посредничествѣ. Король Августъ II и послы конфедератовъ явились въ Данцигъ и (какъ сказано въ письмѣ Государя къ Апраксину) «сами себя такъ обязали въ волю медіаторскую, что вынуть уже нельзя.» Царскій посолъ, Князь Григорій Долгоруковъ, отправленный на сеймъ въ Ярославль, (Польскій) совершенно примирилъ враждующія партіи въ началѣ слѣдующаго года. Городъ Данцигъ, который, не смотря на неоднократное запрещеніе Русскаго Царя и Короля Польскаго, не прекращалъ своихъ торговыхъ сношеній съ Швеціею, долженъ былъ также уступить твердости Петра и согласиться на его требованія: чтобъ Русскій коммисаръ съ отрядомъ солдатъ осматривалъ всѣ суда, входящія въ гавань, чтобъ граждане вооружили 4 капера противъ общаго врага и, въ наказаніе за прежнія связи съ непріятелемъ, заплатили значительную сумму денегъ.

(*) Штелинъ Анекд.

Заключивъ, еще въ Петербургѣ, договоръ о бракосочетаніи своей племянницы, Царевны Екатерины Іоанновны, съ Герцогомъ Мекленбугъ-Шверинскимъ, Карломъ-Леопольдомъ, Царь великолѣпно торжествовалъ ея свадьбу въ Данцигѣ, въ присутствіи Короля Августа II и многихъ иностранныхъ министровъ. Карлъ-Леопольдъ, ревностный почитатель Карла XII и слѣдовательно другъ Швеціи, вступивъ въ родственныя связи съ Русскимъ Царемъ, надѣялся, при его помощи, смирить строптивость своего дворянства и, по примѣру соседей, воспользоваться частицею Шведскихъ владѣній въ Германіи. Царь обѣщалъ доставить ему въ удѣлъ городъ Висмаръ, въ надеждѣ, что Русскіе корабли найдутъ себѣ постоянное пристанище въ тамошней гавани, и что чрезъ это утвердятся связи Россіи съ Германіею и Европою, равно какъ и господство Русскаго флота на Балтійскомъ морѣ. Но исполненіе этихъ обоюдныхъ надеждъ встрѣтило сильное препятствіе со стороны союзниковъ Петра, которые узнавъ, что Князь Репнинъ съ Русскимъ корпусомъ приближается къ Висмару, поспѣшили заключить договоръ съ осажденными и, въ противность условій союза, заняли городъ только своими войсками. Русскіе, желавшіе также поставить въ немъ свой гарнизонъ, были вытѣснены силою, при чемъ между ними и Ганноверцами едва было не дошло до кровавой стычки.

Извѣстіе объ этомъ приключеніи до того огорчило Петра, что онъ былъ уже готовъ прервать всѣ связи съ своими союзниками и примириться съ Карломъ XII, которому хитрый Гёрцъ, представляя выгоды этого примиренія, успѣлъ уже внушить новые отважные планы. Однако благоразуміе одержало верхъ надъ минутнымъ неудовольствіемъ. Петръ положилъ не спѣшить разрывомъ и оставить до времени все на прежнемъ основаніи.

Разстроенное состояніе здоровья, заставило его поспѣшить къ Пирмонтскимъ водамъ. На пути онъ имѣлъ еще свиданіе съ своими союзниками: съ Королемъ Прусскимъ въ Штетинѣ и съ Датскимъ въ Гамбургѣ. Первому Царь сообщилъ свое намѣреніе, поддерживать впредь равновѣсіе между Даніею и Швеціею, а втораго убѣдилъ поспѣшить приготовленіями

для совокупной высадки въ Шонію, и получилъ отъ обоихъ согласіе на уступку Висмара, по окончаніи войны, Герцогу Мекленбургскому.

По прибытіи въ Пирмонтъ, Петръ отбросилъ на время всѣ заботы о военныхъ и политическихъ дѣлахъ и, пользуясь водами и спокойствіемъ, проводилъ время въ бесѣдѣ съ учеными и художниками, въ числѣ которыхъ былъ и Лейбницъ, и славный Французскій архитекторъ и механикъ Леблонъ принятый въ Русскую службу. Но такая жизнь непродолжалась и трехъ недѣль. Постоянно занятый мыслію о важномъ предпріятіи противъ Швеціи, Петръ не зналъ покоя. Едва только его здоровье нѣсколько поправилось, онъ оставилъ Пирмонтъ и прибылъ къ своему войску, стоявшему въ Мекленбургѣ, а оттуда, вмѣстѣ съ галерною эскадрою, отправился въ Копенгагенъ, чтобъ поспѣшить высадкою въ Шонію. Но Датчане, казалось, вовсе не думали объ этомъ. Встревоженные вторженіемъ Карла XII съ 20,000 войска въ Норвегію, они обратили туда все свое вниманіе, заботились только о защитѣ Христіаніи и изгнаніи непріятеля изъ своихъ владѣній, и утѣшали Петра обѣщаніемъ, что по возвращеніи ихъ адмирала Габеля, находившагося съ небольшою эскадрою на берегахъ Норвегіи, флоты немедленно выступятъ въ море. «Жаль времени, да дѣлать не чево (*)» говорилъ Петръ. Іюль мѣсяцъ былъ уже въ исходѣ. Наконецъ дождались и Габеля; но у Датскихъ министровъ нашлись новые отговорки: «надобно переждать жатву и убрать хлѣбъ съ полей,» говорили они.

Такая медленность и вѣчныя отговорки Датчанъ чрезвычайно огорчали Петра, непривыкшаго къ праздности, но принужденнаго теперь, противъ воли, терять драгоцѣнное время вдали отъ отечества, безъ всякой пользы для себя и другихъ, и притомъ тогда, когда онъ почти на вѣрное надѣялся рѣшительнымъ ударомъ кончить войну и принудить Швецію къ миру. Скучая бездѣйствіемъ, онъ осматривалъ достопамятности Копенгагена, разъѣзжалъ на своей шнявѣ по морю, осмотрѣлъ берега Шоніи и нашелъ, что всѣ мѣста удобныя для высадки были защищены сильными баттареями, съ которыхъ Шведы

(*) Письма Петра В. къ Апраксину.

привѣтствовали Царскую шняву нѣсколькими ядрами. Петръ отплатилъ тѣмъ же и возвратился опять въ Копенгагенъ.

Между тѣмъ, Датскія сухопутныя войска, долженствовавшія вмѣстѣ съ Русскими произвесть высадку, все еще не были собраны по причинѣ жатвы; Русскія же дожидались на Мекленбургскихъ берегахъ, пока Датчанамъ угодно будетъ прислать свои суда, для перевоза ихъ въ Зеландію; а флотъ 4 союзниковъ, Англичанъ, Голландцевъ, Датчанъ и Русскихъ, назначенный для прикрытія высадки и состоявшій, кромѣ 45 Русскихъ галеръ, изъ 83 военныхъ судовъ, въ томъ числѣ 23 Русскихъ, праздно стоялъ на Копенгагенскомъ рейдѣ. Чтобъ извлечь хотя какую-нибудь пользу изъ этихъ огромныхъ вооруженій на морѣ и чтобъ драгоцѣнное время не пропадало вовсе понапрасну, Петръ уговорилъ Датскаго Короля и предводителей союзныхъ эскадръ, проводить, по крайней мѣрѣ, торговыя корабли, изъ Зунда (которыхъ тогда собралось тамъ изъ разныхъ странъ болѣе 100), подъ прикрытіемъ соединеннаго флота, чрезъ Балтійское море къ мѣстамъ ихъ назначенія.

Ни чѣмъ нельзя было такъ угодить Петру, страстно любившему морскую службу, какъ тѣмъ, что ему предоставлено было главное начальство надъ союзнымъ флотомъ. Эта честь, оказанная его искуству и знанію морской службы, была для него лестнѣе всѣхъ почестей, которыми окружали его при Датскомъ Дворѣ. 5 Августа Царскій штандартъ развился на гротъ-стеньгѣ Русскаго линейнаго корабля «Ингерманландія» и, послѣ обычныхъ привѣтствій, флотъ, какого еще не видывали на Балтійскомъ морѣ, вмѣстѣ съ торговыми судами, вступилъ подъ паруса, подъ начальствомъ Царственнаго вице-адмирала Петра Михайлова. Англичане и Голландцы — старые, опытные мореходцы — не знали чему болѣе дивиться, познаніямъ ли Русскаго Монарха по морской части, или ловкости и безстрашію его подданныхъ, такъ не давно еще ознакомившихся съ моремъ. Но удовольствіе, которое чувствовалъ Петръ, командуя союзнымъ флотомъ, вскорѣ было отравлено непріятностями со стороны Датчанъ, которыхъ эскадра, подъ начальствомъ великаго адмирала Гюльденлева, безпрестанно отставала отъ флота и не охотно исполняла данныя приказанія. «Богъ вѣдаетъ,

какое мученіе съ ними!» писалъ Петръ къ Апраксину—«сущее надобное время пропускаютъ, и будто чужое дѣло дѣлаютъ.» Походъ кончился у острова Борнгольма. Шведкій флотъ удалился въ гавань Карлскроны, море было безопасно отъ непріятеля и купеческіе корабли могли безпрепятственно идти далѣе.

Полагая, что Датчане уже приготовили между тѣмъ все для высадки, Петръ, на собранномъ военномъ совѣтѣ, уго-

ворилъ — не безъ труда и многихъ споровъ—Англійскаго и Датскаго адмираловъ, принять вмѣстѣ главное начальство надъ флотомъ, а самъ поспѣшилъ къ Копенгагену; но на пути, задержанный противными вѣтрами, у острова Рюгена, узналъ, что его войска стоятъ еще въ Мекленбургѣ. Онъ заѣхалъ въ Штральзундъ, чтобъ побудить Датскихъ комисаровъ къ скорѣйшему доставленію транспортныхъ судовъ для войска; потомъ возвратился опять на флотъ и въ концѣ Августа прибылъ съ нимъ въ Копенгагенъ.

Только въ Сентябрѣ мѣсяцѣ начали собираться къ Копенгагену Русскія и Датскія войска, опредѣленныя для высадки. Время казалось уже позднимъ для такого важнаго предпріятія. Петръ, осмотрѣвъ еще дважды берега Шоніи и нашедъ, что Шведы хорошо воспользовались медленностію Датчанъ, усѣявъ весь берегъ батареями и многочисленнымъ войскомъ, созвалъ военный совѣтъ и предложилъ вопросъ: «быть ли десанту,

или нѣтъ?» — Русскіе генералы и министры единогласно присовѣтовали, отложить это предпріятіе до весны. Съ этимъ мнѣніемъ согласился сначала и Датскій Король, но вскорѣ его министерство, руководимое Ганноверскимъ дипломатомъ Бернсдорфомъ, заговорило иначе и представило тысячу различныхъ причинъ, почему доселѣ невозможно было предпринять похода и почему теперь къ тому самое удобное время. Конференціи слѣдовали одна за другою. Царь утверждалъ, что «для одной высадки уже надобно время не малое, а перешедъ надобно дать баталію, потомъ брать города Ландскрону и Мальмё.... Гдѣ же зимовать (спрашивалъ онъ), если взятье ихъ до зимы не удастся?»

— Въ окопахъ, — а для людей можно подѣлать землянки, — отвѣчали ему.

«Это значило бы (возразилъ Царь) погубить больше людей, нежели въ рѣшительномъ сраженіи; да и чѣмъ продовольствовать войско?»

— Въ Шоніи довольно сыщется всякихъ потребностей для стола. —

«За тѣмъ столомъ сидятъ уже 30,000 Шведовъ, которые не дадутъ мѣста незванымъ гостямъ.»

— Въ такомъ случаѣ, мы можемъ получить запасы съ нашихъ островововъ, — говорили Датчане.

«Солдатскій желудокъ (отвѣчалъ Монархъ) не насыщается пустыми обѣщаніями и надеждами, а еще менѣе ландкартами, на которыхъ начерчены Датскіе острова, но требуетъ вездѣ готовыхъ и вѣрныхъ магазиновъ (*).»

Когда всѣ представленія Датскаго правительства остались недѣйствительными, оно обнаружило странную недовѣрчивость и подозрѣнія на Царя, будто онъ, по тайному согласію съ Шведами, намѣренъ овладѣть Копенгагеномъ и самымъ Королевскимъ Домомъ, чтобъ потомъ на счетъ Даніи заключить миръ съ Карломъ XII. Устрашенные мнимою опасностью, Датчане спѣшили привесть свою столицу въ оборонительное положеніе, а Англійскій адмиралъ Норрисъ уже получилъ отъ Ганноверскаго правительства указъ, атаковать Русскій флотъ. Датскій Король однакожъ несогласился на эти насильственныя

(*) Бергманъ. Т. IV. стр. 83 и 84.

и опасныя мѣры, — но просилъ только Царя о немедленномъ удаленіи Русскихъ войскъ изъ Даніи. Петръ, дѣйствовавшій всегда такъ чистосердечно и безкорыстно въ пользу своихъ союзниковъ, былъ чувствительно огорченъ такими обидными подозрѣніями. Онъ не заставилъ Короля повторять своей просьбы. Русскій флотъ отправился въ Ревель, а сухопутныя войска и галеры въ Мекленбургъ, куда послѣдовалъ, въ половинѣ Октября, и самъ Государь съ своею супругою. Такимъ образомъ рушилось это предпріятіе, и самый Сѣверный союзъ поколебался. «Отсель надежды нѣтъ болѣе» — писалъ Петръ къ Апраксину, и приказывалъ «всякое пріуготовленіе чинить дабы отъ Аланда непріятеля утѣснять.»

Причиною такого внезапнаго переворота были происки партій, руководившихъ Королемъ и Датскимъ правительствомъ. Вліянію Голштинской партіи, благопріятствовавшей Шведамъ, приписываютъ медленность Датчанъ въ воинскихъ приготовленіяхъ. Когда же позднее время года сдѣлало походъ невозможнымъ, — обнаружились козни Ганноверскаго министра Бернсдорфа. — Родомъ Мекленбургецъ, Бернсдорфъ злобствовалъ на своего Герцога за его родственную связь съ Русскимъ Царемъ и за притѣсненіе Мекленбургскаго дворянства, при помощи Русскихъ. Стараясь всѣми средствами освободить свое отечество отъ чужеземной власти, онъ непремѣнно хотѣлъ отправить Русскихъ на зиму въ Швецію, когда же это неудалось, возбудилъ въ Датчанахъ подозрѣніе на Царя и пытался даже обратить оружіе Англичанъ и Датчанъ противъ Русскихъ. Наконецъ, когда вопреки всѣмъ кознямъ, Русскіе возвратились на зиму въ Мекленбургъ, — Бернсдорфъ обратилъ свои происки въ другую сторону. Курфирстъ Ганноверскій и другіе Нѣмецкіе Князья увидѣли вдругъ, глазами Бернсдорфа, величайшую опасность для Германіи отъ пребыванія Русскихъ войскъ въ Мекленбургѣ. Всѣ они обратились къ Императору съ своими жалобами и съ просьбами о принятіи мѣръ къ отвращенію общей будто опасности; а Король Англійскій, какъ Курфирстъ Ганноверскій и директоръ Нижне-Саксонскаго округа, вздумалъ даже угрожать Русскому Монарху. Отвѣчая дружески на

ласковыя представленія Императора, Петръ возразилъ на гордые запросы и угрозы Ганноверскаго кабинета, что «онъ находится въ Мекленбургѣ, по такому же точно праву, по какому король Англіи владѣетъ Бременомъ и Верденомъ, и что онъ желалъ бы видѣть, кто осмѣлится изгнать оттуда Русскихъ!(*)»

Столь явный разрывъ между Сѣверными союзниками былъ совершенно по мысли хитрому дипломату Барону Гёрцу. Снискавъ полную довѣренность Карла XII, онъ успѣлъ убѣдить его въ необходимости примиренія съ Россіею, представляя, что Швеція не въ силахъ уже возвратить владѣній, занятыхъ Русскими; но что, заключивъ миръ съ Царемъ и уступивъ ему эти владѣнія, она можетъ, при его помощи, возвратить свои Германскія земли и вознаградить себя пріобрѣтеніемъ Норвегіи. На этомъ примиреніи двухъ героевъ Сѣвера, Гёрцъ основалъ отважнѣйшій планъ, угрожавшій рѣшительнымъ переворотомъ всей Европѣ. Многое въ этой хитросплетенной политической сѣти остается еще не объясненнымъ. Утверждаютъ однакожь, что у Гёрца, по согласію съ Испанскимъ министромъ, кардиналомъ Альберони, — человѣкомъ столь же предпріимчивымъ и безпокойнымъ, — было положено: отдать Польшу Станиславу Лещинскому, низвергнуть съ Англійскаго престола Георга I и возстановить на немъ изгнанный домъ Стюартовъ; отнять у Герцога Орлеанскаго бразды правленія надъ Франціею и предоставить регенство Королю Испанскому; наконецъ, отторгнуть отъ Императора Неаполь и другія Италіянскія владѣнія, принадлежавшія до Утрехтскаго мира Испаніи. Между тѣмъ, какъ Альберони обѣщался, помощію своей партіи, произвесть во Франціи возмущеніе противъ регента и, пользуясь войною Императора и Венеціи съ Турками, вторгнуться въ Италію съ сильнымъ Испанскимъ флотомъ, — Гёрцъ принялъ на себя трудъ, примирить Карла XII съ Петромъ Великимъ и двинуть ихъ соединенныя силы на Данію и Англію, которую партія Стюартовъ должна была, въ то же время, занять междоусобною войною.

Пользуясь неудовольствіемъ Царя на своихъ союзниковъ, Гёрцъ спѣшилъ сблизиться съ Русскими министрами и, посред-

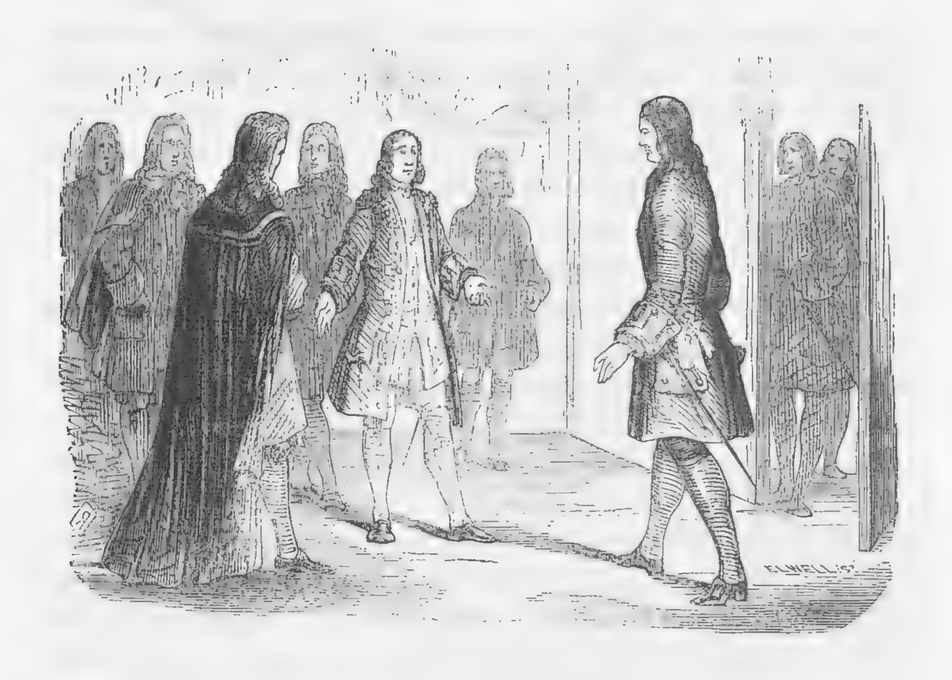
(*) G. A. von Halem II. S. 182.

ствомъ Гессенскаго двора, старался издалека вывѣдать мысли и намѣренія Петра, не обнаруживая однако ни своихъ плановъ, ни склонности Карла XII къ заключенію отдѣльнаго мира съ Россіею. Царь и прежде никогда не отказывался отъ мира съ Швеціею, а теперь, огорченный неблагодарностію своихъ союзниковъ, тѣмъ болѣе могъ желать сближенія съ Карломъ XII. Но, зная въ совершенствѣ всѣ тонкости Европейской политики, онъ дозволилъ только своимъ министрамъ выслушивать предложенія, дѣлаемыя со стороны Швеціи и, не обнаруживая своихъ мыслей, рѣшился ждать, пока объяснятся подлинныя цѣли.

Между тѣмъ, Датчане, тѣснимые Карломъ XII въ Норвегіи, изъявляли, казалось, сожалѣніе о потерѣ полезнаго союзника и желали снова сблизиться съ Царемъ; но безъ Англійскаго Короля немогли однакожь ни на что рѣшиться. «Здѣсь все еще въ прежнемъ состояніи» — писалъ Петръ къ Апраксину — «и къ веснѣ подлинной резолюціи еще нѣтъ, но подлинно чаемъ, что *кризисъ сей фибрѣ* будетъ около новаго году.» Въ ожиданіи этого «*кризиса,*» онъ размѣстилъ свои войска на зимнихъ квартирахъ въ Мекленбургѣ, а самъ рѣшился посѣтить Голландію и Францію, чтобъ тамъ, въ средоточіи Европейской политики, вывѣдать планы и намѣренія Англіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ собрать новый запасъ свѣдѣній, для обогащенія своего отечества науками и художествами.

Оставивъ Шверинъ, Царь имѣлъ свиданіе съ Прусскимъ Королемъ въ Гавельсбергѣ, постановилъ съ нимъ (16 Ноября) договоръ, касательно взаимной обороны завоеванныхъ отъ Швеціи земель и, отдаривъ своего союзника 50 великорослыми солдатами, за полученный отъ него драгоцѣнный подарокъ — янтарный кабинетъ, — продолжалъ свой путь, чрезъ Гамбургъ, Альтону, Штаде, Бременъ и проч., въ Голландію.

Близъ Амстердама, (6 Декабря) Графъ Альбермарль, вмѣстѣ съ другими депутатами республики, привѣтствовалъ Монарха высокопарною рѣчью. «Благодарю васъ,» — отвѣчалъ Петръ — «но я васъ не понялъ: я учился по Голландски у плотниковъ, а вашему языку неучился вовсе.»

Однимъ изъ первыхъ мѣстъ, которыя Петръ посѣтилъ въ Амстердамѣ, была Остъ-Индская корабельная верфь. Здѣсь былъ онъ нѣкогда ученикомъ Голландцевъ, корабельнымъ плотникомъ; здѣсь являлся онъ теперь, озаренный славою подвиговъ, почти невѣроятныхъ! Съ гордостію могъ онъ указать теперь на поприще своей 18-лѣтней дѣятельности! Онъ создалъ флотъ, построилъ гавани, сталъ властелиномъ Балтійскаго моря и недавно еще начальствовалъ флотами первыхъ морскихъ державъ Европы. Теперь ему уже нѣчего было дѣлать на верфяхъ; только воспоминаніе и старые знакомцы привлекали его туда. Главнымъ же предметомъ его посѣщеній были кабинеты рѣдкостей, картинныя галлереи и мастерскія знаменитыхъ художниковъ, которыми тогда славился Амстердамъ. Онъ просиживалъ нерѣдко по цѣлымъ часамъ подлѣ работы живописца, какъ знатокъ разбиралъ картины на публичныхъ выставкахъ,

не щадилъ денегъ на покупку лучшихъ произведеній, которыми украсилъ свой Петергофскій дворецъ; употребилъ также не малыя суммы на пріобрѣтеніе анатомическаго кабинета профессора Рюйша и разныхъ собраній рѣдкостей природы.

Болѣзнь воспрепятствовала дальнѣйшей дѣятельности Монарха и въ продолженіе полутора мѣсяца не дозволяла ему выходить изъ комнаты. Это было для него скучное время. Однако недугъ, изнурявшій его тѣлесныя силы, не останавливалъ душевной дѣятельности. Прикованный къ одру болѣзни, вдали отъ отечества, онъ мыслію жилъ среди своихъ созданій, разсылалъ указы и предписанія сенату, генераламъ, гражданскимъ сановникамъ и требовалъ отъ всѣхъ точныхъ и подробныхъ извѣстій, даже о мелочахъ. Всѣ новыя книги, напечатанныя въ Россіи, доставлялись къ нему на разсмотрѣніе; Русскіе юноши, отправленные за границу, должны были являться къ нему и имъ самимъ были отдаваемы на руки искусныхъ наставниковъ. Издали онъ правилъ Россіею, не оставляя ничего безъ вниманія и не давая чувствовать своего отсутствія.

Тѣмъ менѣе могли укрыться отъ него современныя политическія

дѣла Европы. Въ это время Европейскіе кабинеты были внезапно встревожены открытіемъ плановъ Гёрца и Альберони. Петръ ничего еще не знавшій о тайныхъ пружинахъ этой всеобщей тревоги, писалъ къ Апраксину (отъ 8 Февраля 1717): «Извѣствую вамъ о странной новизнѣ здѣсь: ибо Король Англійской увѣдомленъ чрезъ Французской Дворъ, что Король Шведской намѣренъ весьма съ войскомъ нечаянно впасть изъ Готенбурга въ *Шкоцію* (Шотландію) и, поднявъ Торисову партію, посадить Претендента на престолъ Англиской, выгнавъ нынѣшняго Короля.....» Потомъ, увѣдомляя объ арестованіи Шведскаго посланника въ Лондонѣ и о поспѣшномъ вооруженіи Англіи и Голландіи, продолжаетъ въ томъ же письмѣ: «Изъ сей новизны не малой перемѣны чаять и что, по всѣмъ обстоятельствамъ, Англія въ дѣйствительную войну вступитъ съ Швеціею. Нынѣ неправдалъ моя, что всегда за здоровье сего начинателя (Карла) пилъ: ибо сего ни какою бъ цѣною некупить, что самъ онъ сдѣлалъ» и проч.

За этою новизною вскорѣ послѣдовала другая, весьма непріятная для Петра: Лондонскій кабинетъ, открывъ тайную переписку Гёрца, Гилленбурга, Шпарре и другихъ, узналъ, что ихъ планы главнѣйшимъ образомъ основывались на примиреніи Карла XII съ Петромъ, и что партія Претендента надѣялась многаго отъ изустныхъ, будто бы, объясненій съ Царемъ его лейбъ-медика Арескина, родственника Лорда Марра, приверженца Стюартовъ. Такое открытіе встревожило Короля Георга I. Подозрѣвая, что Царь чрезъ своего лейбъ-медика дѣйствительно находится уже въ тайныхъ связяхъ съ Стюартами, — онъ повелѣлъ обнародовать эту переписку Шведскихъ министровъ. Огорченный Царь протествовалъ оффиціальною нотою противъ такого недружелюбнаго поступка, поставляя Королю на видъ съ одной стороны — свою вѣрность въ соблюденіи союза, съ другой — его прежнее поведеніе, не совмѣстное съ званіемъ союзника. Хотя Король, повидимому, дружески отвѣчалъ на эти представленія Царя, увѣряя, что не имѣетъ на него ни малѣйшаго подозрѣнія, но холодность и недовѣрчивость продолжались съ обѣихъ сторонъ и дѣлали разрывъ очевиднымъ. Англія, вооружая сильный флотъ, ни

на что однакожь перѣшилась; а безъ нее и Данія не предпринимала ничего и равнодушно смотрѣла на будущее. Петръ, видя, что отъ него уже ничего не требуютъ, повелѣлъ своему войску оставить Германію и перестал участвовать въ Сѣверномъ союзѣ.

Между тѣмъ Екатерина, оставшаяся въ Мекленбургѣ, обрадовала своего, все еще больнаго, супруга своимъ прибытіемъ въ Амстердамъ (3 Февраля). Спустя нѣсколько дней Петръ могъ уже выходить изъ комнаты и спѣшилъ ознакомить Царицу со всѣми мѣстами, возбуждавшими въ его душѣ пріятныя воспоминанія. 26 Февраля они посѣтили Заандамъ, гдѣ многіе изъ старыхъ друзей и товарищей *Питера Бааса* были еще въ живыхъ. Петръ дружески обнялъ ихъ и, узнавъ, что прежній его хозяинъ, Герритъ-Кистъ впалъ въ бѣдность и служитъ работникомъ въ сосѣдственной кузницѣ, — пожелалъ его видѣть. «Какое мнѣ дѣло до Царя!» отвѣчалъ грубый Голландецъ — «да онъ еще долженъ мнѣ за квартиру!» Петръ самъ отправился въ кузницу, обнялъ упрямаго старика, вошелъ въ подробности его обстоятельствъ и, заплативъ ему старый забытый долгъ, подарилъ на память серебряный кубокъ.

Отправившись на другой день въ Утрехтъ, Царь осматривалъ на пути какую-то фабрику и, необдуманно схвативъ рукою

за колесо, чтобъ испытать силу машины, едва было не заплатилъ жизнію за свое любопытство. Уже колесо подняло его, смерть была близка. . . . и счастье только, что случившійся

тутъ работникъ успѣлъ во-время отдернуть его назадъ. Царь молча обнялъ своего избавителя.

Еще мѣсяцъ пробылъ Петръ въ Голландіи, посѣтилъ вмѣстѣ съ супругою Гагу, Лейденъ, Роттердамъ и, какъ само собою разумѣется, не оставилъ безъ вниманія ничего примѣчательнаго. Наконецъ, простившись въ Роттердамѣ (24 Марта) съ своею супругою, которая возвратилась въ Гагу, онъ отправился въ дальнѣйшій путь, во Францію. Но онъ не спѣшилъ увидѣть столицу Франціи, средоточіе роскоши и утонченнаго вкуса, находя на пути чрезъ Голландію и Австрійскіе Нидерланды еще такъ много достойнаго вниманія. Каналы, шлюзы, крѣпости, фабрики и проч. останавливали его почти на каждомъ шагу и часто отвлекали съ прямаго пути то въ ту, то въ другую сторону. Избѣгая церемоніальныхъ встрѣчъ и почестей, оказываемыхъ мѣстными начальствами, Царь нерѣдко останавливался обѣдать и ночевать тамъ, гдѣ его не ожидали и гдѣ не сдѣлано было ни какихъ приготовленій. «Я солдатъ» говорилъ онъ «и когда найду хлѣбъ да воду, то и доволенъ.»

Вступивъ на почву Франціи, онъ провелъ нѣсколько дней въ Дюнкирхенѣ, осматривая разрушенныя, по Утрехтскому

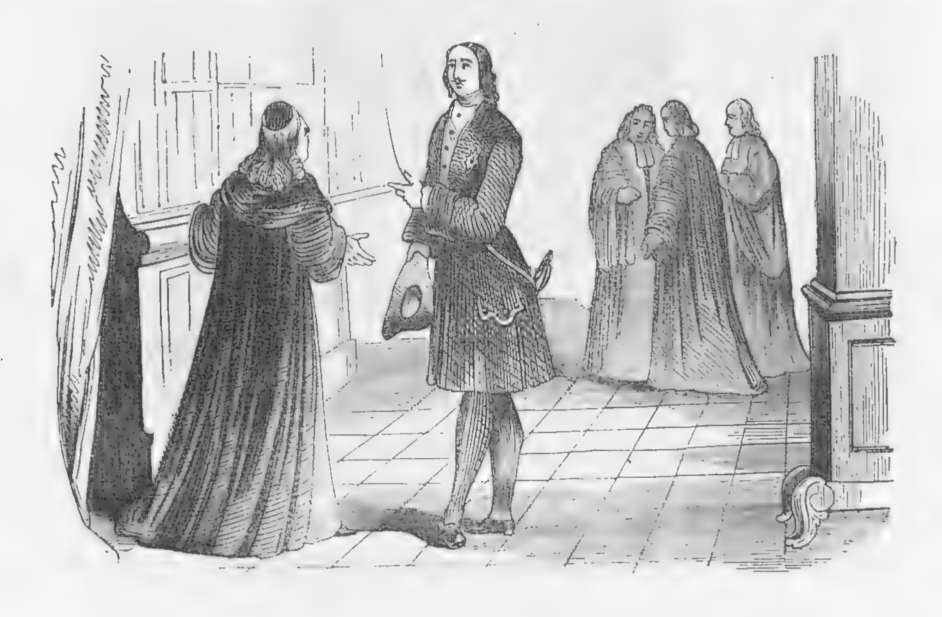
миру, укрѣпленія, каналы и гавань этой приморской крѣпости. Потомъ, продолжая свой путь чрезъ Кале и Булонь, прибылъ въ Аббеваль, гдѣ провелъ цѣлый день на суконной фабрикѣ, изучая способъ крашенія суконъ въ алую краску. Наконецъ, на слѣдующій день (26 Апрѣля) подъ вечеръ въѣхалъ въ Парижъ, въ сопровожденіи маршала де-Тессе и эскадрона гвардіи. Ему былъ назначенъ жилищемъ Лувръ, но Царь, — подъ предлогомъ, что его спутники могутъ испортить великолѣпное убранство этого дворца, — въ тотъ же вечеръ перебрался въ другой домъ (hôtel des Lesdiguiéres) близъ арсенала.

Регентъ, Герцогъ Орлеанскій, первый поздравилъ Царя съ пріѣздомъ и пробылъ съ нимъ наединѣ около полутора часа. Потомъ (29 числа) юный Король Франціи, Людовикъ XV, посѣтилъ своего высокаго гостя. Петръ принялъ его изъ кареты прямо къ себѣ на руки и, неся на крыльце, сказалъ: «Теперь Франція на моихъ рукахъ.« На другой день Царь

былъ у Короля, который встрѣтилъ его также на крыльцѣ и привѣтствовалъ краткою рѣчью. «Желаю отъ всего сердца» отвѣчалъ Петръ — «чтобъ Ваше Величество, пришедъ въ возрастъ, со славою и благополучно царствовали; можетъ быть мы когда нибудь будемъ другъ другу нужны и полезны.» — 2 Мая, Царь писалъ къ Меньшикову: «объявляю вамъ, что я прибылъ сюда Апрѣля 26 благополучно, и три дни съ двора не съѣзжалъ для визитовъ; а нынѣ началъ что надобно, смотрѣть. Ѣдучи дорогою до Парижа, видѣли въ простомъ народѣ бѣдность не малую; Король матерой человѣкъ и гораздо старъ лѣтами, а именно семи лѣтъ, которой былъ у меня и я у него.»

Шесть недѣль продолжалось пребываніе Петра въ Парижѣ и его окрестностяхъ, и каждый день доставлялъ обильную пищу его любознательности. Арсеналы, литейный дворъ, славная шпалерная мануфактура Гобелэна, галлереи и библіотека Королевскаго дворца, ботаническій садъ и проч. были предметомъ его первыхъ посѣщеній. Парламентъ, въ которомъ Петръ присутствовалъ при судебныхъ прѣніяхъ, опредѣлилъ: внести въ свои акты посѣщеніе столь отдаленнаго, столь славнаго въ Европѣ и Азіи Государя, какъ случай чрезвычайный, на память потомству. Во время посѣщенія Петромъ Сорбонской академіи тамошніе богословы, показывая ему въ

библіотекѣ нѣсколько Славянскихъ книгъ, обратили рѣчь на возможность соединенія Церквей Восточной и Западной, и убѣждали его присоединить къ славѣ побѣдителя Шведовъ и преобразователя Россіи, еще новую славу-возстановителя единства Христіанской Церкви. Петръ уклонился отъ ихъ предложенія, сказавъ, что это не его дѣло, что онъ солдатъ и не имѣетъ времени вникать въ догматы богословія; но, что если учителямъ Сорбонны угодно писать о томъ къ Русскимъ архіереямъ, то онъ повелитъ имъ отвѣчать. Академія дѣйствительно воспользовалась этимъ, и обратилась къ Русскому духовенству; но получила въ отвѣтъ, что Россійская Церковь, безъ Восточныхъ патріарховъ, одна не можетъ вступить въ разсужденія о столь важномъ дѣлѣ.

Осматривая монетный дворъ, Петръ былъ пріятно изумленъ выбитою при немъ и подаренною ему медалью, которая на одной сторонѣ представляла весьма схожій его портретъ, увѣнчанный лаврами, а на другой — парящую славу и восходящее солнце съ надписью: vires acquirit eundo (шествуя пріобрѣтаетъ силы). «Это я!» воскликнулъ онъ, вынувъ изъ станка выбитую медаль.

Домъ Инвалидовъ, знаменитый памятникъ благотворительности Людовика XIV, гдѣ 4,000 отслужившихъ воиновъ имѣли пріютъ и довольство, обратилъ на себя особенное вниманіе Монарха: тамъ онъ выпилъ стаканъ вина за здоровье престарѣлыхъ героевъ и братски потрепалъ одного изъ нихъ по плечу. За то жилище роскошнаго Людовика XIV, Версаль, ему не показался по своей архитектурѣ: Петръ назвалъ его голубемъ съ орлиными крыльями.

Изъ прочихъ городовъ и увеселительныхъ мѣстъ въ окрестностяхъ Парижа, Петръ не однократно посѣщалъ Тріанонъ, Марли, С. Дени, Медонъ, Фонтеньбло, С. Жерменъ и проч. Будучи въ послѣднемъ городѣ, онъ не позабылъ посѣтить славную въ свое время госпожу Ментенонъ, въ ея Сенъ-Сирскомъ убѣжищѣ. Она отъ старости уже не вставала съ постели, однако не могла отговориться отъ посѣщенія Государя, который мало думалъ объ этикетѣ. Онъ вошелъ въ ея спальню, раздвинулъ потихоньку у постели

занавѣсы и, садясь у ея ногъ, сказалъ, что «пріѣхавъ во Францію, для обозрѣнія всего достопримѣчательнаго, онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи, видѣть особу, оказавшую столько услугъ покойному Королю и государству».

Даже въ модномъ Парижѣ Петръ не измѣнялъ своимъ привычкамъ и обыкновенному образу жизни. Здѣсь, какъ и вездѣ, онъ одѣвался всегда просто: короткій кафтанъ сѣраго сукна, кортикъ на широкой кожаной портупеѣ, небольшой черный парикъ и простая, поярковая шляпа составляли ежедневный его нарядъ. Въ 9 часовъ вечера онъ ложился уже спать, а вставалъ въ 4; обѣдалъ въ 11 и ужиналъ въ 8 часовъ, и ни минуты не бывалъ безъ дѣла. Время, мѣсто и обстоятельства никогда его не стѣсняли. Иногда,—гдѣбы то ни было,— онъ вскакивалъ внезапно, покидалъ собраніе и, осмотрѣвъ или сдѣлавъ то, что ему пришло на мысль, возвращался опять, ни мало не тревожась странностію своего поступка. Простота и непринужденность, выражая истинное величіе, привлекали къ нему взоры всѣхъ. Парижане бѣгали за нимъ повсюду, а при его отъѣздѣ сопровождали его карету громкими восклицаніями.

Полагаютъ, что поѣздка Петра въ Парижъ имѣла между прочимъ и политическую цѣль, а именно: отвлечь Регента Франціи отъ союза съ Королемъ Георгомъ I и, на случай опасности со стороны послѣдняго, пріобрѣсть новаго союзника въ первомъ. Хотя эта цѣль и не была достигнута, однако Петръ дружески разстался съ Регентомъ и юнымъ Королемъ, которому на прощаньи подарилъ планъ Петербурга. Въ послѣдствіи же (4 Августа) заключенъ былъ между Россіею и Франціею дружественный и торговый договоръ, къ которому приступила и Пруссія.

Оставивъ Парижъ (9 Іюня), Царь отправился, чрезъ Соассонъ, Реймсъ, Намуръ и Литтихъ, частію водою, частію сухимъ путемъ въ Спа, городокъ, славный своими минеральными водами. Тамъ пользовался онъ водами въ продолженіе 4 не-

дѣль; потомъ, прибывъ чрезъ Аахенъ въ Маастрихтъ, отправился водою, внизъ по Маасу, въ Голландію и, въ концѣ Іюля, привѣтствовалъ свою супругу въ Амстердамѣ.

Политическія дѣла задержали Петра еще нѣсколько недѣль въ Амстердамѣ. Будучи оставленъ своими союзниками, онъ тѣмъ охотнѣе склонился на мирныя предложенія Швеціи и въ замкѣ Лоо имѣлъ, какъ утверждаютъ, личное свиданіе съ Барономъ Гёрцомъ, съ которымъ Князь Куракинъ велъ тайные переговоры, долженствовавшіе произвесть большіе перевороты. Между тѣмъ, пользуясь временемъ, Петръ осмотрѣлъ крѣпость Бергенъ-опъ-Цоомъ, мастерское произведеніе знаменитаго Кугорна; посѣтилъ въ сѣверной Голландіи только-что прибывшій съ моря Остъ-Индскій флотъ и, возвратившись въ Амстердамъ, былъ свидѣтелемъ кончины своего друга и наставника,

Бургомистра Витсена. За два дни до своего отъѣзда изъ Голландіи, Петръ еще разъ посѣтилъ Заандамъ и присутствовалъ при богослуженіи тамошнихъ Менонистовъ. Купецъ Кальфъ,

который часто имѣлъ честь угощать Царя, былъ учителемъ этой секты. Будучи предувѣдомленъ своимъ высокимъ гостемъ, что онъ не любитъ длинныхъ проповѣдей, Кальфъ взошелъ на кафедру и произнесъ: «думай о добрѣ, говори о добрѣ и твори добро. Аминь!» Петръ признался, что никогда еще не слыхалъ проповѣди, короче и сильнѣе.

При прощаніи съ своими Амстердамскими друзьями, Царь спросилъ кусокъ криваго дерева и, сработавъ изъ него небольшую яхточку, подарилъ ее на память фанъ-Реэнену. Потомъ (22 Августа), оставилъ любимый имъ городъ, вѣроятно, съ мыслію — *навсегда*.

Въ Нимвегенѣ, пограничномъ Голландскомъ городѣ, потребовали съ Петра за ночлегъ и скудный ужинъ, состоявшій

изъ яицъ, масла и сыру, — 100 червонцевъ. «Неужели ты со всѣхъ такъ дорого берешь?» — спросилъ Царскій гофмаршалъ трактирщика. — Нѣтъ, не со всѣхъ, — отвѣчалъ послѣдній, — но съ васъ такъ приходится, — «Да за что же съ насъ

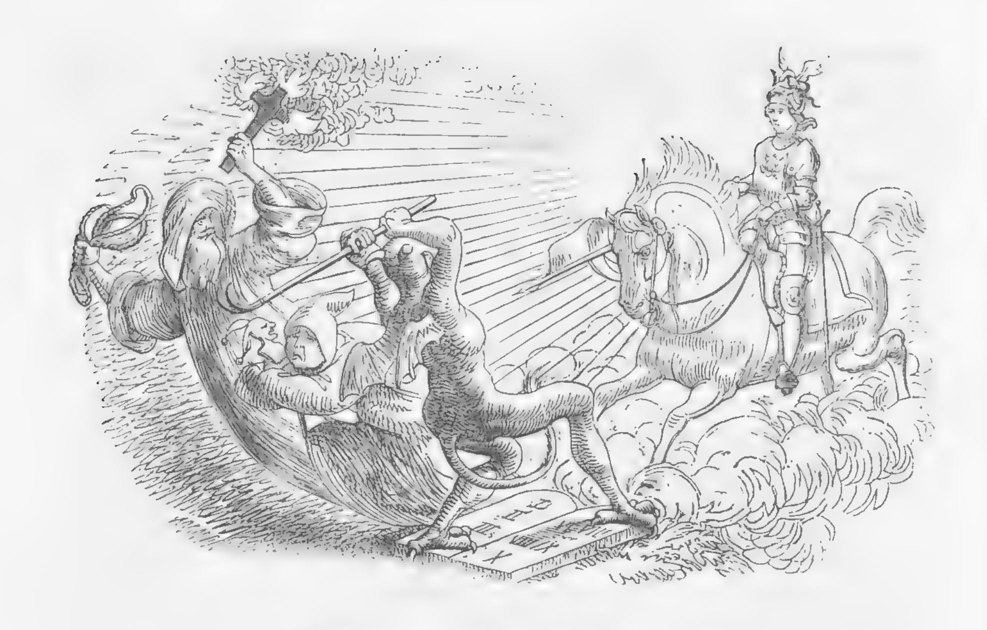
такую непомѣрную сумму?» — спросилъ опять гофмаршалъ. — Эка сумма-сто червонцевъ! — возразилъ Голландецъ, — да еслибъ я былъ Русскимъ Царемъ, такъ не пожалѣлъ бы и тысячи. Петръ заплатилъ трактирщику требуемую сумму и тогда только этотъ наглецъ позволилъ царской каретѣ выѣхать изъ воротъ.

Изъ Нимвегена Петръ безостановочно продолжалъ свой путь чрезъ Клеве, Везель и Магдебургъ къ Берлину; Государыня слѣдовала за нимъ съ своею свитою. Король и Королева привѣтствовали Монарха (8 Сентября) въ своемъ увеселительномъ замкѣ, Монбижу. «Очень радъ, что вижу васъ, братъ мой, Фридрихъ» — сказалъ Петръ, пожавъ Королю руку, и хотѣлъ было обнять Королеву, но она уклонилась отъ такой ласки.

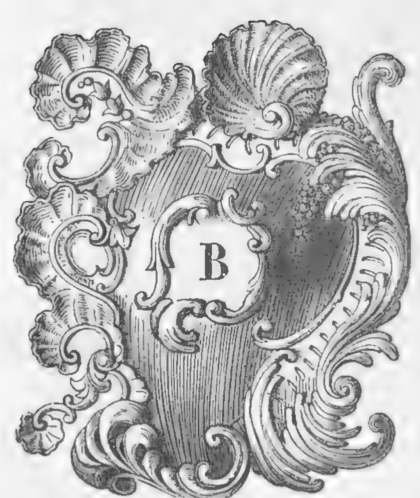
Въ продолженіе шестидневнаго пребыванія въ Берлинѣ, Петръ еще прочнѣе утвердилъ дружбу и союзъ съ Фридрихомъ — Вильгельмомъ и условился съ нимъ касательно мирныхъ переговоровъ съ Швеціею. Потомъ поспѣшилъ, чрезъ Данцигъ и Кенигсбергъ, въ Россію, и 10 Октября прибылъ въ свой любимый Петербургъ, котораго не видалъ почти уже два года.

ГЛАВА XXVIII.

ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ.

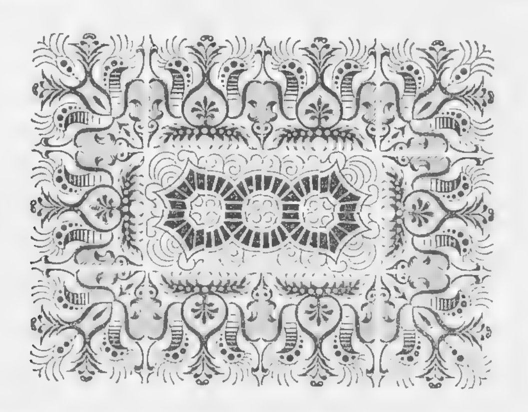

Великій на поляхъ брани, мудрый на государственномъ поприщѣ, любимый народомъ, уважаемый сосѣдями, Петръ, какъ отецъ семейства, не принадлежитъ къ числу счастливѣйшихъ государей. Особенно въ послѣдніе годы войны, когда блистательныя побѣды вѣнчали его оружіе, когда громкая слава предшествовала ему повсюду, — Провидѣніе низпослало на него много тяжкихъ скорбей и подвергло его сердце жестокимъ испытаніямъ.

Главнымъ виновникомъ всѣхъ семейственныхъ горестей Петра былъ старшій его сынъ, Царевичь Алексѣй Петровичь, — несчастная жертва времени и обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ протекло его дѣтство. Онъ родился 29 Февраля, 1690 года, отъ первой супруги Петра, Царицы Евдокіи Ѳедоровны, которая своею ненавистью къ нововведеніямъ и ко всѣму иноземному погубила и себя, и своего первенца. Другіе два сына Петра отъ этого несчастнаго супружества, Царевичи Александръ и Павелъ умерли еще въ младенчествѣ. Царевичь Алексѣй не былъ обиженъ природою. При крѣпкомъ и здоровомъ тѣлосложеніи, онъ обнаруживалъ большія умственныя способности и доброе сердце. Къ несчастію, первые годы его жизни были для его родителя, еще юнаго лѣтами и неопытнаго, временемъ первыхъ подвиговъ на его великомъ поприщѣ, временемъ первой, еще неопредѣленной, но тѣмъ не менѣе упорной борьбы съ предразсудками. Онъ заводилъ новое войско, строилъ флотъ, воевалъ подъ Азовомъ, странствовалъ по Европѣ, сокрушалъ крамолу и, постоянно занятый мыслію о своемъ великомъ предпріятіи, не могъ самъ наблюдать за первымъ развитіемъ своего сына, даже рѣдко имѣлъ случаи, оказывать ему свою отеческую любовь и ласки. Царевичь находился до десяти-лѣтняго возраста подъ надзоромъ своей суевѣрной матери, окруженный закоренѣлыми приверженцами старинныхъ обычаевъ, и, принявъ отъ нихъ первыя впечатлѣнія, первыя понятія о жизни, сталъ смотрѣть на дѣла своего родителя ихъ глазами. Такъ, еще на зарѣ жизни, несчастныя обстоятельства совратили сына съ того пути, по которому шелъ его родитель.

По удаленіи Царицы Евдокіи въ монастырь, когда Царевичу было только 9 лѣтъ, еще можно было бы исправить его дурныя наклонности, пока онѣ еще не укоренились; но Петръ, будучи занятъ войною, воспламенившеюся на Сѣверѣ, не имѣлъ и тогда возможности бодрствовать надъ его воспитаніемъ. Царевичь, имѣя и мать, и отца, былъ какъ будто сиротою, лишенный нѣжнаго, родительскаго надзора. Петръ

оставилъ его по прежнему, въ сообществѣ Нарышкиныхъ, своихъ родственниковъ по матери, полагая, вѣроятно, что они лучше всѣхъ могутъ внушить его сыну любовь и привязанность къ родителю. Къ несчастію Нарышкины были тайные приверженцы Царицы Евдокіи и противники нововведеніямъ. Царевичь слышалъ отъ нихъ тѣ же жалобы на своего отца, которыя привыкъ слышать отъ самой колыбели; слышалъ, что его отецъ есть гонитель его возлюбленной матери, что онъ своими преобразованіями подрываетъ основанія государства, ниспровергаетъ святую вѣру и нравы предковъ; — что народъ повсюду ропщетъ на нововведенія и ни о чемъ такъ усердно не молитъ Всевышняго, какъ о своемъ освобожденіи отъ тяжкаго угнѣтенія иноземцевъ. Такія злобныя внушенія совершенно овладѣли сердцемъ Царевича и потушили въ немъ послѣднюю искру сыновней любви къ родителю. Рабскій страхъ предъ отцемъ, скрытность и притворство заступили мѣсто всѣхъ нѣжныхъ и благородныхъ чувствованій.

Въ 1701 году, когда Царевичу исполнилось 11 лѣтъ, Петръ принялъ дѣятельныя мѣры къ обогащенію его ума всѣми познаніями, необходимыми для вѣнценосца. Онъ приставилъ къ сыну гофмейстеромъ ученаго иностранца, Барона Гизена, самъ начерталъ мудрый планъ ученія, выбралъ умныхъ наставниковъ, поручилъ главный надзоръ за воспитаніемъ своему любимцу, Князю Меньшикову; не-рѣдко самъ объяснялъ

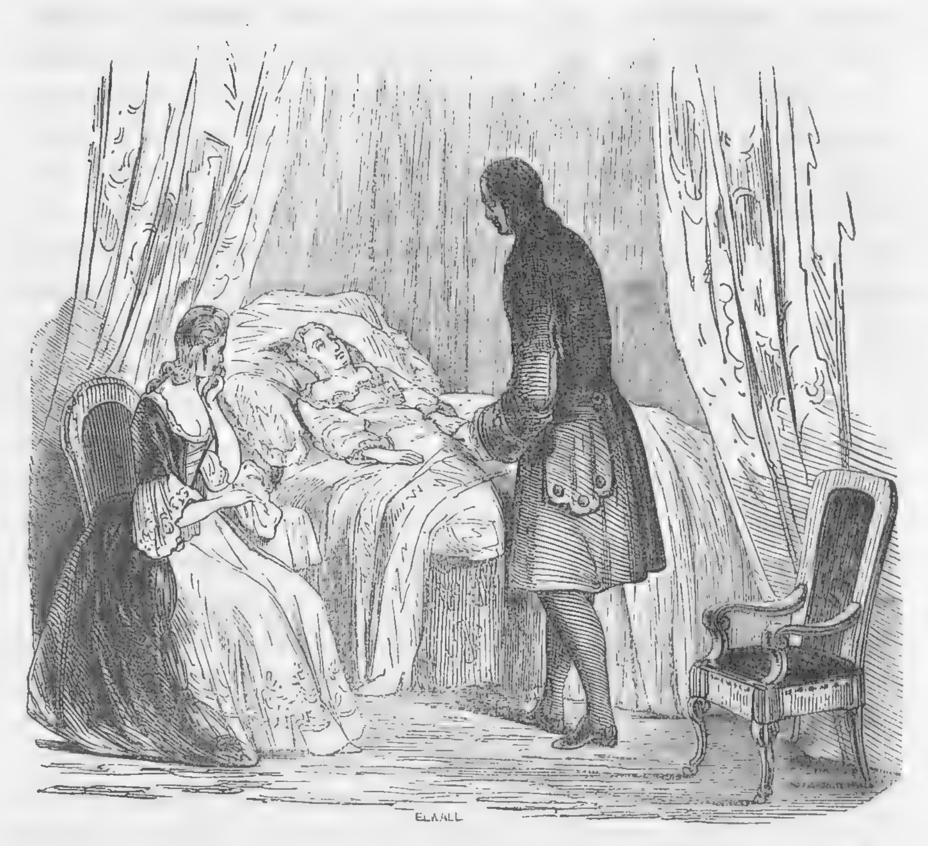
сыну важность наукъ и искуствъ, бралъ его съ собою въ походы и путешествія; часто возлагалъ на него важныя порученія по дѣламъ государственнымъ, — однимъ словомъ не пренебрегалъ ни какими средствами, чтобъ ознакомить его съ высокимъ его назначеніемъ и сдѣлать достойнымъ послѣ себя наслѣдникомъ. Но всѣ эти средства были приняты уже поздно; сердце Царевича уже загрубѣло, и сѣмя наукъ и наставленій, по словамъ Петра, падало на камень. Къ тому же, Царевичь не былъ вовсе удаленъ отъ сообщества съ приверженцами старины и тайными друзьями его матери. Нарышкины, Кикинъ и Князь Вяземскій составляли его свиту и своими злобными внушеніями исторгали изъ его сердца всѣ добрыя сѣмяна, насаждаемыя благоразумными наставниками. Они увѣряли его, «что ему нѣтъ надобности утруждать себя изученіемъ наукъ, иностранныхъ языковъ и нововыдуманныхъ военныхъ оборотовъ; что онъ и безъ того будетъ наслѣдникомъ престола и еще болѣе будетъ любимъ народомъ, если пренебрежетъ новизны отцовскія и станетъ подражать своему дѣду и прадѣду (*).» Такія рѣчи были совершенно по мысли Царевича. Онъ отъ души возненавидѣлъ и науки, и все иноземное, и всѣ дѣла своего родителя. Учился по принужденію, *съ великою* — какъ самъ признавался — *лѣностію*, и проводилъ время въ праздности, или въ грубыхъ забавахъ съ своими любимцами, отъ которыхъ не скрывалъ своего намѣренія, низпровергнуть, со временемъ, все, что было создано его отцемъ. Ни ласки, ни угрозы, ни даже отеческія наказанія не могли образумить заблудшаго сына!

Столь же горько обманулся Петръ въ своихъ надеждахъ на исправленіе сына посредствомъ путешествія и супружества съ иностранною Принцессою. Бракъ Царевича съ умною и кроткою Софіею-Шарлотою, заключенный, казалось, по его

(*) Θеодози. II. 114, 115.

собственному выбору, былъ крайне несчастливъ. Онъ не любилъ своей добродѣтельной супруги, безпрестанно огорчалъ ее своими поступками и даже сталъ ее ненавидѣть, какъ причину частыхъ упрековъ и наказаній, претерпѣваемыхъ отъ огорченнаго родителя. Ни ангельская кротость супруги, ни ея безмолвное страданіе, ни даже рожденіе дочери, Царевны Наталіи (12 Іюля 1714), не могли тронуть грубой души Алексѣя. Кроткая и чувствительная Шарлота не долго переносила свою злополучную участь: — четыре года несчастнѣйшаго супружества приблизили ее ко гробу. 12 Октября 1715 года, она родила сына, Царевича Петра, (въ послѣдствіи Императора Петра II) и чрезъ нѣсколько дней (22 Октя-

бря) скончалась, въ цвѣтѣ лѣтъ, болѣе съ тоски, чѣмъ отъ болѣзни. Петръ, казалось, схоронилъ съ нею послѣднюю надежду на исправленіе нераскаяннаго сына. Горесть Государя была невыразима! Мысль о предстоящей судьбѣ Россіи терзала его скорбную душу и излилась въ трогательномъ увѣщаніи къ недостойному сыну, въ день погребенія его супруги (27 Октября).

Въ этомъ увѣщаніи, упоминая о быстрыхъ успѣхахъ Русскаго оружія и о могуществѣ, котораго Россія достигла въ столь короткое время, Петръ продолжаетъ: «Однакожь, когда «я о семъ, отъ Бога нашему отечеству дарованномъ, благо«полученіи разсуждаю; когда я на потомковъ моихъ, по мнѣ «наслѣдовать имѣющихъ, посмотрю, — чувствую болѣе скорби «ради будущаго, нежели сколько ради настоящаго благополу«чія радости имѣю; понеже вижу, что ты, сынъ мой, отме«щешъ всѣ тѣ средства, чрезъ которыя тебѣ надобно учи-

«ниться способнымъ къ царствованію послѣ меня.» Потомъ говоря, что Царевичь *недостаткомъ разума и крѣпости тѣлесной извиниться не можетъ,* что только лѣность и своевольство причиною его отвращенія отъ дѣлъ государственныхъ, особенно же отъ воинскихъ занятій, которыя наиболѣе необходимы для правителя и безъ которыхъ государство не можетъ благоденствовать, Государь заключаетъ это длинное письмо слѣдующими словами: «Я есмь человѣкъ и смерти «подлежу: то кому вышеписанное съ помощію Вышняго насаж«деніе и уже нѣкоторое и возращенное оставлю? Тому, иже «уподобился лѣнивому рабу Евангельскому, вкопавшему талантъ «свой въ землю? — Еще же и сіе вспомяну, какова злова «нрава и упрямова ты исполненъ! Ибо сколь много за сіе «тебя бранивалъ, и не точію бранилъ, но и бивалъ, — къ «тому жъ сколько лѣтъ почитай не говорю съ тобою; но ни «что сіе успѣло, ни что пользуетъ, но все даромъ, все на «сторону, и ни чего дѣлать не хочешъ, только бъ дома жить «и имъ веселитца. Однакожъ, всего лучше, всего дороже, «безумной радуешся своею бѣдою, не вѣдая, что̀ можетъ отъ «того слѣдовать не точію тебѣ, но и всему государству. «Истинну Павелъ Св. пишетъ: «*како той можетъ церковь Божію* «*управить, иже о домѣ своемъ нерадитъ?*» Что все я съ «горестью размышляя, и видя, что ни чѣмъ тебя склонить «не могу къ добру, за благо изобрѣлъ сей послѣдней теста«ментъ тебѣ написать и еще мало пождать, аще нелице«мѣрно обратишься; ежели же ни, то извѣстенъ будь, что я «весьма тебя наслѣдства лишу, яко удъ гангренный; и не «мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ и что я сіе только «въ устрастку пишу; воистинну (Богу изволшу) исполню. «Ибо я за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ «и не жалѣю, то како могу тебя непотребнаго пожалѣть? «Лучше будь чужой доброй, неже свой непотребной.»

Въ сердцѣ Петра обязанности Монарха всегда брали верхъ надъ чувствами родителя. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ, — который еще съ береговъ Прута писалъ къ своему Сенату: «выберите между собою достойнѣйшаго мнѣ въ наслѣдники,» — рѣшился бы для блага отечества удалить своего сына отъ

Царскаго вѣнца и назначить наслѣдникомъ *чужаго добраго.* Но Провидѣніе, казалось не требовало отъ него этой великой жертвы и, даровавъ ему другаго наслѣдника, примирило Монарха съ родителемъ. 29 Октября — черезъ два дня послѣ погребенія супруги Алексѣя Петровича — Екатерина, бывшая уже матерью двухъ дочерей, Царевенъ: Анны (род. 27 Января 1708) и Елисаветы (род. 18 Декаб. 1709), обрадовала своего супруга рожденіемъ сына, Царевича Петра

Петровича. Радость Царя объ этомъ вожделенномъ событіи выказывается въ его письмахъ къ Шереметеву и другимъ особамъ: «Сей ночи далъ Богъ мнѣ рекрута отцевымъ имемъ,» — писалъ онъ къ Шереметеву. — «Объявляю вамъ

(флотскому капитану фонъ Генту): что сей ночи Богъ далъ мнѣ маленькова матроса, которому имя дано отцово, и симъ вамъ поздравляю.»

Это событіе, столь радостное для Государя, долженствовало быть роковымъ ударомъ для Царевича Алексѣя. Казалось, само Небо благопріятствовало намѣренію его родителя и дѣлало исправленіе сына необходимымъ условіемъ къ достиженію престола. Но что же отвѣчалъ этотъ недостойный сынъ на всѣ убѣжденія и угрозы своего отца и Государя? — «Буде «изволишъ, за мою непотребность, меня наслѣдія лишить «короны Россійской, — буди по волѣ вашей. О чемъ и я «васъ, Государя, всенижайше прошу; понеже вижу себя къ «сему дѣлу неудобна и непотребна, понеже памяти весьма «лишенъ (безъ чего ничего возможно дѣлать), и всѣми силами «умными и тѣлесными (отъ различныхъ болѣзней) ослабѣлъ, «и непотребенъ сталъ къ толикаго народа правленію, гдѣ «требуетъ человѣка не такого гнилого, каковъ я. Того ради, «наслѣдія (дай Боже вамъ многолѣтное здравіе!) Россійскаго «по васъ, хотя бы и брата у меня не было, (а нынѣ слава «Богу братъ у меня есть, которому дай Боже здравіе!) не пре-«тендую, и впредь претендовать не буду, въ чемъ Бога «свѣдѣтеля полагаю на душу мою и ради истиннаго свидѣ-«тельства сіе пишу своею рукою. Дѣтей моихъ вручаю въ «волю вашу, себѣ же прошу до смерти пропитанія.»

Такой бездушный отвѣтъ на письмо, исполненное отеческой заботливости о судьбѣ Россіи и скорби о заблудшемъ сынѣ, глубоко поразилъ родительское сердце Монарха. Петръ, казалось, долго колебался, не зная, что отвѣчать на такое отреченіе сына, которое не обнаруживало ни тѣни раскаянія, ни искры чувствительности, и которое, очевидно, не могло быть чистосердечнымъ. Наконецъ, 16 Января 1716 года, онъ написалъ къ нему *еще послѣднее напоминаніе* и, представляя, что его клятвѣ вѣрить не возможно, требовалъ рѣшительно, чтобъ Царевичь или исправился и былъ достойнымъ наслѣдникомъ или вступилъ въ монашество, «ибо безъ сего (присовокупилъ онъ) духъ мой спокоенъ быть не можетъ, а особливо, что нынѣ мало здоровъ сталъ.»

Безчувственный сынъ, извиняясь, что за болѣзнію не можетъ больше писать, отвѣчалъ: «желаю монашескаго чина, и прошу о семъ милостиваго позволенія.»

Въ концѣ Января этого 1716 года, Петръ, какъ мы видѣли, предпринялъ путешествіе въ Германію, Данію, Голландію и Францію. Предъ отъѣздомъ онъ зашелъ еще къ своему сыну, который, бывъ предувѣдомленъ о его посѣщеніи, легъ въ постель и притворился больнымъ. Царевичь упорствовалъ въ своемъ намѣреніи идти въ монастырь. Государь, съ отеческою ласкою старался отклонить его отъ этого, представляя всѣ невыгоды, всѣ тягости и лишенія монашескаго званія и изъявляя искреннее желаніе видѣть его достойнымъ по себѣ наслѣдникомъ;

наконецъ, совѣтуя не спѣшить, далъ ему 6 мѣсяцевъ времени на размышленіе и, простившись съ нимъ, отправился въ путь. Царевичь выздоровѣлъ тотчасъ по его уходѣ, и еще въ тотъ же вечеръ участвовалъ въ веселой пирушкѣ, съ своими недостойными друзьями.

Прошелъ назначенный срокъ, — Царевичь молчалъ и жаловался только на свое нездоровье, между тѣмъ, какъ къ Государю доходили вѣсти о его связяхъ съ подозрительными людьми, о тайныхъ сборищахъ и частыхъ пирушкахъ. Петръ изъ Коппенгагена напомнилъ сыну, что пора ему рѣшиться либо на то, либо на другое, — быть наслѣдникомъ или монахомъ и, въ случаѣ согласія на первое, требовалъ его немедленно къ себѣ, для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Царевичь, по видимому, рѣшился слѣдовать совѣтамъ родителя, — тотчасъ собрался въ путь и еще съ дороги обрадовалъ Государя извѣстіемъ о своемъ скоромъ прибытіи къ нему. Но, кто изобразитъ горесть и безпокойство отца, когда онъ, послѣ долгаго ожиданія, узналъ, что сынъ его пропалъ безъ вѣсти! Ни какъ не предполагая, чтобъ Царевичь рѣшился постыднымъ бѣгствомъ спастись отъ власти своего родителя и думая, что съ нимъ случилось какое-нибудь несчастіе, Петръ разослалъ искать его повсюду. Долго всѣ поиски были безплодны; наконецъ, капитану гвардіи Румянцеву удалось открыть его убѣжище. Оказалось, что Царевичь, достигнувъ Кёнигсберга, бѣжалъ въ Вѣну и прибѣгнулъ къ Императору съ жалобами на своего родителя и съ просьбою о защитѣ отъ его гоненій, объявивъ, что принужденъ былъ бѣжать отъ невольнаго постриженія. Императоръ скрылъ его сперва въ Тиролѣ, въ крѣпости Эренбергъ; а потомъ, когда это убѣжище стало извѣстно Царю, — въ Неаполитанскомъ замкѣ Ст. Эльмо. Петръ повелѣлъ представить Вѣнскому двору, что подобное укрывательство непокорнаго сына противно правамъ Божескимъ и человѣческимъ; что онъ, какъ отецъ и Государь, требуетъ немедленной выдачи виновнаго, и что отъ дальнѣйшаго сопротивленія его справедливымъ требованіямъ могутъ произойдти бѣдственныя слѣдствія. Императоръ, находившійся тогда въ войнѣ съ Турціею и Испаніею, не хотѣлъ ссориться съ Русскимъ Монархомъ, отказался отъ покровительства Царевичу и дозволилъ Царскимъ уполномоченнымъ, Румянцеву и тайному совѣтнику Толстому, уговорить его къ покорности. Сперва Царевичь не только не хотѣлъ слушать просьбъ и увѣщаній своего родителя, но даже недопускалъ

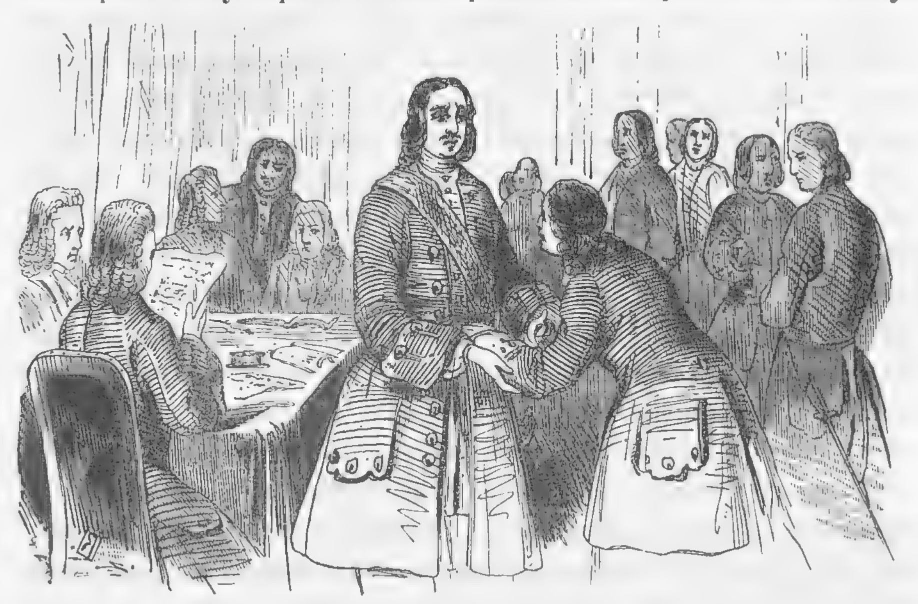
къ себѣ его посланныхъ. Однако представленія Вице-Короля Итальянскаго, что Императоръ не въ силахъ защитить его отъ власти родителя, — скоро убѣдили его, что упорство безполезно. Онъ покорился, написалъ повинное письмо къ родителю и, подъ надзоромъ Толстаго и Румянцева, отправился въ Россію.

ревняя столица Россіи, въ стѣнахъ которой таился еще ненавистный для Петра духъ непріязни къ нововведеніямъ, долженствовала быть свидѣтельницею слѣдствія и розысковъ по дѣлу Царевича Алексѣя. Въ началѣ Февраля 1718 года, виновный Царевичь привезенъ былъ въ Москву, подъ крѣпкою стражею; а Петръ, возвратившійся изъ путешествія, прибылъ сюда еще въ концѣ протекшаго года и нарядилъ коммисію, долженствовавшую открыть сообщниковъ Царевича и вывѣдать ихъ тайные планы и намѣренія. Процессъ, горестный для родительскаго сердца Петра и печальный для отечества, открылся Царскимъ манифестомъ объ отрѣшеніи Царевича Алексѣя Петровича отъ престолонаслѣдія и о назначеніи наслѣдникомъ малолѣтнаго его брата, Царевича Петра Петровича. Въ этомъ манифестѣ Государь описываетъ всю протекшую жизнь Царевича Алексѣя, всѣ недостойные его поступки и тщетность всѣхъ своихъ усилій, употребленныхъ къ его воспитанію и исправленію; наконецъ, съ болѣзнію сердца, излагаетъ постыдное бѣгство неблагодарнаго сына. «И хотя онъ, сынъ нашъ, «(сказано далѣе въ этомъ манифестѣ) за такіе свои противные отъ давнихъ лѣтъ противъ насъ, яко отца и Государя «своего, поступки, особливожъ за сіе на весь свѣтъ приключенное намъ безчестіе — чрезъ побѣгъ свой и клеветы, на «насъ разсѣянныя — отъ насъ, яко злорѣчивый отца своего «и сопротивляяйся Государю своему достоинъ былъ лишенія

«живота, однакожъ мы отческимъ сердцемъ о немъ собо-
«лѣзнуя, въ томъ преступленіи его прощаемъ и отъ всякаго
«наказанія освобождаемъ. Однакожъ, въ разсужденіи его не-
«достоинства и всѣхъ вышеписанныхъ и непотребныхъ обхож-
«деній, не можемъ по совѣсти своей его наслѣдникомъ по
«насъ престола Россійскаго оставить, вѣдая, что онъ по своимъ
«непорядочнымъ поступкамъ всю полученную по Божіей милости—
«и нашими неусыпными трудами — славу народа нашего и
«пользу государственную утратитъ. Итако мы, сожалѣя о
«государствѣ своемъ и вѣрныхъ подданныхъ, (дабы отъ такого
«властителя паче прежняго въ худое состояніе не были при-
«ведены), властію отеческою, по которой (по правамъ госу-
«дарства нашего) и каждой подданной нашъ сына своего
«наслѣдства лишитъ и другому сыну, которому хочетъ, оное
«опредѣлить воленъ, и яко самодержавный Государь для
«пользы государственной, лишаемъ его сына своего Алексѣя
«за тѣ вины и преступленія наслѣдства по насъ престола
«Всероссійскаго, хотя бъ ни единой персоны нашей фамиліи
«по насъ не осталось. И опредѣляемъ и объявляемъ по насъ
«помянутаго престола наслѣдникомъ другаго сына нашего
«Петра, хотя еще и малолѣтна суща; ибо инаго возрастнаго
«наслѣдника не имѣемъ; и заклинаемъ прежде помянутаго
«сына нашего Алексѣя родительскою нашею клятвою, дабы
«того наслѣдства ни въ которое время себѣ не претендовалъ
«и неискалъ. Желаемъ же отъ всѣхъ вѣрныхъ нашихъ под-
«данныхъ духовнаго и мірскаго чина и всего народа Всерос-
«сійскаго, дабы по сему нашему изволенію и опредѣленію
«сего, отъ насъ назначеннаго въ наслѣдство, сына нашего
«Петра за законнаго наслѣдника признавали и почитали, и
«во утвержденіе сего нашего постановленія на семъ обѣща-
«ніемъ предъ Святымъ алтаремъ, надъ Святымъ Евангеліемъ
«и цѣлованіемъ креста утвердили. Всѣхъ же тѣхъ, кто сему
«нашему изволенію въ которое нибудь время противны бу-
«дутъ, и сына нашего Алексѣя отъ нынѣ за наслѣдника
«почитать и ему въ томъ вспомогать станутъ и дерзнутъ,
«измѣнниками намъ и отечеству объявляемъ. И сіе для все-
«народнаго извѣстія повсюду объявить и разослать повелѣли.»

Утромъ, 3 Февраля, виновный Царевичъ предсталъ предъ своимъ отцемъ и Государемъ, въ залѣ Кремлевскаго дворца, при многочисленномъ собраніи вельможъ, духовенства и почетнѣйшихъ гражданъ. Онъ повергся къ ногамъ родителя, словесно и письменно повинился въ своемъ тяжкомъ преступленіи и со слезами умолялъ о помилованіи. Растроганный отецъ поднялъ сына, даровалъ прощеніе; однако объявилъ лишеннымъ правъ наслѣдства и потребовалъ, чтобъ онъ открылъ всѣхъ сообщниковъ побѣга и всѣ свои замыслы. Потомъ Царевичъ Алексѣй долженъ былъ предъ всѣмъ собраніемъ выслушать вышеприведенный манифестъ и торжественною присягою утвердить свое отреченіе отъ престола въ пользу

своего брата Царевича Петра. Наконецъ, когда всѣ присутствовавшіе присягнули новому наслѣднику престола и отреклись отъ прежняго, — Монархъ, Царевичъ и все собраніе отправились въ Успѣнскій соборъ. Тамъ Царскій манифестъ былъ прочтенъ снова, весь народъ и духовенство приведены къ присягѣ, а Царевичъ пріобщеніемъ Св. тайнъ утвердилъ свое обѣщаніе, открыть чистосердечно, *какъ на сущей исповѣди*, все, касающееся до своего побѣга, равно какъ и всѣхъ своихъ сообщниковъ и совѣтниковъ. Искреннее признаніе было

непремѣннымъ условіемъ, по которому ему обѣщано было прощеніе.

Четыре дня спустя Царевичь Алексѣй на предложенные ему Государемъ вопросные пункты подалъ письменное показаніе, въ которомъ однако скрылъ многое и умолчалъ о многихъ своихъ сообщникахъ. Онъ показалъ, что главнѣйшими его совѣтниками въ неповиновеніи родителю, въ притворномъ отреченіи отъ престола, въ избраніи монашескаго званія и въ постыдномъ бѣгствѣ изъ отечества были: Александръ Кикинъ, Никифоръ Вяземскій и Иванъ Афонасьевъ. Они были немедленно взяты подъ стражу и вмѣстѣ съ другими, какъ свѣтскими, такъ и духовными лицами, о которыхъ упоминалось въ показаніи, привезены въ Преображенское, гдѣ началось засѣданіе слѣдственной коммисіи. Ихъ допросъ открылъ, къ немалому изумленію и огорченію Государя, что нити заговора простирались гораздо далѣе, нежели можно было предполагать. Многіе изъ знатнѣйшихъ лицъ въ государствѣ и особъ, приближенныхъ къ Монарху, были запутаны въ это печальное дѣло. Двое Князей Долгоруковыхъ — Михаилъ и Василій Владимировичи,—Князь Петръ Михайловичь Голицынъ, Сибирскій Царевичь; Князь Богданъ Гагаринъ, Иванъ Нарышкинъ, Абрамъ Лопухинъ; сенаторы Петръ Апраксинъ, Михайло Самаринъ; секретарь Меньшикова Волковъ, Архимандритъ Симоновскаго монастыря Петръ и многіе другіе, — даже дамы знатнѣйшихъ фамилій, — были приведены къ допросу. Многіе изъ нихъ: Князь Петръ Голицынъ, Михаилъ Долгоруковъ, Петръ Апраксинъ, Михаилъ Самаринъ и секретарь Волковъ, къ удовольствію Государя, скоро оправдались; другіе удержаны подъ стражею, до окончательнаго рѣшенія участи Алексѣя.

Бывшая Царица Евдокія Ѳедоровна, постриженная въ инокини, подъ именемъ Елены, въ Суздальскомъ монастырѣ, также оказалась участницею въ замыслахъ своего сына. Она была привезена въ Москву и вмѣстѣ съ своимъ духовникомъ, протопопомъ Пустынымъ, Ростовскимъ епископомъ Досиѳеемъ, генералъ-маіоромъ Глѣбовымъ и другими сообщниками, подверглась допросу. Открылось, что Досиѳей дѣйствовалъ на суевѣрную Евдокію нелѣпыми сказками; что онъ успѣлъ увѣрить ее, будто явленія святыхъ и гласы отъ образовъ открыли

ему близкую смерть Царя, возшествіе на престолъ ея сына и скорое ея освобожденіе изъ монастырской келіи. Ослѣпленная такими предсказаніями, Евдокія, вскорѣ послѣ своего постриженія, сбросила съ себя рясу, повелѣла въ церковныхъ

молитвахъ въ Суздалѣ именовать себя Царицею и, вступивъ въ тайныя связи съ Глѣбовымъ, употребляла его орудіемъ своихъ преступныхъ замысловъ. У ней въ келіи найдены были многія бумаги, обличавшія ея намѣреніе, произвесть переворотъ въ государствѣ;—нашлась также и переписка, доказывавшая, что въ этомъ умыслѣ участвовала и сестра Государя, Царевна Марія Алексѣевна и другія лица; а у Глѣбова были захвачены письма, приготовленныя для возмущенія черни.

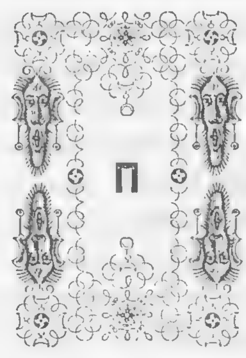
Слѣдствіе и судъ надъ этими преступниками кончились тѣмъ, что Царевна Марія Алексѣевна, подкрѣплявшая преступные замыслы Евдокіи и ея сына, и знавшая о побѣгѣ Царевича, заключена была въ Шлиссельбургскую крѣпость; а бывшая

Царица Евдокія переведена въ другой монастырь, въ Новой Ладогѣ. Коварный же Досиѳей, пользовавшійся ея простотою и суевѣріемъ для своихъ преступныхъ замысловъ, былъ вмѣстѣ съ Глѣбовымъ приговоренъ къ смертной казни. Наконецъ, та же участь постигла Кикина, Вяземскаго и другихъ развратителей и единомышленниковъ Алексѣя Петровича.

Кикинъ былъ тогда президентомъ адмиралтейскаго совѣта, отличался умомъ и способностями, и пользовался большою довѣренностью и милостями Государя. Но, будучи воспитанъ при дворѣ Царицы Евдокіи, уже издавна таилъ въ своей коварной душѣ, подъ личиною усердія, ненависть къ Петру и нововведеніямъ. Побуждаемый любовью къ старинѣ и, можетъ быть, желаніемъ властвовать въ Россіи, по вступленіи на престолъ Алексѣя, онъ сталъ душею и главнымъ совѣтодателемъ Царевича. Одно сказаніе, впрочемъ сомнительное, обвиняетъ его даже въ злодѣйскомъ умыслѣ на жизнь Государя. Будучи еще деньщикомъ при Государѣ и пользуясь правомъ входить къ нему во всякое время, Кикинъ — какъ утверждаетъ сказаніе — вошелъ однажды въ Царскую спальню, нашелъ Государя спящимъ, и приставилъ заряженный пистолетъ къ его сердцу.... Но кремень осѣкся, — злодѣй, смущенный неудачею, вышелъ, однако не отказался отъ своего адскаго намѣренія. Чрезъ нѣсколько времени, пользуясь подобнымъ же случаемъ, онъ снова покусился на жизнь Государя; но смертоносное орудіе вторично отказалось служить злодѣю. Пораженный столь яснымъ доказательствомъ Божественнаго промысла, охраняющаго жизнь Помазанника, злодѣй, трепеща отъ тайнаго ужаса, разбудилъ Государя и, повергшись къ его ногамъ, произнесъ: «Государь! я посланъ отъ Бога, возвѣстить тебѣ, что онъ содержитъ тебя въ своемъ покровительствѣ, и что никакая вражья сила и никакая адская злоба не сильны погубить тебя. — Вотъ, Государь» — продолжалъ онъ: «вотъ пистолетъ! прежде, онъ никогда не осѣкался; но, будучи направленъ на твою грудь, дважды мнѣ измѣнилъ. Теперь жизнь моя въ твоей волѣ, — я недостоинъ болѣе тяготить собою землю.» — Монархъ всталъ, молча прошелся нѣсколько

разъ по комнатѣ; потомъ, обратившись къ преступнику, сказалъ: «Встань! пословъ ни сѣкутъ, ни рубятъ,—Богъ тебя проститъ (*)!»

Допуская, что подобный умыселъ на жизнь Государя могъ дѣйствительно имѣть мѣсто, можно однакожь сомнѣваться, чтобъ онъ принадлежалъ Кикину, который до самой своей казни пользовался довѣренностью Монарха. Еще накапунѣ казни, Петръ — какъ утверждаетъ то же сказаніе — посѣтилъ Кикина и, спросивъ: что побудило его употребить свой умъ на такое злодѣяніе, — получилъ въ отвѣтъ: «умъ любитъ просторъ; а отъ тебя, Государь, было ему тѣсно.»

По исполненіи судебнаго приговора надъ Кикинымъ и другими преступниками, Государь со всѣмъ дворомъ (18 Марта) отправился въ Петербургъ. За нимъ послѣдовали, подъ крѣпкою стражею, Царевичь Алексѣй Петровичь и всѣ подсудимые по его несчастному дѣлу, которое было только отложено, но еще не окончено. Въ началѣ Мая, когда отъ Вѣнскаго двора получены были свѣдѣнія касательно Царевича, и когда его обозъ прибылъ изъ Италіи, открылись многія чрезвычайно важныя обстоятельства, доказавшія всю важность вины Алексѣя и неискренность его признанія.

Царевичь — какъ оказалось — часто произносилъ хульныя и дерзкія слова на своего отца и Государя, желалъ ему смерти, клеветалъ на него Императору и грозился истребить, по достиженіи престола, всѣхъ вѣрныхъ слугъ своего родителя. Кромѣ того, во время своего укрывательства, получалъ извѣстія изъ Россіи чрезъ Австрійскаго резидента въ Петербургѣ; радовался слухамъ, будто въ городахъ, около Москвы, затѣваютъ бунтъ,— будто въ Мекленбургѣ, въ Русскомъ войскѣ господствуетъ духъ мятежа и проч.; наконецъ, приготовилъ даже письма къ Русскимъ сенаторамъ и архіереямъ, прося, «чтобъ они его нынѣ не оставили и увѣдомляя, что Богъ привелъ его подъ охраненіе нѣкотораго великаго Государя, который въ нужномъ случаѣ обѣщался не оставить его.» Однимъ словомъ — откры-

(*) Голиковъ. Анекд. стр. 41 — 46.

лось, что Царевичь стремился къ достиженію Русскаго престола, не только по смерти отца, но еще при его жизни, посредствомъ возмущенія народа и иноземной помощи. Такое ожесточеніе сына ужаснуло Государя. Онъ живо представилъ себѣ всю бездну золъ и несчастій, которыми этотъ новый Авессаломъ угрожалъ своему отечеству, и, подавивъ въ своей душѣ чувства родителя, предалъ виновнаго суду того же отечества, предъ которымъ онъ провинился.

14 Іюня, Царь прибылъ въ Сенатъ, куда, по его повелѣнію, собралось высшее духовенство, министры, сенаторы, воинскіе и гражданскіе чины и знатнѣйшее дворянство—всего 144 человѣка. Предъ этимъ собраніемъ судей, въ присутствіи подсудимаго Царевича, прочтена была выписка изъ дѣла, въ которой излагались, какъ попеченія родителя о своемъ сынѣ, такъ и всѣ противные поступки этого сына. Потомъ Царь объявилъ духовнымъ и мірскимъ чинамъ письменно свою волю: отъ первыхъ онъ требовалъ только, чтобъ они указали, какое наказаніе заслуживаютъ поступки его сына, по Божественнымъ заповѣдямъ и примѣрамъ Св. Писанія; а вторымъ повелѣвалъ рѣшить дѣло и произнесть приговоръ безъ лицепріятія. «Сдѣлайте правду» писалъ онъ — «и не погубите душъ своихъ, и моей, чтобъ совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія, и отечество наше безбѣдно.»

Судьи — подданные самодержавнаго монарха, долженствовавшіе произнесть приговоръ надъ сыномъ своего повелителя, чувствовали всю трудность возложенной на нихъ обязанности и съ сокрушеннымъ сердцемъ приступили къ дѣлу. 18 Іюня, духовные чины подали Царю свое *разсужденіе* или лучше сказать выписку приличныхъ къ этому дѣлу примѣровъ и правилъ изъ книгъ Св. Писанія Вѣтхаго и Новаго Завѣта, изъ Дѣяній Апостоловъ, Соборныхъ постановленій и наставленій Св. Златоуста, — которую заключили слѣдующими словами: «сіе дѣло не нашего есть суда. Кто бо насъ судей постави «надъ тѣми еже нами обладаютъ? Како главу наставляти «могутъ удове, иже отъ нее наставляеми и обладаеми? Къ «симъ же, судъ нашъ духовный по духу долженъ быти, а «не по плоти и крови, ниже вручена есть духовному чину

«власть меча желѣзнаго, но власть духовнаго меча, иже есть «глаголъ Божій.

«Вся же сія превысочайшему Монаршескому разсужденію «съ должнымъ покореніемъ подлагаемъ, да сотворитъ Господь, «что есть благоугодно предъ очима Его, аще по дѣломъ и «по мѣрѣ вины восхощетъ наказати падшаго, имать образцы, «яже отъ Ветхаго Завѣта выше приведохомъ; аще благоизво-«литъ помиловати, имать образъ самаго Христа, который «блуднаго сына кающагося воспріятъ, жену въ прелюбодѣяніи «яту, и каменіемъ побіенія по закону достойную, свободну «отпусти, милость паче жертвы превознесе: *милости*, рече, «*хощу, а не жертвы;* и усты Апостола своего рече: *милость «хвалится на судѣ.* Имать образецъ и Давида, который гони-«теля своего сына Авессалома хотяше пощадити; ибо вождямъ «своимъ хотящимъ на брань противу Авессалома изыти, гла-«голаше: *пощадите ми отрока моего Авессалома* (въ книгахъ «вторыхъ Царствъ, глава 18), и отецъ убо пощадѣти хотяше, «но само правосудіе Божіе не пощадѣло есть того. Кратко «рекше: *сердце Царево въ руцѣ Божіи есть.* Да изберетъ ту «часть, аможе рука Божія того преклоняетъ.»

Наконецъ, по отобраніи отъ Царевича еще нѣкоторыхъ дополнительныхъ показаній, касательно его бѣгства и другихъ обстоятельствъ; по внимательномъ, не однократномъ разсмотрѣніи всего дѣла, и по справкѣ съ статьями Уложенія и артикула правъ воинскихъ, — свѣтскіе судьи, 24 Іюня, единогласно приговорили: «*что онъ, Царевичъ Алексѣй, за вышеобъясненныя всѣ вины свои и преступленія, главныя противъ Государя и отца своего, яко сынъ и подданный Его Величества, достоинъ смерти.*»

Этотъ приговоръ, подписанный Меньшиковымъ, Апраксинымъ, Головкинымъ и другими, всего 126 особами, былъ представленъ на *милосердое разсмотрѣніе Монарха.* Отъ него зависѣлъ и судъ и милость. Но, что избрать? на что рѣшиться, и какой конецъ дать этому несчастному дѣлу?..... Чувство родителя сильно спорило съ обязанностію Монарха. Екатерина, которая своею кротостію всегда смягчала сердце супруга, старалась и теперь склонить его на милость къ осужденному

Царевичу, совѣтуя заточить несчастнаго въ монастырь, безъ объявленія приговора. Она представляла Государю, что позоръ, сопряженный съ обнародованіемъ и исполненіемъ приговора, падетъ на дѣтей осужденнаго, изъ которыхъ одинъ, говорила она, все же долженъ со временемъ наслѣдовать Русскій престолъ,—потому, что слабое тѣлосложеніе, избраннаго въ наслѣдники, Царевича Петра не обѣщаетъ ему долголѣтія (*). То же самое говорило Петру и его родительское сердце. Но правосудіе и любовь къ отечеству представляли ему преступленія сына, безмѣрность опасности, только — что отвращенной и возможность ея повторенія. Онъ взглянулъ на свое прекрасное твореніе — на Россію, — для которой онъ *живота не жалѣлъ и не жалѣетъ,* и рѣшился обезпечить ея будущность, объявивъ сыну смертный приговоръ, который и безъ исполненія, могъ навсегда заградить ему, какъ подвергшемуся политической смерти, путь къ престолу.

Воля Государя была исполнена. Утромъ 26 Іюня, Царевичъ, приведенъ изъ крѣпости, подъ стражею, въ залъ Сената и явился предъ судилищемъ. Когда судьи изрѣкли приговоръ, — страхъ

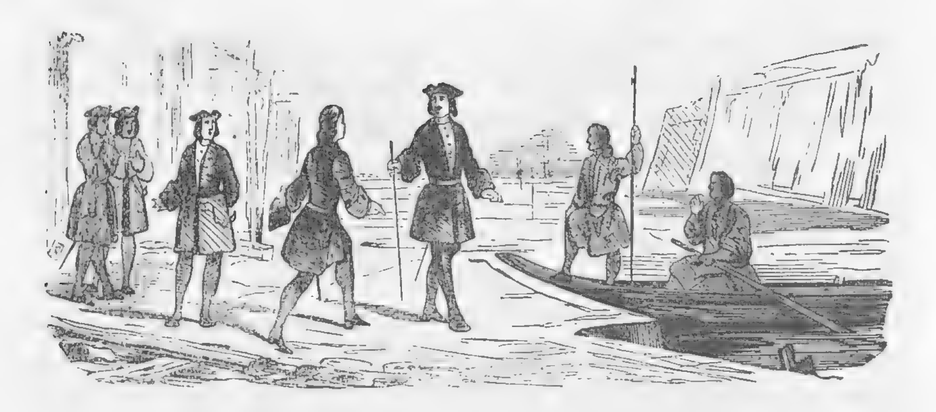
(*) Петръ самъ — какъ увѣряетъ Бассевичъ — отзывался такъ объ этомъ предстательствѣ Екатерины, при разговорѣ съ Герцогомъ Голштинскимъ (Eclaircissements de Bassewitz— Büschings Magazin. IX p. 318.)

смерти до того поколебалъ его душу, что онъ почти безъ чуствъ отнесенъ былъ обратно въ крѣпость и впалъ въ предсмертныя судороги. Возвращенный, искуствомъ врачей, еще на нѣсколько часовъ, къ жизни, онъ пріобщился Св. Таинъ и изъявилъ желаніе, проститься съ родителемъ. Петръ при извѣстіи, что жизнь Царевича находится въ опасности, немедленно поспѣшилъ къ нему, вмѣстѣ съ сенаторами. Онъ забылъ въ немъ преступника и видѣлъ только несчастнаго сына, который хотѣлъ загладить свою вину слезами искренняго раскаянія. Повторяя неоднократно, что онъ тяжко согрѣшилъ предъ Богомъ и родителемъ, — что онъ не заслуживаетъ и не надѣется болѣе сохранить жизнь, — Алексѣй умолялъ отца о послѣдней милости: отпустить вину и наградить своимъ родительскимъ благословеніемъ. Всѣ присутствовавшіе рыдали.

Отецъ не могъ удержаться отъ слезъ Онъ разговаривалъ съ сыномъ около получаса, оказывая знаки нѣжнаго родительскаго участія, увѣрилъ его въ своемъ прощеніи, въ совершенномъ забвеніи прошедшаго; потомъ благословилъ его и простился.

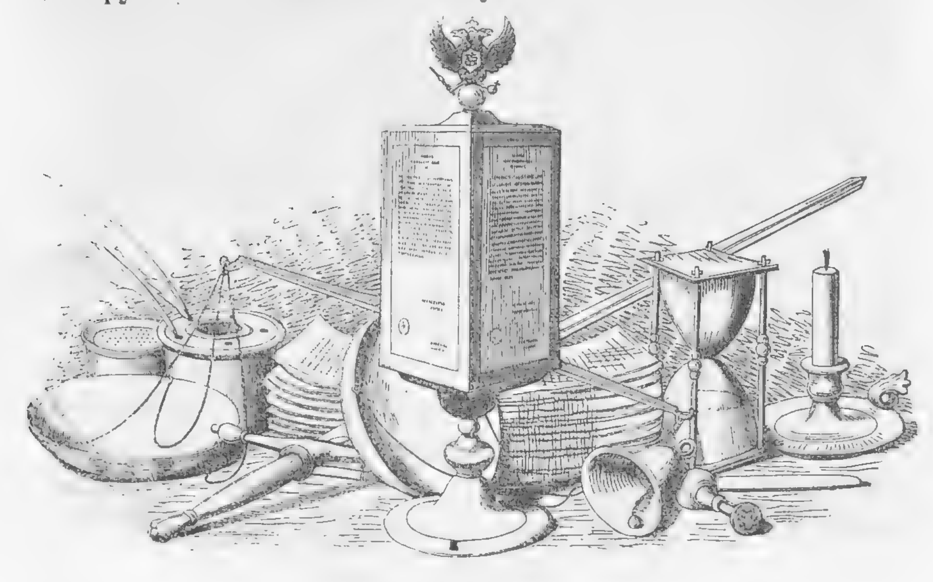
Къ вечеру Царевичу стало хуже; припадки усилились. Казалось, онъ вспомнилъ еще о чемъ-то и пожелалъ снова

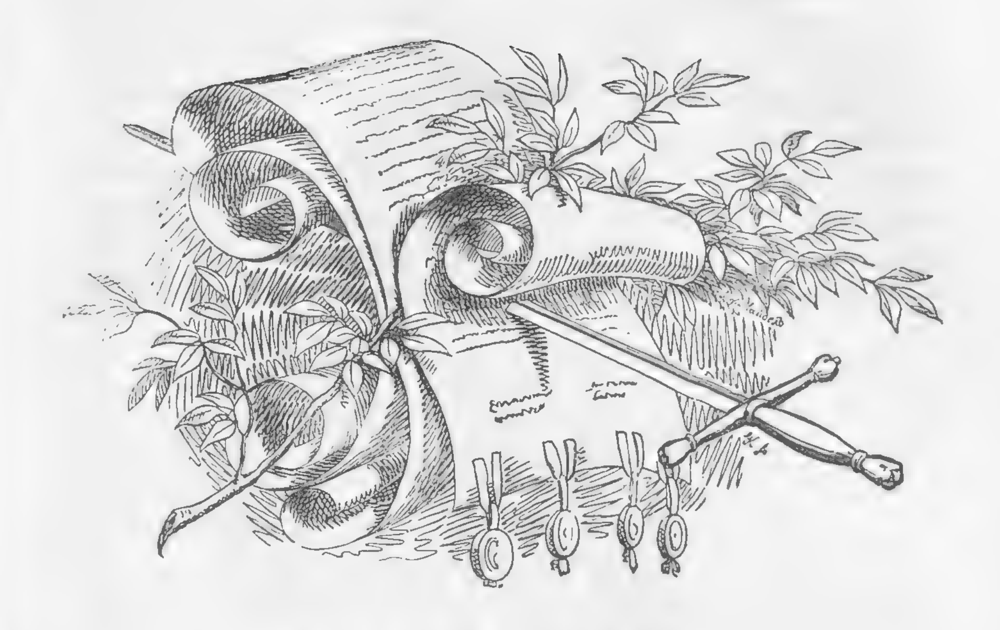

увидѣться съ отцемъ. Петръ спѣшилъ къ нему; но, садясь въ лодку, получилъ извѣстіе, что Царевича не стало.

Тѣло усопшаго въ продолженіе двухъ дней было выставлено въ Троицкой Церкви, и 30 Іюня, въ присутствіи двора и скорбнаго Государя, погребено въ Петро-Павловскомъ соборѣ.

Слѣдствіе и судъ надъ остальными единомышленниками Царевича еще продолжались. Наконецъ, 9 Декабря 1718 года, рѣшилась и ихъ участь: Абрамъ Лопухинъ, братъ бывшей Царицы Евдокіи, ея духовникъ Пустынной, придворные Царевича: Афонасьевъ, Дубровскій, Вороновъ, и нѣкоторые служители подверглись смертной казни; другіе — между ними и одинъ изъ заслуженныхъ сподвижниковъ Петра, Князь Василій Владимировичь Долгоруковъ — сосланы въ ссылку.

ГЛАВА XXIX.

АЛАНДСКІЕ ПЕРЕГОВОРЫ. СМЕРТЬ КАРЛА XII. МИРЪ НИШТАДТСКІЙ. ПЕТРЪ ИМПЕРАТОРЪ.

Лишивъ противниковъ просвѣщенія Россіи послѣдней надежды на возстановленіе стараго порядка вещей и упрочивъ будущность своего творенія жертвою, великою для родительскаго сердца, Петръ готовился, въ то же время, положить конецъ войнѣ съ внѣшнимъ непріятелемъ и даровать Россіи славный и прочный миръ, послѣ долговременнаго и тяжкаго напряже-

нія. Самъ непреклонный Карлъ XII уже искалъ этого мира, какъ единственнаго средства къ возвращенію, хотя нѣкоторой части, своихъ потерянныхъ владѣній и къ спасенію Швеціи отъ постигшихъ ее бѣдствій. Въ слѣдствіе предварительныхъ сношеній между барономъ Гёрцомъ и Русскими министрами еще во время пребыванія Петра въ Голландіи, оба противника, увѣрившись во взаимной склонности къ примиренію, назначили Аландскія острова мѣстомъ мирнаго конгресса и отправили туда своихъ полномочныхъ. Со стороны Россіи были уполномочены:

генералъ-фельдцейгмейстеръ, Графъ Яковъ Вилимовичъ Брюсъ, извѣстный своими глубокими свѣдѣніями въ наукахъ, и совѣтникъ канцеляріи Государя, Андрей Ивановичъ Остерманъ,

искуснѣйшій изъ дипломатовъ Петра, обладавшій умомъ просвѣщеннымъ, тонкимъ и уклончивымъ. Баронъ Гёрцъ, бывшій главнымъ полномочнымъ со стороны Карла XII, нашелъ въ Остерманѣ достойнаго соперника на поприщѣ дипломатики. Товарищемъ Гёрца былъ Графъ Густавъ Гилленбургъ.

Переговоры открылись 12 Мая 1718 года. Петръ соглашался возвратить Шведамъ Финляндію, а требовалъ отъ нихъ уступки Ингріи, Лифляндіи, Эстляндіи и Кареліи съ городомъ Выборгомъ. Эти требованія были съ его стороны непремѣннымъ условіемъ мира. Кромѣ того, онъ предлагалъ признать Августа II Королемъ Польскимъ, уступить Прусскому Королю Штетинъ, съ его округомъ, и включить въ мирный договоръ также Данію и Англію, въ случаѣ ихъ согласія на возвращеніе Карлу XII всего, завоеваннаго ими отъ Швеціи. Искуство Гёрца устранило многія преграды, по видимому, непреодолимыя,

и, склонивъ Карла къ уступчивости, нашло средство, не оскорбляя его гордости, согласить выгоды двухъ великихъ соперниковъ. При всемъ томъ, требованія Россіи казались слишкомъ велики и обременительны. Особенно Ревель долго служилъ камнемъ преткновенія при переговорахъ и возбуждалъ споры, угрожавшіе расторженіемъ конгресса. «Что намъ въ Финляндіи» — говорили Шведы: — «если Ревель останется за Россіею? Въ такомъ случаѣ Царь всегда можетъ, черезъ заливъ, тревожить эту страну и покорить ее снова.» — «Тѣмъ болѣе» — возражали Русскіе министры — «должна Россія опасаться нападенія со стороны Шведовъ, если за ними останутся какія-нибудь владѣнія на южной сторонѣ Финскаго Залива. Да и къ чему послужитъ Царю его Петербургъ, если Швеція, владѣя Гельсингфорсомъ и Ревелемъ, будетъ имѣть въ своихъ рукахъ весь Невскій фарватеръ?»

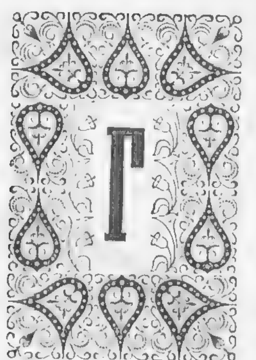
Зная о желаніи Карла XII и замыслахъ его министра, Петръ рѣшился, для пріобрѣтенія мира, пожертвовать выгодами своихъ прежнихъ союзниковъ. Будучи неоднократно огорчаемъ ихъ коварствомъ и своекорыстіемъ и наконецъ вѣроломно покинутый ими, онъ могъ сдѣлать это безъ упрека совѣсти. Остерманъ, получивъ Царскій указъ, намекнулъ Шведскимъ министрамъ, что Государь его не будетъ противъ, если Швеція, въ другомъ мѣстѣ, вознаградитъ себя за эти уступки. «Лифляндія и Эстляндія суть твердыни Швеціи и потери ихъ ни что вознаградить не можетъ,» — отвѣчалъ Гёрцъ. — Но эти твердыни» — возразилъ Остерманъ — «уже потеряны и Король никогда не въ состояніи возвратить ихъ силою оружія; напротивъ, въ случаѣ упорства, долженъ опасаться еще большихъ потерь и лишеній. Уступивъ же ихъ Россіи, Король Шведскій пріобрѣтетъ дружбу Русскаго Монарха, которая можетъ замѣнить ему эти, такъ называемыя, твердыни; можетъ даже доставить вознагражденіе съ другой стороны и возвысить больше прежняго его политическое значеніе въ Европѣ.»

Эти обѣщанія тѣснаго союза и могущественной помощи Россіи удовлетворили Карла и дали желаемый ходъ перегово-

рамъ. Объ уступкахъ, требуемыхъ Россіею, уже не спорили и самый Ревель былъ забытъ. Но еще многія обстоятельства замѣдляли окончаніе переговоровъ. Король Георгъ I, какъ Курфирстъ Ганноверскій, и Короли Датскій и Польскій всѣми средствами домогались о примиреніи съ Карломъ XII. Они предлагали ему свою помощь противъ Россіи и обѣщались вооружить также и Нѣмецкаго Императора; но за то хотѣли удержать за собою свои пріобрѣтенія. Карлъ, руководимый Гёрцомъ, охотнѣе желалъ примириться съ Россіею, нежели съ ними. Но ихъ сторону поддерживали почти всѣ Шведскіе вельможи; не изъ патріотической ревности, а только изъ ненависти къ барону Гёрцу, за неограниченную довѣренность Короля къ этому иностранцу. Они сильно возставали противъ примиренія съ Россіей, представляя планы Гёрца несбыточными мечтами и уступку восточныхъ провинцій пагубнымъ и унизительнымъ для государства. Въ Штокгольмѣ даже всенародно кричали, что Гёрцъ подкупленъ Русскимъ золотомъ, что онъ продалъ Королевскіе интересы и указалъ уже непріятелямъ путь къ нечаянному нападенію на самую столицу государства. Другіе, распространяя слухи, будто Россія возстала общимъ бунтомъ противъ своего Царя, утверждали, что Королю нѣтъ надобности спѣшить заключеніемъ мира съ Петромъ, который, будучи занятъ внутри государства, уже не можетъ быть опасенъ для Швеціи. Наконецъ, и политическія дѣла западной Европы не могли не имѣть вліянія на ходъ Аландскихъ переговоровъ. Кардиналъ Альберони, овладѣвъ Сардиніею, былъ остановленъ въ своихъ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ противъ Сициліи и Неаполя появленіемъ сильнаго Англійскаго флота на Средиземномъ морѣ. Между тѣмъ Императоръ, исторгнувъ побѣдами Принца Евгенія славный и выгодный миръ у Турковъ, сталъ сильнѣе прежняго и вступилъ съ Англіею, Голландіею и Франціею въ четверной союзъ противъ Испаніи. Планы Альберони рушились совершенно и самая Испанія была угрожаема вторженіемъ непріятелей.

Соображая всѣ эти обстоятельства, Карлъ XII, казалось, не зналъ, на что рѣшиться. Купить ли дружбу Русскаго Царя

цѣною своихъ восточныхъ провинцій, столь полезныхъ для государства, или пожертвовать не менѣе важными Нѣмецкими владѣніями за помощь Англіи и Даніи? — Между тѣмъ, Гёрцъ, котораго весь обширный планъ и все значеніе при Королѣ и въ государствѣ основывались на этомъ примиреніи Швеціи съ Россіею, трудился неутомимо, то при Королѣ, отражая внушенія противной партіи, то на конгрессѣ, истощая всѣ тонкости и все искуство дипломата. Послѣ многихъ споровъ и соглашеній, дѣла на конгрессѣ доведены были наконецъ до того, что планъ мирнаго договора былъ уже начертанъ. Карлъ получалъ обратно Финляндію, за исключеніемъ Выборга, и уступалъ Россіи Карелію, Ингрію, Эстляндію и Лифляндію. Петръ обѣщалъ свергнуть Августа II съ Польскаго престола и возстановить на немъ Станислава Лещинскаго, на основаніи Альтранштадтскаго договора. Кромѣ того, онъ принималъ на себя посредничество въ примиреніи Пруссіи съ Карломъ XII на умѣренныхъ условіяхъ, — и главное, — обязался помогать Карлу XII своимъ флотомъ и войскомъ противъ Курфирста Ганноверскаго и всѣхъ, которые будутъ препятствовать Швеціи не только въ возвращеніи ея Нѣмецкихъ владѣній, но и въ вознагражденіи Швеціи Датскою Норвегіею за области, уступленныя Россіи.

ёрцъ уже не сомнѣвался въ согласіи Карла XII на эти условія, и въ половинѣ Ноября мѣсяца отправился къ нему, чтобъ получить его окончательное утвержденіе. Такимъ образомъ, примиреніе Россіи съ Швеціею, послѣ 18-лѣтней тяжкой борьбы, долженствовало воспламенить новую, всеобщую войну въ Европѣ. Но судьбы Всевышняго опредѣлили иначе! Карлъ XII, воевавшій тогда въ Норвегіи, былъ убитъ, вечеромъ 30 Ноября, въ окопахъ подъ стѣнами Фридрихсгалла, ружейнымъ выстрѣломъ. Смертоносный свинецъ, направленный — судя по силѣ вы-

стрѣла — не изъ-далека и пробившій на вылетъ голову героя, рушилъ отважные планы, угрожавшіе неисчислимыми слѣдствіями для всей Европы..... Смерть Короля, которая, какъ полагаютъ, была дѣломъ партіи, отвергавшей примиреніе съ Россіей, влекла за собою и смерть его вѣрнаго министра, барона Гёрца. Злоба вельможъ приписала его совѣтамъ и внушеніямъ всѣ тѣ поступки, которыми упрямый и самовластный Карлъ, вынужденный необходимостью, возбуждалъ неудовольствіе народа въ послѣдніе годы своего правленія, и Гёрцъ палъ на эшафотѣ, жертвою неблагодарности того самаго народа, котораго могущество онъ такъ усердно старался возвысить.

Петръ, который всегда уважалъ своего великаго соперника за его твердость, мужество и таланты полководца и который искренно желалъ быть его другомъ и союзникомъ, былъ пораженъ непритворною скорбью при извѣстіи о его смерти. «Ахъ, братъ мой Карлъ! жаль мнѣ тебя!» произнесъ онъ, отирая невольныя слезы.

Трудно рѣшить, вредна или полезна была для Россіи смерть Карла. Правда, она разрушила союзъ двухъ героевъ Сѣвера, казавшійся столь близкимъ и несомнѣннымъ, отдалила еще на нѣсколько лѣтъ миръ между Швеціею и Россіею, равно необходимый для обѣихъ, и принудила Петра къ новымъ усиліямъ для продолженія войны, уже столько лѣтъ обременявшей Россію. Но за то она освободила Россію отъ другой войны, которая необходимо долженствовала бы вспыхнуть, въ слѣдствіе союза между Петромъ и Карломъ, и которая была бы, можетъ быть, еще труднѣе и продолжительнѣе настоящей. Теперь, по смерти Карла — еще нѣсколько лѣтъ трудовъ и напряженій противъ истощенной Швеціи — и цѣль Петра была достигнута, Россія успокоена; а кто знаетъ, каковы были бы слѣдствія, если бъ Петръ, въ союзѣ съ необузданнымъ завоевателемъ, долженъ былъ противустать всей Европѣ и если бъ эта новая война, которой тягость, при всеобщемъ истощеніи Швеціи, вѣроятно пала бы на одну Россію, — пережила и Петра и Карла?...

Но для Швеціи смерть Карла была потерею ничѣмъ не вознаградимою. Она уничтожила послѣднія надежды на возстановленіе политическаго достоинства народа и предоставила государство, уже изнуренное внѣшними войнами, на жертву внутреннимъ партіямъ. Вельможи, враждебные барону Гёрцу

и Голштинской партіи, восторжествовали. Молодой Герцогъ Голштинскій, сынъ старшей сестры Карла XII, несмотря на свои права, былъ устраненъ отъ престола и Ульрика Элеонора, младшая сестра Карла, супруга наслѣднаго Принца Гессенъ-Кассельскаго, согласившись на ограниченіе монархической власти, получила корону, какъ даръ господствующей партіи. Политика Швеціи измѣнилась совершенно. Мирныя предложенія Англіи, Даніи и Польши, отвергаемыя Карломъ XII, нашли легкій доступъ къ новому правительству, которое, охуждая планы Гёрца, внушало народу лестныя надежды, «что Швеція въ союзѣ съ могущественною Англіею можетъ смѣло противустать Русскимъ и не имѣетъ надобности жертвовать ни пяденью земли для полученія мира (*).» Однакожь, для достиженія этихъ лестныхъ видовъ правительству не доставало ни силы, ни рѣшительности. Оно не спѣшило союзомъ съ Англіею, еще менѣе заботилось о безопасности государства отъ нападенія со стороны Россіи и надѣялось, по видимому, занять Царя пустыми переговорами. Королева, извѣщая Русскаго Монарха о своемъ восшествіи на престолъ, изъявила желаніе продолжать совѣщанія о мирѣ на Аландскомъ конгрессѣ, и обѣщалась прислать, на мѣсто Гёрца, своего полномочнаго министра, Барона Лиліенстедта. Петръ охотно принялъ предложеніе и спѣшилъ отправить на конгрессъ Остермана, снабдивъ его, сообразно измѣнившимся обстоятельствамъ, новыми предписаніями и повелѣвъ предложить Шведамъ условія, еще легче и умѣреннѣе прежнихъ. Но въ то же время, зная склонность Шведскаго правительства къ примиренію съ Англіей, далъ своему флоту и войску приказъ, готовиться къ походу и повелѣлъ объявить Шведамъ, что въ случаѣ медленности въ принятіи мирныхъ условій, «они увидятъ въ самой Швеціи болѣе сорока тысячь полномочныхъ, которые огнемъ и мечемъ ускорятъ переговоры (**).»

Остерманъ прибылъ на мѣсто конгресса въ началѣ Апрѣля 1719 года, вмѣстѣ съ Прусскимъ уполномоченнымъ, Барономъ Мардефельдомъ. Но прошло цѣлыхъ два мѣсяца, пока дожда-

(*) Halem. II. 286.
(**) Өеодози. II. 181.

лись Лиліенстедта. Такая медленность, а еще болѣе безпрестанныя отговорки Шведскихъ министровъ, уклонявшихся отъ открытія переговоровъ, ясно доказывали, что Шведы мало думаютъ о мирѣ, и только желаютъ выиграть время, чтобъ получить съ другой стороны выгоднѣйшія условія. Настал уже Іюль мѣсяцъ, а Шведы еще ни къ чему не приступали. Петръ, съ своими флотами, корабельнымъ и галернымъ, стоялъ уже въ готовности у Аландскихъ острововъ и, узнавъ, что Шведы, полагаясь на обѣщанія Англичанъ, намѣрены удовольствовать его уступкою одной только Ингріи съ Нарвою *и, можетъ быть, нѣкоторой части Кареліи,* рѣшился немедленно исполнить свою угрозу.

Адмиралъ Апраксинъ пустился съ галернымъ флотомъ, подъ прикрытіемъ 12 линейныхъ кораблей, отъ Аландскихъ острововъ къ беззащитнымъ берегамъ Швеціи, безпрепятственно прошелъ шхеры и распространилъ ужасъ и опустошенія повсюду. Одна часть галеръ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Ласси, устремилась къ сѣверу, другая — предводимая самимъ адмираломъ — къ югу отъ Штокгольма. Конныя и пѣшія партіи Русскихъ и Казаковъ появились въ виду самой столицы. Ея окрестности запылали, города и мѣстечки: Норчёпингъ, Нючёпингъ, Зёдертельгъ, Троза, Эстгаммеръ, Эрегрундъ, со множествомъ селъ и деревень, съ нѣсколькими десятками загородныхъ домовъ, фабрикъ, желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ, превратились въ кучу пепла и развалинъ. Убытокъ, причиненный Швеціи этими страшными опустошеніями, оцѣняютъ свыше 12 миліоновъ талеровъ. Королева, внимая воплямъ и стенаніямъ своихъ подданныхъ, убѣдительно просила Царя прекратить военныя дѣйствія и обѣщалась немедленно принять всѣ предложенныя ей условія. Петръ, достигнувъ своей цѣли — доказавъ Шведамъ, какія бѣдствія угрожаютъ имъ въ случаѣ упорства, — отозвалъ Апраксина и, отославъ корабли и галеры къ Ревелю, возвратился (30 Августа) въ Петербургъ, съ надеждою на быстрѣйшій ходъ мирныхъ переговоровъ.

Но въ это самое время, Англійскій флотъ, подъ предводительствомъ адмирала Норриса, (уже съ Мая мѣсяца стоявшій въ Зундѣ, подъ видомъ охраненія Велико-Британской торговли)

явился на Балтійскомъ морѣ, соединился съ Шведскимъ у Карлскроны и сталъ передъ Штокгольмомъ. Появленіе 32 военныхъ кораблей совершенно измѣнило расположеніе умовъ народа и правительства въ Швеціи. Англійская партія опять возвысила свой голосъ. Мириться съ Царемъ, на предложенныхъ имъ условіяхъ, считали унизительнымъ, — думали о мести и о возможности предписать иныя условія силою оружія. Королева должна была дѣйствовать по волѣ господствующей партіи и (9 Ноября) заключила миръ съ Курфирстомъ Ганноверскимъ, уступивъ ему Бременъ и Верденъ за милліонъ талеровъ. За этимъ миромъ послѣдовалъ (21 Января 1720) тѣсный союзъ между Швеціею и Англіею противъ Россіи и всѣхъ другихъ непріятелей. Англія обязалась помогать Шведамъ деньгами, флотомъ и 6,000 войска, чтобъ принудить Царя къ миру *на праведныхъ условіяхъ.* По примѣру Георга I и прочіе союзники Петра спѣшили заключить миръ съ Швеціею, чтобъ упрочить за собою свои пріобрѣтенія. Прусскій Король получилъ Штетинъ и верхнюю Померанію, за 2 милліона рейхсталеровъ. Августъ II, по тайному договору, признанъ былъ Королемъ Польши, предоставивъ Станиславу титулъ Королевскій и заплативъ ему милліонъ талеровъ. Наконецъ Датскій Король получилъ Шлезвигъ и право сбирать пошлину съ Шведскихъ кораблей, проходящихъ чрезъ Зундъ, возвративъ за то Шведамъ Висмаръ и Штральзундъ со всею нижнею Помераніею и островомъ Рюгеномъ.

Итакъ, въ началѣ 1720 года Петръ не только потерялъ всѣхъ прежнихъ своихъ союзниковъ, но еще встрѣтилъ въ одномъ изъ нихъ, и притомъ сильнѣйшемъ, новаго непріятеля. Но онъ зналъ своекорыстную политику Англіи и не страшился ея союза съ слабою Швеціею. «Мы» — писалъ онъ къ своему послу, Князю Куракину — «ни на какія ихъ угрозы не посмотримъ, и неполезнаго миру не учинимъ, но — чтобъ ни было — будемъ продолжать войну, возлагая надежду, на правосудца Бога, противъ такихъ проклятыхъ обманщиковъ......» Онъ готовился къ войнѣ съ величайшею дѣятельностію: безпрестанно

умножалъ флотъ новыми кораблями, исправлялъ крѣпости и гавани и покрылъ баттареями, шанцами и войскомъ весь берегъ отъ Риги до Ревеля и далѣе. Адмиралъ Апраксинъ бодрствовалъ въ Лифляндіи и Эстляндіи, Князь Голицынъ истреблялъ непріятельскія партіи въ Финляндіи, Меньшиковъ формировалъ полки въ Украйнѣ. Предосторожность Государя простиралась до того, что *всѣмъ чинамъ прежнихъ службъ,* Казакамъ и всѣмъ разноплеменнымъ обитателямъ Россіи повелѣвалось Царскимъ указомъ быть готовыми къ походу.

Въ то же время, Петръ, своею твердостію и искуствомъ въ переговорахъ, уничтожалъ происки Королей Англійскаго и Польскаго и удерживалъ завистливыхъ сосѣдей Россіи отъ союза съ ея врагами. Императоръ, подвергшійся непріятностямъ по дѣлу Царевича Алексѣя, еще въ началѣ 1719 года выслалъ Русскихъ агентовъ и резидента Веселовскаго изъ Вѣны и Бреславля. Петръ отвѣчалъ на это изгнаніемъ изъ своихъ владѣній Езуитовъ. Казалось, вражда готова была вспыхнуть. Уже Императоръ, по согласію съ Ганноверомъ и Польшею, принялъ на себя роль посредника, для прекращенія войны на Сѣверѣ и, возобновивъ засѣданія Брауншвейскаго мирнаго конгресса, съ гордостію требовалъ, чтобъ Царь прислалъ туда своихъ полномочныхъ, для заключенія мира съ Швеціею. Петръ не отказывался ни отъ мира, ни отъ посредничества; но, выставляя коварство Ганноверскаго министерства, отвѣчалъ Императору съ такою твердостью, которая ясно доказывала, что онъ не страшится разрыва. Этимъ все дѣло и кончилось: прежнее согласіе, по крайней мѣрѣ, по наружности, вскорѣ было опять возстановлено. Турція также была смущаема непріятелями Россіи; однако представленія Русскаго посланника Дашкова одержали верхъ. Султанъ, вмѣсто разрыва, согласился перемѣнить временной миръ съ Россіею — въ вѣчный, и даже изъявлялъ желаніе заключить союзъ съ Русскимъ Монархомъ; но Петръ уклонился отъ этого. Еще легче было Петру обезпечить себя со стороны Пруссіи. Осторожный Фридрихъ Вильгельмъ, примирившись съ Швеціею и увѣривъ ее въ своей дружбѣ, спѣшилъ постановить и съ Русскимъ Монархомъ въ Потсдамѣ (6 Февраля) тайный договоръ,

по которому обязался хранить совершенный нейтралитетъ и не пропускать ни какихъ иноземныхъ войскъ чрезъ свои владѣнія. Польша, въ силу прежнихъ договоровъ, все еще считалась союзницею Россіи, хотя и питала къ ней враждебныя чувства. Но она, будучи раздираема внутренними партіями, была равно безсильна и враждою, и дружбой. Король Августъ II коварствовалъ противъ Царя, а республика, пользуясь — по обыкновенію — наступающею войною, напоминала о своихъ правахъ на Лифляндію и Курляндію. Петръ понималъ и Польшу, и Августа: не внималъ притязаніямъ первой и презиралъ козни другаго.

Между тѣмъ, въ Швеціи все было въ величайшемъ разстройствѣ. Вельможи, овладѣвшіе верховною властію въ государствѣ, не знали, что съ нею дѣлать, и ни въ чемъ не могли согласиться между собою. Къ тому же вооруженная помощь Англіи, денежныя пособія Франціи, и значительныя суммы, собранныя за уступку Нѣмецкихъ провинцій, вскружили всѣмъ голову. Государство вооружалось; но въ воинскихъ приготовленіяхъ не было ни порядка, ни твердости. Планы и предположенія раждались и изчезали. Споры были безконечны. Народъ страдалъ и отъ оружія Русскихъ, и отъ собственнаго безначалія. Наконецъ, Королевѣ наскучило быть игралищемъ партій: она рѣшилась возложить корону на главу своего супруга, или, по крайней мѣрѣ, раздѣлить съ нимъ престолъ. Собрался сеймъ, — самый шумный: одни поддерживали намѣренія Королевы; другіе хотѣли, чтобъ Герцогъ Голштинскій, Карлъ Фридрихъ, признанъ былъ наслѣдникомъ Шведской короны; третьи, наконецъ, отвергали вовсе наслѣдственность монархической власти и, признавая Королеву вступившею на престолъ по избранію, желали и на будущее время удержать за собою это право свободнаго выбора, чтобъ безъ всякихъ родственныхъ отношеній возлагать корону на достойнѣйшаго. Наконецъ, партія Королевы одержала верхъ и супругъ ея, Принцъ Фридрихъ Гессенъ-Кассельскій, признанный Королемъ, получилъ пустой титулъ безъ власти и силы.

Новый Король сильно чувствовалъ необходимость мира, какъ для возвышенія своей власти, такъ и для блага государства. Онъ отправилъ, немедленно по вступленіи на престолъ, своего генералъ-адъютанта Марка Виттенберга въ Петербургъ съ мирными предложеніями, — несмотря на то, что Англійскій флотъ, состоявшій изъ 28 линейныхъ кораблей, нѣсколькихъ фрегатовъ и брандеровъ, явился опять, въ Маѣ мѣсяцѣ, у береговъ Швеціи. Петръ, изъявляя, какъ и прежде, совершенную готовность мириться и соглашаясь даже на посредничество Франціи при переговорахъ, видѣлъ однакожь, что — при всей склонности Короля къ миру — дѣло зависитъ отъ воли партій, и что Англичане сильно тому противятся. Поэтому, желая доказать Шведамъ, что не страхъ побуждаетъ его къ миру, и что ни они, ни Англичане ни мало ему не опасны, онъ дозволилъ Шведскому посланнику осмотрѣть все въ Петербургѣ; потомъ отправился съ нимъ на островъ Котлинъ, показалъ ему свой флотъ, гавань, всѣ укрѣпленія Кроншлота и, выводивъ его повсюду, произнесъ съ улыбкою: «хотя и не обычай между воюющими, показывать крѣпости непріятельскому офицеру; но за то, теперь Шведамъ не надобно терять денегъ на шпіоновъ, понеже посланникъ самъ все видѣлъ (*).»

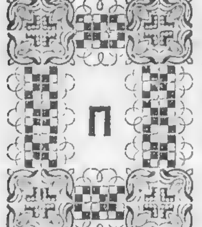
Вскорѣ Шведы на самомъ дѣлѣ убѣдились въ неосновательности своихъ надеждъ на помощь Англіи. Предположенная ими высадка въ Финляндію, подъ прикрытіемъ Англійскаго флота, по чему-то не состоялась, и всѣ военныя приготовленія Швеціи и Англіи кончились одною угрозою и движеніями, возбуждавшими смѣхъ великаго ихъ противника. Англійскій и Шведскій флоты пришли къ Ревелю, стали на якорь у острова Наргена, *сожгли у насъ на Наргенѣ* (какъ съ насмѣшкою писалъ Петръ) *избу да баню, которыя сдѣланы были для рабочихъ людей*, и, совершивъ такой подвигъ, поспѣшно удалились къ Штокгольму.

Русскіе, ожидавшіе непріятельскихъ дѣйствій, дивились ихъ неожиданному удаленію, похожему на бѣгство, и не знали, чему его приписать. Но извѣстіе, полученное изъ Финляндіи отъ генерала Князя Голицына, объяснило причину. Голицынъ, пользуясь отбытіемъ непріятельскихъ флотовъ къ Ревелю, отпра-

(*) Журналъ Петра В. II. 129.

вилъ галерную эскадру, подъ предводительствомъ бригадира Фонъ Менгдена, съ 5,000 пѣхоты и конницы, къ берегамъ Швеціи. Менгденъ, разсѣявъ непріятельскіе отряды, напалъ на города Старый и Новый Умео и превратилъ ихъ въ пепелъ, вмѣстѣ съ окружными селеніями, миль на 5 во всѣ стороны. Испуганные Шведы на̀-скоро отозвали соединенный флотъ для защиты государства; но Менгденъ, сдѣлавъ свое дѣло, счастливо возвратился опять къ Финскимъ берегамъ и былъ уже въ безопасности. «Правда,» писалъ Петръ къ Князю Куракину, — «хотя не гораздо великъ непріятелю убытокъ учиненъ, только то слава Богу сдѣлано предъ глазами помощниковъ ихъ, и чему воспрепятствовать они ни чего не могли.» Вслѣдъ за тѣмъ Князь Голицынъ съ своими галерами напалъ, при островѣ Грёнгамѣ (27 Іюля), на Шведскую эскадру, состоявшую изъ 5 большихъ и нѣсколькихъ меньшихъ военныхъ судовъ, и, послѣ жестокаго боя, овладѣлъ четырьмя фрегатами, которые, почти въ виду соединеннаго непріятельскаго флота, съ торжествомъ отправилъ въ Петербургъ.

Англичане сами увидѣли, наконецъ, невозможность заградить своими большими кораблями Русскому галерному флоту путь къ берегамъ Швеціи. *Наши стерляди* (такъ Меньшиковъ называлъ галеры) проходили, какъ будто подъ водою и безопасно ныряли между шхерами, гдѣ кораблями вовсе невозможно было дѣйствовать. Ни что не спасло Шведовъ отъ этихъ страшныхъ непріятелей, которые безпрепятственно приставали къ берегу во всякомъ мѣстѣ и разносили ужасы войны и пожаровъ по мирнымъ селеніямъ. За нашествіемъ непріятелей слѣдовали другія, не меньшія бѣдствія. Несчастные жители, теряя все, оставаясь безъ крова и куска насущнаго хлѣба, сами въ свою очередь, становились врагами своего отечества и, для поддержанія своей бѣдственной жизни, должны были тревожить и разорять тѣхъ, которыхъ пощадили непріятели. Толпы бродягъ и шайки грабителей появились повсюду; всѣ узы подчиненности и порядка были разторгнуты — зло достигло высшей степени. Все государство громко вопіяло о мирѣ, — тѣмъ болѣе, что Англійскій флотъ съ наступленіемъ осени опять оставилъ Балтійское море.

ри такихъ обстоятельствахъ, Русскій генералъ-адъютантъ Александръ Румянцевъ, прибывшій въ Стокгольмъ съ мирными предложеніями Царя и съ полномочіемъ заключить перемиріе, былъ вожделеннымъ гостемъ. Дружеское сближеніе началось освобожденіемъ Русскихъ военноплѣнныхъ (болѣе 200 человѣкъ), находившихся въ Штокгольмѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, послѣ нѣсколькихъ пересылокъ, условились о мѣстѣ новаго конгресса и назначили полномочныхъ. Однако не прежде, какъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1721 года, министры обѣихъ державъ — Шведскіе: баронъ Лиліенстедтъ и генералъ Стремфельдъ, и Рус-

скіе: Брюсъ и Остерманъ—съѣхались въ Ништадтѣ. Основаніемъ Ништадтскихъ переговоровъ послужили Аландскіе, и Шведское правительство обнаружило теперь гораздо болѣе склонности къ примиренію, нежели прежде. Но Петръ, зная, что Шведамъ тяжко отказаться отъ Лифляндіи и Эстляндіи, и что Англичане, можетъ быть, болѣе самихъ Шведовъ стараются оттолкнуть Россію отъ береговъ Балтійскаго моря, не оставлялъ своихъ воинскихъ приготовленій, которыя, даже среди зимы, производились съ обыкновенною быстротою и дѣятельностію. Къ несчастію, эти вооруженія Царя возбудили опять недовѣрчивость Шведовъ и придали нѣкоторую вѣроятность представленіямъ Англійской партіи, что Царь вовсе не думаетъ

о мирѣ и желаетъ только усыпить Шведовъ переговорами, чтобъ тѣмъ легче подавить ихъ совершенно. Устрашенное Шведское правительство опять обратилось къ Англіи, и Англійскій флотъ въ третій разъ явился на Балтійскомъ морѣ, угрожая Россіи. Петръ не боялся угрозъ и далъ повелѣніе своему галерному флоту, начать непріятельскія дѣйствія. Въ то же время, онъ употребилъ еще и другое средство, чтобъ затруднить Шведовъ и придать вѣсъ и силу своимъ требованіямъ.

Молодой Герцогъ Голштинскій, лишенный своихъ наслѣдственныхъ владѣній и Шведской короны, по праву ему принадлежавшей, находился въ Вѣнѣ, при дворѣ Императора, у котораго онъ, какъ Имперскій князь, искалъ содѣйствія, для возвращенія своихъ владѣній. Петръ зналъ, что Герцогъ имѣетъ въ Швеціи сильную партію и рѣшился еще болѣе ее усилить. Онъ сблизился съ Герцогомъ, предложилъ ему свое покровительство и руку своей старшей дочери, Анны Петровны, обѣщаясь не заключать съ Швеціею мира, пока племянникъ Карла XII не будетъ признанъ наслѣдникомъ престола. Герцогъ склонился на предложенія Царя, прибылъ въ Россію и нашелъ въ Петербургѣ великолѣпный и вмѣстѣ

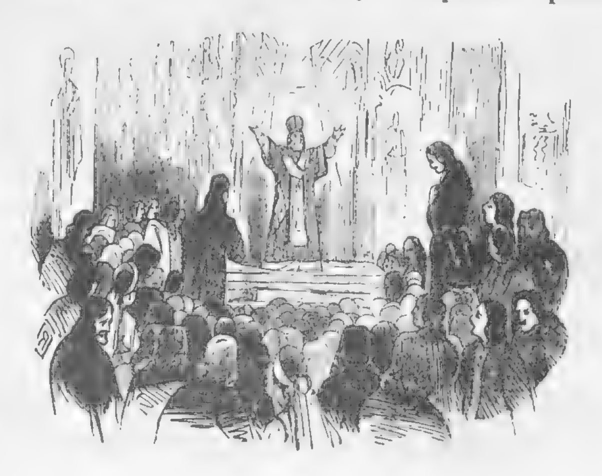
радушный, родственный пріемъ. Петръ и Екатерина привѣтствовали его, какъ своего будущаго зятя. Это смутило и Данію, и

Шведскаго Короля Фридриха I, и послужило для послѣдняго новымъ побужденіемъ къ ускоренію мирныхъ переговоровъ. Еще же болѣе побуждали его къ тому вопли всей Швеціи, устрашенной новымъ вторженіемъ Русскихъ. Генералъ-маіоръ Ласси, котораго имя, наводило ужасъ на Шведовъ, исполняя Царскій указъ, двинулся, въ Маѣ мѣсяцѣ, съ галерами къ Шведскимъ берегамъ и, разрушивъ четыре города, со множествомъ селъ и деревень, покрылъ все береговое пространство Швеціи, отъ Гефле до Умео, грудами пепла и развалинъ. Трепещущая Швеція отказалась отъ Лифляндіи и Эстляндіи и только умоляла Царя, отозвать скорѣе страшнаго Ласси.

Ни что, однакожь, не могло склонить Короля и Шведское правительство къ принятію новыхъ требованій Царя касательно признанія Герцога Голштинскаго наслѣдникомъ престола. Остерманъ представилъ Государю необходимость отступить отъ этого требованія, чтобъ не упустить благопріятной минуты къ заключенію славнаго и выгоднаго мира. Онъ согласился. Этимъ устранились всѣ препятствія. Переговоры приходили къ концу, — только о Выборгѣ еще спорили. Петръ, которому наскучила уже и война, и переговоры, и котораго вниманіе обратилось уже въ другую сторону — на дѣла Персіи, — готовъ былъ отступиться и отъ Выборга. Онъ уже отправилъ своего каммергера, генералъ-маіора Ягужинскаго, съ новыми предписаніями на конгрессъ. Но Остерманъ, извѣстясь заранѣе, чрезъ Выборгскаго коменданта Шувалова, объ этомъ посольствѣ и угадавъ тотчасъ его цѣль, поспѣшилъ предупредить пріѣздъ Ягужинскаго, чтобъ удержать за Государемъ городъ, столь важный для безопасности Русской столицы и чтобъ самому не подѣлиться съ новымъ полномочнымъ честію заключенія славнаго мира, для котораго онъ уже столько лѣтъ трудился. Зная, что Шведы не постоятъ за Выборгъ, онъ рѣшился погрозить имъ и объявилъ, что получилъ указъ Государя — или заключить миръ въ 24 часа, или прервать перегоры. Эта хитрость имѣла желаемый успѣхъ. Устрашенные Шведы отступились не только отъ Выборга, но и отъ многихъ другихъ требованій, на которыя Царскіе министры имѣли полномочіе согласиться. Договоръ въ тотъ же

день, 30 Августа, былъ подписанъ. Россія получила на вѣчныя времена: Лифляндію, съ островами Эзелемъ, Даго и Меномъ; Эстляндію, Ингрію, часть Кареліи, съ городомъ Кексгольмомъ, и отъ Финляндіи городъ Выборгъ; а возвратила Швеціи Финляндію, кромѣ Выборга, и обязалась уплатить за Лифляндію 2 милліона ефимковъ.

По отправленіи Ягужинскаго, Государь вознамѣрился ѣхать въ Выборгъ, чтобъ лично осмотрѣть границы; но, оставивъ 3 Сентября Кронштадтъ и подъѣзжая къ своему загородному дому въ Дубкахъ, (названныхъ такъ по дубовой рощѣ, насажденной руками Петра) онъ встрѣтилъ капрала гвардіи Обрѣзкова, отправленнаго съ Ништадтскаго конгресса, съ радостною вѣстію о мирѣ. Былъ уже вечеръ. Петръ остался ночевать въ Дубкахъ. Утромъ, когда его придворные готовились въ дальнѣйшій путь къ Выборгу, онъ объявилъ имъ о заключеніи мира и поспѣшилъ первый обрадовать свою столицу. Сопровождаемый однимъ пажемъ, Государь въѣхалъ въ Неву на бригантинѣ, возвѣщая общую радость Россіи звуками трубъ и пушечными выстрѣлами. Народъ, угадывая, что-такое не обыкновенное шествіе Государя означаетъ что-либо особенное, толпами стекался на берегъ. Приближенныя особы, свѣтскія и духовныя, собрались на Троицкой пристани и со слезами радости услышали изъ устъ Монарха благодатную вѣсть о счастливомъ и славномъ мирѣ. Всѣ спѣшили вслѣдъ за великимъ вѣстникомъ мира въ Троицкую церковь, принесть благо-

дарепіе Всевышнему. По окончаніи молебствія, адмиралъ, флагманы и министры приступили къ Государю и убѣдили его принять чинъ *Адмирала краснаго флага,* въ знакъ трудовъ, понесенныхъ имъ въ этой войнѣ.

Когда вышли изъ церкви, на площади стояли уже огромныя кади съ виномъ и пивомъ для угощенія народа. Петръ въ Преображенскомъ мундирѣ, взошелъ на помостъ, приготовленный передъ церковью, снялъ шляпу, поклонился народу и произнесъ: «Здравствуйте и благодарите Бога, православные, что толикую долговремянную войну, которая продолжалась двадцать одинъ годъ, Всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ со Швеціею счастливый, славный миръ!» Потомъ, приказавъ почерпнуть себѣ въ стаканъ вина, выпилъ за здра-

віе народа, повторивъ: «Здравствуйте, любезные! да поможетъ намъ Богъ въ мирѣ трудиться для прибытка вашего и облегчить тягости, понесенныя въ войнѣ. Здравствуйте!» Радостные клики народа покрывали громъ орудій.

Двѣнадцать драгунъ, въ зеленыхъ мундирахъ, съ бѣлыми перевязями чрезъ плечо, неся бѣлыя знамена, украшенныя лавровыми вѣнками, разъѣзжали до поздняго вечера, предшествуемые трубачами, по всѣмъ улицамъ столицы, какъ вѣст-

ники вожделеннаго мира. Во всей Россіи повелѣно было совершать троекратное благодарственное молебствіе за окончаніе войны, продолжавшейся три семилѣтія, — а на будущее время, для ежегоднаго воспоминанія Ништадтскаго мира, назначено было торжество 30 числа Августа — въ день подписанія трактата.

Какъ доволенъ былъ Петръ заключеніемъ этого мира и трудами своихъ полномочныхъ, видно изъ его письма къ нимъ (отъ 9 Сентября): «Господа полномочные!» писалъ онъ: — «Я намѣренъ былъ ѣхать къ Выборгу для осматриванія границъ: но пріѣзжая къ Дубкамъ, получилъ отъ васъ подписанный и размѣненный трактатъ, которая, нечаянная такъ скоро, вѣдомость насъ всѣхъ зѣло обрадовала, что сія трехвременная жестокая школа такій благій конецъ получила; понеже трактатъ такъ вашими трудами сдѣланъ, что хотя бъ написавъ намъ, и только для подписи послать господамъ Шведамъ, — болѣе бы того учинить нечего; за что вамъ зѣло благодарствуемъ; и что славное въ свѣтѣ сіе дѣло ваше никогда забвенію предатися не можетъ, а особливо николи наша Россія такого полезнаго мира не получала. Правда долго ждали, да дождались: за еже все да будетъ Богу всѣхъ благъ виновнику вѣчну хвала.»

Въ Петербургѣ, при Царскомъ дворѣ, заключеніе мира служило поводомъ къ безпрерывнымъ пирамъ, шумнымъ маскарадамъ и другимъ увеселеніямъ, выражавшимъ непринужденную веселость Монарха, богатаго самыми странными затѣями въ минуты общей радости. 5 Сентября праздновали тезоименитство Царевны Елисаветы Петровны катаньемъ по Невѣ, обѣдомъ и баломъ въ Почтовомъ домѣ; 10 была маскарадная свадьба князя Папы Бутурлина со вдовою его предшественника, Зотова. Этотъ шумный карнавалъ, подобный бывшему въ 1715 году, въ продолженіе трехъ дней забавлялъ Монарха и придворныхъ и изумлялъ зрителей своею затѣйливостью (*).

(*) Выписываемъ для любопытныхъ описаніе этого достопамятнаго праздника изъ *Панорамы Санктпетербурга* (книг. 1 ст. 210 — 213): «Не только разнообразіе, оригинальность нарядовъ, но и богатство ихъ привлекало вниманіе. Замѣчательнѣйшія были: одежда Князя

За тѣмъ слѣдовали: звѣриная травля, маскарадныя прогулки по городу, балы и вечеринки у первостепенныхъ сановниковъ, поѣздка въ Кронштадтъ, и проч.

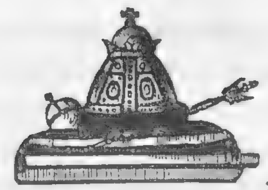
Среди такихъ забавъ насталъ наконецъ, 22 Октября, день, назначенный для вторичнаго, общаго во всей Россіи торжества Ништадтскаго мира.

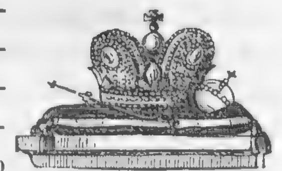
Этотъ миръ, прославившій и возвеличившій Россію, изгладилъ изъ памяти народа всѣ протекшія бѣдствія, всѣ труды и лишенія, понесенныя въ продолженіе войны, тяжкой и многолѣтней. Помнили только великіе подвиги, совершенные во время этой борьбы, видѣли только славу, озарившую Россію; славили Всевышняго, благословляли Монарха и ликовали. Самыя темницы отверзлись для общей радости милосердіемъ Монарха. Всѣ преступники, кромѣ обвиненныхъ въ убійствѣ и неоднократныхъ разбояхъ, получили прощеніе; государственные должники были помилованы и всѣ недоимки, отъ начала войны по 1718 годъ, простиравшіяся на нѣсколько милліоновъ рублей, были отпущены народу.

Кесаря Ромодановскаго, представлявшая нарядъ древнихъ Царей, длинная и широкая бархатная его мантія подбита была горностаевымъ мѣхомъ; богатая на головѣ корона и скипетръ въ рукѣ блестѣли драгоцѣнными камнями. Князь Меньшиковъ избралъ простую одежду Гамбургскаго Бургомистра; Герцогъ Голштинскій былъ въ розовомъ шелковомъ кафтанѣ, обложенномъ золотыми галунами, за нимъ слѣдовала роскошно и щегольски одѣтая свита; Князь-Папа былъ въ полномъ облаченіи Римскихъ Первосвятителей; за тѣмъ являлись одежды всѣхъ возможныхъ народовъ, напоминавшія многимъ праздникъ, бывшій по случаю свадьбы Зотова.

«Наиболѣе же въ маскерадѣ семъ занималъ зрителей Бахусъ съ тигровою кожею на плечахъ и съ виноградною въ рукѣ лозою. Роль эта поручена была одному изъ нижнихъ придворныхъ служителей, который столь глубоко проникъ въ характеръ изображаемаго имъ божества, что три дня сряду, до праздника, безпрерывно утолялъ жажду свойственную Богу вина, и за то въ день маскерада онъ представилъ его чрезвычайно удачно. Танцмейстеръ дѣтей князя Меньшикова не съ меньшимъ успѣхомъ выполнилъ роль сатира; далѣе являлись искусно одѣтые строусами, журавлями и пѣтухами. Два маленькіе карла, съ подвязными, длинными бородами, вели на веревкѣ двухъ великановъ, одѣтыхъ малолѣтными дѣтьми. Нѣсколько человѣкъ въ старинномъ парчевомъ нарядѣ Русскихъ бояръ, съ длинными бородами ѣхали верхомъ на живыхъ медвѣдяхъ. Царскій шутъ, Вителли, зашитый весь въ медвѣжью кожу, былъ везенъ въ клѣткѣ, устроенной наподобіе тѣхъ, въ коихъ обыкновенно держатъ векшей; всѣ полагали, что это живой медвѣдь, но вскорѣ убѣдились въ противномъ, ибо шутъ, выскочивъ изъ клѣтки, вскарабкался на настоящаго медвѣдя и важно поѣхалъ на немъ верхомъ. Съ площади всѣ отправились къ обѣденному столу въ домы Сената и Коллегій; послѣ обѣда, по обыкновенію начались танцы; когда же настало время разъѣзда, новобрачные отведены были съ большою процессіею въ маленькую комнату, устроенную внутри пирамиды четырехъ фрегатовъ.

«На другой день послѣ полудня тѣ же лица и въ тѣхъ же нарядахъ, собрались на Троицкую площадь для поздравленія новобрачныхъ и провожанія ихъ чрезъ Неву въ Почтовый домъ, гдѣ въ сей день назначенъ былъ большой обѣдъ. Въ домѣ Князя-Папы, онъ самъ встрѣчалъ гостей въ наружныхъ дверяхъ, поодиначкѣ благословляя каждаго на веселіе и под-

Вѣсть мира и милосердія изгоняла отвсюду скорби и печали, и ликующая Россія рѣшилась торжественно изъявить свою признательность великому виновнику общей радости. Именемъ ея, *именемъ всего народа Всероссійскаго,* Сенатъ и Синодъ положили просить Государя, «дабы изволилъ принять отъ нихъ «титло Отца Отечествія, Императора Всероссійскаго Петра «Великаго, за высокую его милость и отеческое попеченіе «и стараніе, которое онъ о благополучіи государства во все «время прошедшія Шведскія войны явить изволилъ.» Съ этимъ предложеніемъ отправили къ Монарху сперва Меньшикова, потомъ нѣсколько другихъ членовъ Сената съ двумя архіепископами: Новгородскимъ Ѳеодосіемъ и Псковскимъ Ѳеофаномъ. «Его Величество по своей обыкновенной и достохвальной модестіи, или умѣренности того принять долго отрекался «и многими явленными резонами отъ того уклоняться изволилъ: однакожъ, по долгомъ оныхъ господъ сенаторовъ прошеніи и предложеннымъ важнымъ представленіямъ послѣди «склонился на то всемилостивѣйше позволить.»

Народное торжество 22 Октября началось поднесеніемъ Монарху этого титула. Въ Троицкомъ соборѣ, по окончаніи литургіи, былъ прочитанъ трактатъ вѣчнаго мира съ Швеціею. Потомъ Ѳеофанъ Прокоповичь, въ краснорѣчивомъ словѣ, изложилъ

чивая пивомъ, которое онъ черпалъ изъ огромнаго чана, поставленнаго возлѣ; въ заключеніе, каждый посѣтитель получилъ отъ него поцѣлуй. Обойдя вокругъ пирамиды, новобрачные и гости ихъ начали переправляться чрезъ рѣку; Князь-Папа сѣлъ въ большую деревянную чашу плававшую въ огромномъ наполненномъ пивомъ чанѣ, утвержденномъ на небольшихъ, скрѣпленныхъ между собою бочкахъ. Къ сему новому пловучему экипажу были привязаны толстыми веревками другія бочки связанныя по двѣ, съ укрѣпленными наверху боченками; на каждомъ изъ нихъ сидѣлъ Кардиналъ, впереди же ѣхалъ въ лодкѣ, имѣвшей видъ морскаго чудовища, Царскій шутъ одѣтый Нептуномъ, съ длинною, сѣдою бородой, въ коронѣ и съ трезубнемъ, которымъ онъ по временамъ повертывалъ чашу, вмѣщавшую Князя Папу, котораго голова едва видна была изъ за краевъ чана. Когда поѣздъ былъ дотянутъ до берегу буксировавшими оный лодками, выходъ изъ чаши причинилъ Князю Папѣ чрезвычайныя затрудненія: при каждомъ движеніи его, она погружалась въ пиво чана, въ которомъ плавала, и грозила, если не потопить, то выкупать сѣдока въ семъ напиткѣ.

«На другой день (12 числа), гости послѣ обѣда опять собрались въ маскарадныхъ одеждахъ, у Почтоваго дома; здѣсь они сѣли на большія суда и въ продолженіе плаванія по Невѣ, качались на устроенныхъ на судахъ, круглыхъ качеляхъ; послѣ чего отправились на Васильевскій Островъ, гдѣ были угощаемы въ домѣ и въ саду Князя Меньшикова.»

великія и славныя дѣла Монарха и всѣ благодѣянія, оказанныя народу, за которыя *«ему имя Отца Отечества, Императора и Великаго по достоинству имѣти подобаетъ.»* Всѣ вельможи и духовные приблизились къ Монарху, и великій канцлеръ, Графъ Гаврило Ивановичь Головкинъ, именемъ ихъ и всего народа произнесъ рѣчь, въ которой изъявилъ Государю общую признательность подданныхъ за то, что *«они его неусыпными трудами и руковожденіемъ изъ тмы невѣденія на театръ славы всего свѣта и тако рещи, изъ небытія въ бытіе произведены,»* и просилъ его *«въ знакъ малаго ихъ признанія толикихъ благодѣяній»* принять титулъ, по достоинству ему принадлежащій. *«Твоя отъ твоихъ* (заключилъ онъ) *и достойное достойному воздаемъ. Виватъ, виватъ, виватъ Петръ Великій, Отецъ отечествія, Императоръ Всероссійскій!»*

Сенаторы, всѣ чины государственные и весь народъ внутри и внѣ церкви трижды воскликнули виватъ. Раздались звуки трубъ, литавръ, барабановъ, освѣтились бѣглымъ огнемъ ряды войска, стоявшаго на площади, загремѣли орудія съ крѣпости,

съ адмиралтейства и съ 125 галеръ (прибывшихъ въ тотъ же день съ Княземъ Голицынымъ изъ Финляндіи).... И все это сливалось въ одинъ величественный голосъ народной благодарности и восторга. Что чувствовалъ Петръ въ эту торжественную минуту, когда признательность подданныхъ украшала его, при жизни, тѣми почестями, которыя потомство воздаетъ, по смерти, памяти Великаго?.... Онъ принималъ эту чистую дань, чуждую лести, съ духомъ кротости и смиренія, относя ее не къ себѣ, но къ Богу. «Зѣло желаю» — говорилъ онъ поздравлявшимъ его вельможамъ: «зѣло желаю, чтобъ нашъ «весь народъ прямо узналъ, что Господь Богъ прошедшею «войною и заключеніемъ сего мира намъ сдѣлалъ. Надлежитъ «Бога всею крѣпостію благодарить; однакоже, надѣясь на миръ «не надлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ нами «не такъ сталось, какъ съ монархіею Греческою. Надлежитъ «трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который Богъ намъ «предъ очами кладетъ какъ внутрь, такъ и внѣ, отъ чего «облегченъ будетъ народъ.»

Торжество въ церкви заключилось благодарственнымъ молебствіемъ, во время котораго вторично раздались громы пушекъ и ружей. При выходѣ изъ церкви опять громкія, радостныя восклицанія народа привѣтствовали Императора и, сливаясь съ звуками трубъ, колокольнымъ звономъ и безпрерывною пальбою, сопровождали его до Сенатскихъ палатъ, гдѣ былъ накрытъ столъ на 1,000 человѣкъ. При входѣ въ залъ Сената, Герцогъ Голштинскій и всѣ иностранные министры поздравили Монарха. Потомъ, по объявленіи наградъ всѣмъ отличившимся въ войнѣ и участвовавшимъ въ заключеніи мира, сѣли за столъ; а народъ, которому также были объявлены милости, принялся на площади терзать жаренаго, раззолоченнаго быка, начиненнаго множествомъ жареной же домашней птицы, и утолять свою жажду бѣлымъ и краснымъ виномъ, бившимъ изъ двухъ фонтановъ. Послѣ обѣда, при дворѣ начался балъ, который продолжался до 9 часовъ. Потомъ зажгли фейерверкъ. Взорамъ изумленнаго народа представился храмъ Януса, освѣщенный многими тысячами фонарей. «Во вратахъ онаго храма

явился помянутый Янусъ, яко мужъ престарѣлый преизряднымъ синимъ огнемъ, въ правой рукѣ лавровый вѣнецъ, а въ лѣвой масличну вѣтвь держащій.» Два воина, одинъ съ Русскимъ гербомъ на щитѣ, другой съ Шведскимъ, сходились постепенно съ двухъ сторонъ къ отверстымъ вратамъ храма, заперли ихъ и подали другъ другу руку, въ знакъ примиренія. Въ ту жь минуту раздался звукъ трубъ, литавръ, барабановъ, и залпъ изъ 1,000 орудій вдругъ: «что такой огонь сочинило, что казалось, яко бы валы Санктпетербургскіе и рѣка Нева загорѣлись.» Потомъ засвѣтились тысячами разноцвѣтныхъ огней пирамиды, щиты, колеса, прозрачныя картины; забили огненныя фонтаны, полетѣли ракеты, потѣшные ядра и проч. Все это продолжалось за полночь. Государь, который самъ управлялъ этою *огнестрѣльною потѣхою,* возвратился опять въ Сенатскія палаты, гдѣ снова былъ поздравленъ «съ обношеніемъ другъ до друга покаловъ преизряднаго токайскаго и иныхъ винъ, что все даже до 3 часовъ по полуночи продолжалось. Тогда всѣ веселы и съ великимъ довольствомъ, помилости Его Величества, разъѣхались (*).»

Подобные же фейерверки и увеселенія продолжались и въ слѣдующіе дни. Весь городъ былъ иллюминованъ и всѣ, принимавшіе участіе въ придворныхъ празднествахъ, не смѣли, подъ опасеніемъ штрафа, являться на улицахъ иначе, какъ въ маскарадныхъ костюмахъ.

Во время этихъ празднествъ, военноплѣнные Шведы были изъ разныхъ мѣстъ Россіи привезены въ столицу и отпущены

(*) Журн. Петра Великаго реляція мирнаго торжества) ч. II. стр. 181 — 191.

въ свое отечество. Между ними былъ и знаменитый Гангоудскій плѣнникъ Государя, вице-адмиралъ Эреншильдъ, который, получивъ на память Царскій портретъ, украшенный бральянтами, отправился къ своему Королю съ рекомендательнымъ письмомъ Монарха. Впрочемъ многіе изъ плѣнныхъ Шведовъ отказались отъ данной имъ свободы, возвратиться на родину, и предпочли остаться въ Россіи, которая стала для нихъ новымъ отечествомъ. Въ продолженіе многолѣтняго плѣна они обжились уже въ Россіи. Одни вступили въ службу, военную или гражданскую, заняли мѣста учителей, бухгалтеровъ и проч.; другіе завели фабрики и мануфактуры, или пріобрѣтали безбѣдное содержаніе разными искуствами и ремеслами, какъ живописцы, музыканты, комедіанты, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера и проч. Довольные своимъ жребіемъ, они забыли о прежнемъ отечествѣ и доставили Россіи не малую пользу, разсѣявъ семена наукъ, искуствъ и ремеслъ въ странахъ, гдѣ не было и слѣдовъ Европейской гражданственности.

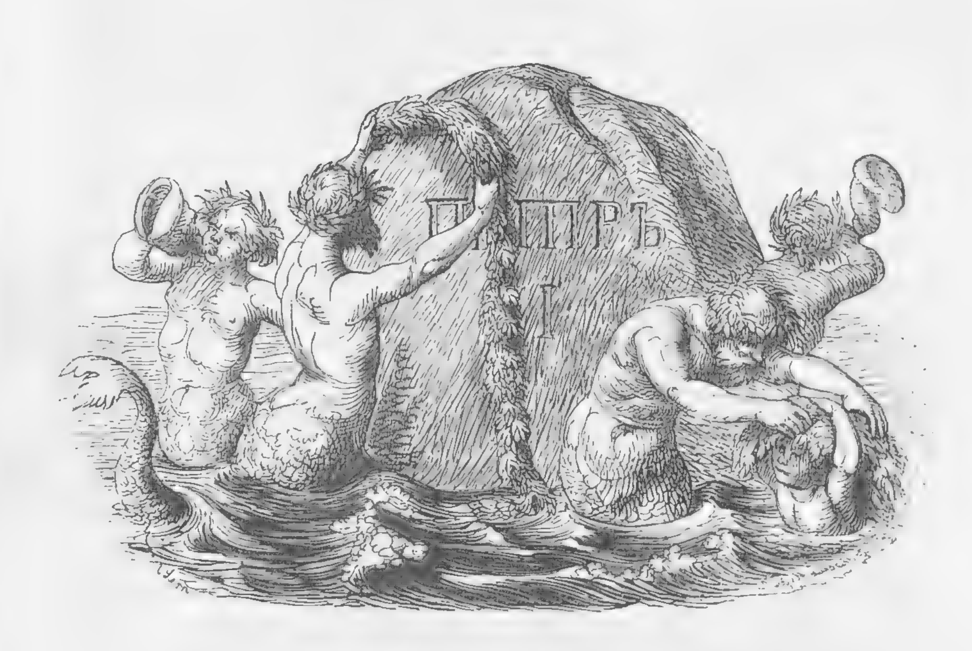
Смѣшивать забавы и увеселенія съ важными государственными трудами было въ характерѣ Петра. Едва кончились мирныя торжества, онъ распредѣлилъ часы своихъ занятій съ хозяйственною точностію, посвятивъ 4 дня въ недѣлю для сочиненія адмиралтейскаго Регламента, 1 для присутствія въ Сенатѣ и 1 для иностранныхъ дѣлъ. «За Регламентомъ адмиралтейскимъ (слова журнала Петра В.) сидѣлъ по утрамъ и по вечерамъ по 14 часовъ въ сутки, начиная по утру отъ 5 часа даже до 12, а пополудни отъ 4 до 11 часа; — еже учинено, и всѣ тѣ книги морской, адмиралтейской и портовой регламенты окончены чрезъ прилежные труды Его Величества, въ которомъ дѣлѣ не повелѣніемъ токмо, но самымъ трудомъ учинено.»

Между тѣмъ гвардія и нѣкоторые другіе полки отправились въ Москву, въ которой должны были возобновиться празднества, бывшія въ Петербургѣ, по случаю Ништадтскаго мира. Туда послѣдовалъ (10 Декабря) и Государь, со всѣмъ дво-

ромъ и со всѣми чинами Петербурга. Утромъ, 18 Декабря, древняя столица Россіи привѣтствовала въ своихъ стѣнахъ перваго своего Императора, который торжественно въѣхалъ въ нее, тремя тріумфальными воротами. Начались пиры, фейерверки и маскарады, столь же шумные, затѣйливые, какъ и въ Петербургѣ. Между прочимъ Москва увидѣла зрѣлище, едва ли гдѣ виданное прежде. Явилась цѣлая флотилія на сухомъ пути, изъ саней, построенныхъ на подобіе разнаго рода судовъ, съ флагами, парусами, даже съ пушками, и разъѣзжала въ теченіе нѣсколькихъ дней по улицамъ. Государь со всею Фамиліею, весь дворъ, иностранные министры и знатнѣйшіе вельможи, всѣ замаскированные, въ одеждѣ разныхъ народовъ, составляли экипажъ этой странной флотиліи. Тутъ видѣнъ былъ и Бахусъ, везомый медвѣдями, и Нептунъ съ своимъ трезубцемъ, на раковинѣ, и Князь Кесарь на тронѣ, съ короною, въ царскомъ облаченіи, и Князь Папа съ полнымъ соборомъ кардиналовъ, и проч. и проч. Особенное же вниманіе привлекали: во первыхъ, Турецкая галера Молдавскаго Господаря, Кантемира, который, представляя то муфтія, то великаго визиря, сидѣлъ подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, окруженный блестящею толпою Турковъ; далѣе раззолоченная гондола Императрицы, сидѣвшей подъ хрустальнымъ колпакомъ, въ одеждѣ Фрисландской крестьянки; наконецъ, трехмачтовый фрегатъ, длиною въ 30 футовъ, вооруженный 24 деревянными и 8 мѣдными пушками. Государь, въ мундирѣ флотскаго капитана, командовалъ на этомъ фрегатѣ. Матросы, въ черныхъ бархатныхъ одеждахъ, съ быстротою и искуствомъ исполняли его приказанія: взлѣзали на мачты, кричали ура.... Имъ вторили восторженныя толпы народа. Гремѣла музыка, звучали барабаны.... По временамъ стрѣляли изъ пушекъ. Прочіе маскированные, князь Меньшиковъ — аббатъ, Графъ Апраксинъ — бургомистръ, иностранные министры — пасторы, старались превзойти другъ друга затѣями.

Подобныя увеселенія ознаменовали въ Москвѣ конецъ счастливаго для Россіи 1721 и начало новаго года. Наконецъ, 28 Января. было третье и послѣднее торжество Ништадтскаго

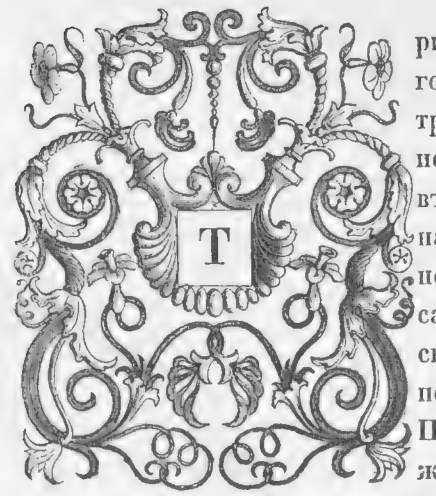
мира, которое сопровождалось такими же церемоніями, такимъ же блескомъ и шумомъ, какъ и бывшее, 22 Октября, въ Петербургѣ. Миръ, вознесшій Россію на первую степень между государствами Европейскаго Сѣвера, укрѣпившій ея умственную, торговую, политическую связь съ образованною Европою, доставившій ей неисчислимыя выгоды во всѣхъ отношеніяхъ, былъ вполнѣ достоинъ подобныхъ торжествъ.

ГЛАВА XXX.

ЧЕРТЫ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПЕТРА. НОВОЕ УСТРОЙСТВО ГОСУДАРСТВА.

ри десятилѣтія протекло отъ начала государственной дѣятельности Петра до Ништадтскаго мира — и какой исполинскій шагъ совершила Россія въ это короткое время! Перенесенная, какъ бы волшебною силою, въ новый міръ, она не узнавала уже сама себя, дивилась, едва вѣрила своимъ успѣхамъ, своему чудному перерожденію. Изъ Московскаго Царства, слабаго, волнуемаго мятежами, угнѣтаемаго ничтожными сосѣдями, возникла Россійская Имперія, твердая и стройная внутри, грозная врагамъ, уважаемая всѣми. Изъ народа полу-Азіятскаго,

коснѣвшаго въ предразсудкахъ, чуждаго самыхъ необходимыхъ началъ гражданственности, гордаго и надмѣннаго своимъ невѣжествомъ, образовалась Европейская нація, озаренная свѣтомъ наукъ, и славою безчисленныхъ побѣдъ, чувствующая свои силы, свое истинное достоинство и значеніе и быстро стремящаяся къ высшему образованію. Въ три десятилѣтія, Петръ умчалъ за собою Россію, по крайней мѣрѣ, на столько же столѣтій впередъ и разомъ поставилъ ее на той степени гражданскаго развитія, на которой Европа явилась послѣ Вестфальскаго мира, въ слѣдствіе вѣковыхъ усилій, ознаменованныхъ книгопечатаніемъ, открытіемъ Америки, реформаціею, заведеніемъ колоній, успѣхами морской торговли и другими благопріятными явленіями. Пробужденная геніемъ Петра отъ вѣковаго усыпленія, Россія обнаружила неимовѣрную дѣятельность и развила исполинскія силы: быстро усвоила военное искуство Европейцевъ, ознакомилась съ науками, художествами, ремеслами — со всѣми элементами Европейской гражданственности; раздвинула свои предѣлы къ берегамъ Балтійскаго моря, выставила сильный флотъ, стройное, многочисленное войско; сокрушила внѣшнихъ непріятелей ихъ же собственнымъ оружіемъ и, изумивъ Европу блистательными подвигами на сушѣ и на морѣ, явилась новымъ, мощнымъ дѣятелемъ въ ея политической системѣ.

Еслибъ сказаніе объ этомъ переворотѣ относилось ко временамъ отдаленной древности, еслибъ оно не подтверждалось несомнѣнными свидѣтельствами, живыми памятниками на каждомъ шагу, самою Россіею, — потомство причислило бы его къ вымысламъ баснословія, или, по крайней мѣрѣ, назвало бы подвигъ Петра дѣломъ не одного, но многихъ великихъ умовъ, трудившихся для одной цѣли, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Такъ сверхъ — естественною кажется быстрота, которою ознаменовано это чудное дѣло Петра — преобразованіе Россіи. Но еще удивительнѣе, что при такой неимовѣрной быстротѣ или поспѣшности дѣйствія, которая въ человѣческихъ дѣлахъ несовмѣстна съ совершенствомъ, твореніе Петра носитъ на себѣ печать и крѣпости несокрушимой, и полноты безъисключительной, и неподражаемаго единства. Его преобра-

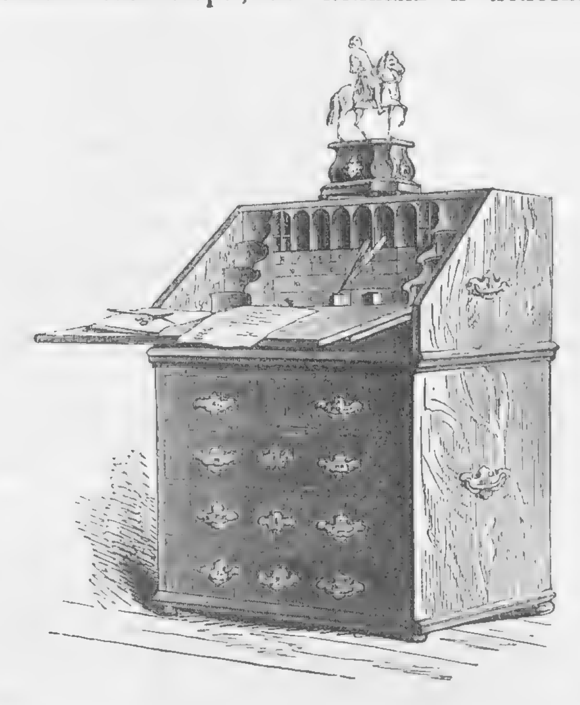
зованія обняли всю многообразную жизнь народа, глубоко проникли во всѣ малѣйшія изгибы этой жизни — слились и сроднились съ нею на вѣки. Ни что — отъ академіи наукъ до умѣнья плесть лапти — не было изъято изъ обширнаго плана преобразователя и все было направлено къ одной великой цѣли, — къ пересозданію полу-Азіятской Россіи въ Европейское государство. «На что въ Россіи ни взгляни» — сказалъ одинъ изъ сподвижниковъ Петра — «все его началомъ имѣетъ, и что бы впредь ни дѣлалось—отъ сего источника черпать будутъ (*).»

Отчего же дѣла Петра пріобрѣли эти божественныя свойства? Отчего они обречены на такое долговѣчное и стройное существованіе, что и самая рука времени, губительная для обыкновенныхъ дѣлъ человѣка, колеблетъ только ихъ поверхность, измѣняетъ только ихъ наружный видъ, сообразно съ новыми потребностями, но не касается ихъ основанія, не истощаетъ ихъ внутренней жизни? Чтобъ разрѣшить эти вопросы, надлежало бы начертать ясный и полный образъ Петра, надлежало бы разгадать чудныя свойства его ума и сердца, заглянуть въ глубину его творческой души и проникнуть тайну его силъ и начинаній. Но мы — почти современники Петра — еще слишкомъ близки къ этому лучезарному лику, чтобъ видѣть цѣлость и гармонію его частей. Мы можемъ только удивляться дѣламъ Петра; а не судить о нихъ. Время и грядущія поколѣнія, раскрывъ завѣсу, скрывающую отъ насъ еще многія черты преобразователя, представятъ будущему историку и истинную точку воззрѣнія, и вѣрныя краски, для начертанія его исполинскаго образа.

Обозрѣвъ — болѣе взоромъ панегириста, чѣмъ историка и біографа — важнѣйшіе подвиги Петра и приближаясь къ концу его великаго поприща, постараемся однако жъ набросить еще нѣсколько отдѣльныхъ чертъ его дѣятельности и взглянемъ на его, такъ сказать, механическіе пріемы, въ которыхъ отражаются великія качества преобразователя.

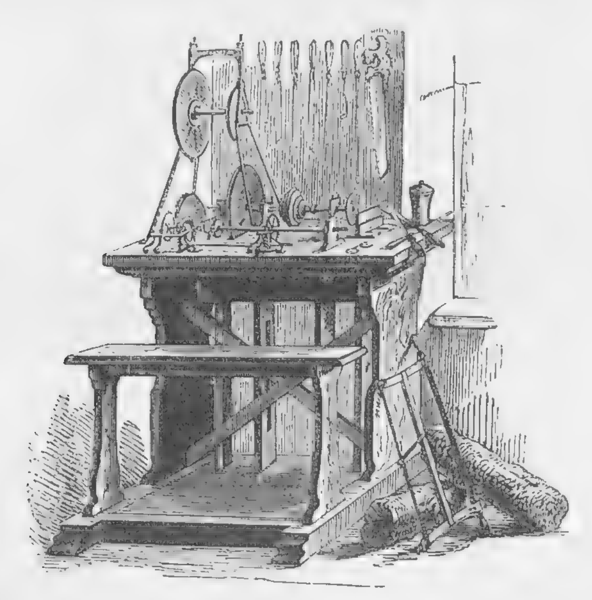
(*) Неплюевъ, бывшій резидентомъ въ Константинополѣ. См. отрывокъ его записокъ въ анекдотахъ Голикова.

Неутомимость Петра въ трудахъ была непостижимая. Самый короткій сонъ былъ достаточенъ для возстановленія его тѣлесныхъ силъ. Дѣятельность его ума не давала ему уснуть спокойно. Не проходило ночи, чтобъ онъ не просыпался. Тогда онъ обыкновенно будилъ своего деньщика и, спросивъ огня и аспидную доску, отмѣчалъ на ней свои мысли. Поутру, вставая обыкновенно въ 3 и 4 часа, онъ тотчасъ являлся за своимъ письменнымъ бюро, въ колпакѣ и холстинномъ кам-

золѣ; читалъ, чертилъ планы, просматривалъ переводы книгъ, и проч. Одѣваясь, онъ уже слушалъ доклады о государственныхъ дѣлахъ и тотчасъ надписывалъ на нихъ, что и какъ исполнить. Въ 5 и 6 часовъ онъ уже выходилъ изъ дому, позавтракавъ; посѣщалъ сенатъ, адмиралтейство, разныя присутственныя мѣста; являлся на строеніяхъ, наблюдалъ за ходомъ работъ, входилъ во всѣ подробности, нерѣдко вмѣшивался въ толпу рабочихъ и трудился вмѣстѣ съ ними. Его обѣдъ былъ обыкновенно въ часъ и продолжался не болѣе получаса. Отдохнувъ часа съ два послѣ обѣда, онъ опять

принимался за письменныя дѣла: подписывалъ бумаги, которыя поутру приказано было заготовить, писалъ и разсылалъ повсюду свои приказы, письма и повелѣнія. Нерѣдко, называясь на обѣдъ къ кому-нибудь изъ своихъ друзей и сподвижниковъ, Петръ располагался у него, какъ дома; исправлялъ всѣ эти послѣ-обѣденныя занятія въ его кабинетѣ и, засидѣвшись, оставался уже и на вечеръ, который обыкновенно проводилъ въ веселой бѣсѣдѣ съ морскими офицерами, корабельными мастерами и проч. Онъ всегда былъ душею бесѣды. Любилъ также играть въ шахматы, даже въ походахъ часто возилъ съ собою кожаную шашечницу; но картъ не терпѣлъ и объ игрокахъ обыкновенно говаривалъ, что они или не имѣютъ вкуса къ полезному, умственному препровожденію времени, или ищутъ неправой прибыли въ игрѣ. Самое же любимое занятіе, въ минуты отдыха отъ трудовъ государственныхъ, онъ находилъ за токарнымъ станкомъ, вытачивая съ большимъ

искуствомъ разныя вещи изъ дерева и кости. Никто и никогда не видалъ его празднымъ. Даже во время своихъ безпрестанныхъ путешествій и переѣздовъ, останавливаясь для перемѣны лошадей, онъ писалъ и разсылалъ свои приказы и повелѣнія. Самымъ разительнымъ доказательствомъ его много-

образной, неутомимой дѣятельности и вмѣстѣ яснаго, всеобъемлющаго ума служатъ его безчисленныя записки и замѣтки о всѣхъ возможныхъ предметахъ, чрезвычайное множество его собственноручныхъ писемъ и приказовъ и, наконецъ, самые регламенты и уставы, писанные въ черне, по большой части, его же рукою.

При такой дѣятельности ума, Петръ обнаруживалъ и неодолимую силу воли. Онъ былъ, въ полномъ смыслѣ, неограниченный самодержецъ, не только по сану, но и по духу. Самостоятельный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, независимый ни отъ какого чуждаго вліянія, свободный отъ всѣхъ предразсудковъ, онъ властвовалъ надъ подданными единственно по внушенію своего ума и своей совѣсти. Древніе обычаи, старинныя льготы сословій, прежніе уставы — все, что не согласовалось съ его предначертаніями, все, что противурѣчило его цѣлямъ, долженствовало умолкнуть предъ его самодержавною волею. Въ отношеніи къ монархической власти онъ поставилъ себя на такой высотѣ, на которой не стоялъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Какъ законодатель и преобразователь нравственной и политической жизни своего народа, онъ и долженъ былъ подчинить все своей власти и стать выше всѣхъ преградъ и препятствій, чтобъ творить свободно. Но, чѣмъ выше стоялъ онъ по власти, тѣмъ удивительнѣе является онъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Способъ его самодержавнаго законодательства, мѣры, которыми онъ давалъ вѣсъ и силу своимъ повелѣніямъ, не имѣютъ ни примѣра, ни приложенія въ исторіи, ничего общаго съ дѣлами другихъ властителей народа. Вмѣсто того, чтобъ только повелѣвать самодержавно и строго слѣдить за исполненіемъ своихъ уставовъ, Петръ самъ становился на ряду съ подданными предъ лицемъ законовъ и собственнымъ примѣромъ училъ свой народъ подчиняться ихъ приговору.

Слѣдующій анекдотъ можетъ служить для объясненія. По взятіи Риги, Петръ пожаловалъ Меньшикову маетности въ Лифляндіи изъ покоренныхъ земель, принадлежавшихъ коронѣ. Но въ число этихъ земель былъ отмежеванъ и участокъ (гакъ), принадлежавшій одному Рижскому гражданину. Въ бытность Государя въ Ригѣ, гражданинъ, потерявшій безъ всякой вины свою землю, явился къ нему съ объясненіемъ своего горя.

«Ты можешь отыскивать судомъ свою собственность» — отвѣчалъ ему Монархъ, — «и виновный, кто бъ онъ ни былъ, долженъ подлежать мѣстнымъ законамъ.» — Истецъ подалъ въ магистратъ жалобу на Меньшикова, какъ владѣтеля его собственности. Меньшиковъ сослался на Царскій указъ. Повѣстили Государя. Онъ явился къ отвѣту, призналъ дѣло справедливымъ и согласился съ приговоромъ судей, чтобъ землю возвратить прежнему владѣльцу. «Я самъ подчиняюсь законамъ,» — сказалъ онъ, похваливъ судей за безпристрастіе, — «да не дерзнетъ же ни кто имъ противиться (*).»

Вообще вся жизнь Петра была примѣромъ высокаго самоотверженія для блага отечества и образцемъ для подражанія подданнымъ. Онъ былъ не только повелитель, но и учитель своего народа, на поприщѣ какъ государственной, такъ и частной жизни. «Видишь, братецъ, я и Царь вашъ, а у меня на рукахъ мозоли; а все отъ того, чтобъ показать вамъ примѣръ.» Такъ говаривалъ своимъ ученикамъ этотъ вѣнценосный наставникъ, и его огненныя слова, потрясая душу, оставляли впечатлѣніе неизгладимое. Могъ ли кто преступать его законы, когда онъ самъ чтилъ ихъ, какъ святыню? Могъ ли кто жаловаться на тягость труда, видя, что самъ Монархъ, не жалѣя своихъ державныхъ рукъ, трудится на ряду съ нимъ, какъ послѣдній работникъ?

Но, жертвуя для отечества собою, семействомъ, сыномъ, не щадя ни труда, ни здоровья, ни самой жизни, обрекая свое имя и славу на строгій судъ потомства дѣлами ужаса и крови, Петръ не щадилъ и своихъ подданныхъ. Всѣ должны были трудиться такъ, какъ трудился онъ; всѣмъ надлежало учиться, чтобъ быть полезными и достойными сынами отечества. Земледѣльцы, ремесленники, купцы — никто не имѣлъ покоя. Дворяне не заживались въ своихъ помѣстьяхъ и отчинахъ. Достигнувъ опредѣленнаго возраста, они являлись въ Петербургъ, или Моску, на смотръ Государю. Онъ разбиралъ ихъ по способностямъ, которыя угадывалъ съ перваго взгляда: однихъ опредѣлялъ въ военную службу солдатами и матросами, другихъ въ гражданскую копіистами и *коллегіи юнкерами;* третьихъ отсы-

(*) Голиковъ Анекд. стр. 204 — 208.

лалъ за границу, учиться наукамъ и искуствамъ. Казалось, вся Россія стала одною великою школою новой жизни. Надъ нею бодрствовалъ наставникъ, строгій и правосудный безъ лицепріятія, щедрый въ награжденіи заслугъ и въ поощреніи таланта, неутомимый въ преслѣдованіи нерадѣнія, строптивости и преступленій.

Петръ считалъ строгое правосудіе своею первою и священнѣйшею обязанностію, и страшился дѣлать послабленія въ законахъ, особенно уголовныхъ. Вѣря, что Божеское правосудіе взыщетъ на немъ за невинно пролитую кровь, онъ никогда не прощалъ умышленнаго смертоубійства. Однажды, во время жестокой болѣзни Государя, судья уголовныхъ дѣлъ предложилъ ему, не благоволитъ ли онъ, по обычаю предковъ, помиловать нѣкоторыхъ приговоренныхъ къ смерти разбойниковъ, чтобъ они молили Бога о его выздоровленіи. «Уже ли ты думаешь,» — спросилъ Государь, «что Богъ услышитъ молитву злодѣевъ? Поди, и тотчасъ прикажи исполнить надъ ними приговоръ. — Я надѣюсь скорѣе правосудіемъ преклонить Небо на милость къ себѣ, нежели нарушеніемъ закона.» (*) Ни полъ, ни званіе, ни заслуги, ни чьи просьбы и предстательства не сильны были преклонить его на милость къ смертоубійцѣ. Невинно пролитая кровь, — говаривалъ онъ — вопіетъ объ отмщеніи, и кровопролитіе, оставленное безъ наказанія, тяготитъ землю.

Одна изъ фрейлинъ Государыни, дѣвица Гамильтонъ, погубившая трехъ своихъ, тайно рожденныхъ, младенцевъ, была приговорена къ смертной казни. Государь самъ нѣкогда оказывалъ къ ней знаки своего благорасположенія; Государыня любила ее и, желая спасти несчастную отъ позорной смерти, употребила всѣ свои усилія. Она присоединила къ своимъ неотступнымъ просьбамъ, — просьбы и убѣжденія особъ, любимыхъ и уважаемыхъ Монархомъ, даже предстательство невѣстки Государя, Царицы Парасковьи Ѳедоровны, которую Петръ всегда почиталъ, какъ родную мать, и которой просьбъ и совѣтовъ прежде никогда не отвергалъ: но на этотъ разъ все было тщетно,

(*) Штелинъ Анекд. I. 19, 20.

— онъ не смягчилъ приговора. «Разсуди, невѣстушка» — говорилъ онъ вдовствующей Царицѣ: — «если мнѣ тяжко нарушить законъ моего отца или дѣда, то такъ могу законъ Божій уничтожить! Я не хочу быть ни Сауломъ, ни Ахавомъ, которые, неразсудною милостію волю Божію преступя, погибли и тѣломъ и душою (*).»

Только однажды Петръ помиловалъ приговореннаго къ смерти разбойника и душегубца. Этотъ преступникъ, бывъ допущенъ къ начальнику Преображенскаго приказа, Князю Ѳ. Ю. Ромодановскому, накануне праздника Св. Чудотворца Николая, именемъ великаго угодника Божія заклиналъ Князя отпустить его въ деревню, недалеко отъ Москвы, чтобъ въ послѣдній разъ отпраздновать этотъ великій день вмѣстѣ съ родственниками и проститься съ ними. Онъ представлялъ за себя порукою великаго Чудотворца и обѣщалъ чрезъ 5 дней непремѣнно возвратиться. — Набожный Князь принялъ поручительство Святаго и преступникъ, давъ клятву предъ иконою Чудотворца, былъ отпущенъ. Государь, узнавъ объ этомъ, удивился простотѣ Князя. «Какъ могъ ты повѣрить» — говорилъ ему Петръ: «чтобъ злодѣй, убившій человѣка, сдержалъ обѣтъ, данный Святому!» Но послѣдствія оправдали религіозную довѣренность Князя: убійца въ назначенный срокъ явился въ свою темницу и со слезами благодарилъ Князя за оказанную милость, говоря, что Св. Угодникъ заплатитъ ему за то сторицею. Князь представилъ его предъ Государя. «Что побудило тебя возвратиться?» — спросилъ удивленный Монархъ преступника. «Развѣ ты не знаешь, что тебя ожидаетъ неизбѣжная казнь?» — Знаю, надежа-Государь, — отвѣчалъ послѣдній, — но я знаю также и то, что, еслибъ я и вздумалъ бѣжать, — великій Никола-Чудотворецъ не попустилъ бы мнѣ того, и я, рано иль поздно, претерпѣлъ бы вящшую муку. Къ томужь,—заключилъ онъ,—я заслужилъ казнь и приготовился къ ней покаяніемъ предъ Богомъ.—

Тронутый такою вѣрою и раскаяніемъ преступника, Государь даровалъ ему жизнь и повелѣлъ, записавъ въ солдаты, отослать въ Сибирскій гарнизонъ (**).

(*) Голиковъ. Анекд. стр. 371, 372.

(**) Голиковъ. Анекд. стр, 346 — 350.

Не менѣе строгъ былъ Петръ и противъ другихъ преступниковъ, *волею и вѣдѣніемъ* нарушавшихъ законы государства. Неправый судья, лихоимецъ, притѣснитель народа и вредитель государственной пользы считались наравнѣ съ ворами и измѣнниками. Противъ нихъ онъ неоднократно издавалъ строгіе указы, преслѣдовалъ ихъ, какъ злодѣевъ, самыми жестокими наказаніями, дозволилъ всѣмъ обиженнымъ свободный доступъ къ себѣ, учредилъ особенныхъ чиновниковъ — фискаловъ и оберъ-фискаловъ, долженствовавшихъ наблюдать за безпристрастіемъ судей и доносить о всѣхъ злоупотребленіяхъ; для этой же цѣли нерѣдко посылалъ своихъ деньщиковъ и другихъ довѣренныхъ особъ въ разныя мѣста, наблюдать въ-тайнѣ за дѣйствіями губернаторовъ, воеводъ и другихъ чиновниковъ. И не легко было обмануть его бдительность.

Въ 1718 году изъ отдаленной Сибири достигли до Царскаго престола многія тяжкія жалобы на тамошняго губернатора, Князя Матвѣя Петровича Гагарина. Государь немедленно отправилъ туда одного изъ заслуженныхъ и любимыхъ имъ полковниковъ, чтобъ на мѣстѣ развѣдать подъ рукою о справедливости этихъ доносовъ. Посланный имѣлъ повѣленіе, донесть немедленно обо всемъ и, въ случаѣ виновности губернатора, опечатавъ всѣ его бумаги, привесть самого въ Петербургъ. Но Гагаринъ, задаривъ награбленными богатствами Меньшикова и другихъ приближенныхъ Государя, имѣлъ сильную руку при дворѣ; даже сама Государыня ему покровительствовала. Она убѣдила отправленнаго на слѣдствіе полковника, быть снисходительнымъ къ Князю и, если дѣйствительно замѣтитъ за нимъ какія-либо неисправности, скрыть ихъ отъ Государя. По прибытіи въ Тобольскъ, обласканный и задаренный губернаторомъ, полковникъ забылъ долгъ службы и присягу, и въ своемъ донесеніи совершенно оправдалъ виновнаго. Губернаторъ торжествовалъ, полагая, что вся опасность миновалась. Но, едва только первый посланный оставилъ Тобольскъ, явился другой — деньщикъ Государевъ, — съ тѣмъ же полномочіемъ, какое дано было и первому. Онъ въ точности исполнилъ долгъ вѣрноподданнаго, и виновный губернаторъ, будучи привезенъ въ Петербургъ и подвергнутъ суду слѣдственной коммисіи, пре-

терпѣлъ смертную казнь. Полковникъ, укрыватель его злодѣйствъ, раздѣлилъ туже участь. Ни его прежняя вѣрная служба, ни раны, полученныя на полѣ чести, не могли смягчить строгости закона. «Сколько я почитаю твои раны, полученныя за отечество, — это я сейчасъ докажу тебѣ» — сказалъ Государь несчастному, умолявшему о помилованіи, — и, преклонясь на колѣно, облобызалъ его израненную грудь. «Но ты,» продолжалъ онъ, «при всемъ томъ долженъ умереть; того требуетъ правосудіе (*).»

Такимъ — то образомъ Петръ умѣлъ соединять строгость правосудія съ уваженіемъ къ заслугамъ виновнаго. Карая за преступленія, онъ никогда не забывалъ услугъ, оказанныхъ отечеству; но весьма рѣдко за послѣднія былъ снисходителенъ къ первымъ.

Велики были заслуги Князя Меньшикова, велика была къ нему и милость Государя; но и этотъ любимецъ, помрачившій свои великія достоинства ненасытнымъ корыстолюбіемъ, нерѣдко подвергался строгой отвѣтственности предъ законами; за лихоимство и злоупотребленія по казеннымъ подрядамъ, за самовольное распоряженіе государственными доходами, за укрывательство бѣглыхъ крестьянъ въ своихъ помѣстьяхъ и проч. — Съ 1714 года до самой кончины Государя Меньшиковъ не выходилъ изъ подъ суда. Слѣдственная коммисія безпрестанно открывала новыя его злоупотребленія, требовала съ него отчета во всѣхъ издержанныхъ суммахъ, налагала на него огромные штрафы и взыскивала ихъ съ такою строгостію, что въ 1719 году только ходатайство Государыни спасло Князя отъ заточенія подъ стражу. Монархъ, слушая доносы и доклады о противузаконныхъ поступкахъ Меньшикова, нерѣдко выходилъ изъ терпѣнія и изъ своихъ Царскихъ рукъ надѣлялъ своего любимца отеческими наказаніями; но щадилъ его жизнь, полезную для государства; не отнималъ у него ни чиновъ, ни почестей и, что всего удивительнѣе, не лишалъ его своей дружбы и довѣренности. «Меньшиковъ останется всегда Меньшиковымъ,» отозвался онъ однажды въ Сенатѣ, по случаю жалобъ на Князя.

Петръ всегда былъ строгій блюститель порядка и не терпѣлъ ни какихъ упущеній на службѣ. Лѣность, нерадѣніе, небреж-

(*) Голиковъ. Анекд. стр. 281 — 285.

ность въ исполненіи обязанностей получали свою мзду безъ отлагательства. За такія проступки спина виновнаго обыкновенно знакомилась съ пресловутою Царскою *дубиною* (тростниковою палкой), неразлучною спутницею Петра въ его хозяйственныхъ прогулкахъ по Петербургу. Однажды, онъ ѣхалъ въ своей одноколкѣ съ генералъ — полиціймейстеромъ, Графомъ Девіеромъ, вдоль по берегу Мойки и, подъѣхавъ къ острову Новой Голландіи, нашелъ, что мостъ чрезъ каналъ поврежденъ. Нѣсколько досокъ было разломано и разметано, такъ что нельзя было проѣхать. Вспыльчивый Монархъ выскочилъ изъ одноколки и тутъ же на мѣстѣ отпотчивалъ своего спут-

ника дубинкою, приговаривая: «это тебѣ впредь наука, будешь лучше смотрѣть за исправностію мостовъ и улицъ.» Между тѣмъ, мостъ былъ исправленъ и Государь, сѣвъ въ свой экипажъ, уже забылъ о случившемся. «Садись, братъ,» — сказалъ онъ наказанному, и поѣхалъ съ нимъ дальше (*).

Но ничто такъ не раздражало Петра, какъ ложь и запирательство виновнаго. «Погрѣшать свойственно человѣку» — говорилъ онъ, — «но не сознаваться въ винѣ, есть свойство дьявола.» Не было столь тяжкой вины, которой бы онъ не простилъ, если только видѣлъ искреннѣе раскаяніе. «Богъ тебя проститъ» — было его обыкновенное выраженіе въ такомъ

(*) Штелинъ. Анекд. I. 102.

случаѣ. Но надобно было, чтобъ признаніе виновнаго предупреждало доносъ, или судебную улику; иначе оно считалось уже слѣдствіемъ необходимости и тогда правосудіе заступало мѣсто снисхожденія. Лжи онъ никогда не прощалъ, и если кто однажды его обманулъ, тотъ навсегда лишался его довѣренности. За то истинна, въ какомъ бы видѣ она ни являлась, какъ бы колко и рѣзко ни была сказана — всегда была пріятна его слуху. Онъ извинялъ даже грубость и дерзость, если видѣлъ, что ихъ основаніемъ была благородная ревность къ истинѣ и справедливости. Однажды, во время слѣдствія надъ Княземъ Меньшиковымъ, Государь, присутствовавшій въ коммисіи, увидѣвъ своего любимца, униженнаго и съ видомъ искренняго раскаянія представшаго предъ своихъ судей, не могъ удержаться отъ сострадація къ виновному. Онъ, принявъ у князя повинную и прочитавъ ее про себя, сказалъ: «э, братъ! и того-то ты написать не умѣлъ» — и сталъ ее поправлять. Одинъ изъ членовъ коммисіи, флотскій капитанъ, видя такое благорасположеніе Монарха къ подсудимому, всталъ съ своего мѣста и, взявъ шляпу, сказалъ товарищамъ: «пойдемте, братцы, домой.» — Какъ домой! — перебилъ его Государь, удивленный такою смѣлостью. «Да что жь намъ здѣсь дѣлать!» возразилъ капитанъ. «Когда ты, Государь. самъ научаешь вора, какъ ему отвѣчать, такъ ты одинъ и суди его какъ изволишь; а мы лишніе.» Государь не только не прогнѣвался на дерзкаго за такую выходку, но ласково просилъ его остаться, и судъ начался законнымъ порядкомъ (*).

Никто такъ часто и такъ дерзко не противурѣчилъ Монарху, какъ Князь Яковъ Ѳедоровичь Долгоруковъ; но зато никто и не пользовался у него такимъ уваженіемъ, какъ этотъ Русскій Катонъ, неизмѣнный другъ и поборникъ правды. Задержанный послѣ Нарвскаго сраженія, вмѣстѣ съ прочими генералами, въ Шведскомъ лагерѣ и отправленный въ Штокгольмъ, Долгоруковъ только послѣ одиннадцатилѣтняго плѣна возвратилъ себѣ свободу слѣдующимъ отважнымъ подвигомъ.

Будучи отправленъ въ 1711 году, вмѣстѣ съ другими военноплѣнными, изъ Штокгольма въ Готенбургъ моремъ и замѣ-

(*) Голиковъ. Анекд. ст. 331.

тивъ, что на фрегатѣ, на которомъ они плыли, было больше Русскихъ, нежели Шведовъ, онъ уговорилъ своихъ товарищей овладѣть судномъ. Намѣреніе увѣнчалось желаемымъ успѣхомъ. По условленному знаку, Русскіе бросились на Шведовъ, вмигъ обезоружили всѣхъ, однихъ бросили за бордъ, другихъ заперли подъ палубою, и Долгоруковъ, приставивъ пистолетъ къ груди кормчаго, принудилъ его править судно къ Ревелю.

Петръ, котораго неоднократныя предложенія о размѣнѣ плѣнныхъ постоянно были отвергаемы упорствомъ Карла XII, съ восторгомъ услышалъ о чудесномъ избавленіи Долгорукова. При свиданіи Монархъ и вѣрный подданный пролили радостныя слезы. Долгорукову поручено было по прежнему главное управленіе Коммисаріатскою частію; вскорѣ потомъ онъ былъ возведенъ въ званіе Сенатора, Тайнаго Совѣтника и Ревизіонъ—Коллегіи президента.

Ознакомившись во время своего плѣна съ порядкомъ государственнаго управленія Швеціи, Долгоруковъ оказалъ своему Государю важныя услуги при введеніи новаго правительственнаго устройства въ Россіи, но еще болѣе прославился своимъ безпристрастіемъ и любовью къ истинѣ. Чуждый ласкательства, онъ не смотрѣлъ ни на какое лице, колко и рѣзко обличалъ неправду каждаго и нажилъ себѣ многихъ враговъ между вельможами; но всегда обезоруживалъ ихъ своими дѣлами. Упорный до дерзости въ защищеніи своихъ мнѣній, онъ всегда былъ готовъ умереть за истину и нерѣдко своими спорами и противурѣчіемъ выводилъ изъ терпѣнія пылкаго Государя. Но справедливость всегда была на его сторонѣ, а съ нею была неразлучна и любовь правосуднаго Монарха. Долгоруковъ неоднократно останавливалъ Сенатскія опредѣленія и даже именные Царскіе указы, несогласные съ выгодами государства. Онъ и словомъ, и дѣломъ оправдывалъ свои всегдашнія поговорки: *любить Царя, любить отечество. Царю правда лучшій другъ. Служить, такъ не картавить; картавить, такъ не служить.* Прочіе сенаторы, въ досадѣ на его вѣчное противурѣчіе величали его *умникомъ;* снисходительный Монархъ называлъ его *дядею.* «Дядя нашъ больше намъ другъ, нежели подданный.» — говорилъ онъ однажды Государынѣ.

Петръ умѣлъ быть великодушнымъ даже къ преступленію Долгорукова, происшедшему отъ чистаго и благороднаго источника — отъ любви къ отечеству. Однажды, въ небытность Долгорукова въ Сенатѣ, Государь далъ повелѣніе собрать съ Новогородской и Петербургской провинцій работниковъ, для строенія Ладожскаго канала. На слѣдующій день по прибытіи въ Сенатъ, Долгоруковъ съ жаромъ вооружился противъ этого распоряженія, говоря, что оно повлечетъ за собою совершенное раззореніе этихъ провинцій, и безъ того уже истощенныхъ войною и почти безлюдныхъ. Онъ утверждалъ, что Сенатъ непремѣнно обязанъ представить Государю о невозможности исполнить его повелѣніе. «Теперь уже поздно умничать» — съ досадой возразили ему сенаторы, и подали указъ, уже подписанный Государемъ. Увлеченный ревностію къ пользѣ

отечества, Долгоруковъ забылся до того, что разорвалъ Царскій указъ, къ изумленію и ужасу всего Сената. Въ то самое время, Петръ вошелъ въ Сенатъ, удивился шуму и безпокойству сенаторовъ, узналъ о причинѣ и съ гнѣвомъ обратился къ виновному, спрашивая: что побудило его къ такому неслыханному преступленію? «Ни что иное, Государь, какъ ревность къ твоей славѣ и къ благосостоянію твоихъ подданныхъ» — спокойно отвѣчалъ Долгоруковъ. «Не гнѣвайся на меня, Петръ Алексѣевичь.» продолжалъ онъ: «я надѣюсь на твое благоразуміе: — ты не захочешь раззорять свою землю, какъ Карлъ XII свою раззоряетъ.» Потомъ, Князь изложилъ состояніе этихъ провинцій, представилъ необходимость пощадить ихъ въ настоящемъ случаѣ и указалъ Государю иныя средства къ строенію Ладожскаго канала, менѣе отяготительныя для народа. «Все это хорошо, дядя» — отвѣчалъ Государь, совершено успокоенный его благоразумными доводами; «но, на чтожь было драть подписанное мною опредѣленіе, зная, что такая дерзость нигдѣ не можетъ быть стерпима?» — Виноватъ, Государь! не утерпѣлъ! — отвѣчалъ Князь. Этимъ все дѣло и кончилось: указъ былъ отмѣненъ, и Государь послѣдовалъ совѣту Долгорукова (*).

Этотъ вѣрный слуга Царя и отечества сохранилъ до самой своей кончины (**) любовь и уваженіе своего Государя. — «Дядя!» говорилъ ему однажды Монархъ: «ты больше всѣхъ бранишь меня, и такъ тяжко спорами своими досаждаешь, что я часто едва могу терпѣть: но, какъ разсужу, то и увижу, что ты меня и государство вѣрно любишь и правду говоришь; для того-то я тебя внутренно и благодарю.» Возвышенная черта въ характерѣ Монарха! — Исторія называетъ Александра Великимъ, а онъ убилъ своего друга Клита и философа Каллисѳена, не хотѣвшихъ ему льстить. Какимъ же именемъ должна она величать Петра, который съ благодарностію слушалъ грубые упреки Долгорукова и съ душевнымъ умиленіемъ сознавался предъ нимъ въ своей пылкости и опрометчивости?.....

(*) Штелинъ. Анекд. I. 244 — 248.

(**) Долгоруковъ скончался 24 Іюня 1720 года, на восемдесять первомъ году отъ рожденія

Петръ уважалъ Долгорукова за его сильный и правдивый характеръ потому, что самъ былъ въ высшей степени правдивъ и твердъ, и на словахъ, и на дѣлѣ. Его обѣщанія всегда были непреложны, сужденія — прямы и откровенны, дѣла — чисты предъ судомъ его совѣсти. «Нарушеніе даннаго слова невозвратно» — говорилъ онъ при Прутѣ, готовый погибнуть за Кантемира со всемъ своимъ войскомъ. «Чтобъ за своего союзника не вступаться, того невозможно»— отвѣчалъ онъ Голштинскому двору, который пользуясь его неудовольствіемъ на Датчанъ, старался отвлечь его отъ союза. «Легче можемъ видѣть» — продолжаетъ онъ въ томъ же отвѣтѣ: «что мы отъ союзниковъ оставлены будемъ, нежели мы ихъ оставимъ: ибо сдержаніе пароля дороже всего.» Онъ хорошо зналъ свои собственные недостатки и самъ сознавался въ нихъ чистосердечно. «Я знаю,» — говорилъ онъ: «что я также погрѣшаю, и часто бываю вспыльчивъ и тороплизъ; но я никакъ за то не стану сердиться, если находящіеся со мною будутъ напоминать мнѣ о такихъ часахъ, показывать мои погрѣшности и меня отъ нихъ удерживать.» Онъ зналъ также; что̀ говорили о немъ другіе; но самъ судилъ о себѣ справедливѣе. «Разскажи-ка мнѣ, что говорятъ обо мнѣ худаго въ чужихъ свободныхъ земляхъ?» спросилъ онъ одного изъ своихъ министровъ, только-что возвратившагося изъ посольства:—Говорятъ,—отвѣчалъ послѣдній съ замѣшательствомъ:— будто Ваше Величество весьма строгій Государь, поступаете сурово съ своими подданными, за все наказываете и ни кого не прощаете. «Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой!» прервалъ его Монархъ: «ты не хочешь сказать мнѣ прямо того, что ты вѣрно слышалъ. Меня называютъ свирѣпымъ Государемъ и тиранномъ. Не такъ-ли?... Но, кто жь это говоритъ? Люди которые не знаютъ обстоятельствъ, въ какихъ я сначала нѣсколько лѣтъ находился, не знаютъ тѣхъ гнусныхъ препятствій, какія я встрѣтилъ отъ моихъ собственныхъ подданныхъ, при выполненіи самыхъ лучшихъ моихъ намѣреній. Мнѣ необходимо надлежало дѣйствовать со всею строгостію противъ ослушниковъ; но и съ ними я никогда не поступалъ свирѣпо или

тирански, а благоразумныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества всегда осыпалъ благодѣяніями (*).»

Съ такою правдивостію Петръ соединялъ рѣдкую простоту и искренность въ обхожденіи съ каждымъ. Въ убогой хижинѣ, какъ и въ палатахъ вельможи, онъ вездѣ былъ человѣкомъ и не стыдился признавать достоинство человѣка, даже въ послѣднемъ изъ своихъ подданныхъ. Онъ любилъ обращаться съ людьми простодушными, веселыми и откровенными; охотно принималъ участіе въ семейныхъ радостяхъ своихъ подданныхъ; былъ ихъ утѣшителемъ въ горести и входилъ въ самую убогую хижину, безъ пышности и величія. Кто бъ ни просилъ его въ кумовья, матросъ ли, плотникъ ли — онъ никого не огорчалъ отказомъ, если только позволяло время. Приведемъ здѣсь любопытный разсказъ объ этой снисходительности Государя, сохраненный въ запискахъ современника и самовидца, — Ив. Ив. Неплюева (дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и сенатора при Екатеринѣ II), который, проведъ нѣсколько лѣтъ въ Италіи въ галерной службѣ, находился, во время описываемаго имъ событія въ Петербургѣ, смотрителемъ при постройкѣ галеръ, съ чиномъ поручика. «Однажды (говоритъ «онъ) пришелъ я поздно на работу; Государь былъ уже тамъ. «Я испугался, хотѣлъ было бѣжать домой и сказаться больнымъ; но вспомня, что Государь не терпитъ обмана, пошелъ «прямо къ тому мѣсту, гдѣ онъ находился. Онъ, увидѣвъ «меня, сказалъ: *Я уже здѣсь, другъ мой!*—Виноватъ, Государь, «отвѣчалъ я: — вчера былъ въ гостяхъ, меня долго продер«жали; а потому проспалъ и опоздалъ. Монархъ, потрепавъ «меня ласково по плечу сказалъ: *Богъ проститъ! спасибо, что «правду говоришъ; кто Богу не грѣшенъ, кто бабѣ не внукъ?* По «окончаніи работы, Государь, сказалъ мнѣ: *ты вчера былъ въ «гостяхъ, а меня сего дня звали на родины; поѣдемъ со мною.* «Я поклонился и по приказу его сталъ за его одноколкою. «Пріѣхали къ плотнику моей команды. Войдя въ хижину, «Государь пожаловалъ родильницѣ нѣсколько гривенниковъ и «съ нею поцѣловался.... Хозяинъ поднесъ на деревянной тарел«кѣ чарку горячаго вина; Государь изволилъ выкушать и заѣлъ

(*) Штелинъ. Анекд. II. 19 — 21.

«пирогомъ съ морковью, лежавшимъ на столѣ. Потомъ хозяинъ «поднесъ и мнѣ, но я не сталъ пить. *Выпей, поручикъ!* сказалъ Монархъ. Я отвѣчалъ, что отроду не пилъ горячаго вина. «*Инъ, прикушай сколько можешь* — продолжалъ онъ: *а то обидишь хозяина.* Я повиновался. Его Величество, отломя «кусокъ пирога и подавая мнѣ, сказалъ: *На! заешь братъ!* «*это наша родимая, а не Итальянская пища* (*).»

Такая снисходительность Монарха могущественно привлекала къ нему простыя сердца подданныхъ и дѣлала его предметомъ ихъ обожанія. Съ другой стороны, она возвышала подданнаго въ его собственныхъ глазахъ, пробуждала въ немъ сознаніе собственнаго достоинства и благородную ревность къ пользѣ отечества. Какое самодовольствіе, какое высокое чувство оживляло сердце простаго сына природы, когда онъ, вспоминая о милостяхъ обожаемаго имъ Монарха, могъ говорить о немъ: «Онъ посѣтилъ мою убогую хижину; — удостоилъ меня своей бесѣдою; — не погнушался слушать мои глупыя рѣчи. — Кушалъ у меня хлѣбъ соль. — Крестилъ моего сына. — Пировалъ на нашей свадьбѣ. — Хоронилъ моего внука за его службу. — Навѣщалъ меня въ болѣзни!»

Подстрекая усердіе и ревность своихъ подданныхъ и словомъ, и примѣромъ, — и ласкою, и строгостію, — Петръ умѣлъ и цѣнить ихъ труды и заслуги. Будучи бережливъ во всемъ, даже скупъ къ самому себѣ, онъ не жалѣлъ ничего, когда дѣло шло о поощреніи таланта и награжденіи за службу. Чины, медали, ордена, царскіе портреты, помѣстья, отчины, графскія и княжескія достоинства — всѣ возможныя награды, почести и отличія сыпались на вѣрныхъ и усердныхъ исполнителей его воли. Но лучшею наградою для нихъ была братская любовь Монарха. Всѣ добрые и ревностные слуги отечества были его друзьями, товарищами, какъ бы членами его семейства, сроднившись съ нимъ по труду и по духу. «Моими любимцами» — говорилъ онъ: «всегда будутъ тѣ, которые всѣхъ честнѣе и искуснѣе, и отечеству полезнѣе.» Съ такими онъ дѣлилъ и побѣдные тріумфы, и шумныя увеселенія, и

(*) См. Голиковъ. Анекд. стр. 485—509, гдѣ помѣщенъ отрывокъ изъ записокъ Неплюева

дружескую бесѣду; такихъ отличалъ на службѣ, лелѣялъ въ старости, не забывалъ и по смерти, и любовь свою къ нимъ переносилъ на ихъ семейства. Не только приближенные Государя, но и всѣ вѣрно и честно исполнявшіе свои обязанности имѣли право на всегдашнюю его признательность. «Я вашъ приставникъ отъ Бога»—говорилъ онъ поручику Неплюеву, назначая его резидентомъ въ Константинополь: «и должность моя смотрѣть того, чтобъ недостойному не дать, а у достойнаго не отнять. Буде хорошъ будешь, то не столько мнѣ, сколько отечеству и себѣ добра сдѣлаешь; а буде худъ, такъ я истецъ: Богъ отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобъ злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать. Служи вѣрою и правдою: въ началѣ Богъ, а при немъ и я тебя не оставимъ, и тогда будешъ имѣть во мнѣ отца (*).»

Но мы никогда бы не кончили, еслибъ захотѣли исчислять всѣ прекрасныя качества Петра и приводить любопытные разсказы современниковъ о его многообразной, неутомимой дѣятельности, о его чудной любознательности, обширности и проницательности его ума, твердости и рѣшительности характера; о его благочестіи, любви къ отечеству, уваженіи къ законамъ, и проч. и проч. Нельзя, однако жь, не упомянуть еще объ одной счастливой способности его ума, много содѣйствовавшей его успѣхамъ въ преобразованіи, — способности избирать себѣ достойныхъ сподвижниковъ и давать ихъ дѣятельности направленіе, сообразное съ ихъ талантами. Петръ уважалъ не знаменитость рода, не заслуги предковъ, но одни только дарованія и умѣлъ познавать ихъ подъ какою бы оболочкою они ни скрывались. Многіе изъ его сподвижниковъ, подобно Шереметеву, Долгорукову, Апраксину, вступили на государственное поприще, опираясь на извѣстныя уже заслуги и доблести своихъ предковъ, и своимъ умомъ и усердіемъ только умножили славу своего рода. Другіе же — и

(*) Голиковъ. Анекд. стр. 503.

такихъ было больше — будучи, подобно Меньшикову, исторгнуты геніемъ Петра изъ ничтожества, возвысились до первыхъ степеней въ Государствѣ единственно своими личными заслугами и сами положили начало знаменитости своего рода. Такъ въ простомъ Московскомъ сидѣльцѣ Панскаго ряда Петръ угадалъ искуснаго дипломата, Барона Петра Павловича Шафирова, вице-канцлера, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и главнаго директора почтъ; въ сынѣ Польскаго выходца, школьнаго учителя при Московской Лютеранской церкви, открылъ другаго, еще болѣе свѣдущаго политика и тонкаго придворнаго, дѣйствительнаго каммергера и генералъ-прокурора, Графа Павла Ивановича Ягужинскаго, (оберъ-шталмейстера и кабинетъ — министра при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ); въ молодомъ подштурманѣ и писарѣ адмирала Крюйса, нашелъ величайшаго изъ современныхъ дипломатовъ, Графа Андрея (Генриха) Ивановича Остермана, оказавшаго Государю безсмертную услугу заключеніемъ Ништадтскаго мира и прославившагося еще болѣе при его преемникахъ. Такъ въ рядахъ Преображенскаго полка, служившаго тогда военною школою для Русскаго дворянства, Петръ образовалъ изъ бѣдныхъ и мало извѣстныхъ юношей многихъ вѣрныхъ и искусныхъ слугъ для себя и своихъ потомковъ. Изъ такихъ особенно отличались вѣрностію къ Монарху и ревностію въ исполненіи его порученій генералъ-маіоръ Александръ Румянцовъ (отецъ героя Задунайскаго), оказавшій еще бо́льшія услуги при послѣдующихъ царствованіяхъ, и маіоръ гвардіи и сенаторъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, о которомъ Петръ говаривалъ, «что еслибъ имѣлъ много подобныхъ офицеровъ, то почелъ бы себя совершенно счастливымъ.» Но ближе всѣхъ къ Монарху, въ послѣдніе годы его царствованія, стояли два достойныхъ сподвижника — Графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ и Павелъ Ивановичъ Ягужинскій.

Между тѣмъ, какъ Меньшиковъ, по окончаніи въ 1714 году военныхъ дѣйствій въ Помераніи, предавшись нѣгѣ и роскоши, пятналъ свои лавры ненасытнымъ любостяжаніемъ; а Шереметевъ, участвовавшій до 1717 года во всѣхъ движеніяхъ Русскихъ войскъ въ Польшѣ, Помераніи и Мекленбургѣ,

впалъ въ тяжкую болѣзнь, по возвращеніи въ Москву, и кончилъ свою доблестную жизнь 17 Февраля 1719 года, — Графъ Апраксинъ, генералъ-адмиралъ всего Русскаго флота,

безпрерывно оказывалъ новые опыты своего искуства и усердія и пріобрѣталъ новыя права на признательность и уваженіе Монарха. Братъ невѣстки Государя, Царицы Марфы Матвѣевны (*), онъ отличался между всѣми сподвижниками

(*) Супруга Царя Өедора Алексѣевича. Она скончалась 24 Декабря 1715 года, и Государь пожаловалъ всѣ ея деревни ея брату, Өедору Матвѣевичу, при слѣдующемъ письмѣ. Понеже такимъ *саржамъ* (чиновникамъ), какъ ваша милость, обыкновенно опредѣляются доходы на столъ; того ради вмѣсто оныхъ, презентуемъ вамъ тѣ деревни, которыя даны были блаженной памяти невѣсткѣ нашей, а вашей сестрѣ.» Голиковъ. Дѣян. V. 114.

Петра своимъ благороднымъ, скромнымъ и чувствительнымъ характеромъ и безпрекословнымъ повиновенiемъ волѣ обожаемаго имъ Монарха, котораго благорасположенiемъ къ себѣ дорожилъ до того, что при малѣйшемъ его выговорѣ или неудовольствiи за какую-либо неисправность приходилъ почти въ отчаянiе. Не рѣдко случалось, что Государь, послѣ случайнаго выговора, долженъ былъ утѣшать и успокоивать своего вѣрнаго и чувствительнаго подданнаго, прося, чтобъ онъ не печалился и поберегъ себя для государства. «Зѣло васъ прошу» присовокупляетъ онъ въ одномъ письмѣ къ Апраксину: «для Бога, не печалiю исправляй дѣло: ибо изъ письма вашего вижу, что зѣло печалишься. Пожалуй побереги себя, воистинну ты надобенъ (*).»

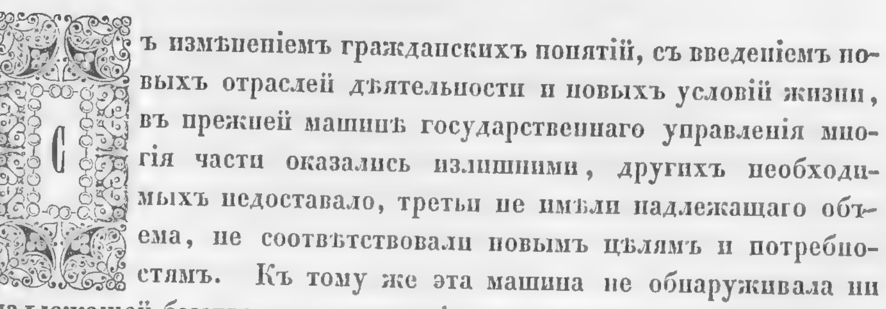
Совсѣмъ иныхъ свойствъ былъ другой любимецъ Государя, Ягужинскiй. Смѣлый, откровенный и веселый характеръ,

(*) Соб. писемъ Петра В. къ Апраксинымъ. II. 16.

при умѣ тонкомъ и уклончивомъ, доставили ему званіе Государева деньщика, а расторонность и усердіе въ исполненіи возлагаемыхъ на него порученій постепенно возвышали его въ любви и довѣренности Монарха. Ягужинскій былъ генералъ-маіоромъ, когда Государь, отправляясь въ Персидскій походъ, возложилъ на него перваго важную должность генералъ-прокурора при Сенатѣ. «Вотъ мое око, коимъ я буду все видѣть» — сказалъ Монархъ сенаторамъ, представивъ имъ этого новаго сановника: «онъ знаетъ мои намѣренія и желанія. Что онъ за благо разсудитъ, то вы дѣлайте (*).» Таково было довѣріе Монарха къ своему подданному.

Слава Петра озаряетъ и его сподвижниковъ, изъ которыхъ каждый безспорно имѣетъ свою долю въ великомъ подвигѣ преобразованія Россіи. Но мысль и планъ этого преобразованія принадлежатъ одному Петру. Онъ былъ тотъ безсмертный художникъ, который, создавъ для себя и средства, и сотрудниковъ, вдохнулъ во все его окружавшее новую жизнь и дѣятельность и направилъ все къ одной великой цѣли. Послѣ 20-лѣтнихъ усилій, съ заключеніемъ Ништадтскаго мира, эта цѣль была уже достигнута; главныя условія государственной жизни Россіи явились уже въ новомъ видѣ и получили лучшее направленіе. Укажемъ на важнѣйшіе труды Петра въ преобразованіи внутренней жизни государства.

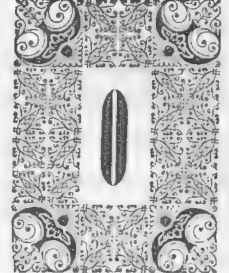

Съ измѣненіемъ гражданскихъ понятій, съ введеніемъ новыхъ отраслей дѣятельности и новыхъ условій жизни, въ прежней машинѣ государственнаго управленія многія части оказались излишними, другихъ необходимыхъ недоставало, третьи не имѣли надлежащаго объема, не соотвѣтствовали новымъ цѣлямъ и потребностямъ. Къ тому же эта машина не обнаруживала ни надлежащей быстроты въ движеніи, ни единства между частями. Приказы — высшія вѣдомства, — отъ которыхъ зависѣли отдѣль-

(*) Голиковъ. Дѣян. VIII. 174. 175. Въ Сенатѣ присутствовали тогда фельдмаршалъ Князь Меньшиковъ, генералъ-адмиралъ Графъ Апраксинъ, великій-канцлеръ Графъ Головкинъ, вице-канцлеръ Баронъ Шафировъ, камеръ-коллегіи президентъ Князь Д. М. Голицынъ, тайный совѣтникъ П. А. Толстой, маіоры гвардіи: Ушаковъ и Князь Юсуповъ.

ныя отрасли государственнаго управленія, намѣстники и воеводы съ товарищами, въ рукахъ которыхъ находилось управленіе областями, не имѣли точныхъ правилъ, опредѣлявшихъ кругъ ихъ обязанностей и предѣлы власти; руководствовались нерѣдко произволомъ и не подлежали почти ни какой отчетности въ своихъ дѣйствіяхъ. Оттого вмѣшательство однихъ вѣдомствъ въ кругъ дѣйствія другихъ, запутанность и проволочки въ дѣлахъ, и множество злоупотребленій.

При Петрѣ такой порядокъ вещей не могъ продолжаться. Его всегдашнею заботою, съ самаго начала царствованія, было— возстановить единство и лучшее устройство въ государственномъ управленіи, сообщить быстрѣйшій ходъ дѣламъ, по каждой отрасли; предписать съ точностію обязанности и кругъ дѣйствія правительственныхъ лицъ и вѣдомствъ, и оградить подданныхъ отъ ихъ произвола. Съ начала онъ старался только улучшить прежній способъ управленія, почитая возможнымъ примѣнить его къ новымъ потребностямъ государства, и опасаясь, чтобъ рѣшительными переворотами не произвесть совершенной остановки въ дѣлахъ, употреблялъ только частныя мѣры: исправлялъ судопроизводство, вводилъ лучшій порядокъ въ сборѣ податей и налоговъ, писалъ мудрые и строгіе наказы воеводамъ и намѣстникамъ, уничтожалъ приказы, оказавшіеся излишними; соединялъ другіе, сходные по роду дѣлъ, въ одинъ; учреждалъ новыя вѣдомства, подъ названіемъ канцелярій, и неусыпно слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ обязанностей каждаго, преслѣдуя малѣйшія упущенія суровыми наказаніями. Но зло не искоренялось. Взятки считались доходомъ безвиннымъ, лихоимство судей измѣняло смыслъ законовъ, корыстолюбіе чиновниковъ вредило выгодамъ казны, самовластіе воеводъ и другихъ правительственныхъ лицъ притѣсняло подданныхъ. Тогда Петръ убѣдился, наконецъ, въ необходимости преобразовать государственное управленіе въ самыхъ его основаніяхъ. Перенявъ у своихъ непріятелей военное искуство, онъ перенялъ у нихъ и систему управленія, и съ 1716 года началъ вводить новый коллегіальный порядокъ управленія для всѣхъ вообще государственныхъ дѣлъ, по частямъ: духовной, гражданской и военной.

тклонивъ выборъ преемника послѣднему патріарху Адріану, Петръ уже тогда принялъ твердое намѣреніе упразднить этотъ высокій духовный санъ, однако, чтобъ такою перемѣною не слишкомъ встревожить приверженцевъ старины, онъ поручилъ до времени блюсти патріаршій престолъ Рязанскому митрополиту Стефану Яворскому, который и управлялъ Церковью до 1721

года, согласуясь во всемъ съ волею преобразователя Россіи и усердно содѣйствуя ему въ распространеніи просвѣщенія.

Между тѣмъ, нововведенія восторжествовали надъ предразсудками, преобразованіе государства окрѣпло, и Петръ, не опасаясь болѣе ропота недовольныхъ, смѣло приступилъ къ утвержденію духовной части на тѣхъ же основаніяхъ, какія даны были и прочимъ отраслямъ управленія.

Для высшаго управленія всѣми духовными дѣлами, указомъ 25 Января 1721 года былъ учрежденъ *Святѣйшій правительствующій синодъ* который, состоя изъ собора нѣсколькихъ духовныхъ лицъ и пользуясь степенью, равною съ сенатомъ, имѣлъ тѣ же права и тотъ же кругъ дѣйствія, какіе прежде принадлежали патріарху. Въ немъ присутствовали: 1 президентъ, или первенствующій членъ (Рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій), 2 вице-президента (архіепископы: Новогородскій — Ѳеодосій и Псковскій — Ѳеофанъ Прокоповичь), 4 совѣтника изъ архимандритовъ и 4 ассесора изъ протоіереевъ. Дѣла рѣшались по единодушному приговору всѣхъ членовъ, которыхъ голоса были равные. Оберъ-прокуроръ, изъ гражданскихъ сановниковъ, давалъ движеніе дѣламъ и наблюдалъ, чтобы все было рѣшаемо по точному смыслу законовъ. Первое засѣданіе этого духовнаго судилища было 14 Февраля, въ присутствіи самого Государя. Синоду были непосредственно подчинены архіереи, т. е. митрополиты, архіепископы и епископы, управлявшіе 22 епархіями, на которыя тогда раздѣлялась Россія, равно какъ и архимандриты ставропигіальныхъ монастырей и Московская Славяно-Греко-Россійская академія. Права, обязанности, кругъ власти и отвѣтственность синода, епархіяльныхъ архіереевъ и всѣхъ вообще чиновъ, духовной іерархіи, до послѣдняго причетника, съ величайшею точностію опредѣлены духовнымъ регламентомъ и дополненіемъ къ нему, изданнымъ въ послѣдствіи, въ которыхъ ясно отражается свѣтлый образъ мыслей Монарха.

По учрежденіи синода, церковныя имущества, изъятыя въ 1700 году изъ духовнаго вѣдомства и порученныя въ управленіе монастырскому приказу, поступили опять въ вѣдѣніе духовныхъ властей; но ни монастыри, ни духовенство не могли

уже самопроизвольно располагать доходами съ своихъ имуществъ, какъ бывало прежде. Они пользовались только опредѣленною частью этихъ доходовъ, а другая назначалась на содержаніе училищъ и госпиталей. Управленіе духовными имуществами, сосредоточенное въ синодѣ, было вообще улучшено, особенно съ 1724 года, когда при синодѣ учреждено особое вѣдомство изъ свѣтскихъ лицъ, подъ названіемъ *камеръ-конторы,* для наблюденія за сборомъ и правильнымъ употребленіемъ всѣхъ вообще доходовъ съ этихъ имуществъ.

Вслѣдъ за этими улучшеніями, предполагалось произвесть еще другія, гораздо важнѣйшія преобразованія въ церковномъ устройствѣ и управленіи; особенно же въ состояніи монастырей и монашествующаго духовенства. Достопамятнымъ указомъ отъ 31 Января 1724 года, въ которомъ исторически изложено начало и происхожденіе монашества, Петръ хотѣлъ дать монашескому званію совершенно новое назначеніе и сдѣлать его существенно полезнымъ для общества. Для этого, указавъ новую цѣль и обязанности монаховъ, онъ предписалъ синоду, раздѣлить ихъ на два разряда: на ищущихъ уединенія по склонности и на ученыхъ, приготовляющихся къ занятію разныхъ духовныхъ степеней, доступныхъ, по древнему обычаю, однимъ только монахамъ. Обязанность монаховъ перваго разряда должна была состоять, однихъ: въ хожденіи за престарѣлыми и увѣчными воинами, больными и нищими, которыхъ предполагалось размѣстить въ монастыряхъ по два, по три и по четыре на каждаго монаха; другихъ: въ обработываніи отводимыхъ имъ монастырскихъ земель, *дабы* (сказано въ указѣ) *сами хлѣбъ себѣ промышляли.* Такимъ образомъ, монастыри долженствовали обратиться въ госпитали и богадѣльни. То же самое разумѣлось и о женскихъ монастыряхъ, въ которыхъ надлежало учредить пріюты для вдовъ и малолѣтныхъ сиротъ обоего пола, или прядильные домы. Монахи втораго разряда, для которыхъ жилищемъ назначался Невскій монастырь, должны были заниматься учеными трудами: переводомъ книгъ съ иностранныхъ языковъ, преподаваніемъ въ семинаріи, сочиненіемъ и произношеніемъ проповѣдей, и проч., приготовляясь такимъ

образомъ къ занятію должностей ректоровъ училищъ и семинаріи, настоятелей и архіереевъ.

Для приведенія въ исполненіе этихъ предначертаній повелѣно было синоду, собрать точныя свѣдѣнія о числѣ и состояніи монастырей и монашествующаго духовенства, о всѣхъ доходахъ съ церковныхъ имуществъ, о церквахъ, соборахъ и проч., и составить, на основаніи этихъ свѣдѣній, опредѣленные штаты по всѣмъ частямъ духовнаго управленія. Многіе штаты были уже примѣрно начертаны, а штатъ для епархій, составленный ревностнымъ сотрудникомъ Монарха въ преобразованіи духовной части, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ былъ уже утвержденъ Государемъ. По этому штату въ Россіи слѣдовало быть 5 архіепископамъ, а подъ ихъ надзоромъ 38 епископамъ; при послѣднихъ же, для помощи въ управленіи епархіями, особенно для надзора за училищами и богадѣльнями, 48 архимандритамъ. Званіе митрополитовъ предполагалось упразднить; церковныя имущества обратить въ государственныя; а духовенству назначить опредѣленное жалованье, освободивъ его отъ заботъ хозяйственнаго управленія. Но Провидѣніе не судило Петру довершить этихъ предначертаній и предоставило ихъ исполненіе великой преемницѣ его престола и духа — Императрицѣ Екатеринѣ II.

Производя столь рѣшительныя перемѣны въ духовномъ управленіи, Петръ свято хранилъ уставы православной Церкви, не допуская въ нихъ ни малѣйшаго измѣненія, и неусыпно заботился объ истинномъ благочестіи подданныхъ. Это доказываютъ его строгіе указы противъ нарушающихъ церковное благочиніе и забывающихъ обязанности Христіанина, — доказываютъ отвергнутыя покушенія Сорбонской академіи и Англійскихъ богослововъ о соединеніи церквей Восточной съ Западною; доказываетъ, наконецъ, его собственная набожность, благоговѣйное почитаніе святыни и душевное отвращеніе отъ вольнодумства и всякаго мудрованія въ дѣлахъ вѣры. Но съ глубокимъ благочестіемъ Петръ соединялъ и благоразумную свободу мыслей: всегда отличалъ вѣру отъ суевѣрія и набожность отъ хан-

жества; строго преслѣдовалъ предразсудки, вредные для общества и смѣло обличалъ и разрушалъ ложныя чудеса, которыми корыстолюбіе и злоба старались ослѣплять легковѣрныхъ. Та же свобода мыслей руководила его дѣйствіями и въ отношеніи къ иновѣрцамъ.

Вѣротерпимость искони была свойствомъ Русскаго народа и духовенства; бѣдствія религіозныхъ гоненій никогда не терзали Россію. Хотя и случалось, что ненависть къ иноземному подвергала иногда пришельцевъ непріятностямъ со стороны народа, но благоразумное правительство всегда защищало гонимыхъ и умѣряло излишнюю ревность подданныхъ. Петръ старался возвысить эту истинно Христіанскую добродѣтель правительства и уничтожить между подданными всякую непріязнь, происходившую отъ религіознаго разномыслія. Онъ предоставилъ всѣмъ иноземцамъ совершенную свободу вѣроисповѣданія, дозволивъ имъ строить свои церкви и вѣдать собственнымъ судомъ всѣ церковныя дѣла, независимо отъ мѣстныхъ начальствъ. Только Езуиты — и то въ слѣдствіе политическихъ обстоятельствъ — были изгнаны изъ Россіи.

Но такая вѣротерпимость не простиралась на раскольниковъ, отпадшихъ отъ православной Церкви. Ихъ постоянно преслѣдовалъ справедливый гнѣвъ Монарха, впрочемъ не столько за мнѣнія, и за образъ мыслей, а за самыя дѣла, вредныя для общественнаго спокойствія. Эти ослѣпленные фанатики были непримиримыми врагами Церкви и Правительства. Возставая противъ нововведеній и называя всѣ преобразованія Петра дѣлами Антихриста, они смущали легковѣрныхъ мнимыми пророчествами и предсказаніями, распространяли соблазнительныя письма въ народѣ, сѣяли сѣмена бунта, и, какъ утверждаетъ достовѣрное сказаніе, — покушались даже на жизнь Государя.

Однажды вечеромъ, когда министры были на конференціи у Государя въ лѣтнемъ дворцѣ, — въ переднюю залу дворца забрался какой - то незнакомецъ, который, по одеждѣ и по сумкѣ изъ разноцвѣтныхъ суконныхъ лоскутковъ (въ какихъ

сумкахъ тогда чиновники обыкновенно носили бумаги), былъ принятъ за писаря какой - нибудь канцеляріи и оставленъ безъ вниманія. По окончаніи конференціи, когда министры вышли и Государь проводивъ ихъ, по обыкновенію, до дверей передней, отправился во внутренніе покои, — этотъ мнимый писарь послѣдовалъ за нимъ, какъ будто по его приказанію. Къ счастію деньщикъ остановилъ его въ дверяхъ. Шумъ и споръ, произшедшій между ними, привлекъ вниманіе Монарха. Онъ воротился и бросилъ испытующій взглядъ на незнакомца. Злодѣй не выдержалъ этого взгляда, затрепеталъ и палъ ницъ; огромный ножъ выпалъ изъ сумки и обличилъ его адскій замыселъ. «Чего ты хотѣлъ здѣсь?» спокойно спросилъ его

Государь. — Убить тебя! — былъ отвѣтъ изверга. — «За что? — развѣ я тебя чѣмъ обидѣлъ?» — Не меня, а моихъ собра-

тій и нашу вѣру. — Это былъ раскольникъ. — Его постигла заслуженная казнь; а его единовѣрцы должны были съ того времени, для отличія отъ прочихъ, носить на спинѣ лоскутокъ желтаго и краснаго сукна, напоминавшій цвѣтъ сумки злодѣя (*).

Правительство приняло всевозможныя мѣры къ обращенію раскольниковъ. Духовнымъ властямъ повелѣно дѣйствовать на нихъ *духомъ кротости, честнымъ и неблазненнымъ поведеніемъ*, свѣтскимъ начальствамъ—имѣть за ними особенно строгій надзоръ повсюду и за малѣйшій проступокъ тотчасъ высылать ихъ на общественныя работы — въ Ревель и Кронштадтъ. Упорствующіе въ заблужденіи, *записные* раскольники, были обложены двойными податями и особенною пошлиною за бороду, между тѣмъ, какъ обращающимся къ православію обѣщаны свобода отъ податей на нѣсколько лѣтъ и другія льготы. Но ни угрозы, ни убѣжденія, ни милости, ни наказанія не могли образумить ослѣпленныхъ. Они упорствуютъ въ своемъ невѣжествѣ доселѣ.

Новое устройство въ гражданскомъ управленіи развивалось постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и получило прочное основаніе въ 1718 году, съ учрежденіемъ Коллегій.

Правительствующій сенатъ, установленный въ 1711 году на случай отлучекъ Государя, какъ временное правительство съ весьма обширною и неопредѣленною властью, и переведенный въ слѣдующемъ году изъ Москвы въ Петербургъ, получилъ окончательное устройство въ 1718 году и сталъ верховнымъ свѣтскимъ судилищемъ и блюстителемъ законовъ во всемъ государствѣ. Сенатъ разрѣшалъ всѣ сомнительные случаи въ судебныхъ дѣлахъ, объяснялъ законы, пріискивалъ новыя мѣры къ внутренней безопасности и благосостоянію государства, утверждалъ въ чинахъ, возводилъ въ дворянское достоин-

(*) Штелинъ, по словамъ фельдмаршала Бутурлина, который былъ тогда деньщикомъ при Государѣ. Анекд. I. 138 — 141.

ство, и вообще имѣлъ верховный надзоръ за всѣми отраслями управленія. Его приговоры считались наравнѣ съ Монаршими указами, и всякая неправая жалоба на Сенатъ наказывалась смертію. Сенаторы избирались самимъ Государемъ. Они первоначально были и президентами коллегій; но въ послѣдствіи Петръ отдѣлилъ эти двѣ должности, одну отъ другой, и президенты коллегій, кромѣ особенныхъ случаевъ, не присутствовали въ Сенатѣ. Генералъ-прокуроръ былъ обязанъ наблюдать за всѣми дѣйствіями сената, за правильнымъ и своевременнымъ рѣшеніемъ дѣлъ и представлять о всѣхъ упущеніяхъ сперва сенату, а потомъ, если сенатъ не уважитъ его представленій, самому Государю. Оберъ-прокуроръ былъ помощникъ генералъ-прокурора и во время его отсутствія заступалъ его мѣсто. Къ сенату причислялись 4 конторы: *герольдмейстерская,* подъ начальствомъ генералъ-герольдмейстера, вела списки всѣхъ дворянскихъ родовъ въ государствѣ; *рекетмейстерская,* въ вѣдѣніи генералъ-рекетмейстера, принимала жалобы на неправый судъ и докладывала ихъ или сенату, или самому Государю; *ревизіонъ-контора,* замѣнившая съ 1722 года ревизіонъ-коллегію, подъ предсѣдательствомъ одного изъ сенаторовъ, занималась повѣркою всѣхъ государственныхъ счетовъ, и *печатная контора,* завѣдывала приложеніемъ печатей къ указамъ и сборомъ печатныхъ пошлинъ.

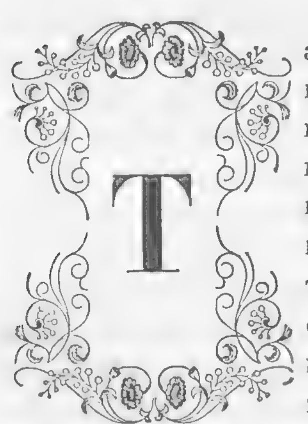
Отдѣльныя отрасли государственнаго управленія поручены были *коллегіямъ,* замѣнившимъ прежніе приказы. 1) *Коллегія иностранныхъ дѣлъ* завѣдывала всѣми внѣшними сношеніями государства, 2) *военная коллегія* всѣми сухопутными силами, 3) *адмиралтействъ-коллегія* флотомъ, адмиралтействами и корабельными лѣсами, 4) *камеръ-коллегія* — государственными доходами, 5) *штатсъ-контора* — расходами, 6) *юстицъ-коллегія* — гражданскою расправою и правосудіемъ, 7) *вотчинная коллегія* — дѣлами помѣстными и вотчинными, 8) *главный магистратъ* — судомъ и расправою купечества, 9) *коммерцъ-коллегія* — дѣлами торговыми, 10) *мануфактуръ-коллегія* — фабриками, заводами, искуствами и ремеслами, 11) *бергъ-коллегія* — горными промы-

слами и монетнымъ дворомъ, и 12) *медицинская коллегія* — аптеками, лекарями и медицинскими припасами. Для управленія Остъ-Зейскими провинціями, на основаніи прежнихъ законовъ, въ 1721 году учреждена была особая *юстицъ-коллегія Лифляндская* и при ней *камеръ-контора*. Кромѣ того, почтовыя дѣла, надзоръ за строеніями, дворцами и другими, менѣе значительными отраслями управленія, оставлены въ вѣдѣніи различныхъ *канцелярій*.

Коллегіи состояли изъ президента, вице-президента и нѣсколькихъ членовъ. Кромѣ того, въ каждой коллегіи засѣдалъ прокуроръ, подчиненный генералъ-прокурору и доносившій ему о всѣхъ противузаконныхъ дѣйствіяхъ коллегіи. Обязанности коллегіи и всѣхъ вообще правительственныхъ мѣстъ съ величайшею точностію опредѣлены генеральнымъ регламентомъ. Кромѣ того, каждая коллегія получила отъ Петра еще особенные регламенты.

Управленіе областями получило лучшій порядокъ съ 1708 года, со времени учрежденія губерній. Первоначально Россія раздѣлена была на 8 губерній: Московскую, Ингерманландскую (С. Петербургскую), Кіевскую, Смоленскую, Архангелогородскую, Казанскую, Азовскую (Воронежскую) и Сибирскую. Въ послѣдствіи учреждены еще 4: Рижская и Ревельская, присоединенныя отъ Швеціи, Нижегородская и Астраханская, отдѣленныя отъ Казанской. Губерніи были подраздѣлены на провинціи, а послѣднія на уѣзды, отъ 5 до 6 тысячь дворовъ въ каждомъ. Въ уѣздахъ начальствовали ландраты, а съ 1722 года судебные и земскіе коммисары. Первые рѣшали тяжбы, по цѣнѣ не свыше 50 рублей; вторые собирали подушныя деньги. Провинціями управляли воеводы съ товарищами, губерніями — губернаторы и вице-губернаторы. Въ С. Петербургѣ, Москвѣ и Ригѣ были генералъ-губернаторы. Обязанности воеводъ и губернаторовъ точно и ясно изложены въ данныхъ имъ инструкціяхъ, служившихъ вмѣсто регламентовъ.

Эти обязанности были: надзоръ за казенными доходами, за сбереженіемъ лѣсовъ, за тишиною и порядкомъ, равно какъ и попеченіе о школахъ, госпиталяхъ, жизненныхъ потребностяхъ, и проч. Судебныя дѣла сначала также сосредоточивались въ губернскихъ и провинціальныхъ канцеляріяхъ, которыя были не что иное, какъ областныя коллегіи, состоявшія подъ предсѣдательствомъ губернатора или воеводы, изъ нѣсколькихъ членовъ, избираемыхъ дворянствомъ изъ своего сословія. Но съ 1719 года во многихъ губерніяхъ и провинціяхъ для судопроизводства были учреждены особенныя вѣдомства, подъ названіемъ *надворныхъ судовъ,* которые, состоя изъ президентовъ, вице-президентовъ и ассесоровъ, рѣшали дѣла, поступавшія изъ низшихъ вѣдомствъ, или переносили ихъ въ юстицъ-коллегію. Для вѣдѣнія судомъ и расправою купечества, во всѣхъ городахъ существовали магистраты, состоявшіе изъ президента, бургомистровъ и ратмановъ и зависѣвшіе отъ главнаго магистрата. Для наблюденія за точнымъ исполненіемъ законовъ и за всѣми дѣйствіями правительственныхъ лицъ, во всѣхъ городахъ находились фискалы, которые должны были тотчасъ доносить о замѣченныхъ ими злоупотребленіяхъ въ канцелярію Оберъ-фискала, въ Петербургѣ.

акимъ образомъ, произволъ и самовластіе исполнителей закона были ограничены, лихоимство и притѣсненія судей стали рѣже, каждое злоупотребленіе выводилось наружу и не оставалось безъ заслуженнаго наказанія. Впрочемъ, неопредѣлительность и запутанность законовъ, не приведенныхъ еще въ стройную систему, были причиною частыхъ недоразумѣній и, при невѣжествѣ судей, рождали неумышленное уклоненіе отъ истины; а подъ личиною невѣдѣнія скрывались нерѣдко и страсти — злоба и корыстолюбіе. Чтобъ помочь невѣдѣнію судей и устранить всякое злоупотребленіе ихъ власти, Петръ старался водворить лучшій порядокъ при судопроизводствѣ. Онъ пове-

лѣлъ разбирать судебныя дѣла по свидѣтельству постороннихъ лицъ и произносить приговоръ, придерживаясь точнаго смысла регламентовъ и указовъ, и ни мало не измѣняя и не толкуя законовъ; предписалъ особеннымъ указомъ постоянную форму суда, указавъ именно, въ какомъ порядкѣ располагать судебные допросы, чтобъ тѣмъ сообщить дѣламъ быстрое и вмѣстѣ правильное движеніе; запретилъ, подъ опасеніемъ штрафа, всякое буйство, шумъ и неприличные поступки въ судебныхъ мѣстахъ и сдѣлалъ судилище, какъ бы мѣстомъ святыни, указавъ имѣть на столѣ *зерцало*, напоминающее о важности

мѣста и святости законовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ улучшилъ и судебную расправу, частію уничтоживъ, частію смягчивъ многія варварскія наказанія и грубые обычаи при судопроизводствѣ. Пытки, горькое воспоминаніе Монгольскаго владычества, еще существовали; но это жестокое средство исторгнуть признаніе у обвиняемаго употреблялось только при обвиненіяхъ въ государственной измѣнѣ, или душегубствѣ. За то другое

наслѣдіе Монголовъ, правежъ-истязаніе несостоятельнаго должника батогами по пятамъ — былъ во все уничтоженъ. Сказывать *слово и дѣло,* т. е. взводить на другаго какое-либо важное преступленіе — право, служившее не рѣдко орудіемъ злобы, — было также ограничено. Дозволялось объявлять слово и дѣло только про измѣну, бунтъ, или умышленіе на жизнь Государя. Въ такомъ случаѣ и обвинитель, и обвиняемый были тотчасъ отводимы въ Преображенскую, или тайную канцелярію, въ которой допрашивали и пытали государственныхъ преступниковъ. Время и обстоятельства дѣлали многія жестокія наказанія необходимыми. По крайней мѣрѣ, потомство обязано Петру тѣмъ, что онъ, положивъ начало просвѣщенію и лучшей нравственности, далъ своимъ преемникамъ возможность, совершенно уничтожить всѣ обыкновенія временъ невѣжества и варварства.

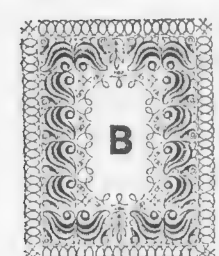
Наконецъ, Петру неоспоримо принадлежитъ и слава мудраго законодателя. Ее упрочиваютъ за нимъ его уставы, регламенты и многія тысячи указовъ, въ которыхъ ясно обнаруживается его великій умъ, удивительное знаніе малѣйшихъ подробностей и пламенное стремленіе къ водворенію порядка и правосудія. Онъ не издалъ полной системы законовъ, но заботился объ этомъ уже съ самаго начала своего царствованія. Еще въ 1700 году онъ повелѣлъ дополнить уложеніе Царя Алексѣя Михайловича, присоединивъ къ нему всѣ указы, состоявшіеся послѣ уложенія. Эта мѣра была неоднократно возобновляема и въ послѣдствіи. Между тѣмъ, приступлено было и къ правильному своду всѣхъ узаконеній въ одинъ общій кодексъ. Петръ совѣтовался объ этомъ съ учеными правовѣдцами, вникалъ въ духъ иностранныхъ законовъ — особенно Шведскихъ и Датскихъ, сличалъ ихъ съ Русскими и уже учредилъ при сенатѣ особенную законодательную коммисію изъ нѣкоторыхъ членовъ коллегій, подъ предсѣдательствомъ одного сенатора. Но преждевременная кончина остановила это важное предпріятіе, равно какъ и многія другія предначертанія великаго Монарха.

Управленіе *финансами* и вообще дѣлами, касающимися до государственныхъ и частныхъ имуществъ, утвердилось на лучшемъ основаніи со времени введенія ревизіи или подушной переписи жителей, уравнявшей подати, опредѣлившей казенные доходы и отвратившей множество безпорядковъ. Первая ревизія, предписанная указомъ 22 Января 1719 года и оконченная въ 1723 году, показала въ 8 Великороссійскихъ губерніяхъ 5,967,313 душъ мужескаго пола, платящихъ подушную подать. Сколько эта мѣра содѣйствовала къ обнаруженію злоупотребленій и къ приращенію казны, видно изъ того, что въ Рыльскомъ уѣздѣ, въ помѣстьяхъ Князя Меньшикова, въ числѣ 20 тысячъ душъ оказалось до 16 тысячь чужихъ крестьянъ, укрывавшихся отъ своихъ законныхъ владѣльцевъ, и что подушная подать послѣ переписи возросла почти на 1,200,000 рублей противъ прежнихъ годовъ, хотя окладъ съ крестьянской души и не былъ увеличенъ. Вообще полагаютъ, что государственные доходы къ концу царствованія Петра могли увеличиться почти въ-пятеро противъ прежнихъ годовъ, преимущественно отъ введенія лучшаго порядка въ сборѣ податей и оживленія народной промышленности. Главные источники доходовъ были: подушная подать до 5,250,000 рублей (въ томъ числѣ съ однодворцевъ и вольныхъ хлѣбопашцевъ до 550 тысячь, съ Сибирскихъ инородцевъ до 300 тысячь и двойная съ записныхъ раскольниковъ до 100 тысячъ рублей): питейные и соляные сборы до 1,600,000; таможенные пошлины отъ внѣшней торговли до 1,200,000; мелкіе сборы съ предметовъ внутренней торговли и съ разныхъ оброчныхъ статей: мѣльницъ, рыбныхъ ловель, и проч. — почти столько же. Всѣ же доходы государства въ 1725 году простирались до 10,186,000 рублей (*). Расходъ былъ соразмѣренъ съ приходомъ. Онъ простирался до 9,800,000; слѣдовательно въ 1725 году въ казнѣ могло оставаться до 200,000 рублей наличныхъ денегъ. Главные статьи расхода

(*) Голиковъ, по рукописи И. К. Кирилова, бывшаго при Петрѣ оберъ-секретаремъ въ сенатѣ, а потомъ статскимъ совѣтникомъ. Дополн. XVIII. 482 — 497.

были: на содержаніе арміи до 4,000,000, флота болѣе 1,500,000, артиллеріи 400,000, гвардіи 340,000; на посольства и коллегію иностранныхъ дѣлъ болѣе 700,000, на сенатъ и прочія коллегіи до 150,000, на содержаніе двора до 132,000 рублей (*).

Экономія и распорядительность Петра возбуждаютъ невольное удивленіе. Не смотря на то, что тяжкая и долговременная война поглощала несмѣтныя суммы, что огромныя сооруженія, производимыя въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ, также требовали не малыхъ издержекъ, онъ не только не имѣлъ надобности прибѣгать къ займамъ, но еще самъ помогалъ значительными суммами своимъ богатымъ союзникамъ и по окончаніи войны могъ для общей радости отпустить народу 18-лѣтнія недоимки, простиравшіяся на нѣсколько милліоновъ рублей и заплатить Шведамъ за Лифляндію 2 милліона ефимковъ (около 2,800,000 рублей). Радуясь окончанію войны, онъ утверждалъ, «что ежелибъ она и еще столько же лѣтъ продолжалась, то онъ и тогда бы надѣялся не войти, въ долги, при помощи Божіей (**).»

оенныя силы Россіи, не смотря на незначительность средствъ къ ихъ содержанію, достигли по окончаніи двадцатиоднолѣтней борьбы съ Швеціею такой высокой степени развитія, что внушили страхъ и опасеніе сильнѣйшимъ державамъ Европы. Петръ началъ войну почти безъ войска, безъ оружія, безъ искуства, и кончилъ ее, имѣя подъ ружьемъ до 200,000 регулярнаго войска, ни въ чемъ не уступавшаго лучшимъ Европейскимъ арміямъ, и многочисленный флотъ, господствовавшій на Балтійскомъ морѣ. Въ концѣ его царствованія состояніе сухопутныхъ силъ Россіи было слѣдующее: *гвардія:* 2 полка, Преображенскій и Семеновскій—6,630 человѣкъ;

(*) Голиковъ, Дополн. XVIII. 497 — 523.
(**) Голиковъ. Дѣян. VII. 342.

армія: 50 полковъ пѣхоты — 62,347 человѣкъ и 33 полка кавалеріи — 36,167 человѣкъ; *гарнизоны:* 51 полкъ пѣхоты и 4 драгунскихъ полка — 71,339 человѣкъ. Къ нимъ же принадлежали 10 регулярныхъ полковъ *ландмилиціи.* Офицеровъ считалось въ кавалерійскихъ полкахъ 1,385, а въ пѣхотныхъ 2,432. Артиллерійскихъ и инженерныхъ чиновъ и служителей 4,022; артиллерійскихъ орудій, вмѣстѣ съ запасными въ Петербургскомъ арсеналѣ до 590, и въ разныхъ крѣпостяхъ 8,100. Число иррегулярнаго войска — Малороссійскихъ, Донскихъ и другихъ Казаковъ, Калмыковъ и Башкирцевъ — могло простираться свыше 125,000 человѣкъ. Морскія силы состояли изъ 32 линейныхъ кораблей, 22 фрегатовъ, 144 галеръ и изъ нѣсколькихъ сотъ другихъ мелкихъ военныхъ судовъ съ 28 тысячами флотскихъ чиновъ и служителей (*). Военныя гавани — галерная въ Петербургѣ и корабельныя въ Кронштадтѣ и Ревелѣ — были созданы Петромъ. Всѣ военныя суда и большая часть линейныхъ кораблей построены на отечественныхъ верфяхъ въ Петербургѣ, Архангельскѣ и другихъ мѣстахъ, и притомъ (за исключеніемъ немногихъ) Русскими мастерами, учившимися вмѣстѣ съ Царемъ въ Голландіи. Въ кораблестроительныхъ матеріалахъ не было недостатка. Все вооруженіе арміи и флота также извлекалось уже исключительно изъ нѣдръ самой Россіи, изобиловавшей металлами. Важнѣйшіе оружейные заводы были въ Петрозаводскѣ, Тулѣ и Сестрорѣцкѣ. Въ концѣ царствованія Петра основанъ городъ Екатеринбургъ, съ обширнымъ литейнымъ заводомъ. Больницы и госпитали въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Ревелѣ и другихъ значительныхъ городахъ служатъ доказательствомъ заботливости

(*) Голиковъ, Дополн. XVIII. 446 — 454.

Петра о больныхъ и раненыхъ воинахъ. Важнѣйшіе госпитали были морскіе и сухопутные въ Петербургѣ, основанные въ 1715 году. «Мое давнишнее желаніе наконецъ исполнено» — произнесъ Петръ при ихъ освященіи: «Здѣсь изнеможенный воинъ найдетъ себѣ помощь и успокоеніе, котораго ему доселѣ недоставало. Дай только Боже, чтобъ ни когда многимъ не было въ томъ нужды (*).» Аптеки: главная и адмиралтейская въ Петербургѣ и полевая аптека въ городѣ Лубнахъ, въ Украйнѣ, снабжали армію и флотъ медикаментами безденежно.

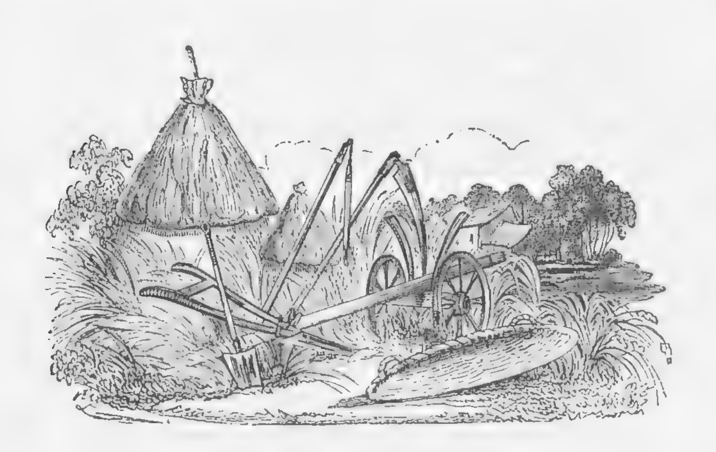
Первоначально при образованіи войска и флота просвѣщенные иностранцы оказали Петру не маловажныя услуги. Кромѣ Лефорта и Гордона, его первыхъ наставниковъ и сотрудниковъ, фельдмаршалъ Огильви возстановилъ строжайшую дисциплину въ пѣхотѣ, генералъ Ренне ознакомилъ кавалерію съ новыми оборотами, генералъ-фельдцейгмейстеръ Брюсъ утвердилъ на прочномъ основаніи части артиллерійскую и инженерную, адмиралъ Крюйсъ образовалъ искусныхъ мореходцевъ. Въ послѣдствіи же къ образованію свѣдущихъ офицеровъ изъ Русскихъ дворянъ особенно содѣйствовали гвардія — предметъ постоянной отеческой заботливости Монарха и Морская академія, основанная въ Петербургѣ, въ 1715 году, на 300 воспитанниковъ, составлявшихъ морскую гвардію. Наконецъ, военное искуство утвердилось на прочномъ основаніи и получило стройное развитіе со времени изданія регламентовъ: воинскаго въ 1716 и адмиралтейскаго или морскаго, въ 1721 году. Петръ, глубоко изучившій и сухопутную, и морскую службу, которыя самъ проходилъ съ барабанщика и каютнаго юнги до генерала и адмирала, съ величайшею точностію опредѣлилъ этими, имъ самимъ написанными, уставами весь порядокъ управленія военными силами, правила службы и обязанности всѣхъ чиновъ отъ фельдмаршала до рядоваго и въ концѣ своего царствованія могъ уже обойтись безъ помощи иноземцевъ, особенно въ сухопутной службѣ, имѣя изъ своихъ питомцевъ многихъ достойныхъ генераловъ. Въ 1725 году,

(*) Штелинъ. Анекд, I. 228.

въ числѣ 65 высшихъ военныхъ чиновъ (отъ фельдмаршала до генералъ-маіора) только 23 были иностранцы. Нельзя не замѣтить здѣсь, что упрекъ въ мнимомъ пристрастіи и привязанности къ иностранцамъ, который часто дѣлаютъ Петру, не имѣетъ никакого основанія. Правда, первоначально офицеры и другіе начальники въ Русскомъ войскѣ были бо́льшею частію иностранцы. Они, по своей опытности, справедливо пользовались и преимуществомъ, какъ въ чинахъ, такъ и въ жалованьи, предъ Русскими, которымъ надлежало еще учиться. Но, когда ученики сравнялись въ познаніяхъ съ своими учителями,—и различіе по службѣ между ними исчезло. Петръ цѣнилъ только искуство и усердіе. Онъ уважалъ свѣдущихъ иностранцевъ, охотно принималъ ихъ въ свою службу, пользовался ихъ познаніями и щедро награждалъ за услуги; но всегда предпочиталъ Русскаго иноземцу при равныхъ достоинствахъ. Замѣчательно еще, что только въ началѣ его царствованія двое иноземцевъ, де-Кроа и Огильви, предводительствовали значительными корпусами войскъ, и что изъ множества пришельцевъ, кромѣ Лефорта, ни одинъ не пользовался его дружбою, не былъ близокъ къ его сердцу: его приближенными и любимцами были Русскіе.

Н*ародная промышленность* Россіи была исторгнута Петромъ изъ ея ничтожнаго состоянія и, получивъ новыя жизненныя силы, стала развиваться быстро и стройно. Ни одна ея отрасль не укрылась отъ мудраго и заботливаго хозяина, который, наблюдая успѣхи общежитія на Западѣ, спѣшилъ усвоить все, что только могло быть примѣнено къ потребностямъ Россіи и что предвѣщало хотя малѣйшую пользу. Каждое изобрѣтеніе, каждое усовершенствованіе, въ чемъ бы оно ни состояло — было для Петра драгоцѣнностію. Онъ съ такимъ усердіемъ старался о малѣйшихъ улучшеніяхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, что казалось, будто это и было исключительнымъ предметомъ его дѣятельности. Замѣтивъ, напримѣръ, что употребляемый

въ Лифляндіи способъ съемки хлѣба, посредствомъ малыхъ косъ съ граблями, гораздо спорѣе и выгоднѣе Русскаго, онъ тотчасъ разослалъ съ нарочными офицерами по нѣскольку Лифляндскихъ жнецевъ въ хлѣбороднѣйшія мѣста Россіи, для обученія крестьянъ этому искуству, и предписалъ воеводамъ наблюдать за успѣхами нововведенія. «И понеже (писалъ онъ «къ Тульскому воеводѣ) хотя что добро и надобно, да новое, «то наши люди безъ принужденія не сдѣлаютъ: того ради «распоряди самъ, и пошли вѣрныхъ людей, чтобъ конечно «нынѣшнимъ лѣтомъ выучить сколько возможно. И сколько «симъ образомъ скосятъ, гдѣ и чьи мужики, о томъ намъ «рапортуй Сентября въ послѣднихъ или Октября въ первыхъ «числахъ: ибо взыщется на васъ. И пока они (учители) «тамъ будутъ жить и обучать, велите имъ давать денегъ по «полтинѣ на мѣсяцъ каждому и квартиры гдѣ жить (*).»

Впрочемъ хлѣбопашество, бывшее всегда главнымъ и почти единственнымъ промысломъ въ Россіи, стояло уже на значительной степени развитія, покрайней мѣрѣ, съ избыткомъ удовлетворяло тогдашнимъ потребностямъ народа; по чему Петръ и оставилъ его въ прежнемъ состояніи и обратилъ тѣмъ большее вниманіе на другія отрасли сельскаго хозяйства. Лѣсоводство было однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ его заботливости, особливо же старался онъ беречь и разводить повсюду

(*) Голиковъ. Дѣян. VII 274 — 277.

дубовыя лѣса, необходимыя для кораблестроенія. Въ 1709 году, когда Карлъ XII подвигался къ Полтавѣ, Петръ, въ свою бытность въ Таганрогѣ, занимался, между прочимъ, разсадкою дубовыхъ желудей. Въ послѣдствіи онъ учредилъ форстмейстеровъ, предписалъ точныя и строгія правила касательно сбереженія лѣсовъ и преслѣдовалъ самовольную ихъ порубку и порчу, какъ государственное преступленіе, жестокими наказаніями. Разведеніе льна и пеньки, составлявшихъ, кромѣ значительнаго домашняго потребленія, главный предметъ заграничной торговли, — было благопріятствуемо Монаршими распоряженіями и распространилось особенно въ слѣдствіе запрещенія вывозить льняное и конопляное сѣмя. Улучшенное овцеводство было заведено въ Украйнѣ и въ Воронежской губерніи, для чего, еще въ 1702 году, выписаны изъ Саксоніи, Силезіи и Польши свѣдущіе овцеводы и тонкошерстныя овцы. Въ послѣдніе годы своей жизни, Петръ повелѣлъ выписать и мериносовъ изъ Испаніи, что однако же при немъ не было исполнено. Замѣтивъ, во время поѣздки въ Архангельскъ, привольныя пастьбища въ окрестностяхъ Холмогоръ, Петръ развелъ тамъ, въ послѣдствіи, рогатый скотъ Англійской и Голландской породы, получившій названіе Холмогорскаго.

Екатерина подражала хозяйственности своего супруга. Вотъ, что писала Царица къ Апраксину (30 Августа 1712 года изъ Грейфсвальда): «Объявляю вашей милости, что Господинъ «Контръ-Адмиралъ» (т. е. Монархъ) «и мы, при милости «его, обрѣтаемся слава Богу въ добромъ здоровьѣ. Прошу «васъ, дабы изволили приказать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вы «изволите обрѣтаться, купить нѣсколько лучшихъ тамошнихъ «коровъ, и прислать, для заводу по мызамъ въ С. Петербургъ (*).»

Садоводствомъ занимался самъ Монархъ, въ часы отдыха, съ особеннымъ удовольствіемъ. Желая украсить свой любимый Петербургъ, онъ посадилъ въ немъ не одно дерево своими руками; его же заботливости обязаны своимъ существованіемъ общественные сады въ Ригѣ и Ревелѣ. Наконецъ, ему же

(*) Голиковъ. Дополн. IX. 289.

Россія одолжена началомъ винодѣлія и шелководства: виноградныя лозы, выписанныя изъ Франціи, были разведены на берегахъ Дона, а Рейнскія и Венгерскія въ Астрахани; тамъ же, на берегу Ахтубы, а потомъ въ Кіевѣ, появились первыя тутовыя деревья. — Куда бы мы ни обратились, на какой бы вѣтви общественнаго хозяйства ни остановили наши взоры — повсюду встрѣчается Петръ, какъ творецъ и преобразователь, повсюду изумляетъ насъ непостижимая дѣятельность этого генія.

До Петра, мануфактурная промышленность, въ собственномъ смыслѣ, была почти вовсе незнакома въ Россіи. Она возникла и развилась подъ его неусыпнымъ надзоромъ и достигла подъ конецъ его царствованія до такого состоянія, что не только удовлетворяла важнѣйшимъ потребностямъ государства, но доставляла даже многіе предметы, служащіе для роскоши и удобства жизни. Нашедъ, при своемъ вступленіи на престолъ, 2 бумажныя фабрики, столько же стеклянныхъ и нѣсколько желѣзныхъ заводовъ, и то въ плохомъ состояніи, Петръ оставилъ своимъ преемникамъ въ Петербургѣ 38, въ Москвѣ 39, а во всей Россіи 213 фабрикъ и заводовъ, имѣвшихъ уже прочное существованіе и значительныя средства для дальнѣйшаго развитія.

Призвавъ, въ началѣ Шведской войны, изъ западной Европы фабрикантовъ и ремесленниковъ, Петръ основалъ сперва суконныя, полотняныя, парусныя, канатныя, оружейныя и другія фабрики и заводы, преимущественно для содержанія арміи и флота безъ помощи иноземной промышленности; потомъ, особенно по возвращеніи изъ послѣдняго путешествія въ Голландію и Францію, обратилъ вниманіе на распространеніе мануфактурной дѣятельности, удовлетворяющей чувству изящнаго и другимъ условіямъ образованнаго общества: завелъ шпалерную мануфактуру, по образцу Парижской Гобеленовой, основалъ стеклянныя, зеркальныя, шелковыя, позументныя, сахарныя и разныя другія фабрики и заводы. Одни изъ

нихъ содержались на счетъ казны, другіе устроены частными лицами. Содержатели фабрикъ имѣли право покупать земли и крестьянъ, въ случаѣ надобности получали отъ казны значительныя денежныя пособія и всегда пользовались особеннымъ благорасположеніемъ Монарха. Мастера, работники и всѣ крестьяне, приписанные къ фабрикамъ, были освобождены отъ податей, военной службы и постоя.

Особенно важными и полезными для государства были горные заводы. Еще Іоаннъ III, при помощи иноземцевъ, положилъ начало *рудному дѣлу* въ Россіи; но ни при немъ, ни при его внукѣ, Іоаннѣ Грозномъ, эта вѣтвь промышленности не могла быть значительною, по недостатку необходимыхъ свѣдѣній; а въ послѣдствіи, во времена смутъ и бѣдствій отечества, она пришла въ совершенный упадокъ и, не смотря на усилія Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича, оставалась въ ничтожномъ состояніи, доколѣ не воскресилъ ее Петръ. Даровавъ приманчивыя привилегіи горнымъ заводчикамъ и дозволивъ каждому, даже иностранцу, пріискивать руду и пользоваться находимыми металлами, и минералами, «дабы Божіе благословеніе подъ землею втунѣ не осталось,» Петръ пробудилъ общую дѣятельность и съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе началъ добывать сокровищь подземнаго міра. Впрочемъ, благородные металлы были еще мало извѣстны; пріисканіе песочнаго золота въ малой и большой Бухарѣ не увѣнчалось желаемымъ успѣхомъ; промыслъ серебра былъ также незначителенъ; только желѣзо и мѣдь были главными произведеніями ископаемаго царства. Еще въ 1718 году добыто было въ Россіи болѣе 6,500,000 пудовъ желѣза и до 200,000 пудовъ мѣди, а въ 1725 году государство получило уже болѣе 70,000 рублей чистаго дохода отъ горныхъ промысловъ. Особенно важныя услуги по горной части оказали Никита Демидовъ и генералъ-маіоръ фонъ-Геннингъ, основатель Екатеринбурга.

Но не только фабрики и мануфактуры были предметомъ заботливости Петра, онъ старался водворить въ Россіи всѣ полезныя ремесла и рукодѣлія и, не довольствуясь трудами иноземцевъ, требовалъ, чтобъ Русскіе сами выучились всему, что обѣщало хотя малую пользу. Посылая дворянскихъ дѣтей

за границу учиться наукамъ и художествамъ, онъ посылалъ и крестьянъ въ Англію учиться кожевенному, сапожному, слесарному и другимъ мастерствамъ; вызывая въ Россію иностранныхъ художниковъ, архитекторовъ, машинистовъ, фабрикантовъ и проч., онъ не забывалъ и кузнецовъ, слесарей, мастеровъ канатныхъ, кирпичныхъ, Англійскихъ пивоваровъ, Голландскихъ коровницъ, дѣлателей щетокъ, корзинокъ, коробочекъ и проч. Заботливость Петра простиралась даже до того, что онъ, услышавъ однажды о порчѣ, произведенной въ провіантскихъ судахъ мышами и крысами, повелѣлъ выписать значительное число Голландскихъ кошекъ, которыя однакожь были захвачены на пути непріятельскимъ каперомъ и отвезены военноплѣнными въ Швецію (*). Приведемъ нѣкоторые письменные памятники этой удивительной заботливости повелителя милліоновъ о предметахъ, повидимому, не совмѣстимыхъ съ важными государственными трудами. Повелѣвая сенату (указомъ отъ 28 Сентября 1711 года) пріискать въ Москвѣ и за городомъ дворы, приличные для житья Князя Кантемира, Монархъ приписалъ: «Послать указы въ города, «гдѣ есть кожевенные заводы, чтобъ кожевники худой коровьей «шерсти не бросали, но собирали въ одно мѣсто.» «Понеже «юфть (сказано въ собственноручномъ же указѣ отъ 3 Октября «1715 года), которая употребляется на обуви, весьма негодна «къ ношенію: ибо дѣлается съ дегтемъ, и когда мокроты «хватитъ, разпалзывается и вода проходитъ: того ради оную «надлежитъ дѣлать съ ворваньимъ саломъ и инымъ порядкомъ.» Въ слѣдствіе этого распоряженія, кожевникамъ изъ каждаго города повелѣно было ѣхать въ Москву учиться у отправленныхъ туда мастеровъ новому способу выдѣлки юфти; а для изученія назначенъ двухгодичный срокъ, по прошествіи котораго за выдѣлку юфти прежнимъ способомъ угрожали ссылкою на каторгу и лишеніемъ имущества. Столь же замѣчательны собственноручныя предписанія Монарха: чтобъ паклю, негодную на веревки, собирать и беречь, длѣ дѣланія картузной бумаги; чтобъ парусину ткать шире, нежели прежде; чтобъ сапоговъ и башмаковъ не подбивать гвоздями или скобками,

(*) Weber. II. 12.

портившими въ покояхъ полы, и проч., и проч. Всѣ эти мелочныя, повелѣнія, данныя среди другихъ безчисленныхъ дѣлъ и заботъ государственныхъ, и отличающіяся притомъ удивительною точностію и опредѣлительностію, возбуждаютъ невольное благоговѣніе къ генію, обнимавшему вдругъ съ непостижимою ясностію и великое, и малое.

Вотъ, напримѣръ, съ какою подробностію и знаніемъ дѣла писалъ Монархъ къ Соловьеву (своему агенту по торговымъ дѣламъ въ Амстердамѣ) о пріискаціи мастера, умѣющаго дѣлать рульный табакъ; и писалъ притомъ въ такое время (16 Января 1716), когда недостойные поступки сына отравляли его душу, а болѣзнь изнуряла тѣлесныя силы; когда, среди приготовленій къ рѣшительному нападенію, обще съ союзниками, на Швецію и среди безчисленныхъ заботъ объ управленіи государствомъ, по случаю предстоявшаго путешествія за границу, не возможно было, казалось, и подумать о подобныхъ мелочахъ: «Понеже»—пишетъ Монархъ — «у насъ въ Черкаскихъ «городахъ довольно табаку родится, только онаго не умѣютъ «строить на такую маниру, какъ изъ Голландіи отвозятъ въ «расходъ для продажи на Остзеи; и для того пріищи въ «Голландіи нанять въ нашу службу на три года подмастерья, «или добраго работника (который бы зналъ табакъ отбирать, «вить и жать, и чтобъ при немъ были двѣ табачныя прясельцы «и два колеса и двои тиски, простыя, желѣзомъ окованныя), «котораго ищи изъ служителей Яна Тессинга, понеже опыхъ «искуснѣе въ Голландіи на сіе дѣло нѣтъ, и смотри чтобъ «былъ трезвой, трудолюбивой и не старой человѣкъ, а именно: «чтобъ не былъ болѣе сорока лѣтъ, и нанявъ таковаго чело«вѣка, пришли сюда (и сколько возможно сіе тайно дѣлай, «дабы непровѣдали тѣ, которые симъ промышляютъ и полу«чаютъ богатство; ибо ежели провѣдаютъ, то отобьютъ наемщи«ковъ); и какъ онаго наймешъ, тогда купи сиропу или масла «табачнаго, сколько на пятьдесятъ тысячь фунтовъ табаку «подлежитъ; такъ же и сверхъ того ежели какіе припасы по«мянутому подмастерью понадобятся, то взявъ у него роспись «и все искупя, съ нимъ же пришли, и чтобъ онъ, какъ

«тотъ сыропъ, такъ и прочее все выбиралъ самъ, дабы послѣ, «пріѣхавъ сюда, не сказалъ, что ты худое ему купилъ (*).»

Нѣтъ надобности упоминать, что приказъ Государя былъ исполненъ въ точности и въ Петербургѣ устроена табачная фабрика; но нанятый Голландецъ скрывалъ отъ всѣхъ свое искуство и по смерти его фабрика пришла въ упадокъ. Что подобныя препятствія отъ своекорыстія иноземцевъ бывали не рѣдки, видно изъ Монаршаго указа (отъ 3 Декабря 1723), даннаго мануфактуръ-коллегіи: «иноземцы мастеры (жалуется Государь), будучи въ фабрикахъ и отживъ сроки, отъѣзжаютъ въ отечество, а по себѣ учениковъ безъ совершенства науки ихъ оставляютъ, и изъ сего не безъ сомнѣнія есть, что не имѣютъ ли они при цѣхахъ, отколь выѣхали присяжнаго обязательства, чтобъ иностранныхъ имъ не обучать.»

Какихъ же трудовъ и усилій не стоило Петру введеніе искуствъ и ремеслъ въ Россію, когда ему надлежало бороться, до конца жизни, не только съ отвращеніемъ Русскихъ отъ иноземной новизны и непривычныхъ занятій, но и съ своекорыстіемъ иностранцевъ, скрывавшихъ свои познанія? Но онъ преодолѣлъ всѣ преграды и достигъ своей цѣли: пробудилъ народную дѣятельность, указалъ путь и средства и положилъ прочное основаніе новой жизни.

Русская торговля также возникла изъ началъ, утвержденныхъ могучею рукою Петра. Она, какъ основаніе народнаго благосостоянія, пружина общежитія, источникъ познаній и силы государства, — была едвали не главнымъ предметомъ его заботливости. Уже въ первыхъ дѣйствіяхъ юнаго Монарха — въ путешествіи въ Архангелскъ, въ покореніи Азова, въ построеніи Таганрога—проявляется желаніе оживить и возстановить торговыя связи съ сосѣдями. Это желаніе возрасло наконецъ до страсти, при видѣ цвѣтущаго состоянія Англіи

(*) Голиковъ. Дополн. XI. 18 — 19.

и Голландіи, и побудило самого Монарха быть купцемъ. Онъ основалъ въ Амстердамѣ первую Русскую торговую контору и, отправляя туда на своихъ корабляхъ изъ Архангельска хлѣбъ, юфть, поташъ, смолу и проч., показывалъ подданнымъ примѣръ, какъ должно производить заграничную торговлю; а вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣталъ отъ этой казенной торговли значительные капиталы, необходимые для военныхъ предпріятій. Но портъ, лежащій на отдаленномъ сѣверѣ, на берегу моря, недоступнаго въ продолженіе большей части года для мореходцевъ, не могъ благопріятствовать видамъ и предначертаніямъ Петра. И вотъ — онъ поднялъ оружіе на Шведовъ; — и все изъ желанія возстановить торговлю и связи съ Европою. Не Шведскія владѣнія, ни даже Русскія области, отторгнутыя Шведами, — но море, лежащее за этими землями, было цѣлію войны. Охотно оставилъ бы онъ Шведамъ ихъ землю и всѣ ихъ пріобрѣтенія, если бъ только могъ придвинуть море, къ тогдашнимъ границамъ Россіи.

Въ теченіе первыхъ 13 лѣтъ Шведской войны Архангельскъ все еще оставался единственнымъ приморскимъ пунктомъ для торговли Россіи съ западомъ. Юный его соперникъ на берегахъ Невы хотя и возрасталъ уже быстро, но Шведскій флотъ, господствовавшій еще на Балтійскомъ морѣ, заграждалъ иностраннымъ кораблямъ путь къ новому Русскому порту, и дѣлалъ тщетными всѣ усилія Петра привлечь сюда торговлю. Только одинъ Голландскій корабль съ винами и солью случайно забрелъ въ устье Невы въ концѣ 1703 года. Петра не было въ Петербургѣ, но Меньшиковъ, понимавшій мудрыя намѣренія Монарха, ласково принялъ гостей, пригласилъ ихъ къ своему столу, подарилъ шкиперу 500 червонцевъ, а матросамъ 300 ефимковъ каждому и, откупивъ всѣ привезенные товары, назначилъ 300 червонцевъ награды шкиперу перваго и 150 втораго судна, которые вслѣдъ за тѣмъ прибудутъ въ Петербургъ. Но Петръ долженъ былъ еще нѣсколько лѣтъ бороться съ Шведами за господство надъ Балтійскимъ моремъ и только въ 1713 году могъ исполнить обѣщаніе своего любимца, по случаю прибытія перваго Англійскаго, или (по другимъ извѣ-

стіямъ) Голландскаго корабля, который тѣмъ болѣе обрадовалъ Монарха, что былъ уже не случайнымъ гостемъ, но нарочно былъ отправленъ къ Петербургу. Переодѣвшись лоцманомъ, Петръ съ нѣсколькими матросами бросился въ шлюпку и поплылъ на взморье встрѣчать гостей. Корабль стоялъ на мѣли; Царь своими руками помогъ ему сняться; потомъ взошелъ на палубу и, поздравивъ шкипера съ пріѣздомъ, объявилъ, что присланъ отъ губернатора, чтобъ проводить его къ пристани. Путеводимый Царемъ, корабль присталъ къ биржѣ и шкиперъ, пригласивъ мнимаго лоцмана въ свою каюту, предложилъ ему, въ награду за оказанную услугу, кусокъ простаго сукна на платье. Петръ долго отговаривался отъ

подарка, наконецъ, обѣщалъ принять въ знакъ дружбы, если шкиперъ назавтре *удостоитъ пожаловать къ нему откушать;* согласились, и на другой день матросъ, присланный отъ лоцмана, проводилъ гостя во дворецъ. Можно себѣ представить изумленіе бѣднаго шкипера, который, приготовляясь обѣдать

у лоцмана, попалъ на пиръ къ Царю и, угощенный порядкомъ, возвратился съ богатымъ подаркомъ.

Съ 1713 года, съ прибытія перваго иностраннаго корабля, началась торговля Петербургскаго порта. Въ память этого событія выбита была даже медаль, изображавшая на одной сторонѣ Царскій портретъ, а на другой одинокій корабль и надпись: *«имѣя надежду на Бога, желаемъ получити благо. 1713 году.»*

Для усиленія этой торговли Петръ принялъ самыя рѣшительныя мѣры. Понизивъ торговыя пошлины противъ платимыхъ въ Архангельскѣ и даровавъ разныя другія привилегіи новому порту, онъ повелѣлъ, чтобъ Русскіе купцы впредь отправляли свои товары, вмѣсто Архангельскаго, къ Петербургскому порту и извѣстилъ объ этихъ распоряженіяхъ всѣ торгующія державы, съ которыми еще прежде, съ 1706 года, были заключаемы выгодные для нихъ договоры. Не смотря на всеобщій ропотъ, возбужденный въ Россіи этимъ насильственнымъ переносомъ торговли, не смотря на неотступныя просьбы и убѣжденія Русскаго купечества, которому прежній путь къ Архангельску, въ слѣдствіе долговременной привычки, казался легче и удобнѣе, Петръ, увѣренный въ несомнѣнныхъ выгодахъ новаго порта, не отмѣнилъ своего повелѣнія, и только въ послѣдствіи, когда торговля Петербурга уже значительно утвердилась, дозволилъ третью часть товаровъ отпускать къ Архангельску. Такимъ образомъ, Архангельская торговля, доставлявшая государству, въ 1701 году, таможенныхъ пошлинъ болѣе 140,000 ефимковъ, упала до того, что въ 1724 году, пошлинный сборъ простирался не свыше 22 тысячь. Но за то, въ такой же соразмѣрности, возрасла торговля Петербурга. Нѣсколько тысячь ефимковъ, розданныхъ первымъ иностраннымъ купцамъ, посѣтившимъ Петербургъ въ 1703 году, были капиталомъ, положеннымъ въ вѣрный ростъ: чрезъ 20 лѣтъ они доставили государству болѣе 180 тысячъ ефимковъ таможенныхъ пошлинъ съ Петербургскаго порта за одинъ 1724 годъ. Число приходящихъ въ Петербургъ кораблей съ каж-

дымъ годомъ возрастало, не смотря на войну и Шведскіе каперы; въ 1714 году ихъ было 16, а по окончаніи войны, въ 1722 году, довольный взоръ Монарха привѣтствовалъ на Петербургской биржѣ мачты уже 119 кораблей, прибывшихъ изъ разныхъ странъ Европы, даже изъ Италіи и Испаніи (*). «Ну! не лучше ли здѣсь, чѣмъ въ Архангельскѣ?» — спросилъ Петръ однажды Голландца, посѣщавшаго прежде Архангельскій портъ. — Не во всемъ — отвѣчалъ послѣдній. — Въ Архангельскѣ мы получали превкусные пирожки, а здѣсь ихъ нѣтъ. — «О! да этому горю можно помочь,» возразилъ Государь: «приходи-ка завтра ко мнѣ съ своими земляками. Я тебѣ докажу, что здѣшніе пирожки не хуже Архангельскихъ.» На другой день корабельщики пировали у Императора. Такія угощенія бывали не рѣдки: Государь всячески ласкалъ торгующихъ иностранцевъ, стараясь привлечь торговлю къ своему любимому порту (**).

Покореніе важныхъ гаваней, по всему берегу отъ Выборга до Риги, и рѣшительный перевѣсъ Россіи на Балтійскомъ морѣ утвердили наконецъ ея морскую торговлю и связи съ западною Европою на прочномъ основаніи. Со всѣми Европейскими государствами были заключены торговые договоры, съ Любекомъ учреждено постоянное сообщеніе посредствомъ пакетботовъ, а въ Испанію и Францію уже въ 1724 году ходили Русскіе корабли съ товарами. Въ 1725 году число иностранныхъ кораблей, посѣтившихъ Балтійскіе порты Россіи, простиралось до 1700 и таможенныя пошлины, не смотря на незначительность тарифа, составляли уже одну изъ главныхъ статей государственнаго дохода.

Сухопутная торговля на западной границѣ съ Пруссіею, Польшею и Силезіею также оживилась въ слѣдствіе выгодныхъ договоровъ, дружескихъ связей и новыхъ потребностей Россіи. Не менѣе дѣятельны были торговыя связи и съ восточными сосѣдями, — Персіею, Хивою, Бухарою, Китаемъ,

(*) Schlözer. Briefwechsel. I. 267.
(**) Штелинъ. Анекд. I. 98.

и проч. Главнымъ мѣстомъ Азіятской торговли была Астрахань. Особенно обширные планы и предначертанія, касательно распространенія этой торговли, развились — какъ увидимъ ниже — въ послѣдніе годы царствованія Петра. Но ихъ рушила преждевременная смерть Великаго.

Мудрыя мѣры Петра оживили и внутреннюю торговлю. Право собственнаго суда и другія преимущества, дарованныя купечеству, возвысили это сословіе и доставили ему необходимую свободу и самостоятельность въ отправленіи торговли. Правда, вмѣстѣ съ этими выгодами, были возвышены также налоги и пошлины, введены многіе новые сборы и нѣкоторые предметы торговли обращены въ казенныя монополіи; но это зло было только временное, вынужденное раззорительною войною и устраненное вмѣстѣ съ нею. Еще въ 1718 году торговыя монополіи короны были большею частію уничтожены; между тѣмъ, какъ заботливость правительства о исправности дорогъ, мостовъ, перевозовъ и о безопасности въ пути отъ грабежа и насилія слишкомъ вознаградила торгующихъ за взимаемыя съ нихъ налоги и пошлины. Наконецъ, устройство водяныхъ сообщеній, составлявшихъ предметъ особенной попечительности Монарха, еще болѣе усилило торговую дѣятельность и доставило въ послѣдствіи неисчислимыя выгоды государству.

Принужденный, при началѣ Шведской войны, отложить свое первое, отважнѣйшее и едва ли возможное предпріятіе — соединеніе Волги съ Дономъ, Петръ вовсе отказался отъ него, по возвращеніи Туркамъ Азова, и обратилъ всѣ свои мысли на Сѣверъ — на приведеніе своего любимаго Петербурга въ водяное сообщеніе съ внутренними губерніями Россіи. Для этого, онъ поручилъ, вскорѣ послѣ Полтавской побѣды, Англійскому инженеру Перри осмотрѣть естественные водяные пути между

Волгою и Ладожскимъ озеромъ и указать тотъ изъ нихъ, который легче и удобнѣе усовершенствовать посредствомъ искуства. Хотя Перри, требуя недоданнаго ему за прежніе годы жалованья, не хотѣлъ приступить къ труду и наконецъ, не согласившись съ правительствомъ въ денежныхъ расчетахъ, съ неудовольствіемъ оставилъ Россію; однако и безъ него, соединеніе Тверцы и Мсты посредствомъ Вышневолоцкаго канала, начатое по плану и подъ надзоромъ купца Михайлы Сердюкова, было вскорѣ окончено и еще въ 1712 году, къ немалому удовольствію Монарха, первый казенный караванъ прошелъ изъ Волги въ Неву. Но этотъ путь первоначально былъ чрезвычайно затруднителенъ и опасенъ; особенно же переѣздъ по бурному Ладожскому озеру, отъ устья Волхова до истока Невы, угрожалъ плоскодоннымъ судамъ и баркамъ почти неизбѣжною гибелью. Чтобъ отвратить эту опасность надлежало совершить исполинскій трудъ — прокопать каналъ вдоль по берегу озера на пространствѣ 104 верстъ отъ Новой Ладоги до Шлиссельбурга. Трудность предпріятія, котораго польза была очевидна, не остановила Петра: работа началась 22 Марта 1719 года. Послѣ обычнаго молебствія, Царь самъ наполнилъ землею первую тачку и отвезъ ее на мѣсто, гдѣ долженствовала возникнуть насыпь. Число рабочихъ простиралось свыше 20,000. Главнымъ строителемъ былъ сперва любимецъ Меньшикова, генералъ-маіоръ Скорняковъ-Писаревъ, который своими ошибками и медленностію доказалъ только недостаточность своихъ познаній для этого дѣла. Попрошествіи 4 лѣтъ, Петръ замѣнилъ его другимъ, болѣе искуснымъ инженеромъ, генералъ-лейтенантомъ Минихомъ. Первые труды новаго строителя уже радовали Монарха, который однакожь не дожилъ до окончанія этого исполинскаго предпріятія. Каналъ былъ совершенно оконченъ только чрезъ 7 лѣтъ по его смерти. Другія сообщенія Каспійскаго моря съ Финскимъ заливомъ и Бѣлымъ моремъ, открытыя въ послѣдствіи, также были указаны и предначертаны Петромъ, который всѣми силами стремился соединить внутреннія страны государства съ берегами прилежащихъ морей и утвердить благотворную мѣну грубыхъ естественныхъ произведеній Россіи на безцѣнные плоды Европейскаго образованія.

Наконецъ, и перенесеніе столицы къ берегамъ Невы, на границы государства, проистекало изъ того же пламеннаго желанія Монарха поддержать и утвердить торговыя связи съ Западомъ. Если продолженіе военныхъ предпріятій противъ Швеціи первоначально дѣлало пребываніе Петра необходимымъ въ Петербургѣ, — въ послѣдствіи, съ счастливымъ окончаніемъ войны, эта причина исчезла и одна только торговля побудила его навсегда предпочесть юный Петербургъ древней столицѣ Царей.

Замѣчаютъ, что положеніе Петербурга, превосходное для торговаго порта, не совсѣмъ выгодно для столицы. Еще Дидро (Diderot) говорилъ Екатеринѣ II, что «столица на предѣлахъ государства, то же, что сердце въ пальцахъ у человѣка: кровообращеніе крови становится труднымъ и малѣйшая рана смертельною (*).» Казалось и Петръ, при всей своей любви къ Петербургу, чувствовалъ преимущество прежней столицы. «Еслибъ только Москва», говаривалъ онъ: «лежала при озерѣ, или на судоходной рѣкѣ, впадающей въ море, — она была бы лучшею столицею въ мірѣ: ея положеніе въ срединѣ государства, пріятныя окрестности, плодоносная почва и здоровый климатъ дѣлаютъ ее первымъ и прекраснѣйшимъ городомъ Россіи (**).« Полагаютъ даже, что онъ намѣренъ былъ со временемъ возвратить Москвѣ ея старинное первенство, коль скоро Петербургъ и Кронштадтъ достигнутъ своего назначенія — сдѣлаются торговымъ и военнымъ портомъ государства; но перенесеніе въ Петербургъ высшихъ присутственныхъ мѣстъ, обязанность, возложенная на вельможъ, строиться въ Петербургѣ, сооруженіе для Государя и его семейства многихъ дворцевъ въ городѣ и въ окрестностяхъ убѣждаютъ въ противномъ. Да и могъ ли Петръ покинуть городъ, котораго основаніе стоило ему такихъ трудовъ и усилій? Къ тому же онъ зналъ, какъ не охотно селились въ новомъ городѣ не только вельможи, но и купечество; видѣлъ, что только присутствіе Двора

(*) G. A. von Halem. II. 370.
(**) Strahlenberg p. 262.

могло удержать здѣсь этихъ невольныхъ пересселенцевъ и усилить заграничную торговлю государства.

Чрезъ 10 лѣтъ послѣ своего основанія Петербургъ, по исчисленію, произведенному по повелѣнію Монарха, имѣлъ уже 34,550 домовъ; впрочемъ это были болѣе сельскія хижины, чѣмъ городскія зданія. «Я думалъ, говоритъ одинъ иноземный наблюдатель (*), прибывшій въ Петербургъ въ началѣ 1714 года, — «я думалъ, что увижу настоящій городъ; однако нашелъ только собраніе многихъ деревень, малымъ чѣмъ отличавшихся отъ Американскихъ селеній.» Но это «собраніе деревень» уже носило зародышъ Европейской жизни и дѣятельности и, подъ могучею рукою Петра, превращалось съ необыкновенною быстротою въ колоссальный городъ, предназначенный быть властителемъ Балтійскаго моря. Съ 1714 года — когда блистательные успѣхи Русскаго Флота ручались уже въ скоромъ и счастливомъ окончаніи войны, — Петръ съ особенною дѣятельностію приступилъ къ правильному застроенію и украшенію Петербурга. Онъ не щадилъ ни трудовъ, ни издержекъ; и упорство подданныхъ, и самая природа должны были уступить его твердой, неизмѣнной волѣ и, чрезъ нѣсколько лѣтъ, ряды каменныхъ и мазанковыхъ зданій въ Голландскомъ вкусѣ, съ высокими черепичными кровлями, явились вмѣсто прежнихъ хижинъ, на обоихъ берегахъ Невы и въ лучшихъ частяхъ города, а между ними обозначились прямыя, широкія улицы, изъ которыхъ многія были уже вымощены камнемъ.

Въ 1721 году Петербургъ могъ уже назваться обширнымъ и многолюднымъ городомъ. Одинъ образованный иностранецъ (**), видѣвшій Петербургъ въ первый разъ около 1713 года, описываетъ слѣдующимъ образомъ впечатлѣніе, произведенное на него при въѣздѣ въ этотъ городъ въ 1721 году:

«Я прибылъ въ Петербургъ подъ вечеръ. Этотъ городъ «въ продолженіе моего отсутствія, такъ измѣнился, что я, «чѣмъ далѣе въѣзжалъ, тѣмъ менѣе узнавалъ его. Во-пер-

(*) Веберъ, Ганноверскій резидентъ. См. его: Das veränderte Rußland. I. стр. 2.

(**) Берхгольцъ, каммеръ-юнкеръ Герцога Голштинскаго. См. его «Tagebuch» въ Büsching's Magazin. XIX. 35. 106.

«выхъ, я въѣхалъ прямо въ длинную, широкую, вымощенную «камнемъ аллею, которую недавно начали дѣлать и уже «окончили одни только плѣнные Шведы. Она называется «*перспективою* и дѣйствительно заслуживаетъ это названіе, «будучи такъ длинна, что конца почти не видно. И хотя «деревья, которыя посажены въ три и четыре ряда по обѣимъ «сторонамъ, еще не велики, однако эта аллея по своей зна-«чительной длинѣ и ширинѣ, вмѣстѣ съ чистотою, въ какой «она содержится (потому, что плѣнные Шведы метутъ и «чистятъ ее каждую субботу), производитъ такой невырази-«мый эффектъ, что я во всю свою жизнь ничего подобнаго «не видывалъ. На адмиралтействѣ — изящномъ и обширномъ «зданіи — красуется довольно высокая башня, которая при-«дастъ тѣмъ большую пріятность проспекту, что стоитъ въ «самой срединѣ, прямо противъ аллеи. Проѣхавъ эту аллею, «я взъѣхалъ на подъемный мостъ, при которомъ, на лѣвой «рукѣ, находится новый, красивый четырехъ-угольный ры-«нокъ.» и проч. — «Петербургъ представляетъ овальную фигуру «и занимаетъ необыкновенно большое пространство; однако «во многихъ мѣстахъ застроенъ съ промежутками. Васильев-«скій островъ, гдѣ находится дворецъ Князя Меньшикова и «многія другія значительныя зданія, назначенъ быть главнымъ «городомъ, который, какъ говорятъ, намѣрены современемъ «укрѣпить.....»

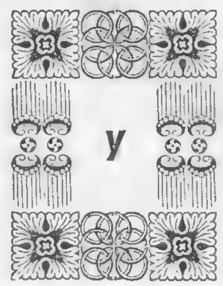
Дѣйствительно, Петръ обращалъ особенное вниманіе на Васильевскій островъ и хотѣлъ застроить его на подобіе Амстердама. По его плану, весь островъ предполагалось перерѣзать вдоль и поперегъ каналами, по которымъ могли бы ходить купеческія суда и барки, а по всей его окружности воздвигнуть 56 бастіоновъ. Передъ своимъ послѣднимъ отъѣздомъ за границу, Государь возложилъ на Меньшикова выполненіе нѣкоторыхъ изъ этихъ предначертаній. Но Меньшиковъ или не понялъ мыслей Монарха, или, по нерадѣнію, не выполнилъ его желанія и постройками, произведенными на островѣ во время отсутствія Государя, совершенно разстроилъ его планы. По возвращеніи изъ путешествія въ 1718 году, первою заботою Петра было ѣхать на островъ. Онъ съ удовольствіемъ

увидѣлъ ряды каменныхъ и деревянныхъ зданій, построенныхъ частными лицами, и огромный флигель, выведенный Меньшиковымъ противъ нынѣшней первой линіи; но пространство между домами, оставленное для улицъ и каналовъ, изъ которыхъ нѣкоторые были уже вырыты, показалось ему слишкомъ узко. Не довѣряя однако самому себѣ, онъ тотчасъ отправился къ Голландскому резиденту фонъ-Вильде, спросилъ у него планъ Амстердама и, вымѣрявъ на немъ каналы, замѣтилъ ихъ ширину въ своей записной книжкѣ; потомъ, пригласивъ съ собою резидента, поспѣшилъ опять на островъ и приказалъ смѣрить вырытые каналы. «Все испорчено!» вскричалъ онъ съ досадою, увидѣвъ, что они несравненно уже Амстердамскихъ.

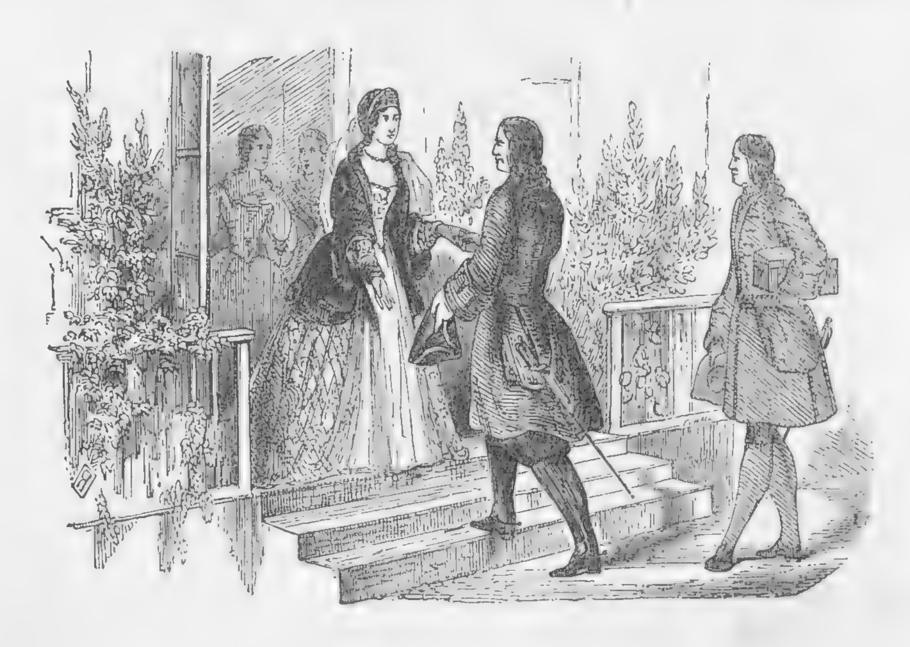

Долго не могъ онъ простить Меньшикову этой ошибки. Полагая однакожь возможнымъ исправить ее, онъ въ послѣдствіи часто ѣздилъ на островъ, проводилъ тамъ по часу и болѣе въ обозрѣніи каналовъ и линій, и каждый разъ уѣзжалъ, не говоря ни слова. Наконецъ, пригласивъ съ собою знаменитаго Французскаго архитектора ле-Блонда и, объяснивъ ему свой первый планъ, спросилъ: «что тутъ дѣлать теперь?»

— Сломать все и снова построить; каналы засыпать и прокопать другіе, — отвѣчалъ ле-Блондъ. «И я тоже думалъ,» — сказалъ Петръ, сѣлъ въ шлюпку и поѣхалъ обратно. Планъ остался безъ исполненія (*).

крашая столицу, Петръ обращалъ также вниманіе на ея пріятныя окрестности и, по своей непреодолимой страсти къ морю, преимущественно строилъ дворцы и мызы на берегахъ Финскаго залива. Небольшой деревянный дворецъ, на южномъ берегу залива, названный въ честь Царицы *Екатерингофомъ,* основанъ въ 1711 году, въ память побѣды, одержанной за 8 лѣтъ предъ тѣмъ, близъ того мѣста, надъ двумя Шведскими судами. Этотъ дворецъ былъ подаренъ Екатеринѣ, которая нерѣдко встрѣчала здѣсь своего супруга, возвращав-

шагося съ побѣдоноснымъ флотомъ. Недалеко отъ Екатерингофа, на островѣ, противъ устья Фонтанки, построенъ другой каменный дворецъ, съ небольшею башнею, названный *Под-*

(*) Штелинъ. Анекд. I. 180 — 183.

зорнымъ. Оттуда Монархъ, любитель моря, часто восхищался картиною бурной стихіи и по цѣлымъ часамъ слѣдилъ зрительною трубою за кораблями, плывущими въ Петербургъ и обратно. Далѣе по берегу залива построены загородные домы для Царевенъ Анны и Елисаветы, а на другомъ, Карельскомъ берегѣ, верстахъ въ 15 отъ Петербурга, между Лахтою и Сестрорѣцкомъ, заложенъ для Государя небольшой каменный дворецъ, названный, по разведенной тамъ дубовой рощѣ — *Дубки.* Другой, болѣе великолѣпный, увеселительный дворецъ Государевъ, названный *Петергофомъ,* и при немъ обширный садъ съ фонтанами, устроенъ на возвышенномъ Ингерманландскомъ берегѣ, въ 28 верстахъ отъ Петербурга. Здѣсь любимое мѣстопребываніе Петра было въ садовомъ домикѣ, *Монплезиръ,* въ которомъ, равно какъ и въ Екатерингофскомъ дворцѣ, мебель и всѣ вещи сохраняются доселѣ въ томъ же видѣ, въ какомъ остались послѣ великаго хозяина.

Роскошный Князь Меньшиковъ, согласуясь во всемъ съ желаніями Монарха, соорудилъ въ 8 верстахъ за Петергофомъ, прямо противъ Кронштадта, огромный трехъ-этажный дворецъ съ обширнымъ садомъ, названный *Ораніенбаумомъ.* Другой загородный домъ построенъ имъ по Шлиссельбургской дорогѣ, при устьѣ рѣки Ижоры. Ни чѣмъ нельзя было такъ угодить Государю, какъ построеніемъ дома въ Петербургѣ или въ его окрестностяхъ. Если кто хотѣлъ строиться и приглашалъ его на закладку, — онъ никогда не отказывался присутствовать на этой церемоніи и выпить рюмку водки, поздравляя хозяина съ благополучнымъ началомъ строенія. Соображаясь съ этою страстію Монарха къ украшенію своей столицы и желая отдарить его за подарокъ Екатерингофа, Екатерина доставила ему величайшее удовольствіе неожиданнымъ построеніемъ *Царскаго села.*

Еще въ 1708 году, Петръ подарилъ своей супругѣ многія деревни и земли подъ Петербургомъ; между прочимъ и небольшую мызу *Сара,* называвшуюся такъ, по имяни своей прежней владѣтельницы. Эта мыза и окрестныя мѣста, по ихъ сухому и возвышенному положенію, понравились Царицѣ и, при ея стараніяхъ, вскорѣ совершенно преобразились. Русское село, чистое, красивое, съ двумя церквами; двухъ-

этажный каменный дворецъ, съ садомъ и оранжереями, и не большой деревянный домъ, на Пулковой горѣ, замѣнили бѣдную Сарину мызу и находившуюся при ней Финскую деревеньку. Всѣ эти постройки, начатыя съ 1714 года, производились тайно, такъ что Монархъ, рѣдко посѣщавшій эту сторону, ничего о нихъ не зналъ. Наконецъ, когда все было кончено и устроено, Царица склонила своего супруга, въ одинъ ясный Майскій день 1719 года, на недальнюю загородную прогулку, обѣщая показать ему одно прекрасное мѣсто, на которомъ можно бы построить дворецъ. Уже на пути, Государь былъ пріятно изумленъ прямою, широкою и ровною дорогою, прорубленною сквозь кустарникъ, и заключалъ, что «мѣсто, куда Катинька везетъ его, должно быть дѣйствительно прекрасно.» Но каковъ былъ его восторгъ, когда онъ взъѣхалъ на гору?.... Екатерина ввела его въ Пулковскій дворецъ и, вопервыхъ, спѣшила ознакомить съ пріятными видами изъ оконъ: съ одной сто-

роны восхищеннымъ взорамъ основателя Петербурга представилось все его твореніе, какъ на картинѣ, съ другой обширное и

красивое Царское село съ окрестными деревнями, и со всѣми хозяйственными заведеніями Царицы. Удовольствіе Петра было невыразимо. Онъ долго не могъ забыть этой поѣздки и утверждалъ, что не помнитъ, чтобъ когда-нибудь проводилъ день съ бо́льшею пріятностію (*).

Съ утвержденіемъ столицы на берегахъ Невы тѣсно соединялись всѣ планы Петра касательно нравственнаго и умственнаго образованія народа. Зная, сколько успѣхи общежитія содѣйствуютъ къ смягченію нравовъ, къ распространенію просвѣщенія и полезныхъ знаній, онъ еще въ первые годы своего царствованія положилъ начало къ сближенію разъединенныхъ частей общества уничтоженіемъ затворнической жизни прекраснаго пола, введеніемъ разныхъ общественныхъ увеселеній и собственнымъ примѣромъ обходительности, простаго и ласковаго обращенія съ каждымъ. Однако прежній образъ жизни, утвердившійся вѣками, измѣнялся медленно. Не возможно было дѣйствовать вдругъ съ одинаковою силою на все государство. Надлежало сперва сосредоточить новые нравы и обычаи въ одномъ мѣстѣ и доказать примѣромъ ихъ превосходство предъ прежними. Для этого Петръ избралъ Петербургъ и сдѣлалъ его не только мѣстомъ торговаго соединенія Россіи съ Европою, но и школою новой жизни, первою колыбелью просвѣщенія. Здѣсь, подъ надзоромъ преобразователя, въ постоянномъ сообществѣ съ иноземцами, окруженные отвсюду нововведеніями, Русскіе должны были сбрасывать съ себя грубую кору предразсудковъ и знакомиться съ выгодами общежитія и образованности. Вотъ, для чего Петръ съ такою настойчивостію вызывалъ дворянъ, купцевъ, фабрикантовъ, всякаго рода и званія людей изъ ихъ покойныхъ жилищъ въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ и принуждалъ жить въ Петербургѣ. Здѣсь ихъ жизнь была уже не прежняя: самые домы строились по новому Европейскому образцу, со входомъ съ улицы, безъ недоступныхъ теремовъ. Жители составляли какъ бы одно

(*) Штелинъ. Анекд. I. 184 — 190.

семейство: почти каждый день, особенно праздничный, они проводили вмѣстѣ и Царь былъ между ними. Жизнь и дѣятельность, вмѣстѣ съ страстію къ общественнымъ увеселеніямъ, составляя характеръ Петра, сообщились и Петербургу съ первыхъ дней его существованія.

Монархъ, у котораго ничего не дѣлалось безъ цѣли, побуждая подданныхъ къ неутомимой дѣятельности, старался услаждать ихъ труды забавами, которыя также входили въ великій планъ преобразованія. Нѣмецкіе музыканты, возвѣщая часъ полудня игрою на флейтахъ и трубахъ, ежедневно потѣшали народъ съ верхней галлереи Царской *аустеріи* (*), почетнаго трактира, въ который имѣли право входить только люди чиновные и въ который нерѣдко захаживалъ и Царь,

съ высшими сановниками, послѣ обѣдни изъ Троицкой церкви. Здѣсь же, на площади передъ аустеріей, давались обыкно-

(*) Эта аустерія, въ которой продавались отъ казны водка, табакъ, карты и проч., находилась на Троицкой площади, подлѣ моста, ведущаго въ крѣпость. Другая, называвшаяся аустеріею Меньшикова, находилась близъ адмиралтейства.

венно и фейерверки, составлявшіе необходимую принадлежность всѣхъ увеселеній Монарха. И театральныя представленія были уже знакомы въ Петербургѣ: труппа Нѣмецкихъ комедіантовъ тѣшила зрителей разными шутками въ небольшомъ досчатомъ домѣ на берегу Мойки, а при дворѣ любимой сестры Монарха, Царевны Наталіи Алексѣевны, (скончавшейся въ 1716 году) устроенъ былъ и Русскій театръ, для котораго сама Царевна писала многія драмы духовнаго содержанія (*). Петръ, не будучи самъ любителемъ театра, писалъ однакожь въ Вѣну къ своему посланнику Ягужинскому, въ 1720 году: «постарайтеся нанять изъ Праги комедіантовъ такихъ, которые умѣютъ говорить по Славенски или по Чешски (**)». Не извѣстно, исполнено ли это порученіе Государя; знаемъ однакожь, что въ послѣдствіи былъ устроенъ въ зимнемъ дворцѣ небольшой придворный театръ.

Нѣкоторыя увеселенія вмѣнялись даже въ обязанность жителямъ столицы, напримѣръ, катанья по Невѣ. Монархъ, желая сдружить подданныхъ съ своею любимою стихіею, не заботился объ устроеніи мостовъ на Невѣ и ея притокахъ; но требовалъ, чтобъ всѣ, хотя сколько-нибудь зажиточные, хозяева домовъ имѣли свою нарядную шлюпку, яликъ, или другое рѣчное судно. Всѣ эти суда составляли такъ называемый *Невскій флотъ,* имѣвшій своего особеннаго начальника *Невскаго адмирала,* и каждое Воскресенье, по данному знаку, должны были являться у Троицкой пристани или въ другомъ сборномъ мѣстѣ, откуда, по командѣ своего адмирала, разцвѣченныя флагами и вымпелами, начинали разъѣзжать вверхъ и внизъ по Невѣ, однѣ на парусахъ, другія на греблѣ; на иныхъ раздавалась музыка и пѣсни, на другихъ палили изъ небольшихъ пушекъ и ружей. Катанья продолжались во всѣ лѣтніе мѣсяцы, по два и по три часа сряду, и отмѣнялись только въ случаѣ сильнаго восточнаго вѣтра. Не рѣдко и самъ Государь, со всѣмъ дворомъ, принималъ въ нихъ участіе, говоря, что «стыдно бы было забывать морскія эволю-

(*) Weber. I. 228. Eclaircissemens de Bassewitz - Büsching's Magazin. IX. 362.
(**) Штелинъ. Анедк. VII. 136.

ціи тому, кто имѣлъ честь командовать на Балтійскомъ морѣ флотами четырехъ державъ.»

Такою же обязанностью для столичныхъ жителей были и *ассамблеи,* учрежденныя въ концѣ 1718 года. Вотъ любопытный указъ объ этихъ собраніяхъ (отъ 26 Ноября 1718), начертанный рукою самого Монарха. «Ассамблеи, слово Французское, кото-«рое на Русскомъ языкѣ однимъ словомъ выразить невозможно; «обстоятельно сказать — вольное въ которомъ домѣ собраніе «или съѣздъ дѣлается, не только для забавы, но и для дѣла: «ибо тутъ можетъ другъ друга видѣть и о всякой нуждѣ «переговорить, также слышать, что гдѣ дѣлается, при томъ же «и забава. А какимъ образомъ оныя ассамблеи отправлять, «опредѣляется ниже сего пунктомъ, покамѣсть въ обычай не «войдетъ:

«1) Въ которомъ домѣ имѣетъ Ассамблея быть, то надле-«житъ письмомъ, или инымъ знакомъ, объявить людямъ, куда «вольно всякому придтить, какъ мужскому, такъ и женскому.

«2) Ранѣе 5 или 4 не начинается, а далѣе 10 пополудни, «не продолжается.

«3) Хозяинъ неповиненъ гостей ни встрѣчать, ни прово-«жать, ни подчивать и не точію вышеписанное неповиненъ «чинить, но хотя и дома не случится онаго, нѣтъ ничего; но «токмо повиненъ нѣсколько покоевъ очистить, столы, свѣчи, «питье, употребляемое въ жажду кто проситъ, игры, на сто-«лахъ употребляемыя.

«4) Часы не опредѣляются въ которомъ быть, но кто въ «которомъ хочетъ, лишь бы не ранѣе и не позже положен-«наго времени; также тутъ быть сколько кто похочетъ и отъ-«ѣзжать воленъ, когда хочетъ.

«5) Во время бытія въ Ассамблеѣ вольно сидѣть, ходить, «играть и въ томъ никто другому прешкодить или унимать

«также церемоніи дѣлать вставаньемъ, провожаньемъ и прочимъ «отнюдь да не дерзаетъ, подъ штрафомъ Великаго Орла, но «только при пріѣздѣ и отъѣздѣ поклономъ почтить должно.

«6) Опредѣляется, какимъ чинамъ на оныя Ассамблеи ходить, «а именно: съ высшихъ чиновъ до Оберъ-Офицеровъ и дво«рянъ, также знатнымъ купцамъ и начальнымъ мастеровымъ «людямъ, тоже знатнымъ приказнымъ; тожъ разумѣется и о «женскомъ полѣ, ихъ женъ и дочерей.

«7) Лакеямъ или служителямъ въ тѣ апартаменты не вхо«дить, но быть въ сѣняхъ, или гдѣ хозяинъ опредѣлитъ. Также «въ Австеріи, и въ прочихъ мѣстахъ когда будутъ балы или «банкеты, невольно вышеписаннымъ служителямъ въ тѣ апар«таменты входить, кромѣ вышеозначенныхъ мѣстъ.»

Ассамблеи давались по-очередно у знатнѣйшихъ вельможъ, у которыхъ домъ представлялъ достаточное помѣщеніе для такихъ собраній. Въ одной комнатѣ танцовали, въ другой играли въ карты, шашки, шахматы и проч., въ третьей курили и разговаривали за бутылкою вина или кружкою пива; тутъ же былъ и *великой орелъ,* огромный кубокъ, который надлежало осушить каждому нарушившему правила приличія. Подобныя же ассамблеи давались и самимъ Государемъ: зимою по тѣснотѣ Царскаго двора—въ почтовомъ домѣ, а лѣтомъ въ Лѣтнемъ саду.

Такими-то средствами, внушая правила общежительности, Петръ незамѣтно, такъ сказать, шутя образовывалъ своихъ подданныхъ и мало по малу вводилъ Европейскій образъ жизни въ новой столицѣ, особенно при дворѣ и въ высшемъ сословіи; а примѣръ двора и столицы имѣлъ могущественное вліяніе на прочіе города и на все государство; старинные обычаи постепенно приходили въ забвеніе, прежнее невѣжество изчезало, умъ пробудился отъ усыпленія.

При образованіи своихъ подданныхъ Петръ имѣлъ въ виду преимущественно практическую цѣль: въ архіерейскихъ шко-

лахъ онъ приготовлялъ достойныхъ пастырей для Церкви; въ провинціальныхъ — чиновниковъ для гражданской службы; въ морской академіи и въ рядахъ гвардіи — свѣдущихъ офицеровъ, морскихъ и сухопутныхъ; подъ руководствомъ иноземныхъ мастеровъ — искусныхъ фабрикантовъ и ремесленниковъ; словомъ – старался доставить каждому познанія въ наукахъ, ремеслахъ и художествахъ, наиболѣе необходимыхъ его званію. Между тѣмъ и для высшаго, ученаго образованія онъ принялъ уже мѣры и приготовилъ средства, особенно по возвращеніи изъ послѣдняго путешествія по Европѣ.

Мысль основать въ Россіи Академію наукъ и обогатить ее всѣми рѣдкостями природы и искуства занимала Монарха еще съ 1716 года. Руководимый ею, онъ пріобрѣлъ въ Амстердамѣ два чрезвычайно рѣдкіе въ свое время кабинета: анатомическій профессора Рюйша и зоологическій аптекаря Себы; купилъ въ Данцигѣ, у доктора Готвальда, богатое собраніе минераловъ и раковинъ; собралъ множество медалей, монетъ, произведеній знаменитыхъ художниковъ, и проч. Всѣ эти сокровища, вмѣстѣ съ рѣдкостями, собранными Монархомъ во время его перваго путешествія въ 1697 году, и съ библіотекою, вывезенною въ 1714 году Княземъ Меньшиковымъ изъ Курляндіи, положили богатое основаніе С. Петербургской кунтскамерѣ, которая, будучи умножена разными рѣдкими вещами, собранными по повелѣнію Монарха въ самой Россіи, представляла еще при жизни своего основателя одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ естественныхъ музеумовъ въ Европѣ.

Кунсткамера, помѣщавшаяся до 1726 года въ конфискованномъ домѣ Кикина, близъ Литейнаго двора, была любимымъ мѣстомъ ученыхъ занятій Петра, который, посѣщая ее по два и по три раза въ недѣлю, проводилъ по нѣскольку часовъ сряду въ осматриваніи собранныхъ тамъ рѣдкостей и самъ иногда объяснялъ посѣтителямъ ихъ значеніе. Однажды, онъ даже назначилъ тамъ, въ пять часовъ утра, первую аудіенцію Австрійскому посланнику, сказавъ притомъ: «посланникъ присланъ ко мнѣ, а не въ мой дворецъ, и можетъ сказать мнѣ что надобно, тамъ, гдѣ меня найдетъ (*).»

(*) Штелинъ. Анекд. I. 85.

Основаніемъ кунсткамеры и библіотеки были приготовлены средства для ученой дѣятельности Академіи; прошло однакожь еще нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ война и другія обстоятельства препятствовали Петру осуществить его планы касательно учрежденія самой Академіи. Наконецъ, въ 1724 году уставъ Академіи былъ начертанъ и утвержденъ Монархомъ, который своею рукою приписалъ на немъ: «на содержаніе оной опредѣлить доходы, которые собираются съ городовъ Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга, таможенныхъ и лицентныхъ 24,912 рублей.»

Мысль начать образованіе народа основаніемъ Академіи, въ то время, когда первоначальныя школы едва только возникали, казалась странною и для современниковъ Петра. Кто-то изъ нихъ замѣтилъ ему однажды, по случаю разговора объ Академіи, что она не принесетъ существенной пользы для Россіи, потому, что знаменитые ученостью академики не будутъ заниматься образованіемъ юношества. «Я знаю, какое имѣю намѣреніе,» возразилъ Петръ: «и вамъ теперь же скажу. Они будутъ сочинять до всѣхъ «наукъ касающіяся книги, которыя повелю я переводить на «нашъ языкъ; ихъ станутъ они изъяснять молодымъ людямъ, «которые для того избраны и имъ препоручаемы будутъ и «которые послѣ должны занять учительскія мѣста, по тѣмъ «наукамъ, въ которыхъ они подъ руководствомъ академиковъ «упражнялись. Другими же сочиненіями о наукахъ и откры-«тіяхъ, которыя они на Латинскомъ языкѣ писать и печа-«тать станутъ, должны они пріобрѣсть намъ довѣріе и честь «въ Европѣ и доказать, что и у насъ упражняются въ на-«укахъ и что уже болѣе не презираютъ ихъ и не столь «грубо умствуютъ, какъ въ прежнія времена. Сверхъ того «правящіе должность въ коллегіяхъ, канцеляріяхъ, конторахъ «и другихъ присутственныхъ мѣстахъ должны будутъ во всѣхъ «случаяхъ, касающихся до наукъ, прибѣгать къ Академіи и «требовать у нее совѣта.» (*)

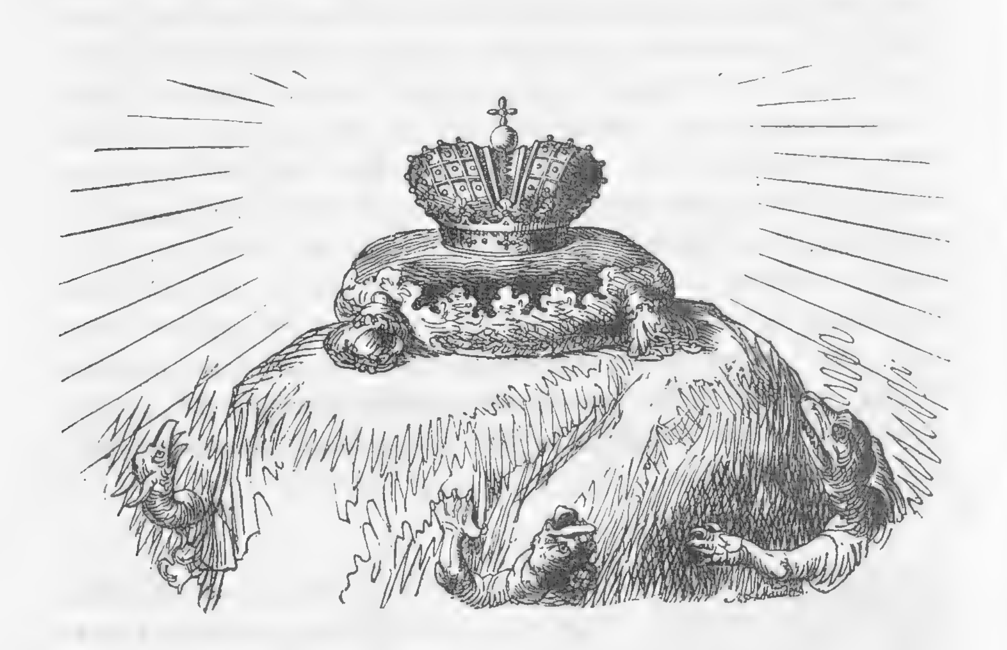
Согласно съ этою цѣлью, Академія долженствовала состоять изъ президента, 12 членовъ, секретаря, библіотекаря, 4 пере-

(*) Голиковъ Дѣян. IX. 57, 58. Штелинъ, Анекд. II. 64.

водчиковъ и 12 студентовъ. Все уже было приготовлено къ ея открытію: Царскій лейбъ-медикъ Блюментростъ, назначенный первымъ президентомъ, заключилъ уже условія съ многими Европейскими учеными, которые, по отзыву о нихъ знаменитаго Лейбница, были приглашены въ члены новой Академіи. Между ними были: астрономъ и географъ (двое братьевъ) Делили (De l'Isles) математики Николай и Даніилъ Бернульи, историкъ Байеръ, правовѣдецъ Бакштейнъ, анатомикъ Дюверне и другіе. Ихъ жилищемъ назначенъ дворецъ, скончавшейся въ 1723 году, Царицы Парасковіи Өедоровны, на Васильевскомъ острову, а для помѣщенія кунсткамеры, библіотеки и славнаго Готторпскаго глобуса, полученнаго Петромъ, въ 1713 году, въ подарокъ отъ Голштинскаго герцогства, строилось тамъ же, подлѣ дворца нынѣшнее академическое зданіе, основанное еще въ 1719 году. Но Петръ не дожилъ до торжественнаго открытія Академіи: оно совершилось на другой годъ по его кончинѣ, 1 Августа 1726 года. При всемъ томъ ему принадлежитъ слава ея основателя. Екатерина I исполнила только его предначертанія, а преемники довершили его планы и Академія, созданная волею Петра, увѣковѣчиваетъ память своего основателя и просвѣтителя Россіи, сохраняя въ особомъ кабинетѣ его собственное изображеніе изъ воска, его одежды, обувь, оружіе, многіе труды его скиптродержавныхъ рукъ и другіе предметы, возбуждающіе священныя воспоминанія о великомъ Монархѣ.

Не одна Академія, но и самая Россія повсюду напоминаетъ безсмертное имя Петра, повсюду громко возвѣщаетъ славу и величіе своего державнаго генія — преобразователя. Она всѣмъ одолжена Петру: войскомъ, флотомъ, побѣдами, политическимъ могуществомъ, законами, просвѣщеніемъ, торговлею, фабриками, ремеслами — самою жизнію; все развилось и развивается доселѣ изъ сѣмянъ, посѣянныхъ его творческою рукою. Рѣшительный переворотъ въ гражданской, общественной и частной жизни народа, совершавшійся въ продолженіе двадцати-

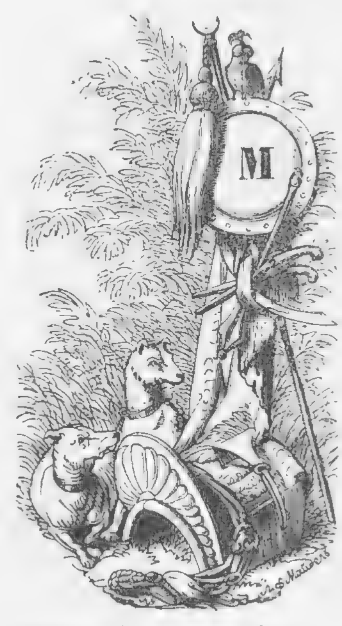
одно-лѣтней войны, среди безпрерывнаго грома оружія, кончился вмѣстѣ съ этою войною. По заключеніи Ништадтскаго мира, Россія стала уже неразрывно принадлежать Европѣ и великая цѣль, для которой Провидѣніе призвало Петра, была достигнута. Отселѣ предметомъ дѣятельности Петра, въ продолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ его царствованія, было: опредѣлить значеніе созданной имъ державы въ отношеніи къ Европѣ и Азіи, хранить и утверждать ея благоденствіе и указать на будущее время пути и средства къ новому, большему возвышенію ея политическаго могущества.

ГЛАВА XXXI.

ВИДЫ ПЕТРА НА АЗІЮ. ПЕРСИДСКІЙ ПОХОДЪ. СНОШЕНІЯ СЪ ЕВРОПОЮ.

ысль, что Россія самою природою предназначена быть посредницею между Европою и Азіею, — что она, по своему положенію, болѣе другихъ государствъ можетъ извлечь выгодъ отъ торговли богатаго Востока съ образованнымъ Западомъ, — эта великая мысль, казалось, одушевляла Петра уже съ самаго начала его царствованія. Она руководила его дѣятельностью въ поддержаніи и возстановленіи дружескихъ связей съ Китаемъ, Персіею, Индіею и другими восточными странами. Еще въ 1692 году, проживавшій въ Россіи, Датскій купецъ Эгбертъ-Идесъ Избрандсонъ былъ отправленъ посломъ къ Китайскому Богдо — Хану, съ подтвержденіемъ Нерчинскаго дого-

вора и съ порученіемъ, исходатайствовать бо́льшія выгоды обоюдной торговлѣ и собрать свѣденія о Китаѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1695 году, Московскій купецъ Семенъ Маленьковъ посланъ съ разными товарами, чрезъ Персію, въ Индію, для предложенія дружбы Шаху и Моголу и для узнанія пути и торговыхъ выгодъ. Наконецъ, по завоеваніи Азова, приступлено было съ величайшею дѣятельностію къ строенію канала между Дономъ и Волгою и къ заложенію гавани въ Таганрогѣ. Въ то же время сняты карты Сибири и Юговосточной Россіи. Ясно, что виды Петра касательно торговли первоначально были обращены на Азію. Казалось, онъ хотѣлъ сперва привлечь въ Россію сокровища Востока и уже ими пріобрѣсть образованность Запада. Но путешествіе по Европѣ и война, вспыхнувшая вслѣдъ за тѣмъ на Сѣверѣ, дали его дѣятельности иное направленіе. Европа стала для него обѣтованною землею: тамъ представились ему въ полномъ блескѣ плоды торговли, наукъ, искуствъ, ремеслъ, всѣ выгоды общежитія; туда, къ этимъ неоцѣненнымъ сокровищамъ, устремилъ онъ всѣ свои великіе помыслы, и началъ пролагать своему народу путь къ просвѣщенію.

Однакожь, поражая своихъ враговъ на Западѣ и сокрушая всѣ преграды, противупоставленныя извнѣ и внутри къ сближенію Россіи съ Европою, Петръ не упускалъ изъ виду и своихъ восточныхъ сосѣдей: сносился съ отдаленнымъ Китаемъ, внимательно слѣдилъ за дѣлами Персіи, старался распространить свое вліяніе на Хиву и Бухару, и даже устремлялъ свои дальновидные взоры на сокровища Восточной Индіи.

Разсказы о золотомъ пескѣ, которымъ издревле славилась рѣка Аму-Дарья, и мнѣніе одного Туркменскаго ученаго *ходжи* (пильгрима въ Мекку, потомка Пророка или одного изъ трехъ первыхъ Халифовъ) о возможности обратить теченіе этой рѣки, по ея прежнему ложу, въ Каспійское море, обратили вниманіе Петра на Хиву и внушили ему отважную мысль, проложить водяной путь чрезъ эту область въ Бухару и въ самую Индію. Онъ не любилъ откладывать въ даль исполненіе подобныхъ предначертаній и въ 1714 году отправилъ Князя Бековича-Черкасскаго въ Хиву, чтобы собрать свѣдѣнія о мѣстности. Черкас-

скій возвратился въ 1716 году съ надеждою на успѣхъ этого предпріятія и тотчасъ снова былъ отправленъ за Каспійское море, — уже съ 6,000 человѣкъ войска. Ему поручено было заложить крѣпости въ Хивѣ, склонить Хановъ Хивинскаго и Бухарскаго къ подданству Россіи, провѣдать о золотомъ пескѣ въ рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ и послать купеческій караванъ, и съ нимъ инженеровъ, вверхъ по рѣкѣ Аму-Дарьѣ, въ Индію. Черкасскій, переплывъ Каспійское море, привелъ въ ужасъ Хивинцевъ, но погибъ отъ собственной неосторожности. Обласканный Ханомъ, Князь отправился къ нему съ немногими спутниками для личнаго свиданія, и былъ вѣроломно схваченъ и умерщвленъ. Большая часть его отряда подверглась той же участи. Двѣ заложенныя имъ крѣпости были разрушены. Единственнымъ плодомъ этого неудачнаго похода было описаніе восточныхъ и сѣверныхъ береговъ Каспійскаго моря, сдѣланное, по порученію Черкасскаго, поручикомъ Кожинымъ. Несчастіе Черкасскаго безъ сомнѣнія не отвратило бы Петра отъ предпринятаго имъ намѣренія; но, вѣроятно, противурѣчіе вновь собранныхъ свѣдѣній о рѣкѣ Аму-Дарьѣ съ прежними показаніями заставило его отказаться отъ препріятія на Хиву, между тѣмъ, какъ возраставшія безпокойства въ Персіи внушили ему другія планы.

ерсія, въ это время, испытывала величайшія бѣдствія, впрочемъ обыкновенныя на Востокѣ при слабыхъ правителяхъ. Шахъ Хуссейнъ, недостойный потомокъ Софи, презрѣвъ дѣла правленія и погрузившись въ сладострастіе харема, былъ на престолѣ игралищемъ властолюбивыхъ евнуховъ и видѣлъ вокругъ себя повсюду мятежи и возстанія. Миръ-Вейсъ, отважный предводитель Авганцевъ, воинственнаго племени, обитавшаго въ Кандагарѣ, первый поднялъ оружіе противъ слабаго властителя; неоднократно поражалъ его войска и сдѣлался нако-

нецъ независимымъ княземъ Кандагара. Успѣхъ одного мятежника возбудилъ смѣлость въ другихъ, и пламя бунта быстро разлилось по Курдистану, Хорасану и Кавказскимъ областямъ. Для большаго успѣха, мятежники умѣли воспользоваться и религiозною ненавистью, существовавшею между правовѣрными поклонниками Мухаммеда и послѣдователями Алiевой секты. Двое Лезгинцевъ, Даудъ-Бегъ и Сурхаї, возвѣстили народу, «что они призваны Богомъ для освобожденiя правовѣрныхъ отъ еретическаго Персидскаго ига и для совершеннаго истребленiя ереси.» Многочисленныя толпы Лезгинцевъ и другихъ обитателей Кавказа, внявъ этому воззванiю, стали подъ ихъ знамена, опустошили всю Ширванскую область, взяли приступомъ богатый торговый городъ Шамаху (въ 1712 году) и, разграбивъ жителей, не пощадили и бывшихъ тамъ 300 Русскихъ купцевъ, которые всѣ лишились имущества и жизни. Убытокъ, причиненный этимъ Русской торговлѣ оцѣняли въ 4 миллiона рублей.

Столь значительный вредъ не могъ быть оставленъ безъ вниманiя Русскимъ правительствомъ, тѣмъ болѣе, что волненiе распространялось все дальше по Кавказу и угрожало совершеннымъ паденiемъ торговлѣ и опасностью самымъ предѣламъ Россiи. Астраханскiй губернаторъ, по повелѣнiю Государя, потребовалъ отъ Персiи вознагражденiя за убытки и наказанiя мятежниковъ. Но слабый Шахъ, окруженный отвсюду возмутителями и едва державшiйся на престолѣ, не только не могъ доставить никакого удовлетворенiя, напротивъ еще самъ просилъ помощи у Русскаго Монарха. Петръ, съ своей стороны, также не могъ удовлетворить просьбы Шаха, будучи еще слишкомъ занятъ войною на Сѣверѣ; однако не упустилъ случая ознакомиться короче съ состоянiемъ Персiи и отправилъ туда своего посланника, подполковника Артемiя Волынскаго. Волынскiй заключилъ торговый договоръ съ Персидскимъ правительствомъ и обѣщалъ вспомогательное войско противъ мятежниковъ, но не могъ получить отъ слабаго Шаха ни вознагражденiя за убытки, понесенные Русскими купцами, ни ручательства въ безопасности торговли на будущее время. Онъ возвратился въ 1718 году и, изложивъ бѣдственное состоянiе Персiи, предложилъ Монарху

обезпечить Русскую торговлю занятіемъ Персидскихъ областей на южныхъ и западныхъ берегахъ Каспійскаго моря.

Не только выгоды торговли, но и политика требовала этой мѣры: потому, что Турція — какъ доносилъ, еще въ 1716 году, Князь Бековичь Черкаскій — также вмѣшивалась въ дѣла Кавказа и склоняла тамошнихъ владѣльцевъ къ своему подданству. Надлежало предупредить опаснаго сосѣда. Но Петръ все еще былъ занятъ войною на Сѣверѣ, которая по смерти Карла XII угрожала Россіи новою опасностью отъ союза Швеціи съ Англіею. Однако, рѣшившись по окончаніи этой войны обратить свои силы на Персію, онъ принялъ уже мѣры, необходимыя для успѣха предполагаемаго похода: повелѣлъ измѣрить и описать Каспійское море, о видѣ и положеніи котораго дотолѣ имѣли совершенно ложное понятіе. Искусные инженеры, капитанъ лейтенантъ фонъ-Верденъ и лейтенантъ Соймоновъ съ желаемымъ успѣхомъ исполнили порученіе Монарха. Объѣхавъ въ 1719 и 1720 годахъ весь западный и южный берегъ Каспійскаго моря до Астрабада и присоединивъ прежде собранныя свѣдѣнія о сѣверномъ и восточномъ берегахъ, они представили Монарху подробную и достовѣрную карту этого моря, которая была первымъ, драгоцѣннымъ подаркомъ Петра Парижской Академіи, незадолго предъ тѣмъ вписавшей имя Великаго повелителя Сѣвера въ списокъ своихъ почетныхъ членовъ.

Дѣйствуя на Сѣверѣ и приготовляясь къ войнѣ на Югѣ, Петръ въ то же время дружески подавалъ руку богатому сосѣду на отдаленномъ Востокѣ. Не довольствуясь пограничною мѣновою торговлею, онъ желалъ проложить свободный путь Русскимъ караванамъ внутрь самаго Китая. Но не легко было сблизиться съ недоступною Небесною Имперіею и удовлетворить ея вѣчнымъ притязаніямъ. Для этого кичливаго сосѣда всякая малость была достаточною причиною къ изъявленію жалобъ и неудовольствій; на примѣръ, что Русскіе промыш-

ленники, преслѣдуя звѣря, переходили границу, — что Монгольскія семейства перекочевывали на Русскую сторону, — что Русскія крѣпости построены слишкомъ близко къ границѣ, — что въ Царской грамотѣ титулъ Богдо - Хана написанъ послѣ Царскаго, — или что посолъ не довольно низко кланялся на аудіенціи, и проч. и проч. — Послѣ посольства Избрандсона, которое по такимъ же ничтожнымъ причинамъ не имѣло успѣха, прошло около 20 лѣтъ, какъ между Россіею и Китаемъ не было дипломатическихъ сношеній, кромѣ пересылокъ и споровъ между пограничными начальниками. Наконецъ. посольство отправленное изъ Пекина къ Русскому подданному, Калмыцкому Хану Аюкѣ (котораго Китайцы хотѣли возбудить къ набѣгамъ на кочевья своихъ непріятелей Чжуньгаровъ), послужило поводомъ къ возобновленію сношеній. Тобольскій Архимандритъ Иларіонъ, прибывшій въ Пекинъ въ 1715 году, нашелъ особенную милость у Богдо - Хана и Пекинъ былъ открытъ для Русскихъ каравановъ.

Но, по прошествіи двухъ лѣтъ опять возникли неудовольствія со стороны Китайцевъ и торговыя сношенія были по прежнему ограничены опредѣленными порубежными мѣстами. Петръ однако не терялъ еще надежды прекратить несогласія и въ 1719 году отправилъ капитана гвардіи Измайлова чрезвычайнымъ посланникомъ въ Пекинъ. Измайловъ умѣлъ вполнѣ угодить суетности Китайцевъ и, представивъ Царскую грамоту, въ которой Богдо - Хану придано названіе Императора и его титулъ написанъ выше Царскаго, былъ принятъ при Китайскомъ дворѣ съ величайшими почестями. Богдо-Ханъ нерѣдко угощалъ посланника за своимъ столомъ и удостоивалъ его своей дружеской бесѣды, разсуждая съ Китайскою флегмою о выгодахъ мира и покоя и увѣряя въ своей неизмѣнной дружбѣ къ Русскому Монарху. «Я скажу тебѣ два слова», говорилъ онъ Измай-«лову на второй аудіенціи: — «и ты, ни чего не отвѣтствуя, «имѣй оныя въ памяти своей, для донесенія своему Госу-«дарю: первое, Государь твой такой великой и славной Мо-«нархъ, имѣетъ владѣніе великое, а ходитъ противъ непрія-«теля своего на корабляхъ своею высокою особою; море махина «великая, бываютъ на немъ волны сильныя и страхъ не

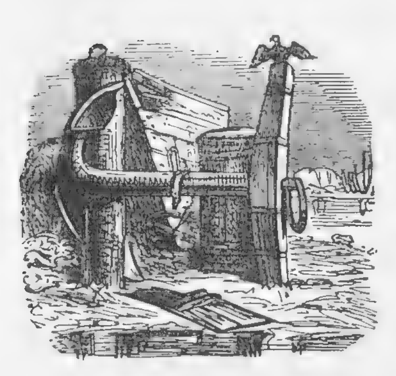
«малой, и для того изволилъ бы хранить свое здоровье, понеже «есть у него добрые воины и вѣрные слуги, коихъ можетъ «посылать, а самъ оставаться въ покоѣ. Второе, хотя со «стороны Россійской уходятъ сюда человѣкъ по 20 и по 30, «также и изъ Китайской области въ сторону Россійскую ухо-«дятъ же: но отъ такихъ бездѣльниковъ дружба наша никогда «неповредится; ибо я всегда желаю содержать съ Его Вели-«чествомъ миръ ненарушимо; да и за что намъ ссориться? «Россійское государство холодное и дальнее; ежели бы я по-«слалъ туда войски свои, то всѣ бы позябли; а хотя что и «завладѣть бы могъ, какая въ томъ будетъ прибыль? Также «Россійской Государь, ежели противъ меня войски пошлетъ, «то также не возможно, понеже здѣсь сторона жаркая, а «людъ не обыклой, и могутъ напрасно умереть; а хотя бы «что другъ у друга и завладѣть могли, невеликая въ томъ «прибыль, понеже въ обоихъ государствахъ земли множество.» (*)

Но, несмотря на почетный пріемъ и дружескія увѣренія, посольство Измайлова имѣло не лучшій успѣхъ, какъ и прежнія. Вскорѣ по его удаленіи, неудовольствія и жалобы Китайцевъ опять возобновились. Русскій караванъ, прибывшій въ Пекинъ, долженъ былъ продать свои товары за безцѣнокъ и, вмѣстѣ съ агентомъ Ланге, былъ почти выгнанъ оттуда. Китайское правительство, требуя выдачи Монгольскихъ бѣглецевъ, угрожало даже войною. Гордость Китайцевъ, ихъ недовѣрчивость, коварство и отвращеніе отъ связей съ иностранцами убѣдили наконецъ Петра, что съ этимъ народомъ невозможно имѣть тѣсной и постоянной дружбы.

Измайловъ, возвратившійся изъ посольства (13 Января 1722), нашелъ Императора въ Москвѣ, среди мирныхъ торжествъ и дѣятельныхъ приготовленій къ Персидскому походу. Пѣхотные полки бывшіе въ Финляндіи на галерахъ, слѣдовательно привычные къ дѣйствіямъ на морѣ, еще осенью 1721 года, были разставлены на зимнихъ квартирахъ въ Кашинѣ, Романовѣ, Ярославлѣ и другихъ мѣстахъ по Волгѣ; а морскіе офицеры

(*) Голиковъ, Дополн. XIII. 251.

и прочіе чины участвовавшіе въ прежнихъ походахъ на Каспійскомъ морѣ отправлены въ Астрахань, которая назначена сборнымъ мѣстомъ. Артемій Волынскій, опредѣленный, по возвращеніи изъ Персіи, губернаторомъ въ Астрахань, заготовлялъ тамъ магазины и суда для провіанта; въ Саратовѣ, Казани, Нижнемъ Новѣгородѣ также господствовала величайшая дѣятельность; а въ Москвѣ самъ Императоръ надзиралъ за постройкой судовъ, для бывшихъ тамъ полковъ, Ингерманландскаго и Астраханскаго. Со вскрытіемъ рѣкъ, въ началѣ Апрѣля, все было готово къ походу; войска, артиллерія, припасы отвсюду начинали двигаться въ Астрахань.

о Петръ, приготовляясь лично принять участіе въ дальнемъ походѣ и предполагая, что его отсутствіе будетъ продолжительно, имѣлъ еще много дѣла внутри государства. Преобразованіе правительственной части еще продолжалось, многія учрежденія только возникали, другія требовали перемѣны и улучшенія, — все зданіе, основанное на-скоро, надлежало достроить, — покрайней мѣрѣ, утвердить и предохранить отъ повреждѣнія въ отсутствіе Зодчаго. Эти важныя заботы о государствѣ, перемежавшіяся торжествами и увеселеніями, удерживали Монарха въ древней столицѣ до половины Мая. Онъ произвелъ здѣсь общій смотръ своему дворянству, которое еще чуждалось науки и новой службы; учредилъ новыя званія генералъ-прокурора, герольдмейстера, рекетмейстера и проч.: точно и ясно предписалъ инструкціями обязанности каждаго изъ нихъ; раздѣлилъ, для порядка въ управленіи, всѣхъ чиновниковъ, военныхъ, гражданскихъ, придворныхъ, на классы или степени извѣстною табелью о рангахъ; издалъ достопамятный законъ о правѣ царствующаго Государя назначать себѣ наслѣдника по усмотрѣнію; сообщилъ своимъ министрамъ пра-

вила своей политики, касательно сношеній съ иностранными дворами, — словомъ, не оставилъ ничего безъ вниманія, стараясь отвратить разстройство и остановки въ ходѣ государственнаго управленія, легко могшія произойдти во время его отсутствія, при маломъ еще знакомствѣ исполнителей его воли съ новымъ порядкомъ.

Наконецъ, 15 Мая, послѣ молебствія въ Успѣнскомъ соборѣ, напутствуемый благословеніями духовенства и безчисленнаго собравшагося народа, Петръ, въ сопровожденіи супруги, отправился въ путь водою на Москворецкомъ стругѣ при пушечной пальбѣ и звукахъ военной музыки. Его свиту составляли: генералъ-адмиралъ, Графъ Апраксинъ, тайный совѣтникъ Толстой, генералъ Бутурлинъ, Князь Трубецкой, и Молдавскій Господарь, Князь Кантемиръ. Четыре недѣли продолжалось путешествіе рѣками Москвою, Окою и Волгою до Астрахани. Монархъ, впервые посѣтившій теперь эти страны своей обширной имперіи, находилъ на пути много достойнаго вниманія; вездѣ поощрялъ возникавшую мануфактурную промышленность и давалъ совѣты и наставленія губернаторамъ, и другимъ начальникамъ; бесѣдовалъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ съ епископомъ Питиримомъ о обращеніи раскольниковъ къ православію; слушалъ въ Казани отчетъ геодезиста Евреинова о его путешествіи въ Камчатку и къ Курильскимъ островамъ, и съ удовольствіемъ разсматривалъ представленную имъ карту и описаніе этихъ отдаленныхъ владѣній Россіи. Продолжая путь по Волгѣ, любопытный Монархъ не оставилъ безъ вниманія развалинъ древняго города Болгаръ, находящихся ниже впаденія Камы, не въ дальнемъ разстояніи отъ берега, и послѣ далъ повелѣніе Казанскому губернатору, списать надписи, замѣченныя имъ на камняхъ кладбища, и сберечь замѣчательные остатки древности отъ разрушенія. Въ Саратовѣ, онъ угостилъ на своемъ стругѣ своего вѣрнаго подданнаго, Калмыцкаго Хана Аюку, съ его семействомъ, и пилъ за здоровье Ханши изъ своего дорожнаго покала. Привѣтъ и ласки Мо-

нарха исторгли слезы умиленія у 80-лѣтняго Хана. «Теперь охотно я умру, удостоившись у Великаго Императора толь любезнаго его разговору!» — сказалъ восхищенный старецъ, прощаясь съ Монархомъ, и предложилъ все свое войско къ его услугамъ для предстоявшаго похода.

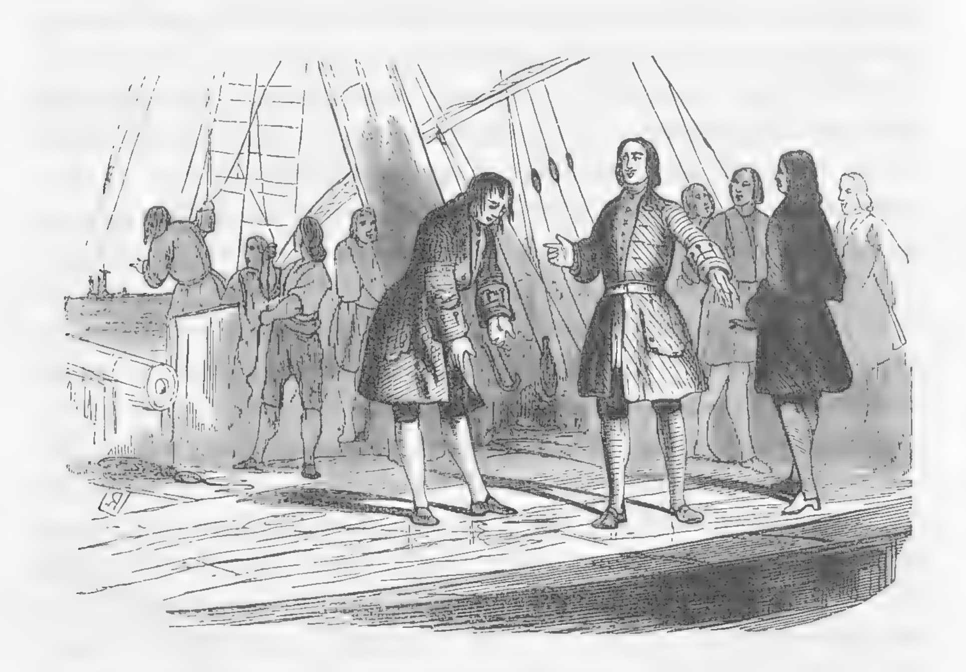
По прибытіи въ Астрахань (15 Іюня), Монархъ немедленно повелѣлъ разослать по Кавказу и другимъ Персидскимъ областямъ манифестъ, который на Персидскомъ, Татарскомъ и Турецкомъ языкахъ содержалъ изложеніе причинъ предпринятаго имъ похода. Россія поднимала оружіе не на Шаха и его вѣрныхъ подданныхъ, но на его враговъ, Даудъ-Бега и Сурхая. Она хотѣла наказать мятежниковъ за побіеніе Русскихъ купцевъ въ Шамахѣ и вооруженною рукою получить вознагражденіе за убытки, понесенные отъ нихъ Русскою торговлею. Но это безъ сомнѣнія служило только благовиднымъ предлогомъ къ войнѣ, которая долженствовала утвердить господство Россіи надъ богатыми Персидскими областями на западныхъ и южныхъ берегахъ Каспійскаго моря и проложить, если возможно, торговый путь до Восточной Индіи. Кромѣ того, новыя извѣстія о Персидскихъ безпокойствахъ, полученныя въ Астрахани, еще болѣе побуждали Петра къ этому походу. Миръ-Вейсъ довольствовался еще возстановленіемъ независимости Авганцевъ, но Миръ-Махмудъ, его честолюбивый сынъ, простеръ уже свою дерзостную руку на корону самого Шаха. Собравъ, въ началѣ этого года, до 60 тысячъ войска, онъ обложилъ отвсюду столицу Персіи и рѣшился принудить ее къ сдачѣ голодомъ. Малодушный Шахъ Хуссейнъ, погубившій, по навѣтамъ коварныхъ евнуховъ, своего старшаго и достойнѣйшаго сына Мирзу-Сефи, единственную надежду и опору престола, трепеталъ за себя и столицу. Поздно было уже думать о мѣрахъ къ отвращенію опасности. Второй сынъ Хуссейна, подобіе отца, слабый Тамаспъ, облеченный званіемъ главнаго военачальника Персовъ, укрывшись въ Казвинѣ, тщетно звалъ вѣрныхъ къ оружію и наконецъ прибѣгнулъ къ Турціи съ просьбою о помощи. Между тѣмъ, бичи Кавказа, Даудъ-Бегъ и Сурхай, устрашенные

вооруженіями Россіи, также обратились къ Султану, ища покровительства. Турки, всегдашніе непримиримые враги Персовъ по религіозному разномыслію, казалось, хотѣли, подъ предлогомъ вспоможенія Шаху, поддержать своихъ Кавказскихъ единовѣрцевъ и воспользоваться бѣдствіями сосѣда, для утвержденія своего господства между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Петръ не могъ и не желалъ допустить ихъ въ эти страны, и потому, предложивъ Шаху свою помощь противъ мятежниковъ, спѣшилъ до прибытія Турковъ, занять западные берега Каспійскаго моря.

Цѣлый мѣсяцъ прошелъ однако среди различныхъ распоряженій въ Астрахани; наконецъ, 18 Іюля флотилія вступила подъ паруса. Она состояла изъ 274, а съ малыми рѣчными лодками изъ 442 судовъ, и везла до 20 тысячь десантнаго войска съ 5 тысячами матросовъ. Графъ Апраксинъ, выкинувшій здѣсь впервые свой генералъ-адмиральскій флагъ, командовалъ надъ всею флотиліею; Государь, на корабельномъ ботѣ, предводилъ передовымъ отдѣленіемъ; а капитанъ-лейтенантъ фонъ Верденъ шелъ съ ластовыми судами. 9,000 кавалеріи, отправленныя напередъ изъ Царицына, и два корпуса Донскихъ и Малороссійскихъ Казаковъ слѣдовали сухимъ путемъ чрезъ горы. Императрица, съ придворными дамами, осталась въ Астрахани.

Въ день Гангудской побѣды, 27 Іюля, празднованный, по обыкновенію, молебствіемъ и пушечною пальбою, флотилія благополучно достигла Аграханскаго залива, къ югу отъ рѣки Терека, Русско-Персидской границы со временъ Іоанна Грознаго. Суда остановились за нѣсколько десятковъ саженъ отъ берега за мелководіемъ; нетерпѣливый Государь, приказавъ матросамъ нести себя надоскѣ чрезъ воду, первый вступилъ на берегъ. Взошедъ на песчаный курганъ и окинувъ взоромъ окрестность и море по другую сторону Аграханскаго мыса, онъ указалъ сухое и возвышенное мѣсто, на которомъ немедленно укрѣпили лагерь, названный Аграханскимъ ретраншаментомъ. Больше недѣли прошло здѣсь въ ожиданіи кавалеріи,

которая, преодолѣвъ препятствія, противупоставленныя природою переходу чрезъ безводныя степи и горныя ущелія, встрѣтила сопротивленіе и отъ непріятелей. Ея передовой отрядъ, подъ предводительствомъ бригадира Ветерани, по вступленіи въ Дагистанскую область, былъ внезапно атакованъ въ тѣснинахъ жителями многолюдной деревни Андреевой (Эндери) и долженъ былъ проложить себѣ путь оружіемъ. Отразивъ нападеніе, Ветерани отомстилъ непріятелямъ за смерть своихъ 70 драгуновъ истребленіемъ всего ихъ селенія, въ которомъ считалось до 3,000 дворовъ. Между тѣмъ, въ Аграханскомъ ретраншаментѣ, Государь сокращалъ скуку ожиданія забавами. Вспомнивъ обычай моряковъ, крестить каждаго, впервые посѣщающаго какое-либо море, опуская трижды въ воду на доскѣ посредствомъ блока, прикрѣпленнаго къ концу райны, онъ рѣшился прохладить своихъ генераловъ и войско морскими ваннами. Кромѣ немногихъ, всѣ участвовавшіе въ походѣ, были новички на Каспійскомъ морѣ, а потому всѣ и должны

были подвергнуться этому крещенію, отъ котораго, разумѣется, не исключилъ себя и самъ Государь. Соймоновъ, какъ уже

бывалый на этомъ морѣ, распоряжалъ церемоніею. «Весело было смотрѣть» — говоритъ онъ, въ своемъ журналѣ:—«какъ нѣкоторые исправили сію церемонію съ крайнею робостію, а всѣхъ паче объятъ былъ страхомъ генералъ-маіоръ Матюшкинъ, всѣхъ же безстрашнѣе оказалъ себя бригадиръ, Князь Борятинскій (*).»

Наконецъ, по прибытіи кавалеріи, оставивъ небольшой отрядъ для охраненія судовъ и лагеря, тотчасъ поднялись въ дальнѣйшій походъ сухимъ путемъ къ Дербенду. Сильнѣйшій изъ владѣтелей Дагистана, Абдулъ-Гирей, Шамхалъ города Тарху, выславъ богатые дары, первый изъявилъ покорность Русскому Монарху и привѣтствовалъ его за нѣсколько верстъ отъ своей столицы. Его примѣру слѣдовали прочіе владѣльцы. Только Султанъ Махмудъ, владѣтель Утемиша, съ нѣкоторыми окрестными князьками, отказался отъ покорности и, собравъ до 10 тысячь войска, дерзнулъ даже потревожить Русскихъ на ихъ походѣ отъ Тарху къ Дербенду, 19 Августа. Государь отзывается объ этомъ нападеніи въ своемъ письмѣ къ Сенату, отъ 30 Августа, слѣдующими словами: «третьяго часа по по-«лудни изволилъ сей Господинъ нечаянно насъ атаковать (чая «насъ неготовыхъ застать) которому гостю зѣло были ради «(особливо робята, которые свисту неслыхали) и принявъ, «проводили его кавалеріею и третьею частію пѣхоты до его «жилища отдавая контравизитъ, и побывъ тамъ для увеселе-«нія ихъ, сдѣлали изъ всего его владѣнія фейерверкъ для «утѣхи имъ (а имянно сожжено въ одномъ его мѣстечкѣ, «гдѣ онъ жилъ, съ 500 дворовъ, кромѣ другихъ деревень, «которыхъ по сторонамъ сожгли шесть).»

Больше затрудненій противупоставляла самая природа, нежели непріятели. Знойный климатъ, недостатокъ въ водѣ, неумѣренное употребленіе плодовъ, рождали въ непривычномъ войскѣ болѣзни, гибельныя для многихъ, несмотря на всѣ мѣры предосторожности, принятыя заботливымъ Монархомъ. Еще до выступленія изъ Астрахани строжайшимъ указомъ предписано было офицерамъ и всѣмъ начальникамъ, смотрѣть, чтобъ сол-

(*) Голиковъ, Дѣян. VIII. 229.

даты воздерживались отъ употребленія рыбы, соленаго мяса и фруктовъ, особливо же отъ дынь, сливъ, шелковицы и винограду. «Такожъ смотрѣть (сказано далѣе въ этомъ указѣ) дабы ни кто отъ 9 часа поутру до 5 часовъ по полудни безъ шляпъ неходили и не сидѣли, гдѣ кровли нѣтъ; такожъ чтобъ въ день не подъ кровлею не спали, и на голой землѣ не спали же.» — Самъ Государь, на этомъ походѣ, далъ остричь себѣ волосы и сдѣлать изъ нихъ парикъ, который надѣвалъ по ночамъ, а днемъ носилъ шляпу съ большими полями.

Наконецъ, 23 Августа, Русскіе достигли Дербенда, который также покорился добровольно; Наибъ (Намѣстникъ) этой столицы Ширвана встрѣтилъ ихъ за версту отъ города и, преклонивъ колѣна, вручилъ побѣдоносному Монарху серебряный ключь отъ крѣпости. Древній крѣпкій Дербендъ, основанный, какъ гласитъ преданіе, Александромъ Великимъ, возобновленный Шахомъ Кобадомъ и его сыномъ, мудрымъ Нуширваномъ, отторгнутый отъ Персіи грознымъ Амуратомъ и покоренный снова воинственнымъ Шахомъ Аббасомъ, присоединилъ къ воспоминаніямъ своего долговѣчнаго существованія новое громкое имя Петра.

Жители Дербенда приняли Русскихъ съ отверстыми объятіями, «какъ бы своихъ изъ осады выручили» — пишетъ Монархъ. Городъ Баку также изъявлялъ готовность покориться имъ; а Грузинскій Царь Вахтангъ вступилъ въ тайные переговоры съ Русскимъ Монархомъ и обѣщалъ соединиться съ нимъ противъ Персіи. Все внушало Петру лестныя надежды на скорый и блистательный успѣхъ его предпріятія. Онъ не сомнѣвался, что Шахъ, стѣсненный мятежниками, приметъ предлагаемую ему помощь и согласится на уступку требуемыхъ Россіею областей. Исполинскіе планы, основанные на пріобрѣтеніи этихъ областей, роились въ головѣ Монарха. При устьѣ Кура долженствовалъ возникнуть новый великій городъ, складочное мѣсто для торговли съ Кавказомъ, Арменіей и Персіей. Астрабадъ, лежащій при юго-восточномъ изгибѣ Каспійскаго моря, предназначался другимъ пунктомъ, откуда Петръ хотѣлъ

проложить Русской торговлѣ караванную дорогу въ Бухару и Индію. «Отъ Астрабада» — говорилъ онъ: «до Бухарскаго города Балха на верблюдахъ не больше двѣнадцати дней ходу......» Уже войска приготовлялись въ походъ, котораго ближайшею цѣлію былъ городъ Баку. Оттуда Монархъ хотѣлъ пройдти до устья Кура, подняться вверхъ по этой рѣкѣ до Тифлиса, возстановить Христіанскую религію въ Грузіи, и проч. Но неожиданное несчастіе заставило отложить эти предпріятія. 13 судовъ съ хлѣбомъ, стоявшихъ при Дербендѣ, были разбиты бурею; другія 30 судовъ, шедшія изъ Астрахани, подверглись тому же несчастію и были загнаны на мель при Аграханскомъ мысѣ. Всѣхъ припасовъ для войска, которые успѣли спасти отъ потопленія, осталось только на одинъ мѣсяцъ. Новое доставленіе провіанта изъ Астрахани, въ позднее время года, было затруднительно и почти невозможно; еще же менѣе можно было надѣяться собрать продовольствіе въ Персидскихъ областяхъ, опустошенныхъ мятежниками. При этихъ затруднительныхъ обстоятельствамъ, военный совѣтъ, созванный Монархомъ, опредѣлилъ отложить дальнѣйшія предпріятія до слѣдующаго года и, оставивъ въ Дербендѣ достаточный гарнизонъ, возвратиться съ прочими войсками въ Астрахань. Армія безъ отлагательства выступила въ обратный путь и 20 Сентября достигла рѣки Сулака, близъ Аграханскаго ретраншамента. Петръ, осмотрѣвшій, еще на пути отъ Астрахани, Русскую пограничную крѣпость Терки и нашедшій ея положеніе невыгоднымъ, рѣшился основать здѣсь, между рѣками Сулакомъ и Аграханью, въ 20 верстахъ отъ моря, новую крѣпость, которая бы удерживала въ покорности Дагистанскихъ владѣльцевъ и облегчала сухопутное сообщеніе съ Дербендомъ. За мыслію немедленно слѣдовало исполненіе и крѣпость, заложенная руками Монарха, получила названіе Св. Креста. Оставивъ въ ней нѣсколько полковъ пѣхоты и конницы подъ начальствомъ коменданта, полковника Леонтія Соймонова, и отдавъ приказанія о ея скорѣйшемъ укрѣпленіи и заселеніи, Монархъ 4 Октября возвратился отъ Аграханскаго залива водою въ Астрахань: куда вслѣдъ за нимъ прибылъ и генералъ-адмиралъ съ пѣхотою. Кавалерія возвратилась прежнимъ путемъ

чрезъ горы. «Итако (заключаетъ Государь, увѣдомляя Сенатъ «объ окончаніи похода) можемъ мы, благодаря Вышняго, «сею кампаніею довольны быть: ибо мы нынѣ крѣпкое осно-«ваніе на Каспійскомъ морѣ получили.»

По возвращеніи въ Астрахань, Петръ немедленно принялъ мѣры и начерталъ новый планъ къ продолженію войны съ Персіею. Узнавъ по опыту, что на Кавказѣ значительная армія, имѣя дѣло съ слабымъ непріятелемъ и встрѣчая на каждомъ шагу препятствія отъ природы, только замѣдляетъ ходъ военныхъ дѣйствій, онъ рѣшился сосредоточить главныя силы и магазины для продовольствія въ Астрахани и оттуда дѣйствовать отдѣльными морскими экспедиціями для дальнѣйшаго распространенія своего господства. Еще той же осенью ему представился благопріятный случай утвердиться на южныхъ берегахъ Каспійскаго моря. Жители Гиляна, угрожаемые мятежниками, прибѣгли подъ покровительство Россіи и просили вспомогательнаго войска. Петръ немедленно нарядилъ туда экспедицію, подъ начальствомъ полковника Шипова; но, по недостатку судовъ, могшихъ выдержать осеннее плаваніе, не могъ послать болѣе 2 баталіоновъ пѣхоты. Капитанъ-лейтенантъ Соймоновъ долженъ былъ на 14 судахъ перевесть этотъ отрядъ на Гилянскій берегъ, а потомъ идти къ устью Кура и осмотрѣть мѣсто для заложенія тамъ крѣпости. Шиповъ изъявилъ сомнѣніе о томъ, что можетъ ли онъ съ столь малыми силами защищать цѣлую провинцію отъ мятежниковъ. — «Стенька Разинъ», отвѣчалъ Петръ, «съ пятью стами Казаковъ ихъ не боялся, а у тебя 2 баталіона регулярнаго войска.»

травивъ Шипова и Соймонова въ своемъ присутствіи (6 Ноября) въ походъ, и отдавъ приказанія генералъ-маіорамъ Кротопову о достроеніи крѣпости Св. Креста и Матюшкину о заготовленіи къ будущей веснѣ экспедиціи на Баку, Государь вмѣстѣ съ супругою, 13 Ноября, оставилъ Астрахань и, направивъ путь чрезъ Царицынъ и Воронежъ, съ торжествомъ вступилъ, 18 Декабря, въ Москву покорителемъ Дербенда. Это былъ его послѣдній тріумфъ.

Между тѣмъ, волненія въ Персіи приближались къ рѣшительному перелому. Осажденная столица, томимая голодомъ, не могла долго держаться противъ мятежниковъ; а Тамаспъ, съ горстью собраннаго имъ войска, не только не могъ подать ей помощи, но самъ, какъ бѣглецъ, скитался по отдаленнымъ областямъ. Хуссейнъ обратился наконецъ къ Русскому Монарху и уполномочилъ своего посла, Измаила-Бега, заключить съ Россіею договоръ о вспоможеніяхъ и уступить требуемыя ею области. Но еще посланникъ не успѣлъ оставить Персіи, какъ бѣдствія жителей Испагана достигли до крайности и побудили Шаха отдаться на великодушіе своего счастливаго соперника. Столица сдалась 23 Октября мятежникамъ и Шахъ былъ заточенъ въ темницу, почти со всѣмъ своимъ семействомъ. Миръ-Махмудъ овладѣлъ Персидскимъ престоломъ, заключилъ союзъ съ Кавказскимъ хищникомъ Даудъ-Бегомъ и, обѣщаясь ниспровергнуть господствовавшую въ Персіи секту Али, искалъ у единовѣрной Турціи помощи противъ Тамаспа, который одинъ изъ всѣхъ членовъ Шахова семейства ускользнулъ изъ рукъ мятежниковъ. Тамаспъ объявилъ свои права на престолъ и, не надѣясь на помощь Турціи, подобно отцу прибѣгнулъ къ помощи Россіи. Посолъ, отправленный отъ

Хуссейна, получивъ полномочіе и отъ его преемника, прибылъ въ Рештъ, главный городъ Гилянской области, въ концѣ 1722 года, въ то самое время, когда Русскія суда, подъ предводительствомъ Шипова и Соймонова, стали на якорь въ виду этого города. Но бѣдствія Хуссейна и слабость Тамаспа поколебали въ вѣрности къ нимъ всѣхъ намѣстниковъ Персидскихъ областей. Каждый изъ нихъ помышлялъ только о своей независимости и личныхъ выгодахъ. Визирь города Решта, искавшій незадолго предъ тѣмъ помощи Россіи, теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ, уже раскаялся въ своей поспѣшности. Онъ хотѣлъ задержать посла и не впускать Русскихъ въ городъ. Не смотря на то, Шиповъ высадился на берегъ, преодолѣлъ козни Визиря, частію силою, частію хитростію, при помощи, пребывавшаго въ Рештѣ, Русскаго консула Аврамова, и отправилъ Персидскаго посланника моремъ въ Астрахань. Тогда Визирь, пользуясь отбытіемъ Соймонова съ большею частію судовъ къ рѣкѣ Куру, рѣшился силою вытѣснить Русскихъ и собралъ противъ нихъ до 15 тысячь войска. Но Шиповъ укрѣпился въ караванъ-сараѣ, удачно отбилъ непріятелей, положивъ на мѣстѣ до 1,000 человѣкъ, и наконецъ, получивъ, съ наступленіемъ весны, новыя подкрѣпленія изъ Астрахани, сталъ твердою ногою въ Гилянѣ.

Эти успѣхи Русскаго оружія встревожили Турцію, тѣмъ болѣе, что она сама желала овладѣть Кавказскими областями. Предъявляя давность своихъ правъ на эти области, Порта требовала, чтобъ Россія удержалась отъ дальнѣйшихъ завоеваній и признала Даудъ-Бега, какъ Султанскаго присяжника, обладателемъ Ширванской области. Но Петръ отвѣчалъ, что онъ только караетъ Персидскихъ мятежниковъ, оскорбившихъ Россію, и притомъ почитаетъ своею обязанностію подать помощь утѣсненному Шаху; а впрочемъ не намѣренъ дѣлать никакихъ завоеваній ко вреду Султана и его подданныхъ. Порта не удовольствовалась такимъ отвѣтомъ и, подстрекаемая Крымскимъ Ханомъ и Муфтіемъ, готовилась къ войнѣ съ Россіею. Однако миролюбіе великаго визиря и посредничество Французскаго посланника Бонака, еще же болѣе 80-тысяч-

ный Русскій корпусъ, поставленный на границахъ со стороны Крыма и Турецкихъ владѣній, удерживали ее отъ разрыва. Между тѣмъ, Русскіе проникали все дальше на Кавказъ. Городъ Баку сдался Матюшкину 28 Іюля и все пространство до устья рѣки Кура подпало власти Русскихъ. Въ то же время (10 Августа) Персидскій посланникъ Измаилъ-Бегъ прибылъ наконецъ въ Петербургъ, для постановленія мира и союза.

Петръ, вообще не любившій пустаго церемоніала, рѣдко давалъ торжественныя аудіенціи посланникамъ Европейскихъ Государей; принималъ и отпускалъ ихъ гдѣ когда случалось, и даже однажды далъ пріемную аудіенцію Прусскому посланнику на кораблѣ. Но на этотъ разъ для обитателя Востока, привыкшаго судить о могуществѣ и величіи Монарха по наружному блеску и великолѣпію, онъ отступилъ отъ своихъ правилъ и принялъ Персидскаго посла въ большомъ залѣ Сената, сидя на тронѣ, окруженный блистательнымъ собраніемъ иностранныхъ принцевъ, министровъ и знатнѣйшихъ чиновъ го-

сударства. Такая торжественность и продолжительный церемоніалъ были, по словамъ очевидцевъ, тягостны для самого

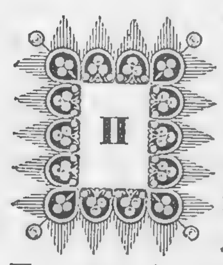
Государя, *безпрестанно бросали его въ потъ и заставляли по временамъ прибѣгать къ табакеркѣ.*

Вслѣдъ за аудіенціею, немедленно съ обѣихъ сторонъ приступили къ переговорамъ и, 12 Сентября, постановили трактатъ, по которому посолъ, именемъ Тамаспа, уступилъ Россіи города Дербендъ и Баку, съ ихъ округами, и области Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабадъ, а Петръ обѣщалъ послать корпусъ войскъ на помощь Шаху и не оставлять его дотолѣ, пока всѣ мятежники не будутъ усмирены. Хотя Шахъ и не утвердилъ этого договора, однако Петръ, подъ видомъ его союзника, продолжалъ войну въ Персіи, какъ противъ мятежниковъ, такъ и противъ приверженцевъ Шаха, и вскорѣ занялъ всѣ области, уступленныя по договору.

Наконецъ и Турція успокоилась, признавъ, что для нея выгоднѣе сохранить дружбу съ Россіею и послѣдовать ея примѣру, нежели поддерживать Персидскихъ мятежниковъ, хотя и своихъ единовѣрцевъ. Поэтому она, съ своей стороны, также предложила помощь Тамаспу, требуя уступки нѣкоторыхъ областей; когда же Тамаспъ отвергъ и эту своекорыстную помощь, она заключила (27 Іюня 1724 года) съ Россіею договоръ, по которому Петръ согласился, чтобъ Порта овладѣла Грузіею, страною Лезгинцевъ, Тавлинцевъ, нижнимъ Дагистаномъ и частію Ширвана къ югу отъ впаденія Аракса въ Куръ, а Султанъ съ своей стороны призналъ Императора обладателемъ занятыхъ имъ Персидскихъ областей.

Такимъ образомъ, Петръ достигъ своей главной цѣли — утвердился на берегахъ Каспійскаго моря. Теперь онъ обратилъ все свое вниманіе на то, чтобъ употребить богатства этихъ новопріобрѣтенныхъ владѣній въ пользу своей торговли и проложить путь къ сокровищамъ восточной Индіи. Онъ далъ уже повелѣнія построить городъ при рѣкѣ Курѣ, исправить гавани при Рештѣ и Астрабадѣ, пригласить Армянъ на поселеніе въ новозавоеванныя области и принять мѣры къ

улучшенію винодѣлія на Кавказѣ и въ особенности къ усиленію шелководства. Наконецъ, слѣдствіемъ этихъ же предначертаній было назначеніе морской экспедиціи въ Индію. Государь поручилъ вице-адмиралу Вильстеру, вооруживъ три фрегата, ѣхать въ Бенгалъ, склонить Великаго Могола къ заключенію торговаго трактата съ Россіей и узнать, какія изъ Русскихъ произведеній наиболѣе нужны въ Индіи; кромѣ того, Вильстеру было поручено заѣхать къ какому-то *Высокопочтенному Королю Мадагаскарскому* и предложить ему *протекцію* Русскаго Императора. Но Вильстеръ не успѣлъ отправиться въ назначенную экспедицію. Преждевременная кончина Монарха рушила его великія предначертанія, которыхъ исполненіе, можетъ быть, обратило бы въ Россію значительную часть богатствъ, пріобрѣтаемыхъ Англіею отъ ея Восточно-Индѣйской торговли. Самыя пріобрѣтенія Петра при Каспійскомъ морѣ, были въ царствованіе Анны Іоанновны возвращены Персіи, возстановленной Шахомъ-Надиромъ; однако его труды не были тщетны: Кавказскія области, которыя онъ очертилъ своимъ побѣдоноснымъ мечемъ, на долго не могли избѣгнуть господства Россіи.

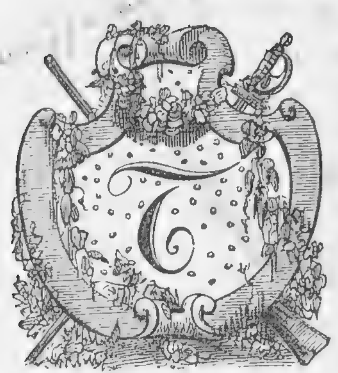

Пролагая оружіемъ новые пути для торговли съ Азіею, Петръ въ то же время, мудрою политикою скрѣплялъ союзъ Россіи съ Европейскими государствами и указывалъ ея внѣшней дѣятельности новую цѣль и обширнѣйшее поприще. Ограниченная доселѣ тѣснымъ кругомъ своихъ сосѣдей: Швеціи, Польши, Крыма и Турціи, озабоченная тягостными спорами за Малороссію и Литовское княжество, а еще болѣе занятая мѣрами собственной обороны отъ хищничества Крымцевъ, злобы и зависти Поляковъ и могущества Шведовъ, — Россія послѣ Ништадтскаго мира явилась уже преобладающею державою въ отношеніи къ сосѣдственнымъ государствамъ; главнымъ рѣшителемъ всѣхъ споровъ, возникавшихъ на Сѣверѣ, и необходимымъ звѣномъ въ общей политической системѣ Европы. Ея рѣшительное участіе въ Европейской политикѣ первоначально

обнаружилось во внутреннихъ дѣлахъ Польши и въ покровительствѣ Герцогу Голштинскому.

Польша давно уже была игралищемъ политики Европейскихъ кабинетовъ; сосѣдственные Государи давали ей Короля, вмѣшивались въ ея внутреннія распри и поддерживали ея безначаліе, для своихъ личныхъ выгодъ. И Россія также принимала участіе въ судьбѣ безпокойнаго сосѣда, вредившаго ей своею неутомимою враждою. Но ея вмѣшательство въ дѣла Польши ограничивалось преимущественно покровительствомъ православной вѣры, гонимой въ Литвѣ и Малороссіи Римскимъ духовенствомъ, и притязаніями на древнія Русскія княжества, отторгнутыя Ягеллонами: питать духъ партій внутри королевства и располагать короною Пяста она еще не умѣла, а между тѣмъ это было необходимо для ея собственнаго спокойствія. Эту необходимость понялъ Петръ. Онъ видѣлъ, что Россія только тогда можетъ быть безопасною извнѣ и дѣйствовать свободно противъ Татаръ, Турковъ и другихъ сосѣдей, когда Польша будетъ состоять подъ ея непосредственнымъ вліяніемъ и лишится возможности препятствовать ея политикѣ. Кромѣ того, вѣчныя междоусобія Польши представляли Петру лучшее средство къ политическому сближенію съ Европейскими государствами, принимавшими въ нихъ живое участіе. Даровавъ Польскую корону Саксонскому Курфирсту Августу, онъ не только положилъ начало своему вліянію на дѣла республики, но явился уже противникомъ могущественной Франціи и другомъ ея соперниковъ, Австріи, Голландіи и Англіи, — слѣдовательно членомъ Европейской политической системы. Съ этого времени Польша не могла уже освободиться отъ вліянія Россіи. Успѣхи Карла XII и бѣдствія Августа II, дали Петру поводъ вступить съ оружіемъ въ рукахъ въ предѣлы республики и утвердить въ ней свое господство. Онъ явился главнымъ распорядителемъ на сеймахъ, поддерживалъ приверженцевъ Августа, преслѣдовалъ его противниковъ, — не измѣнялъ своей политики и послѣ Альтранштадтскаго договора. Господство Карла XII и Станислава было непродолжительно; Полтавская побѣда возвратила Августу его корону, и доставила Петру диктаторское полновластіе надъ Польшею. Слабый

Августъ, нелюбимый народомъ, держался на престолѣ только при содѣйствіи своего могущественнаго покровителя и былъ совершенно подъ его опекою. Петръ судилъ и мирилъ его съ подданными; грозилъ строптивымъ, что «будетъ унимать ихъ силою оружія,» напоминалъ и Королю, что «рѣчь посполитая имѣетъ свои вольности и конституціи, по которымъ и самъ Король поступать обязанъ.» Такое покровительство было тягостно и для Короля, и для республики. Русскій посолъ, князь Григорій Долгоруковъ, господствовалъ на сеймахъ, наблюдая за всѣми движеніями Короля и пановъ; Русскія войска жили въ Польшѣ, какъ дома, отнимая всякую возможность къ возстанію. Тщетно домогались Поляки объ ихъ удаленіи: Петръ не внималъ ни ихъ просьбамъ, ни угрозамъ Турціи, ни представленіямъ Франціи. Освободивъ республику отъ Русскихъ войскъ, въ концѣ 1717 года, онъ расположилъ отряды на ея предѣлахъ, въ Курляндіи, и занялъ Данцигскій рейдъ своими кораблями. Августъ II истощалъ всѣ средства, чтобъ увеличить свою власть въ республикѣ и освободиться отъ зависимости Россіи, но тщетно. Петръ напоминалъ ему, что «онъ не попуститъ рѣчь посполитую до паденья,» и уже намѣренъ былъ низвергнуть его самого съ престола, узнавъ о его союзѣ съ врагами Россіи. Смерть Карла XII спасла Августа. Но ни какія козни не могли освободить его отъ вліянія Россіи. Послѣ Ништадтскаго мира, Петръ нашелъ новый поводъ вмѣшаться въ дѣла Польши. Тамъ открылось сильное гоненіе на *диссидентовъ* — всѣхъ не Католиковъ. Петръ принялъ гонимыхъ, не только своихъ единовѣрцевъ въ Литовскомъ княжествѣ, но и Лютеранъ и Протестантовъ, подъ свое покровительство; представилъ сейму ихъ жалобы и требовалъ отъ Короля объясненій. Видя, что Король молчитъ, а гоненія не прекращаются, онъ предложилъ сейму избрать коммисаровъ для разбора безпрерывныхъ жалобъ и назначилъ срокъ, къ которому всѣ неудовольствія надлежало прекратить миролюбно; въ противномъ же случаѣ угрожалъ вступленіемъ Русскихъ войскъ въ предѣлы республики. Война съ Польшею казалась неизбѣжною. Кончина Петра ее отвратила.

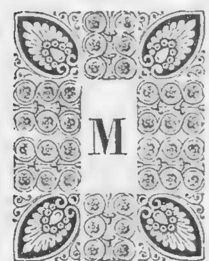
орьба съ Карломъ XII, содѣйствовавшая къ утвержденію господства Петра надъ Польшею, доставила ему возможность принять участіе также и въ дѣлахъ Германіи и сѣверной Европы. Какъ первенствующій членъ сѣвернаго союза, онъ не могъ не пріобрѣсть вліянія на дѣла своихъ союзниковъ, а какъ побѣдитель Карла, онъ, казалось, хотѣлъ вступить во всѣ его права и поставить всѣхъ владѣтелей, состоявшихъ прежде подъ покровительствомъ или вліяніемъ Швеціи, въ тѣ же отношенія къ Россіи. Подозрѣвали даже, что онъ, сокрушая господство Швеціи на южныхъ берегахъ Балтійскаго моря, намѣренъ былъ присвоить себѣ часть ея Германскихъ владѣній и сдѣлаться Имперскимъ княземъ. Продолжительное пребываніе Русскихъ войскъ въ сѣверной Германіи и бракосочетаніе племянницы Петра, Екатерины Іоанновны съ Герцогомъ Мекленбургскимъ подавали поводъ къ такимъ догадкамъ о властолюбивыхъ намѣреніяхъ Царя и возбуждали сильное безпокойство въ Европейскихъ кабинетахъ. Говорили, будто Царь склонялъ уже Герцога Мекленбургскаго, враждовавшаго съ своими подданными, обмѣнять свое герцогство на владѣніе въ Лифляндіи и вступить подъ покровительство Россіи. Другіе утверждали, будто онъ намѣкалъ Императору о своемъ желаніи признать Лифляндію леннымъ владѣніемъ, а себя, какъ ея владѣтеля, вассаломъ Имперіи. Быстро возраставшее могущество Россіи и непреодолимое желаніе Петра сблизиться съ Европою оправдывали нѣкоторымъ образомъ эти догадки и толки, которые особенно тревожили союзниковъ Царя, Ганноверъ и Данію. Страхъ подпасть вліянію новой преобладающей силы на Сѣверѣ былъ для нихъ главнымъ побужденіемъ къ скорѣйшему окончанію войны съ истощенною Швеціею и даже вооружилъ нѣкоторыхъ противъ прежняго ихъ союзника. Но если ихъ опасенія касательно видовъ Петра на Германію и не сбылись, однако всѣ ихъ усилія устранить его отъ участія въ политическихъ дѣлахъ Европы были тщетны. Война на Сѣверѣ кончилась; но многіе вопросы остались еще

не разрѣшенными; особенно же старинные споры между Даніею и Голштиніею за Шлезвигъ, бывшіе первою искрою войны, переживъ эту войну, еще долго тревожили Европейскіе кабинеты и не могли не привлечь вниманія Петра, какъ первенствующаго члена на Сѣверѣ.

Послѣ Полтавской побѣды, когда театръ войны былъ перенесенъ въ сѣверную Германію, союзники согласились признать Голштинскія владѣнія нейтральными на все время войны. Однако Голштинія вскорѣ сама нарушила нейтралитетъ принятіемъ разбитаго Штеенбока въ Тенингенскую крѣпость, и тѣмъ подала поводъ Датскому Королю занять Шлезвигъ. Когда же вслѣдъ за тѣмъ возникли несогласія между союзниками, — правитель Голштиніи, опекунъ и дядя малолѣтняго Герцога Карла Фридриха, племянника Карла XII, тотчасъ обратился къ Русскому Монарху съ просьбою о покровительствѣ и искалъ для Герцога руки старшей дочери Петра, Царевны Анны. Но тогда Петръ еще не могъ промѣнять союза съ Даніею, хотя и шаткаго, на безсильную дружбу Голштиніи и отвѣчалъ правителю въ неопредѣлительныхъ выраженіяхъ, не отнимая надежды на будущее. Наконецъ, когда по смерти Карла XII, его младшая сестра Ульрика Элеонора лишила своего племянника не только его правъ на Шведскую корону, но и наслѣдственной части Шлезвига, купивъ ею миръ съ Даніею, и когда союзники коварно измѣнили Россіи и стали помогать Швеціи, — Петръ вызвалъ юнаго Герцога Голштинскаго въ Петербургъ, подалъ ему надежду на родственный союзъ и обѣщалъ свое могущественное содѣйствіе къ возвращенію Шлезвига и его правъ на Шведскую корону.

Принужденный при заключеніи Ништадтскаго мира оставить дѣло Герцога, Петръ однако не забылъ даннаго ему обѣщанія и внимательно слѣдилъ за внутренними дѣлами Швеціи, готовый воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ. Въ началѣ 1723 года, когда въ Штокгольмѣ собрался сеймъ, Государь склонилъ Герцога отправить туда своего министра Бассевича и повелѣлъ своему посланнику Бестужеву подкрѣпить его ходатайство предъ государственными чинами о возстановленіи правъ Герцога; а самъ явился, въ концѣ Іюня, съ своимъ гроз-

нымъ флотомъ на Финскомъ заливѣ. Это имѣло желаемый успѣхъ: многочисленные приверженцы Герцога ободрились и возвысили свой голосъ въ его пользу; Король долженъ былъ уступить общему желанію народа и признать права Карла Фридриха на Шведскую корону. Герцогу данъ титулъ Королевскаго Высочества, назначена ежегодная пенсія и сенатъ торжественнымъ актомъ удостовѣрилъ его, что Швеція питаетъ величайшую признательность къ дому Вазы, и что нѣтъ ни какой причины обойдти особу Герцога въ случаѣ упраздненія престола. Въ то же время, знатнѣйшіе чины государства писали къ Русскому Монарху, что для Шведской націи было бы чрезвычайно лестно, видѣть своего любимаго Принца вступившимъ въ родство съ Императорскимъ домомъ и удостовѣриться чрезъ это родство въ совершенномъ утвержденіи союза между двумя народами (*).

Между тѣмъ, движеніе Русскаго флота, возбудившее опасенія Швеціи, еще болѣе встревожило Датскаго Короля, который по многимъ причинамъ долженъ былъ страшиться справедливаго негодованія Русскаго Монарха. Онъ съ величайшею поспѣшностію вооружилъ свой флотъ и приготовился къ оборонѣ, но избавился однимъ только страхомъ и безполезными издержками на вооруженіе. Походъ Петра, бывшій слѣдствіемъ его страсти къ мореплаванію, не имѣлъ другой цѣли, кромѣ обученія матросовъ, и не простирался далѣе Рогервика (Балтійскаго порта), куда между прочимъ привлекали Монарха и другія хозяйственныя заботы.

Во время своихъ прежнихъ походовъ, Петръ неоднократно осматривалъ и измѣрялъ Рогервикскій заливъ, въ 44 верстахъ къ западу отъ Ревеля, въ намѣреніи обратить его въ военную гавань. Казалось, что этотъ заливъ, длиною въ 7, шириною въ 3—5 верстъ, имѣющій вездѣ достаточную глубину и защищенный отъ всѣхъ вѣтровъ высокими отвѣсными скалами, былъ самою природою предназначенъ для помѣщенія флота Петра Великаго. Уже Шведы замѣтили естественныя

(*). Halem. III. 58.

удобства этого мѣста и пытались возвысить ихъ посредствомъ искуства. Но трудъ былъ не по ихъ силамъ: надлежало заградить плотиною отверстіе залива, имѣвшее не менѣе 3 верстъ ширины и отъ 10 до 19 футовъ глубины, оставивъ только достаточный проходъ для кораблей. Волны и бури дѣлали тщетными всѣ подобныя попытки во время Шведскаго владычества и принудили наконецъ отказаться отъ этого труда. Такія препятствія не могли однакожь устрашить Петра: онъ привыкъ побѣждать природу — и, въ 1721 году, повелѣлъ начать строеніе плотины. Теперь, по прошествіи двухъ лѣтъ, онъ съ удовольствіемъ осматривалъ успѣшно производимыя работы и не безъ гордости видѣлъ, какъ по его слову громадныя глыбы скалъ, сдвинутыя съ своихъ мѣстъ, погружа-

лись на дно моря. Плотина была уже выведена слишкомъ на 1,000 шаговъ; Государь, послѣ обычнаго молебствія, своими руками заложилъ фундаментъ башнѣ, долженствовавшей возникнуть при входѣ въ гавань. Искуство строителя, полковника Любраса внушало Петру лестную надежду, увидѣть еще этотъ исполинскій трудъ оконченнымъ и свой любимый флотъ помѣщеннымъ въ новой гавани. Съ этою надеждою, оставивъ Рогервикъ, онъ возвратился къ Кронштадту и кончилъ свой послѣдній морской походъ великолѣпнымъ торжествомъ, даннымъ въ память основанія Русскаго флота.

Петръ всегда почиталъ созданіе морской силы въ Россіи важнѣйшимъ изъ всѣхъ своихъ нововведеній и всѣ успѣхи въ войнѣ и въ образованіи народа приписывалъ флоту, который былъ, по его словамъ, «рукою государства.» Дѣйствительно этою рукою Россія начертала условія славнаго мира; дала впервые почувствовать свою силу Туркамъ, Шведамъ, Персамъ; пріобрѣла обширныя, важныя владѣнія на сѣверѣ и югѣ; утвердила свое господство на водахъ Балтійскаго и Каспійскаго морей; открыла новые пути для торговли и образованія, — стяжала уваженіе отъ всѣхъ народовъ востока и запада. Все великое, совершенное Петромъ, тѣсно соединено съ основаніемъ Русскаго флота. А этотъ грозный флотъ Петра, приводившій въ трепетъ древнихъ властителей Балтійскаго моря и не имѣвшій на немъ соперниковъ, обязанъ своимъ бытіемъ вѣтхому ботику, который пробудилъ въ душѣ юноши - Царя первую склонность къ мореплаванію. Вотъ маловажное начало великихъ явленій, незамѣтный зародышъ

колоссальнаго могущества Россіи! Петръ, желая впечатлѣть въ памяти народа всѣ обстоятельства, подавшія поводъ къ его чудесному возрожденію, положилъ воздать необыкновенныя почести этому малому виновнику рожденія Русскаго флота. Ботикъ, привезенный, по повелѣнію Монарха, весною 1723 года, изъ Москвы въ Петербургъ и встрѣченный торжественно всѣмъ Невскимъ флотомъ, прибылъ теперь на галіотѣ, въ сопровож-200 галеръ, въ Кронштадтъ, гдѣ весь корабельный флотъ приготовился привѣтствовать своего прародителя. Утромъ 11 Августа, ботикъ, спущенный съ галіота руками генералъ-адмирала Апраксина, адмираловъ Крюйса, *Петра Михайлова* и

прочихъ флагмановъ, сошелъ на море при громѣ полуторы тысячи орудій, раздавшемся со всего флота. Адмиралы поставили на немъ мачту и укрѣпили флагштокъ; Апраксинъ и Крюйсъ сѣли на почетномъ мѣстѣ, адмиралъ *Михайловъ* сталъ на кормѣ, вице-адмиралъ Меньшиковъ исправлялъ должность лоцмана, прочіе флагманы принялись за весла. Когда ботикъ, приближаясь къ линіи кораблей, развернулъ штандартъ, — раздался второй залпъ, подобный первому. Каждый корабль, къ которому подъѣзжалъ знаменитый ботикъ, привѣтствовалъ его спущеніемъ флага или вымпела до самаго низа мачты, выстрѣлами изъ всѣхъ орудій, барабаннымъ боемъ и громогласнымъ *ура* всего экипажа, разставленнаго по борду и реямъ. Ботикъ отвѣчалъ на привѣтствіе флота пальбою изъ бывшихъ на немъ трехъ небольшихъ пушекъ и, прошедъ съ такимъ церемоніаломъ всю линію кораблей, направилъ свой путь къ военной гавани. Императоръ, уступивъ управленіе рулемъ генералъ-адмиралу, сѣлъ съ Меньшиковымъ за весла. По прибытіи въ гавань, раздался послѣдній оглушительный залпъ не только съ цѣлаго флота, но и со всѣхъ батарей Кронштадта и Кроншлотской крѣпости: земля и воздухъ задрожали, море взволновалось, густые облака чернаго дыма задернули небо.

Императрица со всѣмъ дворомъ, иностранные Принцы (*), министры и всѣ знатнѣйшія особы, приглашенныя на праздникъ, привѣтствовали ботикъ съ берега военной гавани. Тамъ, въ палаткахъ изъ корабельныхъ парусовъ, былъ приготовленъ, по повелѣнію Государыни и на ея счетъ, великолѣпный обѣденный столъ для почетныхъ гостей и всѣхъ флотскихъ чиновъ до офицера. Пиршество продолжалось отъ 6 часовъ вечера до 4 утра; только дамы получили позволеніе удалиться въ полночь. Музыка гремѣла безъ умолку и пушечные выстрѣлы съ корабля «Св. Екатерина» безпрерывно вторили заздравнымъ тостамъ пирующихъ. Въ честь ботика Монархъ провозгласилъ тостъ: «да здравствуетъ маленькой дѣдъ такихъ большихъ и славныхъ внуковъ!» Съ этого времени ботикъ получилъ названіе *дѣдушки Русскаго флота*. На другой день,

(*) Герцогъ Голштинскій и два Гессенъ-Гомбургскихъ принца, принятые въ Русскую службу капитанами.

онъ съ торжествомъ былъ отвезенъ обратно въ Петербургъ и поставленъ въ кронверкъ Петропавловской крѣпости, для храненія на вѣчныя времена, какъ памятникъ рожденія флота.

Подобнымъ же образомъ, Петръ желалъ сохранить для потомства и другіе предметы, возбуждающіе воспоминаніе о великихъ событіяхъ. Его первый домикъ въ Петербургѣ, памятникъ рожденія новой столицы Россіи, который, осенью этого 1723 года, едва было не разрушился отъ наводненія, повелѣно для предохраненія отъ подобнаго несчастія обвесть каменными стѣнами. Корабль «Ингерманландъ,» на которомъ, въ 1716 году, развѣвался командный флагъ Петра, предводителя 4 союзныхъ флотовъ, долженъ былъ въ память этого событія храниться до истлѣнія въ гавани Кронштадта, не подвергаясь болѣе опасностямъ войны и моря. Любимый боевой конь Петра, его сподвижникъ на Полтавскомъ полѣ, славный не менѣе Александрова Букефала, также долженъ былъ пріобрѣсть право на вѣчное вниманіе потомства и всегда будетъ возбуждать живое воспоминаніе о Полтавскомъ героѣ (*). Въ память своихъ безчисленныхъ побѣдъ, Петръ, говорятъ, намѣренъ былъ воздвинуть въ Петербургѣ колонну, на подобіе Траяновой въ Римѣ; украсить ее изображеніями главныхъ сраженій изъ эпохи сѣверной войны и поставить на ней свою статую. Его девизомъ (изображеннымъ также на одномъ изъ знаменъ при его погребеніи) была замысловатая аллегорія, представлявшая его — творца Россіи — и его твореніе въ видѣ ваятеля, который изъ глыбы мрамора высѣкаетъ человѣческій

(*) Лизета—такъ называлась эта лошадь—участвовала также въ Прутскомъ и Персидскомъ походахъ и, переживъ своего побѣдоноснаго всадника, сопровождала еще печальную процессію его погребенія. Чучело, сдѣланное изъ кожи этой лошади, въ томъ самомъ уборѣ, который былъ на ней въ день Полтавской битвы, доставлено въ 1741 году въ кунсткамеру Императорской Академіи Наукъ, гдѣ и понынѣ хранится, вмѣстѣ съ любимыми собаками Петра Великаго. Меньшей изъ этихъ собакъ, *Лизетѣ Даниловнѣ*, наиболѣе любимой Монархомъ и имѣвшей своимъ девизомъ: *«за вѣрность неумираю,»* Петръ самъ назначилъ это почетное мѣсто.

образъ, отдѣланный до половины. Какъ избранникъ Божій, возвеличенный отъ современниковъ именемъ Великаго, титлами Императора и Отца отечества, Петръ самъ взиралъ съ священнымъ благоговѣніемъ на совершенный имъ чудесный подвигъ преобразованія и предвкушалъ уже свое безсмертіе. Изъ этого возвышеннаго чувства, а не отъ гордости, чуждой для великой души, проистекала та заботливость, съ которою онъ старался увѣковѣчить въ потомствѣ память о своихъ подвигахъ. Прославляя эти подвиги, онъ славилъ дивныя дѣла благаго Провидѣнія, которое избрало его орудіемъ, для достиженія своихъ предвѣчныхъ цѣлей.

Величіе и славу Петра сознавала и Европа, взиравшая не безъ страха на колоссальное могущество созданной имъ державы. Одни изъ Европейскихъ государей спѣшили доказать свое уваженіе къ Рускому Монарху немедленнымъ признаніемъ его Императорскаго титула: Прусскій Король первый поздравилъ его съ этимъ новымъ достоинствомъ; его примѣру послѣдовали Генеральные Штаты, Турецкій Султанъ и наконецъ Швеція, въ Апрѣлѣ 1722 года. Другія государства еще медлили и только въ послѣдствіи признали Россію Имперіей: Австрія въ 1747, Франція въ 1755, Испанія въ 1759, Польша въ 1764 годахъ; но самыя причины ихъ медленности — мелочная зависть и страхъ, возбужденный быстрыми успѣхами Россіи, доказываютъ только, что это высшее политическое достоинство принадлежало Петру по праву. Впрочемъ, послѣ Ништадтскаго мира, Европейскіе кабинеты вообще изъявляли уже дружеское расположеніе къ Россіи, по крайнѣй мѣрѣ, по наружности. Швеція, вконецъ раззоренная войною и терзаемая внутри партіями аристократовъ, должна была желать только мира и дружбы съ могущественнымъ сосѣдомъ и дѣйствовать согласно съ его политикою. Пруссія, извлекшая отъ сѣверной войны весьма важныя выгоды, крѣпко держалась союза съ Россіею и, опираясь на ея могущество, стремилась возвысить свою значимость. Данія страшилась войны

съ своимъ оскорбленнымъ союзникомъ и готова была удовлетворить всѣмъ требованіямъ Петра, только бы отвлечь его отъ дружбы съ Голштиніей и получить его согласіе на удержаніе Шлезвига. Австрія также старалась прекратить возникшія подъ конецъ сѣверной войны несогласія съ Россіей, въ которой видѣла естественную свою союзницу въ случаѣ войны съ Турками. Она предлагала Россіи о возобновленіи прежнихъ торговыхъ трактатовъ и, какъ поручительница Травандальскаго договора, искала въ Голштинскомъ дѣлѣ новой точки къ дружескому сближенію съ Петромъ. Франція, истощенная разорительными войнами Людовика XIV, разстроенная еще болѣе химерическою финансовою системою Лава и страдавшая отъ безнравственности, роскоши и расточительности временъ регентства, желала сохранить миръ со всею Европою, находя въ этомъ единственное средство къ поддержанію своего политическаго достоинства. Она, какъ посредница, помогала Россіи при заключеніи Ништадтскаго мира, содѣйствовала къ прекращенію ея несогласій съ Портою по дѣламъ Персидскимъ, вообще усердно старалась обязать Петра, чтобъ найдти въ немъ могущественнаго союзника. Только Англія сильно досадовала на свои неудачи въ войнѣ съ Россіей; особенно Король Георгъ I и Ганноверское министерство были почти въ разрывѣ съ Петромъ и старались все свое вліяніе на политическія дѣла Европы употребить ко вреду Россіи. Но трудно было въ это время дать Европейской политикѣ какое-либо рѣшительное направленіе. Волнуемая многоразличными, самыми мелочными видами, она находилась въ безпрестанномъ колебаніи. Союзы и договоры, заключаемые необдуманно, расторгались стольже легкомысленно и только запутывали отношенія государствъ, не представляя ничего существенно важнаго. Европа наслаждалась покоемъ; но этотъ покой походилъ на тревожный сонъ больнаго, безпрестанно возмущаемый страшными грезами. Всѣ опасались войны, не зная сами за что и отъ кого, и этимъ пустымъ страхомъ нарушали свое спокойствіе. Главною причиною такого тревожнаго состоянія западныхъ государствъ и вѣчной колеблемости въ видахъ и намѣреніяхъ кабинетовъ былъ споръ о первенствѣ, возникшій

на Западѣ послѣ паденія Франціи, между ею, Испаніей, Англіей и Австріей, изъ которыхъ каждая стремилась присвоить себѣ право располагать вѣсами Европейской политики и, стараясь обнаружить свое вліяніе, представляла каждое мелочное обстоятельство дѣломъ чрезвычайной важности.

При такомъ неопредѣлительномъ состояніи Европы, не имѣвшей главы и руководителя, Петръ считалъ необходимымъ наблюдать величайшую осторожность въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ нею, чтобъ не запутать себя, въ какія-либо неблагопріятныя связи. Эта осторожность ясно выражается въ его наставленіяхъ, данныхъ Иностранной Коллегіи, (17 Апрѣля 1722) предъ выступленіемъ въ Персидскій походъ. «А ежели (сказано между прочимъ въ этой инструкціи,) съ Цесарской «стороны станутъ о оборонительномъ союзѣ требовать трак-«тата, то писать» (ко мнѣ); «а ежели отъ Турокъ будетъ опас-«ность, или отъ иныхъ, то заключать. Буде отъ Двора Фран-«цузскаго о какомъ обязательствѣ предложено будетъ, то брать «на доношеніе, а дружбою и прочимъ обнадеживать. Король «Прусской требуетъ резолюціи о маріажѣ, (*) и ежели Его «Прусское Величество на представленную перемѣну не соиз-«волитъ, то при нынѣшнихъ случаяхъ въ томъ прямо не «отказывать, но пристойнымъ образомъ искать оное дѣло вдаль «отвесть. По реляціямъ Резидента Датскаго Бестужева изъ «Копенгагена, Датскому посланнику Вестфалу дана инструкція «о признаваніи насъ Императоромъ и о свободномъ и безпош-«линномъ проходѣ чрезъ Зундъ трактатъ учинить, и можетъ «быть, что будетъ за то требовать гарантіи на Шлезвигъ, «то первое принять, а послѣднее брать на доношеніе. Ежели «Король Англійскій, прямо самъ отзовется о примиреніи несо-«гласій, или чрезъ другихъ о томъ предлагать будетъ, то при-«нимать и писать (**).»

Обращая главное свое вниманіе на Персію, Петръ благоразумно уклонялся, какъ отъ явной вражды, такъ и отъ тѣсной дружбы съ западными государствами; потому, что первая могла препятствовать его успѣхамъ на Востокѣ, а вторая, при тогдаш-

(*) Король искалъ для своего племянника, Маркграфа Бранденбургскаго, руки Анны Іоанновны, вдовствующей Герцогини Курляндской.

(**) Голиковъ. Дѣян. VIII. 156.

нѣмъ положенiи Европы, не обѣщала большихъ выгодъ. До времени онъ хранилъ дружбу съ Французскимъ дворомъ, полезнымъ для него своимъ влiянiемъ при Портѣ, и поддерживалъ юную Пруссiю, которая содѣйствовала его видамъ въ дѣлахъ съ Германiею и Польшею. Даже и въ Голштинскомъ дѣлѣ Петръ былъ такъ остороженъ, что несмотря на убѣдительныя просьбы Герцога, и на свою любовь къ этому Принцу, онъ долго не рѣшался объявить его своимъ зятемъ и уклонялся отъ рѣшительныхъ мѣръ къ возвращенiю ему Шлезвига; «ибо (такъ писалъ онъ къ Герцогу) ежелибъ нынѣ то я учинилъ, то иногда и противъ воли и пользы своего отечества «дѣлать принужденъ бы былъ которое мнѣ дражае живота «моего есть.»

Но и возстановленiе правъ Герцога на Шведскую корону было уже слишкомъ достаточно, чтобы встревожить пугливую политику Европы. Данiя тѣснѣе прежняго соединилась съ Англiею и Ганноверомъ, которые не замѣдлили внушить Германiи и прочимъ державамъ, какая опасность угрожаетъ имъ отъ слишкомъ тѣснаго союза между Россiею и Швецiею. Мысль о возможности соединенiя Русской и Шведской короны на одной главѣ приводила въ трепетъ Европу, и Францiя немедленно поспѣшила новыми брачными предложенiями разстроить предполагаемый родственный союзъ Голштинскаго Герцога съ Русскимъ Императорскимъ домомъ.

Герцогъ Бурбонъ, замѣнившiй прежняго регента Францiи, Герцога Орлеанскаго, умершаго въ Декабрѣ 1723 года, предложилъ свою руку одной изъ Русскихъ Цесаревенъ, не означая именно которой. Петръ съ своей стороны, не обращая вниманiя на это предложенiе, имѣлъ совсѣмъ другiе виды: онъ давно уже прочилъ свою вторую дочь, Елисавету, въ супруги юному Королю Францiи. Еще въ 1721 году (отъ 24 Мая) онъ писалъ къ своему министру въ Парижѣ, Князю Долгорукову: «Понеже мы въ бытность свою во Францiи много говаривали Виллероу и мамѣ Королевской о сватаньѣ за Короля изъ нашихъ дочерей, а особливо за среднюю (понеже равнолѣтняя ему), но обстоятельно тогда за скорымъ отъѣздомъ не говорили, которое дѣло нынѣ вамъ вручаемъ, чтобъ вы его сколько возможность

допуститъ, производили; однакожъ чтобъ то тайно было отъ Регента, въ чемъ приложите свои труды.» Но тогда это домогательство не имѣло успѣха, потому, что Герцогъ Орлеанскій еще прежде принужденъ былъ обручить малолѣтнаго Людовика XV съ Испанскою Инфантиною, дочерью Филиппа V и Елисаветы. Однако это политическое обрученіе, котораго цѣлію было удовлетворить честолюбію Елисаветы Испанской и побудить ее къ удаленію отъ себя своего безпокойнаго министра Альберони, опаснаго своими интригами и Франціи, и Англіи, имѣло свою силу только дотолѣ, пока Герцогъ Орлеанскій былъ живъ. Новый регентъ считалъ этотъ брачный проектъ не дѣйствительнымъ; да и Король, желая скорѣе вступить въ бракъ, не намѣренъ былъ ждать, пока его нарѣченная невѣста, бывшая еще младенцемъ, достигнетъ законнаго возраста. Петръ, узнавъ чрезъ своего посланника въ Парижѣ, Князя Куракина, объ этой перемѣнѣ мыслей Короля и о сватовствѣ регента, возобновилъ свое прежнее предложеніе. «Письмо ваше», отвѣчалъ онъ Куракину: «Января отъ 1 числа до насъ дошло, въ кото-«ромъ пишешь о двухъ дѣлахъ: 1. что Дюкъ де Бурбонъ «сватается на нашей дочери; другое, что Король не хочетъ «жениться на Гишпанской Инфантинѣ: того ради зѣлобъ мы «желали, чтобъ сей послѣдній женихъ намъ зятемъ былъ; «въ чемъ гораздо прошу всевозможные способы къ тому упо-«требить и твой трудъ по крайней возможности. А съ пер-«вымъ можешь на описку взять или иной какой отлагатель-«ной способъ употребить ласковымъ образомъ (*).» Переговоры о брачномъ союзѣ дѣйствительно открылись, но Французскій дворъ, какъ бы колеблясь въ нерѣшимости, которую изъ Русскихъ Цесаревенъ, Анну или Елисавету, избрать въ супруги юному Королю, указывалъ то на ту, то на другую и, казалось, съ намѣреніемъ длилъ сватовство, чтобъ тѣмъ помѣшать супружеству Герцога Голштинскаго. Такая хитрость не укрылась отъ Петра. Кончивъ свои несогласія съ Турціею и не имѣя болѣе надобности въ содѣйствіи Франціи, онъ рѣшительно объявилъ Кампредону, Французскому посланнику при своемъ дворѣ, что старшую свою дочь, Цесаревну Анну, назначаетъ въ

(*) Голиковъ. Дополн. XIV. 230.

супруги Герцогу Голштинскому, и что для Французскаго Короля, если онъ дѣйствительно желаетъ вступить въ родство съ его домомъ, остается еще другая его дочь, Цесаревна Елисавета. Франція еще и послѣ того продолжала переговоры и, кажется, имѣла искреннее намѣреніе вступить въ родственный союзъ съ могущественною Россіею, чтобъ тѣмъ возвысить свое вліяніе на Европу; но, вѣроятно, осторожная политика сосѣдственныхъ кабинетовъ, особенно Англіи, противудѣйствовала ея видамъ и переговоры вскорѣ по кончинѣ Петра пресѣклись.

Между тѣмъ, съ 1724 года, и по дѣлу Герцога Голштинскаго Петръ обнаружилъ болѣе рѣшительности. 22 Февраля между Россіею и Швеціею заключенъ былъ дружественный союзъ, подтвердившій условія Ништадтскаго мира и предоставившій Швеціи новыя выгоды по торговлѣ съ Россіей; при чемъ обѣ державы обязались тайнымъ договоромъ, склонить Данію къ возвращенію Шлезвига Герцогу Голштинскому, или, въ случаѣ ея сопротивленія, приступить, вмѣстѣ съ поручителями Травандальскаго договора, особенно съ Римскимъ Цесаремъ, къ дѣйствительнѣйшимъ мѣрамъ для достиженія этой цѣли. Данія, получивъ настоятельное требованіе Русскаго двора о возстановленіи Герцога Голштинскаго въ его наслѣдственныхъ владѣніяхъ и о предоставленіи Русскимъ кораблямъ безпошлиннаго прохода чрезъ Зундъ, стала готовиться къ войнѣ и искала себѣ союзниковъ. Въ то же время и съ юго-запада начали обнаруживаться безпокойства, угрожавшія общею войною Европѣ. Намѣреніе Герцога Бурбона расторгнуть обрученіе Людовика XV съ Испанскою Инфантиною и тайные переговоры о новомъ брачномъ союзѣ не могли укрыться отъ Испанскаго двора. Честолюбивая Королева Елисавета считала такое намѣреніе величайшею для себя обидою и рѣшилась отомстить Франціи. Ей не трудно было сблизиться съ Императоромъ Карломъ VI, который спорилъ тогда съ морскими державами за свою торговую компанію въ Остэнде и тревожилъ Европейскіе кабинеты, склоняя ихъ къ признанію своей *прагматической санкціи* (акта о нераздѣльности Австрійскихъ владѣній и о правахъ его старшей дочери, Маріи Терезіи, на наслѣдство послѣ него). Признавъ эту санкцію, Испанія

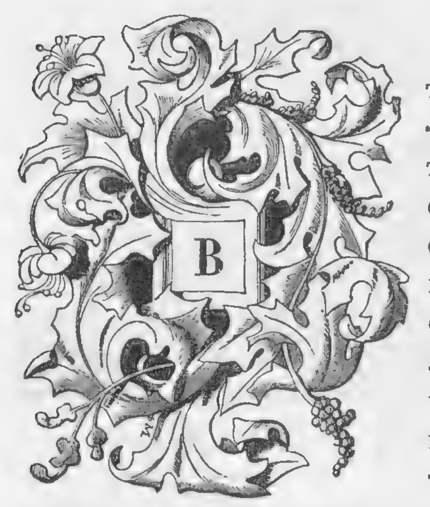
нашла въ Австріи вѣрнаго союзника. Обѣ державы положили склонить къ своему союзу Германію и Русскаго Императора. Съ другой стороны Франція и Англія, предвидя опасность, также старались подкрѣпить себя новыми союзниками. Повсюду открылись дипломатическія сношенія и тайные переговоры; Европа соединялась въ два огромныхъ союза и война казалась неизбѣжною. Для Россіи, приступившей, въ послѣдніе дни жизни Петра, къ Австрійско-Испанскому союзу, открывалось обширное поприще къ утвержденію своего политическаго вліянія на западѣ; но преждевременная кончина великаго Монарха рушила эти надежды. Однако Россія не уклонилась отъ пути, указаннаго ей Петромъ. Правила его внѣшней политики постоянно руководили его преемниковъ и наконецъ развились въ полномъ блескѣ въ богатое многообразною славою царствованіе Екатерины Великой. Россія окончательно и навсегда упрочила за собою то мѣсто въ Европейской политической системѣ, которое предназначилъ ей Петръ.

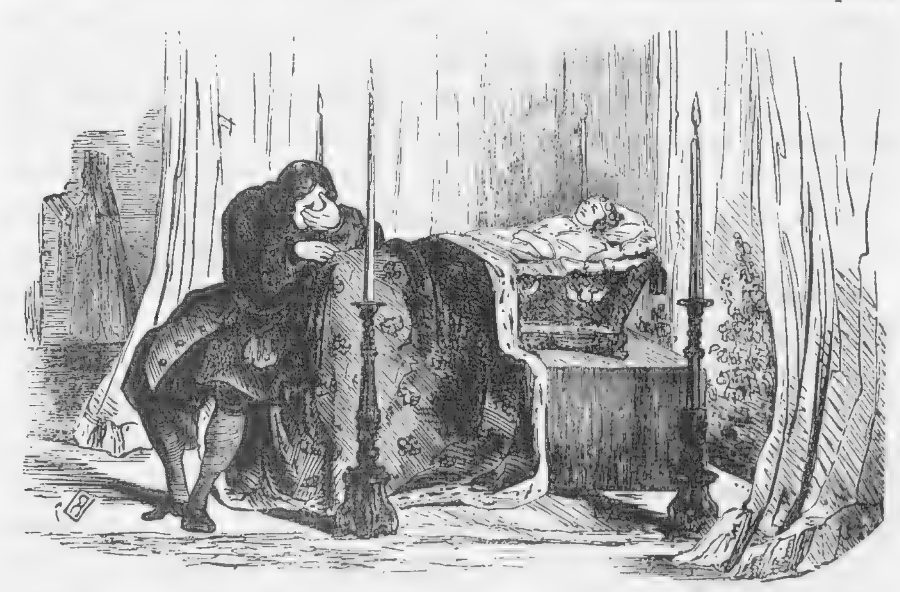
ГЛАВА XXXII.

ЗАБОТЫ О ПРЕСТОЛОНАСЛѢДІИ. КОРОНАЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ. БОЛѢЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРА.

Въ послѣдніе годы жизни Петра, — когда все, насажденное его творческою рукою на почвѣ Россіи, укоренялось и развивалось, обѣщая богатые, многообразные плоды въ будущемъ, — когда всѣ его великія преобразованія приводились въ стройный порядокъ, получали прочность, единство и гармонію, — когда его оружіе и политика торжествовали на Востокѣ и Западѣ, пріобрѣтая повсюду честь и славу Русскому имени и утверждая внѣшнюю безопасность и могущество государства,

— въ эти годы, когда все долженствовало радовать великаго виновника силы, благоденствія и славы Россіи, — одно тяжкое бремя лежало однакожь на его сердцѣ, одна скорбная мысль терзала его великую душу. Его дивное твореніе не было еще кончено, — стройныя формы создаваемой имъ статуи сливались еще съ безобразною массою мрамора, а творческая рука ваятеля уже ослабѣвала. Надлежало предоставить другому довершеніе великаго подвига. Но кому? Кто сохранитъ и возраститъ насажденное рукою преобразователя? Кто исполнитъ предначертанія его генія?.... Небо не судило Петру воспитать и образовать для Россіи достойнаго по себѣ наслѣдника, изъ своихъ потомковъ. Члены его семейства, довольно многочисленнаго, или были отвергнуты имъ самимъ, какъ враги отечества, или преждевременно похищены смертію, или находились еще въ младенчествѣ. Участь несчастнаго Царевича Алексѣя, и надежды, пробужденныя въ скорбной душѣ Монарха рожденіемъ другаго наслѣдника, Царевича Петра, уже извѣстны. Но и эти надежды скоро исчезли. Объявленный наслѣдникомъ престола, Царевичь Петръ скончался 25 Апрѣля

1719 года, на четвертомъ году жизни, къ невыразимой горести отца и Государя, который еще предъ тѣмъ понесъ

многія чувствительныя потери. Второй сынъ Петра и Екатерины, Царевичъ Павелъ, родившійся въ Везелѣ, 2 Января, 1717 года, во время пребыванія Государя въ Амстердамѣ, умеръ на другой же день послѣ рожденія. Несчастный отецъ едва только успѣлъ увѣдомить Польскаго Короля и нѣкоторыхъ изъ своихъ подданныхъ (*) о рожденіи Царевича, какъ и получилъ печальную вѣсть о его кончинѣ. Кромѣ двухъ сыновей отъ Екатерины, Петръ схоронилъ еще трехъ дочерей, скончавшихся также въ младенчествѣ: Царевенъ — Екатерину (въ 1708), Наталію и Маргариту (въ 1715), и наконецъ свою любимую сестру, Царевну Наталію Алексѣевну въ 1716 году.

Особы, составлявшія Императорскую фамилію въ 1721 году, были: три дочери Петра, Царевны Анна, Елисавета и Наталія (родившаяся 20 Августа 1718); его внукъ, сынъ Царевича Алексѣя, Великій Князь Петръ Алексѣевичь, съ своею сестрою Наталіею; любимая невѣстка Государя, супруга его покойнаго брата Іоанна, Царица Парасковья Ѳедоровна и три племянницы, дочери Царя Іоанна Алексѣевича: Екатерина Іоанновна, супруга Герцога Мекленбургскаго Карла Леопольда съ своею дочерью, Принцессою Анною (родившеюся 7 Декабря 1718), Анна Іоанновна, вдовствующая Герцогиня Курляндская и Царевна Парасковья Іоанновна. Изъ многихъ сестеръ Петра, въ живыхъ оставалась только одна Марія Алексѣевна, которая за участіе въ дѣлѣ Царевича Алексѣя была удалена въ Шлиссельбургскую крѣпость. Тамъ же, въ заточеніи, жила еще и первая супруга Петра, отвергнутая имъ Царица Евдокія.

Голштинскій камеръ-юнкеръ Берхгольцъ, прибывшій въ Петербургъ въ началѣ 1721 года, сообщаетъ въ своихъ запискахъ описаніе почти всей Царской фамиліи, присутствовавшей въ Лѣтнемъ саду на ассамблеѣ. Опустивъ лишнее, приведемъ въ дополненіе предъидущаго, главныя черты изъ его разсказа.

«Это было въ средней большой аллеѣ сада, гдѣ мы уви-«дѣли, подлѣ красиваго фонтана, Царицу въ весьма пышномъ

(*) Между прочими, Государь писалъ тогда къ подполковнику своей гвардіи, Князю П. М. Голицыну: «обьявляю вамъ, что сего мѣсяца 2 дня хозяйка моя недоѣхавъ сюда, въ «Везелѣ родила солдатченка Павла, о чемъ прошу увѣдомить господъ офицеровъ и солдатъ, и «рекомендую его офицерамъ подъ команду, а солдатамъ въ братство, которымъ всѣмъ отъ «меня и нововыѣзжаго прошу поклонъ отдать. Петръ.»

пола, долженствовавшихъ присутствовать при церемоніи, а предъ ними, нѣсколько ниже, сдѣланы мѣста для провинціальныхъ депутатовъ. Все являло необыкновенную пышность и великолѣпіе предстоявшей церемоніи, для которой назначено 7 числа Мая, еще за два дни предъ тѣмъ объявленное народу чрезъ герольдовъ звуками трубъ и литавръ.

Насталъ наконецъ этотъ день. Рано утромъ, пушечные выстрѣлы съ Кремлевскихъ стѣнъ возвѣстили начало торжества. Оба полка гвардіи и другія войска стали на Ивановской площади по сторонамъ дороги, устроенной для процессіи. Скоро вся площадь покрылась безчисленными толпами зрителей. Всѣ чины государства и знатнѣйшія особы обоего пола, назначенные составлять торжественную свиту, собрались въ большую дворцовую залу, — мужчины въ кафтанахъ шитыхъ золотомъ, дамы въ парчевыхъ робахъ. Явился и Императоръ, ведя за руку свою супругу. Врагъ роскоши, соблюдавшій всегда величайшую простоту въ одеждѣ, онъ въ этотъ разъ изумилъ всѣхъ пышностью своего наряда; на немъ былъ голубой шелковый кафтанъ, вышитый серебромъ, драгоцѣнный для него тѣмъ болѣе, что это была работа его супруги. Платье Императрицы, заказанное для этого случая въ Парижѣ, стоило 4.000 рублей (*).

Въ 10 часу открылся торжественный ходъ, при колокольномъ звонѣ по всей Москвѣ, при пальбѣ изъ пушекъ и ружей и звукахъ военной музыки. Шествіе открывали: половина кавалергардовъ, съ своимъ капитаномъ, и пажи Императрицы, съ своимъ гофмаршаломъ; за ними слѣдовалъ оберъ-церемоніймейстеръ съ жезломъ, сопровождаемый провинціальными депутатами, бригадирами, генералъ-маіорами и прочими военными и высшими гражданскими чинами по ихъ степенямъ. Далѣе, два герольдмейстера, Плещеевъ и Графъ Санти, въ красныхъ бархатныхъ одеждахъ, вышитыхъ золотыми государственными

(*) Weber.

гербами, предшествовали Императорскимъ регаліямъ, несомымъ на глазетовыхъ подушкахъ. За регаліями, предшествуемый оберъ-маршаломъ Двора, шелъ Императоръ, имѣя ассистентами по обѣ стороны генералъ-фельдмаршаловъ Меньшикова и Репнина; потомъ Императрица, ведомая подъ руку Герцогомъ Голштинскимъ и сопровождаемая по сторонамъ своими ассистентами, генералъ-адмираломъ Апраксинымъ и канцлеромъ Головкинымъ. Шлейфъ ея платья несли четыре старшія статсъ-дамы; слѣдовали прочія статсъ-дамы, фрейлины, камергеры и камеръ-юнкеры ея двора. Шествіе замыкали полковники, офицеры, дворянство и, наконецъ, другая половина кавалергардовъ.

Духовенство встрѣтило процессію въ преддверіи храма со крестами, куреніемъ ѳиміама и святою водою. Хоръ провозгласилъ псаломъ Давидовъ: *милость и судъ воспою Тебѣ Господи.* Императоръ, подавъ руку своей супругѣ, возвелъ ее на тронъ. Они сѣли; духовенство размѣстилось на своихъ скамьяхъ и всѣ присутствовавшіе заняли свои мѣста. Пѣніе кончилось, колокола замолкли, священная тишина воцарилась въ храмѣ. Ихъ Величества встали; Императоръ взялъ со стола скиптръ и, повелѣвъ оберъ-маршалу пригласить къ трону архіереевъ, произнесъ къ нимъ: «Понеже намѣреніе наше изъ пу«бликованнаго манифеста о коронованіи нашея любезнѣйшія «супруги уже всѣмъ извѣстно, того ради извольте оное нынѣ «совершить по чину церковному.» Преосвященный Ѳеодосій, архіепископъ Новогородскій, подойдя къ Императрицѣ, вопросилъ: «Како вѣруеши?» Императрица прочитала символъ вѣры; архіепископъ возгласилъ: *благодать пресвятаго Духа да будетъ съ тобою;* прочіе архіереи тихо повторили тоже.

По прочтеніи эктеніи, приличныхъ пророчествъ, Апостола и Евангелія, Императрица преклонила колѣна. Первый архіепископъ, осѣнивъ ее знаменіемъ креста и возложивъ на нее руку, прочелъ молитву. Потомъ архіепископы Новогородскій и Псков-

скій, взявъ со стола, поднесли Императору порфиру. Онъ, не выпуская изъ рукъ скиптра, облачилъ свою супругу; такимъ же образомъ, принявъ изъ рукъ архіепископовъ, возложилъ

на нее корону и вручилъ ей державу. Хоръ провозгласилъ многолѣтіе, раздался колокольный звонъ, громъ орудій и бѣглый огонь освѣтилъ ряды войска, стоявшаго на площади. Духовенство и знатнѣйшіе сановники поздравили Императрицу троекратнымъ поклоненіемъ.

Когда Императоръ и Императрица, положивъ на столъ скиптръ и державу, сошли съ трона и заняли свои церковныя мѣста,— началась литургія. По окончаніи пѣнія канона, Императрица, ведомая Монархомъ, приблизилась къ Царскимъ дверямъ, сняла съ себя корону и преклонила колѣна. Архіепископы Новогородскій и Псковскій помазали ее міромъ, пріобщили святыхъ таинъ и поднесли ей антидоръ и вино. Потомъ, по совершеніи обряда омовенія устъ и рукъ, Монархиня возвра-

тилась на свое мѣсто, при колокольномъ звонѣ и пальбѣ изъ пушекъ и ружей. Преосвященный Ѳеофанъ, Архіепископъ Псковскій, заключилъ священное торжество краткимъ словомъ, въ которомъ этотъ духовный витія, съ свойственною ему силою и краснорѣчіемъ, изобразилъ добродѣтели Монархини и поздравилъ ее отъ имени государственныхъ чиновъ и всего народа.

Шествіе изъ Успѣнскаго въ Архангельскій соборъ началось прежнимъ порядкомъ; только Императоръ, по слабости здоровья, долженъ былъ оставить процессію и возвратиться во дворецъ. При выходѣ Государыни изъ церкви раздался третій залпъ изъ всѣхъ орудій, загудѣли колокола, зазвучали трубы, литавры, барабаны, и радостныя восклицанія безчисленнаго народа огласили воздухъ. Императрица шествовала подъ великолѣпнымъ балдахиномъ о шести серебряныхъ древкахъ, который поддерживали шесть генералъ-маіоровъ. — Меньшиковъ, слѣдуя за нею, бросалъ въ народъ золотые и серебряные медали, которыхъ для этого случая выбито было слишкомъ на 15,000 рублей.

Одинъ изъ архіереевъ, со святымъ крестомъ, встрѣтилъ Монархиню въ дверяхъ Архангельскаго собора. Приложившись къ иконамъ и мощамъ Св. благовѣрнаго Царевича Димитрія, и совершивъ поклоненіе гробницамъ почившихъ самодержцевъ Россіи, Екатерина вышла изъ храма и въ богатой каретѣ, съ великолѣпнымъ поѣздомъ, отправилась въ дѣвичій Вознесенскій Монастырь, для поклоненія праху почивающихъ тамъ Русскихъ государынь.

По возвращеніи къ Красному крыльцу, Императрица была принята изъ кареты Герцогомъ Голштинскимъ и, введенная во дворецъ, снова поздравлена съ совершеніемъ коронаціи всѣми государственными чинами и самимъ Монархомъ, который, не смотря на слабость здоровья, не хотѣлъ своимъ отсутствіемъ разстроить общей радости.

Въ Грановитой Палатѣ, куда отправилось все собраніе въ церемоніальной процессіи, были приготовлены великолѣпные

обѣденные столы, которые, при Европейскомъ этикетѣ, напоминали старинные нарядные столы Русскихъ вѣнценосцевъ. Императоръ съ супругою сѣли за особымъ столомъ, на возвышеніи,

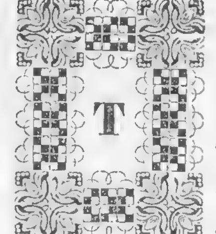
подъ богатымъ балдахиномъ: влѣво отъ нихъ сидѣлъ Герцогъ Голштинскій, одинъ; знатнѣйшее духовенство, гражданскіе и военные чины, придворныя дамы и фрейлины размѣстились, также отдѣльно, за тремя другими столами. Весь столовый приборъ былъ изъ чистаго золота; прислуживали знатнѣйшіе придворные чины; каждое блюдо носили съ церемоніею въ предшествіи оберъ-гофмейстера и оберъ-маршала. Въ продолженіе всего стола звуки оркестра не умолкали и безпрерывно раздавались пушечные заздравные выстрѣлы.

Продолжительность и церемоніальность стола наскучили Монарху. Пока обносили блюда, онъ всталъ, подошелъ къ

окну и, вступивъ въ разговоръ съ прислуживавшимъ за его столомъ Астраханскимъ губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ Волынскимъ, забавлялся зрѣлищемъ разгульнаго пиршества на площади. Тамъ народъ терзалъ двухъ жареныхъ быковъ, начиненныхъ множествомъ жареной же птицы и утолялъ жажду бѣлымъ и краснымъ виномъ, которое лилось въ бассейны изъ двухъ фонтановъ.

При окончаніи стола, Меньшиковъ роздалъ всѣмъ присутствовавшимъ большіе золотые медали, выбитыя въ память коронаціи и представлявшія на одной сторонѣ портреты Монарха и Монархини, а на другой — Петра, коронующаго свою супругу.

Празднества и увеселенія продолжались 9 дней сряду, сопровождаемыя фейерверками, театральными представленіями, балами, маскарадами и проч. Между тѣмъ, Монархъ изливалъ свои милости на подданныхъ, щедро награждая ихъ ревность и усердіе. Въ его щедротахъ имѣлъ участіе и Сербскій народъ, единовѣрный и единоплеменный съ Русскимъ, но страдавшій подъ тяжкимъ игомъ враговъ Христіанства. Сербскій архіепископъ, Моисей Петровичь, прибывшій поздравить Императора съ заключеніемъ славнаго мира съ Швеціею, просилъ учебныхъ книгъ и учителей для образованія своей паствы. «Буди, Державнѣйшій Царю, къ намъ, яко другій «Птоломей во Еллинѣхъ,» говорилъ онъ: «Вашимъ добродѣ«тельствомъ не просимъ тѣлесныя, но душевныя помощи..... «Буди другой намъ Апостолъ, просвѣти и насъ, яко просвѣ«тилъ люди своя, да не рекутъ враги наши, гдѣ есть Богъ «ихъ? и нѣсть помогаяй. Во многія страны достиже милость «твоя, да достигнетъ оная и насъ,» и проч.—Петръ повелѣлъ отправить въ Сербію достаточное количество священническихъ облаченій, церковныхъ утварей, богослужебныхъ и учебныхъ книгъ (въ томъ числѣ 400 букварей и 100 грамматикъ) и двухъ учителей изъ Кіевской семинаріи.

ѣлесный недугъ, усилившійся еще болѣе среди пировъ и увеселеній, сопровождавшихъ коронацію, побудилъ Монарха снова посѣтить минеральныя воды, близъ Москвы, при желѣзныхъ заводахъ Миллера. Но уединеніе и спокойствіе, столь необходимыя для больнаго, мучили его неутомимую, могучую душу. Она рвалась къ трудамъ и скоро принудила забыть потребности тѣла. Чрезъ нѣсколько дней, почувствовавъ малое облегченіе, Петръ возвратился въ Москву, по видимому, веселѣе и довольнѣе прежняго.

Всѣ дни его послѣдняго пребыванія въ древней столицѣ ознаменованы и государственными заботами, и хозяйственными распоряженія, — дѣлами важными и неважными. Пріисканіе новыхъ водяныхъ сообщеній между Волгою и Ладожскимъ озеромъ, исправленія въ судопроизводствѣ, заботы о раскольникахъ, объ улучшеніи овцеводства въ Малороссіи и шелководства на Кавказѣ, возстановленіе порядка въ областяхъ присоединенныхъ отъ Персіи, проведеніе пограничной Киргизской линіи, для защиты Екатеринбургскихъ заводовъ, разныя хозяйственныя постройки, и проч. попеременно занимали Монарха и послужили источникомъ множества его собственноручныхъ указовъ и предписаній. Наконецъ, преподавъ подробныя наставленія Московскому оберъ-коменданту Измайлову касательно построекъ, производившихся при арсеналѣ и Головинскомъ дворцѣ и отпустивъ Матюшкина и Соймонова съ дальнѣйшими повелѣніями въ Персію, Монархъ со всѣмъ своимъ дворомъ выѣхалъ, 16 Іюня, въ Петербургъ, не думая, вѣроятно, что покидаетъ Москву на всегда.....

Тѣ же заботы о государствѣ заняли Монарха и въ Петербургѣ. Положивъ содержать и въ мирное время всегда въ готовности многочисленную армію и притомъ средствами наименѣе отяготительными для государства, Петръ повелѣлъ, по окончаніи Шведской войны развесть всѣ войска, кромѣ гвардіи, на квартиры по губерніямъ и вмѣнилъ ихъ продовольствіе въ число подушныхъ повинностей народа. Теперь онъ занялся

окончательными распоряженіями по этому важному предмету и издалъ многія мудрыя постановленія. Желая предохранить жителей отъ обидъ и притѣсненій войска и устранить злоупотребленія, могущія возникнуть, какъ со стороны земскихъ коммиссаровъ при сборѣ подушныхъ денегъ на содержаніе полковъ, такъ и со стороны полковыхъ начальниковъ при израсходованіи этихъ суммъ, онъ объяснилъ и обнародовалъ во всеобщее свѣдѣніе всѣ прежніе указы о подушномъ сборѣ; предписалъ подробными инструкціями кругъ хозяйственныхъ обязанностей полковниковъ и земскихъ комиссаровъ; опредѣлилъ съ возможною точностію взаимныя отношенія квартирующихъ въ губерніяхъ войскъ и ихъ начальниковъ къ обывателямъ и гражданскимъ правителямъ, и наконецъ издалъ постоянную табель всѣмъ суммамъ, выдаваемымъ на каждый полкъ, какъ на жалованье, такъ и на всѣ прочіе расходы.

Окончивъ эти важныя хозяйственныя распоряженія и отпраздновавъ воспоминаніе Полтавской побѣды и свое 53 тезоименитство, Петръ отправился обозрѣвать работы, производившіяся въ окрестностяхъ новой столицы: посѣтилъ Кронштадтъ и Петергофъ, присутствовалъ при освященіи церкви въ Царскомъ селѣ, осмотрѣлъ оружейный заводъ въ Сестрорѣцкѣ, и наконецъ поѣхалъ на Ладожскій каналъ, котораго сооруженіе составляло въ это время предметъ особенной его заботливости. Минихъ ожидалъ его на берегу Волхова, въ Новой Ладогѣ, для присутствія при спускѣ воды въ часть построеннаго имъ канала. Монархъ, взявъ лопатку и пробивъ плотину, сѣлъ въ ботъ, спустился въ каналъ вмѣстѣ съ Минихомъ и однимъ унтеръ-офицеромъ, и, въ знакъ непритворной радости, бросилъ вверхъ шляпу, воскликнувъ *ура*. Чрезвычайно довольный искуствомъ строителя, Государь возвратился въ столицу. «Работа Миниха,» сказалъ онъ своей супругѣ, «сдѣлала меня здоровымъ. Я надѣюсь со временемъ вмѣстѣ съ нимъ поѣхать водою изъ Петербурга и стать въ Москвѣ,

«нарядѣ. Наши взоры тотчасъ обратились на старшую Прин-«цессу брюнетку, прелестную, какъ ангелъ. Она очень похо-«дитъ на Царя. По лѣвую руку отъ Царицы стояла вторая «Принцесса, у которой волосы русыя и цвѣтъ лица чрезвы-«чайно нѣжный; по наружности это сама грація, также какъ «и старшая. Веселостью и живостью характера она далеко «превосходитъ старшую сестру, а по росту гораздо меньше «ея, но полнѣе. Обѣ были одѣты одинаково, только у млад-«шей платье было еще съ крылышками, которыя у старшей «уже съ нѣкотораго времени обрѣзаны. Платья были безъ «золота и серебра, просто изъ двухцвѣтной красивой мате-«ріи; головы убраны по новѣйшей Французской модѣ и укра-«шены драгоцѣнными брильянтами и жемчугомъ. Еще видѣли «мы у Царицы маленькаго Великаго Князя съ его сестрою «(внучатъ Петра отъ Царевича Алексѣя), и надобно приз-«наться, что оба казались, какъ будто вылитыми изъ воску, «и были прекрасны какъ херувимы. Принцъ, говорятъ, еще «только по шестому году, а ростомъ высокъ не по лѣтамъ; «Принцессѣ наступилъ осьмой годъ. Оба имѣютъ свой осо-«бенный столъ, также какъ и обѣ старшія Принцессы. Кромѣ «ихъ, у Царицы есть еще одна маленькая Принцесса, также «невыразимо прелестный ребенокъ, не старше 4 лѣтъ, кото-«рую носятъ еще на рукахъ. Я видѣлъ также и престарѣ-«лую вдовствующую Царицу (супругу покойнаго Царя Іоанна), «съ ея дочерью, Принцессою Парасковьей. Она была въ чер-«ной одеждѣ и въ большой мѣховой шапкѣ, какія обыкно-«венно носятъ старыя Русскія барыни.»

Петръ, какъ отецъ, могъ быть доволенъ и счастливъ своими дѣтьми; но могъ ли онъ, какъ Государь, не скорбѣть душею при мысли, что единственную опору его престола составляетъ слабый отрокъ, сынъ несчастнаго Алексѣя? Могъ ли онъ, какъ преобразователь и творецъ Россіи, не трепетать за будущую судьбу своего созданія, которое, при малолѣтнемъ преемникѣ, могло остаться на произволъ судьбы и случая? Его

опасенія, что злоба и невѣжество, по его смерти, снова восторжествуютъ и угасятъ свѣтильникъ просвѣщенія, возженный его рукою, — что прежняя тьма, можетъ быть, снова обыметъ горизонтъ Россіи, — казалось, не были напрасны, судя по времени и обстоятельствамъ, при которыхъ онъ оканчивалъ свое поприще. Поборники старины, сраженные твердою волею преобразователя хотя умолкли и уступили поле битвы побѣдителю, но таили еще сильную непріязнь къ нововведеніямъ. Недавній примѣръ несчастнаго Царевича Алексѣя обнаружилъ, что ихъ силы еще велики, и гораздо больше, нежели можно было предполагать. Любовь къ старинѣ была крѣпка въ душѣ народа и даже высшія сословія не сдружились еще съ преобразованіями. Не смотря на неоднократные, строгіе указы самодержца, дворяне упорно скрывались по деревнямъ отъ новой службы; а тѣ изъ нихъ, которые насильно были исторгнуты изъ ихъ невѣжества, жалѣли о спокойной жизни предковъ и не понимали еще своихъ и своего отечества выгодъ. Даже при дворѣ были еще многіе, которые, любя отечество и служа ему со всею ревностію, не любили иноземнаго и крѣпко держались старинныхъ обычаевъ въ своей домашней жизни. Во всѣхъ классахъ народа скрывалось еще множество недовольныхъ, которыхъ только твердая воля Самодержца удерживала въ покоѣ. Опаснѣйшими изъ нихъ были раскольники, ослѣпленные враги Церкви и Престола. При малѣйшемъ поводѣ они могли явиться первыми нарушителями порядка...... Бѣдствія, потрясавшія Россію во время малолѣтства Петра, казалось, угрожали ей и по его смерти, при малолѣтнемъ преемникѣ. Правда, Петръ оставлялъ послѣ себѣ многихъ достойныхъ сподвижниковъ, которые, образовавшись подъ его руководствомъ, понимали его великіе планы и, при немъ, ревностно содѣйствовали ихъ выполненію. Но они были люди различныхъ характеровъ, съ различными страстями и наклонностями. Будучи полезными орудіями въ рукахъ преобразователя, могли ли они сами, безъ него, сохранить созданное имъ и довершить его великое дѣло? — Нѣтъ! Для этого имъ недоставало ни единодушія, ни пламенной, безкорыстной любви Петра къ отечеству, ни

его твердой, самодержавной воли. Уже при жизни Петра, ихъ раздѣляла вражда и зависть: чего жь надлежало ожидать по его смерти, если бразды правленія перейдутъ изъ мощныхъ рукъ Самодержца въ руки слабаго отрока и содѣлаются предметомъ спора между честолюбцами? — Эти же самые сподвижники, руководимые своими личными видами и взаимною враждою, можетъ быть, содѣлались бы виновниками разрушенія того величественнаго зданія, надъ сооруженіемъ котораго они съ такою славою трудились подъ руководствомъ великаго Зодчаго. Какимъ священнымъ ужасомъ долженствовало быть объято сердце Петра при этой мысли? Стремясь въ продолженіе всей своей жизни къ одной великой цѣли, онъ ниспровергъ всѣ преграды и увлекъ все за собою: силою исторгъ свой народъ изъ лѣности и нерадѣнія; попралъ всѣ его предразсудки, и вѣковые обычаи, пролилъ кровь тысячъ строптивыхъ; пожертвовалъ сестрою, супругою, сыномъ; неоднократно подвергалъ опасности свою собственную жизнь; презрѣлъ и ропотъ, и жалобы недовольныхъ; не страшился ни мнѣнія современниковъ, ни суда потомства, — все принесъ на жертву своимъ великимъ предначертаніямъ. И ужели все это было напрасно? Ужели цѣль, къ которой онъ стремился, была несбыточною мечтою и всѣ его труды и усилія преждевременною попыткою, долженствовавшею рушиться вмѣстѣ съ его жизнію?..... Но то, что онъ создалъ было такъ возвышенно — прекрасно, такъ полезно и благотворно для Россіи!.... Нѣтъ! это было твореніе Божества и не могло остаться неконченнымъ, не должно было рушиться преждевремянно. Какихъ бы жертвъ оно еще ни стоило, Петръ рѣшился упрочить его будущность.

Что могло быть лестнѣе для преобразователя, какъ не передать наслѣдіе предковъ, возвеличенное и прославленное, своему потомству и видѣть свой родъ утвержденнымъ на Русскомъ престолѣ? Но шестилѣтній внукъ, единственная мужеская отрасль его дома, не могъ ни сохранить, ни довершить его великаго труда, а потому не могъ быть и наслѣдникомъ. Предпочитая всегда благо общее частному, Петръ не поколебался въ рѣшимости пожертвовать счастіемъ семейства счастію

подданныхъ и, отмѣнивъ прежній, утвержденный вѣками, порядокъ престолонаслѣдія, открыть путь къ престолу тому, кого онъ самъ найдетъ достойнымъ: — новое доказательство его безпредѣльной любви къ отечеству. 5 Февраля 1722 года онъ издалъ достопамятный манифестъ, предоставлявшій волѣ царствующаго Государя назначеніе наслѣдника. «Понеже всѣмъ «вѣдомо есть» (сказано въ этомъ Манифестѣ) «какою Авесса-«ломскою злобою надмѣнъ былъ сынъ нашъ Алексѣй, и что «не раскаяніемъ его оное намѣреніе, но милостію Божіею ко «всему нашему отечеству пресѣклось (что довольно изъ Мани-«феста о томъ дѣлѣ видимо есть), а сіе ни длячего инаго «у него взрасло, токмо отъ обычая стараго, что большому «сыну наслѣдство давали, къ тому жъ одинъ онъ тогда му-«жескаго полу нашей фамиліи былъ, и для того ни на какое «отеческое наказаніе смотрѣть не хотѣлъ. Сей недобрый обы-«чай не знаю для чего такъ былъ затвержденъ; ибо не точію «въ людѣхъ, по разсужденію умныхъ родителей, бывали «отмѣны, но и въ святомъ писаніи видимъ,....» Слѣдуютъ примѣръ жены Исаака, исходатайствовавшей наслѣдство меньшому сыну, и изъ Русской исторіи примѣръ Іоанна III дважды отмѣнявшаго наслѣдника, не обращая вниманія на право первородства. Далѣе, ссылаясь на свой законъ 1714 года, о частномъ наслѣдствѣ, имѣвшій цѣлію предохранить недвижимыя имущества отъ упадка и раззоренія и для того предоставлявшій въ волю родителей назначать наслѣдникомъ одного изъ своихъ сыновей, по усмотрѣнію, Императоръ продолжаетъ: «кольми же паче должны мы имѣть попеченіе о цѣлости «всего нашего Государства, которое съ помощію Божіею нынѣ «паче распространено, какъ всѣмъ видимо есть! Чего для «за благо разсудили мы сей уставъ учинить, дабы сіе было «всегда въ волѣ Правительствующаго Государя, кому оной «хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство, и опредѣленному, «видя какое непотребство, паки отмѣнитъ, дабы дѣти и потомки «не впали въ такую злость, какъ выше писано, имѣя сію «узду на себѣ;» и проч.

Въ слѣдствіе этого устава духовенство, сенатъ, министры, генералы, всѣ чины и сословія государства дали присягу въ

томъ, что они будутъ всегда признавать наслѣдникомъ престола того, который будетъ назначенъ по волѣ царствующаго Государя. Отмѣнивъ древній порядокъ престолонаслѣдія и понимая важность подобной перемѣны, Императоръ считалъ необходимымъ еще яснѣе и подробнѣе доказать справедливость и законность своего поступка, и для того, по его повелѣнію, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ была составлена въ послѣдствіи особая книжка, подъ заглавіемъ: *Правда воли Монаршей во опредѣленіи Наслѣдника Державы своей,* — въ которой приведены примѣры изъ Св. писанія и гражданской исторіи, что право первородства и прежде не всегда было соблюдаемо.

Очевидно, что Императоръ рѣшился устранить отъ престола своего малолѣтняго внука. Но кого же хотѣлъ онъ назначить своимъ преемникомъ? Супругу ли свою, или старшую дочь, или кого-нибудь изъ своихъ сподвижниковъ, изъ которыхъ иные, какъ утверждаютъ, имѣли столько суетности, что уже мечтали о Императорской коронѣ? Онъ не объявилъ положительно своей воли и, казалось, самъ затруднялся въ выборѣ, не находя достойнаго. Современники терялись въ догадкахъ. Наконецъ, изъ манифеста, даннаго 15 Ноября 1723 года, о коронованіи Императрицы, многіе думали угадать намѣреніе Императора, упрочить престолъ своей супругѣ. И дѣйствительно Петръ не могъ бы сдѣлать лучшаго выбора. Екатерина понимала его великіе планы и предначертанія, была вѣрною помощницею преобразователя, была, такъ сказать, необходимымъ его дополненіемъ, умѣряя своею кротостію вспыльчивость его характера. Она смотрѣла на его дѣла, какъ на святыню, и лучше всѣхъ могла, если не продолжать подвигъ творчества, по крайнѣй мѣрѣ блюсти и хранить уже созданное. Однакожь Петръ въ своемъ манифестѣ объявилъ только, что онъ намѣренъ короновать свою супругу, по обычаю другихъ Христіанскихъ Государей, особенно Греческихъ Императоровъ: Василиска, Юстиніана, Ираклія, Льва и прочихъ, и въ награду за услуги, оказанныя ею Государю и государству во многихъ случаяхъ, особенно же на рѣкѣ Прутѣ. Слѣдовательно, коронація долженствовала быть только обыкновеннымъ обрядомъ, безъ всякаго отношенія къ престолонаслѣдію.

Желалъ ли Петръ исподоволь ознакомить подданныхъ съ мыслію о самодержавіи Екатерины, или въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ только наградить её за ея доблести? Какъ бы то ни было, только онъ проложилъ ей путь къ престолу, ея коронаціею.

Торжество коронаціи предположено было совершить въ Москвѣ, еще того же года; но намѣреніе было внезапно отложено, — вѣроятно, по причинѣ усиливщейся болѣзни Государя. Петръ, не смотря на крѣпкое и здоровое тѣлосложеніе, которымъ природа его одарила, часто подвергался болѣзненнымъ припадкамъ, особенно въ послѣднее время. Вѣчная неутомимая дѣятельность его души, не дававшая тѣлу ни минуты покоя, была главною причиною его болѣзней; она производила разстройство нервъ и частые лихорадочные припадки, усиливавшіяся еще отъ природной вспыльчивости характера. Къ этимъ припадкамъ, послѣ Персидскаго похода, присоединился еще новый недугъ — странгурія, или каменная болѣзнь. Въ началѣ незамѣченная Петромъ, или оставленная безъ вниманія, она постепенно усиливалась и въ концѣ этого 1723 года подвергла его жестокимъ страданіямъ. Но сила мощной души преодолѣвала тѣлесную немощь. Петръ скрывалъ и преодолѣвалъ свою болѣзнь, не измѣнялъ ни обыкновеннаго образа жизни, ни дѣятельности и даже не считалъ нужнымъ объяснить медикамъ истинную причину болѣзни. Наконецъ, дождавшись весны 1724 года, онъ отправился, въ концѣ Февраля мѣсяца, къ Олонецкимъ минеральнымъ водамъ, которыхъ пользу уже прежде неразъ испыталъ на себѣ.

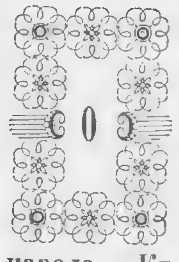
По прибытіи въ Олонецъ, не смотря на свою болѣзнь, великій хозяинъ, по обыкновенію, осмотрѣлъ верфь, заводы, кузницу, и между тѣмъ, не щадя себя, заботился какъ другъ, о своемъ больномъ сподвижникѣ, адмиралѣ Апраксинѣ.

«Я слышалъ (писалъ къ нему Монархъ), что ты хочешь «ѣхать на второй недѣлѣ къ Москвѣ; конѣчно неѣзди, под«линно погубишь себя, понеже мокрота разжидилася чрезъ «лѣкарства, и когда на вѣтрѣ будешь, то вдругъ такъ засту-

«дишься, и будетъ горше перваго, конечно, отъ чего самая «смерть послѣдовать можетъ; конечно, дай покой, и когда «докторъ совершенное безопаство увидитъ, тогда поѣзжай (*).»

Съ 1 Марта, Государь началъ пользоваться водами, что продолжалось въ течении 15 дней. Принужденный, вѣроятно, по настоянію медиковъ, оставить всѣ важныя государственныя заботы, онъ занимался преимущественно распоряженіями о предстоявшей коронаціи своей супруги, остальное же время досуга посвящалъ точенію костянаго паникадила, которое, по окончаніи употребленія водъ, повелѣлъ повѣсить въ тамошней церкви Св. Апостолъ Петра и Павла, приложивъ слѣдующую собственноручную записку: *сіе приносится въ знакъ благодаренія Господу Богу за цѣлебныя воды; сдѣлано при оныхъ Марта 14 дня 1724 года.* Многіе токарные труды Петра, сохранившіеся для потомства, доказываютъ его совершенство въ этомъ искуствѣ. Самое же мастерское его произведеніе въ этомъ родѣ есть большое паникадило изъ слоновой кости, о 27 разной величины подсвѣчникахъ, оконченное имъ въ 1723 году и хранящееся въ его кабинетѣ, при кунсткамерѣ Императорской Академіи Наукъ.

Отъ минеральныхъ водъ Императоръ со всѣмъ своимъ дворомъ отправился въ Москву, гдѣ собрались уже, для предстоявшаго торжества коронаціи, иностранные министры, сенатъ, синодъ, всѣ знатнѣйшіе чины государства, начальники губерній, архіереи и провинціальные депутаты отъ всѣхъ сословій народа. Къ этому торжеству, необыкновенному въ Россіи, гдѣ ни одна Государыня еще не была коронована, сдѣланы были великолѣпнѣйшія приготовленія. Для Императрицы учреждена

(*) Собр. писемъ Петра В. къ Апраксинымъ. II. 153.

почетная конная стража, подъ названіемъ кавалергардовъ, изъ 68 самыхъ видныхъ и великорослыхъ людей во всей Русской арміи. Ихъ зеленые мундиры, красные камзолы и исподнее платье, все изъ тонкаго сукна, съ золотыми галунами, съ Императорскими гербами, вышитыми на груди и плечахъ, — ихъ шляпы съ перьями и широкими золотыми позументами, — ихъ оружіе—карабины, палаши, пистолеты, — сбруя рослыхъ вороныхъ коней — все было обложено шелкомъ и бархатомъ, все блистало серебромъ и золотомъ.

Капитаномъ этой роты былъ генералъ-поручикъ Ягужинскій, поручикомъ генералъ-маіоръ Дмитріевъ—Мамоновъ, подпоручикомъ бригадиръ Леонтьевъ, прапорщикомъ полковникъ Князь Мещерскій.

Красное крыльцо Кремлевскихъ палатъ, откуда долженствовало начаться торжественное шествіе, и широкій помостъ съ перилами отъ крыльца до Успѣнскаго собора и оттуда до собора Архангела Михаила, были устланы краснымъ сукномъ. Среди великолѣпно убраннаго Успѣнскаго храма, на возвышеніи о 12 ступеняхъ, окруженномъ богатыми перилами и обитомъ алымъ бархатомъ съ золотыми галунами, стояли два трона, ослѣплявшіе зрѣніе блескомъ драгоцѣнныхъ камней, и столъ для Императорскихъ регалій, покрытый золотою парчею. Надъ этимъ возвышеніемъ, на золотыхъ шнурахъ съ кистями изъ массивнаго золота, простирался великолѣпный бархатный балдахинъ, украшенный государственнымъ и знатнѣйшихъ губерній гербами, шитыми золотомъ. Персидскіе золотые ковры покрывали полъ отъ ступеней трона до алтаря; на этомъ же пространствѣ, по обѣимъ сторонамъ стояли богато убранныя скамьи для духовенства. Близъ крылоса были устроены великолѣпныя царскія мѣста для Императора и Императрицы на время святой литургіи; за ними, поодаль — мѣста для прочихъ членовъ Императорской фамиліи и Герцога Голштинскаго. У западныхъ церковныхъ дверей и по обѣимъ боковымъ стѣнамъ церкви возвышались двѣ галлереи, въ видѣ амфитеатра, для иностранныхъ министровъ и всѣхъ знатнѣйшихъ особъ обоего

въ Головинскомъ саду при Яузѣ.» На другой день, прибывъ въ сенатъ, Государь съ такою же похвалою отозвался о

строителѣ канала. «Въ Минихѣ нашелъ я такого человѣка, который скоро приведетъ къ окончанію Ладожскій каналъ. Я еще не имѣлъ ни одного чужестранца въ своей службѣ, который бы, такъ какъ сей, умѣлъ предпринимать и совершать великія дѣла. Помогайте ему во всемъ, чего онъ пожелаетъ (*).»

Весь Іюль и Августъ мѣсяцы протекли для Государя въ безпрерывныхъ разъѣздахъ и хозяйственыхъ распоряженіяхъ. Страдая отъ опасной болѣзни, онъ распоряжалъ постройками, присутствовалъ въ сенатѣ и коллегіяхъ, издавалъ указы, почти каждый день розсылалъ повсюду свои письма и повелѣнія; между тѣмъ, спустилъ со стапеля еще три новыхъ корабля и собиралъ матеріалы для журнала своихъ походовъ. Среди такой дѣятельности, которая ни мало не давала еще предчув-

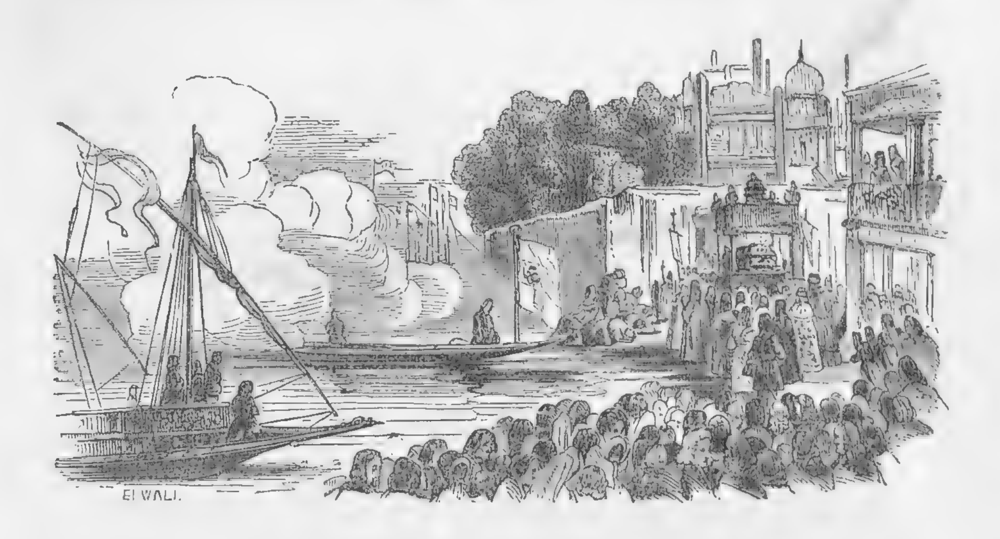
(*) Любопытныя и достопамятныя сказанія Штелина. стр. 373, 374.

ствовать приближающихся дней скорби, настало 30 число Августа, — день осчастливившій Россію, послѣ долгихъ военныхъ бурь, незабвеннымъ Ништадтскимъ миромъ и содѣлавшійся теперь вдвойнѣ священнымъ для Петербурга, по новому торжественному событію.

ще въ 1710 году, по возращеніи наслѣдія предковъ — Ингріи и Кареліи и по окончательномъ покореніи Лифляндіи, Монархъ вознамѣрился, въ память этихъ завоеваній, основать монастырь на берегахъ Невы и самъ избралъ для того мѣсто. Въ томъ же году, Ѳеодосій, первый архимандритъ будущей обители, въ присутствіи Государя, его министровъ и генераловъ, водрузилъ святой крестъ на лѣвомъ берегу Невы, при впаденіи рѣчки Черной, гдѣ — по преданію — за 470 лѣтъ предъ тѣмъ Князь Александръ Ярославичь, защитникъ отечества при жизни и угодникъ Божій по смерти, одержалъ знаменитую побѣду надъ Шведами, и гдѣ, нѣсколько лѣтъ спустя, волею Петра, во имя святаго героя возникла Александро-Невская лавра. Теперь, какъ бы предчувствуя свою приближающуюся кончину и желая передать свой любимый Невскій городъ подъ святое охраненіе небеснаго поборника и покровителя, Монархъ повелѣлъ перевесть почивавшіе во Владимірѣ Св. мощи своего предка, Александра Невскаго, для препокоенія въ новой обители. Въ торжественный день третьей годовщины Ништадтскаго мира, драгоцѣнная рака святаго, везомая отъ Шлиссельбурга на галерѣ, была встрѣчена за семь верстъ отъ монастыря самимъ Императоромъ и знатнѣйшими чинами государства. Благочестивый Монархъ своими руками, при помощи генераловъ, благоговѣйно перенесъ святыню на свою богато-убранную галеру и принялъ на себя управленіе рулемъ. «Чудное видѣніе!» — восклицаетъ Ломоносовъ: «гребутъ кава-

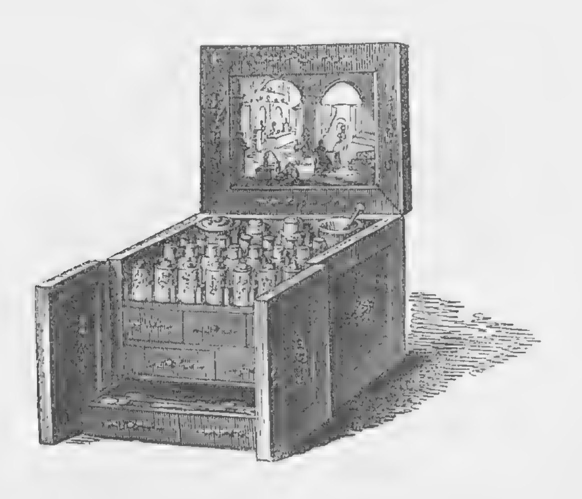
леры, самъ Монархъ на кормѣ управляетъ.» Въ предшествіи знаменитаго ботика, прародителя Русскаго флота, при громѣ пушекъ и колокольномъ звонѣ, галера остановилась у пристани.

Императоръ и знатнѣйшія особы подняли святую раку и понесли къ монастырю, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, сквозь ряды безчисленнаго народа, набожно преклонившаго колѣна и проливавшаго слезы умиленія. Духовенство, въ полномъ облаченіи, встрѣтило св. мощи на мосту чрезъ Черную рѣчку, откуда Императоръ, какъ новый Давидъ, пошелъ передъ святынею съ хоромъ пѣвчихъ. Императрица съ Цесаревнами и Герцогинями Мекленбургскою и Курляндскою присоединилась у архіерейскаго дома къ священной процессіи и послѣдовала за нею въ церковь. Тамъ въ придѣлѣ, того же утра освященномъ (главная церковь не была еще готова), новая серебряная рака приняла святые останки героя и угодника Божія. Празднество продолжалось три дня. Но вскорѣ опасенія о предстоявшей скорби изгнали веселіе.

Императоръ, уже нѣсколько мѣсяцевъ превозмогавшій свои страданія, принужденъ былъ наконецъ открыться своему лейбъ-медику, Блюментросту. Врачь ужаснулся опасности, угрожавшей жизни Государя, и не рѣшился одинъ его пользовать.

Призванъ былъ изъ Москвы докторъ Бидлоо, явился и Англійскій операторъ Горнъ: Монархъ долженъ былъ подвергнуться мучительной операціи. Двѣ недѣли Блюментростъ и его помощники оставались между страхомъ и надеждою, не покидая ни днемъ, ни ночью одра больнаго. Наконецъ природа и искуство осилили болѣзнь. Государь могъ уже оставлять свою постель и прогуливаться по комнатѣ; его тѣлесныя силы постепенно возвращались, — надежда на совершенное исцѣленіе казалась несомнѣнною. Но тутъ пробудились вѣчныя заботы Царственнаго труженика, бездѣйствіе начало мучить его душу, комната показалась темницею. Въ началѣ Октября, Монархъ, почитая себя уже внѣ всякой опасности, повелѣлъ приготовить яхту передъ дворцемъ и далъ знать Блюментросту, чтобъ онъ собрался съ нимъ въ недальную поѣздку. Испуганный докторъ спѣшитъ къ нему, проситъ, умоляетъ оставить опасное намѣреніе, но тщетно. Онъ долженъ отправиться вмѣстѣ

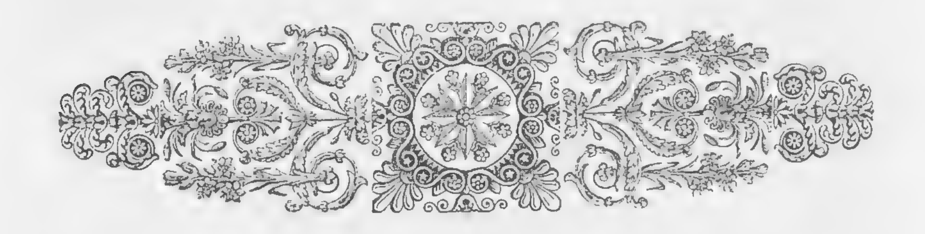
съ Монархомъ, взявъ съ собою его *походную аптеку* и лекаря Паульсона.

Эта недальняя поѣздка продолжалась почти цѣлый мѣсяцъ. Проѣхавъ отъ Шлиссельбурга до устья Волхова, Государь обозрѣлъ всѣ работы Миниха на Ладожскомъ каналѣ и, посѣ-

тивъ Олонецкіе заводы, выковалъ своею, все еще мощною, рукою полосу желѣза въ 3 пуда, (которая хранится въ кунсткамерѣ); потомъ отправился въ Старую Ладогу, Новгородъ и чрезъ Ильмень въ Старую Русу, для обозрѣнія тамошнихъ соловарень; наконецъ вечеромъ 27 Октября возвратился въ столицу безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій, которыхъ страшились медики, и даже здоровье прежняго. Это ободрило его на новую поѣздку. Намѣреваясь осмотрѣть Сестрорѣцкій заводъ, Государь, 29 числа, выѣхалъ на заливъ въ небольшомъ суднѣ. Мрачный осенній день клонился уже къ вечеру, вѣтеръ дулъ холодный, рѣзкій, порывистый, — море сильно бушевало: принуждены были пристать къ берегу у Лахты. И надобно же было случиться — къ несчастію Россіи! — что въ это самое время недалеко отъ Лахты большой ботъ съ солдатами и матросами, шедшій изъ Кронштадта, былъ брошенъ на мель. Государь тотчасъ отправилъ на помощь свою шлюпку и, стоя на берегу, заботился объ участи погибающихъ: кричалъ, распоряжался, досадовалъ на нерасторопность посланныхъ; напослѣдокъ, сѣлъ въ лодку и самъ поплылъ на помощь. Лодка стала въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ затопленнаго бота. Забывъ и себя, и все прочее, видя только гибель ближняго, Монархъ бросился въ воду, стоялъ въ ней

по поясъ, помогая спасать утопающихъ, и къ своей величайшей радости, успѣлъ исхитить всѣхъ отъ смерти. Но этотъ великодушный подвигъ сталъ источникомъ скорби для Россіи. Оставшись ночевать въ Лахтѣ, Петръ еще въ ту же ночь почувствовалъ жестокую лихорадку и принужденъ былъ отложить дальнѣйшую поѣздку въ Сестрорѣцкъ. Хотя его крѣпкое отъ природы сложеніе еще разъ восторжествовало надъ болѣзнію и онъ — какъ утверждаютъ — совершенно здоровый возвратился (2 Ноября) въ столицу, но сильная простуда возобновила его прежнюю болѣзнь, которая стала тѣмъ опаснѣе, что больной, не измѣнявшій ни образа жизни, ни дѣятельности, мало обращалъ на нее вниманія. Къ этому присоединились еще душевныя огорченія, испытанныя Монархомъ въ это же время.

трогій блюститель законовъ, Петръ всегда исполнялся чувствомъ священнаго негодованія при видѣ лихоимства и неправосудія своихъ чиновниковъ и скорбѣлъ душею, встрѣчая этотъ низкій порокъ, къ сожалѣнію, нерѣдко въ самыхъ довѣренныхъ особахъ. Противъ такихъ преступниковъ его законы были особенно строги и многіе изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ испытали на себѣ его неумолимое правосудіе. Оно постигло сильнаго богатствомъ и связями Князя Гагарина, погибшаго на висѣлицѣ (въ Іюлѣ 1721), и

едва не подвергло подобной же участи и Барона Шафирова, знаменитаго услугами, оказанными отечеству. Постыдная ссора, возгорѣвшаяся между Шафировымъ и Меньшиковымъ, въ самомъ присутствіи Сената, въ 1722 году, во время пребыванія Государя въ Персіи, обнаружила, вмѣстѣ съ противузаконными поступками Меньшикова и другихъ сенаторовъ, преступное любостяженіе Шафирова, утаившаго часть почтовыхъ доходовъ, и виновный приговоренъ былъ къ смертной казни. Его голова уже лежала на плахѣ, но Государь, вспомнивъ его заслуги, перемѣнилъ казнь на вѣчную ссылку въ Сибирь. Въ началѣ этого 1724 года Императоръ показалъ новый грозный примѣръ своего правосудія надъ оберъ-фискаломъ Нестеровымъ. Любимый и награжденный Монархомъ за расторопность и прозорливость, Нестеровъ не устоялъ противъ обольщеній золота и, уличенный въ противузаконномъ стяжаніи 300,000 рублей, умеръ на колесѣ, на страхъ другимъ. Всѣ члены Коллегіи отъ президентовъ до послѣдняго писца должны были, по повелѣнію Государя, быть свидѣтелями его казни. Но всѣ эти грозные примѣры не устрашили однакожь корыстолюбцевъ.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, по возвращеніи Государя, открылось, что любимый камергеръ Императрицы Монсъ де-ла-Кроа и его сестра, вдова генерала Балка, обогащаясь подарками и взятками, торговали милостями кроткой Монархини и ея именемъ преклоняли вѣсы правосудія на сторону виновныхъ. Правосудный Государь сильно былъ огорченъ, видя такую продажность при самомъ дворѣ Императрицы, какъ бы въ своемъ собственномъ семействѣ, и предалъ преступниковъ всей строгости законовъ; даже прогнѣвался на самую Императрицу, неотступно умолявшую о помилованіи своихъ несчастныхъ любимцевъ. Выведенный изъ терпѣнія ея слезами и просьбами, онъ въ гнѣвѣ ударилъ въ большое Венеціанское зеркало и разбилъ его въ дребезги. «Видишь!» произнесъ онъ къ Императрицѣ: «одинъ ударъ моей руки, и это стекло превратилось въ тотъ же прахъ, изъ котораго оно было создано!» — Да Государь! — съ кротостью отвѣтствовала Екате-

рина: — Вы разбили украшеніе вашего дворца, но лучше ли онъ сталъ теперь! — Какъ бы пристыженный разумнымъ отвѣтомъ и кротостью супруги, Петръ обнялъ ее и старался успокоить, но не помиловалъ преступниковъ. Монсъ погибъ на эшафотѣ (16 Ноября), а его сестра сослана въ Сибирь.

Преодолѣвая сильною душею тѣлесную немощь, Государь, въ послѣднія недѣли 1724 года былъ тотъ же, какъ и всегда: Та же неутомимость въ трудахъ, та же отеческая заботливость о государствѣ и подданныхъ, та же веселость духа среди перемежающихся страданій.

24 день Ноября, тезоименитство Екатерины, былъ вдвойнѣ радостнымъ семейнымъ праздникомъ въ домѣ Императора: въ этотъ день Петръ обручилъ свою старшую дочь, Цесаревну Анну съ Герцогомъ Голштинскимъ. При обрученіи присутствовали всѣ иностранные министры и знатнѣйшія особы обоего пола; священный обрядъ совершалъ архіепископъ Новогородскій. Невѣста, принявъ поздравленія гостей, должна была, по желанію Монарха, отблагодарить каждаго кубкомъ вина изъ своихъ рукъ, какъ водилось въ старину. Между тѣмъ, передъ

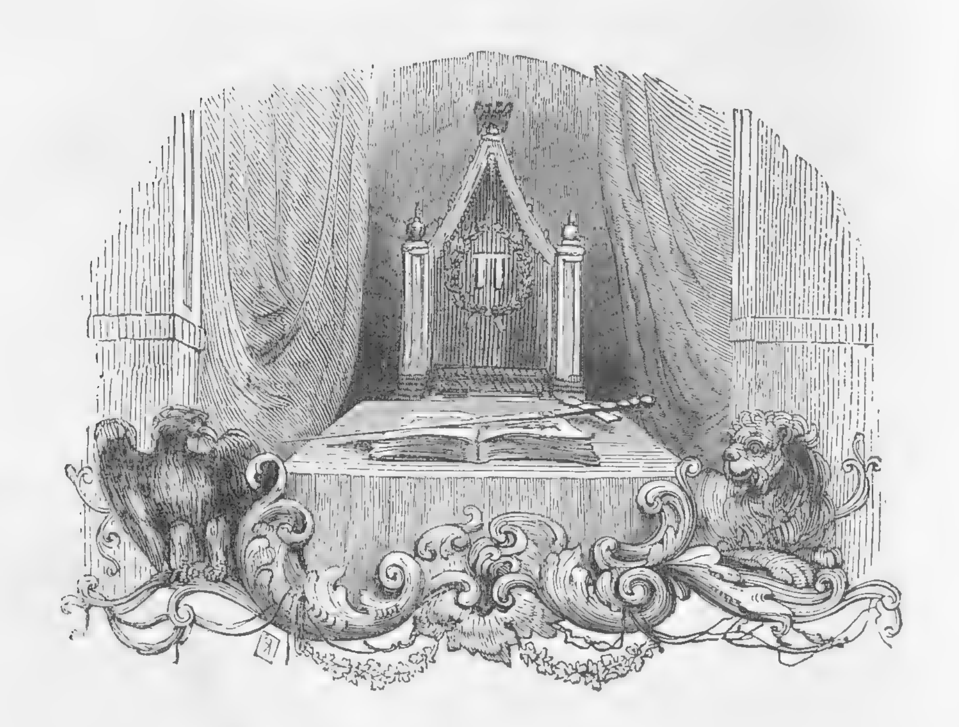

дворцемъ зажженъ былъ великолѣпный фейерверкъ. Праздникъ кончился въ этотъ день баломъ и ужиннымъ столомъ. Но еще 14 дней сряду продолжались увеселенія, которыхъ поводомъ было это радостное для Государя и благодатное для Россіи событіе. Шумные пиры, балы, фейерверки не могли однакожь заглушить темнаго предчувствія о близости дней скорби. Душевная дѣятельность Монарха не ослабѣвала: по прежнему видали его въ сенатѣ и коллегіяхъ; по прежнему каждый день былъ ознаменованъ его мудрыми указами и отеческою заботливостью о подданныхъ; его орлиный взоръ

по прежнему обнималъ всю многообразную жизнь народа, и въ дѣлахъ государственныхъ не замѣтно было ни малѣйшей остановки. Но неутомимой душѣ измѣняли тѣлесныя силы. Тяжкій недугъ Государя усиливался, нерѣдко прерывалъ его царственныя заботы и отрывалъ его отъ веселыхъ собраній. Часто его свѣтлое чѣло помрачалось неизъяснимой тоскою, тайная скорбь и безпокойство выражались во взорахъ; — его великая жизнь увядала.

Такъ миновалъ 1724 годъ!....

Здѣсь мы невольно останавливаемся — на рубежѣ, между жизнію и вѣчностью избранника Божія. Невольно кладемъ перо, долженствующее начертать роковое слово ....
....
....

ГЛАВА XXXIII.

КОНЧИНА ПЕТРА.

Роковой для Россіи, первый мѣсяцъ 1725 года начался забавами при дворѣ Великаго.

Встрѣтивъ новый годъ обычнымъ моленіемъ ко Всевышнему о ниспосланіи благодати его державѣ, въ соборной Троицкой церкви, и угостивъ потомъ своихъ знатнѣйшихъ сановниковъ во дворцѣ обѣденнымъ столомъ, Государь, въ веселомъ расположеніи духа, устроилъ одну изъ тѣхъ придворныхъ шутокъ, которыя, согласуясь съ духомъ того времени, нерѣдко повторялись въ Петербургѣ и были не пустымъ подражаніемъ Европейскимъ обычаямъ, но средствомъ къ достиженію цѣлей, извѣстныхъ преобразователю. Онъ составилъ родъ конклава, для избранія преемника умершему за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ второму князю-папѣ, Петру Ивановичу Бутурлину.

Собранію назначено быть въ домѣ предмѣстника покойнаго, Зотова. На крыльцѣ, съ улицы, было повѣшено по два.

разной величины, колокола свинцевыхъ, деревянныхъ и изъ обожженной глины. Въ залѣ, опредѣленной для избранія папы, обитой соломенными рогожами, поставленъ, на возвышеніи съ шестью ступенями, тронъ, обтянутый краснымъ холстомъ; на тронѣ, подлѣ багроваго цвѣта бочки, сидѣлъ живой Бахусъ, который цѣлую недѣлю не протрезвлялся. По обѣ стороны трона, на возвышеніи, стояло двое креселъ, по правую для предсѣдателя собранія, князя-кесаря, по лѣвую для будущаго папы. Далѣе, у противоположной стѣны, разставлено тринадцать стульевъ съ намалеванными на спинкахъ изображеніями Бахусовъ въ различныхъ положеніяхъ. Въ другой комнатѣ, гдѣ указано быть конклаву, устроено четырнадцать ложъ, отдѣленныхъ одна отъ другой соломенными же рогожами. Въ каждой ложѣ повѣшено, вмѣсто лампъ, по лаптю. Посерединѣ поставленъ только длинный столъ, а на немъ глиняные болваны медвѣдя и обезьяны да небольшой деревянный сосудъ для вина, сдѣланный въ видѣ Бахуса; на полу двѣ бочки, одна съ напитками, другая съ съѣстными припасами для кардиналовъ, на время ихъ заключенія.

Засѣдатели, къ которымъ присоединился самъ Императоръ, собрались 3 Января, въ два часа по полудни, въ домъ Бутурлина, откуда процессія потянулась въ слѣдующемъ порядкѣ:

За маршаломъ въ обыкновенной одеждѣ, съ жезломъ, обвитымъ краснымъ сукномъ, шли двѣнадцать флейщиковъ — каррикатура папскихъ прислужниковъ — въ красныхъ платьяхъ съ желтыми отворотами, имѣя въ рукахъ дудочки и ложки съ побрякушками. За вторымъ маршаломъ шло шестьдесятъ пѣвчихъ, далѣе сто гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ до генералъ-лейтенанта включительно, въ обыкновенныхъ мундирахъ, по-трое въ рядъ. За третьимъ маршаломъ, въ кардинальскомъ облаченіи, съ накинутымъ краснымъ плащемъ на бѣличьемъ мѣху, шли по-двое: князь Рѣпнинъ съ какимъ-то сапожникомъ, генералъ Бутурлинъ съ *адмиралтейскимъ басомъ* (шуточное прозваніе генералъ-маіора Головина), который былъ одѣтъ кардиналомъ, и потомъ Государь, въ красномъ короткомъ кафтанѣ, рядомъ съ княземъ-кесаремъ въ кардинальскомъ одѣяніи. Государя сопровождалъ карло въ черной одеждѣ,

со сверткомъ бумаги въ рукѣ; онъ изображалъ секретаря конклава. Позади ихъ шли четыре записные кардинала въ своихъ епископскихъ рясахъ. За ними шесть заикъ, представлявшіе папскихъ ораторовъ. Каждый изъ нихъ заикался на свой ладъ и былъ совершененъ въ своемъ родѣ. Далѣе въ каррикатурной процессіи слѣдовалъ Бахусъ, несомый на носилкахъ толпою своихъ усерднѣйшихъ почитателей. Багровый лицемъ, сидя верхомъ на бочкѣ и держа въ рукахъ серебряный кувшинъ и чарку, онъ выполнялъ свою роль въ совершенствѣ. Сидѣвшій за нимъ сатиръ держалъ надъ его головой серебряную вызолоченную статуйку Бахуса, а впереди шелъ старикъ съ еловой хворостиной, которой курево замѣняло кадильный дымъ. За этой толпой, другая тянула на устроенной для того машинѣ огромную деревянную чашу — обыкновенный экипажъ князя-папы. Шедшій потомъ ораторъ, въ дымной черной мантіи и въ четырехъ-угольной шапкѣ изъ чернаго бархата съ серебряной бахрамой, несъ предлинную лопату съ намалеванной личиной Бахуса. Наконецъ, семь кардиналовъ въ полномъ убранствѣ, держа передъ собой такія же личины и имѣя въ рукахъ по книгѣ пѣсень, въ честь разгульнаго бога упоенія, заключали шествіе.

По улицамъ, гдѣ проходила процессія, горѣли смоляныя бочки. Императрица издали слѣдовала за нею въ каретѣ.

У дома Зотова процессію встрѣтила толпа гостей страшнымъ гамомъ, колотя деревянными молотками въ пустыя бочки. Кардиналовъ заперли въ конклавѣ, приставивъ къ дверямъ крѣпкую стражу. Императоръ, изрядно повеселившись съ гостями въ другой комнатѣ, весьма поздно оставилъ общество тихомолкомъ, замкнувъ за собою двери и приложивъ къ нимъ печать. На другой день, въ шесть часовъ утра, онъ возвратился и выпустилъ заключенныхъ. Кардиналы перешли въ большую залу, назначенную для избранія, и посѣли на указанныя имъ стулья. Тутъ они должны были выбрать изъ своей среды трехъ кандидатовъ и сильно защищать качества, которыя дѣлали ихъ достойными избранія въ папы. Но между ними завязался жаркій споръ, кого изъ трехъ кандидатовъ предпочесть его товарищамъ, и они напослѣдокъ рѣшили кон-

чить распрю большинствомъ голосовъ. Три раза собирали голоса, и столько же разъ они равно оказывались въ пользу всѣхъ троихъ кандидатовъ. Положили открыть балотировку. Призвали для раздачи шаровъ аббатиссу конклава, Княгиню Голицыну, и жеребій выпалъ провіантскому коммиссару Строгосту. Тогда кардиналы подняли новаго папу и посадили въ его кресла. Нѣкоторые изъ нихъ горько всплакнули съ досады, что не имъ досталась эта честь и блаженство. Мѣсто папы было теплое и пріятное: оно доставляло двѣ тысячи рублей годоваго жалованья, казенную квартиру, для которой отводился цѣлый домъ въ Петербургѣ и другой въ Москвѣ, пива и водки изъ придворнаго погреба столько, сколько душа его и его домашнихъ принять могла, не считая многихъ другихъ удовольствій, какъ напримѣръ того, что всякаго званія особа безъ исключенія повинна была цѣловать у него руку, подъ опасеніемъ значительной денежной пени въ случаѣ упущенія. У новоизбраннаго всѣ присутствующіе лобызали туфлю, а онъ изъ своихъ рукъ подчивалъ ихъ водкой, которую цѣдилъ изъ помѣщенной на тронѣ бочки лежащій при ней Бахусъ. По окончаніи этой церемоніи папу пересадили съ креселъ въ помянутую выше огромную чашу и обнесли въ процессіи по залѣ; наконецъ, опустили, вмѣстѣ съ чашею, въ еще огромнѣйшій чанъ, наполненный пивомъ, которое папа, черпая направо и налѣво, подавалъ подходившимъ. Потомъ собраніе было угощено обѣденнымъ столомъ, за которымъ хозяйничала аббатисса съ помощью трехъ прислужницъ и гдѣ много было выпито за здоровье новаго папы. Въ заключеніе всего лысые старики носили папу по улицамъ, и собраніе разошлось, въ ожиданіи торжественнаго коронованія оффиціальнаго главы пьяницъ, при первомъ веселомъ случаѣ (*).

Государь участвовалъ и въ другихъ, обыкновенныхъ увеселеніяхъ около святокъ. Но онъ позволилъ себѣ эти развлеченія болѣе по просьбѣ своихъ приближенныхъ, желавшихъ разсѣять его задумчивость и неопредѣленное безпокойство, которое имъ овладѣло со времени возобновленія его болѣзни, послѣ великодушной неосторожности на Лахтѣ, и ободрить Цар-

(*) Weber. II. 189 — 193.

скимъ присутствіемъ народъ, котораго слишкомъ стали тревожить слухи о неблагопріятномъ состояніи здоровья Императора. Петръ самъ старался переломить свое разнеможенье: черезъ силу выстоялъ обѣдню въ день новаго года, когда преосвященный Ѳеофанъ говорилъ проповѣдь; въ Крещенье, при жестокой стужѣ и вѣтрѣ, отважился командовать на льду Невы полками, собранными для торжества водосвятія. Однакожь ни развлеченія, ни усилія Петра перемочь себя не послужили ему въ пользу: на большихъ обѣдахъ и ужинахъ онъ не могъ слѣдовать правиламъ необходимой діеты; въ Крещенье его прохватило холоднымъ вѣтромъ и онъ, говорятъ, получилъ было горячку (*).

Вообще около этого времени, при малѣйшемъ облегченіи своего недуга, Петръ забывалъ покой: за столомъ у себя всегда разговаривалъ съ приближенными о дѣлахъ, сообщалъ свои новыя мысли, требовалъ совѣтовъ. Съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ представляемыя въ сенатъ вѣдомости по разнымъ частямъ общественной дѣятельности, особенно же по части народнаго просвѣщенія, искуствъ, ремеслъ, торговли, которая радовала его своими успѣхами, наконецъ, казенныхъ сборовъ. Его свѣтлый умъ, проникая далѣе и далѣе тайны потребностей преобразующейся державы, безпрестанно сыпалъ на нее свои животворные лучи для ея преспѣянія на почвѣ гражданственности. Знакомясь болѣе и болѣе съ тогдашнимъ состояніемъ знаній во всемъ Европейскомъ мірѣ, Петръ готовъ былъ даже содѣйствовать дальнѣйшему ихъ успѣху на благо всего человѣчества. Вотъ главныя занятія Государя около этого времени.

Пользуясь случаемъ сблизить Россію съ Европой, Петръ принялъ участіе въ союзѣ Австрійскаго Императора съ Королемъ Испанскимъ и нѣкоторыми Нѣмецкими князьями. Увѣренный въ превосходствѣ морскаго сообщенія съ чужими краями Европы передъ сухопутнымъ, онъ запретилъ отправлять туда сухимъ путемъ валовые товары, какъ-то юфть, сало, воскъ; — затѣвалъ, повидимому, экспедицію въ Ледо-

(*) Голиковъ и Halem.

витое море для промышленной цѣли, велѣвъ Архангельскому купцу Баженину построить и оснастить три Гренландскихъ корабля и сдѣлать къ нимъ три бота и осьмнадцать шлюпокъ;—отправилъ капитана Беринга для опредѣленія взаимныхъ предѣловъ Сѣверной Азіи и Америки. Петръ самъ написалъ ему руководство, въ которомъ, повелѣвая сдѣлать въ Камчаткѣ или по близости одинъ или два бота съ палубами, предписываетъ идти на сѣверъ, возлѣ восточнаго берега этой страны и далѣе, и искать, гдѣ она сошлась съ Америкой, къ которой, по его предположенію, она примыкаетъ, «понеже оной конца не знаютъ;» велитъ «доѣхать до какого города Европейскихъ владѣній, или, ежели увидятъ какой корабль Европейскій, провѣдать отъ него, какъ оный называютъ, и взять на письмѣ, и самимъ побывать на берегу, и взять подлинную вѣдомость, и поставя на карту, пріѣзжать сюды.» Вручая Берингу инструкцію, Петръ далъ ему на словахъ полнѣйшее наставленіе; притомъ поручилъ это дѣло главному попеченію своего генералъ-адмирала. Далѣе Императоръ велѣлъ испытать представленную ему механикомъ Детлевомъ Клефекеромъ модель машины perpetuum mobile, допуская возможность и предполагая пользу открытія самостоятельной двигающей силы. Ограждая общую выгоду отъ неправыхъ барышей торговцевъ, Петръ опредѣлилъ достоинство и цѣну первыхъ потребностей хозяйства: съѣстныхъ припасовъ, дровъ, скота, сѣна, строеваго лѣса; назначилъ приставовъ для надзора за правильнымъ ходомъ торговли, указалъ для нея мѣста, издалъ постановленія противъ перекупщиковъ. Постоянно озабоченный размѣщеніемъ полковъ по квартирамъ, Петръ еще и въ это время далъ многіе собственноручные указы по этому предмету разнымъ лицамъ: въ однихъ онъ говоритъ о переписи душъ для соразмѣрнаго расположенія полковъ, въ другихъ объ отдачѣ подъ казармы опустѣлыхъ казенныхъ строеній, о постройкѣ новыхъ полковыхъ дворовъ, и проч. Также далъ указъ о наборѣ недостающихъ рекрутъ. По полученіи извѣстія о нападеніи на крѣпость Святаго Креста одного изъ сильнѣйшихъ Дагистанскихъ владѣтелей, который принесъ-было покорность Русскому Монарху, и объ отраженіи непріятеля

генералъ-маіоромъ Кропотовымъ, Петръ снабжаетъ главнокомандующаго въ Персіи, генералъ-лейтенанта Матюшкина, подробною инструкціею на будущее время. Замѣчая лишнюю тягость людямъ отъ содержанія карауловъ, Государь велитъ свесть тѣ, которые учреждены только для лѣтняго времени, на примѣръ у пристаней, гдѣ собираются перевозныя деньги. Даже посреди самыхъ лютыхъ страданій, къ концу мѣсяца, великій хозяинъ Россіи издалъ указъ, имѣющій цѣлью скорѣйшій сбытъ казенныхъ товаровъ, какъ-то икры и клею. Онъ велѣлъ выдавать жалованье всѣмъ чиновникамъ адмиралтейской коллегіи и ея конторъ изъ денегъ, выручаемыхъ отъ продажи этихъ товаровъ. Кораблестроеніе было вѣчною заботою Петра: около этого же времени онъ вновь исправилъ чертежъ карабельныхъ размѣровъ (*).

Почти все это сдѣлано Петромъ въ одну первую половину мѣсяца, когда тѣлесныя мученія еще не могли прерывать теченіе его мыслей. По этому видно, что разнообразная умственная дѣятельность Великаго была тогда на всемъ своемъ могучемъ ходу. И какихъ новыхъ плодовъ нельзя было ожидать отъ ея дальнѣйшаго творческаго движенія? Множество начатыхъ дѣлъ оставалось кончить, направить сильною рукой, уладить тонкою, всевидящей споровкой, укрѣпить величественнымъ, безошибочнымъ взглядомъ ободренія. Вотъ, что̀ еще, сколько мы знаемъ, оставалось въ числѣ заботъ Петра, кромѣ новыхъ, о которыхъ помянуто выше:—устроить южные берега Каспійскаго моря для утвержденія торговли съ Индіей; отправить въ Индію экспедицію для той же цѣли; съѣздить въ художественную Италію и полудикую Сибирь, до самаго Китая; видѣть конецъ Ладожскаго канала; проложить другіе пути сообщенію Каспійскаго моря съ Финскимъ заливомъ и Бѣлымъ моремъ; перерыть каналы Васильевскаго острова; достроить Балтійскій портъ; возвдвигнуть фаросъ въ Кронштадтѣ; руководить трудами академіи наукъ, которая не была еще открыта; завести въ Малороссіи тонкорунныхъ овецъ; видѣть сводъ законовъ; принудить Польшу не гнать иновѣрцевъ; возстановить Герцога Голштинскаго въ его наслѣд-

(*) Голиковъ.

ственныхъ владѣніяхъ; — дать почувствовать Европѣ могущество юной Россіи.

Съ намѣреніемъ медлили мы на описаніи забавъ и увеселеній великаго человѣка, съ намѣреніемъ останавливались, исчисляя неисчислимыя дѣла и заботы его неутомимаго генія. Мы желали, хотя на мигъ еще, отдалить отъ себя скорбную мысль о кончинѣ обожаемаго Монарха, котораго великое поприще обозрѣли съ чувствомъ благоговѣнія; — хотѣли, чтобъ тотъ, котораго привыкли видѣть побѣждающимъ все, побѣдилъ еще и самую смерть. «По человѣческой жизни,» разсуждаетъ Голиковъ: «положенъ предѣлъ, а нашъ Ирой пережилъ уже дѣлами своими всѣхъ смертныхъ. Правосудію Божію приспѣло уже время наградить безпредѣльную любовь его къ отечеству и подданнымъ блаженною вѣчностію.»

Страшное усиленіе болѣзни Государя съ 16 Января пресѣкло орлиный полетъ его ума. Лейбъ-медикъ Блументростъ, не довѣряя своимъ познаніямъ, испросилъ у Императрицы позволеніе не только созвать на консиліумъ всѣхъ докторовъ, находившихся въ Петербургѣ, но и истребовать совѣта о дальнѣйшемъ леченіи Императора у двухъ славнѣйшихъ въ то время врачей въ Европѣ, Берлинскаго доктора Шталя и превосходившаго послѣдняго искусствомъ, Лейденскаго профессора Бургава. Немедленно отправлены къ нашимъ посланникамъ въ Берлинѣ и Гагѣ два курьера съ Блументростовымъ описаніемъ болѣзни Государя, для приглашенія Шталя и Бургава помочь архіатеру своими свѣдѣніями.

Страданія Монарха были ужасны. Великій человѣкъ, отличавшійся необыкновенною твердостью духа и терпѣніемъ, не могъ выдержать тѣлесной боли и поднималъ жалобные вопли. Тогда онъ сказалъ плачущимъ вокругъ него вельможамъ: «изъ меня познайте, какое бѣдное существо человѣкъ.»

Собранные доктора не отчаявались въ излеченіи Государя; но самъ онъ, зная медицину, видѣлъ опасность своего положенія: онъ въ короткое время такъ ослабѣлъ, что не смотря на ежечасно увеличивающуюся боль, уже не вопилъ, а только

кряхтѣлъ въ мучительномъ терзаніи; въ прочее же время безпрестанно стоналъ.

Чая подкрѣпленія себѣ въ молитвѣ, Государь велѣлъ поставить подлѣ своей спальни подвижную церковь и отправить литургію, а 22 Января исповѣдалъ предъ духовникомъ свои прегрѣшенія и пріобщился Святыхъ Таинъ.

Двадцать шестаго числа по дворцу, гдѣ наканунѣ собрались всѣ значительныя лица, имѣющія въ него доступъ, распространилась вѣсть, что Государю становится хуже прежняго. Слухъ объ этомъ тотчасъ разлился по городу. Жалостное состояніе великаго человѣка заставило заныть самыя жесткія сердца. И все, отъ дворца до хижины матроса, откликнулось на стоны Государя. Народъ, отъ мала до велика, хлынулъ на дворцовую площадь, или въ храмы, гдѣ Синодъ приказалъ денно и нощно служить молебны о исцѣленіи Государя. Члены же Синода, вѣроятно, внушили страждущему освободить отъ наказанія преступниковъ, чтобъ они молились о его выздоровленіи (*). Указъ въ этомъ смыслѣ выданъ на счетъ назначенныхъ въ пятилѣтнюю каторгу и тѣхъ приговоренныхъ къ ней на должайшій срокъ, которые пробыли въ работѣ пять лѣтъ, исключая государственныхъ преступниковъ, смертоубійцъ и закоснѣлыхъ разбойниковъ. Тотчасъ же выпущены всѣ прощенные, сидѣвшіе въ Петербургскихъ тюрьмахъ. Государю не было легче. По полудни онъ сильно изнемогъ, и духовные сановники, съ его дозволенія, совершивъ надъ нимъ обычное моленіе, соборовали его святымъ елеемъ. По утру на другой день помилованіе распространено на присужденныхъ къ смертной казни и къ вѣчной каторгѣ, съ оставленіемъ сказаннаго исключенія въ своей силѣ. Прощены также тѣ изъ дворянъ, которыхъ имена, за неявку къ смотру въ указанные сроки, велѣно было прибить къ висѣлицамъ, а имѣніе взять на Государя.

Около двухъ часовъ по полудни, Государь почувствовалъ, что уже настаетъ часъ, въ который онъ долженъ проститься съ своею любимою Россіею и передать другому рычагъ отъ заведенной имъ огромной машины, которой тайну движенія

(*) Бергманъ.

онъ разумѣлъ, казалось, одинъ. Онъ потребовалъ бумаги и перо. Сталъ писать; но дрожащая его рука начертила нѣсколько неявственныхъ знаковъ, въ которыхъ могли разобрать только два слова: *отдайте все...* Перо выпало изъ рукъ, и онъ велѣлъ позвать старшую свою дочь, Цесаревну Анну Петровну. Когда же та пришла и наклонилась къ нему, чтобъ выслушать его волю, языкъ отказался ему служить.

Постарайтесь представить себѣ тоску великаго человѣка при сознаніи своего безсилія выразить мысль, которой объявленіе должно ему служить залогомъ того, что его твореніе не рушится вмѣстѣ съ смертью создателя!

Петръ сохранилъ еще способность соображенія и память. Первое доказывается сдѣланнымъ имъ наканунѣ распоряженіемъ о сбытѣ казенныхъ товаровъ; второе — тѣмъ, что по удаленіи дочери могъ отвѣчать на подаваемыя ему утѣшенія вѣры. Но призванные въ это время духовные сановники, архіереи Псковской и Тверской и архимандритъ Чудова монастыря, почли приличнымъ обратить мысли Монарха въ его послѣдніе часы на путь оправданія Христіанина предъ Богомъ, внушая Государю, что «пришло уже время, когда подобаетъ ему едино сіе разсуждать къ пользѣ своей.» Одинъ изъ нихъ напомнилъ ему собственную его бесѣду за нѣсколько дней до того о страданіи, претерпѣнномъ Іисусомъ на поприщѣ спасенія человѣчества, указывая ему на блаженства, обѣщанныя отъ Христа жаждущимъ правды. Тогда Государь, послѣ напраснаго усилія встать, былъ приподнятъ, сколько могъ, возвелъ глаза и воздѣлъ руки къ небу и прерывающимся голосомъ нѣсколько разъ сказалъ: «одно это мою жажду утоляетъ, одно это услаждаетъ мое страданіе.» На увѣщанія къ утвержденію въ надеждѣ на жизнь вѣчную отвѣчалъ: «вѣрую и уповаю.» Когда же святитель, возбуждая его къ молитвѣ, сказалъ слова, обыкновенно произносимыя приступающими къ святому причастію: «вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко ты еси во истину Христосъ, сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихъ же

первый азъ есмь,» тогда Монархъ съ умиленнымъ благоговѣніемъ промолвилъ: «вѣрую, Господи, и исповѣдую; вѣрую, Господи; помози моему невѣрію.» На дальнѣйшія утѣшенія онъ отвѣчалъ только слабымъ наклоненіемъ головы или приложеніемъ руки къ груди.

Послѣ этого окружающимъ показалось, что Государь уже кончается, и всѣ бывшіе во дворцѣ, съ отчаяннымъ рыданіемъ, наполнили его комнату, спѣша съ нимъ проститься.

Когда они, цѣлуя его руку, обливали ее слезами, онъ, взглянувъ на нихъ съ чувствомъ и собравъ остатки силъ, прошепталъ: «послѣ.» Не знали, что̀ онъ этимъ хотѣлъ выразить. Полагая однако, что онъ желалъ удалить плачущихъ, пришедшіе оставили его комнату.

Это было послѣднее слово Петра. Послѣ этого слышали только его стонъ, пронзающій сердце. Въ такомъ положеніи онъ томился пятнадцать часовъ, безпрестанно передвигая правую руку: лѣвая, отнявшись, не дѣйствовала. Однако чувство и память сохранились въ немъ до послѣдней его минуты. Когда увѣщатель напоминалъ ему о вѣчномъ блаженствѣ въ грядущей жизни, онъ порывался встать, приподнять руку и изо-

бразить крестное знаменіе. Тогда въ него вливалась какая-то сила, съ которой онъ торжествовалъ надъ тѣлесными муками, и его лице просіявало небесною радостью, несомнѣннымъ предвѣстіемъ вѣчнаго блаженства въ будущей жизни.

Императрица не думала ни о чемъ, кромѣ умирающаго супруга. Она третьи сутки не отходила отъ его постели.

Она то рыдала, то съ мутными и мрачными взорами стонала безъ слезъ, или болѣзненно вздыхала; иногда изливала словами свое терзаніе и вдругъ падала безъ чувствъ. Дочерей своихъ, кромѣ того случая, когда Государь самъ позвалъ старшую, онъ удалялъ отъ своей комнаты, боясь испугать ихъ своими муками.

Вельможи, видя Россію безъ наслѣдника, когда на спасеніе Петра не осталось ни какой надежды, стали думать о томъ, кому достанется престолъ по его смерти. Хотя Императоръ, манифестомъ 1722 года, отмѣнилъ древній порядокъ престолонаслѣдія, основанный на правѣ первородства въ прямой нисходящей линіи по мужескому колѣну; но, какъ онъ не возпользовался предоставленной ему властью назначить себѣ преемника по своей волѣ, — многіе вельможи, Голицыны,

Долгорукіе, Трубецкіе, Апраксины, Головкины, Нарышкины, Салтыковы, разсуждали, что по справедливости надлежитъ обратиться къ древнему закону и вручить скипетръ внуку Петра Великаго, десятилѣтнему Царевичу Петру Алексѣевичу, какъ единственной отрасли дома Романовыхъ въ мужескомъ колѣнѣ. Конечно, было не безъ страстей: съ убѣжденіемъ въ правахъ Царевича нѣкоторые соединяли надежду возстановить старую народность, иные — мысль господствовать во время малолѣтства Императора. Съ другой стороны: супруга Государя была имъ коронована не за долго передъ тѣмъ,—случай, дотолѣ небывалый въ Россіи и который, казалось, становилъ ее выше всего царскаго семейства въ правахъ державныхъ. Нѣкоторые думали, что коронація супруги даетъ ей право наслѣдовать престолъ мужа. Любезная въ обхожденіи Екатерина, нѣкогда безвѣстная Курляндская дворянка, имѣла многихъ доброжелателей. На ея сторонѣ были всѣ иностранные генералы и офицеры, находившіеся въ Русской службѣ; ее любила гвардія и флотъ, часто видавъ ее въ своемъ кругу, въ походахъ вмѣстѣ съ Императоромъ. Первая партія согласилась провозгласить Императоромъ Царевича, а Екатерину съ ея дочерьми заключить въ монастырь. О замыслахъ этой партіи узналъ чрезъ Ягужинскаго, Голштинскій министръ, графъ Бассевичъ. Восшествіе на престолъ отрока, подъ опекой старинныхъ Русскихъ родовъ, которыхъ не могло интересовать дѣло иностраннаго Герцога такъ, какъ оно было близко сердцу его нареченной тещи, грозило Голштинскому Герцогу потерею сильнаго покровителя на Россійскомъ престолѣ въ спорѣ Герцога съ Даніею. Паденіе Екатерины увлекло бы за собою и Меньшикова, котораго она одна спасала отъ гнѣва законовъ передъ своимъ супругомъ. Когда Петръ лежалъ уже на смертномъ одрѣ, она выпросила у него Меньшикову забвеніе неудовольствія, которое Государь еще питалъ на этого ненасытнаго баловня судьбы (*). Бассевичъ и Меньшиковъ должны были желать возведенія на престолъ Екатерины. Они подобрали себѣ партію. Синодъ склонился на сторону Императрицы, слѣдуя внушеніямъ архіепископа Ѳеофана Прокоповича.

(*) Halem.

Меньшиковъ готовъ былъ прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ, съ свойственною ему смѣлостью и быстротою.

Бассевичъ поспѣшилъ ночью во дворецъ къ Екатеринѣ и началъ стараться оторвать ея мысли отъ мучительнаго настоящаго и обратить ихъ на будущее. «Я ни о чемъ не способна думать,» отвѣчала Екатерина: «поговорите съ Меньшиковымъ. Я полагаюсь на его умъ и доброту, и согласна на всѣ мѣры, какія онъ приметъ.»

Бассевичъ ушелъ. Когда, по вторичномъ пріобщеніи Государя Святыхъ Таинъ, — по согласію, изъявленному имъ легкимъ поднятіемъ руки, — Императрица впивала въ себя послѣдній слабый свѣтъ его очей, Бассевичъ воротился, прося ее выйдти въ сосѣднюю комнату. «Оставьте меня!» сказала всхлипывая Екатерина. — Не оставлю, отвѣчалъ Бассевичъ: здѣсь ваше присутствіе безполезно, а тамъ безъ васъ ничего нельзя сдѣлать. Вашъ герой не для того надѣлъ на васъ корону, чтобъ вы таяли въ слезахъ, а для того, чтобъ властвовали. Если даже душа и не оставитъ теперь его тѣла, такъ онъ будетъ радъ, увидѣвъ, что Екатерина и безъ его опоры является достойною его. — »Увидитъ, увидите вы и весь свѣтъ увидитъ,» быстро оправившись и въ благородномъ волненіи сказала Екатерина, и пошла съ Бассевичемъ въ ту комнату, гдѣ открыто были собраны сановники и военные офицеры для разсужденія о утвержденіи наслѣдника престола. Она вошла съ величественнымъ видомъ, внушающимъ подобострастіе, и вселила въ присутствующихъ участіе къ себѣ слезами, которыя она отирала; — сказала немного словъ о правахъ, данныхъ ей помазаніемъ, и о несчастіи, которымъ грозитъ Монархіи правленіе дитяти; — но увѣрила при этомъ, что она не думаетъ отнимать у великаго князя корону. «Я сохраню ему ее, какъ священный залогъ, до той минуты, въ которую Небу угодно будетъ соединить меня съ тѣмъ, кого, Боже!, скоро уже у насъ не станетъ (*).»

Тронувъ слушателей, Екатерина удалилась. Архіепископъ Ѳеофанъ увѣрилъ собраніе, что Петръ короновалъ супругу именно съ намѣреніемъ оставить ей престолъ. Возбуждаемые

(*) Halem.

также обѣщаніями и богатыми подарками, присутствующіе стали разсуждать. Но прежде, чѣмъ они на что-нибудь рѣшились, — когда надъ Государемъ, лишавшимся движенія и уже начавшимъ холодѣть, архіерей читалъ молитвы на исходъ души, — вокругъ дворца, въ мрачной полутишинѣ ночи, раздался протяжный кликъ гвардіи: «Да здравствуетъ Екатерина.» Собраніе признало ее Императрицею.

Глухіе стоны Петра замолкли и дыханіе пресѣклось. Екатерина, на рукахъ которой онъ скончался, пронзительно застонавъ изъ глубины души, пала безъ чувствъ на руки окружавшихъ.

Все взвыло и зарыдало по дворцу, его площади, и по всему городу, отъ слабой женщины до закаленнаго въ бояхъ солдата. Января 28, въ началѣ шестаго часа утра, драгоцѣнная жизнь улетѣла навсегда. И что же? Получи Бургавъ приглашеніе Блюментроста нѣсколькими днями ранѣе, она была бы, можно быть, спасена. Бургавъ уже написалъ-было рецептъ вѣрнѣйшаго лекарства въ болѣзни Петра. Но приглашеніе дошло до Бургава такъ медленно, что на другой же день пришло къ нему уже извѣстіе о кончинѣ Императора. «Боже мой!» воскликнулъ Бургавъ, получивъ печальную вѣсть: «возможно ли, что этого великаго мужа допустили умереть, когда можно бы

было вылѣчить его лѣкарствомъ, стоющимъ не болѣе пяти копѣекъ (*)!»

Тотчасъ по кончинѣ Петра заготовленъ отъ имени сената, синода и всего генералитета слѣдующій манифестъ, разосланный въ ту же минуту во всѣ концы Имперіи: «Вѣдомо да будетъ всѣмъ, что по волѣ всемогущаго Господа Бога, Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій ПЕТРЪ Великій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Отецъ отечества, Государь Всемилостивѣйшій, чрезъ двѣнадцати-дневную жестокую болѣзнь отъ сего временнаго въ вѣчное блаженство отыде, а о наслѣдіи престола Россійскаго нетокмо единымъ Его Императорскаго Величества и вѣчнодостойной Памяти манифестомъ февраля 5 дня прошлаго 1722 года въ народѣ объявлено, но и присягою подтвердили всѣ чины государства Россійскаго, дабы быть наслѣдникомъ тому, кто по волѣ Императорской будетъ избранъ. А понеже въ 1724 году удостоилъ короною и помазаніемъ любезнѣйшую свою супругу, Великую Государыню нашу Императрицу Екатерину Алексѣевну, за Ея къ Россійскому Государству мужественные труды, какъ о томъ довольно объявлено въ народѣ печатнымъ указомъ прошлаго 1723 году Ноября 15 числа, того для Правительствующій Сенатъ и Святѣйшій Правительствующій Сунодъ и Генералитетъ согласно приказали во всенародное извѣстіе объявить печатными листами, дабы всѣ какъ духовнаго, такъ воинскаго и гражданскаго всякаго чина и достоинства люди о томъ вѣдали, и Ей, всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, Самодержицѣ Всероссійской, вѣрно служили.»

При объявленіи въ стоящихъ въ Петербургѣ полкахъ содержанія манифеста, имъ, по указу Императрицы, выдано заслуженное жалованье. Вскорѣ разослана по Имперіи форма, по которой всякаго званія люди, кромѣ крестьянъ, должны были присягать Екатеринѣ.

Скорбь о потерѣ Петра разливалась по Россіи, по мѣрѣ распространенія извѣстія о его плачевной кончинѣ. Въ Москвѣ, чтеніе манифеста въ Успенскомъ соборѣ и панихида за упокой души Великаго, нѣсколько разъ были прерываемы воплями

(*) Штелинъ. Анекд. II. 82.

народа, который потомъ спокойно присягнулъ на вѣрность вдовствующей Императрицѣ. Соймоновъ, очевидецъ того впечатлѣнія, какое произвела на находившихся въ Дербендѣ Русскихъ вѣсть о смерти Петра, проливая слезы, описывалъ это впечатлѣніе такимъ образомъ. «Курьеръ, привезшій извѣстіе, не сообщилъ его никому, прежде главноначальствующаго въ Дербендѣ, генералъ-поручика Матюшкина. Какъ только Матюшкинъ выслушалъ донесеніе курьера, залился слезами, завылъ страшно и упалъ безъ чувствъ. Вмигъ печальная вѣсть разнеслась по городу; дворъ и домъ начальничій наполнился бывшими тамъ Русскими. Нельзя себѣ представить безъ ужаса тѣхъ рыданій, воя и вопля, какіе поднялись въ кругу Россіянъ, пораженныхъ кончиною Государя. Они метались на мѣстѣ болѣе сутокъ, забывъ сонъ и пищу. Ихъ отчаяніе показалось еще ужаснѣе въ церкви, при пѣніи панихиды и при возглашеніи Петру вѣчной памяти. Примѣчательнѣе всего то, что сами Персіяне, недавніе его подданные, увлеченные нелицемѣрнымъ сокрушеніемъ Русскихъ, плакали вмѣстѣ съ ними (*).»

Между тѣмъ, тѣло Императора было набальзамировано, а съ лица усопшаго снята гипсовая маска. Надо ее видѣть, чтобъ представить себѣ то выраженіе страданія и любви, какое оставилъ на лицѣ его безсмертный духъ, покидая бренное свое облаченіе и землю, гдѣ онъ столько творилъ и столько еще чувствовалъ себя въ силахъ сдѣлать для блага человѣчества. Неописанная боль въ недужной части разрушила крѣпкую жизнь всего состава. Бургавъ, судя по Блюментростову описанію его болѣзни и сложенія, увѣрялъ, что онъ прожилъ бы еще сорокъ лѣтъ, при обыкновенномъ своемъ образѣ жизни, еслибъ его лечили, какъ должно (**).

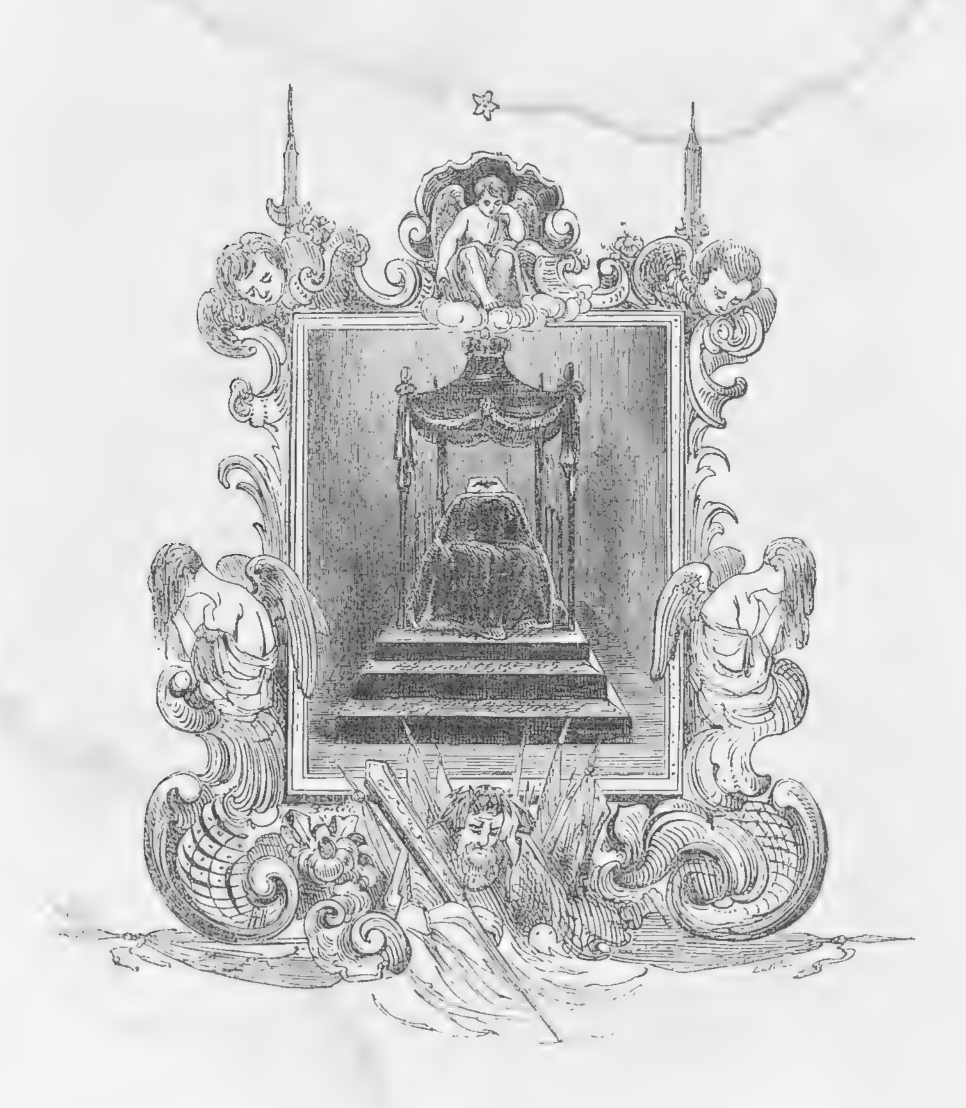
Сначала тѣло покойнаго было положено на возвышенномъ великолѣпномъ одрѣ, въ малой дворцовой залѣ, обтянутой золотыми ткаными обоями, на каторыхъ были изображены чудеса Христовы. Пока убирали большую траурную залу, для

(*) Голиковъ. Анекд. стр. 525.

(**) Штелинъ. Анекд. II. 83.

постановленія тѣла, народу было позволено приходить прощаться съ усопшимъ. Жители Петербурга, всякаго званія, возраста и пола, хлынули во дворецъ и, съ поклономъ до земли, орошая слезами холодную руку, которая освятила своимъ потомъ всѣ ремесла, съ трудомъ отрывали взоры отъ божественнаго страдальческаго лика. Многіе, въ сокрушеніи, били себя въ грудь и восклицали: «отецъ нашъ, оставилъ ты насъ!»

Къ 13 Февраля приготовили траурную залу.

Многія, соединенныя въ ней, украшенія были отчасти дѣломъ самого Петра, а наиболѣе пріобрѣтены имъ. Всю залу, и самый полъ, обили черным сукномъ, которымъ завѣсили и окна. Она освѣщалась только множествомъ зажженыхъ свѣчъ. По карнизу былъ протянутъ поясъ изъ серебряной объяри. Отъ концевъ и середины распростертаго по большой части потолка изображенія Андреевскаго креста, подъ бѣлымъ флеромъ, спускались пять паникадилъ. У одной стѣны возвышался обитый кармазиннымъ бархатомъ, съ золотымъ галуномъ, катафалкъ о шести ступеняхъ. Поставленный на немъ одръ, для помѣщенія гроба, былъ покрытъ золотымъ ковромъ. Надъ всѣмъ утвержденъ балдахинъ изъ кармазиннаго же бархата съ золотыми бахрамой и кистями. На четырехъ углахъ ступеней катафалка поставлены бронзовыя статуи, представляющія плачущую Россію, сѣтующую Европу, печальнаго Марса и прискорбнаго Геркулеса. Между ними и вокругъ — свѣчи на подсвѣчникахъ и бронзовыхъ пьедесталахъ. Далѣе, на девяти, блестящихъ золотомъ, табуретахъ лежали на парчевыхъ подушкахъ короны Имперіи и покоренныхъ царствъ, скиптръ, держава и ордена Андрея Первозваннаго, Датскій Бѣлаго Слона и Польскій Бѣлаго Орла. По угламъ залы стояли мраморныя, окруженныя геніями, пирамиды съ надписями на яшмовыхъ доскахъ въ бронзовыхъ рамахъ. На одной изъ пирамидъ возвышалась аллегорическая фигура вѣры, на другой — времени, иносказаніе успѣховъ гражданственности; на третьей — слава, стяжанная Петромъ на сушѣ; на послѣдней — морскіе трофеи. Надписи напоминали вкратцѣ заслуги Петровы въ попеченіи о церкви, — по случаю котораго онъ называется «ненавистникомъ» суевѣрія и лицемѣрія, — въ исправленіи гражданства, обученіи войска, строеніи флота. У противоположной стѣны отъ катафалка скелеты въ саванахъ, сдѣланные изъ бѣлаго мрамора, держали большую зеленую завѣсу, на которой золотыми буквами была набрана надпись, печальный возгласъ ко всей Россіи о потерѣ ея великаго отца и утѣшеніе, что онъ ей оставилъ наслѣдницу. Пропускаемъ другія украшенія по обоямъ и вдоль стѣнъ: вензловыя имена, гербы, щиты, мантіи, фестоны,

урны, иносказательныя изображенія, — чего невозможно удержать въ памяти. Вездѣ была печальная пышность.

Тѣло Императора было положено въ гробъ, обитый золотымъ глазетомъ съ серебряными позументами, въ аломъ кафтанѣ, шитомъ серебромъ, въ исподнемъ платьѣ того же цвѣта, въ бѣломъ парчевомъ камзолѣ, въ галстухѣ и манжетахъ изъ Брабантскихъ кружевъ, въ сапогахъ со шпорами, при шпагѣ и съ Андреевской звѣздой. Гробъ перенесенъ въ траурную залу знатнѣйшими особами, въ сопровожденіи Императрицы, двора и духовенства, съ обыкновеннымъ пѣніемъ, заглушаемымъ слезными воплями, и поставленъ на одръ катафалка. По отпѣніи панихиды посреди рыданій, къ гробу назначено для дневанья по двѣнадцати сенаторовъ и генераловъ. На ступеняхъ поставлено четыре офицера; внизу — двѣнадцать трабантовъ въ черныхъ епанчахъ и въ шляпахъ съ распущеннымъ флеромъ; у дверей — стража изъ гвардейскихъ гренадеровъ. Священникъ, въ полномъ облаченіи, читалъ на налоѣ Евангеліе.

Всѣмъ предоставленъ свободный входъ въ залу, и всѣ ежедневно пользовались этимъ дозволеніемъ, чтобъ еще разъ взглянуть на ликъ обожаемаго Монарха, передъ разлукой съ нимъ на вѣки.

Въ Петербургъ начали съѣзжаться депутаты изъ всѣхъ концевъ Имперіи къ погребенію покойнаго Императора и даже многіе частные люди для того, чтобъ отдать ему, нельзя сказать, послѣдній долгъ, а развѣ часть великаго долга. Между тѣмъ, всѣ одѣлись въ глубокій трауръ, который и продолжался цѣлый годъ.

Мѣстомъ вѣчнаго покоя земнымъ останкамъ Петра Великаго назначенъ Петропавловскій соборъ въ крѣпости. Онъ тогда еще строился, и потому внутри его сооружена деревянная церковь, которая обита чернымъ сукномъ.

Для погребальнаго шествія, черезъ Неву, отъ почтоваго дома, гдѣ была главная пристань, былъ устроенъ широкій помостъ съ перилами, устланный чернымъ сукномъ. Для удобнѣйшаго выноса Императорскаго гроба, по тѣснотѣ дверей, было придѣлано къ среднему окну, обращенному къ рѣкѣ, широкое крыльце,

съ просторными лѣстницами на обѣ стороны. Эта, красиво сдѣланная, пристройка также была обита черным сукномъ. Вся дорога отъ дворца до церкви была усыпана рѣчнымъ пескомъ и ельникомъ.

За шесть дней до выноса въ траурной залѣ прибавился новый гробъ. Императрица понесла новую потерю, тоже чувствительную. Она лишилась шестилѣтней дочери, Царевны Наталіи, которая утѣшала родителей своимъ раннимъ смысломъ. Малютка часто удивляла собесѣдниковъ важными рѣчами и нерѣдко подавала отцу и матери разумные совѣты въ домашнихъ дѣлахъ.

День погребенія былъ объявленъ народу за двое сутокъ до церемоніи нарочными вѣстниками, которые объѣздили весь городъ съ звукомъ трубъ и литавръ. Десятаго Марта, съ разсвѣтомъ, черные флаги развѣвались на крѣпости и адмиралтействѣ; часть войскъ, назначенныхъ для печальной церемоніи, была уже вытянута по обѣимъ сторонамъ мостковъ и стояла съ бѣлыми восковыми факелами въ рукахъ. При первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, раздавшемся въ восемь часовъ, на Неву выведено еще десять тысячъ человѣкъ. Народъ безчисленными толпами высыпалъ на Неву и въ окрестныя мѣста. Зрители набились въ окнахъ, на крыльцахъ, самыя кровли были ими унизаны. Собравшіеся для участія въ церемоніи были распредѣлены по дворамъ домовъ, стоящихъ на пути процессіи, чтобъ каждый могъ вступить въ нее безъ замѣшательства. Важнѣйшіе люди расположились въ самыхъ палатахъ, ждать своей очереди. По второму выстрѣлу, послѣдовавшему въ первомъ часу, назначенные къ процессіи устроились и стали по своимъ мѣстамъ. Раздавшійся въ два часа, съ третьимъ выстрѣломъ, звонъ со всѣхъ церквей возвѣстилъ поднятіе гроба съ катафалка. Часы на Петропавловской колокольнѣ заиграли печальные стихи. Гробъ съ церемоніей вынесенъ и поставленъ на великолѣпныя сани, обтянутыя чернымъ бархатомъ и обложенныя золотыми галунами, заложенныя восемью лошадьми въ черныхъ бархатныхъ попонахъ съ вышитыми золотомъ государственными гербами. Тогда началось шествіе.

Разнообразную процессію открывали гвардейскіе унтеръ-офицеры съ алебардами. За маршаломъ, передъ которымъ ѣхалъ верхомъ гофъ-фурьеръ, шли литаврщики, трубачи, пажи, придворные кавалеры. Вся вторая и послѣдующія толпы были въ епанчахъ съ долгими флерами. Послѣ верховаго гофъ-фурьера вереницы иностранныхъ купцевъ и депутатовъ отъ завоеванныхъ областей, за своими маршалами. Верховой гофъ-фурьеръ замыкалъ этотъ разрядъ. За маршаломъ несено красное военное знамя; слѣдомъ за нимъ ведена любимая Государева лошадь, на которой онъ бывалъ въ сраженіяхъ, богато убранная и украшенная бѣлыми и красными перьями. Знамена съ областными гербами, изображенными на черной тафтѣ. За каждымъ знаменемъ, изъ этихъ и изъ послѣдующихъ, лошадь въ попонѣ. Желтый адмиралтейскій штандартъ, который былъ распускаемъ на ботикѣ, во время его торжественнаго выхода. Знамя съ гербомъ Имперіи. Бѣлое знамя съ девизомъ Императора: — вышитъ золотомъ ваятель, обдѣлывающій статую Россіи. Лошадь къ тому знамени, махающая пуками разноцвѣтныхъ перьевъ, покрытая попоной зеленаго бархата, шитой золотомъ. Латникъ, горящій золотомъ вмѣстѣ съ конемъ; на шлемѣ

красныя и бѣлыя перья. Пѣшій латникъ въ черномъ, съ мечемъ въ рукѣ, опущеннымъ остреемъ внизъ. Знамя печали. За маршаломъ семь гербовъ главнѣйшихъ областей; потомъ большой государственный и вокругъ него гербы мелкихъ областей. Духовенство съ крестомъ, отъ пѣвчаго до архіереевъ. За маршалами корона Царевны Наталіи передъ ея гробомъ, который несли подъ балдахиномъ. За герольдмейстерами несли государственные мечи, обращенныя внизъ остреемъ, ордена Покойнаго, короны царствъ, державу, скипетръ, корону Имперіи. Тутъ, за маршалами, сани съ гробомъ Императора подъ балдахиномъ, изъ золотой и серебряной матеріи, на осьми высокихъ серебряныхъ столбикахъ, который, между прочими, поддерживалъ корабельный мастеръ Най. Вокругъ толпа державшихся за кисти драбантовъ, ихъ начальниковъ и ряды гвардейскихъ бомбардировъ съ бѣлыми восковыми свѣчами. Полковыя знамена и партазаны приклонялись къ землѣ по приближеніи Императорскаго гроба; тутъ же раздавалась замолкавшая похоронная музыка и дробь барабановъ. За шедшими позади гроба маршалами слѣдовала Императрица, съ лицемъ, закрытымъ черною мантіей, поддерживаемая Меньшиковымъ и Апраксинымъ; ея шлейфъ несли каммергеры, — сопровождали ее придворныя особы, — драбанты шли по сторонамъ. Далѣе шли подобнымъ же порядкомъ, но съ постепенно уменьшающейся свитой, по-одиначкѣ, Цесаревны Анна и Елисавета Петровны, двоюродныя ихъ сестры, Герцогиня Мекленбургская Екатерина и Царевна Прасковья Іоанновны; позади дѣвицъ Марьи и Анны Нарышкиныхъ, не сопровождаемыхъ чинами для несенія шлейфа, шелъ Голштинскій Герцогъ съ своимъ придворнымъ штатомъ; наконецъ, Великій Князь Петръ Алексѣевичъ со свитою. Послѣ шли придворныя и всѣ знатнѣйшія дамы и дѣвицы, — чиновники, дворянство, купцы Шествіе замыкали, за верховымъ придворнымъ курьеромъ, унтеръ-офицеры гвардіи. Всѣ, не имѣвшіе занятія, шли съ зажженными свѣчами, также какъ и народъ, присоединившійся къ концу процессіи.

Пушечные выстрѣлы, черезъ каждую минуту, по-одиначкѣ потрясавшіе воздухъ, поселяли въ толпахъ какой-то печаль-

ный ужасъ; протяжная похоронная музыка наводила уныніе; гробовое великолѣпіе длинной процессіи увеличивало мрачное впечатлѣніе. Много было пролито слезъ (*).

По внесеніи гроба въ церковь, размѣщеніи, кого должно и можно было, въ тѣсной деревянной и въ неотдѣланной каменной церкви, начата служба. Въ продолженіе ея съ крѣпостныхъ стѣнъ, на которыхъ выстроились всѣ полки, три раза раздавался бѣглый ружейный огонь; по окончаніи же дано три страшныхъ залпа изъ всѣхъ орудій крѣпости и адмиралтейства. Послѣ обыкновенной литургіи знаменитый духовный витія Өеофанъ Прокоповичъ говорилъ сильное надгробное слово, въ которомъ сравнивалъ Петра, между прочимъ, съ Моисеемъ, восклицая: «не суть ли законы его яко крѣпкая забрала правды и яко нерѣшимыя оковы злодѣянія?....»

Великій человѣкъ! Твои современные подданные противъ воли отдавали справедливость непреклоннымъ приговорамъ твоей глубокой державной мудрости, потому, что ты насильно дѣлалъ имъ, и ихъ заставлялъ дѣлать, непривычное имъ, добро, которое ты постигалъ божественнымъ прозрѣніемъ, бросавшимъ передъ тобою свѣтъ на нѣсколько вѣковъ далѣе твоего времени, сумрачнаго времени Россіи. Но твое, безпримѣрное тогда и послѣ, самоотреченіе въ тяжкомъ трудѣ общаго блага, твоя нѣжная отеческая, братская простота въ обхожденіи съ подданными, передъ доблестью которыхъ ты самъ благоговѣлъ, сладкой силой покоряли тебѣ всѣ сердца: самые злобные изъ твоихъ враговъ несли тебѣ на плаху свою заблудшую голову, которая не могла выдержать кроткихъ увѣщаній плѣненной тобою души, чтобъ спасти тебя отъ изувѣрства своихъ собратій. Кто могъ равнодушно смотрѣть на мозоли твоихъ рукъ, которыя облагородили трудъ самаго незамѣтнаго члена общества?

Самыя искреннія рыданія залили всю церковь при чтеніи слова и при послѣднемъ цѣлованіи, и непрерывнымъ воплемъ

(*) Өеофанъ Прокоповичъ, Краткая повѣсть о смерти Петра.

разлились по всей крѣпостной площади и по стѣнамъ. Тутъ вы расплатились, Россіяне, съ своимъ божествомъ за его къ вамъ любовь!....

Но нѣтъ: Россія омочится слезами, гдѣ ты пролилъ для нея столько поту, Великій человѣкъ, гдѣ ты кончилъ жизнь въ неописанныхъ страданіяхъ мученика, и теперь сжимающихъ сердце; престарѣлые, призрѣнные въ монастыряхъ, воины, не успѣвшіе пролить за тебя всю свою кровь, съ которыми ты ѣдалъ въ походахъ одинъ и тотъ же черствый хлѣбъ, ставили твой образъ между образами святыхъ, теплили передъ нимъ свѣчу и тайно молились тебѣ почью, какъ угоднику Божію (*). Весь міръ гремитъ тебѣ донынѣ хвалебную пѣснь.

(*) Штелинъ, Анекд. 120.

Было время, что витіи Запада, грызя сами себя, хулили Европейскую образованность, которую ты намъ далъ, и мы, близорукіе, стали было хладѣть къ твоей безсмертной памяти. Но, — вотъ урокъ: самъ великій Фридрихъ, кичливый въ своей неопытной юности, возмужавъ, смирился передъ твоимъ геніемъ и сказалъ: «Петръ Первый, подобно Юпитеру у Гомера, тремя шагами достигъ конца вселенной (*).»

Тѣло Петра, бывъ охраняемо почетной стражей, черезъ шесть лѣтъ опустилось въ свой каменный склепъ, на неподвижный покой. Но, какъ мѣдная рука конной статуи Петра простерта надъ берегами созданной имъ столицы, такъ его животворный духъ второе столѣтіе осѣняетъ обширную Рускую державу.

(*) 1 томъ Трудовъ Фридриха.

